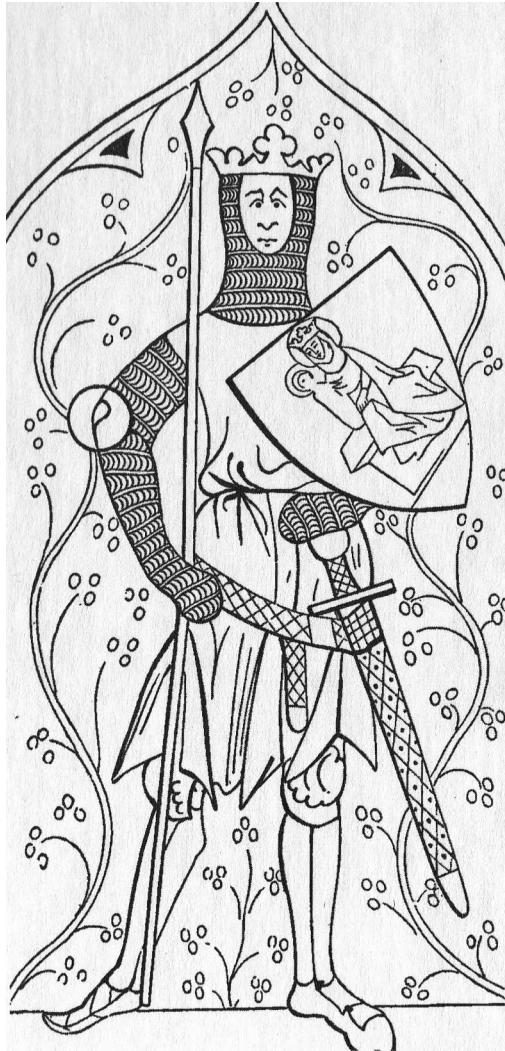

Морис Кип
РЫЦАРСТВО

Maurice Keen
CHIVALRY

НАУЧНЫЙ МИР

Морис Кин

РЫЦАРСТВО

Перевод с английского И.А. Тогоевой

МОСКВА
Научный мир
2000

ББК 63.3(0)4

К41

Издание выпущено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

[his edition is published with the support of the Open Society Institute within the framework of «Pushkin Library» megaproject

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:

В.С. Автономова, Т.Л. Алексеева, М.Л. Андреев, В.И. Бахмин, М.А. Веденяпина, Е.Ю. Гениева, Ю.А. Кимелев, А.Я. Ливергант, Б.Г. Капустин, Ф. Пиптер, А.В. Поletaев, И.М. Савельева, Л.П. Репина, А.М. Руткевич, А.Ф. Филиппов

«University Library» Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev, Vyacheslav Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekalerina Genieva, Yuri Kimelev, Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances Pinter, Andrei Poletayev, Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

Морис Кин

К41 РЫЦАРСТВО. - М.: Научный мир, 2000. - 520 с.

ISBN 5-89176-103-3

Перевод с английского И.А. Тогоевой

По проекту «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА " "

ISBN 0-300-03150-5

© By the Yale University, 1984

© Тогоева И.А., перевод на русский язык, 2000

ISBN 5-89176-103-3

© Научный мир, 2000

На суперобложке -- Турнир (средневековая миниатюра)

Слова благодарности

Ребенком я всегда восхищался историями, которые мне рассказывали про «рыцарей в сверкающих доспехах». Когда я стал старше, мне очень повезло с учителями: двое из них превратили мое детское восхищение рыцарями и серьезный

я учился в Винчестере, и сэр Ричард Соутерн, который стал моим наставником в Баллиоле, когда я был уже студентом последнего курса. У меня Просто не хватает слов, чтобы выразить, сколь сильно я обязан и благодарен каждому из них. А сэру Ричарду я чрезвычайно благодарен еще и за то, что он не только прочитал рукопись данной книги, но и высказал множество чрезвычайно уместных советов и критических замечаний, как всегда попадая и самую точку.

Моя особая благодарность - «Тресту Левергульма» (Leverhulme Trust).

В 1978 г. этот трест выделил мне весьма щедрый грант, благодаря которому я смог провести за границей значительную часть 1978-1979 учебного года, когда колледж, где я работаю, любезно представил мне академический отпуск. Без этой поддержки попросту невозможно было бы осуществить значительную часть исследований, на которых основана данная книга.

именно сейчас упомянуть о том, о чем обычно говорится в самом конце: все ошибки, опечатки и непонятные места - на моей совести. Возможно, лучше сразу привести пример. Незадолго до того, как уже отослать рукопись в издательство, я обнаружил, что постоянно упоминаю рыцарский орден «La Dame Verte a l'Escu Vert» по крайней мере в том виде, в каком я его представил, следовало бы, по всей вероятности, посвятить какой-нибудь прелестной дикарке, жительнице джунглей или фее с зелеными волосами из водорослей. Разумеется, это должен был бы быть орден «La Dame Blanche a l'Escu Vert» («Белой Дамы На Зеленом Поле»)! Затем, на еще более позднем этапе работы над книгой, я обнаружил, что, пересказывая одну весьма занятную историю, из-за ошибки в переводе взял да и превратил отшельницу в отшельника. А ведь подобные ошибки порой не в состоянии отследить даже самые доброжелательные и самые внимательные из советчиков! Ну что ж, я и теперь жду, когда еще какое-то количество таких ошибок «выползет из-под обшивки»; в любом случае это исключительно моя вина, что они до сих пор там скрываются.

И все же я от всей души хочу поблагодарить всех тех, кто мне помогал в работе над этой книгой. Трое моих коллег, университетских преподавателей, чрезвычайно щедро делились со мной своими мыслями: это д-р Дж.Д'Арси Боултон, известной работе которого по «куриальным» орденам я столь многим обязан; профессор Джон Ларнер, который позволил мне внимательнейшим образом ознакомиться с рукописью своей работы по итальянскому рыцарству времен Данте; и д-р Линда Патерсон, которая прочитала в Оксфордском Обществе Медиевистов настолько яркую и впечатляющую лекцию о поэзии провансальских трубадуров, что я впервые по-настоящему осознал, сколь велико было их значение для развития средневековой культуры (а ведь это могло бы остаться для меня поистине «закрытой книгой» в связи с моей неспособностью к языкам). Я должен также выразить свою горячую благодарность г-ну Карлу Лейзеру, г-ну Филиппу Коптамину, г-ну Патрику Уормолду, г-ну Рэндаллу Роджерсу, г-ну Майклу Маклэгану, д-ру Мартину Бретту, а также Малколму и Джульет Вейл за их советы и разъяснения. Я также не могу не упомянуть о той помощи, которая мне была оказана по разным вопросам г-ном Саймоном Ллойдом, д-ром Кристофером Тайерманом и г-ном Т.Д.Мэтью. Я чрезвычайно благодарен миссис Джульет Баркер за проверку огромного количества примечаний к книге и за то, что она буквально спасла меня от множества ошибок, миссис Мэри Багг, которая перепечатывала рукопись книги, а также Джону Николлу и Кэролайн Уильямсон из издательства Йельского Университета, которые всегда готовы были помочь мне в работе, проявляя при этом просто невероятное терпение. Спасибо также всем сотрудникам библиотек, которые я за это время посетил. И разумеется, я от всего сердца признателен Элизабет Иглстон и Дамиану Дьюхерсту за помощь в работе над корректурой, а также моей жене Мэри, не только читавшей гранки, но и помогавшей мне буквально на каждом этапе создания этой книги.

Есть и еще один повод для произнесения благодарственных слов. Несколько глав моей книги обрели жизнь в Ирландии - в виде публикаций различных колледжей Университета, а одна глава была опубликована дублинским «Тринити Колледж». Ирландская аудитория терпелива, любезна и щедра на критику, и я глубоко благодарен ее лучшим представителям - профессору Ф.К.Мартину и профессору Джону Барри, а также сотрудникам их кафедр в Дублине и Корке и д-ру Йену Робинсону из «Тринити Колледж». Но более всего я признателен покойному г-ну Денису Бетелу, преподавателю средневековой истории в университетском колледже Дублина, ибо его гостеприимству, а также различным его советам и предложениям я обязан столь многим, что просто не могу выразить это словами.

Глава I

ВВЕДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ РЫЦАРСТВА

«М и н о в а л век рыцарства, сменившись веком софистов, экономистов и счетоводов». Сей возмущенный вопль Эдмунд Берк исторг в связи с трагической судьбой Марии Антуанетты и, пожалуй, в определенном смысле был прав, увязывая гибель рыцарства с концом французского Старого режима (ancien regime). Но, по-моему, большая часть людей скорее сочла бы, что век рыцарства закончился задолго до 1791 года и искать истинное рыцарство следует в средневековье, а не в начале Нового времени. Этот «век» можно было бы поместить, скажем, где-то между 1100 годом и началом XVI века - то есть между началом первого крестового похода и Реформацией; между созданием «Песни о Роланде» и смертью Баярда^{1*}; между победой норманнских рыцарей при Гастингсе^{2*}, запечатленной на гобеленах Байо, и триумфом артиллерии. Но действительно ли существовал - даже в те времена - век рыцарства? Воспринималось ли понятие рыцарства вообще когда-либо как нечто большее, чем учтивые, вежливые манеры и внешний лоск, то есть было ли оно понятием чисто формальным, не имевшим сколько-нибудь существенного общественного значения, не говоря уж о том, чтобы составлять «славу Европы»? И если рыцарство все-таки было некогда не просто формальным понятием, то в чем конкретно проявлялась его сущность? Таковы проблемы, исследование которых и составляет содержание данной книги, хотя ответы на все эти вопросы найти нелегко.

1* Здесь и далее примечания переводчика обозначены цифрой и знаком

«Рыцарство» - уже одно это слово, хотя само понятие и весьма расплывчато, способно вызвать восхищение, пробудить в памяти различные образы прошлого: рыцаря в полном боевом облачении, а может, и с красным крестом на плаще, отправляющегося в Святую Землю; средневековые боевые операции в чужих странах; замки с высокими башнями и обитающими в этих башнях прекрасными дамами... Именно по этой причине практически невозможно точно расшифровать слово «рыцарство». То есть, можно, конечно, трактовать данное понятие в разумно узких пределах, ограниченных значением слова «рыцарь» или, по-французски, *chevalier* (шевалье): это слово обозначает мужчину, аристократа и чаще всего отпрыска знатного рода, способного в случае призыва на службу полностью экипировать себя, то есть обзавестись боевым конем и таким оружием и доспехами, какие следует иметь в тяжелой кавалерии, а также - прошедшего определенный обряд «посвящения», который и делает его собственно рыцарем. Однако же абстрактное понятие, выраженное английским словом «*chivalry*» («рыцарство»), производным от французского *chevalier* («рыцарь», а буквально «всадник»), так просто классифицировать невозможно. Этим понятием и его разнообразными оттенками средневековые писатели пользовались для обозначения самых различных вещей и явлений и в самых различных контекстах. Порой, особенно в ранних текстах, это слово означает всего лишь отряд тяжело вооруженных всадников, группу шевалье (*chevaliers*)². Иногда под рыцарством подразумевается некий орден - по аналогии с орденами религиозными - или же определенное сословие, общественный класс, то есть класс воинов, чьи боевые функции, по мнению средневековых писателей, заключались в защите Отечества (*patria*) и Церкви. Порой в это понятие включают заодно и всю систему ценностей, свойственных данному ордену или сословию. Рыцарство неразрывно связано как с миром войн и конных воинов, так и с понятием «аристократия», ибо рыцари обычно были людьми благородного происхождения. А с середины XII века понятие это часто приобретает еще и этический или религиозный оттенок. Однако по-прежнему не поддается точному определению. Слово же «рыцар--

ство» имеет значение, скорее, **общее**, нежели **точное**. Но если мы все же хотим как-то приблизиться к намеченной цели и выяснить, действительно ли рыцарство - в период с 1100 по 1500 годы - имело определенный и значительный вес в обществе, то для начала необходимо найти такие источники, которые дали бы достаточно разумное и пространное определение того, что может и должно означать это слово, поскольку сами мы явно не сумеем так просто ни классифицировать его, ни отыскать его значение в словаре.

Существуют различные виды источников, к которым мы можем обратиться в поисках подсказки. Среди наиболее очевидных - средневековые куртуазные (или рыцарские) романы, авторы которых с огромным воодушевлением разъясняют читателю, почему герои рассказанных ими историй являют собой образец истинного рыцарства. «Эта книга поведает вам о вещах прекрасных, которые следует запомнить во имя прославления благородства знати (*noblesse*) и рыцарства, а также в назидание всем представителям сильного пола и более всего тем, чье главное желание - достичь высшей славы с оружием в руках».³ Это слова из вступления к рукописному изданию романа «Ланселот»^{3*} 1488 года. Тексты подобных романов действительно очень помогают, по крайней мере в одном смысле: в определении весьма туманного этического значения понятия «рыцарство». Даже на самом раннем этапе мы обнаруживаем, что авторам рыцарских романов свойственно объединять определенные качества, которые они явно считают классическими добродетелями истинного рыцаря, в некий «стандартный набор»: храбрость (*prouesse*), верность (*loyaute*), великодушие (*largesse*), учтивость (*courtoisie*) и *franchise* (под этим словом подразумевается свободная, смелая и искренняя манера поведения, являющаяся безусловным свидетельством как благородного происхождения, так и добродетельности).⁴ Соединение всех этих качеств в истинном рыцаре можно обнаружить уже в романах Кретьена де Труа (написанных приблизительно в 1165-1185 гг.); со «времени Кретьена»^{4*} и до конца средневековья высокие качества эти, определяющие стереотип рыцаря, остаются неизменными.

Однако же для историка существует немалая трудность в использовании данного стереотипа для своих целей. Как применить некий идеал, почерпнутый в мире вымысла и фантазии, к реальной действительности, которой историк, собственно, и занимается? Страницы романа заставляют читателя погрузиться в царство, совершенно неведомое истории: здесь победы одерживаются одной рукой, здесь легко преодолеваются непреодолимые препятствия, здесь текут реки, которые можно перейти лишь по хрустальному мосту, а то и по лезвию меча; здесь в бескрайних лесах всадник запросто может наткнуться на отшельнический скит, в изображении которого явственно просматривается влияние «Мистерии Страстей Господних», часто представляемой во время торжественных богослужений, а то и встретить самого Зверя Рыщущего (то есть дьявола).⁵ Авторы рыцарских романов открыто признают, что их повествовательная манера «неистова». Тот ветер страстей, что веет над зачарованной страной их произведений, уносит прочь скуку сценических ограничений, свойственных спектаклям, которые ставит реальная жизнь. Идеальный рыцарь, соответствующий взглядам тех, кто, по сути своей, представляет литературу эскейпизма, - вряд ли многообещающий образец для ученого, занимающегося историей общества.

На самом же деле нам не раз придется обращаться к рыцарским романам, хотя их свидетельства и чересчур уязвимы для критики, ибо вне этой литературы рыцарство действительно представляется не более чем благородной оболочкой, чем-то внешним, состоящим лишь из красивой формы, пылких слов и пышных церемоний, благодаря чему человек знатного происхождения может немного смягчить свои кровавые действия, прикрывая их всякой мишурой и позолотой, позамаскированной в романах. Многие историки - и среди них великий Хейзинга, чья «Осень средневековья» описывает рыцарство в конце Средних веков, - стремились доказать, что это именно так и есть.⁶ Склонность куртуазной средневековой культуры к подражанию, приведшая в XV веке к театрализованным постановкам рыцарских турниров в костюмах артуровой эпохи и во-

спроизведению во время пиров сцен и церемоний, описанных в рыцарских романах, подкрепляет аргументы этих историков. Будь я согласен с подобной точкой зрения, никогда не стал бы даже браться за эту книгу; к тому же, подобную точку зрения не так-то легко опровергнуть; то есть, мы изначально не можем принять того идеального рыцаря - этакий образец высшей доблести - которого предлагает нам средневековая литература, как основу для определения главного понятия в исследовании, посвященном роли и общественной значимости рыцарства.

Следующий источник, необходимый нам для работы, несколько менее уязвим, чем романы, которым мы предъявили обвинение в том, что в основу их положен некий мир иллюзий, лишь поверхностно касающийся тех ситуаций, в которые люди могут попадать в реальной жизни. Отцы церкви в своих трактатах, посвященных управлению средневековым государством и разумному устройству христианского общества, а также в своих проповедях, безусловно имели что сказать и о том, как рыцарям надлежит вести себя в реальной жизни, и особенно о том, каковы функции рыцарства в христианском мире. В отношении последнего весьма важными представляются работы тех авторов, которые занимались тремя классами, или социальными группами, или сословиями христианского общества: духовенством, чьим уделом было удовлетворение духовных запросов общества с помощью молитв и богослужений; воинами, которые должны были служить обществу мечом, поддерживая справедливость, заботясь о слабых и защищая Церковь; и трудящимися, благодаря которым и процветала страна и которые кормили не только себя самих, но и представителей двух вышеназванных сословий.⁷ Идея трехсословной (трехчастной) организации общества сформировалась давно, задолго до того, как в обиходе появилось такое новое слово, как «рыцарство». Король Уэссекса Альфред Великий ясно выразил эту идею в своем переводе Бозция, сделанном еще в 90-е годы IX века, ну а истоки ее безусловно относятся к еще более раннему периоду.⁸ Таково одно из ограничений на пути нашего стремления как можно точнее определить понятие ры-

царства: идея существования отдельного воинского сословия с четко определенными функциями значительно превосходит само появление слова «рыцарство». Даже в XI веке такие писатели, как Адальберон, епископ Лаонский, словами, которые лучше было бы перевести «воины» или «бойцы», а не «рыцари» - то есть, соответственно, *bellatores* или *pugnatores*, в которых явно не хватает специфических, «рыцарских», оттенков.⁹ Другим и, возможно, более явным ограничением для использования в наших целях представлений о специфических функциях воина является тот факт, что идея трехсословной организации общества, уже став общим местом социологических комментариев на эту тему, никогда должным образом не соответствовала реалиям средневековой общественной жизни даже на заре средневековья. Такое восприятие данной идеи представляется значительно более полезным для современников ее автора, стремившихся обнаружить, оценить и (тут же) опровергнуть имевшие место недостатки своего общества, чем для теперешних историков, которые только и мечтают узнать, как все было на самом деле.

Тем не менее, это весьма важная идея, одна из тех, что оказали глубочайшее воздействие на процесс формирования самого понятия рыцарства, как мы еще это увидим впоследствии. Особенно явно влияние данной идеи прослеживается в «*Livre des manieres*» («Книге о манерах») Этьена де Фужера, епископа Лизье, который писал эту работу в 70-е годы XII века (причем на родном, французском, языке рыцарей, а не на латыни), сделав, как минимум, заявку на первое систематическое исследование рыцарства. Основой его исследования было трехсословное устройство общества, и сам он, что очень важно, воинское сословие называл просто *chevalerie* (рыцарство). Поскольку подобная идентификация казалась ему вполне самоочевидной, его восприятие рыцарства уводит нас далеко за пределы вопроса о функциях этого сословия, затрагивая круг проблем, связанных с социальным и ритуальным миром рыцарей, и делая, например, особый упор на связь положения рыцаря в обществе с его происхождением (он должен был

быть свободным человеком, рожденным от свободной матери - *de franche mere* не), и с той клятвой, которую он должен был дать, вступая в свой «орден» и получая «освященный» меч. Но то, что Этьен определяет рыцарство как «орден», позволяет нам мимоходом заметить то существенно более важное, что таится в глубинном значении этого понятия и дает возможность предположить нечто подобное культуре рыцаря (или кавалера - *cavalier*) и некую независимую культуру рыцарства; однако же это остается лишь нашим предположением, не более. Пространные критические пассажи Этьена по поводу недостатков, наличествующих у рыцарей, его современников, свидетельствуют об искренней озабоченности автора положением дел, проявившейся в том, что перечисляет он, скорее, не то, чем рыцарство обладает, а то, чего ему не хватает. И тут на пути к поискам определения понятия «рыцарство» появляется еще одно ограничение, связанное с сомнительной полезностью для наших целей точки зрения церковников на вопрос об этом сословии. Будучи добрым христианином и настоящим священнослужителем, Этьен де Фужер видит удел рыцарей в том, чтобы быть сильной «правой рукой» Церкви и непрерываемо утверждать, что именно духовенство - первое и высшее сословие общества.¹⁰ Сомнительно, чтобы многие рыцари усматривали свой долг в утверждении именно такого, да еще и недостаточно четко определенного положения дел.

Авторы-клирики, рассматривая данную проблему естественно в интересах церкви, демонстрировали весьма общую тенденцию описывать рыцарство в терминах основных религиозных ценностей, которых большая часть рыцарей не только до конца не понимала, но и чувствовала себя в полном праве вовсе не обращать на них внимания. Особенно ясно это заметно в трудах наиболее видных участников клунийского движения за реформу церкви XI-XII вв. Бонизо де Сутри, например, в своем труде «*Liber de Vita Christiana*» (1090) сообщает немало интересного о функциях воина в христианском обществе, однако его григорианские предубеждения весьма ощутимы, когда он замечает: «если бы правителей, сеньоров и рыцарей не нужно было призывать, дабы

преследовать раскольников, еретиков и отлученных от церкви... тогда и орден воинов несомненно показался бы излишним среди множества защитников христианства.»¹¹ Ибо Св. Бернар (Клервоский), противопоставляя в своем «*De laude novae militiae*» изнеженное и склонное к роскоши светское рыцарство тамплиерам, «которые не наряжаются в золото и серебро, но изнутри укрепляют душу свою верой, а тело защищают простой крестоносец, в душе которого горит верность поставленной цели и религиозное рвение, это тот, «кто предан всем сердцем своим». Даже среди крестоносцев всегда была лишь горстка тех, кого Св. Бернар считал истинными рыцарями. И тут становится ясно, что высокие церковные представления об истинном рыцарстве страдали определенной ограниченностью, в целом весьма сходной с той, что мешает нам использовать тексты средневековых романов для определения данного понятия; и представления эти тоже были чересчур идеалистичны. Если романы предлагают нам (вместо реальной действительности) отражение некоей сверхъестественно прекрасной жизни, то в описаниях церковников реальная жизнь выглядит просто гнусной, особенно в сравнении с немыслимым количеством освященных церковью установлений.

Что, разумеется, отнюдь не значит, будто отцы церкви не оказывали воздействия на формирование мнения о рыцарстве в смысле его предназначения и места в обществе: безусловно оказывали, и весьма значительное. Изучение работ церковных писателей, конечно же, расширяло представления о функциях рыцарства и заставляло как следует почувствовать, что рыцарство (*chevalerie*) без духовенства (*clergie*), а тем более без церковной премудрости, ничего не стоит и что оба они представляют собой столпы общества.¹³ Представления Иоанна Солсберийского о ры

длительного времени влияли на формирование общественного мнения о рыцарях, хотя и по большей части косвенно: ясный изысканный латинский язык его произведений не был так уж доступен людям светским, так что его идеи проникали в эти круги постепенно. Тем не менее, мы можем заметить отблеск этих идей, а также сходных с ними, в его «*Policraticus*», где воздается хвала дисциплине римлян и жесточайшей военной подготовке юношей, а также в более поздних «Книгах о рыцарстве», которые в итоге оказались переводом работы римского автора Вегеция («Краткое изложение военного дела», ок. 400 г. н.э.), посвященной военной тактике и подготовке.¹⁵ Дидактические труды на местных языках, подобные великому трактату Томаса Церклера о добродетелях активного образа жизни «*Der walsche Cast*» (1216), оказали на общество еще более непосредственное влияние. В частности, именно книга Церклера, идеи которой были заимствованы из университетских курсов, но щедро оснащенная при этом примерами рыцарской добродетели, почерпнутыми в романах, была весьма популярна среди рыцарей до самого конца средневековья.¹⁶ Без опоры на те знания, которыми обладали клирики, рыцарство вряд ли сумело бы обрести нечто большее, чем просто военный профессионализм, бережно передаваемый от отца к сыну и порой исполненный героизма, но в основе своей все же весьма грубый и примитивный.

Впрочем, попытка следовать предложенной выше направленности исследования неизменно увела бы нас - тем более на данном этапе - слишком далеко от нашей непосредственной цели: поисков хотя бы какой-то рабочей модели в определении понятия «рыцарство». А потому нам представляется куда более полезным третий тип источников информации, в котором чувствуется как воздействие рыцарских романов, так и точка зрения клириков, но который все же отличается и от тех, и от других. До наших дней дошло значительное количество тактатов, посвященных рыцарству и написанных в форме наставлений по рыцарскому искусству. Написаны они по большей части на местных языках, что давало возможность людям светским, к каковым относились и рыцари, читать их. Правда, лишь незначительное количество

этих трактатов (а может, и вообще ни одного) можно назвать совершенно свободными от излишнего количества розовой краски и чрезмерной напыщенности слога, зато очень многие из них написаны людьми, преследовавшими некие определенные цели. Некоторые из трактатов слишком романтичны; многие же представляют собой простое перечисление общих мест церковной риторики или же церковной морали в приложении к идеальному образу жизни рыцаря. Некоторые авторы, впрочем, действительно предприняли попытку написать трактат о рыцарстве как самостоятельном сословии и определенном образе жизни и предложить собственные рекомендации на сей счет. Итак, пока что сосредоточим свое внимание на трех работах, входящих в этот последний класс источников: это анонимная поэма «Ordene de chevalerie»; «Книга ордена рыцарей» («Book of the Ordre of Chyvalry», или «Libre del ordre de cavauleria») великого философа и теолога с острова Майорка Рамона (Раймунда) Луллия (Ramon Lull) и «Книга рыцарства» («Libre de chevalerie»), написанная французским рыцарем Жоффруа де Шарни (Geoffrey de Charny), жившим в XIV веке. Все три работы относятся к периоду, когда идеи великих реформаторов церкви григорианского периода были уже восприняты основным потоком средневековой культуры: и тем более удивительно, как мы это скоро увидим, что они, похоже, практически не были этими идеями затронуты.

Никому не известен ни автор «Ordene de chevalerie», ни время написания этой поэмы; ясно лишь, что написана она на языке Северной Франции, лангедойле, и, скорее всего, до 1250 г.¹⁷ Это произведение пользовалось огромной популярностью, и на него активно продолжали ссылаться даже в конце XV века. Поэму множество раз переписывали копиисты, и зачастую она предлагалась читателю вместе с другими произведениями, способными вызвать особый интерес у ры-

царей: например, вместе с небольшим трактатом, посвященным искусству охоты и порядку проведения рыцарских турниров; или же вместе с руководством для намеревающихся совершить паломничество в Святую Землю и отчетом Патриарха Иерусалимского о положении дел в заморских землях вообще; или же вместе с небольшой анонимной поэмой, в которой рыцарь сравнивается с самим Иисусом Христом, и заметками, посвященными соколиной охоте.¹⁸ Имелось и сокращенное прозаическое переложение поэмы «Ordene de chevalerie», ставшее не менее популярным. Основу сюжета поэмы составляет история о том, как Юг, граф Тивериадский, попал во время сражения с Саладином в плен, и Саладин из уважения к его мужеству и доблести согласился отпустить его, если он выполнит одну весьма специфическую и странную просьбу, а именно: продемонстрирует султану весь обряд посвящения в рыцари по христианским канонам. Альтернативой этому был громадный выкуп. Оказавшись перед подобным выбором, Юг согласился, хотя и неохотно, посвятить своего пленителя в рыцари по всем правилам, и особое внимание в поэме уделено именно этому обряду, причем автор поясняет не только каждый этап церемонии, но и основную ее символику.

Сперва Юг привел в порядок бороду и волосы Саладина, затем выкупал его, пояснив, что купанье - во-первых, символ особой учтивости и великодушия, а во-вторых, должно напоминать неофиту о том, как его крестили в детстве, и он должен выйти из бассейна таким же чистым и безгрешным, каким достают дитя из купели. Затем Юг уложил султана в прекрасную постель - символ заслуженного райского блаженства, к которому, собственно, и должен в итоге стремиться каждый рыцарь. Когда же Саладин поднялся с постели, он облачил его в белую рубаху, символ чистоты тела, а затем - в алый плащ, дабы султан помнил, что рыцарь всегда должен быть готов пролить свою кровь в защиту Святой Церкви. Затем он натянул ему на ноги коричневые чулки, которые должны были напоминать ему о земле, в которую ему в конце концов все равно придется лечь, а значит, нужно готовиться к смерти еще при жизни. Юг повязал Саладину белый кушак,

символ непорочности, означавший, что рыцарь всегда должен сдерживать свои плотские желания, и надел ему золотые шпоры - ведь рыцарь должен столь же быстро следовать велениям Господа, как следует велению своего хозяина пришпоренный им боевой конь. И наконец он опоясал его обоюдоострым мечом, острия которого должны были напоминать новоиспеченному рыцарю, что его вечные спутники - верность и справедливость, а его священный долг - защита бедных от угнетателей. Затем должно было бы последовать еще одно - *collee*, легкий удар рукой, который посвящающий наносит неофиту, но Юг, будучи пленником Саладина, делать этого не пожелал: не мог же он, в конце концов, ударить своего «господина»? Однако он перечислил те четыре завета, которым рыцарь обязан следовать всю жизнь: он не должен мириться с несправедным судом или хоть как-то быть связанным с предательством; должен проявлять почтительность по отношению ко всем женщинам и девицам и всегда быть готовым оказать им любую посильную помощь; должен, по возможности, каждый день ходить к мессе и каждую пятницу поститься, памятуя о Страстях Господних.¹⁹

«*Ordene de chevalerie*» - чрезвычайно интересная поэма. Тот факт, что Юг проводит по всем ступеням посвящения в рыцари именно Саладина, свидетельствует о том, как далеки взгляды автора данного произведения - хотя действие и происходит в Святой Земле - от военного рвения и религиозного пыла крестоносцев, которое Бернар Клервоский воспевал как идеал рыцарства. И хотя обряд это христианский и неофиты, избравшие путь рыцарства, изображены как идущие к своему спасению напрямик в райские кущи, описываемое в поэме посвящение в рыцари представляется ритуалом исключительно светским, совершенно не требующим участия священника и наличия церковного алтаря. Особый упор делается на то, что рыцарь должен блюсти строгую дисциплину в отношении своей плоти - возможно, это отголоски восхищенных отзывов Иоанна Солсберийского о суровом воспитании римских воинов - однако сам дух поэмы ближе к идеологии рыцарских романов: выделяются две основных рыцарских добро-

детели - верность и почтительное служение даме. Не мене важны также смелость и доблесть (чем Юг особенно приглянулся Саладину, так это своей доблестью; султан считает его истинным *preudhomme*, то есть героем). А кончается поэма реверансом такому человеческому качеству, как великодушие (*largesse*), ибо в конце Саладин освобождает Юга и отправляет его домой, дав ему из своей султанской казны столько денег, сколько тот должен был уплатить в качестве выкупа.

Первые два завета из тех четырех, что назвал султану Юг, - что рыцарь, во-первых, должен избегать несправедливого суда и предательства и, во-вторых, почтительно служить всем представительницам женского пола и оберегать их - напоминают две классические темы различных романтических историй, часто встречающиеся в литературе. Однако же описанный в поэме обряд посвящения принадлежит безусловно миру реальному, а не миру вымысла: известно, что множество людей действительно прошло обряд посвящения в рыцари, подобный описанному в поэме, и широкая популярность поэмы свидетельствует о том, что интерпретация в ней символики данного ритуала была, по всей видимости, всем хорошо понятна. Описание этого обряда служит отличным свидетельством тогдашних представлений о том, что такое рыцарство.

Итак, автор «*Ordene*» нам неизвестен; и напротив, мы довольно много знаем о Рамоне Лулли, авторе второго выбранного нами трактата о рыцарстве.²⁰ Его отец был соратником Хайме Завоевателя, короля Арагона, в сражениях с маврами за Майорку, и король пожаловал ему за это земельные владения близ города Пальма (Ла Пальма ди Майорка), которые его сын и унаследовал. Молодой Рамон рано поступил на королевскую службу, став сподвижником, а затем и сенешалем Хайме II Арагонского, впоследствии ставшего королем Майорки, младшего сына Хайме Завоевателя, который некогда покровитель-

ствовал отцу Рамона. В юности восхищенный достоинствами рыцарей Рамон писал песни, подражая трубадурам, и вел, по слухам, весьма распутную жизнь. Он женился, но жене своей верен не был: «О Боже, женская краса была чумою для меня и страшным искушением,» - пришлось ему признаться много лет спустя.²¹ Но однажды, сражаясь с рифмами очередного лэ, которое писал для тогдашней своей любовницы, Рамон поднял голову и увидел справа от себя «на кресте висящего Иисуса».²² Он оставил занятия поэзией и отправился отдыхать; однако неделю спустя, когда он снова бился над той же поэмой, видение Иисуса повторилось. Оно повторилось и еще три раза, и тогда он наконец сдался, уступил тем требованиям, которые предъявлял ему настойчивый призрак, и оставил прежнюю жизнь. Произошло это в 1263 г. А призван он был, как оказалось, заняться обращением мусульман в христианство - не больше и не меньше. Рамон погрузился в изучение латинского и арабского языков, а с 1276 г. стал преподавать в Школе францисканцев в Мирамаре, основанной (несомненно, по его собственному предложению) старинным другом Рамона королем Майорки Хайме II. Далее жизнеописание Рамона Луллия представляет собой серию необычайных историй о его бесчисленных путешествиях: о пребывании среди ученых Парижа и Монпелье, а также в других местах, о весьма плодотворном литературном сочинительстве и о тех книгах, где он предпринял попытку изложить свои не слишком ясные философские воззрения. Жизнь его оборвалась в 1316 г. в Северной Африке, на площади городка Бужи, где его насмерть забили камнями те самые мусульмане, которых он явился обращать в свою веру. Тогда ему было уже за восемьдесят.

«Libre del ordre de cavayleria» явно написана Луллием уже после его отречения от своей прежней, веселой и распутной, жизни, однако до основания Школы в Мирамаре, чему в книге имеется немало свидетельств.²³ Это книга о путешествиях, в пространных описаниях которых автору удалось сказать куда больше, чем если бы он излагал свои мысли в более сжатой, компактной форме. Как и «Ordene de chevalerie», книга Рамона Луллия имеет форму занимательной истории о благо-

родном оруженосце (т.е. юноше, еще не посвященном в рыцари), который, пробираясь по лесу к королевскому дворцу, где он (вместе со многими другими) и должен пройти обряд посвящения, теряет дорогу и, заблудившись, обнаруживает одинокую хижину престарелого отшельника. Как выясняется, отшельник этот в течение многих лет носил рыцарские доспехи, но впоследствии удалился в леса, желая провести остаток жизни в молитвах и размышлениях. Узнав, куда и зачем направляется молодой путник, отшельник обнаруживает, что тот на удивление несведущ в плане своих будущих обязанностей рыцаря, и начинает читать ему разные отрывки из маленькой книжки, разъясняющей само понятие рыцарства. Эту книжечку он затем и дарит юноше, дабы тот мог отвезти ее в королевский дворец и показать всем тем, кому предстоит пройти обряд посвящения в рыцари. Разумеется, заветная книжечка и есть сочинение самого Рамона Луллия.

Начинается она рассказом о происхождении института рыцарства. Когда, после изгнания человека из Рая, войны и прочие «мерзости» («*misprision*»), постепенно проникая в наш мир, стали разрушать его, и было создано рыцарство, имевшее целью защищать людей и обуздывать людские страсти. Лишь один человек из каждой тысячи (*ex mille electus*), «самый верный, самый сильный, самый благородный и мужественный», избирался, чтобы стать рыцарем (*miles*).²⁴ Он имел коня, «самое благородное из животных», и наилучшие доспехи, какие только мог достать. Ему также должен был служить оруженосец, а под начало его поступали простолюдины, которым вменялось в обязанность возделывать его земли и содержать самого рыцаря и его скот. С этого, по мнению Луллия, и началось рыцарство и просуществовало в таком виде до тех времен, когда появился на свет и жил он сам, и долг каждого рыцаря с детства воспитывать своих сыновей так, чтобы они могли выполнять те функции, ради которых и было изначально создано рыцарство. Однако это не только постоянные упражнения в искусстве верховой езды и различных военных искусствах: нет, понятие «рыцарство» имело куда более глубокий смысл. На самом деле, пишет Луллий, этику рыцарства и рыцарскую премудрость следовало

бы подробно изложить в книгах, а самих рыцарей обучать в специальных школах подобно тому, как обучают основам христианского учения клириков.²⁵ Таковы первые наброски по созданию обладающих чрезвычайно широкими возможностями военных школ, которые явились бы основой для обучения военным наукам и искусствам - не правда ли, весьма достойный вклад со стороны такого активного пропагандиста миссионерских школ, вроде Школы в Мирамаре, как Луллий? Однако эти важные предложения так и не были реализованы вплоть до начала эпохи Возрождения - то есть, об идеях Луллия забыли еще на целых два с половиной столетия.

Однако в отсутствие учебных заведений наилучшие советчики - книги, и Луллий продолжает во всех подробностях обсуждать со своими читателями обязанности рыцаря. Его наипервейший долг - защищать веру Христову от неверных, за что его будут чтить не только в нашем мире, но и после смерти: это, безусловно, речь истинного сына крестоносца! Рыцарь обязан также защищать своего светского сеньора, заботиться о слабых, женщинах, вдовах и сиротах, и постоянно тренировать свое тело, охотясь на диких зверей - оленей, диких кабанов и волков - и участвуя в поединках и турнирах. Под руководством своего короля он должен вершить суд среди подчиненных ему людей и руководить ими в трудах праведных. Именно из числа рыцарей королям следует выбирать своих прево, бальи и прочих высших должностных лиц. Рыцарь, в свою очередь, должен быть всегда готов незамедлительно покинуть свой замок и отправиться защищать дороги или преследовать разбойников и злоумышленников.²⁶ Ему также нужно: получить определенные знания о добродетелях, необходимых для выполнения всех вышеперечисленных обязанностей; постараться набраться мудрости; воспитать в себе милосердие и верность. Однако же в рыцаре важнее всего воинская доблесть, «ибо более всего рыцарство славится именно благородством мужества (*noblesse de courage*)» (т.е. доблестью).²⁷ А превыше всего для него честь. Ну а гордыни рыцарь должен бежать, как и лжесвидетельства, лени, разврата и - особенно! - предательства (следует отметить в концепции Ауллия весьма

архаичный привкус - особенно в том, что касается особо тяжких видов предательства: убийства своего сеньора, сожительства с его женой, сдачи его замка неприятелю).²⁸ В конце своей книги Луллий делает вывод о том, каким человеком в результате должен стать рыцарь. Во-первых, ему следует обладать учтивыми и благородными манерами, хорошо одеваться и проявлять гостеприимство - разумеется, в пределах своих финансовых возможностей.²⁹ Верность и правдивость, отвага и великодушие (*largesse*), а также скромность - вот основные черты характера, которых нам следует ожидать в рыцаре.

Отдельная глава книги посвящена описанию того испытания, которому каждый оруженосец, который мечтает стать рыцарем, должен быть подвергнут, дабы все убедились, что он обладает всеми необходимыми качествами.³⁰ Соискатель должен быть ловким и здоровым, а также достаточно взрослым, дабы иметь возможность выполнять те задачи, которые обычно ставятся перед рыцарями. Обязательно также благородное происхождение и наличие достаточных средств, дабы соответствовать своему высокому положению в обществе. Рыцарь, принимающий у соискателя экзамен, также должен непременно поинтересоваться, как тот живет, стараясь выявить в нем признаки доблести и благородства, совершенно необходимые будущему рыцарю, и убедиться, что соискатель не обладает никакими видимыми «недостатками» и действительно может стать рыцарем «без страха и упрека». Экзаменуемый должен также поинтересоваться у соискателя, что побудило того искать свое место в рядах рыцарей: стать рыцарем по недостойным причинам, ради приключений, славы или чинов, столь же плохо, как для клирика совершить грех симонии. В книге приведен в высшей степени разумно составленный список вопросов, который — после небольших лексических поправок - и в наши дни сделал бы честь любой отборочной комиссии в любом бронетанковом полку. Итак, если соискатель удовлетворял всем требованиям и успешно проходил испытание, ему разрешалось далее вступить в сословие рыцарей (чаще всего во время одного из крупных церковных праздников - на Пятидесятницу, на Рождество или на Пасху). Накануне посвящения он должен

был исповедаться и провести ночь в бдениях и молитвах, а на следующий день пойти к мессе вместе с остальными соискателями, которых посвятят в рыцари одновременно с ним, и прослушать проповедь, в которой священник разъяснит им значение таких понятий, как символ веры, десять заповедей Господних и семь святых таинств. Затем перед алтарем состоится обряд посвящения, который будет отправлять тот, кто уже давно является рыцарем. Далее Луллий весьма подробно разъясняет символику каждого из видов вооружения рыцаря, его доспехов и снаряжения и т.д. (символика меча и шпор в точности та же, что и в «Ordene de chevalerie»). Завершается книга перечислением различных пороков и добродетелей применительно к жизни рыцаря и кратким рассказом о том, почему рыцарей все должны почитать.

Книга Луллия «Libre del ordre de cavaleyria» пользовалась необычайным успехом. Она была переведена на французский и кастильский языки, на средневековый шотландский (сэром Гилбертом из Гааги) и на английский (Уильямом Кэкстоном, английским первопечатником); три издания французской версии книги были опубликованы в самом начале XVI века.³¹ Таким образом, она считается классическим трудом, посвященным рыцарству в Европе (за исключением Германии), а потому нам с особым вниманием следует отнестись к тем наиболее ярким характеристикам рыцарства, которые в данном произведении предлагаются. Книга, разумеется - как того и следовало ожидать от Луллия - имеет несколько большую, чем «Ordene de chevalerie», религиозную направленность. У Луллия рыцарь-неофит непременно проходит обряд посвящения в церкви, и автору книги нужно обязательно показать, что неофиту полагается быть достаточно осведомленным об основах своей веры и о природе христианских добродетелей. Немало страниц там имеют ярко выраженный привкус идеологии крестоносцев. Однако мы постараемся ни в коем случае не заострять своего внимания на этом аспекте работы Луллия. Главное, как он считает, заключается в существовании гармоничных отношений между рыцарским сословием и духовенством, однако он, похоже, считает каждое из этих сословий вполне независимым и имеющим свою сферу влияния.

Рассказ Луллия об истоках рыцарства ведется с позиций исключительно светских. Он настаивает на том, что рыцарям необходимо тренироваться, участвуя в поединках и турнирах, которые были запрещены церковью. Более того, рыцарство - и это Луллию представляется совершенно очевидным - весьма тесно связано со светской властью: рыцарь, в его понимании, является не только воином благородного происхождения, но и хозяином крестьян, и значительная часть его обязанностей подпадает под общие правила Закона и Порядка. Луллий действительно обращает особое внимание читателя на необходимость соблюдения рыцарем дисциплины - как тела, так и души - однако он же неоднократно повторяет: при столь строгих дисциплинарных установках необходим и некоторый отдых в виде, например, охоты и других видов спорта, а также рыцарю очень желательно иметь богатый дом, хорошую одежду и достаточно денег в карманах. И снова оказывается, что нам упорно предлагают все тот же «список» рыцарских свойств и качеств, с которым мы впервые столкнулись в рыцарских романах и который, похоже, никоим образом не связан напрямую с церковными представлениями о рыцарских добродетелях (хотя, по мнению Луллия, их можно, разумеется, все же как-то свести воедино): учтивость, верность, благородство, великодушие, смелость.

Безусловно, собственные религиозные воззрения Луллия оставили достаточно отчетливый след в его рассуждениях, однако же не менее очевиден в них и его рыцарский опыт, и временами он даже более очевиден, чем его миссионерские устремления. Немало мест в книге дают основания предполагать, что романы о Ланселоте и других рыцарях Круглого стола послужили Луллию, по сути дела, важнейшим источником и образцом для изложения всех своих воззрений на проблему рыцарства.³² А то, что он в качестве примера великодушия (*largesse*) описывает широту взглядов Александра Македонского, дает основания предполагать, что ему, вероятно, известен был тот совет, который Аристотель в «Романе об Александре»^{5*} дает великому царю: постарайся завоевать верность своих слуг, проявив к ним щедрость. Рамон Луллий, без сомнения, отличался широкой начитанностью в

области светской литературы - особенно в юные годы, когда сочинял поэмы в духе трубадуров. Видимо, именно поэтому созданный им портрет идеального рыцаря хотя и глубоко проникнут идеями христианства, но в то же время на удивление свободен от излишней религиозности и чрезвычайно человечен, то есть во многих отношениях является продуктом культуры явно светской. Вряд ли стоит сомневаться, что такой портрет практически полностью отвечал общим настроениям и воззрениям рыцарского сословия.

Итак, Рамон Луллий с юных лет знал о рыцарстве немало. Что же касается Жоффруа де Шарни, автора третьего интересующего нас трактата, то он всю жизнь провел в рыцарских доспехах, в них и умер. Сеньор Пьер-Пертуи, Монфора, Савуази и Лиси, он впервые поступил на королевскую службу в Гаскони в 1337 г. В 1340 г. он защищал Турнэ от англичан, а в 1341 г. служил в Бретани в войсках наследника французского престола Иоанна (Жана), герцога Нормандского. В 1347 г. де Шарни был среди участников неудачного крестового похода Юмбера II, последнего независимого дофина Вьеннуа. В 1349 г. он возглавил отряд французов, пытавшихся внезапным нападением отбить Кале и вернуть его Франции. История отражения этого штурма силами Эдуарда III и сэра Уолтера Мэнни в мельчайших подробностях описана хронистом Фруассаром.^{6*} Когда его прежний командир, герцог Нормандский, стал Иоанном II Добрым, унаследовав французский трон, де Шарни получил очередное продвижение по службе; он также почти наверняка был членом рыцарского ордена Звезды, который Иоанн Добрый создал в пику Эдуарду III, учредившему орден Подвязки, а в 1355 г. Жоффруа де Шарни был назначен королевским знаменосцем - должен был нести боевой штандарт первых французских королей Орифламму, чудесное красное знамя Сен-Дени (Oriflamme de St. Denis), и охранять его, как зеницу ока. Защищая эту святыню, он и погиб в битве при Пуатье в 1356 г.³³

Жоффруа де Шарни на самом деле был автором не одной, а целых трех работ по рыцарству. Основные темы этих работ, хоть они и представлены весьма по-разному, в целом схожи. Форма одной из

них, «Questions» - список вопросов, посвященных узловым положениям теории рыцарства; вопросы эти Жоффруа задает рыцарям ордена Звезды. Первая из трех групп вопросов касается поединков (то есть встреч рыцарей один на один на специальном ристалище); вторая посвящена турнирам (где состязаются группы рыцарей); а третья - войне. Увы, в книге не имеется ни одного ответа на эти вопросы;

возможно, ответы на них так никогда и не были получены. Две другие работы Жоффруа де Шарни известны как «Livre» и «Livre de chevalerie»; первая стихотворная, вторая - в прозе, однако их содержание почти идентично и включает примерно те же рассуждения по поводу поединков, турниров, войн и так далее, что и в «Questions». Стихотворная работа в большей степени отмечена ехидным юмором автора - чего стоят, например, его предупреждения желающему стать рыцарем насчет возможных падений с коня и прочих неудобств и лишений, с которыми ему придется столкнуться на долгом пути - включая и такие позорные неприятности, как морская болезнь, которая, не исключено, станет сопровождать его во время очередного крестового похода. Прозаическая работа длиннее, значительно лучше отделана и, видимо, написана позднее. Если предположить, что трактат в стихах был создан, скорее всего, после крестового похода 1347 г., во время которого Жоффруа сам страдал от морской болезни, то прозаическое произведение можно, наверное, отнести к началу 50-х годов XIV века, как, по всей вероятности, и «Questions». Именно этот трактат в прозе и будет главным образом занимать нас.³⁴

Во всех трех работах ощущается острый интерес Жоффруа де Шарни к рыцарскому кодексу чести и градации рыцарских свершений. Им руководит принцип: «Тот, кто достигает большего, более других ценен и достоин».³⁵ Молодые люди с оружием в руках, отличившиеся в поединках, безусловно достойны похвалы, говорит Шарни, однако еще большей похвалы заслуживают те, кто отличился в турнире (следует отметить, что говорит он обо всех воинах, а не только о рыцарях: для него понятие «рыцарство» распространяется не только на тех, кто официально посвящен в рыцари). Однако и отличившиеся

в турнирах должны уступить почетное место тем, кто добился славы в бою, ибо война - куда более суровое и достойное занятие, «превосходящее своей важностью все прочие способы использования оружия».³⁶ Честь и хвала тем, кто служил в армии и отличился в сражениях на родной земле, но еще большего уважения достойны те, кто воевал в «далеких чужих странах», например в Италии, и там прославился в боях.³⁷ Самые же лучшие - те, кто постоянно поднимался в славных деяниях своих с более низкой ступени на более высокую: те, кто еще в детстве любили слушать истории о великих подвигах воинов, кто, едва достигнув необходимого возраста, брались за оружие, чтобы участвовать в честных поединках, но при первой же возможности вступали в ряды тех, кто занимается «великим ратным делом»; это люди, которые, участь на собственном опыте, целеустремленно впитывали воинскую премудрость, желая твердо знать, как добиться успеха при осаде и штурме мощных крепостей, и, не раздумывая, отправлялись в полные опасных приключений походы в далекие страны.³⁸ Однако же не менее, чем сами их подвиги, важны для нас мотивы их поступков. Те их товарищи, которых вперед позвала лишь жажда возможных военных трофеев, безусловно, тоже заслуживают похвалы, но не такой, какой достойны те великие герои, что устремляются навстречу опасности, желая лишь прославить свое имя.³⁹ Слава при жизни имеет для Шарни самую большую ценность; как, впрочем, и предприимчивость, даже если герой уже немало достиг. Вот почему, считает он, воину так полезно быть влюбленным - ведь тогда он станет искать еще большей славы, желая доставить удовольствие своей даме сердца.⁴⁰ Представьте, каковы будут чувства этой дамы, когда ее избранник войдет в зал и все остальные — рыцари, благородные сеньоры и юные оруженосцы - поспешат восторженно приветствовать его, ибо слава его (*bonne renommée*) уже разнеслась по всему миру, но только ей одной, даме его сердца, будет известно, кому принадлежит любовь этого героя! Впрочем, весьма важно соблюдать и благоразумие: верный возлюбленный хранит свою любовь в тайне и не кричит на весь свет о своих любовных победах. Радость, которую рыцарь получает от такой любви, будет для

него еще сильнее благодаря верности, а его решимость стать достойным своей дамы ничуть при этом не уменьшится.

Представления Жоффруа де Шарни о рыцарстве именно по этой причине кажутся нам в высшей степени человеческими и привлекательными. Похоже, он считает, что танцы и пение всегда хороши для молодых, и ему явно приятно, когда среди рыцарей царят радость и веселье. Нельзя падать духом, какие бы удары ни обрушила на вас судьба, утверждает он, тем более что рыцарю всегда следует ожидать подобных ударов. Разумеется, всегда нужно содержать свое тело в строгости, соблюдать дисциплину и боевую готовность, однако, если вас угощают чашей доброго вина, нет необходимости отказываться, хотя и при том условии, что вы проявите умеренность и сдержанность. Полезно также, советует Шарни, прислушиваться к советам старых солдат и их рассказам о великих военных кампаниях, которые велись в дальних странах. И все же, несмотря на всю человечность этого автора, нельзя не заметить, сколь сильна христианская религиозная окраска его представлений о рыцарстве. Добрые, простые и храбрые рыцари считаются героями (*preux*); те, кто благодаря особому мужеству сумели подняться на более высокую ступень воинской доблести - это *soulverain preux* («герои в высшей степени»); однако же есть и еще одна, особая, категория героев - *plus soulverainement preux* («еще более героические личности») - именно они мудро полагают, что вся выпавшая на их долю слава дарована им милостью Господа нашего и Пресвятой Богородицы. Тот, кто надеется только на свои силы, в конце концов все же погибнет, считает Жоффруа, как о том свидетельствуют истории Самсона, Авессалома и Юлия Цезаря. А идеальным образцом для рыцаря может служить такой герой Ветхого Завета, как Иуда Маккавей, которого можно назвать и героем (*preu*), и храбрецом (*hardi*), и красавцем, но никак не гордецом; этот великий и благородный воин достоин вечного почитания, ибо погиб, сражаясь за дело Господне. Тот же из рыцарей, кого можно сравнить с ним, достигнет в своем сословии наивысшей славы и чести еще при жизни и удостоится вечного райского блаженства после смерти.⁴¹ Итак, по мнению

Жоффруа, в своем движении к этим обоим целям, неразрывно между собою связанным, рыцарство превращается в некое христианское учение (или дисциплину), направленное на достижение человеком наивысшей своей цели - Спасения.

Особенно любит Жоффруа де Шарни проводить параллели между рыцарским орденом и орденом религиозным. Ни один религиозный орден не налагает таких суровых ограничений, как рыцарство, а постоянное соблюдение основных религиозных правил столь же обязательно для рыцаря, как и для любого служителя церкви, ибо нет иного такого сословия, в котором душа и тело столь же последовательно готовились бы к своему смертному часу. Рыцарство - это путь к Спасению; тот, кто берет в руки оружие ради великой и справедливой цели, сражаясь во имя Господне, или против неверных, или защищая слабых, или же спасая собственную честь и наследие, спасает прежде всего свою душу.⁴² Здесь Жоффруа предвосхищает страстные слова французского капитана Жана де Бюэя^{7*}, сказанные им через много лет во время войн с англичанами: «Мы, бедные солдаты, с оружием в руках спасем свои души точно так же, как спасли бы их, даже будучи отшельниками и питаюсь лишь съедобными кореньями».⁴³ Последние слова в биографической книге о нем (и приписываемые ему) звучат одновременно как молитва и как боевой клич: «Молитесь же за того, кто написал эту книгу: О, Шарни! Шарни!»

Описание обряда посвящения в рыцари и его символики взято Жоффруа де Шарни прямо из «Ordene de chevalerie».⁴⁴ Множество моментов, например его рассказ о происхождении государства и рыцарства, а также - он это особенно подчеркивает - о правильности выбора, который делают правители, назначая высшими должностными лицами рыцарей, свидетельствуют о том, что он очень близок по своим воззрениям к Рамону Луллию, которого почти наверняка читал. Общий же портрет рыцарства у него в основе своей схож с портретами, данными в тех двух, более ранних, работах, о которых мы уже говорили, хотя тональность его книги во многом, безусловно, с ними не совпадает. Видимо, можно выделить три основных аспекта, которые

Выгодно отличают книгу Жоффруа де Шарни от произведений его Предшественников. Один из них - включение не только рыцарства в строгое смысле слова, но и всего воинского сословия в рамки некоего Класа рыцарей, что предполагает вполне определенный образ жизни как для юноши-оруженосца, стремящегося стать рыцарем, так и для его «бедных сотоварищей», простых солдат, наравне с самими рыцарями. Подобные настроения совпадают с теми событиями в общественной жизни, которые имели место в XIV веке - в это время было уже гораздо меньше желающих пройти настоящий обряд посвящения в рыцари - и дают некий дополнительный штрих к профессиональной характеристике рыцарства. Второй аспект - это отношение рыцаря к даме в контексте всей рыцарской жизни и любви как человеческой Страсти, которая, будучи разумно управляемой, способна лишь обострить и сделать более чистыми и без того благородные устремления воина. «Frauendienst» (букв.: «служение Даме») куртуазной литературы представляется здесь лишенным своих обычных преувеличений и выступает в такой форме, о которой большинству из нас кое-что известно по собственному опыту и которая является неотъемлемой частью жизни человека и его устремлений. Третий аспект - динамизм, который рыцарский кодекс чести и градация доблестных деяний как бы вменяют рыцарю в обязанность. Понятие рыцарства включает в себя постоянное улучшение достигнутых результатов и нежелание почитать на лаврах.

И это аспект не только моральный; шкала ценностей, с помощью которой Жоффруа оценивает уровень рыцарской доблести, накрепко привязана к реальной жизни. Его действительно интересует внутренний мир представителей рыцарства, как мы уже имели возможность убедиться, но показатели «успешности» рыцаря, которые он предлагает, носят чисто внешний характер, как и та репутация, которая вокруг этих успехов складывается. В этом отношении книга Жоффруа де Шарни дает как бы некий «айдентикит» рыцаря, то есть перечень его неотъемлемых черт, который поможет нам выявить тех, кто уже достиг определенного величия в своей «рыцарственности» в силу разнообраз-

ных благих свершений и их размаха, и тогда нам не придется исследовать чьи-то субъективные реакции, которые проверить невозможно. Итак, это, по всей видимости, будет человек, не раз участвовавший в поединках, турнирах и войнах, в том числе и в других странах, а не только на родине; верно служивший своему сеньору с оружием в руках и не раз бороздивший моря в поисках приключений и славы. Особый акцент на *lointains voyages* (дальние странствия) - это еще одна аналогия в описании мира реального по образу и подобию мира куртуазных романов, где рыцари без устали скачут верхом буквально «по самому краю цивилизации», то и дело в поисках приключений попадая в бескрайние густые леса - что, впрочем, практически лишено каких бы то ни было художественно-литературных преувеличений. Итак, в общем, все, написанное Жоффруа, может весьма помочь нам в поисках того, что следует понимать под словом «рыцарство», и мы, возможно, сумеем яснее представить себе, какой вид человеческой деятельности нам придется исследовать и какого рода состязания наблюдать, чтобы должным образом оценить значение рыцарства как весьма важной общественной силы. Ну что ж, как и следовало ожидать, наш знаменосец, хранитель богоданного штандарта Орифламмы, оказался надежным проводником и ни в чем не разочаровал нас.

* * *

Между серединой XIV века, когда писал Жоффруа де Шарни, и началом XVI века было создано великое множество отдельных трактатов о рыцарстве, а также сборников, включавших одновременно несколько таких трактатов. В целом произведения эти не так уж много добавили к основному образу рыцаря, созданному в тех трех работах, которые мы только что подробно рассмотрели. Иоханнес Рот в своем «*Ritterspiegel*» («Зерцале рыцарства») (1410) предлагает ряд символических интерпретаций обряда посвящения в рыцари, отличных как от описаний Луллия, так и от того, что изображено в анонимной поэме

«Ordene de chevalerie»; его работа также содержит пространные рассуждения на тему аристократической иерархии - от правителей (princes) и далее по нисходящей - в которой рыцари Германии могли занимать соответствующие ступени (немецкое Heerschild означает «ланный щит»), однако же по духу своему его объемное произведение лежит в уже знакомом нам русле.⁴⁶ Гиллеберт де Ланнуа (Ghillebert de Lannoy)^{8*} и своем «Instruction d'un jeune prince» («Наставления молодому принцу») и анонимный автор «Enseignement de la vraye noblesse» («Наставление в истинной знатности») (два взаимосвязанных произведения, написанные в первой половине XV века) «Ordene» Луллия знали и оба весьма активно эту работу использовали.⁴⁷ Они, как и Рот, а также как их современник и великий путешественник кастильский рыцарь Диего де Валера, написавший «Traictee de noblesse» («Трактат о знатности»)⁴⁸, включили в свои труды весьма значительную часть рассуждений Луллия относительно происхождения рыцарства и значения рыцарского вооружения - тема, ныне почти автоматически входящая в любую сколько-нибудь серьезную работу о рыцарстве. Оба первых автора, а также де Валера, немало говорят и о важности примера римлян в области военного искусства, а также - в качестве образца истинного рыцарства. Упор именно на классические примеры, послуживший укреплению концепции рыцарства как института прежде всего светского, был заметной чертой более поздних средневековых трактатов на эту тему, как и более четко определившаяся связь между такими понятиями, как знатность, рыцарство, благородный образ жизни и родовитость, с сопутствующим всему этому расширением границ рыцарского сословия и включением в него всей военной и потенциально военизированной аристократии, оруженосцев, мелких феодалов и воинов вообще, а не только самих рыцарей.

Но в целом в этих более поздних работах новые интонации не столь сильны, как те основные темы, которые нам уже знакомы. Мы постоянно вновь и вновь встречаем там те же рассказы о происхождении рыцарства, что и у Рамона Луллия. И опять рыцарство, как и в книге Луллия, ассоциируется с искусством управления государством;

действительно, становится ясно, что «книги о рыцарстве» и «королевские зеркала» - это весьма близкие литературные жанры. Список обязанностей рыцаря - защищать Церковь и народ (данный порядок слов все чаще и чаще был именно таким), помогать сиротам и вдовам, а также постоянно упражняться в боевых искусствах - из-за бесконечного его повторения превратился в банальность. Жоффруа де Шарни от всей души одобрил бы совет Гиллеберта де Ааннуа, который тот дал своему сыну: заниматься военной подготовкой, участвовать в рыцарских турнирах и ч...

Назывался также вполне знакомый круг тех избранных лиц, обладавших упомянутыми благородными качествами, общества которых, по совету отца, юному Ланнуа следовало искать; все это были те, кто «bons, sages et cortois, preux et vaillants» (добр, мудр, учтив, храбр и мужествен).⁵⁰ Мужская концепция основополагающих свойств рыцарства оставалась, по-видимому, неизменной по сути примерно с конца XII до конца XV века, что придает исследованиям данного периода определенное единство.

В начале этой главы мы предприняли попытку дать определение понятию «рыцарство». Признавая, что слово, имеющее столь эмоциональные и неточные характеристики, никогда не сможет быть «пришпилено» к конкретному месту в той или иной классификации и тем самым обрести строго конкретные рамки, мы оказались все же в состоянии теперь обрисовать как бы общие контуры подобного определения, что весьма пригодится нам в рабочих целях. На основе только что рассмотренных нами трактатов, рыцарство может быть определено как некий этнос, в котором воедино сплавлены военные, аристократические и религиозные составляющие. Я сказал «сплавлены воедино» отчасти потому, что подобное единство представляется мне чем-то новым и целостным, и вместе с тем вполне самостоятельным, а также потому, что, безусловно, было бы очень трудно полностью отделить одни составляющие этого этноса от других. В том или ином конкретном контексте одна из сторон рыцарского характера может оказаться более очевидной, как бы выступить на передний план, однако по-прежнему

сложно исключить воздействие на нее остальных составляющих данного характера. Действительно, все элементы данного сложного понятия уже и сами по себе обладают достаточно сложной структурой. Военный аспект, например, ассоциируется прежде всего с искусством верховной езды, мастерства в котором трудно достичь, если ты не родился в богатой семье. Аристократический аспект связан не только с происхождением; он связан с той, самой главной, функцией рыцарства и той шкалой ценностей, согласно которым знатность прежде всего зависит от самоценности того или иного человека, а не только от его родовитости. Христианский же аспект, как ни странно, оказывается достаточно свободным от воздействия религиозных догм, предрассудков и предпочтений. Рыцарство - как оно описано в средневековых трактатах - это определенный образ жизни, в котором мы можем различить три основных аспекта: военный, аристократический и религиозный; однако же и само понятие «образ жизни» - вещь весьма сложная и подобна живому организму; таким образом, мы пока что располагаем определением рыцарства лишь в самых общих чертах, и нам предстоит еще очень многое внимательно рассмотреть.

Примечания переводчика

de Roland) относится примерно к 1170 г., однако поэма сложена значительно раньше и сюжетно связана с неудачным походом франкского короля Карла Великого в Испанию в 778 г.

Баярд (Баяр), Пьер Террель, сеньор де Баярд, по прозвищу Рыцарь без страха и упрека (1475—1524) - французский военачальник, участник итальянских войн 1494—1559 гг.

^{2*} Битва, во время которой норманны в 1066 г. под предводительством Вильгельма, герцога Нормандского, ставшего впоследствии королем Вильгельмом I Завоевателем, одержали победу над англосаксонскими войсками.

лот-Грааль» (XIII век), точнее «Книга о Ланселоте Озерном», а не роман

Кретьена де Труа «Рыцарь телеги, или Ланселот», который был написан между 1165 и 1175 гг. О цикле «Ланселот-Грааль» см. подробнее далее.

^{4*} «Время Кретьена» - период с середины 60-х до начала 90-х годов XII века.

Первая франко-провансальская поэтическая версия «Романа об Александре» датируется 30-ми годами XII века. Ее автором был некий Альберик из Бриансона (или Бриансона), который описал систему воспитания молодого Александра Македонского (разумеется, личности не исторической), Альберик изложил систему своих взглядов на воспитание настоящего рыцаря.

^{6*} Жан Фруассар (ок.1337 - после 1404), знаменитый хронист и поэт родом из Геннегау (Нидерланды).

Жан де Бюэй (ок.1405-1477), французский военачальник, капитан, сражавшийся, в частности, под знаменем Жанны д'Арк. Впав в немилость у короля, он побудил трех человек из числа своих слуг написать повествование о его жизни под названием «Le Jouvencel» («Юнец»), в котором чрезвычайно ярко выражена психология воинской доблести.

^{8*} Гиллеберт де Ланнуа, 1386 - ок. 1450, бургундский дипломат и путешественник, канцлер Бургундии, камергер бургундского двора.

Глава II

СВЕТСКИЕ КОРНИ РЫЦАРСТВА

Жоффруа де Шарни в своей «*Livre de chevalerie*» предлагает нам модель рыцарственного мужчины, которого следует уметь отличать в реальной жизни, не прибегая к исследованию проблем внутренней мотивации его поступков, чаще всего недостаточно освещенной историческими источниками. Мы не разочаруемся в результатах своего исторического сорта, а также узнаем, что истинные художники, создавшие словесные портреты таких людей, были прекрасно осведомлены о существовании общепринятого образца *preux chevalier* (доблестного рыцаря), с которым и должны были в основном совпадать портреты героев их Произведений.

Итак, рассмотрим один пример. В 1394-1395 гг. Томмазо III, маркиз ди Салуццо, проводил время в мучительном бездействии, будучи в плену у давнего врага их семьи графа Савойского, и занимался тем, что сочинял длинный аллегорический трактат под названием «*Chevalier errant*» («Странствующий рыцарь»).¹ По мере развития сюжета главный герой (без сомнения, сам Томмазо в им же выдуманной стране) отыскивает путь ко двору госпожи Фортуны, где обнаруживает целую толпу просителей, в которой было немало его выдающихся современников. Маркиз описывает каждого из них и чаще всего довольно критически - например, Венцеслав (Венцель, Вацлав), император Священной Римской империи^{1*}, изображен как добродушный и слабый человек средних лет, любящий по утрам поваляться в постели

и выдающийся весьма сильное пристрастие к вину, что впоследствии его и в самом деле погубило. Есть, правда, среди героев этого трактата один-два человека, жизнь которых складывается более успешно, и среди них молодой рыцарь лет тридцати, *bel et joli et amoureux* (добрый, красивый, влюбленный), который оказывается миланским *condottiero* (кондотьером) Галеаццо ди Мантуа. Этот молодой человек, по словам Томмазо, впервые взял в руки оружие при осаде Салуццо, где храбро сражался на рыцарском турнире в Фоссано, где освободил некоего немецкого рыцаря от обета, обязывавшего его совершить ратные подвиги во время рыцарского поединка, кто бы из равных ему по рождению и положению в обществе ни принял его вызов. Это было первое из множества подобных приключений Галеаццо, и все они были им предприняты «во имя одной дамы, обладавшей высшей красотой и страстно (*par amours*) им любимой».² Галеаццо затем отправился путешествовать и участвовал в войнах французов против англичан. И в тот день, когда Галеаццо, схватившись один на один с английским капитаном, выбил противника из седла - хотя этот капитан прежде победил немало французов - он был посвящен в рыцари. Затем он переплыл Великое море (т.е. Средиземное) и в качестве паломника посетил монастырь Св. Кaterины на горе Синай, после чего некоторое время служил королю Кипра. Впоследствии он на стороне французского короля участвовал в войне против герцога де Жюльера, путешествовал по Германии и сражался против турок под знаменами венгерского короля. «Знайте, что какое бы военное испытание ни было ему предложено, вы всегда найдете, что он готов идти навстречу этому испытанию; если же он проживет достаточно долгую жизнь, то в своем рыцарстве сможет сравниться лишь со славными рыцарями Круглого Стола сэром Тристаном или сэром Паламедом.»³ Эти завершающие произведение слова показывают, что Томмазо прекрасно понимал, что списывает карьеру своего героя с некоего образца, а потому запросто мог поместить своего Галеаццо на одну доску с «самыми доблестными» (*soulverein preux*) - с теми, кого Жоффруа де Шарни описывает как шествующих

от победы к победе на турнирах и на войне, верных в любви и готовых любую минуту отправиться в дальние страны в поисках военного опыта.

Одной из наиболее важных составляющих характеристики образцового рыцаря, которому Томмазо ди Салуццо счел нужным уподобить своего Галеаццо ди Мантуа, была ее традиционность, причем таковой эта характеристика стала задолго до того времени, когда творили не только Томмазо, но и Жоффруа де Шарни. Традиция эта зародилась даже раньше, как мы убедимся впоследствии, чем была написана поэма «*Ordene de chevalerie*», и восходила примерно к тем временам, когда о рыцарстве писал Этьен де Фужер, то есть к последнему десятилетию XII века. Примерно в тот же период, когда Этьен был занят написанием своего трактата, некий молодой человек по имени Арнольд, сын и наследник Бодуэна, графа Гиньского, начинал учиться рыцарским искусствам. Развитие его карьеры в изложении фамильного хрониста графов Гиньских Ламберта Ардрского практически полностью совпадает с развитием карьеры Галеаццо ди Мантуа, героя истории Томмазо ди Салуццо.⁴ Возможно, описаниям этим несколько не хватает литературной цветистости, столь типичной для второй половины XIV века, но во всем прочем - как в интонациях, так и в основе сюжета, - они практически не отличаются от произведений позднего средневековья.

Арнольд Ардрский родился в 60-е годы XII века. Юношей он был отправлен ко двору Филиппа, графа Фландрского, дабы там «ему привили хорошие манеры и наставили на путь истинно рыцарского служения.»⁵ Филипп был богат; это был ветеран крестовых походов и покровитель рыцарской литературы, чье «великодушие» (*largesse*) прославил в своем «Персевале»⁶ Кретьен де Труа, и его при дворе Арнольда окружал самый цвет молодой аристократии Фландрии. По словам Ламберта, юноша сразу обратил на себя внимание всех «благодаря своей привлекательной внешности и чрезвычайной ловкости во всех военных искусствах.»⁷ Когда в 1181 г. Арнольд достиг возраста, допустимого для посвящения в рыцари, отец его пригласил на празд--

ник Пятидесятницы множество гостей, и Арнольд вместе с четырьмя своими близкими друзьями был посвящен в рыцари. Едва церемония закончилась, рассказывает Ламберт, Арнольд, облаченный в новое платье, нырнул в толпу слуг, менестрелей и жонглеров, присутствовавших на празднике, и буквально осыпал их деньгами.⁸ После того как он стал рыцарем, дома его никто более не удерживал, и он твердо решил начать свою карьеру как подобает - «не пожелал оставаться в родной стране, проводя время в лени и бездействии и не имея возможности упражняться в воинском искусстве, а предпочел путешествовать в поисках рыцарских поединков и почестей, дабы научиться жить полной жизнью и добиться мирской славы».⁹ Он влюбился в Иду, графиню Булонскую, даму не слишком высоконравственную (зато очень богатую), у которой за плечами был опыт двух неудачных замужеств, и между влюбленными без конца происходил обмен любовными посланиями. Когда Иду похитил другой ее поклонник, надеявшийся заполучить не только руку графини, но и ее состояние, Арнольд поклялся, что придет к возлюбленной на помощь и спасет ее, и в результате оказался у своего соперника в плену - тут случился некий перерыв в приключениях молодого героя, который кое-чему научил его. Когда же он, заплатив выкуп, смог вернуться домой, то пообещал впредь следовать советам своего отца и служил ему во время всех войн, которые тот вел, а потом женился на той, кого для него выбрал отец - на Беатрис, наследнице ленного владения Бурбур, которая, по словам Ламберта, была мудра, прекрасна и образованна. В качестве владельца Ардра, Арнольд продолжал жить в браке с Беатрис, как и подобает, но всегда любил слушать разные истории о великих героях и древности, и относительно недавнего прошлого - о Роланде и Оливье, о короле Артуре и о завоевании крестоносцами Антиохии. Одно из наиболее живых описаний у Ламберта - это сцена зимнего вечера, когда за стенами замка воет ветер, и молодой Арнольд и его приятели собираются у камина, в котором жарко горит огонь, и дружно уговаривают Вальтера Клевского рассказать им историю о том, как был основан Ардр и каковы корни древнего рода его правителей.¹⁰

Молодые годы Арнольда Ардрского в описании Ламберта - отнюдь не единичный случай в литературной тематике этого периода. Характерные черты раннего этапа карьеры его современника, бывшего лишь немного его старше, Гийома (Гильома) ле Марешаля, в описании некоего менестреля, автора «*Histoire de Guillaume le Marechal*», в сущности схожи с хроникой Ламберта.¹¹ Гийому, правда, не так повезло с происхождением: он был не наследником графа, а всего лишь четвертым сыном Джона Фитцгилберта, английского барона, который хоть и имел неплохие связи, но сам был аристократом весьма среднего ранга. В юности Гийома отправили к кузену его отца, графа Танкарвиля, могущественно любившего устраивать и посещать турниры, а также часто в них участвовавшего. В 1167 г., когда Гийому было около восемнадцати, граф посвятил его в рыцари; это произошло накануне сражения при Дринкуре с войском графа Фландрского, в котором Гийом сразу отличился. В том же году он вместе с графом дважды участвовал в турнирах, где также был отмечен. Годом позже его храбрость и мужество во время военной кампании в Пуату привлекли к нему внимание Альеноры (Элеаноры) благодаря покровительству королевы обучение и военная подготовка ее сына Генриха^{2*}, наследника королевского трона, в 1169 г. были поручены именно Гийому.

Такова была первая и достаточно высокая ступень, на которую поднялся Гийом ле Марешаль и которая обеспечила ему вхождение в самые престижные рыцарские круги своей эпохи. Полученное им задание, правда, таило в себе некоторые опасности; например, будучи главным среди рыцарей, окружавших юного Генриха, он, должно быть, играл вполне определенную роль в мятеже, поднятом молодым принцем против собственного отца в 1173 г., но об этом нам известно крайне мало. Его роль «наставника» в рыцарском искусстве имела, безусловно, и свои привлекательные стороны, и автор истории о нем изображает его далее как предводителя целого отряда рыцарей, сопровождавших молодого Генриха во время целой серии крупных турни-

ров, состоявшихся в северной Франции (включая и тот, который устроил Филипп Фландрский, покровитель Арнольда Ардрского, когда молодой Генрих гостил у него). Достижения Гийома во время этих поединков все более добавляли к его славе непобедимого рыцаря, а богатство его значительно умножалось за счет достававшихся ему как победителю лошадей, а также выкупов, которые он получал от своих пленников. Он так прославился своей храбростью, что когда в 1182 г. одновременно поссорился и с молодым Генрихом, и с его отцом Генрихом II (ходили слухи о существовании любовной связи между Гийомом и королевой Матильдой), герцог Бургундский предложили ему и земли, и пенсию, если он поступит к ним на службу.¹² Однако же представители Анжуйской династии ненадолго лишили Гийома ле Марешаля своей милости, и ему не потребовалось искать нового покровителя. Он снова был приближен ко двору, и после смерти Генриха Молодого Короля в замке Мартель на р. Дордонь именно он взял на себя выполнение неосуществленного принцем обета - совершить крестовый поход - и во главе войска отправился в Святую Землю. Там, по словам его биографа, он добился поистине замечательных побед над сарацинами, причем за один год совершил столько ратных подвигов, сколько другой человек не смог бы совершить и за семь лет.¹³

Нам не следует, видимо, более задерживать свое внимание на подробностях последующего развития карьеры Гийома ле Марешаля; по возвращении из Святой Земли он был взят на королевскую службу и благодаря достигнутому положению заключил брак с Изабель де Клэр, наследницей графства Пембрук. При Ричарде Львиное Сердце, а затем и при Иоанне Безземельном он играл заметную роль в высшей политике, а перед смертью стал фактически регентом - *rector regis et regni* - при юном Генрихе III. Мы привели уже достаточно доказательств того, сколь сильно его образ жизни в молодые годы был схож с образом жизни юного Арнольда Ардрского и насколько сам он соответствовал идеалу рыцаря, созданному Жоффруа де Шарни. Если кто-то из рыцарей и соответствовал образу доблестного рыцаря, воспе-

того Жоффруа де Шарни («тот, кто достигает большего, более других ценен и достоин»), так это безусловно Гийом ле Марешаль. Два эти рассказа о жизненном пути рыцаря во второй половине XII века дают, видимо, основания полагать, что уже тогда установился некий и, надо сказать, вполне определенный образ жизни рыцаря, имевший свои собственные стилистически четкие характеристики. Полная приключений юность, приобщение во время турниров к «великому искусству ведения боя», стремление избежать праздности дома и поиски службы на стороне или в далеких странах - все это основные составляющие начинавшего складываться рыцарского образа жизни. Верность и доблесть, мужество и *courtoisie* (куртуазность) - все это качества, отчетливо выделенные как биографом Гийома ле Марешаля, так и авторами, писавшими о рыцарстве в более поздний период; это именно те качества, которые мы инстинктивно ассоциируем с рыцарским (точнее, рыцарственным) образом жизни, а не только с идеями, преподносимыми рыцарской литературой.

Изысканность манер, вежливость и учтивость рыцаря в литературных произведениях XII века требуют особого внимания. В широком смысле термин *courtoisie* (куртуазность) подразумевает набор манер, соответствующих поведению при дворе правителя, и просто удивительно, что мир придворных занимает в жизни Гийома ле Марешаля практически столько же места, сколько и мир военного лагеря. Свой первый настоящий и действительно большой рывок вперед он сделал тогда, когда его заметила Альенора Аквитанская, знаменитая покровительница трубадуров. Большой королевский турнир в Плере близ Эперне, в котором Гийом принял участие в 1177 г., проводился под эгидой Генриха, графа Шампанского¹⁴; и это именно по приказу его супруги, графини Шампанской Марии (дочери Альеноры), Кретьен де Труа предпринял написание романа о Ланселоте; а французский куртуазный писатель Андрей Капеллан сделал Марию Шампанскую судьей на «суде любви»^{3*} в своем трактате «*De arte honeste amandi*»¹⁵. Гийом также, как мы видели, был гостем при дворе Филиппа Фландрского, еще одного великого покровителя рыцарства и изящной словесно-

сти. Что касается куртуазного поведения влюбленного рыцаря, то этот аспект биографии Гийома освещен довольно слабо, хотя сообщается, в частности, что, когда Гийом явился в Жуаньи на турнир, графиня Жуаньи и ее фрейлины любовались, как он первым выбил своего соперника из седла.¹⁶ А вот Ламберт Ардрский рассказывает, что его герой прекрасно умел вести куртуазную любовную игру с графиней Идой. Богатство и яркие краски придворной жизни, впрочем, отлично переданы обоими авторами - Ламбертом в описании празднества по случаю посвящения Арнольда в рыцари, а биографом Гийома в описании богатой экипировки рыцарей, явившихся на турнир в Плер, и их великолепных боевых коней, купленных ими в далеких странах: в Испании и на Сицилии. Более значительные личности, например граф Гиньский или граф Шампанский, имели, разумеется, еще более роскошную экипировку и коней. А Фридрих Барбаросса в 1184 г. приказал устроить на берегу Рейна близ Майнца целый палаточный город, состоявший из множества шатров и навесов, где разместилась его свита, явившаяся на праздничный турнир в честь по... Немецкий поэт XII века Генрих фон Фельдеке сравнивал это событие в своем «Eneit» («Энее») с описанным Вергилием великим празднеством по случаю свадьбы Лавинии и Энея: «Никогда прежде не слышала о подобных празднествах, и только в Майнце состоялось нечто подобное, когда сыновей.»¹⁸

Празднества, турниры и блеск знатных дворов привлекали людей из самых различных мест; и эти люди зачастую весьма отличались друг от друга по уровню благосостояния и знатности. Арнольд Ардрский был сыном графа, получившим в наследство не только старинное родовое имя, но и состояние; покровитель Гийома ле Марешаля, Генрих Молодой Король, стоял еще выше - был наследником королевского трона. А вот сам Гийом, когда мы впервые с ним встречаемся, был всего лишь безземельным юнцом, которому только еще предстояло создать себе имя и хоть какое-то состояние, подобно тем «бед-

ным сотоварищам», которых Жоффруа де Шарни включает в рыцарское братство, отмечая их особое рвение в погоне за военными трофеями. И все же Гильом вписался в рыцарское общество на равных. Гам, без сомнения, были и куда более бедные «товарищи», чем он, и менее знатные, и не имевшие практически никаких перспектив, и среди них - молодые *chevaliers errants* (странствующие рыцари), которых биограф Гийома определяет как «странствующих с одного турнира на другой в поисках славы и наград». Немало бедных рыцарей, которые имели совсем небольшое состояние или вообще никакого, прославились также среди трубадуров, искавших покровительства августейших особ, вроде Аленоры Аквитанской. Сцена из произведения Ламберта Ардрского, когда Арнольд бросается в толпу менестрелей, пажей и жонглеров и щедро раздает деньги, проявляя свою *largesse*, лишний раз напоминает о том, что куртуазный мир попросту не мог существовать без различного рода прихлебателей, причем некоторые буквально зубами цеплялись за свое место в нем. Далеко не все они были людьми военными; были среди них и клирики, и менестрели, и просто хорошо образованные люди. Это было общество культурное и достаточно открытое для людей самого различного достатка и знатности.

Хронист Ордерик Виталий, описывая двор Гуго (Хьюго) Честера, сподвижника Вильгельма Завоевателя, дает характеристику общества, собиравшегося там и во многом схожего с обществом, воспитавшим Арнольда Ардрского и Гийома де Марешаля. Гуго, по словам Ордерика Виталия, очень нравилось великолепие этого общества, и он, будучи человеком щедрым, любил также всяческие развлечения - «песни и игры, хороших лошадей и прочие проявления тщеславия».¹⁹ Вокруг него постоянно виляла целая стая молодых людей самого различного происхождения и положения в обществе, как рыцарей, так и клириков. И среди последних был некий Герольд, который часто рассказывал всей честной компании о великих подвигах Св.Маврикия, Св.Георгия, Св.Дмитрия (имеется в виду, скорее всего, Димитрий II Никатор (Победоносный) - И.Т.) и прочих святых воителей, а также знавший историю Вильгельма Коротконосого (William Court-Nez) - того са-

мого графа Гильома Оранжского, который был героем целого цикла эпических песен (chansons). Разница между Ордериком и Ламбертом, и в данном случае это очень важно, заключается, конечно же, в том, что первый описывает мир более раннего - на целых сто лет! - периода. Мир Арнольда Ардрского и Гильома ле Марешаля возник не сразу. И если мы хотим разобраться, как создавалось свойственное этому миру понятие о рыцарском образе жизни и как были установлены свойственные этому образу жизни нормы поведения, нам придется сперва оглянуться назад и рассмотреть некоторые события примерно полутора вековой давности по трем группам: военные, общественные и литературные, и две последних группы событий в значительной степени пересекаются.

XI век был очень важным периодом в военной истории средних веков, особенно в истории тактики конных войск. В Европе введение в обиход стремян (изобретенных на Востоке) уже с начала VIII века значительно усилило значение кавалерии. Стремена обеспечивали воину-всаднику куда большую устойчивость в седле и одновременно значительно большее удобство в управлении конем. Однако, по всей видимости, лишь в XI веке в результате дальнейших технических усовершенствований и развития тактики кавалерия сумела достичь действительно серьезных успехов, когда в решающий момент сражения именно атака тяжелой конницы с копьями, взятыми «в упор» (т.е. плотно зажатыми под правой мышкой и направленными на врага), способна была решить исход дня. Было немало споров по поводу того, не относилось ли это тактическое достижение к более раннему периоду, чуть ли не современному введению в обиход стремян, однако наиболее яркие свидетельства, похоже, указывают, и достаточно отчетливо, на период после 1000 года, а возможно, даже и на самый конец XI века, когда подобный способ использования копья - которому предстояло

надолго задержаться в арсенале средневековой военной тактики - был впервые взят на вооружение.²⁰

Без стремян таранная атака с копьями, взятыми «в упор», вряд ли могла стать одним из основных приемов боя, хотя более легкая пика и седло также играли важную роль. Существует четыре основных способа использования копья всадником. Его можно держать, крепко ухватив примерно посередине (в центре тяжести) на правой вытянутой вниз руке и нанося удар «из-под руки». Точно так же его держат, подняв его в вытянутой вверх руке, когда наносится удар сверху. Или же копьё можно метнуть в противника, если тот находится достаточно близко. Для всех этих целей требуется относительно легкое копьё (пики), которое нужно держать примерно в точке равновесия. Четвертый способ использования (уже тяжелого) копья всадником весьма отличен от остальных. Копьё зажимают под мышкой правой руки («берут в упор»), чтобы оно было совершенно неподвижно, и отклоняются назад, оставляя левую руку свободной, чтобы держать повод и прикрываться щитом. Таким образом, конь, всадник и копьё как бы составляют единое целое - и, таким образом, кавалерист способен нанести по скоплению врага «таранный удар» всем весом (своим собственным, коня и копья), и эффект этого удара будет зависеть от темпа атаки и силы удара. Такова была, например, знаменитая кавалерийская атака франков; согласно мнению одного из описывавших ее современников, «конный франкский воин способен был пробить дыру даже в стенах Вавилона».²¹ Чтобы сделать подобный маневр действительно эффективным, требовалось более тяжелое копьё: легкое копьё (пики) при таком ударе просто сломалось бы. Обнаружилось также, что всадник, пользующийся таким приемом боя, может держать свое копьё несколько дальше центра тяжести, ближе к его хвостовой части, и при этом равновесие копья не нарушится, зато можно будет использовать более длинное копьё, что было безусловным преимуществом при том способе ведения боя, который только что был описан. Большую пользу принесла и усовершенствованная, более высокая, задняя лука, не дающая противнику сразу выбить конного воина из седла при ударе.

Иконографические свидетельства говорят в пользу того, что именно вторая половина XI века стала ключевым моментом в развитии этого нового способа ведения конного сражения. Иллюстрации к манускриптам IX и X веков также свидетельствуют о том, что копьё в этот период использовалось только тремя первыми способами, о которых я упоминал ранее, но не четвертым: однако этот способ встречается уже среди иллюстраций к одному-двум манускриптам XI века - например, в Admont Bible («Библии Увещания») (ок.1080 г.). Наиболее впечатляющими иконографическими свидетельствами, однако, являются гобелены Байо (опять-таки ок.1080 г.).²² На них изображены конные рыцари, использующие копьё всеми четырьмя упомянутыми способами. Большая часть бьет копьём сверху или бросает его, поднимая над головой; или готовится это сделать. Иные всадники держат его, взяв «в упор» и явно готовясь нанести удар. Трое рыцарей, собирающихся применить подобный прием и изображенных на гобелене, посвященном битве при Гастингсе, явно вооружены более тяжелыми копьями, чем большая часть остальных конных воинов, и с концов этих тяжелых копий свисают узкие и длинные боевые флажки, которые, безусловно, стали бы помехой, если бы эти воины пожелали свои копья метнуть, как то делают изображенные рядом их товарищи по оружию.

Луки седел у всадников, изображенных на гобеленах Байо, также явно усовершенствованы, если сравнить их с более ранними вариантами седел, известными по иллюстрациям к различным манускриптам. Подобная посадка рыцаря, идущего в лобовую атаку с тяжелым копьём «в упор», стала вполне обычной уже лет через тридцать после того, как была завершена работа над гобеленами Байо, и отсюда, таким образом, следует вывод, что эти гобелены отразили весьма важный этап в развитии нового вооружения конных воинов, когда вооружение это еще только начинало вводиться в обиход.

Иконографические свидетельства эпохи средневековья могут, правда, направить и по ложному пути: художники этого периода так часто копировали произведения своих предшественников, что изучение иллюстраций к манускриптам легко может привести к установлению

более поздней даты для того или иного технического новшества. В таком случае, впрочем, следует обратиться за дополнительной информацией к литературным источникам, свидетельства которых могут либо подтвердить, либо опровергнуть тот или иной вывод, сделанный на основе изучения книжных иллюстраций. Когда новый способ применения копья в бою стал использоваться конными воинами против конных воинов, то в результате лобовой атаки оба копья либо ломались, либо одному из воинов удавалось-таки проткнуть противника (в случае чего его копье тоже обычно ломалось), либо же один из воинов бывал начисто выбит из седла. Таковы типичные результаты подобного боя, описанные в бесчисленных повествованиях о рыцарских турнирах и частных поединках, столь характерных для художественной литературы XII века. Первым художественным произведением, где изображено участие в сражении кавалерии с применением ею то одного, то другого из перечисленных выше приемов боя «один на один», является

Оксфордская рукопись «Песни о Роланде», и в качестве даты создания этого манускрипта было предложено довольно много различных вариантов между 1100-1130 гг. Жоффруа Малатерра, писавший в начале XII века (примерно в 1100 г.), повествует о том, как Серло, один из братьев Отвиль, победил бретонского рыцаря, которому всегда удавалось выбивать из седла многочисленных норманнских противников при осаде Тильера в 40-е годы XI века.²³ Возможно, это свидетельство и недостаточно убедительно для столь раннего периода, зато оно вполне убедительно для времени самого Жоффруа, когда, кстати, создавалась и «Песнь о Роланде». Примерно к тому же периоду относятся и участие конных рыцарей в Первом крестовом походе (1096-1099), когда их ошеломительная лобовая атака с копьями «в упор» не раз служила ключевым моментом в сражении, приводившим франков к победе. Анна Комнина говорит о «неотразимом первом ударе» атакующих франков (одним из недостатков этой тактики было то, что первый успех необходимо было обязательно закрепить; однако франки еще не умели быстро перегруппировывать свои силы для второго столь же мощного атакующего удара, если первый оказывался недо-

статочным).²⁴ Более ранних упоминаний о выбивании противника из седла копьем, о «таранном ударе» или о лобовой атаке нет, и все свидетельства достаточно упорно указывают на то, что ключевые изменения в способах использования копья и, соответственно, в тактике боя происходили именно во второй половине XI века.

Впрочем, эта новая тактика была не единственным новшеством в военном искусстве этого периода. Существуют свидетельства, что в конце XI века имелись и иные, не менее важные достижения - например, существенный прогресс в строительстве замков и технике ведения осады. Нам представляется, однако, что новая тактика конного боя имела особую важность. Она не была и не могла быть достижением только военного искусства. От тех, кто эту тактику применял, требовался новый уровень мастерства и подготовки, и в эпоху, когда не существовало еще постоянных армий и когда военное обучение не стало еще делом государственным, это не могло не повлечь за собой определенных социальных последствий. Вряд ли явилось простой случайностью то, что в конце XI - начале XII вв. мы впервые со всех сторон слышим о турнирах - а ведь именно такие события, как турниры, служили естественным (и неистощимым!) источником, из которого авторы, поэты и хронисты - например, тот менестрель, что был автором «Истории Гийома ле Марешаля», - черпали сведения для описания подвигов, совершаемых героями их произведений, и их невероятной способности выбить из седла любого противника. Турниры, которые на столь раннем этапе служили для групп конных воинов чем-то вроде генеральной и общедоступной репетиции настоящего сражения, представляли собой и великолепный полигон для совершенствования новых приемов боя. А также, безусловно, эти состязания собирали множество зрителей, среди которых были представители самых различных слоев населения. Это был достаточно рискованный вид спорта, но риск, которому подвергали себя участники турниров, был не только физическим, но и - в не меньшей степени - экономическим, ибо проигравшего могли взять в плен, заставить платить выкуп, или же он мог потерять своего боевого коня. Новые способы ведения боя, как бы

хороши они ни были, требовали дополнительных затрат на соответствующую экипировку. Так, для конного рыцаря в два раза важнее стало наличие кольчуги, способной защитить его от удара тяжелым копьем в схватке с противником. Ему нужен был хороший боевой конь и запасные лошади, а также человек для ухода за ними, который мог бы привести их в случае надобности на ристалище или на поле брани.²⁵ Большая часть рыцарей прежде всего была озабочена поисками денег на собственную экипировку: для того, чтобы стать конным рыцарем, теперь требовались существенные дополнительные средства или богатый покровитель. А потому различные аристократические объединения или союзы постепенно приобретали все большее значение для тех, кто стремился пополнить ряды рыцарства.

Увы, источники не обеспечивают нас достаточными сведениями ни о военной подготовке, ни и об экипировке воинов XI века. Что касается первого, то следует отметить, что образованию в знатных домах уже уделялось явно немалое внимание и образованные люди там были в чести, а отсылка будущего рыцаря на воспитание ко двору другого сеньора успела стать вполне установившейся традицией. Рабан Мавр (780-856, франкский ученый и педагог - И. Т.) еще в IX веке рассказывал о том, как его молодых современников отдавали в знатные дома, чтобы юноши научились не только переносить физические трудности, но и овладели искусством верховой езды и некоторыми другими умениями²⁶; мы уже видели, что позднее и Гийом ле Марешаль, и Арнольд Ардрский также были отосланы из дома ко дворам знатных сеньоров, дабы научиться там хорошим манерам и военным искусствам. Многие богатые феодалы держали при дворе целый отряд рыцарей, без сомнения принимавших самое непосредственное участие в подготовке и тренировке молодых людей, присылаемых туда на воспитание. Эти «придворные» рыцари были вооружены и экипированы за счет своего знатного господина и покровителя; он мог также одарить оружием и боевым конем и кого-то из своих любимых юных протеже. Однако, если юноша был из богатой семьи, то на его экипировку приходилось раскошелиться отцу. А вот небогатый молодой человек

мог столкнуться с серьезными трудностями. Гийом ле Марешаль, потеряв боевого коня в первом же своем сражении при Дринкуре, вынужден был заложить даже тот плащ, в котором его - буквально за день до этого - посвятили в рыцари, и только благодаря этому смог купить взамен какую-то жалкую лошаденку. Стремление участников любого сражения захватить как можно больше коней - самая распространенная и наиболее часто повторяющаяся тема военных *chansons de geste* (героических эпических поэм), и это вряд ли удивительно, как, впрочем, и то, что одним из признаков истинной щедрости (*largesse*), которую воины особенно приветствовали в своем предводителе, была его способность награждать верных ему людей дорогими подарками в виде оружия и коней.

Усовершенствования, о которых мы уже говорили, в области вооружения и способов ведения боя способствовали также воспитанию единства в рядах тех воинов, которые тем или иным способом сумели обеспечить себя всем необходимым для участия в сражении. Да и особые умения и подготовка делали этих людей отличными от остальных. Одинаковое воспитание, как известно, кует достаточно прочные узы, и такие узы легко ковались там, где (как и в рассмотренных нами случаях) воспитание в чужом доме и профессиональное обучение были столь тесно взаимосвязаны. Воспитание молодых людей при дворах знатных сеньоров способствовало также развитию у них общих представлений об определенном стиле жизни, свойственном тем, кто этот стиль создавал и поддерживал. И, без сомнения, среди этой молодежи было немало таких, кто - наблюдая за своими покровителями, ухаживая за их лошадьми и набираясь знаний и опыта на службе в низших должностях - умудрялись при первой же возможности благодаря собственной инициативе и предприимчивости проложить себе путь в общество настоящих *chevalier*. Но каждое новшество, улучшавшее защиту конного воина, а значит, связанное с укреплением и утяжелением как его собственных доспехов, так и конских, общий вес которых способен был выдержать лишь очень сильный, а стало быть и очень дорогой конь, затрудняло таким новичкам продвижение по карьерно-иерар-

хической лестнице. Новая тактика боя и совершенствование оружия постоянно усиливали стремление представителей аристократии вступать в ряды рыцарей, обостряя у них чувство общности, точнее, общей принадлежности к рыцарскому сословию, объединявшему всех тех, кто был способен или мог надеяться участвовать в войнах и турнирах как конный воин.

Исходно, латинское слово *miles*, которым такие писатели, как Ламберт Ардрский, пользовались для обозначения рыцаря, на самом деле значило просто «профессиональный воин». Ну что ж, способ, ничуть не хуже других, во всяком случае он позволял понять те социальные перемены, которые - и надо сказать, весьма ошутимо, - происходили параллельно переменам в делах военных (которые мы, собственно, до сих пор и рассматривали), а заодно и определить, сколь сильно изменилось само значение данного термина и его применение на протяжении XI-XII веков.

Прежде всего, оказывается, слово *miles* начинают употреблять в более узком, чем в классической латыни, значении, и оно превращается в некий военный термин для обозначения исключительно конного воина. В этом значении его изредка использовал еще Рише^{4*} в самом начале XI века. А в рассказах о Первом крестовом походе, то есть к концу XI века, подобное использование этого термина стало уже нормой²⁷; причем в этих историях *milites* явно отличаются от пеших солдат. Как, впрочем, выделяются и в особую общественную группу благодаря своей военной функции - подобно тому как воинское сословие вообще отличается, с одной стороны, от церковного сословия, а с другой - от *imbelle vulgus*, простого люда, и особенно от крестьян. Такое употребление слова *miles* особенно бросается в глаза в текстах, которые касаются так называемого Божьего Мира.²⁸ (Это был установленный церковью закон, поддерживаемый местными цер-

ковными советами и имевший целью установление мира и защиту мирного населения от тягот войны; он был санкционирован церковными властями, а иногда поддерживался и отдельными верными церкви рыцарями, действующими по ее указке. Обычно пункты этого закона запрещали ведение каких бы то ни было военных действий с пятницы до понедельника, а также в дни церковных праздников и гарантировали защиту от тягот войны тем, кто в военных действиях не участвует - священнослужителям, купцам, ремесленникам и крестьянам.) И наконец, слово *miles* все чаще стало употребляться в этот период в различных уставах (особенно в подписных листах) для обозначения общественного положения того или иного лица. Сперва с его помощью выделяли группу людей, обладавших весьма скромным достатком, желая сразу отличать владельцев крохотных поместий от крупных феодалов, например от графов и кастелянов, - то есть от знати. Но оказывается, что позднее, однако - а во Франции очень широко уже к началу XII века - представители знати сами начинают называть себя *milites*, хотя и очень осторожно.²⁹ Подобное расширение значения этого слова и постепенное превращение его в некое звание свидетельствует, по всей видимости, о том, что эти две группы - мелкое рыцарство (которое раньше часто называли *vassī* или вассалы) и крупные феодалы, то есть знать (этими вассалами правившая), - все более сближались в плане социального единства (хотя, разумеется, несколько не сближались в экономическом отношении) и что само по себе слово *miles* приобретало все более отчетливый почтительный оттенок. А в качестве указания на положение в обществе оно также явно «повысилось в цене».³⁰

В свете того, что уже было сказано о развитии новой техники ведения конного боя, первый из перечисленных выше способов использования слова *miles* - в качестве термина, обозначающего прежде всего конного воина, - не требует дальнейших комментариев. В отличие от двух остальных, которые, пожалуй, можно было бы представить как связанные между собой, поскольку в обоих случаях конечной целью является желание очень четко отделить *milites* от всех прочих членов

общества. Различие между *milites* и всеми остальными по канонам тех церковных советов, которые провозглашали Божий Мир, по сути своей функционально и аналогично тем отличительным признакам, которые выделяют такие образованные писатели-клирики, как Адальберон Лаонский и Жерар го общества - духовенства, воинов и трудящихся. Хотя эти писатели обычно использовали иные (чем *milites*) термины для обозначения воинов, тем не менее их высказывания на сей счет имеют весьма важное сходство с церковными канонами: в обоих случаях отличие воинов от трудящихся является не функциональным, а скорее социальным. Согласно церковному канону, воины не должны вмешиваться в мирские дела, а мирские дела не должны мешать духовной жизни. В другом и заставили французскую церковь вмешиваться, когда королевская власть оказалась очевидно бессильной. Соответственно, Адальберон Лаонский относил к знати главных действующих лиц воинского сословия, обязанностью которого была защита Церкви и бедняков.³² Использование этого слова в юридических документах опять-таки явно отличает *milites* от представителей остальных сословий. Согласно документам раннего средневековья, которое глубочайшим образом исследовал Ж. Дюби со своими коллегами, *milites* стоят ниже «собственно знати» (тех представителей могущественных родов, которые были основаны графами или, на худой конец, кастелянами), но выше просто «свободных людей», обладавших более скромным социальным статусом, чем они. Главным признаком их особого положения в те времена (в середине XI века) является, по всей видимости, свобода от сеньориальных поборов («баналитета»)³³ Таким образом, в раннем французском законодательстве рыцарство представляется чем-то вроде мелкого дворянства, которое, служа своим покровителям, обретало *quid pro quo* свободу от некоторых весьма обременительных обязанностей, причем свобода эта выгодно отличала представителей этого сословия от тех, кто возделывал землю. Позднее, как уже говорилось, мы видим, что и знать начинает пользоваться тем же званием *milites*, что и люди менее знатные, и таким образом различия между ними постепенно

размываются - не в экономическом плане, конечно, здесь они останутся еще надолго, но в стиле жизни и в самом названии сословия. Таким образом, два полюса аристократии начинают понемногу сближаться; и понятие «знать», которое Адальберо Лаонский соотносил с великими людьми, командовавшими военными силами страны, начинает обозначать все рыцарство в целом, то есть не только тех, кто находится во главе конного войска, но и самых обычных конных воинов - то есть все рыцарское сословие в целом, которое Луллий впоследствии назвал «благородным» сословием.

Итак, до сих пор мы вели рассуждения исключительно в рамках терминологических и словарных значений. Но настоящей движущей силой, сближавшей тех, кто находился на противоположных полюсах высшего общества во Франции XI века, была их взаимная потребность друг в друге. Многие богатые феодалы, происхождением своим связанные с эпохой Каролингов³⁴, нуждались в услугах небогатых рыцарей для ведения, во-первых, бесконечных междоусобиц, а во-вторых, той борьбы, какая, например, постоянно имела место между домами Блуа и Анжу за контроль над Туренью или - между норманнами и Капетингами в пограничном Вексене. Знати требовалась помощь рыцарей и для того, чтобы держать в узде могущественных кастелянов, по сути дела хозяйничавших у них в замках, и баронов-разбойников, вроде свирепого Тома из Марля, с которым Людовику VI пришлось вести столь долгую борьбу, прежде чем тот ему подчинился.³⁵ В таких сражениях рыцари обеспечивали своего господина элитной конницей (*corps d'elite*); но, возможно, еще более важным для сеньора было то, что лишь на это, единственное в своем роде «офицерское» подразделение, он мог действительно опереться, переложив на него часть своих основных обязанностей по управлению боевыми гарнизонами в укрепленных замках и крепостях и по ведению осад. Те представители знати, которым удалось консолидировать свою власть над собственными территориями и даже расширить ее, нуждались в большем количестве людей, способных оказать им подобные услуги, и получали сторицей, используя свое богатство для того, чтобы подчеркнуть привлека-

тельность и высокую честь службы у них. Ибо в награду за верную службу сеньор мог предложить простому рыцарю немало: вознаграждение - например, в виде оружия, денег или земли; помощь в заключении удачного брака; управление собственным поместьем; но самое главное - защиту его привилегий и благосостояния в бесконечном соревновании за экономические преимущества с богатыми горожанами и состоятельными земледельцами.

Незащищенность мелких рыцарей в значительной степени обуславливала столь положительное их отношение к тем наградам и преимуществам, которые могли им обеспечить богатые феодалы. Отсюда и готовность высоко оценивать великодушие знати, и радость при виде щедрых публичных наград, чему имеется немало ярких свидетельств в рыцарской литературе данного периода. Героические поэмы и песни рассказывают нам о том, как Гильом Оранжский и Гарен Лотарингец призывали наследи Аристотель в «Романе об Александре», написанном в XII веке, весьма наглядно объясняет молодому королю, каким образом великодушие (*largesse*) правителя может завоевать сердца людей и тем самым обеспечить ему, правителю, их верную службу.³⁷ В первых романах артуровского цикла король, но по отношению к бедным рыцарям. «Он воздавал должное и богатым как своим близким друзьям, и бедным за проявленные ими достоинства и доблесть, а также - чтобы умножить свою славу в этом мире и перед Господом.»³⁸ С другой стороны, богачи-скряги и те, кто подобно персидскому царю Дарию в «Романе об Александре» принимают к себе на службу людей низкого сословия да к тому же не обеспечивают им должного содержания, как того требует рыцарская традиция, являются предметом насмешек в *chansons* и ранних романах.³⁹ В этом отношении литература в точности отражает устремления истинно рыцарского общества, в котором молодые холостяки и неженатые «*cadets*» (младшие сыновья и братья), которым нечего предложить, кроме своих мечей, хорошей родословной и воспитания, при-

вившего им любовь к приключениям, составляли подавляющее большинство тех, кто толпился при дворах представителей высшей знати. Для таких людей, чье общественное положение действительно было не слишком прочным, служба у могущественного сеньора имела огромную психологическую, а не только экономическую привлекательность, ибо благодаря этой службе их имена начинали ассоциироваться с тем высоким положением в обществе и той репутацией, которыми обладали их покровители, представители богатых и знатных родов. Одной из главных литературных функций «бретонского цикла», посвященного королю Артуру и его рыцарям, безусловно было провозглашение равных условий для всех рыцарей - как самых могущественных, так и самых скромных, - которых он пригласил в свой пиршественный зал и которые завоевали право сидеть за Круглым Столом собственной доблестью и верным служением своему господину.

* * *

Те же трудности и те же надежды молодых людей с «окраин» аристократического общества, строивших карьеру по принципу «либо пан, либо пропал», отражены и в любовной поэзии трубадуров Южной Франции. Некоторые из трубадуров были, как известно, людьми весьма знатными, например их «отец-основатель» герцог Вильгельм IX Аквитанский, который, рассказывают, имел щит с портретом своей любовницы и говаривал при этом, что «по собственному желанию несет ее на себе во время сражения, как она несла его на себе в постели».⁴⁰ Но больше, значительно больше было таких, кого известный исследователь куртуазной литературы Рето Беццолла описывал как «soudoiers et sirvens, guerriers de fortune, promenant de chateau en chateau une vie avatureuse et libre» («подчиненных своему хозяину и бывших у него на жаловании «солдат удачи», которые переезжали из замка в замок и «вели жизнь вольную и полную приключений»».⁴¹ В литературных произведениях, посвященных таким людям, поклонение своей госпо-

же - прекрасной даме, супруге графа или знатного барона - имело не только эротико-любовный, а куда более глубокий смысл. То, что «дама» принимала любовь своего обожателя (а это означало, что она принимала лишь его услуги, но отнюдь не допускала влюбленного рыцаря в свою постель), служило для него *laisser passer* (пропуском) в богатый и безопасный мир того двора, хозяйкой которого она являлась. Куртуазная литература трубадуров, таким образом, характеризовалась определенными нормами любовной этики служения прекрасной даме, и этика эта по сути своей была вполне сопоставима с этикой верного рыцарского служения своему господину; и действительно, даже ее лексический ряд отличается немалыми заимствованиями из рыцарского словаря, характеризовавшего отношения господина и его вассала и верную службу последнего первому. Однако же существовали и весьма серьезные отличия этих двух служений - любовного и феодального - причем отличий было не меньше, чем сходных черт. Лирика трубадуров, исходно интроспективная, как бы направленная в глубь человеческой души, стремилась отразить всю сокрушительную силу греховной страсти, порожденной любовью к женщине, и интерпретировала эту силу как источник самых высоких качеств и самых благородных устремлений того, кто навеки обещал служить своей госпоже. По мнению Андрея Капеллана, «давно решено, что все прекрасное в мире, как и всякая куртуазность, проистекает только из любви».⁴² Таким образом, при куртуазных любовных отношениях одобрение со стороны благородной дамы выглядело и воспринималось как совершенно новая и весьма могущественная поддержка - как светская, так и психологическая, - требований рыцарского кодекса куртуазной добродетели и боевой чести. Как заявил Виллехам, герой Вольфрама фон Эшенбаха, в своей замечательной речи, обращенной к рыцарям накануне битвы, «насождают две награды: рай и признательность благородной дамы.»⁴³

Эта любовная этика накладывала свой отпечаток социальной исключительности и на особую куртуазную форму любовных отношений. То, что бедный рыцарь прекрасно сознавал, сколь необходимо,

чтобы оказываемые им услуги были признаны предметом его обожания, ярко отражено в часто повторяемой трубадурами формуле, согласнo которой лишь бедные способны понять, что такое истинная куртуазность, ибо богатый бедный рыцарь трудится и совершает подвиги, которые лишь очищают и оттачивают его чистое чувство, придавая ему особую, куртуазную ценность.⁴⁴ Возможно, трубадуры юга Франции сильнее северных труверов стремились осудить скупость богатых сеньоров и воспеть их великодушие; именно рыцарь с юга Бертран де Борн заявлял, что его не интересует тот господин, который никогда не пожелал бы заложить свои владения, чтобы щедро одарить других⁴⁵; а первой заповедью бога Любви в трактате Андрея Капеллана является поношение скупости, подобной чуме.⁴⁶ И в то же время, разумеется, куртуазная любовь представляла собой некий идеал служения, и даже знатный господин мог отдаться этому служению целиком, ничуть себя при этом не унизив. Поэзия трубадуров столь же красноречиво, как и произведения северных труверов или рыцарские романы, отражала те процессы, благодаря которым в XII веке происходило все большее сближение высшей знати и профессионального рыцарства, и поэзия эта являлась куртуазной (т.е. «придворной») в том особом смысле, что именно при дворах высшей знати и пересекались пути этих двух общественных групп.

Таким образом, дворы наиболее знатных французских сеньоров XII века играли решающую роль в окончательном формировании жизненных принципов и идеологии, которые впоследствии были описаны, например, в произведениях Ауллия и де Шарни и безусловно отразились в карьерах Арнольда Ардрского и Гийома ле Марешаля. Столь важную роль дворы знатных феодалов играли потому, что они, как уже было сказано, служили, во-первых, местом встречи представителей совершенно различных слоев высшего общества, а во-вторых - центрами светской литературной жизни. Именно там собиралась та аудитория, для которой исполнялись *chansons de geste* и к которой были обращены первые романы, посвященные рыцарям Круглого Стола.

Следует особо подчеркнуть, что *chansons* представляли собой достаточно изысканную литературную традицию. Их авторами не были, как некогда предполагали исследователи, малообразованные менестрели, просто перерабатывавшие народные сюжеты; скорее, версификаторское искусство менестрелей носит отпечаток тех форм, что исходно были свойственны поэзии Рима, и многие из этих авторов были несомненно и сами клириками, то есть людьми образованными, и в той или иной степени знали латынь.⁴⁷ Авторы же первых романов, во всяком случае многие из них, были еще более образованными людьми. Они достаточно хорошо знали классическую литературу, интерес к которой был весьма велик в учебных заведениях XII века, особенно к Вергилию и Овидию. И не случайно Кретьен де Труа (буквально с головой погруженный в творчество Овидия) без конца цитирует Макробия^{5*}, считая его в красное платье, украшенное символами арифметики, геометрии, астрономии и музыки, которое носил Эрек^{6*} при дворе короля Артура^{4*}; именно Макробий служил основным источником, которым тогдашние схоласты пользовались для углубленного проникновения в суть классической философии. В других местах Кретьен особо подчеркивает взаимосвязь рыцарства и образованности. Образованность в произведениях куртуазных писателей оценивается чрезвычайно высоко, потому что не только знатные покровители этих писателей, но и, безусловно, многие представители «клиентажа», находившиеся под патронажем того или иного крупного феодала, также часто были людьми образованными. И уж точно далеко не все они были туповатыми воинственными обывателями (хотя некоторые действительно таковыми были). Панегирический портрет Джеффри (Жоффруа) Красивого Плантагенета, графа Анжуйского^{7*}, созданный хронистом Жаном де Мармутье, явственно свидетельствует о том, что это не только великий военачальник и большой любитель рыцарства и турниров, но также и весьма образованный правитель, который учился искусству осады по произведениям Вегеция и был знатоком поэзии на местных языках. Мы не должны забывать, что и Абеляр, например, был сыном бедного

бретонского рыцаря, позаботившегося о приличном общем образовании для своих детей, которые упражнялись не только в военных искусствах.⁵⁰ Рыцари и клирики происходили из одной среды и понимали мир друг друга гораздо лучше, чем это сейчас порой кажется некоторым историкам.

В одно время с созданием *chansons* и романов мы должны поместить и еще один род литературной деятельности, который также являлся продуктом новой учености, получившей распространение при дворах, и который был чрезвычайно важен, ибо придал рыцарским отношениям законченную форму. Имеется в виду написание семейных хроник, в которых основу сюжета составляли великие деяния предков данного рода - а конкретнее, предков того, кто являлся покровителем автора данной хроники.⁵¹ Истории знатных семейств, написанные Р.Васом, Бенуа де Сен-Мором, Ламбертом Ардрским и Жаном де Мармутье^{8*}, сколь бы они ни были различны, все, тем не менее, принадлежат именно к этому жанру. Это отнюдь не такой уж новый жанр исторической литературы: он знаком нам, например, по созданной монахом Видукиндом в X веке «Саксонской хронике», посвященной происхождению саксонского королевского дома.⁵² Новым же было следующее: теперь прославлялись предки и тех знатных людей, которые не были связаны с настоящими королевскими фамилиями (или же были с ними связаны лишь косвенно). Кроме того, хроники XII века выходили из-под пера совершенно новой разновидности историков. Создание исторических трудов в течение многих веков было прерогативой монастырей, и написанные там хроники самым естественным образом отражали заботы и особые интересы того монастыря, к которому принадлежал автор хроники. Авторы же семейных хроник гораздо чаще были людьми светскими, клириками или капелланами, связанными с двором того или иного феодала, о предках которого они и писали, и эти авторы привносили в свои истории некий новый аромат, рассматривая описываемые события под иным углом зрения. Их не слишком интересовала милостыня, которую жаловали их покровители, как и те церкви, которые строил тот или иной феодал

или его предки; гораздо больше их занимала генеалогия данного (знатного) рода и те подвиги, благодаря которым этот род и стал знаменитым - иными словами, тематика их произведений была самой что ни на есть рыцарской.

Генеалогическое древо, благодаря которому тот или иной представитель знати мог проследить истоки своего титула и узнать о своих родовых корнях, обычно составляло основу писаний того или иного семейного хрониста. Особо выделялась отцовская линия родства, хотя

все сколько-нибудь значимые в плане знатности или же территориальных владений преимущества, приобретенные благодаря браку, разумеется тщательно отмечались. Фамилия рода или, точнее, прозвище, обычно являвшееся производным от названия территории, находившейся во владении этого феодала, или же от названия его замка, служили как бы знаком единства всего рода (чуть позже это станет совпадать с фамильным гербом и превратится в чисто внешний и весьма выразительный символ такого единства). Интересно отметить, что хронисты даже относительно скромных семейств, вроде Ламбера де Ватрело, который писал в конце XII века и происходил из мелкого рыцарства Фландрии, всегда старательно отмечали среди своих предков рыцарей - *milites*.⁵³ Здесь мы видим формальную связь происхождения с рыцарским сословием, находящимся в процессе становления; предвосхищение более поздней законодательной доктрины, согласно которой впоследствии в ряды рыцарства не будет допускаться тот, кто не сможет указать хотя бы одного конкретного рыцаря среди своих предков по отцовской линии. Еще более интересным нам представляется то, как поступали семейные хронисты, обнаружив, что вся сколько-нибудь точная генеалогическая информация уже ими исчерпана. В таких случаях мы то и дело обнаруживаем, как хронисты «прослеживают» генеалогию той или иной семьи вплоть до мифического Иессея^{9*}, основателя династии в героическом прошлом, со славой которого с тех пор ассоциируется все данное семейство. Так, Ламберт Ардрский отслеживает генеалогические корни семейства Арнольда вплоть до некоего Зифрида^{10*}, скандинавского искателя приключений,

который соблазнил дочь графа Фландрского (таким образом устанавливая кровное родство данной семьи с самыми знатными людьми); история герцогства Ангулемского связывает корни семейства с неким Гильомом Тайлефером (William Taillefer), героем эпохи Каролингов; династия графов Анжуйских называет среди своих предков некоего

Тортульфа, великого воина времен Карла Лысого. И этот Тортульф, женившийся на одной из дочерей герцога Бургундского, описан как искусный воин, не отступающий ни перед какими трудностями и испытаниями и абсолютно бесстрашный; боится он лишь одного: утратить собственную честь. «Благодаря всему этому, - говорится в хронике, - он и заслужил высокое положение в обществе как для себя, так и для всего своего рода.»⁵⁴ Связь между подвигами предков и родовитостью в генеалогическом плане, явившаяся особым вкладом литературного жанра семейной хроники в идеологию рыцарства, и не могла бы быть выражена более ясно.

Связывая родословную своих покровителей с героическим прошлым, о котором повествуют *chansons*, семейные историки-хронисты устанавливали и некую явственную связь с настоящим, и притом весьма для этого настоящего важную, имевшую огромное значение для взаимоотношений вассал-феодал. Почестей следовало добиваться, учили эти хроники, верой и правдой служа тому, чьи великие предки своими подвигами прославили свой род, чтобы и на верного слугу нынешнего знатного господина упал отблеск его славы. Таким образом, генеалогическая литература и эпическая *chanson*, оказавшись в одной упряжке, подчеркивали в глазах куртуазного общества вполне уместную на данном этапе релевантность для современного им мира этики верного служения господину и щедрого патронажа. Сходным образом в поэтических версиях таких хроник на местных языках, тесно связанных с *chansons*, героическое прошлое служило настоящей кладовой ярких сравнений, подчеркивавших красоту настоящего; так, одним из способов похвалить человека за доблесть, проявленную в бою, было его сравнение с Роландом или Оливье. Авторы романов, сосредоточив свое внимание главным образом на эпохе Артура, которая претендовала на то,

чтобы считаться истинно исторической наравне с эпохой Карла Великого, еще более расширили понятие идеального рыцаря, как бы придавая его образу дополнительное измерение - особо подчеркнув его *courtisie* (куртуазность), а более всего именно учтивость и благовоспитанность, что представлялось весьма существенным в тогдaшнем обществе, становившемся все более рафинированным и образованным.

Возможно, самым примечательным свойством французской рыцарской культуры XII века было то, сколь быстро рыцарская система ценностей и основные понятия о рыцарском образе жизни распространились далеко за пределы Франции. Без сомнения, одна из главных причин этого - удивительно обширная диаспора французского рыцарства, свидетелями чего стали вторая половина XI века и XII век.

Норманские рыцари завоевали Англию, южную Италию и Сицилию; вместе с рыцарями из других частей Франции, включая южную родину трубадуров, они сыграли выдающуюся роль и в войнах с маврами в Испании, а также - что послужило началом еще более драматичной цепи событий - ведущую роль в крестовых походах в Святую Землю. Куда бы они ни направлялись, они не забывали о своих обычаях, о своей культуре и о своих любимых историях. Однако истории эти, эта система ценностей и исповедуемые рыцарями взгляды распространялись далеко за пределы стран, захваченных французскими армиями, которые устанавливали там французское господство и насаждали французскую культуру. Это происходило отчасти потому, что общество XII века было очень открытым, и его открытость, в частности, чрезвычайно способствовала разнообразным путешествиям. Рыцари из пограничных районов Империи приезжали во Францию, чтобы принять участие в турнирах. Рыцари из Фландрии переплывали море, чтобы служить английскому королю - так поступили, например, предки Ламберта де Ватрело при короле Генрихе I.⁵⁵ В эпоху крестовых походов воины со всей Европы выступали плечом к плечу. Молодые образованные клирики XII века были не менее страстными путешественниками, чем рыцари, и их странствия также способствовали превращению

куртуазной культуры, как и культуры схоластической, в культуру интернациональную. Однако же воззрения французских рыцарей и их система ценностей становились повсеместно известными еще и благодаря той тематике французской литературы, которая отражала чаяния определенной общественной группы не только в самой Франции, но и за ее пределами, где положение этой общественной группы и ее мировоззрение было вполне сопоставимо с положением и мировоззрением французского рыцарства, хотя история ее возникновения и существования была несколько иной. Давайте же завершим рассмотрение социальных и военных корней рыцарства двумя поразительными примерами подобного влияния французского рыцарства на определенные круги Германской империи и Италии.

В X веке и в течение большей части XI века, когда французская монархия была еще очень слаба, Германская Империя уже отличалась значительным могуществом. Она была способна помешать крупным «родовым герцогствам» (Саксонии, Баварии, Швабии и Франконии) консолидировать свое могущество, как это делали герцоги и графы Франции. Могущество Империи было основано на контроле над церковью с ее обширнейшими территориальными владениями и на весьма эффективном управлении императорами, представителями одного рода, своими собственными фамильными землями. Однако же для того, чтобы столь же эффективно управлять и всей страной, императорам нужны были надежные помощники и слуги; то же самое относится и к епископам и аббатам (настоятелям монастырей), все более усиливавшим свое влияние. Именно в этом контексте появляются сведения о *ministeriales* (министериалах, «служилых») и «рыцарях-сервах», которые в Германии более позднего периода. Сперва они появились внутри империи как некая привилегированная группа среди прочих несвободных, чьи обязанности были тесно связаны с управлением хозяйством их знатных господ, лиц церковных или светских. Признаки их несвободы были очевидны: они не имели права отчуждать и продавать свои земли или передавать их кому-то другому, кроме министриалов того

те господина, которому служили сами, приобретать земельные владения или жениться за пределами управляемой их господином территории и без его разрешения. Таковы эти ограничения, явно напоминающие ограничения, существовавшие для сервов Франции или Англии, да и права и привилегии этих «рыцарей-сервов», подобно правам и привилегиям настоящих сервов, также определялись местными законами, установленными во владениях того или иного знатного феодала, на пределах которых эти рыцари были практически бесправны. Что совершенно не похоже на положение свободных вассалов во Франции. И тем не менее, термин «рыцари-сервы», как представляется, может до некоторой степени ввести в заблуждение. Их отношения с господином нельзя рассматривать в рамках обычной социально-правовой зависимости; в обязанности таких людей входило несение различных служб при дворе своего господина и общее руководство хозяйственными работами в его земельных владениях, а также - военная служба у него под началом. Основные должности в господском доме - камергера, сенешаля и маршала - обычно предоставлялись именно им.⁵⁶ Их права на собственное землевладение были к середине XI века признают почти повсеместно, по крайней мере право на наследование земель. В своих собственных поместьях министриалы, хоть и оставались формально несвободными, составляли все же достаточно могущественную и достаточно привилегированную группу по сравнению с другими незнатными людьми.

Несвободный статус на самом деле и был ключом к их власти и привилегиям. Ибо они настолько зависели от своего господина и покровителя и так тесно были с ним связаны наследственными и хозяйственными узами, что самым естественным образом становились теми, к кому он в первую очередь обращался с проблемами укомплектования личным составом своих замков-крепостей и отправления судебных полномочий. А поскольку все они обязаны были нести у него военную службу, то составляли также основу его войска. Вследствие этого многие министриалы оказались вполне способны и сами через некоторое время обрести достаточную власть. Бесконечная череда

гражданских войн в Германии, которые вспыхнули в конце XI в. из-за разногласий между ними, дала им возможность повсюду упрочить свои позиции. В это неспокойное время их влияние было порой единственным стабильным элементом, обеспечивавшим преемственность управления светских феодалов; таково в особенности было положение дел в имперских территориях во времена Конрада III^{11*}.⁵⁷ Теперь их хозяева явно зависели от них не меньше, чем они от своих хозяев, и служба их ценилась слишком высоко, чтобы знатные феодалы могли позволить себе какие-то попытки более жесткого ограничения уже занятых ими позиций. Наиболее удачливые министриалы начали приобретать поместья у феодалов, не являвшихся их непосредственными господами; за это они приносили феодальную присягу (оммаж) (что и символизировало их «свободное владение» этими землями), и, таким образом, различия между министриалами и представителями мелкого свободного дворянства (Edelfreie) становились все менее отчетливыми. Миннезингер Вернер фон Боланден, один из министриалов Фридриха Барбароссы, к концу своей жизни скупил земли не менее чем у 46-ти феодалов и оставил поистине княжеское наследство.⁵⁸ Его успех был, конечно, исключительным; большинство ставило перед собой куда более скромные цели, но зато и оказывалось в куда более безопасном положении. В стране, где свободное владение землей (fries Eigen) по земельному праву (Landrecht) уже служило признаком знатности, приобретение земельных владений являлось ключевым шагом в возвышении министриалов и включении их в благородное сословие, иерархия внутри которого определялась ленным правом (Lehnrecht).⁵⁹

Ничего удивительного, что при таких условиях следует искать ясных свидетельств того, что министриалы начинали сознавать свое положение в обществе, важность своей службы и свои привилегии. Они продемонстрировали и свою способность действовать совместными силами: в 1140 г., как мы видим, министриалы проводят собственные собрания (colloquia), не будучи созванными на них своими господами и без участия последних, и на них вершат справедливый суд;

а в 1159 г. министерялы Утрехта объединяются в отряды, чтобы защитить свои права и привилегии.⁶⁰ История, рассказанная хронистом Эберсхаймом, дает нам письменное подтверждение того, насколько в середине XII века повысились самосознание министерялов и их общественные устремления. В это время идет речь о том, как Цезарь призвал этих князей проявлять доброту по отношению к своим подчиненным (министерялам), использовать их на различных высоких должностях, всячески защищать, а в награду давать земельные наделы. Здесь явно проводится разграничительная черта между министерялами и высшей аристократией. В Германии различия между высшей наследственной знатью (*frei geboren* - букв. «рожденными свободными») и служилым дворянством, рыцарями (*Deinstherren, Ritter*) будет прослеживаться еще долго и после того, как последние утверждают за собой право на наследственную принадлежность к дворянскому сословию. Но особенно отчетливо в произведении данного хрониста звучит то, что министерялы уже начали воспринимать себя как некую общественную группу, стоящую в стороне от тех (свободных или несвободных) людей, которые не обладали столь же высоким статусом, и принадлежащую к тому же «римскому» миру, что и высшая знать, с которой они столь долго и тесно были связаны, хотя формально эта связь и носила несколько униженный характер.

Благородное сословие Германии оставалось на удивление многослойным, как о том напоминают нам легисты XIII века. Князь, держатель земельных владений, полученных непосредственно от императора, обладал более высокими привилегиями и статусом в иерархии *Heerschild* («ленных щитов»), чем, скажем, граф, который получал земли в ленное владение у этого князя. Еще ниже находилось *Dienstherren* (служилое дворянство), предками которого по большей части были министеря-

лы. Те же, кто получал земли в лен уже у них, находились на еще более низкой ступени. Однако же мы видим, что, как и во Франции, все они, и знатные, и не очень, начиная с определенного периода XII века, называют себя *milites*. Признаки возвышения министриалов и превращения их в придворное и военное дворянство действительно весьма схожи с признаками возвышения мелкого французского рыцарства, которые мы уже рассматривали (хотя они и проявлялись чуть позже). Мы обнаруживаем, например, что министриалы используют звание *miles* при подтверждении своих прав и привилегий. А также - что они начинают придавать особое значение своему рыцарскому происхождению, называя себя *militari progenie* или *militari sanguine* - то есть рыцарями по происхождению или рыцарями по крови.⁶² Как и во Франции, они толпами устремляются ко дворам знатных особ, являющихся также покровителями литературного творчества, каковыми были, например, Генрих Лев, герцог Саксонский и ландграф Тюрингии Херман, не говоря уж о великом Фридрихе Барбароссе. В юридическом плане именно владение землей и открыло доступ министриалам в высшее общество - на самые нижние ступени *Heerschild* (рыцарской иерархии). Именно это в юридических текстах означает слово *Ritter* (эквивалентное французскому *chevalier*): представителя небогатого дворянства, отчетливо отграниченного от высшей знати. Однако же слово *Ritter*, а также образованное от него прилагательное *ritterlich* не несут подобной ограничительной смысловой нагрузки в трактатах на темы этики и в куртуазных романах. Там эти слова подразумевают все рыцарское общество в целом. Даже о самом Барбароссе можно было бы сказать - например, в похвалу его доблести - что он сражался, «как истинный рыцарь».⁶³ Как и во Франции, некая общность начинала объединять и сближать верхние и нижние слои знати - то была их общая принадлежность к рыцарству.

Эйльхарт фон Оберге, поэт XII века и автор немецкого «Тристана», крупнейший из ранних миннезингеров Вальтер фон дер Фогельвайде, а также Вольфрам фон Эшенбах, выдающийся немецкий поэт начала XIII века и автор романа «Парцифаль», первой немецкой вер-

сии истории о Граале - все они происходили из числа министерялов. Го, что министерялы и им подобные с превеликим удовольствием восприняли французский культ рыцарства, ничуть не удивительно, особенно в свете того, что мы уже о них узнали. Мир министерялов в Германии был весьма схож с миром французских рыцарей и, как и у последних, являлся одновременно как миром двора, так и миром военного лагеря. Для тех и других только служба могла предоставить возможность удачной карьеры, те и другие воспринимали *largesse* своего покровителя как ощутимый внешний признак справедливого к себе отношения и высокой оценки. Для министерялов вступление в ряды рыцарей и сам культ рыцарства означали, что, свободны они или несвободны как слуги своего господина, их зависимость от него - это зависимость облагораживающая. Так что культура, этика и идеология французского рыцарства полностью соответствовали их устремлениям. И в конце XII века мы обнаруживаем воспроизведение немецкими миннезингерами в своей поэзии тематики провансальских трубадуров. Такие знаменитые миннезингеры, как Гартман фон Ауэ и Вольфрам фон Эшенбах, перерабатывают и адаптируют к местным реалиям материал, найденный ими во французских текстах, создавая первые немецкие версии историй о короле Артуре. В силу того, что прошлое Каролингов в значительной степени принадлежало и истории Германии, а не только Франции, влияние французских литературных образцов совершенно очевидно также в немецких версиях историй о временах Карла Великого. Франция действительно была для германцев истинным царством рыцарей - *das rechten ritterschefte Lant*.⁶⁴ И этот литературный процесс свидетельствует о значительно большем, чем о простом поверхностном заимствовании писателями одной страны, еще не имевшей собственной достаточно развитой литературной традиции на местных языках и наречиях, у писателей другой. Это действительно, как говорится, совсем другая история: история глубочайшего проникновения в высшее общество Германии тех идей и ценностей, которые впервые представители этого общества почерпнули именно во французской литературе.

Но это отнюдь не означает, что рыцарство Германии было всего лишь простым отражением рыцарства французского. В Германии имелись свои собственные, и весьма сильные, традиции, и там прославляли своих собственных героев-рыцарей - Дитриха (Теодориха Великого), Генриха Птицелова и Генриха II Святого. Испания, где французские идеи также получили широкое распространение благодаря бурному развитию литературно-повествовательного жанра, основанного на французских источниках, и были весьма популярны, имела не только французских, но и своих собственных героев-рыцарей, например Сиды Кампеадора. Обряд посвящения в рыцари в различных землях Германии существенно отличался от французского обряда; отличались и правила проведения турниров, а впоследствии - и юридическое подтверждение знатного происхождения. Скорее, видимо, можно утверждать, что именно под французским влиянием в Германии окончательно сформировалась концепция рыцарства, а культ *Ritterschaft* и *Ere* (рыцарства и чести) обрел определенную форму - также благодаря французским представлениям о *chevalerie* и *honneur*; и германские идеалы *Manheit*, *Milte*, *Zuhte* и *Trowve* также являются прямыми аналогами французских *prouesse* (доблесть), *largesse* (щедрость, великодушие), *courtoisie* (куртуазность, учтивость) и *loyaute* (верность). А соответственно, концепции рыцарства в этих двух странах (как и во всех прочих) в итоге оказались настолько близки, что идеология рыцарства стала поистине интернациональной, несмотря на огромные различия в политических и экономических функциях рыцарей и аристократов Германии и Франции.

. . .

В Италии ситуация складывалась практически так же, как и в Германии, однако имелись и весьма существенные различия.⁶⁵ Одно из наиболее очевидных заключается в том, что итальянскую знать, в отличие от германской и французской, во многих районах этой страны

составляли в основном представители городского населения. Считается, что именно по этой причине рыцарство так никогда по-настоящему в Италии и не сложилось. Этос рыцарства, доказывают защитники подобной точки зрения, исходно, по духу своему чужд был буржуазным патрициатам Италии, коммерческая ориентированность которых означала, что правящим классом в крупных городах северной и центральной Италии являлись купцы, торговцы и банкиры. Эта точка зрения представляется нам надуманной. Те, кто контролировал деятельность итальянских городов в XII, XIII и в последующие столетия, отнюдь не были представителями буржуазии в современном понимании этого слова. Как писал Филип Джонс, «города Италии при всем их величии, плотности населения и экономической сложности, сохраняли - в различной степени - характер неких сообществ землевладельцев. Городские коммуны и *universitates*, основанные в XI и XII веках, были созданы, разумеется, не купцами, а крупными феодалами; многие городские иммигранты были (или стали впоследствии) владельцами земельных угодий; и землевладение было первым и основным устремлением всех городских сословий.»⁶⁶ Разумеется, верно, что лучшая часть иммигрантов в города XI-XII веков - да и XIII тоже - имела весьма смешанный характер. Это были те, кто весьма преуспел на посту юриста или нотариуса где-нибудь в провинции или же достиг некоторого благополучия такими малопочтенными способами, как ростовщичество, и, присовокупив к этому полученное наследство, надеялся на еще большую пожизну в городе. Правда и то, что, оказавшись в городе, подобные люди - представители как знатных семейств, так и отпрыски небогатых землевладельцев, - обычно в той или иной степени оказывались вовлеченными в коммерческую жизнь. Однако же их связь с сельской провинцией оставалась достаточно тесной. Чаше всего они по-прежнему владели землей - как в самом городе, так и вне городских стен, - и именно в покупку земли обычно стремились вложить полученные от коммерции барыши. В результате особых различий - в плане взаимоотношений и устремлений - между представителями знати, владевшими крупными земельными наделами, и «плутокра-

тической буржуазией», чье благополучие было связано с коммерцией, так и не возникло. В общем-то, по своим воззрениям те и другие во многом были значительно ближе к так называемой естественной системе ценностей высшего света, а не к системе ценностей буржуазии, ибо последняя тогда еще только вставала на ноги.

Свидетельством тому был и внешний вид итальянских городов, точнее, линии горизонта над ними. Например, Флоренция XIII века, по словам Плезнера, представлялась целым «лесом башен, куда более разнообразных по конфигурации, чем каминные трубы современного индустриального города.»⁶⁷ Еще более отчетливо это видно, если обратиться к историческим летописям, к истории флорентийских цехов, к печальным историям клановой вендетты (кровной мести), бывшей неотъемлемой и весьма характерной чертой истории правящих семейств отдельных городов, и к горделивым признаниям таких людей, как Данте, что их предки были рыцарями и участниками крестовых походов. Память о военных подвигах и славе была в Италии поистине священна - и не без веских на то причин. В своих попытках стряхнуть с плеч сперва власть епископов, а затем и могущественной Империи, а также во время постоянно возобновлявшихся войн городов друг с другом городские коммуны вынуждены были опираться исключительно на собственные военные силы. Только в XIV веке Италия стала классическим театром военных действий для иноземных наемников (да и тогда лишь отчасти и на ограниченное время). Подобно крупным феодалам северной Европы, итальянские города испытывали потребность в своей собственной армии, состоящей либо из войск их вассалов, либо из войск подвластных им территорий, с собственной кавалерией, экипированной и снаряженной подобно настоящим рыцарям; и для обеспечения всего этого города вынуждены были рассчитывать на представителей обеспеченных семей, которые могли позволить себе соответствующую экипировку и военную подготовку. В определенной степени, конечно, они могли рассчитывать и на то войско, которое собирала и оплачивала феодальная аристократия *contado*, т.е. подчиненных городу сельских территорий, не имевших в

своем составе других сколько-нибудь крупных городов (ибо в Италии все еще имелись крупные сельские аристократы-землевладельцы, которые обычно признавали свое подчиненное положение по отношению к городскому правительству). Гак, по сообщению Виллани (12*), армия гвельфов, выступившая в 1288 г. против Ареццо, включала двести пятьдесят всадников, экипированных и присланных *г*графами-гвельфами Джуди, Майнардо да Сузинана, Филипуччо ди Иези, маркизом Маласпиной, судьей Галлуры, графами Альберти и другими менее значительными тосканскими феодалами.»⁶⁸ Однако уже задолго до этого настоящие горожане поступали на рыцарскую службу. Писавший в середине XII века Оттон Фрейзингенский рассказывает об итальянских городах, которые, «дабы иметь достаточно средств для подчинения своих соседей, не гнушались тем, что вручали пояс рыцаря или же рыцарские знаки отличия молодым людям низкого сословия и даже некоторым работникам, имевшим дело с самыми простыми механизмами, хотя другие таких людей избегали, точно чумы, и ни в коем случае не допускали их к столь уважительным и благородным занятиям.» Генуэзский хронист Каффаро³ рассказывает, как в 1173(?) г. консулы «несмотря на трудности и большие расходы, создали отряд более чем в сотню рыцарей, набрав людей из Генуи и ее окрестностей.»⁷⁰ В 1211 г. в том же городе создается отряд из двух сотен рыцарей, дабы те служили генуэзцам в борьбе против маркиза Маласпины. Виллани рассказывает, что в 1285 г. во Флоренции было три сотни рыцарей, прошедших обряд посвящения.⁷¹ В Ломбардии была примерно такая же ситуация. Те, кто в XII веке вел ломбардские коммуны к победе в войне с Империей, происходили по большей части из того слоя городского населения, который хронисты называют *milites*, то есть из семей, имевших среди своих предков тех, кто именовали себя рыцарями и участвовали в сражениях как конные воины.

Маркграф д'Эсте, Аццо VIII в присутствии «великого и глубоко почитаемого собрания пэров Ломбардии и своих друзей», которые по его просьбе собрались в 1294 г. в Ферраре, сперва сам был посвящен

в рыцари Джирардо да Каммино, сеньором Тревизо, а затем собственноручно посвятил в рыцари еще пятьдесят два человека.⁷² В описаниях хронистов так и слышится отзвук колоколов, что сопровождали эту безусловно очень торжественную церемонию. И вряд ли дух рыцарства в XIII веке можно назвать чуждым городским коммуна́м Италии. Поэма анонимного автора «Ordene de chevalerie» и содержащиеся в ней сведения относительно рыцарского обряда посвящения были в Италии достаточно широко известны, да и посвящение в рыцари в итальянских городах происходило согласно тем же канонам, что и у их северных соседей.⁷³ И став рыцарями, итальянцы, как и рыцари других стран, точно так же настаивали на собственной исключительности и особом военном профессионализме. Роландино да Парма, писавший в 60-е годы XIII века, рассказывает, как некто Тисолино да Кампосанпьеро, окруженный врагами на поле брани, отказался сдаться кому бы то ни было, за исключением рыцаря по крови, и, «когда ни одного такого не нашлось, враги убили сперва его прекрасного боевого коня, а затем, увы, и его самого».⁷⁴ Салимбене^{14*} рассказывает, что когда юный Энрико да Пагани из Пармы, только что посвященный в рыцари, был убит, его отец заявил: «Я не жалею об этом, ибо сын мой был посвящен в рыцари и погиб в сражении, как настоящий мужчина.»⁷⁵ Военная составляющая в мире итальянских коммун требовала и подкрепляющей ее этики, утверждавшей как свою собственную ценность, так и общую систему ценностей аристократического общества тех стран, что находились к северу от Альп. А этика рыцарства именно это и обеспечивала - как для итальянцев, так и для германцев или французов.

Потому и неудивительно, что рыцарская литературная традиция, зародившаяся во Франции, была воспринята и взята на вооружение в Италии с той же готовностью, что и в Германии. Очень рано здесь стало заметно влияние лирики трубадуров; уже в 70-х годах XII века были известны итальянские авторы, писавшие на провансальском диалекте - а сотней лет позднее великий Данте сумел безупречно переложить с лангедока на итальянский те восемь строк, которые впослед-

ствии вложил в уста своего героя, трубадура Арно Даниэля^{15*}.⁷⁶ И действительно, вплоть до времен Данте при многих знатных дворах Италии языком поэзии был именно провансальский. И несомненно, та роль, которую Карл I Анжуйский сыграл как предводитель гвельфов в конце XIII века, способствовала еще большему усилению французского влияния; многие из рыцарей Карла I были родом из Прованса, и под водительством Амори, герцога Нарбоннского, и под его знаменитый клич «*Narbona cavaliere!*» («Рыцари Нарбонны!») сражался Данте при Кампальдино.⁷⁷ Однако влияние французского рыцарства задолго до этого уже успело завоевать там достаточно прочные позиции. Трубадуры чувствовали себя как дома при дворах маркизов Монферрато и Салуццо еще в самом начале XIII века. У примерно в это же время провансалец Рэмбо де Вакейрас получил при дворе маркиза Монферрато самый радушный прием.⁷⁸ И почти наверняка именно при дворе париарха Аквилеи в конце XII века Гомае фон Цирклер (*Zirclaïre*) познакомился с французской рыцарской культурой, влияние которой так чувствуется в его знаменитой дидактической поэме «*Der waelſche Gaſt*», написанной им уже в Германии. Итальянцы также восприняли и адаптировали истории об Артуре и Карле Великом, превратив их в свои собственные. Уже в самом начале XII века история короля Артура и его рыцарей была хорошо известна в Италии (свидетельство тому - знаменитый арочный фриз в соборе Модены); и в те же годы, самое позднее, там становятся весьма популярны истории о героях эпохи Каролингов. Правда, лишь в конце XIII века мы получаем свидетельства того, что итальянцы и сами создавали литературные произведения, в основе которых были различные версии этих историй (это время создания артурова цикла Рустичиано да Пиза, а также «*Gesta Francor*», итальянской версии историй о Карле Великом). Иные свидетельства, однако, достаточно ясно доказывают, что к этому времени практически все эти истории успели стать частью итальянской культуры. Фольгоре ди Сан-Джiminьяно, например, находил вполне естественным изображать современных ему рыцарей, своих товарищей по оружию, как соратников

знаменитых героев французской рыцарской литературы: «коли призовет нужда, они непременно явятся с копьем в руке на турниры Камелота». ⁷⁹ Падуанский судья Джованни да Ноно смог записать в протоколе, что семейство Каттанеи из Лимены требовало признания того, что они происходят от паладина Рено де Монтобана, одного из сподвижников Карла Великого; а семейство да Рончи заявляло, что их предком был сам Дезидерий ^{16*}, «которого король Карл Великий осаждал в течение семи лет». Относительно же собственных предков Джованни да Ноно был уверен, что род его ведется непосредственно от Роланда. ⁸⁰ Это, по-моему, довольно яркие примеры того, каким образом сюжеты французских рыцарских историй укоренялись в итальянской почве, и сколь удивительным было сходство мифических генеалогий итальянских рыцарей с теми, которые семейные хронисты во Франции так часто и столь изысканно «строили» для своих покровителей, в чем мы уже успели убедиться.

На первом этапе существования рыцарства Италии французское влияние ощущалось весьма заметно. Сначала итальянские авторы, избравшие рыцарскую тематику, практически все до одного пользовались французским или провансальским языком, да и список рыцарских терминов в итальянском словаре своим происхождением обязан французскому: *cavalleria*, *dama*, *torneamento* - все это слова заимствованные. Однако же влияние это отнюдь не было односторонним. Как мы увидим в дальнейшем, на более позднем этапе именно к итальянским юристам обращались французы в поисках более точной концепции знатности, которую затем старательно переписывали в свои рабочие дневники. Насмешки рыцарей Франции и Германии по поводу жителей итальянских городов, возможно, помогли последним сосредоточиться и воспринять данную проблему наиболее ясно. Но на этом мы пока что задерживаться не станем, хотя сам по себе этот факт лишний раз служит напоминанием о том, что рыцарство нельзя рассматривать как некий чисто локальный феномен.

Быстрое и повсеместное распространение тех историй, которые впервые были изложены на французском языке, а также то воздей-

ствие, которое французская концепция рыцарства оказала на формирование аналогичных представлений у германцев и итальянцев, несомненно, можно было бы отчасти объяснить тем диаспорическим существованием французского рыцарства XI-XII веков, о котором я упоминал раньше. Все это почти наверняка в значительной степени связано также с той доминирующей ролью, которую французская знать и рыцарство играли в эпоху первых крестовых походов. Возможно и воздействие того случайного факта, что герои французских *chansons de geste* и первых романов артурова цикла были и первыми героями раннего средневековья, прославившимися исключительно как конные воины, как идеальные шевалье. Однако ни один из этих факторов не имел бы никакого значения, если бы не истинно интернациональный характер в XI-XII веках рыцарского общества и его культуры - как светской, так и церковной. Сам космополитический характер великой Империи - которой исторический и вполне реальный Карл Великий недолго правил примерно за два века до этого - обеспечил Франции, Германии, Италии и Испании свою долю в некоем общем наследстве, оставившем неизгладимый след в их истории, несмотря на различные беды и неурядицы, явившиеся следствием вторжений викингов, мадьяр и сарацин в конце IX века. Именно поэтому влияние, например, таких великих монастырей, как Клуни, могло в эту эпоху ощущаться во всех этих странах; и именно поэтому светские идеи и идеалы также удивительно быстро распространялись по всей Европе, проникая как вглубь, так и вширь (тот факт, что жизнь светской знати была чрезвычайно тесно связана с жизнью монастырей и церковей, действительно служил одной из причин этого явления). И если бы не интернациональный характер того общества, которое в XI-XII веках «выныривало» из пучины хаоса, порожденного эпохой завоеваний, рыцарство так и не смогло бы возникнуть и не начались бы крестовые походы, да и куртуазная любовь, воспетая в поэзии трубадуров, показалась бы всего лишь литературным вывертом давно забытой и провинциальной истории Лангедока, а не превратилась бы в общеевропейский культурный феномен.

Рыцарство было вскормлено во Франции, однако окончательную форму свою обрело именно в общеевропейском контексте. Оно получило распространение как некий единый этос воинского сословия, идентифицируемого, с одной стороны, мастерством конных воинов, а с другой - сочетанием чрезвычайно горделивого отношения к своим знатым предкам с традицией верной службы своему сеньору. Этика рыцарства отличалась от этики германских воинов более раннего периода отчасти своей совершенно новой, элитаристской гордостью конных воинов, а отчасти совершенно новым уровнем независимости светской культуры, отражение которой мы видим и в тех настроениях, которые господствовали в обществе, и в столь модных в XII веке историях знатных семейств, и в генеалогических изысканиях, а также - в концепции куртуазной любви, которая была воспета в поэзии трубадуров как облагораживающая сила светского общества, и, разумеется, в высочайшей эрудированности в области светского обычного права многих авторов *chansons* и ранних рыцарских романов. В целом где-то к середине XII века активные социальные и культурные силы - новая военная техника, новый сословный вокабуляр, новые литературные темы - дали определение некоей совершенно новой общественной фигуре по имени «рыцарь» и некоему новому образу жизни и мировоззрению, которые впоследствии были названы рыцарскими. В провансальской эпической «Песни о Гирарте», созданной примерно в середине XII века, идеальный рыцарь представляется следующим образом:

Фолькон скакал в боевом строю в роскошной тонкой кольчуге верхом на прекрасно обученном коне, быстрым, отважном, надежном. И вооружен он был тоже наилучшим образом... И король, увидев его, остановился, затем приблизился к графу Овернскому и молвил стоявшим с ним рядом французам: «Господа, посмотрите, вот наилучший рыцарь из всех, виденных вами когда-либо... Он храбр, учтив и умен, да к тому же знатен и из хорошего рода; кроме того, он красноречив, прекрасный охотник, в том числе и с ловчими птицами, умеет играть в шахматы и трик-трак, в кости и прочие азартные игры. И кошелек его всегда открыт для любого, и каждый может взять оттуда столько, сколько захочет ... А сколько раз он, ни секунды не медля, совершал благородные подвиги! Он от всей души почитает Господа и

Снятую Троицу. И с того дня, как появился на свет, он ни разу не участвовал н суде несправедном, творившем беззакония, и ни разу не заявил без печали душевной, что ничего не может с этим поделать... И он, Фолькон, всегда любил добрых рыцарей, с почтением относился к бедным и менее знатным своим сотоварищам и каждого судил по его заслугам.»^{о j}

1 аков идеальный портрет рыцаря, и он удивительно похож на уже знакомые нам портреты Арнольда Ардрского или Гийома де марешаля. В приведенном выше отрывке затронута целая группа тем, которых мы уже касались в данной главе: искусство конного боя, благородное происхождение и неременная largesse, а также куртуазное воспитание. Но одна из самых поразительных черт этого портрета - (то подчеркнуто светский характер (если не считать мимолетного упоминания о любви Фолкона к Богу и Святой Троице). Если считать приведенные выше слова настоящим руководством к действию, то конный рыцарь вступал в историю как фигура исключительно светская.

Примечания переводчика

^{1д} Он же Венцель I Люксембургский (1361-1419); с 1378 он же король Богемии Вацлав IV.

^{1с} Генрих Молодой Король, 1135-1183, 2-й сын Генриха II и Альеноры Аквитанской. Был коронован в 1170 еще при жизни Генриха II, но в 1173 г. (вместе с Альенорой) поднял восстание против собственного отца. Королем так и не стал и умер раньше Генриха II.

«Суды любви» («Cours d'amours») - собрания придворных во главе с «принцем любви» или «королевой любви», роли которых исполняли либо государи или государины, либо их родственники и приближенные, созывавшиеся для разбора дел любовного свойства и проходившие в праздничной игровой атмосфере, но с соблюдением всех норм феодального права. Возникновение этих судов некоторые исследователи относят к XII в., веку расцвета куртуазной культуры; в XIV-XV вв. их идея была позаимствована из куртуазной литературы.

^{4д} Рихерий (Рише де Сан-Реми), французский хронист конца X - начала XI вв.

Амвросий Феодосий Макробий, род.ок.400 г. в Африке, эрудированный латинский писатель, находившийся в оппозиции к христианской религии. В средние века особой популярностью пользовался его трактат «О государстве», а также 7-томный труд «Сатурналии».

Герой первого романа Кретьена де Труа «Эрек и Энида», написанного ок.1170 г.

^{7*} Имеется в виду отец короля Англии Генриха II и муж Матильды, внуки Вильгельма Завоевателя и дочери Генриха I.

^{8*} Роберт Вас, **ОК.1100-ОК.1174**, нормандский клирик, хронист и поэт из литературного окружения Генриха II и Альеноры Аквитанской; автор знаменитого «Романа о Бруте»(1155), представляющего собой стихотворное переложение на французский язык труда Г.Монмутского о короле Артуре, а также «Романа о Ру» (ок.1170). Бенуа де Сент-Мор - ученый клирик, придворный историограф Генриха II; творил одновременно с Р.Васом; свой знаменитый «Роман о Трое» основывал на латинских средневековых пересказах Гомера. Подробнее см. далее.

^{9*} Отец библейского царя Давида.

^{10*} Зигфрид (Зигфрид, Сигурд) восходит, видимо, к Зигфриду (Sivrit, Siegfried), герою германо-скандинавской мифологии и эпоса - «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», «Сага о Вельсунгах», «Сага о Тидреке», «Песнь о нибелунгах» и т.д.

Конрад III (дом Гогенштауфенов), герцог Франконии, правил Империей в 1138-1152, коронован не был, хотя формально был избран Императором.

Джованни Виллани, 1275-1348, флорентийский хронист с общевропейскими взглядами на исторический процесс.

Каффаро ди Каскифеллоне, 1080-1166, хронист и государственный деятель, консул Генуи.

^{14*} Салимбене ди Адам, 1221-1290, францисканский монах, историк, автор «Хроники» о современной ему Италии XIII в.

^{15*} Арно Даниэль, 1180-1200, реально существовавший провансальский поэт.

Дезидерий, 757-774, последний ломбардский правитель Италии.

Глава III

РЫЦАРСТВО, ЦЕРКОВЬ И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

До сих пор наше внимание было главным образом сосредоточено на военном и аристократическом аспектах рыцарского образа жизни. И все же в названных нами ранее трактатах, посвященных рыцарству, был и третий аспект, неразрывно связанный с первыми двумя: аспект религиозно-христианский, придающий соответствующий оттенок всем представлениям о рыцарстве таких авторов, как Луллий и де Шарни. Очевидно, пора и нам уделить побольше внимания специфически-христианским качествам рыцарства и тому, какое место занимает религия в светской рыцарской этике.

С этой темой связано огромное количество сложнейших вопросов, в первую очередь относящихся к тому периоду, когда идеи и идеалы рыцарства были в процессе, так сказать, кристаллизации, приобретали ту, вполне законченную форму, которая была им свойственна уже во времена Гийома ле Марешаля и Арнольда Ардрского (и которая сохранялась еще долгое время впоследствии) - то есть, это период с середины X века и до начала XIII. Вторая половина этого периода формирования рыцарства связана с эпохой крестовых походов - с призывом папы Урбана II в Клермоне (в 1095 г.), с отправкой в поход первых крестоносцев, с завоеванием Иерусалима и созданием франкского Королевства крестоносцев в Сирии.

Рассказы большей части средневековых хронистов о религиозных воззрениях рыцарей и о том, как христианство в данный период воспринимало войны и военную деятельность вообще, были, соответ-

ственно, ориентированы на историю крестовых походов и создание идеального образа крестоносца, и это было совершенно естественно, ибо влияние крестовых походов на всю средневековую цивилизацию, и в первую очередь на цивилизацию Европы, а также ее отношение к этому процессу не только в данный период, но и многие десятилетия спустя, было чрезвычайно глубоким и практически всеобъемлющим. Однако же функции крестоносца и рыцаря все же не совсем совпадали. Рыцарство, как мы уже видели, имело отношение к самым различным видам военной и аристократической деятельности, совсем не обязательно связанным с крестовыми походами. Более того, по поводу крестовых походов церковь выработала целую каноническую и теологическую доктрину, в основе которой было прощение и отпущение всех грехов от имени папы римского тем, кто принимал участие в крестовых походах.¹ Ни разу подобный свод законов и доктрин не возник в лоне церкви по отношению к самому рыцарству. Влияние идеологии крестовых походов на этику рыцарства в момент формирования последнего было, по всей очевидности, весьма мощным, однако нам следует быть осторожными, выясняя истоки религиозной составляющей в понятии «рыцарство», и постараться не путать одно понятие с другим и не объединять их.

Центральной проблемой в данном случае действительно является то, насколько глубоки были те новые идеи X и XI веков, которые способствовали зарождению движения крестоносцев, и насколько именно они сформировали заметную христианскую составляющую в общем характере рыцарства. Принято было считать, что это именно так и влияние их было чрезвычайно сильным, однако, как мы увидим впоследствии, есть основания полагать, что данный аргумент, возможно, до некоторой степени преувеличен. Лучше всего данную проблему можно изучить, сперва рассмотрев кое-что из идей, послуживших толчком для возникновения движения крестоносцев, а затем уже - идеологии, выработанной самими крестоносцами. Кроме того, мы можем обратиться к свидетельствам, из которых явствует, что от этих побуждающих идей до полной картины истории крестовых походов еще далеко.

. . .

Одним из аспектов идеологии движения крестоносцев, весьма важным для историка, занимающегося рыцарством, представляется то, каким образом это движение привело церковные власти и, в частности, папство конца XI века после Ключнийской реформы к некоему соглашению с тезисом о важности и необходимости в обществе войн и воинов. В 1095 г. призыв Урбана II к началу крестового похода послужил переломным моментом в длительном процессе развития взглядов церкви на эти вопросы.² В этой области всегда ощущалось некое напряжение, точно церковь никак не могла выбрать одно из двух направлений в иудаистско-христианской традиции - миролюбивое или воинствующее. Напряжение это чувствуется и в самой Библии. Ветхий Завет достаточно часто (столь же часто, как миролюбца) изображает Иегову как бога войны; в Новом Завете рассказывается история явления Князя Мира, который проповедовал, что кроткие должны унаследовать землю^{1*}, и заклинал апостола Петра сложить свой меч. В ранней церкви миролюбивая традиция была особенно сильна: Ориген^{2*}, один из первых отцов церкви, был типичным представителем тех, кто рассматривал насилие, которое несли войны Римской империи, как нарушение законов христианского милосердия. После обращения Константина в христианство в подобную позицию следовало в какой-то степени внести поправки, ибо теперь войны велись императором-христианином в защиту общего благосостояния империи, что уже само по себе в высшей степени соответствовало христианским нормам. Св. Августин^{3*}, писавший в период распада Римской империи, дал намечки того, что впоследствии послужило основой для средневековой христианской теории справедливой войны. Согласно его представлениям, война является оправданной в том случае, если какой-нибудь город или народ по собственной воле нарушает мир и отказывается возмещать ущерб, им нанесенный. Он также доказывал, что порожденное любовью к богу намерение исправлять грехи и возвращать грешников в лоно церкви может оправдать даже насилие³

Хотя воззрения Августина и послужили зародышем грядущей доктрины эпохи крестовых походов, предвосхищая ее, они все же не поднимались до систематического или в достаточной степени обоснованного восприятия проблемы войны. Раннее средневековье, таким образом, получило в наследство целый набор идей для возможного оправдания войны или же ее насущной необходимости (а стало быть, и роли воина в обществе), носивших в высшей степени двусмысленный характер.

В те века, что последовали за распадом Римской империи, миролюбивая традиция в Западной церкви была по-прежнему сильна. Поскольку тогда эта церковь находилась под сильным влиянием монашеского движения, это было естественно. Идеал бегства от мира неизбежно подчеркивал контраст между *militia Christi*, Христовым воинством, истинными служителями Бога, уединившимися в монастырях, и *militia secularis*, светским воинством, деятельность которого по захвату земель, вызванная приступами мирской злобы и алчности, делала насилие свойством исключительно того мира, что существовал за стенами монастырей. Могущество миролюбивой традиции было также отражено в так называемой покаянной литературе данного периода, к середине XI века начавшей оказывать весьма сильное влияние на церковные законы. Эта покаянная литература не оставляла ни малейшего сомнения во всепоглощающей силе шестой заповеди: «Не убий.» И во многих произведениях выдвигалось требование сорокадневной епитимьи за убийство, совершенное во время войны.⁴ Но если миролюбивая традиция и представлялась в этот период очень сильной, то были и такие религиозные философы, которые, подобно Блаженному Августину, не забывали также и о воинственной традиции Ветхого Завета и придерживались противоположного мнения. Угроза церкви и верующим христианам, нависшая над ними из-за вторжения на территорию старой Империи новых волн варваров, побуждала таких философов склоняться именно к воинствующей идеологии, особенно когда в конце IX века Европа Каролингов была буквально со всех сторон окружена врагами-язычниками: с севера викингами, с востока мадьярами, со стороны южной Италии, Испании и всего побережья

Средиземного моря мусульманами. Так что с течением времени равновесие этих двух направлений церковной мысли начало склоняться в сторону воинствующей стратегии, пока наконец идея об отпущении крестоносцам всех грехов не перевернула теорию покаянной литературы с ног на голову. «Те, кто совершат этот поход, заслужат отпущение всех и всяческих грехов,»⁵ - пообещал папа Урбан в Клермоне: сражаться и убивать в новой войне за освобождение Святой Земли было теперь официально дозволено, и это не только не влекло за собой наложения епитимьи, но напротив, освобождало от какого бы то ни было наказания за нарушение шестой заповеди.

В свете подобных перемен в отношении церкви к войне, некоторые основные черты которых я только что попытался кратко набросать, многие историки и стали объяснять развитие идеи рыцарства как христианской профессии. Войны против язычников во времена Каролингов и Оттона I рассматривались ими - и без сомнения справедливо - как некий импульс, породивший данный сдвиг в представлениях церкви; именно вторжения язычников заставили церковников почувствовать свою зависимость от «сословия» воинов - хотя бы в плане чисто физической безопасности. Таким образом, зародыш грядущей идеи отпущения грехов крестоносцам можно уже видеть в призыве папы Льва IV (853 г.) оказать ему поддержку в войне с сарацинами, угрожавшими Риму: «тому, кто погибнет в этом сражении, не будет отказа в царствии небесном, ибо Всемогуший узнает, что умер он во имя истинной веры и во имя спасения нашей родины и всего христианского мира».⁶ Литургические тексты предоставляют еще более яркие свидетельства растущего понимания истинно христианских целей, которые преследуются в войнах. Таким образом, мы обнаруживаем в папских посланиях X века благословения боевым знаменам, которые могут быть подняты в борьбе с язычниками: «...благословляю и освящаю это знамя, поднятое на защиту Святой церкви и против ее лютого врага, дабы верующие защитники Господа, которые за этим знаменем последуют, смогли завоевать победу и восторжествовать над врагом именем Господа и силой Святого креста.»⁷ Торжественное богослу-

жение по поводу освящения боевого меча, которое многими рассматривается как предвосхищение более позднего литургического обряда посвящения в рыцари, начинают совершать во многих странах примерно в тот же период.⁸ и

тогда же, в эпоху бесконечных вторжений варваров, прослеживаются начала - прежде всего на Западе - культов Святых воителей, особенно Св.Михаила, предводителя небесного воинства.^{4л} Знамя, которое правители Германии Генрих Птицелов и Оттон I несли в сражениях с мадьярами, было украшено изображением архангела Михаила, и великая победа над язычниками в сражении при Аехфельде (Бавария) в 955 г. была приписана именно его помощи.⁹ Во время богослужения в честь Св. Михаила часто повторялись слова благодарности ему за эту победу. Культ Св.Георгия^{5*}, похоже, получил достаточно широкое распространение несколько позже, во второй половине XI века, как раз накануне крестовых походов.¹⁰ Одно из самых ранних упоминаний о нем как покровителе воинов на Западе встречается в истории Джоффруа Малатерры о чудесном появлении Св.Георгия верхом на белом коне и его помощи норманнам в битве с сарацинами при селении Мерами (Сицилия) в 1063 г.¹¹ Слава о нем, скорее всего, распространялась наемниками, возвращавшимися с военной службы в Византии, ибо на Востоке культ Св.Георгия некоторое время был тесно связан с войнами против язычников. А именно эта причина (борьба с язычниками) и становится, таким образом, общей для целой серии канонических, литургических и агиологических нововведений.

Помимо войн с язычниками есть и еще один фактор, который историки связывают со сдвигом в отношении церкви к войне (что, собственно, мы в данный момент и рассматриваем). Имеется в виду растущая обеспокоенность церкви - при том хаосе в управлении, который в IX веке возник в связи со вторжениями язычников, - по поводу сохранения порядка в христианском мире, который ослабленная королевская власть той или иной страны была не в состоянии поддерживать своими силами. Особое значение имеют усилия церкви, стремившейся ввести закон о Божьем Море. Здесь церковные власти впер-

вые, кажется, выступают с реальной и весьма важной инициативой по урегулированию и ограничению военных действий и, поступая так, действуют как бы через голову официальной светской власти, вступая в непосредственный контакт с рыцарством. Это движение было довольно активным и носило весьма позитивную окраску, ибо церковные соборы стремились к большему, чем простое ограничение насилия.¹² Епископ Ле Пюи собрал войско и заставил тех рыцарей, которые не желали соблюдать решения, принятые собором в Ае Пюи (990 г.), поклясться, что впредь они эти решения соблюдать будут. Епископ Буржа, Эмо, поступил точно так же в 1038 гР Отсюда, как представляется, был всего один шаг до того, чтобы направить всю энергию вооруженных сил для ведения настоящей войны, такой, которую практически все представители церкви смогут действительно одобрить и которую церковь действительно будет стремиться сама возглавлять и направлять - то есть подобную крестовым походам против неверных. Связь всех этих идей отчетливо прослеживается на соборе в Клермоне (1095 г.), где, проповедуя необходимость крестовых походов, папа Урбан II и провозгласил Божий Мир, приказав соблюдать его повсюду, где распространяется власть Римской церкви.¹⁴

Были и другие признаки того, что в XI веке церковные власти все более заботились о том, куда и как направить военную силу и как, вместе с тем, ее ограничить - а затем и перенаправить. Когда войска Пизы готовились к освобождению Сардинии от мусульман, папа вручил им знамя Св.Петра, как бы взяв данную военную кампанию под свое крыло. Рожер Гвискар (Гюискар) получил такое же знамя от папы Александра II во время завоевания арабской Сицилии.¹⁵ Папа Григорий VII пошел еще дальше. В самом начале своего понтификата он имел намерения лично возглавить крупную военную экспедицию, которая должна была оказать помощь Иерусалиму и христианам Востока. Острая борьба по поводу инвеституры, разгоревшаяся между ним и императором Генрихом IV положили этой затее конец, однако в своей новой борьбе с императором папа теперь без малейшего колебания призвал светское рыцарство прийти на помощь его «викарию

Св.Петра» (т.е. папе) и выполнить тем самым свой христианский долг.¹⁶ Его ученик Ансельм Аукский следовал примеру Блаженного Августина, желая оправдать такие военные акции, как *beata persecutio*, считая их необходимыми для очищения церкви.¹⁷ Бонизо де Сутри, еще один сторонник Григория VII, весьма недвусмысленно заявлял о праве церкви на непосредственное руководство военными акциями; самим клирикам следует воздерживаться от кровопролития, писал он, «однако это вовсе не значит, что верующие, и особенно правители, высшая знать и рыцари, не должны призываться для преследования с оружием в руках раскольников, еретиков и отлученных от церкви. Ибо если бы это было так, то и воинское сословие могло бы показаться лишним в рядах воинства Христова.»¹⁸ Идея рыцарства как сословия, которое по зову церкви (и долгу христианина) служит ей, выражена здесь вполне отчетливо, и безусловно, с точки зрения Бонизо, его задача останется примерно той же, если в ад будут ввергнуты не только раскольники и еретики, но и мусульмане и язычники, то есть все враги церкви, против которых и подняты обнаженные мечи славных рыцарей. Планы Григория организовать экспедицию для освобождения Иерусалима от неверных, как и его обещания отпустить грехи тем, кто сражался против императора Генриха IV «за дело Св.Петра» и в рядах *militia Sancti Petri*, как он иногда называл Христово воинство,¹⁹ действительно подводят нас вплотную к идее крестовых походов.

В проповедях священников и иной пропаганде крестовых походов как таковых концепция христианской миссии рыцарства как сословия звучит абсолютно отчетливо. Участие в крестовых походах преподносят как в высшей степени положительную перемену в рыцарском образе жизни. «И пусть те, кто были разбойниками, теперь станут воинами Христовыми... и пусть те, кто служили наемниками ради нескольких серебряных монет, получают вечную награду,»- говорил папа Урбан II.²⁰ «В наше с вами время, - писал Гвиберт Ножанский (Guibert de Nogent), - Господь начал Святую Войну, дабы сословие рыцарей, а также огромное множество колеблющихся людей, нередко принимавших участие во взаимной резне, подобно древним язычникам, могли бы

обрести новый путь к спасению души и теперь иметь возможность искать милости Господней в своей привычной деятельности и в отправлении своих служебных обязанностей и более не испытывали бы необходимости искать спасения в полном отречении от мира и уходе в монашество.»²¹ Разумеется, пропаганда первого крестового похода включала помимо уже перечисленных и множество других тем - например, тему новых потенциальных возможностей, внезапно открывавшихся перед людьми прежде не только абсолютно светскими, но и слывшими совершеннейшими безбожниками. Она использовала и привлекательные идеи паломничества в святые места, и библейские мотивы, непосредственно связанные с этими местами, пробуждая в людях самые различные апокалипсические надежды и устремления. Но в плане утверждения той идеи, что рыцарство есть призвание христианское, особенно очевидны новое предназначение и новые цели воинского сословия, открывавшиеся благодаря крестовым походам. В истории религиозных представлений о войне крестовые походы явились переломным пунктом; церковь как бы поставила наконец свою печать, узаконивая собственную воинственность, уже давно и постоянно набиравшую силы.

Однако же больше нас интересует вопрос, является ли организация Первого крестового похода переломным моментом также и в истории рыцарства, и многое здесь представляется не совсем ясным. Особенно актуально в данном случае - не делать того, о чем мы предупреждали в начале главы: при рассмотрении данной проблемы ни в коем случае не смешивать и не сплавлять воедино идею крестовых походов и идею христианского рыцарства. Ибо крестовые походы - это лишь один из многих видов военной деятельности светского рыцарства, которое церковь (как раз с помощью крестовых походов) поместила в прекрасную новую «раму» высокой христианской миссии. Отчасти, несомненно, идея нового пути к спасению души, предложенная рыцарям, была чисто риторическим изобретением церкви, однако идея эта бесконечно повторялась и всячески подчеркивалась, и цель этого совершенно очевидна. Бодри де Доль очень четко ее фор-

мулирует, прямо призывая «отложить на время пояс светского рыцаря» во имя участия в крестовом походе.²² Несколько позже о том же говорит и Св.Бернар в своем трактате «*De laude novae militiae templi*», где противопоставляет христианскую преданность тамплиеров, которые сражаются «с чистой душой за высшего и истинного Царя», распутству и расточительности светского рыцарства.²³ Итак, нам ясно, каков был новый путь к спасению души, что открывался теперь перед рыцарями, однако же путь этот был не только нов, но и очень узок, и к тому же совершенно отличен от привычного пути, по которому до сих пор следовало рыцарство.

Но так или иначе, если заглянуть достаточно далеко в прошлые века, то во многих представлениях церкви действительно имел место огромный сдвиг; и прежде всего, она перестала так активно поддерживать покаянную литературу с ее безусловным порицанием убийства на поле брани. Однако же этот сдвиг произошел, как мы теперь начинаем понимать, внутри глубокой и сложнейшей системы идей церковно-иерархического свойства. Создание специальных войск при епископствах для поддержания Божьего Мира, а также призыв Григория к *militia Sancti Petri* свидетельствуют о том, что части рыцарства действительно вскоре предстояло стать мощной правой рукой духовенства и подчиняться его непосредственным указаниям. Церковная пропаганда крестовых походов в первую очередь подчеркивала, что именно это и есть «новый путь» для рыцарства. В контексте подготовки крестовых походов духовно-рыцарские ордена - тамплиеры, госпитальеры, а также тевтонский орден и испанские ордена - в итоге стали представлять именно эту сильную «правую руку» воинствующей церкви. Организация этих орденов, что было отражено в их уставах, представляла собой настоящий сплав церковных (в противоположность просто христианским) и военных идеалов. Устав тамплиеров, утвержденный Собором в 1128 г., связывал рыцарей этого ордена клятвой вести аскетическую жизнь, соблюдать послушание и нравственную чистоту, а также строго следовать целому ряду религиозных предписаний, аналогичных монашеским.²⁴ Устав этот также осво-

бождал тамплиеров от любой вассальной зависимости и закреплял их прямое подчинение руководству ордена и теснейшую связь с Великим Магистром и общим собранием братства, которые, впрочем, и сами полностью подчинялись высшей церковной власти. Устав также определял принципы организации ордена и излагал основы военно-дисциплинарного кодекса, что делало тамплиеров - а также и госпитальеров, устав которых был создан по образу и подобию устава тамплиеров, - элитными войсками христианского королевства Сирии (Святой Земли). Устав тамплиеров, как и последующие уставы других рыцарских орденов, таким образом, действительно как бы отделял эти братства от остального рыцарства. Но ордена эти воплощали идею, слишком сильно окрашенную монашескими идеалами и теми страстями, что пылали во время жестокой борьбы папства и Империи, чтобы ее можно было предложить - хотя бы в смягченном виде - всему рыцарству в целом. Религиозный пыл членов этих орденов слишком резко противопоставлял их придворной знати, трубадурам с их культом любви, любителям турниров и тем новым литературным образцам рыцарства, которые предлагались авторами светских романов. А между тем, именно в этих сферах светского общества XII века чаще всего рождались новые динамичные идеи. Обобщая идею рыцарства как сословия, имевшего обязательства, совершенно отличные от обязательств вассалов перед своим сюзереном, а также существенно более широкие функции, можно, по всей видимости, сказать, что пример рыцарских орденов сыграл весьма важную роль. С другой стороны, требования, предъявляемые уставами таких орденов, были настолько исключительными, что это не позволяло этим орденам оказать решающее воздействие на рыцарство в целом. Го же самое можно полностью отнести и к теократическим теориям Григория VII и его апологетов.

На самом деле, действительно новым в учении церкви к концу XI века было не одобрение ею всеобщего призыва к оружию (по поводу чего церковные иерархи, как мы еще увидим, обращались в своих проповедях к самым широким кругам верующих), но заявка церковных властей на право самостоятельно управлять военными силами. Важно

отметить, что призыв к крестовому походу, как это ни удивительно, сразу обрел глубочайший резонанс, а вот стремление церкви управлять армиями такого отклика отнюдь не получило. А все потому, что в первом случае были задействованы идеи, имевшие сильные независимые корни, тогда как во втором - т.е. в намерении церкви управлять армиями - сколько-нибудь надежных корней не было вовсе. Церковные обряды, вроде освящения боевых знамен и мечей, а также культ святых воителей действительно помогли напомнить рыцарям - через символику ритуала - что будучи христианами, они должны воспринимать призыв к участию в крестовых походах как призыв защищать христианскую веру. Крестовые походы отводили отвоеванию Иерусалима и Святой Земли уникальное по своей значимости место в ментальности рыцарства. Однако христианская составляющая в идеологии рыцарства имела и иные корни - не только куда более древние, чем церковная реформа XI века, но и куда более прочно вросшие в совсем иную почву.

. . .

До сих пор основу нашего исследования составляли главным образом церковные источники, и источники эти, как оказалось, отражали довольно ограниченные воззрения, что в значительной степени было связано именно с их почти исключительно религиозным характером. Если же обратиться к источникам светским, которые к тому же и более тесно и непосредственно связаны с рыцарством, то сразу станет ясно, насколько они способны расширить наш кругозор и как сильно изменится вся картина в целом.

Наиболее ранние источники, которые в полной мере заслуживают справедливого названия «рыцарских» - это *chansons de geste* (героические поэмы, или «песни о подвигах», или «песни о деяниях»), в которых войны с язычниками в эпоху Каролингов (те самые войны, которые, как мы уже видели, послужили первым и основным толчком в изменении многих церковных воззрений) вновь занимают централь-

Ное место. С самого начала в них также подчеркивается глубочайшее влияние христианства на рыцарство. Война в «Песни о Роланде» - это не просто земное сражение; архангел Гавриил^{6*} стоит на страже возле спящего Карла Великого и постоянно находится с ним рядом в его великой войне с эмиром. Гавриил был также и рядом с Роландом, Когда тот умирал, и слышал его предсмертную мольбу: «Отче наш, который исцелил Аазаря и вывел Даниила из логова льва, спаси мою душу от опасности и отчаяния и отпусти мне грехи мои.»²⁵ Молитвы в «Гильоме Оранжском» еще сильнее дышат истинным религиозным пылом; таков, например, горький упрек Вивьена^{7*} самому себе за то, что он молился Деве Марии, дабы та спасла его от смерти: «Поистине глупая мысль - искать для себя спасения от смерти, когда Господь наш его не искал и принял мучительную смерть на кресте, дабы спасти нас от смертельного Врага.»²⁶ Можно привести и еще один аналогичный пример из той же поэмы: во время весьма трогательной сцены Гильом преклоняет колена подле умирающего Вивьена, держа освященную гостию, с помощью которой он затем отпустит ему грехи, и слышит, что Вивьен говорит о своих религиозных убеждениях - «Я действительно знаю, что Господь есть жизнь и истина, и Он явился, чтобы спасти свой народ. Он был рожден в Вифлееме Девой Марией. И Он позволил распять себя на кресте, и был проткнут копьем сотника Аонгина, так что вода и кровь хлынули из раны у Него в бок.»²⁷ Здесь, в контексте героической борьбы с язычниками, мы самым непосредственным образом сталкиваемся с религиозным пылом истинных защитников христианства. Но видим у них также и полное непонимание собственной роли как воинов Христовых. Сами они считают себя солдатами как Господа, так и своих земных господ. Пример Христа, распятого на кресте, пробуждает в их душах мужество; однако же мужественное поведение в бою - это для них также и светский долг. Они безусловно «Христово воинство», потому что являются одновременно и христианами, и рыцарями, а вовсе не потому, что церковные власти поставили перед ними какую-то особую задачу.

То, что мы наблюдаем здесь, немецкий историк Ваас окрестил словом *Ritterfrommigkeit*, означающим особое рыцарское благочестие.²⁸ *Chansons de gestes* впервые дают нам по-настоящему попробовать, каково это благочестие на вкус, но в этих поэмах оно предстает уже как естественным образом установленный факт, ничего нового из себя не представляющий, каковыми, собственно, были и сами *chansons* в конце XI века. Это, очевидно, свидетельствует о значительных успехах проповедничества и, без сомнения, в большой степени является заслугой монастырей, с которыми светская знать - т.е. та аудитория, которая как раз и слушала *chansons*, - поддерживала столь тесную связь. Светская знать - это представители тех семей, которые одаривали монастыри землями, защищали их интересы, а во время войн зачастую несли их боевые знамена; имена этих людей были записаны в монастырских синодиках, дабы помянуть их в молитвах, а также в монастырских *libri memoriales* (поминальных книгах), которые возлагались на церковный алтарь, дабы те, кто в этих книгах упомянут, могли бы воспользоваться заступничеством монахов перед Господом. Для большинства представителей благородного сословия в период раннего средневековья (и на заре христианства) местный монастырь был куда более важным религиозным институтом, чем было и когда-либо могло стать папство в далеком Риме. Монастыри в свою очередь также весьма интересовались военной деятельностью аристократов, а также их духовной жизнью, и надо сказать, с давних пор. Именно в аббатстве Ключни - в этом величайшем и благороднейшем из аббатств, объединившем под своим началом многочисленные церкви и монастыри и более других стремившемся воздействовать на жизнь знати, - и было впервые написано житие такого святого, который часть своей жизни провел в качестве светского «воина, сражавшегося за веру Христову» - то было житие Св. Герарда из Орийяка (Аурилака), т.е. графа Герарда Ориньякского, написанное Одоном (Одилоном) Ключнийским.²⁹ Рудольф Глабер сообщает, как группа бургундских рыцарей, отправляясь воевать в Испанию, пообещала Св.Одону Ключнийскому все свои военные трофеи в золоте и серебре, и трофеи эти он в итоге разместил в своем

соборе.³⁰ И так, здесь налицо рыцарское благочестие в действии, когда военные трофеи приносятся в дар крупному местному монастырю. И пышность клюнийских служб, красота монашеских облачений и великолепие церковных церемоний безусловно оказывали огромное воздействие на воображение светской знати и на пробуждение у нее восхищенной заинтересованности в создании собственных богатых облачений и ритуалов, что отчетливо отражено и в романах об Артуре, и в стремлении светской знати обогатить придворную жизнь отпиранием пышных обрядов. И тем не менее, одним лишь влиянием монастырей невозможно до конца объяснить природу *Ritterfrommigkeit*, особого рыцарского благочестия в XI-XII веках. Образец склонного к созерцанию героя, который бежит мирских страстей и стремится обрести покой в уединенном приюте, явно имел на рыцарей весьма малое воздействие, как о том свидетельствуют те же *chansons*. Это было благочестие людей в высшей степени активных, не испытывавших ни тени сомнения в том, как в глазах Господа выглядит выполнение ими своего боевого предназначения.

Таким образом, значительные отрывки и отдельные эпизоды *chansons de gestes* заставляют нас в поисках истоков упомянутого рыцарского благочестия погружаться в куда более глубокую древность, чем эпоха Клюни - точно так же нам пришлось искать в куда более раннем историческом периоде корни светского рыцарского этоса. В *chansons*, как мы уже видели, такие рыцарские добродетели, как великодушие и щедрость, доблесть и верность, уже воспринимаются как стереотипы благородного (рыцарского) поведения. Эти светские качества - или, по крайней мере, качества мало чем от них отличающиеся - уже составляют основные черты героя более древней германской литературы, предшествовавшей *chansons*, корни которой уходят в дохристианское прошлое. Щедрость, верность и мужество - вот главные добродетели в том обществе воинов, которое изображено в англосаксонском эпосе «Беовульф» (созданном, возможно, уже в VIII веке).³¹ В этом произведении также отражено и распространенное мнение о том, что юность - это пора испытаний, пора поисков и попыток моло-

дого воина доказать, на что он способен, ради чего он и служит у повелителей иных стран, вдали от родного дома. Именно об этом повествует первая часть поэмы, в которой юный Беовульф поступает на службу к королю Хродгару и освобождает его земли от чудовища Гренделя и его еще более чудовищной мамыши. Когда Беовульф возвращается с победой, как настоящий герой, его непосредственный господин и родич Хигелак должным образом прославляет его и одаривает большим поместьем, а также вкладывает ему в руки меч Хределя. Эта тема - испытания молодого героя - вновь появляется в германских эпических поэмах X-XI веков, написанных на латыни, например в «Ruodlieb» и «Waltharius».³² Эту тему мы также, разумеется, без конца встречаем и в более поздних произведениях - рыцарских романах - где юные рыцари покидают свой дом (или двор короля Артура), дабы доказать свою рыцарскую состоятельность во время небывалых приключений. «Беовульф», следует отметить, не имеет ничего общего с войнами против язычников: врагами главного героя этого произведения были чудовища и драконы, и поэма эта, хоть и создана уже в христианскую эпоху, описывает события, якобы имевшие место в более ранний, дохристианский период.³³ Но это отнюдь не значит, что люди, жившие во времена создания «Беовульфа», воспринимали героические доблести рыцаря и христианское учение как вещи исходно несовместные. На самом деле истина заключается как раз в обратном.

И это становится совершенно очевидным, стоит обратить свой взор на христианскую поэзию Германии: основные черты как светской, так и христианской поэзии этой страны настолько схожи, что порой представляются взаимозаменяемыми. Старинный немецкий «Heliand»^{8*} описывает Христа и его апостолов как боевую дружину с благородным предводителем во главе. Англо-саксонский вариант библейской «Книги Бытия» строит свое повествование вокруг войны Авраама с

о* еламитами : «...и услышал я, что ночью герои начали сражение; грохот щитов и копий наполнил лагерь... Авраам в качестве выкупа за своего племянника дал этот бой, а не презренное золото, и сам Царь небесный поспешил ему на помощь.»³⁴ Здесь религиозная библейс-

кая история переложена непосредственно на язык светского эпоса, а христианские и героические добродетели смешаны и тесно переплетены друг с другом. Когда читаешь, что Господь поспешил Аврааму на помощь, не остается сомнений в том, почему германские правители Генрих и Оттон выбрали для своих боевых знамен именно лик Св. Михаила, предводителя Божьего воинства - символ их веры в то, что войны с язычниками есть отражение и повторение иной войны - той, которую архангел Михаил вел с силами тьмы, - а также их надежды, что Св. Михаил всегда готов прийти им на помощь. Не случайно и в более позднюю эпоху, как мы можем убедиться, во время торжественных служб, когда освящались боевые знамена и мечи, постоянно упоминался пример Божьего воина Авраама, а также имена других героев Ветхого Завета, участвовавших в войнах с евреями - Гедсона, Давида, Маккавеев.³⁵ Здесь уместно вспомнить о том, что освящение мечей имеет очень древнюю историю, связанную с далеким дохристианским прошлым. Меч Роланда Дюрандаль имеет своего двойника в германо-скандинавском «Вальдере» (X-XI вв.) в виде меча Мимминга, выкованного великим кузнецом германо-скандинавского пантеона Виландом^{1,14,36} А заключенные в рукоять Дюрендаля реликвии (зуб Св. Петра, волосок Св. Дионисия, клочок одежды Девы Марии) имеют свой аналог в скандинавских магических «камнях жизни», вделанных в рукояти языческих мечей.³⁷

Если мы хотим по-настоящему понять, в чем заключалось рыцарское благочестие эпохи крестовых походов, нам следует непременно оглянуться назад и уделить самое пристальное внимание подобной интерпретации библейских и героических традиций в период, последовавший за обращением в христианство таких германских племен, как франки и англосаксы. Только так мы сможем разобраться, каким образом благочестие героев *chansons de gestes* оказалось столь прочно вплавленным в активную и отнюдь не созерцательную эпическую традицию. Здесь также следует помнить, что в недавно обращенном в христианство тевтонском мире традиционные ценности военной аристократии естественным образом сказывались не только на взглядах

мирян, но и на взглядах священнослужителей и даже монахов. Например, теолог Алкуин, советник Карла Великого, откровенно недолюбливал тех монахов, которым нравились светские лэ (баллады, песенки), однако манускрипт «Беовульфа» хранился в монастыре, да и написан был почти наверняка также в одном из монастырей.³⁸ Хронист Отто ; на I Видукинд Корвейский, хоть и был монахом, не видел ничего зазор- i ного в том, чтобы вспомнить славные деяния Хатагута, воина и вождя из дохристианской истории саксов, и описание Видукиндом Корвейским междоусобиц, которые вели представители саксонской династии Людольфингов, весьма сходно по духу с описаниями из «Беовульфа» и «Hieldebranslied» («Песни о Хильдебранде»).³⁹ Если учесть, что отцы церкви, епископы и аббаты, были почти исключительно людьми благородного происхождения, то есть отпрысками тех же семей, представители которых стояли во главе войска в период войн, которые вели то с язычниками, то друг с другом, представляется совершенно естественным, чтобы церковный автор Видукинд (который, кстати, и сам имел непосредственное отношение к семейству Людольфингов) писал именно в таком духе.

Монастыри - где монахи молились за победу войска своей страны - часто действительно становились хранилищем не только религиозной, но и военной традиции, а также центрами почитания выдающихся и особо родовитых военачальников. Беда Достопочтенный рассказывает, как пурпурное с золотом знамя короля Освальда^{11*} было вывешено в Бардни над его могилой в церкви VII века, основанной его племянницей Острид, королевой Мерсии.⁴⁰ Так что и впоследствии не должны вызывать удивления сведения о существовании культа Гильома Оранжского в соборе Геллоны, им же и основанном, где он закончил свою жизнь в качестве монаха; или - что в церкви Св.Жюльет в Бриуде гордо выставлен его щит; что собор Св.Гонораты Аликанской (St.Honorat des Aliscamps) и собор Notre Dame des Martres Tolosans (Тулузской Богоматери всех мучеников) оспаривали право на то, что Вивьен, племянник Гильома Оранжского, был похоронен именно у них; и что собор Вьенны и церковь Св.Иоанна в Сорде

Претендовали на то, что именно у них похоронен прах легендарного епископа Турпина из «Песни о Роланде»^{12*}.⁴¹ Подобный культ эпических героев, погибших в битве с язычниками - это поразительное свидетельство того, как двойная цель активной жизни рыцаря - слава и этот мир и спасение души в мире ином - начала в XI веке превращаться в единую, как бы сдвоенную цель и основную составляющую рыцарского благочестия.

Итак, именно стремление к этим двум целям и стало основой рыцарства, самой его сутью и одним из наиболее показательных признаков того, что в итоге свойство, названное Ваасом *Ritterfrommigkeit*, рыцарской приверженностью христианству, гораздо более обязано своим возникновением древней, некогда самостоятельной героической этике, в которую христианство лишь добавило религиозной окраски, чем более поздним церковным устремлениям. Для тевтонского воина слава была и наивысшей наградой, и свидетельством его рыцарской доблести, самой сутью этой доблести. «Ты сам стяжал себе вечную славу!» - сказал Хродгар Беовульф, когда тот сразил Гренделя. Умирая в Ронсевальском ущелье, Роланд повернул лицо к язычникам, «ибо был уверен, что они должны признать: умер он победителем!».⁴³ «И прямо вон там давай попробуем свои силы, - сказал Бамборо Бомануару^{13*}, когда они назначили место для Битвы Тридцати (1350), - и постараемся, чтобы люди впоследствии говорили об этом сражении повсюду - во дворцах, в пиршественных залах и на людных площадях.»⁴⁴ Разве может рыцарь просить о большем, спрашивал Жоффруа де Шарни, чем та награда, которую получил воин Божий Иуда Маккавей: почести в этом мире и спасение души в мире ином?⁴⁵ Именно благодаря древней и глубоко укоренившейся воинской мечте о славе и признании никакие проповеди или религиозные учения не сумели сбить воинский задор, свойственный идеальному рыцарю, ибо, как говорил Тацит, когда писал о древних германцах и их жажде битвы, «*genown is easiest won among perils*» («славы легче всего добиться в момент опасности»).⁴⁶ Христианство и воинственность - как составляющие понятия «рыцарство» - были неразрывно сплетены друг с другом с мо-

мента зарождения этого понятия, как тесно связанные между собой элементы, унаследованные им от героического прошлого.

Точно так же характерно и переплетение религиозных идей с героическими и светскими мотивами и для отношения к крестовым походам в рыцарской повествовательной и поэтической культурной традиции. Рассказ Виллардуэна^{14*} о четвертом крестовом походе прекрасный тому пример. Он отлично сознает, сколь важно, чтобы все участники похода получили полное отпущение грехов: его крестоносцы - это паломники в Святую Землю; их цель - «отомстить за оскорбление, нанесенное Господу, и, если будет угодно Всевышнему, вновь захватить Иерусалим».⁴⁷ Но в этой своей истории, хоть она и представляет собой прозаическую хронику, Виллардуэн использует язык эпической героической песни (*chanson*), и у него классические рыцарские качества воина таковы, какими их в действительности представляет себе сам автор. Это, например, верность: «Не дай Боже, чтобы меня когда-либо смогли упрекнуть в бегстве с поля боя и в том, что я покинул моего императора,»- кричит раненый Луи де Бетюн.⁴⁸ Или щедрость: «Маркиз Монферратский был одним из достойнейших рыцарей в мире... ибо никто иной не был столь же щедр и великодушен, как он».⁴⁹ И, разумеется, Виллардуэн определяет особую цену личной доблести, бесчисленные примеры которой он то и дело приводит. Общий тон его хроники отлично выражен в следующих словах, вложенных им в уста венецианского дожа: «Господа, вы считаетесь наилучшими и нахрабрейшими людьми в мире, ибо участвуете в деле высочайшего предназначения, не имевшего еще себе подобных.»⁵⁰ Крестовый поход, таким образом, превратился в замечательное рыцарское приключение, в котором служение Господу и поиск земной славы и наград переплелись настолько тесно, что разъединить их стало практически невозможно.

Мы уже видели, как глубоко в германском героическом этосе укоренилась идея юности как периода испытаний для молодого воина, помогавших ему занять свое место в жизни после полных приключений странствий по дальним странам. Крестовые походы предлагали

особый способ включения в христианский контекст и этого аспекта героической этики. «Слеп тот, кто хоть раз в жизни не совершил военного похода во имя спасения Господа нашего и кто из-за мелочных опасений теряет всю славу земную»⁵¹, - писал поэт-крестоносец I ибо, граф Шампанский^{15*}. Здесь, что совершенно очевидно, крестовые походы становятся составляющей некоей системы, обладающей квазиритуальным значением для юношеского периода становления личности, когда молодой рыцарь доказывает собственную состоятельность и значимость, участвуя в турнирах, посвящая себя служению возлюбленной и... крестовым походам. Из-за особого религиозного значения последних их место в данной схеме определяется как наивысшее доказательство истинно рыцарских качеств, однако же с давних времен участие в крестовых походах оказалось настолько прочто вплетено в более широкий контекст понятий о рыцарственности, что уже невозможно стало отделить светскость, куртуазность и героизм рыцаря от его религиозности. «Там [в Сирии] надлежит рыцарям великим и малым совершать свои рыцарские подвиги, - писал Конон де Бетюн накануне третьего крестового похода. - Именно так человек и должен завоевывать себе право на райскую жизнь и почести, а также - на любовь и похвалу со стороны своей возлюбленной.» Его современник Ги, сеньор де Куси, проявил более откровенную сентиментальность: «И пусть Господь возвысит меня до такой чести, чтобы я мог еще хоть раз обнять ту, с которой связан сердцем и всеми помыслами, и прижать ее, обнаженную, к своей груди, прежде чем я пересеку море, отправляясь в далекие страны!».⁵² Бодуэн де Конде, писавший в конце XIII века, то есть в период наиболее активного движения крестоносцев, с одной стороны проявляет меньшую сентиментальность, а с другой - большую осведомленность и воинственность. Молодой рыцарь-бакалавр (168), по его мнению, должен быть готов пожертвовать всем, что имеет, начиная участвовать в турнирах - не только жизнью и душой, но и состоянием; но если он хочет, чтобы его считали действительно безупречным рыцарем, то должен непременно в какой-то момент забыть о турнирах и взять в руки крест, ибо

никто не смеет называть себя истинным *preudhomme*, пока его меч не нанесет хотя бы один удар по врагам Господа нашего. «Именно так, - пишет он в своем «*Dit dou Baseller*» («0 бакалаврах»), - надлежит истинному рыцарю-бакалавру подниматься шаг за шагом, повышая цену себе и своей доблести.»⁵³ В этой поэме видно, как обретает конкретную форму идея постепенного самосовершенствования и повышения самооценки путем постоянных проявлений личной доблести и отваги, что, по мнению, например, Жоффруа де Шарни, является основой рыцарского характера.

Церковь с помощью христианских обрядов и законов постоянно стремилась подчеркнуть особое значение крестовых походов в рыцарской системе ценностей. Крестоносец давал святой обет в церкви в присутствии священника и нашивал на свою одежду крест, служивший, подобно посоху пилигрима, символом определенных привилегий и нахождения под охраной церковных законов, обеспечивавших ему вполне конкретные преимущества (часть из них, кстати сказать - например освобождение от судебного преследования за долги, - не имела ничего общего с системой рыцарских ценностей). Иерусалим действительно приобрел в глазах рыцарства такое значение, каким ни один иной город на земле обладать не мог, и его завоевание действительно открывало новые горизонты, ибо давало шанс на участие в войне, существенно отличавшейся ото всех прочих войн. Однако слова Тибо Шампанского насчет того, что слеп тот, кто ни разу в жизни не совершил военного похода во имя спасения Господа нашего, ясно свидетельствуют о том, что мыслил он в несколько иных категориях, чем те, что были связаны с исходным церковным идеалом полного самоотречения и посвящения себя Священной Войне. Ему и в голову не приходило требовать, чтобы рыцари всю свою жизнь провели в Святой Земле, как то полагали для себя необходимым первые тамплиеры, а также бароны и рыцари, селившиеся в заморских землях (их численность, впрочем, всегда была слишком мала для защиты этих, отвоеванных у неверных, земель); скорее он представлял себе крестовый поход, как некое путешествие, из которого рыцарь должен был обязательно

вернуться. Его концепция крестового похода, таким образом, вполне совпадала с воззрениями на сей счет большинства рыцарей, которые отправлялись в Палестину или же намеревались сделать это уже после триумфально завершившегося Первого крестового похода и создания первого христианского королевства. Эта концепция как бы добавляла некое дополнительное измерение к *Ritterfrommigkeit*, тому самому деятельному рыцарскому благочестию, о котором мы уже упоминали, психологически усиливая его и делая существенно более значительным. Но служила она главным образом для того, чтобы сделать еще более ощутимым тот внешний слой христианства, который издавна покрывал ценности героического прошлого, а заодно и ценности новой куртуазной культуры (можно сказать, они были практически «зацементированы» в нем).

*К -К -К

Та же знакомая интерпретация христианских и светских ценностей отражена в некоторых существенных дополнениях, которые эпоха крестовых походов привнесла в так называемую литературную мифологию рыцарства. Две группы произведений иллюстрируют это утверждение исключительно ярко: это цикл «Жеста Рыцаря с Лебедем» (романтизированная версия истории Первого крестового похода)^{17*} и цикл романов о короле Артуре, содержание которых связано с поисками Святого Грааля. Краткий обзор их основной тематики и манеры ее преподнесения читателю помогут нам придать большую глубину тому исследованию религиозной ментальности рыцарства, которое мы попытались провести в данной главе. Оба названных цикла произведений свидетельствуют о том, что идеалы светского рыцарства - как героические, так и куртуазные (которые никогда не имели ничего общего с церковной идеологией), - всегда оставались. Для данного сословия основными, даже если рыцарство проявляло самую решительную готовность совершать подвиги во имя Господа.

Важно, что оба эти цикла начинали обретать завершенную форму в конце XII - начале XIII веков - то есть в тот период, когда, по всей видимости, социальные и военные события придали окончательную форму - в чисто светском плане - и рыцарскому образу жизни, что также совпало и с расцветом движения крестоносцев.

В той группе историй, которые повествуют о «Рыцаре с Лебедем», самой старой является поэма, исходно и совершенно независимо известная ранее под названием «Песнь об Антиохии».⁵⁴ Ее сохранившийся вариант приписывается труверу Грендору из Дуэ, который писал в конце XII века, однако это всего лишь переработка более ранней поэмы, созданной северофранцузским трувером Ришаром Пилигримом, который, по мнению некоторых исследователей, являлся непосредственным свидетелем и участником Первого крестового похода, и рассказ его о событиях похода полностью соответствует тому, что о нем рассказывают и наиболее уважаемые хронисты того времени. Это вполне четко изложенная и достаточно достоверная история I крестового похода вплоть до взятия Антиохии в 1098 г. Поэма написана в иной тональности, чем хроники на латинском языке, повествующие об этих событиях; споры и ссоры предводителей крестоносцев даны в прямой речи, а также существенное внимание уделено, как и следовало ожидать, описанию личных подвигов крестоносцев; и все же данное произведение можно, скорее, классифицировать как хронику в стихах. Грендор из Дуэ, однако, переработал и еще одну героическую поэму «Песнь об Иерусалиме», которая также рассказывает о крестовом походе от взятия Иерусалима до битвы при Аскалоне (1099г.) и является произведением совершенно иного качества. Ее автор безусловно не был свидетелем описываемых им событий и не следовал ни одной из более надежных в историческом плане хроник. Как и более ранняя работа Ришара Пилигрима («Песнь об Антиохии»), эта поэма полна ярких картин сражений и детальных описаний героических подвигов, которые совершают участники похода, однако содержание ее, безусловно, представляет собой вымысел, лишь отчасти основанный на историческом материале, а не историю как таковую. Это, впрочем, ничуть

не умаляет драматических достоинств поэмы. Здесь и прелестные истории о том, как сарацин Корнумаран, сын мусульманского короля Кордабаса, умудрился выскользнуть за линии крестоносцев, осадивших Иерусалим, и протрубил в горн на холмах за пределами расположения их войск, дабы сообщить защитникам крепости, что он успешно бежал и теперь ищет спасения; и история о том, как Болдуин (Бодуэн), граф Эдессы, случайно наткнулся на принца Корнумарана в пустыне, и тот бежал от него на своем быстром коне Плантаморе. Есть здесь также и легенда о чудесных событиях, имевших место, когда бароны-крестоносцы собрались, чтобы избрать короля: эти чудесные явления дали собравшимся понять, что выбор Господа пал на Готфрида Лотарингского, которому суждено стать первым Защитником Гроба Господня.⁵⁵ Готфрид и Корнумаран, влиятельный мусульманин, стали центральными фигурами в этой истории, обладающей значительно более осязаемым «ароматом» героической эпической поэзии, чем некий версифицированный вариант хроники.

В эту историю - вскоре после того времени, когда творил Грендор из Дуэ, - вплетается и третья нить: родословная Готфрида (полулегендарные сведения о его предках, как мы узнаем из других источников, циркулировали уже с середины XII века). Многим эта история покажется весьма знакомой. Заблудившись в лесу, Лотарь^{18*}, сын короля Филиппа, лег отдохнуть на берегу чистого лесного источника и был разбужен прекрасной Элиоксой, замок отца которой находился неподалеку. Взглянув на нее, Лотарь тут же в нее влюбился и предложил ей руку и сердце.⁵⁶ Она согласилась стать его женой, однако предупредила, что это будет стоить ей жизни: она родит ему сына, от которого пойдет род будущих завоевателей Иерусалима, но сама во время родов умрет. Так оно и случилось: пока Лотарь воевал, Элиокса выносила и родила ему семерых детей - шестерых мальчиков и девочку - и умерла в родах. Каждому из детей после появления на свет надевали на шею золотую цепочку. Старая королева (бабушка детей) давно уже ненавидела Элиоксу и детей ее тоже недолюбливала, а после смерти невестки приказала отвести сирот в лес и бросить там одних. Лотарю же,

когда он наконец вернулся домой, сказала, что жена его умерла, родив нечто чудовищное - семь гадюк. В лесу детишек спас старый отшельник, но, к сожалению, старая королева об этом узнала и послала своего слугу выкрасть их золотые цепочки. Слуге это удалось; он снял цепочки с шести мальчиков, которые тут же превратились в лебедей и улетели далеко за дремучие леса. Оставшись в одиночестве, девочка, единственная, чья цепочка уцелела, пустилась на поиски братьев и в результате попала во дворец своего отца, где ее сразу узнали; братьев тоже обнаружили - на ближайшем озере, и в итоге все они обрели прежнее обличье, стоило им получить обратно свои цепочки; лебедем остался только один, чья цепь оказалась потерянной. Четверо из шести братьев с этого момента вообще исчезают из поля зрения читателя, а пятый, Элиас, (впоследствии Рыцарь с Лебедем), достигнув определенного возраста и пройдя обряд посвящения в рыцари, отплывает на корабле (барке) в дальние края вместе со своим шестым братом, который так и остался лебедем. Через сорок дней они прибывают во дворец императора Оттона в Нимвегене; здесь Рыцарь с Лебедем вступает за герцогиню Бульонскую и ее дочь Беатрис, владения которых захватил герцог Саксонский. Во время судебного поединка Элиас побеждает герцога, а затем женится на Беатрис. Когда же молодая жена задает ему вопрос (который он ей, кстати, задавать запретил) о его имени и происхождении, на той же барке возвращается лебедь и увозит своего опечаленного брата прочь, в неизвестность. И с тех пор о них никто и никогда более не слышит. Однако у Беатрис рождается от Элиаса дочь Ида, которая, повзрослев, выходит замуж за графа Эсташа Бульонского и рождает ему троих сыновей - Эсташа, Бодуэна (Болдуина) и Готфрида (будущего завоевателя Иерусалима Готфрида Бульонского). Так, знакомая история, более известная под названием «Лоэнгрин», была выбрана в качестве пролога к эпическому циклу, возникшему на основе поэмы Ришара Пилигрима. Ее роль в структуре цикла совершенно очевидна: она выделяет тему генеалогии будущего завоевателя Иерусалима, связывая с его происхождением целую череду чудесных и пророческих явлений.

В легендах, которые в качестве составляющих входят в цикл «Рыцарь с Лебедем», посвященный крестовым походам, религиозные и светские темы переплетаются весьма тесно. История Христова пророчества на кресте, обращенного к «благоразумному разбойнику», в «Песни об Антиохии» превращается в пропаганду крестовых походов, как бы санкционированных самим Господом, однако почему-то окрашивает все в тона светской мести: «Друг мой, со временем новые люди явятся из-за моря и отомстят за Его смерть, и ни одного язычника не останется ни здесь, ни даже в самых дальних пределах Востока.»⁵⁷ Волшебная история появления Рыцаря с Лебедем в Нимвегене превращается в новом контексте в некий знак свыше. Волшебство опять же обнажает определенный Божий промысел, но в поэмах отчетливо прослеживается и влияние светской и аристократической концепции родовитости, а основные события - такие, как встреча Элиоксы и Лотаря или защита Рыцарем с Лебедем Беатрис и ее матери, - окрашены в куртуазные, даже любовные тона. И все это ради того, чтобы придать истории отвоевания Святых мест, лежащей в основе сюжета, оттенок светского рыцарского этоса.

В легендах об Артуре история поисков Святого Грааля играет, скорее, обратную роль. Втиснутая между частями общеизвестного цикла «Вульгата», как и у Мэлори^{19*}, между романом «Ланселот» и финальной драматической историей о гибели Артура, история эта пропитывает всю эпопею о рыцарях Круглого Стола религиозным духом. В этих двух циклах есть и другие поразительные аналогии, как мы вскоре в том убедимся, особенно в генеалогии главных героев. Как и следовало ожидать, там весьма ощутима поддержка движения крестоносцев - например, в некоторых версиях легенды о Граале. Из «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха мы узнаем, что замок Грааля Мюнсальвеше (Munsalvaesche) охраняют тамплиеры.⁵⁸, а в самом начале французского романа «Perlesvaus» («Перлесваус» или «Перлесво»)^{20*} прямо говорится, что создан роман для того, чтобы «благодаря его описаниям и истинным свидетельствам стало известно, как рыцари и прочие достойные мужи желали страдать и претерпевать всяческие

тяготы и невзгоды, дабы возвеличить законы веры Христовой». Гордое утверждение автора романа о своем генеалогическом родстве с самим Персевалем основано на том достоверном факте, что его отец и все его дядья «погибли в бою, служа Мессие, обновившему и укрепившему этот закон Своей смертью на кресте.»⁵⁹ Кроме того, романы о Граале предлагают и самые поразительные примеры теснейшего переплетения двух тем, свойственных всей рыцарской литературе - воинственности и благочестия, - и мы, таким образом, вновь оказываемся перед той проблемой, которую рассматривали в начале главы.

Давайте же отнесемся к данным примерам более внимательно. Легенды о Граале содержат две основные сюжетные линии. История, рассказанная Кретьеном де Труа в его незаконченном «Персевале» и продолженная и доведенная до логического конца в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха, корнями своими уходит, по всей видимости, в кельтские мифы о некоем роге, блюде или котле изобилия (хотя данная легенда в произведениях этих писателей уже покрыта более поздними христианскими наслоениями). Вторую линию мы обнаруживаем в романе Роберта де Борона^{21*} «Иосиф Аримафейский»; она берет начало непосредственно в апокрифическом «Евангелии от Никодима», «изделии» IV века (а точнее, подделке), составляющей часть апокрифической литературы Нового Завета.⁶⁰ Роберт де Борон рассказывает, как Иосиф Аримафейский, которого он называет «добрым воином», получил от Пилата не только тело Иисуса, но и чашу, которая была использована во время Тайной вечери^{22*}. Брошенный евреями в тюрьму, Иосиф был чудесным образом спасен Христом, воскресшим из мертвых (это из «Евангелия от Никодима»), который явился со священной чашей в руках и вручил ее ему (а это уже добавление непосредственно самого Роберта или же кого-то из «промежуточных» авторов). Впоследствии Иосиф и его родственник Брон, Богатый Рыболов, вместе со всей честной компанией питались из Грааля во время своих странствий (здесь вплетается тема рога изобилия и евхаристической пищи). В конце истории Брон и его сын Алейн (Alain) отправляются на далекий запад, чтобы ждать в долинах Авалона при-

шествию некоего отпрыска их рода, который станет новым хранителем Грааля. В романах «Дидо-Персеваль»²³ и «Перлесваус» (оба романа написаны в начале XIII века) соединены кельтские источники и христианская апокрифическая литература; Персеваль, сын Алейна и рыцарь Круглого Стола, предпринимает поиски Грааля, излечивает изувеченного Короля-Рыболова и вступает в права наследства как новый хранитель Грааля.⁶¹ Классическая версия данной истории, изложенная в «Поисках Святого Грааля» (версии, включенной в общеизвестный цикл «Вульгата»), отличается тем, что центральной фигурой повествования является не Персеваль, а Галахад, сын Ланселота от Илэйн, однако же и он тоже из рода Иосифа Аримафейского. Воспитанный матерью, Галахад попал ко двору Артура уже пожилым человеком в белых одеждах и прошел испытание «Siege Perilous»^{24*}. Именно Галахад вместе с Персевалем и Боором предпринимает поиски Святого Грааля, и они вместе являются в Корбеник, замок Изувеченного Короля, где и находится Грааль. Во время мессы, которую служит епископ Жозефе, сын Иосифа Аримафейского, распятый Христос поднимается из Грааля и отправляет таинство причастия. Галахад берет то самое копье сотника Лонгина, которым этот сотник убил распятого Иисуса, и исцеляет Изувеченного Короля, смазав его кровью Спасителя. Затем Галахад, воочию увидев таинство Святой Чаши, умирает от восхищения в стране Саррас, и Грааль исчезает из этого мира. Год спустя Персеваль также следует за ним в могилу, а Боор возвращается в полном одиночестве, чтобы рассказать всем эту историю.

Основное отличие тех произведений, в которых центральной фигурой является Персеваль, и «Поисками Святого Грааля», где роль Рыцаря Грааля играет Галахад, заключается в том, что в первых значительное место отведено приключениям на поле брани, тогда как в «Поисках» религиозная аллегория развивается более изощренно, а теологические задачи более очевидны. Соответствие доктрины, изложенной в «Поисках», мистической доктрине Св. Бернара, а также некоторые более мелкие детали (например белые одежды святого, напоминающие облачение белого монашества) свидетельствуют о том,

что эта версия легенды имела цистерцианское происхождение.⁶² Рыцарские приключения и деяния религиозного плана, однако же, неизменно являются основополагающими элементами обоих вариантов легенды. В том и другом немало места отведено приключениям разных рыцарей - не только Галахада и Персеваля, но и, в частности, Ланселота и Гавейна, - при описании которых просчеты (т.е. «небезупречность») последних подчеркивают абсолютную безупречность Рыцарей Грааля. Однако же в обоих случаях это противопоставление - отнюдь не главная цель в отличие от трактатов Бернара Клервоского, в которых противопоставляются распутство и расточительность светского рыцарства религиозному пылу и чистоте рыцарства истинно христианского; скорее, в этих романах основной целью является выбор между двумя степенями рыцарской добродетели - примерно так же Бодуэн де Конде и Жоффруа де Шарни пытались создать некую шкалу рыцарских подвигов и добродетелей. Так, Ланселота можно упрекнуть в запретной любви к Гиньевре, но он, тем не менее, великий рыцарь-христианин и в «Поисках» все же успевает увидеть мельком Грааль, хотя Чаша и не является ему открыто. Его сражения в «Перлесваусе» с языческим правителем Орианды Мадагланом представляют собой образец крестовых походов и сражений с неверными. Значение легенд о Граале заключается не в резком противопоставлении светского и религиозного рыцарства, а в том, **как и что** они рассказывают нам о приключениях на поле брани, за которыми скрывается нечто значительно более важное. Поиски Грааля, описанные в них, это совсем не поиски некоего предмета, но поиски того, **что** этот предмет символизирует: таинства причастия и экстатического слияния с Богом. Отличительная черта историй, образующих эти циклы - представить все подобные религиозные предметы как конечную цель и главный приз, который получает элита рыцарства; образ рыцаря, странствующего в поисках приключений, и поиск единения с Господом, таким образом, сливаются воедино. По мнению Фраппье, романы о Граале отражают не столько представления об идеальном рыцаре на службе у церкви, сколько о рыцарстве как форме служения религии.⁶³ Вот

тут-то и кроется самое главное для историка, занимающегося рыцарской ментальностью. В этой группе историй *Ritterfrommigkeit* интерпретировалась как некая религиозная подготовка, завершающаяся мистическим видением Истины.

Церковные власти были последовательно осторожны в своем подходе к истории Святого Грааля, не принимая ее, но и не опровергая, как бы оставив целиком в области преданий. Их осторожность вовсе не удивительна. Несмотря на глубоко религиозный дух романов о Граале, отношения, в них описанные, на удивление мало связаны с религией.

Торжественный ритуал служения Граалю осуществляется не в стенах великолепного собора, а в пиршественном зале замка феодала. И в «Перлесваусе» не с помощью молитв, а с помощью оружия и вызванной им бури Персеваль отвоевывает свое наследие у короля Мертвого Замка и возобновляет служение Граалю. Среди священников, героев этих многочисленных историй, наиболее часто встречаются отшельники, одиночки, организованной церковной иерархии, да к тому же оказывается, что большая их часть - это люди, которые следовали профессии рыцаря, пока у них хватало сил держать в руках оружие, и лишь на закате жизни отказавшиеся от этой профессии. Вознаграждение свое «добрый рыцарь» Иосиф Аримафейский получает в романе не через последователей основного евангелического учения, что в средние века часто означало попросту христианских священников, а прямо и непосредственно от самого Иисуса Христа. Светские идеи по поводу благородного происхождения рыцарства оказали дополнительно сильнейшее влияние на восприятие авторами этих романов священного долга Иосифа и его потомков как хранителей Грааля. Действительно, вся история Грааля - это в некотором смысле история происхождения рыцарских родов; как, впрочем, и история Рыцаря с Лебедем - которая тоже является историей происхождения вполне определенного рыцарского рода. И в обоих случаях это история вполне конкретных семейств, избранных Господом для осуществления некой особой миссии.

Здесь выявляется весьма примечательная концепция, предполагающая прямую связь двух конечных образов - созерцательного мистика и суперактивного воина и искателя приключений, то есть странствующего рыцаря. Подобная концепция была бы, возможно, просто превосходной, если бы не мощное звучание внутри нее отголосков той, некогда (в героическую эпоху) вполне земной, вооруженной борьбы христиан с язычниками (или же, как в Ветхом Завете, Израиля с его недругами), которая воспринималась как аналогия божественной борьбы сил добра и зла. Подобная мысль вряд ли может найти место в соответствующей мистической значимости, особенно если вспомнить, что очень многим «рыцарственным» слушателям и читателям данных романов были, повсей вероятности, совершенно применений упомянутой концепции на практике.

Для историка, занимающегося рыцарской ментальностью, важность романов о Граале, а также цикла о Рыцаре с Лебедем заключается в том, насколько точно они отражают веру христианского рыцарства в то, что его образ жизни угоден Богу, а само рыцарство - это сословие, установленное по воле Всевышнего. В таком контексте романы о Граале имеют особое значение, ибо описания «случайных» приключений, заполняющие их страницы, напоминают нам, что речь здесь идет вовсе не об узкой теме крестовых походов, а об идее поистине глобальной, позволяющей деятельность рыцарства в целом воспринимать как абсолютно и полностью этой идее релевантную; сюда прекрасно «вписываются» и верное служение досточтимому господину или возлюбленной даме, и спасение несправедливо угнетенных, и непереносимые тяготы, которые странствующий рыцарь испытывает во время своих скитаний, и даже то терпение, которое следует проявлять во время поединков и турниров, не говоря уж о войнах в защиту Святой Земли. Эти христианские рыцарские истории, романы, написанные одновременно и о рыцарях, и о религии, помогают нам существенно расширить восприятие (причем как бы изнутри) той ментальности, которая стоит за призывом поэта-крестоносца Эме де Пегулана: «Смотрите же, мы,

не отбрасывая прочь наши богатые одежды, не отказываясь от нашего положения в обществе и ото всего, что доставляет нам столько удовольствия и восторга, способны обрести здесь, в миру, славу, а в раю - вечную радость.»⁶⁴ То, к чему Эме столь пылко и откровенно призывает, означает, что нет ни малейшей необходимости разделять эти две цели - стремление к мирской славе и служение Господу, - что жизнь знатного рыцаря со всем ее насилием, богатством и пышностью уже сама по себе является - в собственных пределах конечно - путем к спасению души. Эта идея является как бы отголоском той давней теории, приглушенной многоцветьем разнообразных модных течений, фраз и настроений конца XII - начала XIII веков, что религиозная ценность тех, кого правитель данного государства (смоделированного по принципу Царствия Небесного) берет к себе на службу, зависит от того, насколько хорошо эта служба ими исполняется, а не от воплощения в жизнь некоего идеала рыцарственного служения церкви. Такая типичная точка зрения, лежавшая в основе концепции рыцарства как христианского призвания. И подобное отношение к рыцарству, безусловно, было плодом давней связи системы ценностей, воспетой в германском героическом эпосе, с воинствующей традицией Ветхого Завета, причем связь с Ветхим Заветом здесь гораздо сильнее, чем с более поздними результатами развития церковной мысли; и появление подобного отношения к рыцарству имеет королевские, а не священнические корни.

Примечания переводчика

^{1*} «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.» (Нагорная проповедь, Матф., 5;5)

²¹ Ориген, 185-254, христианский теолог, философ и филолог, представитель ранней патристики; соединяя платонизм с христианским учением, отклонялся от ортодоксального церковного предания, за что впоследствии, в 543 г., был осужден как еретик.

Блаженный Августин, 354-430, христианский теолог и церковный деятель, главный представитель западной патристики; его неоплатонизм господствовал в западно-европейской философии до XIII века.

^{4*} Архангел Михаил в Ветхом Завете выступает как «князь» еврейского народа, защищающий его от соперничающего «князя царства Персидского», а также как предводитель небесного воинства в окончательной эсхатологической битве против сил зла; ему свойственны также функции учителя людей и посредника между богом и людьми.

Св.Георгий (Победоносец) - воин-мученик, которого во время гонений на христиан пытались всяческими пытками заставить отречься от веры и в конце концов отрубили ему голову; впоследствии стал рассматриваться как один из небесных покровителей «христолюбивого воинства»; черты блестящего аристократа сделали его образцом сословной чести для рыцарей Западной Европы.

^{6*} Назначение архангела Гавриила - раскрывать смысл пророческих видений и ход событий; в «Песни о Роланде» Гавриил возвещает Карлу Великому грядущие события, посылает ему вещие сны и напоминает о его долге без усталости защищать христиан во всем мире.

Имеется в виду поэма «Песнь о Гильоме», датированная концом XI века; Вивьен - племянник Гильома Оранжевого.

^{8*} «Heliand» («Спаситель»), древне-саксонская этическая поэма о жизни Христа, написанная по заказу Людовика Благочестивого ок.830 г.

^{9*} Елам = «юноша»; Еламом зовут сына Сима; а также Елам - страна, населенная потомками Елама, т.е. Персия.

^{10*} Велунд (Виланд), герой «Старшей Эдды», чудесный кузнец, властитель альвов, женатый на «лебединой деве» (валькирии). Велунд считается создателем не только замечательного оружия, но и (в немецких версиях «Песни о Велунде») летательного аппарата.

^{11*} Св.Освальд, 605-641, король Нортумбрии, восстановивший христианство в своем королевстве. Завоевал Южную Англию; погиб в борьбе с язычником Пендой, королем Мерсии. Мерсия - королевство в Центральной Англии, основанное в VII в. англами, а в нач. IX в. завоеванное королем Уэссекса.

^{12*} Турпин (Тюрпен) - не только герой литературного произведения, но и реально существовавшее лицо, архиепископ (в «Песни» епископ) Реймский, один из 12-ти пэров Карла Великого.

^{13*} Джон Бамборо (Бемборо, Бембро, Бранбо), известнейший в середине XIV в. английский военачальник немецкого происхождения, участник Столетней войны. Жан де Бомануар (ум. ок.1381 г.), маршал Бретани, участник Столетней войны.

«Битва Тридцати» - нечто среднее между сражением и турниром; состязание между англичанами и французами во время Столетней войны в Прстани в 1350-1351 гг. Французскими рыцарями командовал маршал Франции Ж.де Бомануар, английскими - капитан отряда наемников Джон Бамборо.

^{14*} Жоффруа де Виллардуэн, крестоносец, знаменитый французский хронист-историограф конца XII - начала XIII вв.; имеется в виду его яркий рассказ о взятии крестоносцами Константинополя.

^{15*} Трувер Тибо, граф Шампани и Бри, король Наварры (1201-1253); поэт-лирик, писал на языке лапгедойль; известна его любовная связь с Бланкой Кастильской, вдовой Людовика VII.

Рыцарь-бакалавр или башелье («рыцарь-постулант») - низшая степень рыцарства; обычно это молодой рыцарь, не имеющий свиты. Рыцарь-баннерет («рыцарь со знаменем») - следующая, более высокая степень рыцарства; обе они являются пожизненными, и их носители титулуются сэрами. Наличие на копье рыцаря-баннерета знамени (раздвоенного или простого) или выпела указывало на его право командовать большим или меньшим отрядом.

^{17*} Сохранилась лишь прозаическая обработка этого цикла, выполненная в 1465-1473 гг. неким Берто де Виллебремом из окружения герцога Карла Орлеанского, знаменитого поэта: в цикл входили поэмы «Рождение Рыцаря с Лебедем», «Рыцарь с Лебедем», «Конец Элиаса», «Отрочество Готфрида», «Рыцарь с Лебедем и Готфрид Бульопский» и др.

Далее пересказывается содержание поэмы «Элиокса», датированной второй половиной XIII в., которая считается первым вариантом поэмы «Рождение Рыцаря с Лебедем»; король Лотарь, старший внук Карла Великого, прекрасная Элиокса и их сыновья - главные герои поэмы.

¹⁹ Имеется в виду эпос Томаса Мэлори (1417-1471) «Смерть Артура», представляющая собой прозаическую компиляцию легенд о короле Артуре, в которой изображено крушение рыцарства и отражены настроения Столетней войны и войны Алой и Белой розы.

«Перлесеваус» (или «ГТерлесво») - существовавший вне «цикла Персеваля» автономный роман, написанный ок.1230 г. и предположительно в одном из монастырей, подпавших под влияние клюнийской проповеди, может быть даже в самом Клюни. Отличается чрезвычайной религиозной нетерпимостью, совершенно не свойственной романам о Персевале предшествующего периода, и язычники в нем изображаются погрязшими во всевозможных страшных пороках.

Роберт де Борон, уроженец Бургундии или Франш-Конте, писавший на рубеже ХН-ХШ вв. Первым сделал попытку связно изложить весь

основной сюжет артурова цикла, хотя в восприятии данного автора мир короля Артура существует лишь благодаря и во имя искупительной жертвы Христа.

Считалось, что Грааль - это чаша с кровью Иисуса Христа, которую собрал Иосиф Аримафейский, снявший с креста тело распятого Спасителя; чаша эта обладала способностью чудесным образом насыщать своих избранных неземными яствами, что впервые обнаружилось во время заточения Иосифа Аримафейского.

Один из списков третьей части «цикла Персеваля» - романов «Иосиф Аримафейский», «Мерлин» и «Персеваль» - принадлежавший в XIX в. известному издателю и коллекционеру А.-Ф. Дидо.

^{24*} То есть свободным креслом за Круглым Столом, которое мог занять только сэр Галахад, ибо ему судьбой было предначертано найти Святой Грааль; это кресло оказывалось смертельно опасным для любого другого.

Глава IV

ОБРЯД ПОСВЯЩЕНИЯ В РЫЦАРИ

Мы пока еще не касались такого важного аспекта истории раннего средневековья, как обряд посвящения в рыцари. Именно эта церемония в поэме «Ordene de chevalerie» и в трактате Рамона Ауллия описана столь подробно, с разъяснением тех христианских символов, которые сопровождают каждый шаг этого обряда - как, купание новообращенного рыцаря весьма напоминает крещение и означает очищение от грехов; белый пояс, которым опоясывают чресла неопита - это символ чистоты его побуждений; острия вручаемого ему меча должны напоминать о двух святынях обязанностей рыцарей - защищать слабых и всеми силами поддерживать справедливость. Если каждый шаг данной церемонии интерпретировать именно так, то совершенно не удивительно, что обряд этот будет восприниматься как исключительно важный в религиозном отношении именно благодаря ощутимому христианскому подтексту, а также - как зримый знак той новой направленности, которую реформируемая церковь XI - начала XII веков придавала развитию светского рыцарства. Аеон Готье, великий французский историк XIX века, посвятивший свою жизнь исследованию рыцарства, воспринимал обряд посвящения так, как если он был для средневековой церкви восьмым таинством.¹ А потому тем более важно - и особенно в свете предположений, высказанных нами в предыдущей главе, - с особым вниманием отнестись к вопросу о том, действительно ли подобная точка зрения на обряд посвящения в рыцари является оправданной. Имеем ли мы право называть это «восьмым

таинством», или же религиозное значение обряда не настолько велико и значительно и это - всего лишь еще один признак исключительно тесной переплетенности идеалов христианства и германской боевой традиции - то есть, что обряд посвящения в рыцари свидетельствует о тех же явлениях, которые уже были нами рассмотрены в предыдущих главах?

Разумеется, по некоторым признакам и в данном случае мы встречаемся с переплетением по крайней мере двух направлений. Каковы они, можно, видимо, наглядно пояснить с помощью некоторых иллюстраций, которые отчасти сделают более понятным, почему исходное расхождение этих направлений представляет для историка, занимающегося рыцарством, определенную проблему. Давайте для начала рассмотрим, по всей видимости, одно из самых ранних и подробных описаний обряда посвящения в рыцари в историческом источнике. Это рассказ Жана де Мармутье о том, как посвящали в рыцари Жоффруа Красивого Анжуйского. Это событие имело место в 1128 г. в Руане накануне его свадьбы с Матильдой, дочерью короля Генриха I Английского. Сперва молодой человек совершил ритуальное омовение, затем он был облачен в белую полотняную рубаху, расшитую золотом, и пурпурный плащ и предстал перед королем, в присутствии которого ему прикрепили к сапогам золотые шпоры, на шею повесили щит, украшенный изображениями львов, и король собственноручно опоясал его мечом, якобы выкованным самим мифическим Велундом. Все это очень напоминает описания, которые мы встречаем в «Ordene» и у Луллия. Тридцать молодых людей из свиты Жоффруа прошли обряд посвящения в рыцари одновременно с ним, и король Генрих вручил каждому богатые дары - боевого коня и оружие. Затем целую неделю продолжались пиры и турниры в ознаменование этого великого события.²

В этом рассказе нет упоминаний ни о церкви, ни о священниках, которые принимали бы хоть какое-то участие в данной церемонии (что примечательно, нет о них упоминаний и в «Ordene de chevalerie»). Если же мы, однако, заглянем в литургическую книгу более позднего периода, то есть начала XIV века, то обнаружим там совсем иную

картину, ибо в этой книге есть описание вполне определенного церковного обряда посвящения в рыцари, имевшего место в соборе Св.Петра и весьма похожего на уже упомянутый светский ритуал, однако уже со священнослужителями в главной роли. Накануне своего посвящения неофит должен был выкупаться в воде с лепестками розы, а затем, бодрствуя, провести ночь в церкви и наутро явиться к мессе, во время которой должны были исполняться вполне конкретные псалмы, после чего неофит выходил вперед и представлял перед священником (или приором духовного ордена), который наносил ему так называемый *collee* (или *рашпее*) - легкий удар рукой - и молился, чтобы Господь благословил нового рыцаря.³ С алтаря приносили меч, и этот священник (или приор) должен был благословить оружие и опоясать им неопита. Затем кто-то из присутствующих представителей знати должен был надеть новоиспеченному рыцарю золотые шпоры - единственное действие во время всего *ordo* (обряд), осуществляемое мирянином. Иной церковный ритуал посвящения в рыцари описан в конце XIII века в литургической книге, составленной епископом Манда Гиллельмом Дурандом^{1*}, где опять-таки говорится, что именно священнослужитель опоясывает посвящаемого мечом, наставляет его по поводу дальнейших обязанностей и наносит ему *collee*.⁴ Здесь также достаточно ясно слышатся отголоски обряда, описанного Жаном де Мармутье, хотя и не настолько отчетливо, как в Римской литургической книге. Слышны здесь, правда, и другие отголоски, которые тоже очень важны: отголоски более древних церковных текстов. Молитва Дуранда, в которой он просит Господа благословить меч рыцаря, происхождением своим обязана книге литургий из собора в Майнце, составленной в середине X века⁵, то есть намного раньше описания церемонии 1128 г. в Руане, сделанного Жаном де Мармутье, однако не имевшей достаточно ясной и определенной связи с обрядом посвящения в рыцари. Мы, таким образом, как бы предупреждены, что может возникнуть целый ряд проблем при попытке чересчур поверхностно объяснить связь между теми церемониями, которые описаны, с одной стороны, Жаном де Мармутье, а с другой - литургическими

книгами, и проблемы эти будут заключаться в том, что где-то между 1128 г. и концом XIII века чисто светский обряд, описанный де Мармутье, был «оцерковлен». Более того, в описаниях, как уже говорилось, появилось два направления: церковное и светское.

Однако совершенно ясно, что эти направления между собой были связаны. И наша задача - попытаться определить, во-первых, природу этой связи, а во-вторых - какое из описаний наиболее адекватно эту связь освещает, позволяя достаточно глубоко проникнуть в суть понятия «рыцарство» - того, которое предлагается нам литургическими книгами и вполне согласуется с описанием обряда посвящения в рыцари у Готье, воспринимавшего этот обряд как «восьмое таинство», или же того, которое дает Жан де Мармутье и которое с перечисленными выше описаниями совершенно не согласуется. Поскольку, видимо, возникнут определенные трудности при попытке объяснить их связь просто деривационным процессом, то есть происхождением одного из другого, постараемся проследить истоки и развитие каждой из этих концепций по отдельности - во-первых, чисто светского обряда, а во-вторых, его церковной версии. И в процессе подобного исследования нам, возможно, станет значительно понятнее, как, собственно, следует воспринимать существующую между ними связь.

*К -К *К

Итак, проследим сперва историю развития светской линии данного исторического сюжета. Для начала уделим несколько больше внимания тому подробному описанию, которое предлагает нам Жан де Мармутье по поводу посвящения в рыцари Жоффруа Анжуйского. Мы уже знаем, что Генрих I одарил молодых людей, которые проходили обряд вместе с Жоффруа, боевыми конями и оружием. На самом деле, простая фраза «он подарил ему оружие» («he gave him arms») часто в более древних текстах представляет собой описание одной из составляющих обряда посвящения в рыцари. Именно поэтому знаменитый

хронист Ордерик Виталий вкладывает в уста Вильгельма Завоевателя горькую жалобу на Робера, своего мятежника-сына, который увлек за собой тех «молодых людей, которых я (Вильгельм) воспитал и которым я вручил рыцарское оружие». ⁶ В другом месте Ордерик рассказывает, что Робер де Гранмениль в течение пяти лет служил оруженосцем Вильгельму, когда тот был еще герцогом Нормандии, и «затем упомянутый герцог в благодарность за службу с почестями вручил ему оружие; а теперь, когда он стал настоящим рыцарем, герцог наградил его также богатыми дарами». ⁷ Церемония, на которую здесь, похоже, указывается, то есть вручение оружия молодому воину, имеет весьма древнее происхождение. Павел Диакон (историк и поэт при дворах Дезидерия и Карла Великого) рассказывает об обычае, существовавшем во времена первых королей Ломбардии, посылать принцев к кому-либо из иностранных правителей, чтобы у них при дворе юноши получили должное воспитание, а затем и оружие из рук этого правителя.® Виглаф^{2*} в «Беовульфе» рассказывает, как главный герой одаривал шлемами, доспехами и мечами тех, кто входил в его дружину. ⁹ Все это заставляет нас заглянуть в еще более ранние, дорыцарские времена, однако же суть и корни этих обрядов кроются в совсем давнем прошлом. Тацит в своей «Germania» («Истории Германии») говорит о том, что среди германцев вручение оружия означало, что данный молодой человек достиг своего совершеннолетия и перешел в класс взрослых мужчин. «Когда приходит этот день, на общем собрании один из вождей или отец, или же кто-то из родственников одаривает этого молодого воина щитом и копьем. Это у германцев эквивалентно нашей тоге^{3*}, первой общественной дефиниции юноши.» ¹⁰ Поиск настоящих корней обряда вручения рыцарю оружия отсылает нас, таким образом, прямиком к германским варварам II века н.э.

Старинный германский обряд вручения оружия и средневековый обряд посвящения в рыцари не должны, впрочем, отождествляться, хотя между ними безусловно имеется определенная связь. ¹¹ Глагол «adouber», «посвящать в рыцари», первоначально означал просто оснащение воина боевым оружием. ¹² Однако это же слово используется и при опи-

сании обряда посвящения в рыцари, причем используется в этом значении с достаточно давних пор, а с течением времени именно это значение становится наиболее употребимым. Более того, вручение оружия, то есть то, что, по сути своей, и означает обряд посвящения в рыцари, в ранних, «дорицарских» текстах обычно связывается с одной из двух возможных ситуаций: с переходом в соответствующий возрастной класс или же со вступлением в военный отряд - то есть, с одной стороны, в точности как у Тацита, а с другой - как в «Беовульфе». Посвящение в рыцари в XII и начале XIII века довольно часто происходило, когда юноша достигал определенного возраста, а также, похоже, иногда связывалось со вступлением молодого воина в боевую дружину или отряд вассалов, тоже в своем роде эквивалент боевой дружины. Так, мы узнаем, что в XII веке Фридрих, сын погибшего пфальцграва Саксонии, воспитывался под крылом у некоего графа Людвига «до той поры, когда был опоясан мечом»; а граф Раймон Беренгар из Барселоны даже в своем завещании указал, чтобы его младшего сына Педро растили и воспитывали под руководством Раймонда, его же старшего сына, «пока Педро не достигнет совершеннолетия и не будет посвящен в рыцари».¹³ Гизельберт из Монса в своем трактате сообщает, что в землях Анжуйской династии, если наследник не успел еще достигнуть совершеннолетия и его владениями правит опекун, то обычно он проходит обряд посвящения в рыцари одновременно с принесением оммажа (феодалной присяги) своему сюзерену и вступлением в права наследства.¹⁴ Здесь становится заметна уже вторая линия - вступление в боевой отряд одновременно с достижением совершеннолетия; ибо имеется определенная связь этого события с церемонией оммажа, когда вассал клянется оказывать своему сюзерену (помимо всего прочего) военную помощь и поддержку. Исходно-то слово «вассал» на самом деле означало не более чем «боевой товарищ», «сторонник» или «последователь», член боевой дружины, который мог надеяться, например, на получение земельного надела в качестве вознаграждения за службу, но ни в коем случае не мог быть абсолютно уверен, что это вознаграждение получит. Примечательно,

что слова *vassus* и *miles* в древних текстах вполне взаимозаменяемы.¹⁵

Так что, когда в героической поэме мы читаем, как Гильом Оранжский призывает «молодых оруженосцев, одетых в лохмотья» присоединиться к его военному походу в Испанию и обещает им щедрое вознаграждение и посвящение в рыцари¹⁶, то можем ли мы с уверенностью сказать, кого именно он рекрутирует: рыцарей или вассалов? И действительно, определенный ответ невозможен: в данном контексте грань между этими понятиями почти неуловима. Однако же вполне ясно, какую именно цель преследовал Гильом Оранжский, рекрутируя молодых людей в свою армию и обещая им оружие.

Вручение оружия и посвящение в рыцари, таким образом, связаны с достижением совершеннолетия и разрешением вступать в боевой отряд или дружину, а также - с идеей вассальной зависимости. С ними же связано и некое указание на определенный социальный статус. Тексты времен Каролингов совершенно недвусмысленно указывают, что наличие у вассала «полного боевого вооружения» (каковое вооружение или же его эквивалент полагалось в случае смерти этого вассала вернуть его господину в качестве «*heriot*»⁴¹ с тем, чтобы господин мог бы «вручить» это оружие и доспехи кому-то другому) весьма отличало его от обычных свободных людей, которым полагалось являться на службу лишь с копьём и щитом. Различия здесь, пожалуй, лучше определены в профессиональном плане, чем в социальном или наследственном, но все это в средние века было не так уж и далеко друг от друга. Вассальная зависимость и владение вассальными землями или фьефами (ленами) постепенно стали наследственными, а вступление в армию или дружину сеньора вполне могло стать способом повышения своего статуса, так сказать улучшения своего родства и умножения своих богатств. Ордрик Виталий рассказывает, что король Генрих I Английский щедро вознаграждал «молодых воинов и особенно рыцарей, которые верно несли свою тяжкую службу», а также «жен и дочерей тех, кто пал в бою, передавая им в собственность земельные наделы (*patrimonies*) и, таким образом, возвышая их столь значительно, сколь они не смели даже и надеяться».¹⁸ Здесь нам стоит

вспомнить, как заботливо историк-хронист Ламберт из Вотрело, занимавшийся генеалогией знатных родов, стремится выделить по своей отцовской линии всех рыцарей, а также не упускает ни одного упоминания и о сколько-нибудь отличившихся предках по материнской линии.¹⁹ Но, правда, лишь в XII веке мы действительно обнаруживаем правило, впервые упомянутое в ассизах Рожера II Сицилийского, а также в двух указах Фридриха Барбароссы: тот, кто стремится стать рыцарем, обязан указать рыцарей в числе своих предков.²⁰ Однако связь рыцарства - как вассальной зависимости, которой оно было весьма сродни, - с происхождением, а следовательно, и с неким наследственным статусом, уходит корнями по крайней мере в предшествующий век. Вернувшись назад, в середину XI века, мы узнаем историю о том, как настоятель монастыря в Бургейле, сжалившись над молодым человеком из Турени по имени Жирар Боррель, воспитал его и посвятил в рыцари, «ибо он был сыном рыцаря, и все его предки также были благородного происхождения».^{2*}

В раннем средневековье об общественном положении человека могли отчасти судить уже по его происхождению; однако статус того господина, которому он служил, был не менее, а может быть даже и более важен, чему находят достойные свидетельства. Таково еще одно сходство между этими двумя типами отношений. Является уже общим местом то, что у германцев благодаря вступлению в боевую дружину между ее предводителем и рядовыми членами устанавливались отношения почти кровнородственные. Воины, входившие в такой отряд, имели полное право поддерживать порядок во владениях своего командира, как если бы принадлежали к его семье; точно так же и он имел право наводить порядок и распоряжаться в хозяйствах тех, кого вооружил и взял на содержание, а от их убийц требовал уплаты кровного долга, вергельда, согласно той ставке, которая соответствовала его собственному статусу, а отнюдь не убиенных воинов из его дружины - все опять так, как если бы члены дружины были его родственниками. Сходные воззрения мы обнаруживаем и у рыцарства относительно той тесной связи, что существовала между вооруженным

воином и тем, кто его вооружил. «Я не получил от Карла Великого никаких земельных наделов» - говорит Рено де Монтобан⁵¹ в одноименной поэме.²² «Не получил, - отвечает ему Ожье Датчанин, - но помни, что именно он вооружил тебя как рыцаря.» Точно так же встречается и мнение, что посвящение в рыцари знатным феодалом возвышало неопита и в социальном плане, как бы передавая ему частицу славы и достоинства данного сеньора. Именно эта идея лежит в основе постоянно встречающегося в романах стремления молодых «соискателей» быть посвященными в рыцари самим королем Артуром или же одним из его знаменитых рыцарей, например Ланселотом. И не только в романах: в исторической действительности мы также обнаруживаем подобные устремления: например, Генрих II Английский мечтал быть посвященным в рыцари королем Шотландии²³; Св. Бернар (Клервоский) в письме к византийскому императору Мануилу Комнину подробно пишет, что посылает к нему Генриха (Анри), сына графа Шампанского, с тем, чтобы тот был, по возможности, посвящен в рыцари Христовы самим императором.²⁴ Суть данной концепции ассоциированной чести прекрасно выражена в словах немецкого поэта-министериала XII века Мило фон Зевелингена: «das Wurde werdens wirdet mir», «достоинство достойного делает достойным и меня».²⁵ Первые проблески этой идеи засвидетельствованы и в гораздо более ранний период Павлом Диаконом - в истории о том, как короли Комабрдии имели обычай отсылать своих сыновей на воспитание ко дворам чужеземных правителей, чтобы впоследствии они получили оружие из рук этих правителей, благодаря чему и на них упал бы ответ

26

славы и достоинств сих достойных сеньоров.

Смысл обряда вручения оружия и идея ассоциированной чести сплетаются воедино в дошедших до нас рассказах о массовом посвящении в рыцари, что с начала XII века становится явлением самым обычным. Мы, например, узнаем, что в 1099 г. Владислав, король Польши, возвращаясь с победой после военной кампании, устроил богатый пир по случаю праздника Успения и на этом пиру посвятил в рыцари своего сына Болеслава; и, как сообщает хроника, не только его

одного, «поскольку во имя любви к сему молодому человеку и в честь этого события он также одарил оружием множество его ровесников».²⁷ Жан де Мармутье говорит, что тридцать его молодых товарищей были посвящены в рыцари одновременно с Жоффруа Красивым; Рожер II Сицилийский в честь посвящения в рыцари двух своих сыновей в 1135 г. вместе с ними посвятил еще сорок молодых воинов.²⁸ Уже в конце XII века и позднее рассказов о подобном массовом посвящении в рыцари встречается чрезвычайно много, особенно в литературных источниках. И это не просто соблюдение определенного ритуала; скорее, здесь можно предположить начало некоей общественной консолидации посредством яркого, впечатляющего обряда и тех сословных связей, которые закладывались и укреплялись благодаря воспитанию в одном и том же доме (или одних и тех же условиях), и одновременно создание костяка будущей боевой дружины или отряда для наследника того или иного представителя знати. Массовое посвящение в рыцари, уже по своей природе являясь событием значительным, было также и знаком того, что церемония вручения оружия стала к этому времени более пышной и изысканной. Здесь уместно упомянуть подробные описания - например, у Жана де Мармутье - одежды неофитов, их расшитых золотом плащей, изукрашенных щитов, а также - ритуального омовения будущих рыцарей.

Массовое посвящение в рыцари связано также и еще с некоторыми весьма важными явлениями. Большая часть ранних описаний обряда посвящения связана с отпрысками самых знатных фамилий. Если же в этих рассказах встречаются сведения о вступлении в рыцарское сословие людей менее знатных, то трудно сказать, может ли вообще идти речь о какой бы то ни было церемонии; скорее, это просто вручение оружия и доспехов (или, возможно, всего лишь вступление должным образом экипированного воина в боевой отряд). Без сомнения большая часть посвящаемых в рыцари во время массовых обрядов - это богатые молодые люди из хороших семей, воспитывавшиеся при дворе того или иного представителя знати и зачастую вместе с его наследником, для которого, собственно, этот обряд и устраивался.

Но и это уже свидетельствует о том, что круг придворных начинал расширяться и возникал новый путь развития общества, при котором, как мы уже говорили в предыдущей главе, начиналось сближение знати и менее знатных представителей благородного сословия - через их вступление в ряды рыцарей. По описаниям массовых приемов в рыцари можно предположить, как этот ритуал, ставший значительно более изысканным и конкретным, чем простой обряд вручения боевого оружия, сумел получить распространение как «вширь» (в географическом смысле), так и «вглубь», то есть по вертикальной (иерархической) оси общества. Совершенно очевидно, что пышная церемония посвящения в рыцари как мода привилась в различных местах в различные времена, и порой мы вполне можем догадаться о некоторых конкретных причинах этого: в Брабанте, например, знать стала пользоваться званием «рыцарь» (*miles*) в точности тогда, когда рыцари орденов тамплиеров и госпитальеров начали приобретать там земли.²⁹ Однако же забота того или иного знатного феодала о том, чтобы церемония эта происходила должным образом и в полном соответствии тогдашней моде, как это отмечается в другом источнике, была, почти наверняка, основной. Представители высшей знати XII века постоянно общались между собой - в том числе и благодаря посланникам, различным искателям приключений, менестрелям и менее знатным дворянам, желавшим обрести покровителей среди рыцарей или ученых; и сведения о пышных запоминающихся церемониях, как имевших место в действительности, так и вымышленных средневековыми писателями, порождали желание подражать и стремление к соперничеству.

Когда в XII веке мы вступаем в мир массовых посвящений в рыцари, пышных и изысканных церемоний и изощренной куртуазной литературы, а позади остаются темные времена боевых дружин, наконец начинают проявляться и более явственные различия между рыцарством и вассальной зависимостью. И мы действительно можем наблюдать, как от древнего ствола ответвляются сразу два направления. И теперь, когда мы слышим о вассале, то ожидаем, разумеется,

услышать и о его фьефе, то есть о землях, которыми его наделили или одарили; но мы все реже слышим о безземельном, бездомном вассале, исходно являвшимся обязательной фигурой военного отряда того или иного сеньора. Обязанности вассала становятся более определенными и конкретными, да и куда прочнее связанными с наличием в его распоряжении конкретного фьефа или фьефов, из чего, естественно, вытекают и его особые обязанности по отношению к конкретному сеньору. Подобно тому, как изменения вассальной зависимости проясняют характер вассальных обязанностей, становятся более определенными и разнообразные общие обязанности рыцарей, закрепленные обрядом, совершенно отличным от принесения присяги (оммажа) сеньору и значительно более пышным, чем древний обычай вручения оружия воину. Привычным становится отношение к рыцарству как к «сословию». Этьен де Фужер пишет о «сословии» рыцарей; то же самое делает Кретьен де Труа: «Горнеман, посвящая в рыцари Персевала, присваивает ему звание члена «наивысшего сословия, который Господь замыслил и создал».³⁰ И наставления Горнемана - щадить врага, попросившего пощады, регулярно собираться на совет с другими братьями-рыцарями, помогать попавшим в беду женщинам, посещать церковь и молиться Богу - имеют общий, а не частный характер. Как показывают другие, современные Кретьену де Труа, источники, это ни в коем случае не признак того, что были преданы забвению более древние и более конкретные свойства и обязанности рыцаря, которые он должен был выполнять после достижения совершеннолетия - неперемнная и верная служба, готовность отдать жизнь за своего господина и способность обеспечить себе необходимую экипировку в качестве конного воина. Однако к обязанностям рыцаря прибавляется и кое-что новое - не только для него самого, но и для других. Уже само по себе понятие «сословие» связано с обязанностями куда более широкого круга лиц, чем боевая дружина или отряд вассалов того или иного сеньора.

«Слово это, «сословие», как бы само себя объясняет; то есть подразумевает, что те, кто являются его представителями, и жить

должны по его уставу.»³¹ Гак гласит один из трактатов о рыцарстве, написанный в позднее средневековье. Разумеется, рыцарство никогда не имело определенного устава в том смысле, в каком уставом обладали монашеские ордена или же, например, орден тамплиеров. В XII веке, однако, и Иоанн Солсберийский, и Элинан из Фруамона говорят о некой клятве, которую должен принести рыцарь во время своего посвящения³², а более поздние тексты содержат и целые списки подобных клятвенных обязательств.³³ Более того, слова «сословие» и «орден»⁶ - особенно в связи с некими общими для его членов обязанностями - приобретают отчетливо церковный привкус, связанный, в частности, с теми различиями, которые церковные писатели XI века, например Адальберон Ааонский и Жерар де Камбре, видели в трех основных сословиях христианского общества и их функциях. Итак, все старинные традиции и ассоциации, которые нам удалось отыскать и которые, казалось бы, способны были пролить свет на происхождение рыцарства - достижение совершеннолетия, вручение оружия, ритуальное принесение «оммажа», понятие ассоциированной чести - по сути своей оказались совершенно светскими. И теперь настала пора уделить несколько больше внимания участию в этом обряде церкви, о чем свидетельствует упомянутая в начале этой главы Римская литургическая книга и сочинения Гиллельма Дуранда.

•К ~К

Не совсем ясно, был ли ритуал освящения боевого меча, описанный в X веке в литургической книге Майнцского архиепископства - основополагающем источнике всех литургических служб, имевших отношение к посвящению в рыцари, - исходно связан с обрядом посвящения. Ранние литургические и другие священные книги содержат соответствующие тексты благословляющих молитв практически для любого предмета или явления, связанного с повседневной жизнью, и нет причин предполагать, что освящение - в X веке предмета в высшей

степени повседневного - так уж особенно отличалось от освящения какого-либо иного предмета. Однако же ясно, с какой основой следует соотносить обряд посвящения в рыцари, описанный в книге из Майнца. Основу эту следует искать в посткаролингской эпохе, связанной с вторжениями язычников и войнами с викингами, сарацинами и мадьярами, и ключевые слова торжественной литургии свидетельствуют об этом: «Благослови сей меч... дабы он мог защитить от злобных язычников святые церкви, а также вдов, сирот и всех слуг Господа нашего.»³⁴ Ритуал освящения меча, таким образом, относится к периоду, когда христианство, по всей видимости, боролось за собственное выживание и когда, как мы видим, возникало немало сходных обрядов, например освящение боевых знамен и отрядов, а также появлялись новые молитвы, в которых Господа благодарили за одержанную победу. Совершенно не удивительно, что в этот период войны, роль которых сравнивалась с ролью героев Ветхого Завета, стремились получить благословение церкви и освятить там оружие, а священнослужители должны были всегда быть готовы это благословение дать.

Одной из наиболее поразительных характеристик древнего обряда освящения меча является прямое его родство со столь же древним обрядом коронации, что становится очевидным при сопоставлении описаний этих обрядов. Впрочем, в подобном историческом контексте это не вызывает ни малейшего удивления, поскольку древние правители одновременно являлись и предводителями войск в войнах против язычников. Гораздо интереснее и важнее то, что самые ранние описания *ordines* (правил) коронации значительно старше, чем описанный в книге из Майнца обряд посвящения в рыцари. И важность этого факта еще более усиливается, когда мы обнаруживаем, что общими для обоих обрядов являются не только обязанность защищать вдов и сирот и непременно освящение меча в церкви, но и молитвы о победе, в которых, согласно ранним текстам, Бога просят благословить короля, а согласно более поздним - и примерно в тех же выражениях - распространяют эту просьбу уже на все рыцарство в целом.³⁵ Есть и другие признаки существующей между этими двумя обрядами связи. Цент-

рольным элементом в светском обряде посвящения в рыцари безусловно было опоясывание мечом, гораздо более древний и значимый ритуал, чем нанесение *collee* или *raumee* (которых на самом деле еще долго не знали, например, в Германии), и этот ритуал остается в центре обряда посвящения и в более поздних литургических книгах, например и трудах Гиллельма Дуранда. Однако самые ранние сведения, которые мы имеем о достаточно изощренном ритуале опоясывания мечом то есть более значительном, чем простое вручение боевого оружия, - касаются не рыцарей, а правителей стран. Так, например, Карл Великий, сделав в 791 г. Людовика Благочестивого королем Аквитании, опоясал его мечом, а сам Людовик в свою очередь сделал это для Карла Лысого, когда тот (в 838 г.) стал королем.³⁶ В более поздний период опоясывание мечом было включено в канонический коронационный обряд. Описание в литургических книгах обряда посвящения в рыцари, таким образом, имеет значительное сходство с обрядом коронации, что во многих отношениях совершенно естественно. В раннее средневековье королевская власть многими воспринималась, скорее, как некий особо высокий ранг или высшая ступень в иерархии светской власти, но отнюдь не как общественный институт, то есть король был из той же социальной группы, что и герцоги, маркграфы, графы и прочие могущественные сеньоры. Высокий титул, впрочем, облакал его владельца соответствующей властью, что, собственно, и символизировала церемония опоясывания мечом. Всю власть давал Господь, и меч правосудия заслуживал благословения Господня вне зависимости от того, был ли он вложен в руки короля или же в руки какого-то другого представителя знати. И действительно, в XI веке многие графы называли себя «графами милостию Божией» точно так же, как это делали и короли. Что важно, значительная часть ранних сведений о посвящении в рыцари, где упоминается церемония опоясывания мечом, относится к людям весьма известным или же их сыновьям, то есть тем, кто, как и графы, обладали существенными правами - может быть, несколько меньшими, чем у короля, но все же вполне сопоставимыми с королевскими. На самом деле не совсем ясно, был ли описанный в

литургической книге из Майнца этот обряд (или другие подобные обряды, описание которых мы встречаем и в других ранних литургических книгах той же Рейнской области) предназначен для освящения меча любого рыцаря; похоже и гораздо более вероятно, что изначально этот обряд отправлялся только тогда, когда меч вкладывался в руки кого-то из самых знатных представителей благородного сословия, и что лишь впоследствии он был распространен и на людей менее знатных. Ж.Флори действительно высказывал, и довольно настойчиво, немало аргументов по поводу того, что период, когда древний ритуал вручения оружия начинает идентифицироваться с обрядом посвящения в рыцари, совпадает с тем временем, когда с этим же обрядом начинает ассоциироваться и ритуальное опоясывание мечом, в результате чего опоясывание мечом (с другой стороны, оно ассоциируется с передачей власти, и это его значение сохранилось в обряде коронации) становится признаком вступления в более высокую по своему положению общественную группу, а именно - в сословие рыцарей.⁴¹ Тот факт, что в XI веке возникли прогрессивные перемены в тактике конного боя и что вследствие этого конница стала более многочисленной и заняла более важное положение в войсках, тоже становившихся все более многочисленными, дает основания предполагать, что это явилось одной из причин стремления огромного количества людей весьма скромного достатка быть посвященными в рыцари и пройти тот самый обряд, который ранее был уделом лишь самых знатных - в результате чего совершенно иное звучание приобрел и сам этот обряд. В контексте подобных перемен литургическая книга архиепископства Майнц с ее описанием обряда освящения меча помогает нам вспомнить, что рыцарство - даже в более поздние века, когда зачастую бывали опоясаны мечом во время изысканной церемонии посвящения и менее знатные люди, - никогда полностью и не отделяло себя от феодальной власти и юрисдикции. Рамон Луллий ясно говорит: «...а потому, дабы править всеми народами, которые будут на земле, Господь повелевает, чтобы там было и много рыцарей».³⁸ Точно так же и сколько-нибудь ощутимые различия в положении короля и рыцаря в иерархическом и

военизированном феодальном мире могли восприниматься как различия лишь в рангах, а различия в их функциях могли рассматриваться лишь по уровню их масштабности. Таким образом, аналогичность обрядов посвящения в правители и в рыцари никоим образом не должна вызывать удивление.

Исходя из нашей теперешней точки зрения, наиболее важным аспектом аналогии между обрядом коронации и обрядом посвящения в рыцари представляется то, что мы можем получить примерную картину того, как церемония вручения боевого оружия, исходно действие чисто светское, стала, подобно обряду коронации, ассоциироваться с церковным обрядом. Самые первые сведения о церковном обряде провозглашения правителем страны мы получаем из описания коронации Пипина Короткого в качестве короля франков в 753 г. Однако же ясно, что до того коронация являла собой процедуру совершенно светскую (во всяком случае, нехристианскую), которая формально закрепляла за выборным вождем право действовать как верховный правитель.³⁹ Уже в X веке монах Видукинд, описывая коронацию Оттона I, смог установить различия между светской церемонией возведения короля на престол, которая происходила в атрии (atrium), закрытом внутреннем дворе у входа в церковь, и церковным обрядом коронации, которая следовала за этим.⁴⁰ Таким образом, в истории обряда коронации были две составляющих, светская и церковная, которые вскоре оказались сплавлены воедино. Похоже, две составляющие имеются и в истории обряда посвящения в рыцари: та, что является отголоском старинного германского обычая вручения боевого оружия и имеет исключительно светские корни, и та, что заставляет вспомнить церковный ритуал освящения воинского меча. Описание литургических обрядов в книге Гиллельма Дуранда и в Римской литургической книге свидетельствует о соединении этих двух составляющих и о наполнении данного обряда как религиозно-христианским, так и общественно-светским звучанием.

Тем не менее, в истории обряда коронации и истории обряда посвящения в рыцари имеются существенные различия. Церкви удалось

создать для себя и своих обрядов фактическую монополию на ключевую роль в процедуре возведения на престол нового короля; но, как мы вскоре увидим, ей так и не удалось достигнуть подобной монополии в обряде посвящения в рыцари.

Можно с уверенностью сказать, что в XI-XII веках высшие церковные круги были представлены теми, кому очень хотелось эту монополию установить. С точки зрения церковных властей, заимствования из литургического обряда провозглашения короля, которые стали использоваться в обряде посвящения в рыцари, требовали, по словам великого немецкого исследователя Эрдманна, «переноса на отдельных рыцарей тех этических воззрений, которые ранее применялись церковью исключительно к верховному светскому правителю страны.»⁴¹ По мнению Эрдманна и еще некоторых ученых, подобный концептуальный перенос можно наблюдать в работах XI века об основных функциях трех христианских сословий; долг воинства, заключающийся в защите своего народа и поддержании мира в стране, в точности совпадает с долгом правителя, к исполнению которого его призывает коронационный *ordo*. В то же время после узаконивания Божьего Мира церковные власти прямо начинают заставлять воинов клясться в том, что они будут поддерживать мир и всячески сдерживать военное насилие. В Григорианскую эпоху наиболее экстремистски настроенные сторонники теократии очень хотели, чтобы вся светская судебная власть, а не только королевский суд, находилась в руках церкви, которая бы и определяла все этические нормы судопроизводства и применения военной силы. Григорий VII, как мы знаем, не стал колебаться, когда через головы светских правителей призывал светское рыцарство в качестве *militia Sancti Petri* прийти на помощь «викарию Св.Петра»⁴² Призыв Урбана II к крестовому походу был обращен к рыцарству в целом, которое, по его словам, должно было посвятить себя новому служению Господу и Святой церкви. И он адресовал свою проповедь непосредственно самому рыцарству, безо всяких посредников между ним, «викарием Св.Петра», и будущими крестоносцами. Потенциально церковные литургии в честь обряда посвящения в ры-

цари могли символизировать, и достаточно ярко, эту первую и основную обязанность рыцарства перед церковным сословием и его верхушкой. Описание этого обряда в Римском своде литургий на самом деле является отголоском проповеди Григория VII, в которой он говорил о том, что рыцарь-неофит должен быть добрым христианином и защитником Господа и Св. Петра.⁴³ Очевидно, имелись все причины, чтобы церковные власти непременно всячески содействовали увязыванию литургического ритуала со светским обрядом посвящения в рыцари; мало того, они желали, чтобы церковная составляющая в этой связке стала основной, и стремились обеспечить священнослужителям ведущую роль в этой церемонии - в частности, в опоясывании мечом и нанесении *collee*.

Вот почему так важно подчеркнуть, что эти цели никогда не были реализованы, что церковь никогда так и не достигла монополии в обряде посвящения в рыцари, во всяком случае в том объеме, как в процедуре коронации. И наконец, даже сведения, содержащиеся в литургических книгах и сами по себе важные как пример церковных воззрений на то, какова должна быть основная функция рыцарства, доказывают, что деятельность церкви как бы проходила по касательной к истории обряда посвящения в рыцари. Отмечены реальные случаи того, что порой церкви удавалось осуществить руководство обрядом опоясывания мечом, но почти во всех таких случаях (хотя все-таки не во всех!) участвовали князья церкви (духовные феодалы), которые и сами являлись высшей светской знатью.⁴⁴ Среди исключений, возможно, наиболее памятное - это посвящение в рыцари Амори, сына Симона де Монфора, предводителя Альбигойских войн, которое состоялось в день Св. Иоанна Крестителя в 1214 г. в Кастельнодри. По просьбе графа де Монфора епископ Орлеанский опоясал молодого Амори мечом во время торжественного богослужения, происходившего в шатре за пределами города, разрушенного двумя штурмами. Но совершенно исключительный характер этой церемонии описал в нескольких словах хронист Пьер де Во де Сернэ: «О, новый и неслыханный обычай рыцарства!»⁴⁵ Да, это было вопиющим отклонением от

нормы, и его необычно сильный церковный дух, возможно, был следствием заинтересованности Симона де Монфора, лидера Альбигойского крестового похода, в том, чтобы публично подчеркнуть ту роль, которую он и весь его род играли в качестве защитников Святой церкви в катарском, еретическом Лангедоке. Хотя в других источниках XIII века более чем достаточно рассказов о посвящении в рыцари именно в церкви и хотя массовое посвящение в рыцари, которое обычно тоже происходило в церкви во время одного из наиболее крупных церковных праздников, стало уже самым обычным явлением, если рассказы эти были сколько-нибудь подробны, то в действительности из них всегда становилось ясно, что сам обряд посвящения в рыцари отправлял кто-то из мирян. Но даже в том же XIII веке, когда практика посвящения рыцарей в церкви, казалось бы, получила наиболее широкое распространение, чем в какие-либо иные времена, и стала делом привычным, имелось не меньше письменных свидетельств об отправлении этого обряда вне церкви и без какого бы то ни было участия священнослужителей.

Ничего удивительного, что это было именно так и что, несмотря на все влияние церкви, столь необходимая ей связь между церковным литургическим ритуалом и светским обрядом посвящения в рыцари так и не сумела развиваться. Рыцарей было слишком много! Одно дело связать торжественный литургический ритуал с обрядом коронации или хотя бы с вручением оружия сыну знатного сеньора (основной повод для отправления обряда), но совсем другое - связывать его с началом военной карьеры множества людей, зачастую не имевших ни земельных владений, ни сколько-нибудь влиятельного положения в обществе. Это, возможно, не послужило бы особым препятствием, если бы сами рыцари в целом были твердо убеждены, что церковный ритуал абсолютно необходим для их вступления в более высокое, рыцарское сословие, однако же убеждены они в этом отнюдь не были, и нетрудно догадаться почему. Рыцарство по-прежнему обладало слишком большим количеством «наследственных» связей с различными светскими моментами, которые имели либо чересчур малое религиоз-

мое значение, либо вообще его не имели, а именно: с достижением законного совершеннолетия; с владением оружием; с достаточно высоким общественным положением и знатным происхождением. Кроме того, как мы установили в предыдущей главе, воинское сословие задолго до эпохи Григория VII успело выработать собственное мнение относительно своей христианской роли; и это мнение обрело слишком четкие формы, чтобы его можно было так запросто перековать в иную структуру, более гибко сочетавшуюся с идеалами григорианских реформаторов и имевшую куда более церковнический «дизайн». Важнейшие функции воинского сословия - защита церкви и слабых, а также установление и поддержание справедливости, - с незапамятных времен выполнялись в рамках высшей светской власти - королей и крупных феодалов, с которыми воины были связаны торжественной клятвой, и зачастую они клялись на Библии или еще какой-нибудь святой реликвии. Как на практике, так и юридически было чрезвычайно сложно навязать им еще какие-то обязанности помимо уже установленных; а в психологическом плане было еще трудней как-то изменить ту теснейшую связь, что устанавливалась между рыцарем и его сюзереном, который часто был тем, кто и опоясал рыцаря мечом во время обряда посвящения. Роланд в поэме думает о себе не как о воине Господа, но как о воине Карла Великого; Христос - для него Царь небесный, однако же во время войны, которую он ведет с сарацинами, его верховным правителем и повелителем является Карл, который вложил ему в руки меч Дурандааль.⁴⁶ В немецком «Kaiserrecht» («Королевском праве») написано, что именно от верных слуг императора, которые помогали ему справиться с непокорными, и произошло рыцарство как институт.⁴⁷ Верная светская служба была идеалом, слишком глубоко коренившимся в мире германских традиций, где, собственно, и зародился обряд посвящения в рыцари, чтобы какая-то другая функция рыцарства могла с этим спорить. Церковный литургический обряд и религиозные учения и проповеди могли расширять и обогащать представления о месте рыцарства в обществе и о его функциях, они могли также кое-что добавить к его исходным исклю-

чительным обязанностям; однако церкви никогда, даже в эпоху крестовых походов, по-настоящему не удалось поколебать тот принцип верности светскому сеньору, который лежал в основе мировоззрения рыцарства, несмотря на все попытки церковных властей вмешаться в отношения между рыцарем и его господином. Как не удалось им и отнять у светской власти главную роль в обряде посвящения в рыцари.

Говоря это, мы вовсе не должны стараться напрочь отринуть идею средневекового рыцарства как - да оно и само воспринимало себя именно так! - по сути своей института христианского, как не должны мы воспринимать и появление нового литургического обряда, провозглашавшего вступление в жизнь новых рыцарей, как нечто irrelevantное эпохе. И факт, что зачастую обряд посвящения в рыцари стал отправляться в церкви, имел важное значение для общества, ибо создавалось впечатление, что рыцарство - это чисто христианская профессия, налагающая широкие обязательства христианского послушания и морали, вне зависимости от того, где состоялось посвящение - в церкви или нет. Под влиянием церкви крестовые походы или вооруженное паломничество твердо заявили о себе, как о высшей форме проявления основных рыцарских добродетелей - мужества и терпения. Церковное учение также дало определение рыцарству как сословию (ордену), игравшему, как и полагалось, свою особую роль в жизни, и оно наставляло рыцарство, как ему следует воспринимать собственные цели и задачи: как исполнение наивысшего христианского долга. На самом деле это означает, что когда мы говорим о христианской составляющей в рыцарстве, то имеем в виду нечто, чему пришлось искать свое выражение в рамках светской идеологии и светского обряда, и только это пространство религиозные проповедники способны были как-то приспособить в собственных целях, но ни в коем случае его не трансформируя и не расширяя. То, что главную роль в обряде посвящения в рыцари по-прежнему играли лица светские, постоянно напоминает о независимости рыцарства, хотя, возможно, и не совсем полной, от религиозной системы ценностей и уж, во всяком случае, от церковных приоритетов.

Французский ученый Риттер попадает в самую точку, когда пишет, что подспудное высокомерие рыцарства гораздо меньше связано с теократическими концепциями Григория VII или Бернара Клервоского, чем с идеями апологетов имперской власти, которые рассматривали два этих столпа общества - светскую и церковную власть - как действующие каждая в своей собственной сфере во имя Господа⁴⁸, причем в союзе и гармонии, но ни в коем случае не в подчинении друг другу. Ибо именно те из образованных людей, кто восхваляли и прославляли королевскую и особенно императорскую власть, первыми и добились успеха в продвижении идеи о богоданной функции светского правителя и тем самым определили модель, согласно которой в таких основополагающих текстах, как описание старинного ритуала освящения меча, и выводится концепция рыцарства. Даже сама идея воинского сословия как одного из трех христианских сословий, которая являлась важной составляющей церковного учения, немало усилий положившего на то, чтобы приспособить старинную героическую идеологию военной службы у конкретного правителя, которая впервые стала известна (благодаря переводам Бозция, сделанным королем Уэссекса Альфредом Великим, а также несколько более поздним фран-

\ 49

"

кским переводам тех же трактатов) , не предполагает никакой посреднической роли духовенства между воином и его судьбой, предначертанной самим Господом. Позже авторы рыцарских романов не нашли ни малейшего повода как-то еще видоизменять или приспособлять к конкретным обстоятельствам сложившуюся картину взаимоотношений рыцарства с церковью. Сословие рыцарей, по словам Кретьена де Труа, есть наивысшее сословие, которое Господь пожелал создать и создал⁵⁰; однако Кретьен ничего не говорит об участии церкви в установлении полномочий данного сословия, утверждая, что все свои полномочия рыцарство получило непосредственно от Бога. Все рыцари должны быть послушны своему императору, а также тем правителям и баронам, которые этому императору подчиняются, эхом имперской традиции откликается Рамон Аулий, хотя это, возможно, и достаточно далекое⁵¹; но и он ничего не говорит о послуша-

нии «викарию Св.Петра». С начала и до конца рыцарство, даже будучи признанным как сословие, остается верным своим исключительно светским корням; и священная передача апостольской благодати неофиту во время церемонии посвящения в рыцари по-прежнему осуществляется возложением рук светского сеньора.

*К -К -К

Позднее средневековье стало свидетелем появления множества иных вариантов обряда посвящения в рыцари. Однако сколько-нибудь существенных изменений в те основные концепции, которые мы только что рассматривали, эти вариации не привнесли. Изменения, имевшие место, были связаны главным образом с уменьшением - начиная со второй половины XIII века - численности тех, кто желал стать рыцарем, пройдя обряд посвящения. И этой теме в дальнейшем мы должны будем непременно уделить внимание. Некоторые из этих изменений, впрочем, интересны сами по себе, и краткий рассказ о них поможет нам завершить разговор на уже удостоенные нашего внимания темы.

Как мы отмечали, во многих ранних текстах говорится о стремлении молодых людей быть посвященными в рыцари кем-то из знатных и влиятельных сеньоров. В позднее средневековье еще более «престижным» считалось получить звание рыцаря от того, кто прославил свое имя как доблестный рыцарь, совершив выдающиеся, с точки зрения общественности, подвиги. Так, Петер Зухенвирт восславил в стихах историю своего героя, Альберта III Австрийского, который во время крестового похода был посвящен в рыцари ветераном-крестоносцем графом Германом (Herman)⁵²; а Гиллеберт де Ланнуа с гордостью вновь и вновь рассказывал своему сыну, как его во время польской кампании посвящал в рыцари Руффе фон Паллен, рыцарь Тевтонского ордена.⁵³ Франциск I предпочел получить рыцарство из рук Баярда, известного как *chevalier sans reproche* (безупречный рыцарь).⁵⁴ По-

добные отношения были сочтены почетными для обеих сторон, как **НЮ** ярко проиллюстрировал в своей истории Зура^{7*}, описывая посвящение в рыцари Суэриу да Кошта во время одной из экспедиций в Западную Африку, организованных Генрихом Мореппавателем. Суэриу настаивал на том, чтобы эту честь ему оказал его боевой товарищ Алвару ди Фрейташ, «ибо знал, что это поистине безупречный рыцарь, а стало быть и его собственное рыцарство должно будет стать безупречным». Так что, продолжает Зура^{7*}, «этот благородный человек был посвящен в рыцари... и я, конечно же, полагаю, что хотя Алвару ди Фрейташ действительно был рыцарем в высшей степени благородным и ему выпала честь посвятить в рыцари немало других благородных людей, но никогда более меч его не касался головы столь же великого человека, как Суэриу, и не получил он никаких особых милостей или знаков благоволения, когда Суэриу да Кошта попросил именно его совершить этот обряд, тогда как он мог бы попросить об этом самых знатных правителей, королей и князей».⁵⁵ Эти истории свидетельствуют о том, насколько серьезно в позднее средневековье рыцари относились к тому, что я назвал священной передачей неопиту апостольской благодати, и являются яркими иллюстрациями веры рыцарства в собственную и самодостаточную светскую этику.

Представители другой группы соискателей желали быть посвященными в рыцари в такой момент и в таком месте, которые могли бы придать этому обряду особый смысл. Во время путешествий в Рим по случаю собственной коронации императоры Карл IV, Сигизмунд и Фридрих III произвели в рыцари множество людей прямо на берегах Тибра. «На мосту над рекой Тибр император приказал развесить знамена Империи и знамя Св.Георгия и под этими знаменами он посвятил в рыцари многих,» - так рассказывается о путешествии в Рим императора Сигизмунда. В данном случае преследовались две цели - как бы разделить во время обряда не только славу современного рыцарства, но и славу воинства Римской империи, некогда завоевавшего весь мир. Сходные идеи, несомненно, наполняли и великолепный ритуал, придуманный для собственного возведения в рыцарство Кола

ди Риенцо^{8*} (хотя ему, скорее, грезилась возрожденная слава древней Римской республики, а не Империи). В Англии те, кто был посвящен в рыцари во время особых празднеств, сопровождавшихся изысканным ритуалом (что описано в нескольких манускриптах XV века)⁵⁸, возводились в звание «рыцарей ордена Бани». Иногда это называлось также обрядом посвящения в орден Бани; это был не институированный корпоративный орден, как, например, орден Подвязки или бургундский орден Золотого Руна, но, тем не менее, это словосочетание предполагало определенную и почетную связь между собой тех светских лиц, которые были посвящены в рыцари подобным образом.

Те, кто в позднее средневековье прошел обряд посвящения иначе, также иногда считались членами некоего «ордена». Например те, кто был возведен в рыцарство во время паломничества в Иерусалим к Гробу Господню.⁵⁹ Здесь уже имелась отчетливая религиозная мотивация - быть посвященным в рыцари в местах Страстей Господних, там, где увенчался славной победой Первый крестовый поход. Вплоть до конца XV века, когда папа Александр IV закрепил привилегию посвящения в рыцари у Гроба Господня за настоятелем тамошней францисканской миссии, обряд этот, похоже, осуществлялся обычно мирянами. А потому невозможно связать такой способ возведения в рыцарство, ставший весьма популярным в XIV в., с церковным обрядом, описанным в литургических сводах. Подобная практика, как представляется, была особенно распространена среди рыцарства Германии, и ее особая привлекательность отчасти была, возможно, связана с тем, что «свободный» (т.е. без надела) имперский рыцарь мог таким образом избежать предложения о соблюдении подчиненного положения и вассальной зависимости в том случае, если бы его посвящал в рыцари местный правитель или иной представитель знати. Появление на некоторых надгробиях и памятниках германских рыцарей значка с гербом Иерусалимского королевства зачастую, видимо, означало, что данный рыцарь был возведен в свое звание у Гроба Господня или же по крайней мере совершил паломничество в Святую Землю - и тем самым обрел право называть себя «рыцарем ордена Гроба Господ-

ня».⁶⁰ Идея посвящения в рыцари именно в этих местах исходно вполне могла быть предложена в некоторых литературных источниках - например, весьма важное упоминание о подобном посвящении в рыцари в храме Гроба Господня содержится в «Песни об Антиохии»^{9*/'} Это весьма уместное напоминание о том, сколь важную роль может сыграть литература в распространении новых рыцарских обычаев и ритуалов. Литературные описания обряда посвящения в рыцари, который происходил в церкви, почти наверняка играли более важную роль в популяризации подобной практики в XII-XIII и более поздних веках, чем любой из литургических текстов (история и масштаб распространности которых в любом случае представляются нам не совсем ясными).

Во многих источниках позднего средневековья упоминаются три наиболее распространенных повода для посвящения в рыцарство.⁶² Во-первых, утверждают эти источники, рыцарство может быть пожаловано по случаю особо торжественного приема, устраиваемого правителем (императором или королем), или же по случаю его коронации; обычно в таких случаях обряд посвящения отправляется в церкви после предварительного омовения и бдений неопита, и сам этот правитель «или же другой представитель высшей знати, сам являющийся рыцарем...» опоясывает новообращенного мечом. Этот повод, часто упоминаемый в средневековых текстах, прекрасно вписывается в общую картину, о которой свидетельствуют уже рассмотренные нами случаи: когда императоры Священной Римской Империи, прибывая в Рим, устраивали массовое посвящение в рыцари или же когда английские короли жаловали своим подданным звание «рыцарей ордена Бани». Вторым поводом для посвящения в рыцари, о котором источники упоминают не менее часто, является паломничество в Святую Землю. Мы уже проследили процесс развития подобной практики. Третий же повод - это канун какого-нибудь крупного сражения или штурма города, когда воины стремились стать рыцарями «ради умножения своих сил и добродетелей». Со второй половины XIII века именно это становится наиболее распространенной практикой. мы

узнаем, например, как король Оттокар Богемский руководил массовым посвящением в рыцари своих воинов накануне битвы с мадьярами в 1260 г.⁶³; как Симон де Монфор (младший, граф Лестер) посвятил в рыцари юного графа Глостера, а также многих других знатных молодых людей накануне битвы при Льюисе в 1264 г.⁶⁴ Подобная практика и тогда уже была не нова, и хотя более ранние сообщения о ней относительно редки, они все же приводят нас прямоком в XI век. Робера де Беллема опоясал мечом Вильгельм Завоеватель при осаде Френе-ле-Виконт в 1073 г.⁶⁵ В Святой Земле накануне битвы при Рамле в 1101 г. появилось несколько новых рыцарей, и Ордерик Виталий описывает, как Цецилия (Сесиль), жена Танкреда, правителя Антиохийского княжества, в 1119 г. накануне битвы посвятила в рыцари Жервеза Брито, Эмо, виконта Доля, а также многих других знатных молодых людей.⁶⁶ В XIV-XV веках посвящение в рыцари стало практически обычным действием накануне того или иного сражения, и страницы хроник, например хроники Фруассара, естественно, полны описаний подобных событий.

Иногда нам сообщается и кое-что о том, как новоиспеченных рыцарей наставляли накануне битвы те, кто возводил их в это звание. Давайте сравним два варианта подобных наставлений; один из них взят из литературного источника, а второй из хроники. Сходство их поражает, и оба предоставляют отличную возможность увидеть как бы изнутри, насколько важным и значимым был для воинов этот обряд посвящения. Анонимный автор романа второй половины XIII века «Дурмарт Валлийский» описывает, как его герой посвятил в рыцари двадцать благородных молодых людей, которые удерживали мельницу неподалеку от Лимерика, сражаясь на стороне возлюбленной Дурмарта, королевы Ирландии, против короля-узурпатора Ноганса. «Господа мои, - сказал им Дурмарт,

- теперь вы рыцари; а потому, кстати, расскажу-ка я вам кое-что о том, как надлежит вести себя истинным рыцарям. Рыцарь должен быть отважен, учтив, великодушен, верен и красноречив; он также должен быть свиреп по отношению к врагам, но откровенен и доброжелателен

но отношению к друзьям. И если кто-то вам скажет, что этот вот человек, не сумевший удержать в руках свой щит или не нанесший ни одного удара в бою или на турнире, не имеет права называться рыцарем, то прежде всего посмотрите на себя самих: имеете ли вы сами право так называться? Лишь тот имеет право на звание рыцаря, кто с оружием в руках доказал, на что он способен, и тем самым заслужил похвалы людей. Так стремитесь же отныне к свершению подвигов, которые будут стоить того, чтобы их помнили вечно, ибо для каждого нового рыцаря главное - хорошо начать.»⁶⁷

С этой вымышленной речью можно сравнить рассказ хрониста Фруассара о том, что сказал король Португалии Хайме I, когда накануне своей победы над Кастилией при Альхубаротте (1385 г.) произвел в рыцари шестьдесят португальских и английских оруженосцев. «Сословие рыцарей, - сказал Хайме, обращаясь к неофитам,

- столь высоко и благородно, что тот, кто в него вступил, не должен совершать поступков низких, зловердных или трусливых, но обязан быть храбрым и гордым, подобно льву, преследующему свою добычу. А потому более всего я сегодня желаю, чтоб вы показали всю свою храбрость и отвагу, и именно поэтому я поместил вас в авангард своего войска. Сражайтесь же так, чтобы с честью завершить эту битву, иначе окажется, что шпоры ваши неладно прикреплены к сапогам.»⁶⁸

Король Хайме, как сообщает нам Фруассар, посвящал в рыцари тех, кого затем ставил в авангард войска «именем Господа и Св.Георгия». Тот долг рыцарства, о котором реальный Хайме и вымышленный Дурмарт, герой рыцарского романа, решили напомнить своим рыцарям-неофитам, был, однако, абсолютно светским. Рыцарские достоинства, о которых говорят они оба, те же самые, что ранее были воспеты в героических поэмах и ранних романах и свидетельствовали об уже сложившемся стереотипе истинно рыцарских качеств: *hardiesse*, *layaulte*, *proesse* (т.е. мужество, верность, доблесть). Мужество, верное служение своему господину и поддержание чести рыцаря на должной высоте - вот ключевые моменты подобных наставлений. Мужество и доблесть являются, конечно, качествами, которые можно проявить (еще

прибавим к ним честь) и в религиозном контексте, например во время крестового похода против язычников, и все же эти качества по самой сути своей связаны именно с войной, а не с религией, и демонстрация их в бою рассчитана прежде всего на то, чтобы завоевать в награду светские почести. Действительно, в тех нормах поведения, которые провозглашают эти правители, очень мало такого, что нельзя было бы соотнести с религиозными проповедями относительно пороков и добродетелей - хотя, возможно, призыв к рыцарям самим завоевывать себе имя, которое будут помнить вечно, имеет все же легкий оттенок тщеславия, столь многими священниками отождествляемого с архетипическим падением нравов рыцарства и знати. С другой стороны - как о том явственно напоминает нам именно это существенное исключение (т.е. стремление к мирской славе) - подавляющая часть рыцарских воззрений не имеет никакого отношения к церковно-религиозным учениям и никогда не имела. Скорее их истоками являются героические идеалы прошлого, которые послужили основой и для самой идеи рыцарства. Наследие времен боевых дружин, вступление в которые отмечалось вручением оружия, безусловно ощущалось и в позднее средневековье и, возможно, более всего именно в описаниях обряда посвящения в рыцари накануне сражения, что в данную эпоху стало чрезвычайно распространенной практикой.

Однако особая религиозная составляющая в истории обряда посвящения в рыцари действительно имела место и была чрезвычайно важна; хотя, говоря о ней, мы подразумеваем нечто такое, что обязано было найти свое выражение исключительно в рамках светской идеологии, основанной на христианизированной версии героических традиций, которую церковные проповеди могли лишь отчасти модифицировать, но никоим образом не изменить полностью. Справедливые воззрения по этому поводу высказаны в замечательном эпизоде из романа о Ланселоте, в котором Дама с Озера наставляет своего воспитанника относительно обязанностей рыцаря и назначения рыцарского оружия.⁶⁹ Все ее высказывания пропитаны религиозным смыслом и символической. Когда мы слушаем ее разъяснения христианского и этического

назначения меча и щита, копья и кольчуги, нас словно пытаются убедить, что мы находимся в мире, где чисто светская этика вне рамок религиозной системы ценностей практически не воспринимается. Однако нам необходимо помнить, и кто дает эти наставления юному Ланселоту: знатная дама из королевского рода, к тому же связанная с магическими силами, а вовсе не священник. Более того, добродетели, которые Ланселот должен был демонстрировать в течение своей жизни, были, согласно роману, добродетелями светскими: это опять же храбрость, доблесть и верность. Так что на самом деле Дама с Озера всего лишь заключила воинственный призыв и кодекс чести воина в христианскую оправу. Обряд посвящения в рыцари, когда его отправляли в церкви, сопровождая пышной изысканной церемонией (такой, какая в позднее средневековье сопровождала посвящение в орден Бани), остался, по сути своей, примерно таким же и отнюдь не подчинял боевую энергию войска законам церкви. И посвящение в рыцари так никогда и не стало восьмым Таинством.

Примечания переводчика

* Гиллельм Дуранд или Дюран, Гийом де Сен-Пурсен, философ-номиналист, епископ Манда, один из крупнейших представителей средневековой теологии, автор литургического компендия «Устав божественных служб» («*Rationale divinarum officiorum*») и «Зеркала судейского», обширной системы церковного и светского права.

"" Виглаф пришел Беовульф на помощь в его единоборстве с врагом, когда тот был уже близок к гибели.

³* В ранний период Римской империи существовало несколько видов тоги: *toга pura* - «чистая», без пурпурной каймы, для недолжностных лиц и молодежи; *тога virilis* - одноцветная, которую носили юноши с 16-ти лет; *тога picta* - пурпурная, расшитая золотыми пальмами, для полководцев-триумфаторов, позднее императоров; *тога Candida* - белоснежная тога претендентов на государственную должность (отсюда - кандидат) и т.д.

В английском законодательстве «*heriot*» - это феодальная служба или дань, полагающаяся господину по смерти его арендатора.

^{5*} «Рено де Монтобан» - поэма из цикла «Жеста Доона де Майанс». Известна также под названием «Четверо сыновей Эмона». Датируется началом XIII в. Повествует о вражде четырех сыновей Эмона Дордонского с Карлом Великим из-за того, что Рено во время ссоры убил племянника императора.

Слова «ordre»(order) М.Кин постоянно использует и в значении «орден», и в значении «сословие» (а также - в значении «орден» как знак отличия).

^{7Л} Гомиш Эаниш де Зурара, 1410-1474, первый португальский хронист, описавший походы своих соотечественников к берегам Африки; воспел принца Генриха (Энрике) Мореплавателя.

^{8*} Кола ди Риенцо (Никколо ди Лоренцо Габрини), ок.1313-1354, руководитель народного восстания в Риме (1347). Рожденный в семье кабатчика, Кола считал себя внебрачным сыном императора Генриха VII и сам возвел себя в рыцарское достоинство, причем для полагающегося перед посвящением омовения погрузился в купель, в которой по преданию был крещен император Константин.

Поэма из Первого цикла Крестовых походов, датируемая концом XII в.; приписывается труверу Грендору из Дуэ, переработавшему более раннюю поэму Ришара Пилигрима.

Глава V

РАСЦВЕТ ТУРНИРОВ

Те же самые романтические «рыцарские романы», которые сообщают нам столь многое о посвящении в рыцари и о самой концепции рыцарства в XII-XIII веках, являются также основным источником истории первых турниров. Все знаменитые герои артурова цикла были мастерами турнирного искусства - даже безупречный Галахад, несмотря на неодобрение церкви.* То внимание, которое куртуазные романы уделяют рассказам о турнирах, может современному читателю показаться чрезмерным, однако именно это и подтверждает важность поединков и турниров для истинно рыцарского образа жизни. Благодаря огромной популярности турниров и тому, что рыцари для участия в них съезжались буквально со всех сторон, искусство рыцарских поединков получало могучий импульс, направленный на выработку общих правил и обрядов европейского рыцарства. Тот факт, что популярность турниров постоянно росла, несмотря на недовольство и противодействие церкви, свидетельствует помимо всего прочего и о том, сколь независимо от официальных церковных воззрений продолжало развиваться рыцарское отношение к жизни да и вся рыцарская система ценностей. История развития турнирного искусства как специфически рыцарского рода деятельности составляет отдельную и важную главу в ранней истории рыцарства.

История турниров начинается в тот же период, когда мы впервые замечаем кристаллизацию основной концепции рыцарства и процедуры вступления в рыцарское сословие, а также обретение ими вполне

узнаваемых форм - то есть это период примерно в сто лет, с середины XI до середины XII века. Тренировочные бои и различные упражнения в воинском искусстве естественным образом неотделимы друг от друга, и нет сомнения, что возникновение турниров имело и более раннюю предысторию, которая, впрочем, нам не совсем ясна. Хотя традиция неуверенно приписывает «изобретение» турниров анжуйскому рыцарю Жоффруа де Преи (Geoffrey de Preuilly), погибшему в 1066 г.², мы более почти ничего не можем узнать о турнирах вплоть до 1100 года, и в ранних *chansons de gestes* о них тоже нет никаких упоминаний. Писатели XII века, впервые использовавшие слово «турнир», похоже, в большинстве своем считали его неологизмом.³ Однако уже к концу первой четверти XII столетия турниры стали достаточно популярны во Франции, особенно в Северной. В период правления Генриха I Английского, в грамоте Осберта Арденского упоминаются некие раскрашенные копыя, которые он берет с собой, отправляясь в дальние страны на турниры.⁴ Галберт из Брюгге рассказывает нам, что Карл Добрый, граф Фландрский, убитый в 1127 г., «часто посещал турниры в Нормандии и Франции, а также за пределами королевства, и таким образом поддерживал в своих рыцарях готовность к боевым действиям и в мирное время, а также умножал не только собственные славу и величие, но и славу и величие своей страны». Немецкий хронист Отто Фрейзингенский упоминает некий, как он его называет, турнир, состоявшийся в Вюрцбурге в 1127 г.⁵ Затем, в 1130 г. папа Иннокентий II на Соборе в Клермоне проклинает «эти отвратительные рынки и ярмарки, которые вульгарно названы турнирами и на которые рыцари собираются, дабы продемонстрировать свою силу и безрассудную храбрость», а также отдает распоряжение, чтобы убитым во время турнира отныне отказывали в христианском погребении на освященной земле.⁶ К этому времени популярность турниров явно растет и ширится, вызывая сильное беспокойство по крайней мере у одного из всемирных столпов христианства.

В течение последующих пятидесяти лет упоминания о турнирах встречаются во множестве, и совершенно очевидно, что их популяр-

ность становится повсеместной. Франция по-прежнему считается родиной турниров, о чем свидетельствует и название, данное английскими хронистами - *conflictus Gallicus* (галльское состязание).⁷ Именно в Северной Франции и Шампани - Генрих (Анри), граф Шампанский, кстати, был большим поклонником и покровителем турниров, а не только изящной словесности, - в 70-80-е годы XII века в турнирах принимал участие Гийом ле Марешаль; и, похоже, двумя десятилетиями позже Вольфраму фон Эшенбаху казалось вполне естественным, что Гамюрет, отец его героя Парцифалья и знаменитый победитель многих рыцарских состязаний, был воспитан именно в Анжу. Впрочем и Нидерланды достаточно рано стали почти столь же крупным центром турнирного искусства; Филипп Фландрский - как и Генрих Шампанский, покровительствовавший великому Кретьену де Труа, создателю романов о короле Артуре, - также был известен своей любовью к турнирам; те же увлечения были свойственны и графу Бодуэну Генегаускому. Были турниры популярны и далеко за пределами этих стран. Так, мы узнаем о большом турнире, проводившемся в 1159 г. в Антиохии (Сирия); это было поистине великолепное и необычайно пышное действо, ибо в нем принял участие сам император Византии Мануил I Комнин.⁸ В 1175 г. в Саксонии архиепископ Магдебургский Вихман, узнав о том, что в течение года не менее шестнадцати рыцарей были убиты на турнирах, отлучил от церкви всех, кто принимал в этих турнирах участие.⁹ Однако турниры уже стали популярны во всем христианском мире. Но, прежде чем оставить тему зарождения этого искусства во Франции, все-таки следует отметить как бы «на полях» истории одну существенную вещь относительно распространения моды на турниры: оказывается, среди покровителей турниров встречаются те же имена и упоминаются те же знатные семейства, что и среди покровителей рыцарской и куртуазной литературы; и это не только имена Генриха Шампанского и Филиппа Фландрского, которые мы уже называли, но и Альеноры Аквитанской, ее детей - Генриха Молодого Короля, Жоффруа Бретонского и Ричарда I - а также, разумеется, в Германии великого Фридриха Барбароссы. Как мы увидим в даль-

нейшем, здесь существует некая связь, имеющая, возможно, большое значение.

Практически все ранние и более или менее подробные сведения о турнирах на самом деле можно почерпнуть лишь в литературных источниках, которые отнюдь не свободны от вымысла и фантастического приукрашивания этих состязаний. Если, однако, сделать некоторую скидку на литературную романтизацию турниров, то их описание в романах, например Кретьена де Труа, вполне совпадает с рассказами о них хронистов-историков - например, в верифицированной биографии Гийома ле Марешаля. Из тех и других описаний достаточно ясно, что турниры XII века являлись тяжелым испытанием для участников и лишь очень незначительно отличались от настоящего сражения. День состязания назначался заранее, примерно за две-три недели (а то и более в случае особо крупного турнира), и весть об этом разносили гонцы. Место устраивалось также заранее, и ристалище занимало довольно большую площадь, так что иногда захватывало и близлежащие сельские угодья и даже территории деревень. Границы ристалища обычно были достаточно условны: например, сообщалось, что турнир должен состояться где-то между двумя городами, например Ружмоном и Монбельяром или Уорвиком и Кенилуортом (как в ордонансе Ричарда I о проведении турниров в Англии).¹⁰ Никакого специально огороженного пространства для проведения турнира не выделялось, а единственным местом, где участники состязания могли чувствовать себя в безопасности, были отгороженные веревками «убежища», где им разрешалось отдохнуть и снять доспехи. Участники обычно делились на две команды - например, анжуйцы и французы или же, в Англии, Северяне и Южане, - и быстро устанавливали правила турнира и то, на какой территории или «марке» должны действовать члены той или иной команды. В ранних сообщениях о турнирах ничего нет о судьях или рефери, и, хотя основным оружием служили копье и меч, фактически не существовало ограничений на использование и других видов оружия (хотя использование арбалетных стрел и тяжелых стрел для лука, похоже, отнюдь не приветствовалось). Можно было брать в

плен и требовать с пленников выкупа, а кони и вооружение пленных считались законной добычей победителей. Описанный Кретьеном в «Эреке и Эниде»¹¹ турнир на равнине под холмом, на котором стоит Инеброк, прекрасно передает смятение, воцарившееся в начале схватки: «С обеих сторон ряды участников дрогнули, и над полем прокатился гул сражения. Последовали страшные удары копытами, и копыта ломались от этих ударов, пробивая в щитах дыры, а кольчуги разрывая в клочья. Седла пустели, а всадники, выбитые из седла, брели, спотыкаясь, прочь; по крупам коней струился пот, с их морд падали клочья пены. Мечи стремительно поднимались и опускались, рубя врагов, которые с грохотом падали на землю, и некоторые из участников в страхе бежали с поля боя, надеясь впоследствии заплатить выкуп, некоторые же - чтобы предотвратить этот позор.»¹ Вот уж действительно, в данном описании грань между тренировочным боем и настоящей войной практически отсутствует!

Если литературные источники описывают сумятицу, царившую во время турнирных боев весьма живо и ярко, то благодаря историческим источникам можно понять, насколько это были серьезные и опасные мероприятия. Когда Бодуэн, сын графа Генегавского, предпочел во время турнира между командами Гурне и Рессон ле Маль в 1169 г. вопреки обычаю присоединиться к команде французов и выступил против «Флемингов», т.е. уроженцев Фландрии (потому что первые были более многочисленны), Филипп Фландрский так рассердился, что сам, не медля, бросился в атаку верхом на боевом коне, подняв также свою пехоту, «как во время войны».¹² Известно, что год спустя Бодуэн, отправившись на турнир в Тразенье и зная, что его сосед, герцог Брабантский, затаил против него злобу, в свою очередь тоже привел с собой мощный отряд пехоты, «чтобы во время турнира чувствовать себя в большей безопасности». ^ В таких условиях турниры служили просто прикрытием для преследования своего постоянного официального противника, тем более что в пылу схватки так легко было утратить всякое самообладание. Уроженец Пуату Гильом де Баланс, кузен Генриха III, был страшно избит оруженосцами своего

противника на турнире в Ньюбери в 1248 г., так что когда он со своим отрядом на турнире в Брекли в конце того же года почувствовал, что перевес на его стороне, то уж постарался отомстить и также весьма дурно обошелся с «бакалаврами». Противники де Баланса были еще раз биты им и его воинами и обращены в бегство в Рочестере в 1251 г.¹⁴ Во время турнира в Шалоне в 1273 г. ситуация вышла из-под контроля после того, как граф Шалонский схватил Эдуарда I Английского за шею и стиснул, пытаясь вырвать его из седла, что король посчитал нарушением установленных правил. Пехотинцы же с обеих сторон схватились что называется от души, и как участникам турнира, так и зрителям были нанесены тяжкие увечья. Впоследствии этот случай вспоминали уже не как турнир, а как «маленькую битву в Шалоне».

Проблема того, как уменьшить кровопролитие и обеспечить некоторую сдержанность участников, которую они так легко утрачивали в пылу схватки, явно была одной из основных, когда вырабатывались правила турниров, в итоге сведенные воедино английскими королями Ричардом I и Эдуардом I. Согласно ордонансу Ричарда, турниры могли проводиться на пяти строго определенных ристалищах, располагавшихся в безлюдной местности, и каждый из участников обязан был уплатить налог - 20 марок серебром брали с графа, 10 - с барона, 4 - с рыцаря, имеющего земельный надел, и 2 - с безземельного рыцаря. Графы Варенна, Глостера и Солсбери должны были составлять некий судейский совет, определявший участников, и каждый, кто хотел участвовать в турнире, должен был уплатить свой налог заранее и поклясться соблюдать мир во время турнира.¹⁶ «Устав» Эдуарда I был более изощренным; например, он ограничивал численность «свиты», которую каждый рыцарь или барон мог привести с собой, и заставлял участников турнира использовать затупившееся или специально затупленное оружие, настаивая на том, чтобы грумы и пехотинцы не имели при себе боевого оружия и чтобы, если состоится пир, туда помимо самих участников турнира допускались только оруженосцы, лично прислуживавшие своим покровителям за столом.¹⁷

Эти королевские правила, похоже, действовали только на территории Англии,¹⁸ однако же в XIII веке действительно повсеместно началась борьба за постепенное уменьшение допустимых во время турниров жестокостей. Настойчивое требование пользоваться только тупым или затупленным оружием (оружием «a plaisance», т.е. «для удовольствия», как оно стало называться впоследствии, в противоположность оружию «a outrance», т.е. «беспощадному», боевому, с которым война ведется не на жизнь, а на смерть) стали встречаться все чаще, и совершенно ясно, что во время некоторых состязаний (особенно тех, что назывались «behourrls») использовались простеганные кожаные турнирные доспехи и неметаллическое оружие. Также появляются сведения об участии в турнирах судей или «diseurs», а также более четко определяются границы ристалищ, дабы судьи могли видеть все происходящее на поле и иметь возможность справедливо присудить награду тем, кто проявил наибольшую доблесть. Рыцарские поединки (jousts, «джостры») между двумя участниками, которые во времена Гийома ле Марешаля носили произвольный характер и часто предшествовали началу сражения двух команд, то есть началу самого турнира, стали более популярными и лучше организованными. Мода на них, возможно, во многом была обязана бесчисленным описаниям в литературных произведениях судебных поединков (обычно между положительным героем и отъявленным негодяем), которые были явно весьма распространены, ибо если турнир - это «ненастоящая» война, то рыцарский поединок - это в своем роде «ненастоящая» дуэль. Такие поединки теперь стали превращаться в уже знакомые нам круговые турнирные сражения отдельных пар, когда участники выходили *seriatim* (по очереди) с противоположных концов ристалища и сражались друг с другом в присутствии зрителей. На турнире в Шованси в 1285 г., который продолжался целую неделю, в течение первых двух дней продолжались исключительно такие рыцарские поединки, а главные состязания состоялись только в четверг и явились кульминационным моментом турнира.¹⁹ Таким образом, к концу XIII века турнир постепенно становился действием

все более ритуализированным и все сильнее отличался от настоящей войны.

Однако в тот период, когда состоялся турнир в Шованси, и еще долгое время спустя сами по себе эти состязания были все еще схватками весьма яростными и опасными. Риск, разумеется, был одной из наиболее привлекательных черт этого вида спорта (и в наши дни риск не меньше привлекает людей к занятиям, например, альпинизмом или мотогонками), и, несмотря на усилия сделать само «течение процесса» более безопасным, риск во время турниров по-прежнему был печально велик. Список погибших в XIII веке во время турниров бесконечно длинен и наводит уныние; среди погибших немало поистине знаменитых людей. Жоффруа (Джеффри) де Мандевилль, граф Эссекса, был затоптан насмерть лошадьми во время турнира в 1216 г.; Флоранс, граф Голландский, был убит во время турнира в 1223 г.; его старший сын Флоранс погиб точно так же в 1234 г., а в 1238 г. погиб и его младший сын, Гильом.²¹ В 1279 г. Робер де Клермон, брат Филиппа III Французского, получил во время своего первого турнира такие ранения головы, из-за которых стал практически инвалидом на всю оставшуюся жизнь.²² И это лишь несколько имен из числа тех знаменитостей, которые во время турниров погибли или остались калеками, и печальные судьбы этих людей отнюдь не дают полного представления о потенциальных масштабах общего количества таких смертей. Считается, что во время турнира в Нусе (юг Швейцарии) в 1241 г. погибло более восьмидесяти рыцарей, причем многие из них просто задохнулись в своих доспехах из-за пыли и жары.²³ Множество несчастных случаев имело место и во время «маленькой войны в Шалоне», и в 1241 г. в Хартфорде, где погиб маршал Гилберт.²⁴ Подозрения в нечестной игре легко перерастали в яростные стычки, имевшие весьма прискорбные последствия и к тому же таившие в себе опасность политической нестабильности. Смерть графа Гилберта и то, как Генрих III решал проблему его наследства, сыграли весьма существенную роль в ухудшении отношений между королем и английскими баронами, и это ухудшение достигло своего апогея

несколько позже, во время восстаний баронов во главе с Симоном де Монфором.

Но тогда вполне законный вопрос: почему же популярность турниров не только не уменьшилась под натиском различных бед и беспорядков, ими же и порожденных (не говоря уж о проклятии церкви), но и с течением времени существенно возросла? На самом деле для этого имелось немало, причин. Первая и основная - турниры были, безусловно, отличным способом военной подготовки. И вполне возможно, именно подготовленность воинов и явилась причиной происхождения самих турниров. С тех пор как турниры впервые попали в поле нашего зрения, совпав по времени с новой техникой боя с копьем «в упор», и с тех пор как атака с копьем и стремление переломить копье противника и выбить его из седла стали основными чертами конного сражения - которые в общем и лежали в основе практически любого сколько-нибудь подробного описания битвы как в художественных, так и в документальных источниках, - представляется вполне естественным соединять турниры и военную подготовку воедино. Кроме того, поскольку команды участников турнира обычно соответствовали феодальным отношениям между сеньорами и их вассалами, да и составлялись по территориальному признаку, то во время этих состязаний членам таких команд, которые, возможно, впоследствии должны были служить вместе и в настоящей армии, предоставлялась прекрасная возможность потренироваться в групповых военных действиях. Но независимо от того, действительно ли именно потребность в военной подготовке оказала исходное воздействие на развитие турниров, ценность подобных состязаний как тренировки в области военных искусств и умений - например в верховой езде и умении управлять боевым конем, а также во владении рыцарским боевым оружием, - совершенно очевидна. Роджер из Ховдена пишет о том, как сыновья Генриха II отправились во Францию для участия в турнирах (которые их отец в Англии проводить запретил), потому что знали, что воинского мастерства можно достигнуть только тренировкой и что «тот не годится для сраженья, кто ни разу не видел, как струится его

собственная кровь, кто ни разу не слышал хруста собственных зубов под ударами противника, кто ни разу не почувствовал тяжести навалившегося на него врага».²⁵ Причину того, что Ричард I изменил политике своего отца и дал разрешение на проведение турниров, Вильям из Ньюбурга объясняет следующим: король увидел, что французы «сражаются более яростно и лучше подготовлены к сражениям... и не пожелал слышать, как они упрекают рыцарей его королевства за грубость и недостаточное мастерство».²⁶ Во Франции XIII века Жан де Мен^{2*}, переводя классический трактат Вегеция по тактике боя, отвлекается от текста оригинала, чтобы пояснить, что турниры являлись для молодых людей благородного происхождения такой же разновидностью военной подготовки (как он неправильно полагал), какой в античном мире являлись бои гладиаторов.²⁷ Но вот что важно: его близкий современник Анри де Ааон (Генрих Ааонский) считал, что турниры становятся чересчур мягкими и церемонными, что необходимо поднять планку напряженности и ярости боя, потому что цель турнира - выявить тех, «кто имел достаточно мужества, чтобы вытерпеть физические страдания и невзгоды, а ведь именно эта способность и отличает человека, способного вести за собой боевой отряд... способного выдержать вес своих доспехов и, не останавливаясь, двигаться вперед и не обращать внимания ни на жару, ни на усталость... даже если по челу и телу ручьем струится пот и кровь, ибо эту влагу я считаю естественным и почетным омовением рыцаря».²⁸ И действительно, турниры неминуемо должны были бы превратиться в яростные тренировочные сражения, если бы им предстояло служить такой цели, как подготовка к войне.

Еще одно критическое высказывание Анри де Ааона относительно турниров конца XIII века заключается в том, что участники являлись на турнир не ради демонстрации своей силы и умений, а для захвата трофеев. Безусловно, перспектива обогатиться за счет выкупов и захвата весьма дорогих боевых коней служила немаловажной причиной популярности турниров. «Это вовсе не любовь делает молодых рыцарей храбрыми, а бедность»²⁹, так с насмешкой говорит Флора в

споре о том, что более ценно - любовь рыцаря или любовь ученого-клирика. Рассказ о молодых годах Гийома ле Марешаля - это история молодого человека, который составил себе состояние именно на турнирах, отлично понимая деловую сторону этого занятия. Весной 1177 г. Гийом и Роже де Гожи, один из приближенных Генриха Молодого Короля, решили, что должны стать партнерами и постараться участвовать во всех устраиваемых турнирах, а трофеи делить между собой; и вот за десять месяцев они взяли в плен и заставили заплатить выкуп ни много ни мало - целых сто три рыцаря!³⁰ Шансы полностью разориться во время турнира были, разумеется, столь же велики, как возможность обогащения, однако же и шанс заполучить трофеи и выкуп был чрезвычайно важен для обедневших рыцарей и младших отпрысков знатных родов; это был чуть ли не единственный способ как-то улучшить свое положение. Тот, кто особо отличился на турнире, имел перспективу быть замеченным богатым покровителем, а возможно, и получить приличное содержание - при полном отсутствии собственных средств. Когда Гийом ле Марешаль в 1180 г. утратил расположение представителей Анжуйской династии, он был уже настолько известен благодаря своей доблести, проявленной на ристалищах, что и граф Фландрский, и герцог Бургундский сразу предложили ему солидное содержание, если он поступит к ним на службу.³¹ Гийом же, как мы знаем, отверг их предложения, несомненно будучи уверенным, что вскоре вернет расположение своих прежних господ (что действительно и произошло). И все же сам по себе данный случай остается чрезвычайно поучительным.

Особенно интересным в этой истории представляется тот боковой луч, что высвечивает тему стремления к мирским почестям, которая во всех источниках, документальных и художественных, упорно ассоциируется с любовью к турнирам, указывая на лежащие в ее основе куда более материальные мотивы. Если желаешь отправиться в Святую Землю, советовал кастеляну из Куси его оруженосец^{4*}, так отправляйся на турнир, который король Ричард объявил в Англии: там ты сможешь привлечь к себе его внимание, а потом, возможно, он возьмет тебя в

свой отряд.³² Так, собственно, в романе и произошло: кастелян, который был бедным рыцарем, отправился на турнир, хорошо показал себя там и, соответственно, был взят Ричардом на жалованье в его отряд крестоносцев. История эта весьма жизненна: великие государи и знатные сеньоры всегда во время турниров были заняты поисками талантов. Когда в 1183 г. Бодуэн Геннегауский понял, что грядет война с герцогом Брабантским, он, как известно, отправился «невооруженным на турнир, который состоялся между рыцарями Брабанта и Суассона, и там уговорами и обещаниями заполучил столько рыцарей от каждой из сторон, сколько смог».³³ То, как могли далее развиваться события, прекрасно показано в полуисторическом «Романе о Фульке Фитцварине». Как только Фульк и его братья прошли обряд посвящения в рыцари, они «переплыли через море в поисках славы и почестей; и стоило им услышать о каком-нибудь турнире или поединке, как ими овладевало желание в нем участвовать.» Затем, когда умер отец Фулька, король Ричард призвал его домой, выделил ему наследство на льготных условиях и назначил на пост Хранителя Уэльской Марки, «ибо король особо выделял его за верность и прекрасную репутацию (*grant reputmee*)».³⁴ Репутация, завоеванная на турнирах, могла - и это очевидно - означать куда больше, чем простые похвалы.

Однако же и похвалы, разумеется, слышать приятно, и гордость собой - не менее сильный побудительный мотив, чем выгода, особенно в аристократическом обществе. В этом заключалась и еще одна причина популярности турниров. Знатные сеньоры могли привести на турнир целое войско пехотинцев «в целях собственной безопасности», как это сделал, например, Бодуэн Геннегауский, но слава и награды (как и риск, особенно финансовый) предназначались только для рыцарей. Турниры - это состязания для элиты, и уже хотя бы появиться там - в доспехах, с оружием, верхом на отличном коне и в сопровождении собственного оруженосца или даже нескольких оруженосцев - было очень неплохо: это была как бы демонстрация своей полноправной принадлежности к обществу избранных, общества равных по социальному статусу. Потому-то первыми шагами по улучшению организации

турниров и стали, видимо, попытки «очистить» ряды их участников от людей менее знатных, и в первую очередь коснулись этой тенденции события XIII века, когда турниры обрели особенный блеск и существенно повысили свой статус. Примечательно, что безземельный рыцарь был самым скромным из участников турнира, чей взнос Ричард I вообще счел возможным указать в своем списке. Достаточно скоро после этого стала популярной идея о том, что на турниры следует допускать только тех рыцарей, которые способны доказать благородство своего происхождения; и еще до конца XIII века герольды уже принялись заносить в свои свитки фамильные гербы тех, кто участвовал в турнирах, на которых присутствовали сами эти герольды, и составлять списки тех представителей знати, которые на эти турниры собирались в качестве зрителей. Здесь уже возникают предпосылки того, что в последующую эпоху в Германии станет правилом: никто не может быть допущен на турнир, пока не докажет, что его предки посещали турниры более пятидесяти лет, а Герольд Сицилийский будет настаивать на том, что получить допуск на большой турнир может только тот, кто способен доказать свою родовитость по крайней мере

35

в четырех поколениях.

Эта тенденция без сомнения отражает все большую обеспокоенность со стороны рыцарства тем вызовом, который богатые буржуа бросали господствующему влиянию знати в обществе, и ответом рыцарства на этот вызов послужили попытки укрепить свое влияние и поддержать идею благородного образа жизни посредством установления своей кастовой исключительности. Следует отметить также растущую популярность городских турниров среди богатого городского патрициата, особенно в Нидерландах - например, праздник *Espinette* в Лилле³⁶ или турнир в костюмах артуровой эпохи в Магдебурге в 1281 г., - что свидетельствовало о стремлении богатых буржуа, активно растущей силы, показать, что и они не лишены тех же добродетелей, какими наделены рыцари, и вполне способны высоко оценить истинно рыцарские достоинства.³⁷ Здесь вступает в действие могущественная сила социального соперничества; однако следует остерегаться чрез-

мерного подчеркивания тех элементов классового противостояния, которые в данном случае проявлялись. Герольды заносили в свои свитки гербы тех, кто получил награды на празднике *Espinette*, и рассказывали, как короли Франции и графы Фландрии аноблировали победителей, вознаграждая за проявленную доблесть и, таким образом, возвышая «этих буржуа» до уровня наследственной знати и открывая им доступ в замкнутый манящий круг рыцарства.³⁸ Кастовую исключительность рыцарства легко преувеличить, а вот значение того, как в глазах общества приукрашена была его деятельность, преувеличить трудно. Эти-то блеск и слава больше всего и пленяли людей, причем куда большее их количество, чем тех, кто составлял узкий кружок знати, принадлежа к нему по рождению.

Однако же мы еще не упоминали о той силе, которая, возможно, была самой мощной из всех тех, что питали поддерживавших популярность турниров. Существует только одно описание, которое действительно соответствует происходившему во время турниров - в «Истории королей Британии» Гальфреда Монмутского, первом сборнике легенд о короле Артуре, увидевшем свет незадолго до 1140 г., - и описание это чрезвычайно важно для нас. Гальфред описывает двор великого Артура в Карлеоне (*Caerleon*) и Уитсунтайде (*Whitsuntide*) и сообщает, что после окончания пира «рыцари задумали устроить «потешное» сражение, а потом красовались друг перед другом верхом на конях, а их женщины наблюдали за ними с городских стен и подбадривали их, возбуждая в них пыл своим игривым поведением».³⁹ Во французском переводе Р.Васа той же истории, сделанном двумя десятилетиями позднее, элемент куртуазной любви в данной сцене становится значительно более отчетливым.⁴⁰ То же влияние ощущается и в по крайней мере одном отрывке из «Истории Гийома ле Марешаля» - когда ле Марешаль и его друзья встречают графиню де Жуаньи и ее фрейлин во время открытия в Жуаньи турнира и до прибытия своих соперников танцуют для нее под песню, исполняемую Гийомом; когда же на поле появляется первый всадник из «вражеского» отряда, Гийом выбивает его из седла в присутствии графини и ее

фрейлин.¹¹ В произведениях Кретьена де Труа (написанных раньше биографической «Истории», однако являющихся художественным вымыслом, что может оказаться для нас весьма важным) эта тема получает полное развитие. Дамы Ноаз и Помлеглуа являются покровительницами большого турнира (в «Ланселоте» Кретьена), на котором присутствует сама королева Гиньева, и каждая из этих дам решает, что выйдет замуж за того, кто продемонстрирует наивысшую доблесть.⁴² Сцена задумана для того, чтобы показать, как Ланселот, примерный рыцарь, беззаветно влюбленный в Гиньевру, готов по приказу своей возлюбленной даже унижить себя в присутствии других рыцарей и дам (хотя в конце концов она велит ему «показать себя», и все приходит к выводу, что он-то и есть победитель состязаний). После Кретьена ни одно литературное описание турнира не считалось бы достаточно полным без изображения благородных зрительниц и тех «призов», которые они снимают с себя или буквально отрывают от своей одежды - например, отстегивая рукава платья или тут же срезая собственные локоны, - и эти «призы» победители гордо носят впоследствии на шлеме или на груди. Присутствие дам - как в реальной действительности, так и в воображении писателей, - придавало личным подвигам рыцарей яркий эротический оттенок.

Теперь становится понятно, отчего столь многие имена знатных покровителей турниров в XII веке связаны также с покровительством куртуазной литературы. Среди наиболее важных литературных открытий, сделанных авторами куртуазных романов, оказался тот способ, благодаря которому любовная культура трубадуров и традиционный рыцарский роман, представлявший собой, по сути дела, череду военных эпизодов, оказались способны слиться воедино, чтобы старая разновидность повествовательного жанра смогла бы обрести совершенно новый стержень и «обвиться» вокруг него. Создавая произведения для аристократической аудитории, их авторы особо заботились о яркости красок, которыми были написаны картины пиров и турниров, столь милые рыцарскому обществу; особое внимание уделялось описанию сверкающих кольчуг, расписных щитов и боевых знамен, богато рас-

шитых плащей и дорогих мехов. Здесь писатели черпали прямо из реальной жизни. И было только естественно, что тот рыцарский мир, что слушал их истории, и сам в свою очередь стремился привнести в турниры и церемонии хотя бы частицу того романтического флера, который окутывал подобные действия в романах. Но воспринимать все только с этих позиций - значит неизбежно и чрезмерно все упрощать, ибо взаимное переплетение жизни и художественной литературы всегда отличалось сложностью, и важность этого сложного явления для истории турниров абсолютно несомненна. С той точки зрения, которой мы придерживались до сих пор, бурный характер подобных мероприятий всегда имел сходство с неким спектаклем, в котором главную роль играло грубое, порой даже чрезмерно, мужское насилие. Однако, взглянув на все это под новым углом зрения - благодаря создателям рыцарских романов, - мы видим совсем иную картину: здесь яркие краски и грубое насилие, сливаясь, сплетаясь воедино, предоставляют возможность мужчинам продемонстрировать свои чисто мужские качества перед восхищенными женщинами.

Это, как бы дополнительное, любовно-куртуазное, свойство турниров без труда могло сосуществовать со всеми прочими его привлекательными свойствами, которые мы уже называли: пользой турниров как тренировочных сражений; их значением как формы состязаний, во время которых можно выиграть значительные призы; а также - как собраний представителей определенной общественной элиты. Однако же турниры способны были породить и более изощренные явления - например, в области развития искусства церемонии и театра, а также того, что антропологи называют «игрой». Возможно, самыми лучшими ранними примерами развития всех этих трех элементов в турнирном искусстве являются два крупных тура рыцарских поединков, устроенные баварским рыцарем Ульрихом фон Лихтенштейном - «Venusfahrt» («Путь Венеры») (1227) и «Artusfahrt» («Путь Артура») (1240).⁴³ Для «Venusfahrt», исполняя роль Венеры, он облачился в роскошный костюм (и парик с длинными белокурыми косами) и в таком виде отправился из Италии в Богемию, бросая вызов каждому, кто хотел бы

с ним сразиться на поединке в честь его дамы сердца. Каждому, кто переломит в поединке с ним три копыя, он обещал награду в виде золотого кольца; если же победит он сам, то его противнику придется поклониться на все четыре стороны света в честь дамы Ульриха. Он путешествовал в своем чудесном костюме и ломал на поединках по три сотни копий в месяц (по его собственным утверждениям). То, что он путешествовал в женском платье, дало почву для всяких пикантных шуток и забавных ситуаций в стиле бурлеска, когда, например, Ульриха «втаскивали» в корзину наверх, к окну его дамы, и корзина переворачивалась вместе с героем. Во время «Artusfahrt» Ульрих, нарядившись королем Артуром, отправился в путь вместе с шестью своими товарищами, также одетыми в костюмы артуровой эпохи; те, кто поочередно ломал с ними копыя, также принимались в компанию «рыцарей Круглого Стола». Какая часть рассказов Ульриха о его приключениях действительно правдива, так до конца и не ясно; как писала Рут Гарви, «в его псевдо-автобиографии... донкихотский идеализм и вполне деловой расчет, серьезная торжественность и иронический смех, фантазии и реальность переплетены воедино в пестром, калейдоскопическом попури».⁴⁴ Однако в основе всего этого безусловно присутствует некий фундаментальный слой фактического материала. Более того, при всей его экстравагантности Ульрик отнюдь не кажется безумным позером, подобно Дону Кихоту; он вполне состоятельный землевладелец и воин, успешно завершивший долгую и достойную политическую и военную карьеру, и безусловно занимает почетную нишу в истории своей родной Штирии.⁴⁵ Его фантазии были, пожалуй, несколько преувеличенными по сравнению с большинством, зато они отражают некий истинный дух и вкусы его эпохи и сословия.

И это ясно видно на примере некоторых иных рассказов о турнирах и поединках данного периода. Самыми ранними сообщениями о костюмированных турнирах в стиле артуровой эпохи, является не «Artusfahrt» Ульриха фон Лихтенштейна, а «мемуары» сирийского франка Филиппа из Новары (Филиппа Новарского), который описывает некий турнир в костюмах артуровой эпохи, имевший место на

Кипре в 1223 г. по случаю посвящения в рыцари сына барона-крестоносца Джона Ибелинского, владельца Бейрута.⁴⁶ Значительно больше нам известно о турнире в Хеме^{5*}, организованном Обером де Лонгвалем и Хьюартом де Базантином в 1278 г. По словам поэта Сарразина, это было поистине замечательное театральное действо по артуровским мотивам.⁴⁷ Жанна, сестра де Лонгевалья, играла роль Гиньевры; граф Робер д'Артуа в роли Ивейна (вместе со львом, как и в романе Кретьена)^{6*}, освобождал четырех девушек из плена «рыцаря Белой Башни», который заключил их в темницу; исполнитель роли сэра Кея, сенешалья, неустанно и довольно-таки язвительно комментировал происходящее в полном соответствии со своим легендарным героем. Его лучшая сцена - это шутка над *Pucelle flagellee* (посеченной кнутом девственницей), которая, когда ее спасли от господина, чей карлик прилюдно ее высек, бегом бросилась этого же господина обнимать:»- Чем больше их бьешь, - заявляет по этому поводу Кей, - тем больше они тебя любят.»⁴⁸ Еще один костюмированный турнир в стиле артуровой эпохи был поставлен Эдуардом I в 1299 г., и во время этого действия перед зрителями предстала «отвратительная особа» (*loathly Damsel*) с носом в целый фут длиной и клыками, достойными Дракулы (на самом деле это был юный оруженосец в женском платье).⁴⁹ Турниры в стиле «Круглого Стола», сведения о которых часто поступают в XIII веке со всех концов света - из Испании, Англии, Нидерландов, - все же, видимо, не всегда проводились в костюмах артуровой эпохи, зато всегда сопровождались праздничными действиями с песнями, танцами и пышными процессиями, своим великолепием соперничавшими с теми, что были описаны в романах; участники же поединков пользовались специальным затупленным оружием.¹⁰ Сотня верховых рыцарей с дамами, распевая песни, чередой въехала в замок Кенилуорт в качестве авангарда пышной процессии, знаменовавшей начало там турнира в стиле «Круглого Стола», устроенного Роджером Мортимером в 1279 г.⁵¹ В 1284 Эдуард I устроил турнир «Круглого Стола» в Нефине, чтобы отметить завоевание Уэльса. Народу было так много, что провалился пол в верхнем зале, отведенном специально

для танцев⁵², но никто, к счастью, серьезно не пострадал. Все эти праздничные шествия и представления вовсе не означали, впрочем, что такие турниры считались менее серьезными, чем все остальные; поединки во время «Круглых Столов» имели свой счет фатальных случайностей. Замечание Сарразина по поводу турнира в Хеме представляется весьма удачным общим выводом относительно этих состязаний: «На такие поединки приятно смотреть, но очень тяжело самому

53

в них участвовать».

Лучшим из всех описаний турниров XIII века является рассказ Жака Бретеля о турнире в Шованси, состоявшемся в октябре 1285 г. под покровительством Людовика Лоосского, графа Шими. Бретель еще до того, как прибыл в Шованси, решил непременно записать все, что там будет происходить, и очень старался быть объективным: он попросил герольда по имени Брюйянт назвать и показать ему всех наиболее выдающихся участников и зрителей; он внимательно наблюдал за ходом поединков (особенно когда соперники были людьми знатными), затем он, смешавшись с толпой герольдов и менестрелей, прислушивался к их разговорам и репликам, старательно записывая рефрены их песен (главным образом любовных), а также участвуя в играх и танцах, состоявшихся после ужина. В результате им были созданы также превосходные виньетки не только к описаниям самих поединков, но и к интерлюдиям, посвященным различным моментам празднества: например, игре-пантомиме «*robardel*», во время которой две девушки, одна одетая пастушком, а вторая - пастушкой, изображают некую историю «украденного поцелуя»; или галантному обмену любезностями между рыцарем и дамой, который Бретелю удалось тайно подслушать на третий вечер (причем никаких имен он, разумеется, не называет); или его собственному ответу на призыв Анри де Брийе «той верой, которой ты обязан вину Арбуа, которое ты пьешь» принести клятву «любви и оружия».⁵⁴ Это очень веселая и яркая сцена.

Красноречие Бретеля сосредоточено в основном на двух объектах: на теме любви (особенно ее власти над человеком), ибо любовь способна вдохновить на высочайшие подвиги, и на теме сражений. Здесь

он показывает себя как истинный мастер, прекрасно передавая ту атмосферу шумного возбуждения - крики герольдов, бряцание оружия и доспехов, громкий разговор зрителей, - что царит во время турнира. Не остается ни малейших сомнений в том, что противники действительно схватились не на жизнь, а на смерть. В один из описанных Бретелем моментов, в среду, всем показалось, что убит Конрадин Варнье, сын друга Бретеля, Конрада Варнье.⁵⁵ После чего было решено до конца этого дня прекратить все поединки, чтобы еще какой-либо несчастный случай не помешал в четверг устроить настоящий турнир (т.е. турнир, на котором будут сражаться две команды, в отличие от индивидуальных рыцарских поединков), и под конец дня раненых оказалось немало, и у большинства раны были достаточно серьезные. Поэма Бретеля представляет собой удивительное смешение тем; ее характеризует прекрасный юмор и ирония, которые сочетаются порой с вопиющим сословным снобизмом; а любовные песни и галантные диалоги странным, но характерным для средних веков образом уживаются с описаниями свирепого соперничества и поистине дикарского возбуждения, вызванного яростной схваткой. И действительно, таковы были реальные составляющие турниров этой эпохи.

* * *

Церковь на ранней стадии решительно турниры не принимала. Иннокентий II осудил их, как уже говорилось, еще в девятом установлении Собора в Клермоне (в ИЗО г.) и приказал, чтобы убитых во время турниров не хоронили согласно христианскому обряду в освященной земле. Этот запрет был неоднократно повторен его преемниками, причем со все нарастающей настойчивостью - и, что примечательно, с полным отсутствием какой бы то ни было реакции со стороны участников турниров - вплоть до понтификата Климента V.⁵⁶ В конце концов Иоанн XXII, посмотрев действительности в глаза, в 1316 г. этот запрет отменил.⁵⁷ Неодобрение по поводу турниров со стороны

папства было подхвачено священнослужителями, таким образом появилась целая литература, грозившая участникам турниров всеми карами небесными. Цезарий Гейстерберийский рассказывает историю о том, как один из слуг при дворе графа Аоосского видел в Монтенаке, возле того места, где полегло немало рыцарей, «великий турнир демонов», ликующих над своей добычей.⁵⁸ Было слышно, как демоны кричат поблизости от ристалища в Нусе, где в 1241 г. погибло так много рыцарей, и демоны в обличье стервятников и ворон якобы кружили над этим местом.⁵⁹ Матвей Парижский рассказывает историю Ральфа де Гони, чей покойный брат, вдруг воскреснув и сев на постели, где только что лежал мертвым, рассказал ему, что видел муки проклятых, и выкрикнул: «Увы! А ведь все их страдания - из-за этих турниров! И зачем только я так им радовался?!»⁶⁰ Бесконечный запас подобных историй вполне обеспечивал проповедников примерами для иллюстрации своего отрицательного отношения к этому виду состязаний.

В свете того, что мы уже успели узнать, нетрудно понять, почему церковь так турниры не одобряла. Жак де Витри рассказывает, как он попытался доказать одному рыцарю, что турниры провоцируют свершение всех семи смертных грехов. Они пробуждают гордыню, говорит он, поскольку их участники не жалеют сил ради мирских почестей и похвал, а также ради пустой славы. Они разжигают ненависть и гнев, ибо их участники стремятся отомстить за нанесенные им и их товарищам раны, в том числе и смертельные, что во время турниров происходит весьма часто. Они увеличивают количество *accidie* (несчастных случаев) и недовольства, потому что те, кто проиграл или же был ранен, часто впадают в мрачное настроение. Они способствуют развитию скупости и алчности: по сути дела, их участники грабят друг друга, взимая выкупы, а затем, растратив все состояние, стараются восполнить потери за счет своих незащитных крестьян. На пирах, которые устраиваются во время турниров, поощряется отвратительное обжорство, и эти празднества - бессмысленная трата добра, причем принадлежащего не только рыцарям, участникам турниров, но - и в первую очередь! - тем бедным людям, у которых рыцари это добро отнимают.

Турниры есть способ потешить свое тщеславие, ибо те, кто всей душой стремится в них участвовать, теряют способность воспринимать духовные ценности в погоне за мирскими ценностями и суетной славой. Турниры поощряют разврат, поскольку участники их сражаются для того, чтобы доставить удовольствие распутным женщинам: ведь рыцари действительно принимают даже такие «знаки внимания», как части одежды этих женщин, а потом выставляют эти вещи напоказ, как свои боевые знамена.⁶¹

Несомненно, в каждом из этих обвинений есть доля правды. И факты, что создали для них почву, уже неоднократно перечислялись. Чрезмерные и казавшиеся совершенно многим бессмысленными траты участников турниров, способные привести особенно увлекающихся рыцарей к полному разорению - а значит, разорить и их семьи и подданных, - по всей видимости, более всего бросались в глаза, однако до сих пор чрезвычайно слабо осуждались в проповедях церковников, и все же Жак де Витри в этом отношении совершенно прав. Мало кто из рыцарей был столь же удачлив, как сеньор д'Амикур, которого, впрочем, спасла исключительно изворотливость его жены. Он, час-тенько закладывая свои земли и даже столовое серебро, чтобы оплатить расходы на турниры, всегда все же умудрялся их выкупить, как рассказывает нам его родственник Жак, но даже и сам порой не понимал, как ему это удастся. Пока однажды, возвращаясь с турнира, состоявшегося между Жюльером и Аденховеном, и потерпев поражение, как это нередко бывало и раньше, он размышлял о своих бесчисленных долгах и, проезжая общинным лугом в Ори, заметил большую отару овец и спросил, чьи это овцы. Пастух (который не знал его в лицо) ответил, что овцы принадлежат хозяйке Амикура. Чуть дальше он увидел еще одну большую отару и, задав тот же вопрос, получил такой же ответ - и тут до него стало доходить, что он сумел так долго выпутываться из долгов только благодаря тайному и умелому хозяйствованию жены. Когда он вернулся домой, последовала трогательная сцена, и они с женой наконец честно рассказали друг другу все - он о своих тратах, а она о своих сбережениях. А потом она сказала, что

прощает его, и в свою очередь попросила у него прощения;»все завоеванные тобой мирские почести я разделяю с тобой», таковы были ее слова.⁶² Этому д'Амикуру явно очень повезло. Куда менее удачливыми оказались те, кому патологическая страсть к турнирам зачастую стоила фамильного состояния. Портретами таких неудачников полны литературные произведения той поры. Ульрих фон Лихтенштейн рассказывает, как те, что были взяты в плен во время турнира во Фрейзахе, тут же поспешили к евреям, чтобы заложить свое имущество и уплатить выкуп.⁶³ Обязательство выплатить выкуп было, конечно же, не единственным среди тех тяжелых материальных обязательств, которые ложились на плечи турнирных «завсегдатаев» (*habitués*). Лошади и вооружение также были очень дороги, а все усиливавшаяся с течением времени пышность церемоний, сопровождавших турниры, стала означать, что там собиралось куда больше тех, в присутствии кого рыцари просто не могли позволить себе не проявлять ту щедрость (*largesse*), которую, естественно, ожидали от людей их статуса - герольды, менестрели, грумы, оруженосцы, оружейники; что уж тут говорить о том, сколько стоили еда и жилье для участников турнира, праздничное убранство дома и ристалища и устройство пышной церемонии, но на это приходилось раскошеливаться в основном хозяевам. Ничего удивительного, что Анри де Лаону пришлось жаловаться, что участие в турнире стоит теперь столько, что даже богачам приходится залезать в долги, а уж бедные рыцари просто не могут себе позволить продемонстрировать свою доблесть и достоинство, пускаясь в такие разорительные авантюры.⁶⁴

Так что Жак де Витри был в высшей степени прав, порицая столь безрассудные траты. Однако же поистине краеугольным камнем церковного осуждения турниров и основным направлением папских запретов оказалось то, что они поддерживали тот свободолобивый и буйный дух светского рыцарства, в котором церковные власти давно уже усматривали прямую угрозу добропорядочному христианскому миру, считая, что это ведет к убийствам, разрухе и нестабильности в обществе. Идеи, стоявшие в ИЗО г. за запретом Иннокентия II, полностью

согласовывались с тем, что было положено в основу церковных указов о Божьем Мире, и были безусловно с этими указами связаны. Точно так же, как церковные власти сочли весьма для себя полезным объявить Божий Мир одновременно с крестовым походом⁶⁵, было полезно, когда крестовый поход еще только готовился, еще раз повторить запрет на турниры, поскольку, будучи «маленькими» войнами знати, они отвлекали внимание рыцарей и их энергию от того, что в глазах церкви было куда более достойной целью: от защиты Святой церкви и крестового похода. Короче говоря, в глазах церкви, турниры были не только причиной ненужных кровопролитий (из-за которых могли возникнуть также междоусобицы и настоящие войны), но и безусловно насаждали культ насилия, служивший огромным препятствием на пути осуществления великой миссии, которую Князь Мира поручил своим наместникам на земле.

То же мнение, что турниры есть источник всяческих беспорядков, лежало и в основе аналогичных возражений светских королевских властей, стремившихся запретить или ограничить этот вид состязаний. Покровительство турнирам позволяло знатым феодалам - права и могущество которых, с точки зрения королевской власти, следовало бы несколько урезать - не только усиливать контроль над подданными в своих собственных землях, но и укреплять союзничество с другими представителями высшей знати и, таким образом, поддерживать собственную независимость по отношению к королю. Турниры также обеспечивали знати прикрытие при строительстве различных планов сопротивления королевской политике. Именно благодаря турнирам стало возможным объединить противников короля Иоанна Безземельного, которые после утверждения Великой Хартии Вольностей оказались весьма разобщенными.⁶⁶ Сын Иоанна, Генрих III, испытывал постоянную тревогу, когда на турниры собирались самые знатные феодалы страны, и безуспешно пытался запретить эти сборища: те из них, что имели место в Брекли (1219), в Чепстоу (1227) и в Данстабле (1244), все до одного были связаны с оппозиционным движением.⁶⁷ Именно под предлогом проведения турниров английские лорды в 1312 г.

собрали силы для преследования и захвата в плен Пьера Гавестона, фаворита короля Эдуарда II.⁶⁸ Помимо возможных во время турниров призывов к мятежу эти состязания просто способны были отвлекать внимание от тех исключительно важных, первостепенных задач, которые хотелось решить королю. Даже такой великий правитель, как Эдуард I, сам не раз побеждавший на турнирах, не намерен был терпеть, чтобы его рыцари и бароны разбегались во все стороны в поисках почестей и славы и участвовали в бессмысленных поединках, когда их королю так нужна была военная служба для ведения войны с Шотландией.⁶⁹

Весьма утомительно было бы перечислять все запреты, наложенные на проведение турниров королями Франции и Англии на основании очевидных (с точки зрения этих правителей) и самых обычных причин. Их попытки как-то положить конец этому модному явлению рыцарской жизни оказались такими же безуспешными, как и действия папства и священнослужителей, метавших по поводу турниров громы и молнии. Кроме того, попытки тех и других были все-таки не совсем искренними, ибо правители, например, могли и сами извлечь некоторую пользу, покровительствуя турнирам; и тогда им нужно было бы беспокоиться лишь о том, чтобы великолепие состязаний, устроенных ими, превосходило любые другие подобные сборища. Мало что могли дать и прямые королевские запреты, как, например, в том случае, когда король Франции Филипп Красивый со вполне свойственным ему цинизмом взял да и запретил все турниры разом своим ордонансом от 28 декабря 1312 г. - просто потому, что хотел убедиться: ничто теперь не сможет отвлекать общество от того грандиозного турнира, которым Филипп предполагал отметить посвящение в рыцари своего старшего сына.⁷⁰

* * -к

Но особенно поражают неудачные попытки церкви хотя бы немного уменьшить популярность турниров - несмотря на то, что она в

течение двух веков осуждала подобные состязания. Впрочем, в свете того, что уже было сказано по поводу причин популярности турниров в обществе, провал подобных попыток, похоже, не так уж и удивителен. Есть и еще один аспект процесса развития и расцвета турниров, который потребует более внимательного рассмотрения, что в свою очередь поможет нам лучше понять, почему столь упорных и явно небезосновательных церковных проповедей словно никто в рыцарском обществе не слышал.

Иннокентий III и Иннокентий IV явно связывали свои запреты на проведение турниров с необходимостью направить всю военную мощь на отвоевание Святой Земли; то же самое можно сказать и о настроениях Климента V.⁷¹ Вот только вопрос: не было ли здесь некоего противоречия с основной целью церкви? Если отвлечься от церковного канона и обратиться к историческим хроникам, то там сразу обнаружатся свидетельства этого противоречия. Иннокентий III был очень занят подготовкой и пропагандой четвертого крестового похода, однако же тем случаем, который свел будущих руководителей этого похода вместе, по мнению Виллардуэна, был турнир, имевший место в 1199 г. в Экри во время Рождественского поста.⁷² В других хрониках также высказывается предположение, что турниры были зачастую тесно связаны именно с организацией крестовых походов, и именно во время этих состязаний набирались их будущие участники. Альберик Трех Фонтанов в своей «Хронике» рассказывает о том, как по завершении турнира «Круглого стола» в Эдене в 1235 г. его организаторы, представители знати, сами решили «нести крест», то есть участвовать в крестовом походе.⁷³ А Гийом, граф Фландрский, вернувшись из Святой Земли в 1251 г., объявил о проведении турнира в Гразенье, «дабы вдохновить благородных людей участвовать в крестовом походе»; к несчастью, сам он во время этого турнира погиб.⁷⁴ Ясно, что на самом деле в рыцарских кругах было широко распространено представление о том, что турниры не только ничуть не отвлекают от крестовых походов, но и способствуют подготовке к ним. В самом начале своего яркого рассказа о турнире в Хеме, жалуясь на последствия королев-

ского запрета на проведение турниров, Сарразин описывает мгновенно возникшее охлаждение по отношению к крестовым походам.⁷⁵ Бодуэн де Конде в своем «Dit dou Vase Пер» рассуждает о том, что молодой рыцарь после удачного дебюта в турнире непременно должен стремиться и дальше демонстрировать свою доблесть и «шаг за шагом» умножать свои добродетели, пока не обретет право называться истинным *preudhomme*, послужив борьбе с врагами Святого креста.⁷⁶ Рено, главный герой «Романа о кастеляне из Куси», как мы уже знаем, участвовал в турнире (вымышленном), который устроил Ричард I, в надежде, что король возьмет его в свой отряд крестоносцев. В Святой Земле Рено носил на шлеме^{7*} пучок золотых нитей, символизировавших прядь золотистых волос его возлюбленной, дамы Файеля, чей «*manche*» (отстегивавшийся рукав) он получил в качестве приза во время одного из турниров.⁷⁷ Все перечисленные авторы рассматривают крестовые походы и турниры (а в последнем случае к этой совокупности прибавляется еще и куртуазная любовь) в едином контексте христианской рыцарской доблести, а не как некое противоборство идеалов.

Жак де Витри поясняет, что рыцарь, которому он растолковывал, каким образом турниры соотносятся со смертными грехами, прежде считал, что никакого греха в этих состязаниях нет. И рыцарь этот явно не был исключением, не видя никакого противоречия между своим христианским долгом и излюбленным видом состязаний. И в «Романе о Хеме», и в романе «Турнир в Шованси» рыцари вполне благочестиво ходят к мессе как до, так и после поединков. Широко известна была история о рыцаре, который, следуя на турнир, остановился помолиться Деве Марии и замешкался, а потом, явившись на турнир слишком поздно, успел, тем не менее, получить там все возможные награды и почести, ибо, пока он молился, вместо него в турнире участвовала сама Богородица.⁷⁸ В «Le Tournoiment d'Antechrist» («Турнире антихриста») Гуона Де Мери, трувера из Шампани, мы обнаруживаем среди участников состязания сатану, который носит в качестве «приза» своей дамы сердца клочок рубашки Прозерпины, царицы

Подземного мира и получает вызов на поединок от Христа, который выступает в полном боевом облачении и со щитом, на котором изображен крест, а сам он носит «приз», сотканный самой Пресвятой Богородицей. Среди сопровождающих Христа воинов мы видим не только архангелов верхом на конях, но и персонифицированные добродетели - как христианские: Чистоту, Справедливость и Милосердие, так и рыцарские: *Prouesse* (храбрость), *Courtoisie* (учтивость, куртуазность) и *Debonnairete* (снисходительность к поверженному врагу, великодушные). Среди небесного воинства оказываются также и все рыцари короля Артура. Разумеется, присутствует здесь и *Largesse* (щедрость), и в ее четырехчастном гербе есть герб Александра, щедрого дарителя. Между прочим, это та же самая щедрость (*largesse*), с которой были связаны столь значительные (и бессмысленные) траты рыцарства, а также - язвительные выпады Жака де Витри по поводу чрезмерной экстравагантности и пышности турниров.⁷⁹ Поэма Гуона де Мери с ее персонифицированными добродетелями и аллегорической геральдикой вновь возвращает нас к элементам театра и церемониального действия, связанным с турнирами, которые мы рассматривали ранее как один из источников привлекательности подобных состязаний - и которые столь часто подвергались жестокой критике и считались симптомами упадка турнирного искусства. Однако театр - искусство не менее серьезное. Цель лучших спектаклей - не просто развлечь, но и научить, просветить. В контексте турнирного искусства театральный элемент имел и более серьезную цель помимо придания особой пышности этому действу. Таким способом авторы и постановщики доводили до сознания зрителей, что происходящее - это не просто развлечение, спортивное состязание, но и общественное событие, связанное с прославлением рыцарской системы ценностей. Когда герои произведения Сарразина, Обер де Лонгваль и Гуарт де Базантен, планируют проведение турнира, автор, естественно, тут же соскальзывает в область морализаторских аллегорий, ибо на свой совет его герои призывают некую Даму Куртуазность (*Dame Courtoisie*).⁸⁰ Точно так же Бретель уже в начале своего «Турнира в Шованси» приводит слова своего

героя Prouesse (Храбрости) .которые тот сказал сВоеМусбиНуHardement (Смелости) - ибо, с его точки зрения, Храбрость и Смелость аллегорически присутствовали на этом турнире.⁸¹ Сходным образом и открывавшие турнир парады в костюмах артуровой эпохи или иных романтических одеждах как бы напоминали участникам о том, какой пример являют для них эти великие представители рыцарства былых Времен.

Турниры, заявил английскому Суду Констеблей Ральф Феррерс,^{ft 9} это то место, «где изучают оружие и учатся с ним обращаться». Турниры называют еще «ecoles de prouesse» («школами доблести»).⁸³ Однако, «изучать оружие и учиться с ним обращаться» - это отнюдь не только практические упражнения в использовании оружия, но и введение в определенную систему ценностей. Именно поэтому Бретель, например, так часто отвлекается от своего рассказа о самом турнире в Шованси, чтобы объяснить, в чем заключается суть того или иного поступка действующих лиц или их взаимоотношений; так, например, он заявляет, что «без подарков турнир не стоит и двух турских ливров, ибо щедрость - это одно из одеяний доблести («prouesse»); второе же ее одеяние - учтивость («courtoisie»); а третье - ... честность (honesty)».⁸⁴ Таким образом, нападки церкви на турниры были вызовом рыцарству в том смысле, что поднимали вопрос не только о невероятно высокой стоимости турниров и сопровождавших их церемоний, но и обо всей рыцарской системе ценностей. Для рыцарей же турниры имели определенную интегрирующую функцию, способствующую оформлению рыцарства как сословия и как христианского воинства, преставителями которых они столь гордо себя провозглашали. Вот почему так важно подчеркнуть, каким образом рыцарь-неофит стремился - и его учили стремиться к этому! - приобрести на турнирах соответствующий опыт в данной профессии; вот почему так важно отметить ту роль, которую турниры играли в развитии деятельности крестоносцев; вот почему так важно отметить - вслед за Бодуэном де Конде и Жоффруа де Шарни - что приобретенный на турнирах опыт был весомым шагом на пути к более высокому уровню воинского

искусства (*metier d'armes*), служившего рыцарю средством для исполнения своего сословного христианского долга.^{®5} Неудачные попытки церкви убедить рыцарей в том, что их взгляды на положение вещей в данном случае совершенно неадекватны и неправильны, сумели, таким образом, лишь укрепить веру рыцарства в справедливость избранного им пути, в славные традиции прошлого, в истинно рыцарский, особый, независимый способ служения Господу. И тут уже, чувствуя себя «на своей территории», рыцарство не испытывало ни малейшей потребности в руководстве со стороны церкви.

То, что очень многие рыцари просто не понимали или же понимали неправильно уроки, которые им следовало извлечь из турниров - как, впрочем, и из многих других явлений тогдашней жизни - пояснений не требует. Но не будем торопиться и делать чересчур поспешные выводы о том, что это, дескать, свидетельствует о невежественности знати и ее стремлении к экстравагантности. Это привело бы к серьезной недооценке того, какое влияние турниры оказывали на общественные *mores* (нравы) и на отношения, царившие в рыцарском мире, а также на развитие этих нравов и отношений.

Поскольку турнир представлял собой как бы публичное испытание личной отваги рыцаря, в результате чего данный рыцарь мог обрести не только награды и почести, но и определенную известность, участие в турнирах весьма помогало - не только в финансовом плане, но и в плане заслуженного уважения общества, - странствующим рыцарям, тем бродягам, которые, движимые любовью, собственной предприимчивостью и внутренней тягой к приключениям, таких возможностей искали. Поскольку на турниры собирались не только рыцари и их дамы, но и великое множество других людей, в частности герольдов, менестрелей и жонглеров, которые должны были записать и дать свою оценку увиденному и которые были хорошими знатоками как фольклора, так и истории рыцарства, и обеспечивали основную связь между отраженной в литературе рыцарской системой ценностей и реальным миром. И именно потому, что турниры соединяли людей из разных городов и стран, они и служили распространению рыцарской культу-

phi и рыцарской системы ценностей. Так что вместе с литературой той эпохи, черпавшей краски и различные их оттенки в тех пышных действиях, которые сопровождали турниры, эти рыцарские состязания сыграли исключительно важную роль в плане определения рыцарства как интернациональной военной и аристократической идеологии, законы, отношения и ценности которой практически не знали границ. В этом смысле турниры почти наверняка оказывали даже более сильное воздействие на формирование этой идеологии, чем крестовые походы. На турниры было куда легче попасть, чем в Святую Землю; риск, которым сопровождалась эта состязания, был хотя и достаточно велик, но все же бесконечно меньше, чем риск погибнуть на Священной войне; и, таким образом, куда больше рыцарей - намного, намного больше - участвовали именно в турнирах, а не в крестовых походах. И действительно, завоеванная на турнирах репутация постепенно воспринималась как даже более важная, чем завоеванная в заморских странах. И, как это, может быть, ни грустно, но именно поэтому следует помнить, почему влияние турниров в тогдашней жизни просто не могло не быть таким мощным и таким всеобъемлющим.

А потому важно помнить также, что турнир, хотя можно ошибочно считать его просто спортивным состязанием, серьезными и думающими современниками отнюдь так не воспринимался. Они считали турниры подготовкой к более значительным свершениям, а приобретаемый во время этих состязаний опыт - шагом вперед по стезе рыцарского самосовершенствования. То есть уроки, получаемые во время поединков, рассматривались как имеющие - в идеале - гораздо более широкий смысл. Так, например, хотя безусловно и существовала разница в правах пленителей по отношению к пленным, захваченным во время турнира или военных действий, и хотя система выкупов в первом случае была отрегулирована значительно лучше, подобный опыт в рамках ристалища явно мог чему-то научить обе стороны в плане тех цивилизованных (они бы называли их «рыцарскими») условий, которые следует соблюдать по отношению друг к другу в случае реальной войны. Целый перечень подобных условий, которые последующие

поколения вполне рационально использовали в рамках зарождавшегося международного военного права, практически достиг широчайшего общественного признания уже в XII-XIII веках и в основном под эгидой турниров. Действительно, можно даже утверждать, что - в долгосрочном плане - не такое уж и могущественное воздействие турниров больше сказалось на развитии норм цивилизованного поведения двух враждующих сторон, чем любые папские запреты, изданные с целью уменьшения произвола и насилия.

То, что турниры были способны оказывать столь значительное и разнообразное влияние на общество, в значительной степени связывалось с их способностью использовать дидактическую базу богатой квазиисторической мифологии рыцарства - отчасти через театрализованные пышные зрелища. Это давало возможность гармонично сочетать физические упражнения в военном искусстве с уроками иных «наставников», среди которых была и власть любовной страсти, сублимированной в поиск наивысшей добродетели. Развитие рыцарской мифологии и является предметом нашей следующей главы.

Примечания переводчика

** «Эрек и Энида», ок.1170 г., роман о вымышленном королевстве Артура, которое никак не локализовано географически, хотя в романе присутствуют и отдельные элементы реальной топографии.

²* Жан Клопинель (Шопинель) де Мен, ок.1250-ок.1315, французский писатель, значительно дополнивший, расширивший и завершивший (ок.1280г.) знаменитый «Роман о Розе», начатый Гийомом де Лоррисом еще до 1240 г.

³* «Краткое изложение военного дела» (*Epitoma rei militaris*), ок.400 г.н.э.; своего рода устав римской армии.

⁴* Имеется в виду роман «Кастелян из Куси», один из очень популярных французских куртуазных романов в стихах. Он написан примерно в 70-е годы XIII в. предположительно неким Жакмесом или Жакмоном Саксеном. Его героем является реально существовавший куртуазный поэт Рено де Маньи, чьи стихи пользовались популярностью на рубеже XII-XIII вв.

¹¹ Имеется в виду «Роман о Хеме» (1278) некоего Сарразина, принадлежащий к тому типу литературных произведений, которые представляют собой романизированное стихотворное описание турнира (часто вымышленного). Сюда же относится и роман «Турнир в Шованси» (1285) Жака Бретеля.

⁶¹ Роман Кретьена де Труа «Рыцарь со львом, или Ивейн» написан примерно в одно время с романом «Рыцарь телеги, или Ланселот», т.е. в 1176-1181 гг.

^{7*} По мнению А.Д.Михайлова, Рено носил на щите (а не на шлеме) ее чолотистый локон. См. А.Д.Михайлов, «Французский рыцарский роман», «Наука», 1976, с.303.

Глава VI

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ РЫЦАРСТВА

Основная тема поэмы «Chanson des Saisnes» («Песнь о саксах»)^{1*} - война Карла Великого с саксами, и автор, в частности, утверждает, что в литературе существуют три основополагающих темы, о которых должен знать каждый писатель: тема Франции, тема Британии и тема Великого Рима.¹ Эти три темы - вокруг которых циклизуются истории о Карле Великом и его паладинах, о короле Артуре и Круглом Столе, и классические (античные) истории о Трое и Фивах и об Александре и Цезаре - действительно являются основными для лучших произведений рыцарской литературы. Мало того, в то время они значили для самого рыцарства куда больше, ибо эта эпоха как бы инстинктивно оглядывалась на героическое прошлое в поисках примеров мудрости и добродетельной жизни, и литература, пересказывавшая и распространявшая эти традиционные (фольклорные) истории, тем самым поддерживала рыцарскую систему ценностей, «обеспечивая» ей безупречное античное происхождение. Именно поэтому развитие литературных циклов, связанных с указанными тремя темами, является важной вехой в становлении рыцарской культуры.

Тема Франции первой из трех великих «тем», названных в поэме «Саксы», привлекла внимание рыцарского мира. Самые ранние сохранившиеся манускрипты каролингского эпоса относятся примерно к 1100-1130 гг., но возможно, что указанный сюжет стал популярен и несколько раньше.² После ИЗО г., то есть в середине XII века, мода на него несколько уменьшилась из-за появления поэм, связанных в ос-

новном с римской тематикой, которые были особенно широко распространены в Северной и Западной Франции, а также при дворе Анжуйских королей, где интерес к истории всегда был достаточно силен. В конце XII века, то есть во времена Кретьена де Труа, писатели буквально помешались на теме артуровой Британии. Однако все три темы по-прежнему оставались достаточно популярными; мало того, вплоть до конца средневековья они были излюбленными светскими темами произведений, написанных специально для рыцарской аудитории. Относительное смещение акцентов в моде на ту или иную из этих трех тем в литературе раннего средневековья к XII веку стало, похоже, вполне объяснимым с точки зрения различных литературных корней данных сюжетов - впрочем, этот предмет нас особенно занимать не будет. Стоит лишь помнить, что если истории о Карле Великом и Артуре носили традиционный (фольклорный) характер и, по всей видимости, имели некую устную предысторию, прежде чем появились их письменные варианты, то истории на «римскую» тему черпались непосредственно из книг, созданных античными авторами, и популярность их явно связана с возрождением интереса к классической литературе в университетах XII века. Нас, однако, будет интересовать главным образом не то, откуда взялись эти истории, а то, как в их версиях XII-XIII веков отражалась реальная жизнь и как они с помощью этого приема должны были поведать рыцарскому миру о нем самом, о его происхождении и системе ценностей - иными словами, как им удалось в итоге создать собственно рыцарскую, непохожую на все остальные мифологию.

*к к -к

В ранних эпических поэмах доминируют две очень различные темы, связанные, однако, с общей «французской» темой: первая - это войны Каролингов с язычниками, а вторая - мятежи и случаи кровной мести среди каролингской знати. Тем не менее сходство точек зрения

авторов на эти явления, отраженное в их произведениях, поражает куда больше, чем любые противоречия, и несомненно потому, что рассказчики в обоих случаях как бы приспособливают свое повествование к условиям того мира, который им знаком. Портрет Рауля де Камбре в «
«
о
7*

одной из самых знаменитых истории о кровной мести и портрет Ганелона-предателя в «Песни о Роланде» дают нам, правда, различные представления о том, в чем XI век видел дурные качества рыцаря - точно так же, как «мудрый и доблестный» Карл Великий из цикла, посвященного Роланду, и несправедливый и неблагодарный Пипин из «Garin le Loherain» («Гарена Лотарингца»)^{3*} демонстрируют хорошие и плохие свойства царственных особ. Но это связано лишь с тем, что в различных поэмах затронуты различные проявления чести и бесчестия, а в целом восприятие этих проблем остается тем же самым.

Мир, в котором мы оказываемся благодаря этим эпическим поэмам - мир жестокий, мужской, и интересы его сосредоточены в основном вокруг военного лагеря, а не королевского двора. Его герои - всадники, владеющие новым искусством конного сражения с копьем «в упор»; их мечи и боевые кони - это настоящие сокровища, персонафицированные подобно мечу Роланда Дюрендалю или боевому коню Ожье Датчанина Бьерефорту. Вне поля брани это люди, хорошо разбирающиеся и интересующиеся тонкостями обычного права, которое регулирует их отношения друг с другом, зачастую связанные с открытым насилием; они также остро чувствуют необходимость блюсти непростой долг чести по отношению к своему сеньору и своему роду. Долг чести и обязательства перед законом для них действительно по сути своей почти идентичны, во всяком случае однотипны. Зачастую именно благодаря этому в поэмах ощущается столь сильный правовой привкус, особенно отчетливо проявляющийся в тех из них, которые повествуют о войнах с язычниками или о феодальных междоусобицах и мятежах (свидетельством тому, например, является сцена суда над Ганелоном в «Песни о Роланде»³).³ Профессиональный интерес к юриспруденции, который демонстрируют эти поэмы, достоин века, породившего своды светского права, а составленные Эйке фон Репкго-

вым^{4*} и автором «Законов Генриха I» (*Leges Henrici Primi*); интерес этот является также признаком растущей искушенности светской ученой мысли как таковой. Но чаще всего в подобных поэмах слышен отзвук мрачной тревожной радости битвы. Рыцарские культы войны и чести соединены здесь неразрывными узами и воспеты как нечто единое.

Если же попытаться извлечь из этих поэм то, что имеет отношение непосредственно ко времени и месту их создания - способы ведения боя, детали обычной судебной процедуры, уже знакомая нам география северной Франции и границы между Францией и Империей, а также испанские границы, где встречались войска франков и сарацин, - то, честно говоря, перед нами предстанет система ценностей, не слишком отличающаяся от той, что воспета в более ранней героической поэзии. Военная доблесть, щедрость, гордость, связанная с верным служением господину, - вот отличительные свойства героя не только в эпосе времен Каролингов, но и в более древней германской эпической традиции, то есть в «Беовульфе» и «Песни о Хильдебранде». То, что эти ценности к моменту создания данных поэм стали уже традиционными, ничуть не умаляет, впрочем, нашего интереса к основной цели исследования. Мы видим, что теперь они как бы перенесены в новый контекст, в общественную среду, которая в XI-XII веках являлась уже рыцарской, и очевидно, что в процессе этого переноса они успели приобрести некие новые оттенки и более четкие очертания. Теперь это уже составляющие рыцарской системы ценностей, а в мире шевалье обладание боевым конем и умение с ним управляться являются основным мерилом общественного соответствия; интерес же к юриспруденции придает борьбе за справедливость, с точки зрения рыцарства, лишь большую остроту. Но самое важное - это постоянное повторение в них таких эпитетов, как *preux* (доблестный, отважный), *hardi* (храбрый), *loial* (верный) и *franc* (искренний, честный), с помощью которых явно мостится путь для создания определенной системы рыцарских ценностей, поддающихся систематизации и символизации - двух основных способов для средневекового

общества как-то упорядочить и прояснить свое отношение к окружающему миру.

Эпические поэмы также помогали, благодаря детализированности своего повествования, определить - с точки зрения места в системе ценностей - тот набор шаблонных реакций на шаблонные ситуации, который имелся в их распоряжении: например, на правовые требования родичей, на несправедливое лишение имущества и несправедливое обвинение, а также на различные требования, касавшиеся ведения той или иной войны. И настолько сильным было в этом отношении влияние конкретных литературных произведений, что когда впоследствии авторы желали «по-рыцарски» описать некие сходные ситуации, имевшие, впрочем, совершенно иной временной и местный контекст, они просто переносили в этот новый контекст старые «литературные» реакции и суждения, которые привычно с подобными ситуациями ассоциировались, лишь чуть-чуть эти реакции и суждения адаптировав. Так, в «Романе об Александре» эпизод об отказе соратников Эвменида, царя Аркадии, призвать Александра на помощь, когда на них вне-

4

запно нападают несметные полчища врагов, пересказывается в манере, весьма напоминающей историю о том, как Роланд отказался протрубить в свой рог и призвать на помощь Карла Великого в начале битвы в Ронсевальском ущелье; исход описываемых событий, правда, совершенно различен (Александр, когда его все-таки в итоге призывают, успевает вовремя, а Карл Великий, увы, нет), но тональность описания и его подтекст одинаковы. Сходным образом в артуровом цикле сцены испытания боем кажутся эхом похожих ситуаций, описанных в более ранних поэмах, и великая «вендетта» между родичами Ланселота и родичами Гавейна наводит нас на мысль о мире, который куда ближе Гарену Лотарингцу с его титаническими сражениями против Фромона Фландрского и его родичей, чем изящному и благопристойному куртуазному миру героев Кретьена де Труа. Таким образом, еще долгое время после XII века оставалась популярной не только основная тема каролингского эпоса, но и свойственная ему точка зрения на военную и общественную жизнь. Действительно, для конца средневе-

ковья примечательно пробуждение особого интереса к этой точке зрения при дворе бургундских правителей, где такие авторы, как Давид Обер и Жан Воклен пересказывали в прозе истории эпических героев Жилия Шинского, Жирара Руссильонского и Гарена Лотарингца.⁵ Им даже не приходилось особенно сильно перестраивать эти истории или же вносить изменения в ту систему ценностей, которая в них описывалась, чтобы как-то адаптировать их к эпохе Карла Смелого и Людовика XI. Ставшие традиционными, истории эти, как и отраженная в них система ценностей, даже в конце XV века казались столь же исполненными смысла, как и в XII веке.

По мере того как популярность этих эпических поэм - с самого начала XII века - стала расти и за пределами родной им французской почвы, получил развитие процесс, благодаря которому рыцарство в итоге получило свой собственный пантеон героев, представителями которого были, в частности, Карл Великий, законный правитель и защитник христианского мира, храбрец Роланд, мудрец Оливье, герой Ожье. Появились и признаки того, что может быть названо только культом. Дотошность, с которой в псевдо-турпиновой^{5*} «Хронике» деяний Карла Великого перечисляются места, где похоронены герои Ронсевалья, также указывает на это.⁶ Церкви вскоре начинают соперничать друг с другом, претендуя на обладание теми или иными реликвиями, связанными с героями Ронсевалья.⁷ А также признаком развития культа этих героев является начало иконографического изложения каролингских легенд; мы, например, можем увидеть историю Роланда, запечатленную в камне, в кафедральном соборе Вероны (XII век) и замечательную сцену, когда острия копий чудесным образом превратились в листву, шуршащую за стенами палаток героев, накануне великой битвы Карла Великого в Испании, запечатленную в цветных витражах собора Шартра⁸ (давние ростки и листья копы принадлежали тем рыцарям, которые готовы были принять мученическую смерть в грядущем сражении).

Здесь представляется важным, что основой для иконографии каролингских легенд очень часто служат не сами эпические поэмы, а псев-

доисторические латинские хроники, опиравшиеся главным образом на эти поэтические предания. И это весьма показательно в плане того интереса к подобным произведениям фольклора, который скорее можно назвать историческим, а не литературным. Обеспечить читателя примерами, иллюстрирующими некие непреходящие ценности, а также воздействие божественного Провидения, было, с точки зрения людей средневековья, одной из первоочередных функций истории. Мы видим, как в контексте столь сильного исторического интереса к героям древности жизненные перипетии, личные качества и поступки эпических героев нового культа начинают отчетливо преподноситься как некий предметный урок рыцарству.⁹ Точно так же и в иконографии герои эти представлены с видимым акцентом на истинно рыцарские достоинства. Они являют собой как бы некое новое мерило, с помощью которого рыцарское общество может отныне определять уровень своих достижений. Отсюда проистекает и тот факт, что для стихотворных хроник на местных языках, которые стали весьма популярной формой литературно-исторических произведений к концу XII века, история Карла Великого представляла собой практически основной трафарет и набор готовых формул для описания практически любого события недавнего прошлого. Восхваление Амбруазом д'Эвре^{6*} доблести Жоффруа де Аузиньяна, проявленной им в сражении за Акр - типичный тому пример: «Рыцарство не заслуживало таких похвал, - говорит он, - со времен Роланда и Оливье».¹⁰ Итак, основы того, что с полным основанием может быть названо исторической мифологией рыцарства, становятся вполне зримыми.

Наиболее часто встречающееся раннее иконографическое свидетельство развития культа каролингских героев - это церковные скульптуры и витражи, а крупные французские церкви, вроде аббатства Сен-Дени, играли важную роль в распространении этих легенд как реальной истории.¹¹ Что сразу напоминает нам о подчеркнута христианской тональности основополагающих историй, формирующих «французскую» тему, и о глубочайшем влиянии христианства на светское военное сословие раннего средневековья. Это одна из

отличительных черт подобных историй, весьма характерная и явно отличающая их по духу от более ранних героических сказаний. И хотя рыцарское благочестие, которое наполняет эти истории содержанием, коренится не столько в крестовых походах, сколько в опыте ранних европейских войн с язычниками, для XII века совершенно естественно соотносить современные события, например крестовые походы, с историческим прошлым и рассматривать каждое из этих событий в терминах и понятиях конкретного исторического периода. Именно поэтому в «Псевдо-Турпине» и производных от него произведениях довольно занятные (а порой и откровенно смешные) события, описанные в поэме «Паломничество Карла Великого» (где рассказывается о посещении Карлом Святой Земли)^{7*}, были вновь представлены в более ортодоксальной форме, свойственной эпохе крестовых походов. И это еще одна из причин того, почему в начале XIII века мы обнаруживаем великого доминиканца Гумберта Романского, который рекомендует проповедникам крестовых походов брать примеры для своих проповедей из этой самой псевдотурпиновой «Хроники», дабы наилучшим образом донести свои мысли до рыцарей.¹² И воинствующая, конкистадорская тональность отчетливо слышна в старо-французской версии «Хроники» - в тех словах, которыми Карл Великий объясняет Мавру Аголанту причины того, почему он с ним воюет: «Господь наш, Иисус Христос, создавший и небеса, и землю, выбрал наш христианский народ, чтобы именно он правил над всеми прочими народами на свете.»¹³ Здесь пример из старой библейской истории используется для передачи в высшей степени современной идеи: франкам самим Господом дана судьба завоевателей. И действительно, подобная рыцарская мифология начинает действовать в контексте куда более широком, чем крестовые походы и предшествовавшая им эпоха Каролингов: теперь это составляющая всей христианской истории, истории намерений Господа, predetermined для созданного Им мира людей - истории, которой вполне соответствовали крестовые походы. Но не менее соответствовало ей также и многое другое.

Одной из причин того, почему истории о Карле Великом и других известных героях прошлого оказывали столь мощное воздействие на рыцарство в XII и последующих веках, являлась большая легкость, с которой люди соотносили проблемы и заботы мира Каролингов или Карла Великого (по мере того как они об этом мире узнавали) с проблемами и заботами своей собственной эпохи, особенно, видимо, с проблемами крестовых походов. Истории, которые можно сгруппировать по принципу «римской тематики» - великий Рим, осада Трои и Фив и войны Александра и Цезаря, - повествовали о мире куда более далеком, чем теперешний XII век и язычники, которых нужно изгнать из Святых мест. И тем не менее, интерес к прошлому и соотнесение его с событиями современности, а также - интерес к античной военной традиции, нашедший свое наивысшее выражение в движении крестоносцев, в значительной степени связаны с той огромной популярностью романов, написанных на классические (античные) сюжеты, которой эти произведения достигли уже к середине XII века.

Взросший интерес к историям, основанным на событиях античного прошлого, свидетельством чему явилась, например, мгновенно вспыхнувшая популярность романов о Грое и Александре, очевидно, во многом обязан ожившему интересу к античности в университетах XII века.¹⁴ Придворное окружение правителей из династии Плантагенетов - а Генрих II, король Англии и Анжу, оказывал покровительство таким ученым, как англичанин Иоанн Солсберийский и француз Петр Блуаский, а также таким литераторам-латинистам, как валлийцы Уолтер Мап и Гираут де Барри®, играли, похоже, весьма важную роль в установлении новой литературной моды в середине этого века.¹⁵ При дворе, где жили и творили такие люди, виртуозное вступление Бенуа де Сент-Мора к «Роману о Трое», в котором он разъясняет читателям, что основывался на самых надежных документальных свидетельствах, повествуя о столь знаменитой осаде, просто не могло не оказать должного воздействия. (Источники Бенуа были, правда, совсем не так

надежны, хотя нет причин сомневаться, что он совершенно искренне полагал, что Дарес Фригиец", который на самом деле писал в V веке н.э., был очевидцем осады Трои и именно поэтому его «свидетельские показания» предпочтительнее истории Гомера.)¹⁶ Однако же, с точки зрения рыцарской части этой аудитории, университетская мода была, вероятно, менее важна при получении классическими историями столь высокой оценки, чем то, что сами по себе крестовые походы - а также расширение знаний о восточном мире в целом - буквально открыли людям глаза, и перед ними раскинулись новые, более широкие горизонты, причем не только в географическом смысле. Лучшее знание Востока, служившего сценой столь многих античных историй, провоцировало самые разнообразные и неожиданные душевные и интеллектуальные реакции. У некоторых оно будило жадность и корысть: первой реакцией увидевших Константинополь крестоносцев были почти мгновенно пробудившиеся стяжательские инстинкты. Впрочем, у других вид этого города будил и совсем иные чувства; глубочайшее изумление и искренний восторг вызвал Константинополь у Жоффруа де Виллардуэна, когда он со своими товарищами прибыл туда в 1203 г.: «Могу вас заверить, что все те, кто никогда не видел Константинополя прежде, смотрели на этот город во все глаза и явно никогда не предполагали прежде, что на свете может существовать столь прекрасное место. Они восхищались его высокими стенами и стройными сторожевыми башнями, его богатыми дворцами и куполами дивных храмов, и невозможно было бы поверить, что на свете существует такая красота, пока не увидишь все своими глазами. Они дивились и немислимой величине этого города, который поистине правит миром, как верховный

17

правитель своими подданными.»"

На Востоке западно-европейские рыцари обнаружили мир, где отпечаток славного античного прошлого, видимое наследие былых времен, был куда более заметен, чем в их родных краях.¹⁸ Они обнаружили там и сказочное великолепие и богатство, причем не только в виде звонкой монеты, но и дивной архитектуры, мозаики, скульптуры, изделий из шелка и дамаста, и богатство это было столь велико, что у их

феодалных предков вряд ли хватило бы воображения все это воспринять. И подобная немыслимая роскошь как бы служила задником для жестоких, а порой трагических, смертельных сцен, столь свойственных ранним кампаниям крестоносцев. В таких обстоятельствах легко понять тягу этого поколения рыцарей к классическим сюжетам, повествующим о титанических войнах, сравнимых разве что с той войной, которую они сами вели против неверных на фоне восточной роскоши и великолепия. Восточные земли, из-за которых не раз вели войны и Александр Македонский, и древние троянцы, и древние римляне, остались теми же самыми, и теперь за них сражались уже крестоносцы. Легенда о троянском происхождении франков, которая была весьма популярна со времен Меровингов, тоже, без сомнения, помогала крестоносцам соотнести реальную действительность со столь древней историей: ведь это была история борьбы их далеких предков в более богатом, более развитом и изощренном в культурном отношении, хотя и дохристианском, прошлом.

Инстинктивное желание связать древнее прошлое с современной действительностью, безусловно у большей части средневековых людей подсознательное, проистекало из самых разнообразных сюжетных линий романов, имевших в своей основе «римскую тему». Бенуа де Сент-Мору явно нелегко было, рассказывая о сверкающих щитах греческих и троянских героев в своем «Романе о Трое», соотнести все это с современными ему геральдическими понятиями и условностями. Анонимному автору «Романа о Фивах»^{10*} казалось естественным сравнивать жреца Амфиараса с реймским архиепископом Турпином из «Роланда», а воина Тидеуса с самим Роландом. Сходным образом автор XIII века, создавший «Историю Юлия Цезаря»^{11*}, превратил Клеопатру в западную красавицу, потрясающую блондинку в одеждах, подбитых мехом горностая.¹⁹ Примерно так же герои эпических поэм эпохи Каролингов изображались в окружении лиц, живших явно в XI, а вовсе не в VIII веке. Но что более важно, на протяжении, скажем, всего «Романа об Александре» нам встречается нечто вроде аналогий с идеями крестовых походов. И дело не только в том, что вокруг все

той же Сирии вновь ведется жестокая борьба; нет, врагами Александра на этот раз являются «турки» и «жестокие бедуины», а правитель Вавилона - это эмир, который, как мы видим, клянется своим богом «Mahounrl»^{12, 20}. Что же касается героев романа, то их вполне можно принять за самых настоящих уроженцев Франции - об этом поэт говорит неоднократно.²¹ И есть на самом деле история Александра Македонского рассказана здесь как бы «в предвкушении» крестовых походов.

Точно так же принадлежность Александра и его двенадцати соратников (число то же, что и число пэров Карла Великого) к рыцарству как бы предвосхищает появление рыцарства средневекового, и опять же смысл этой принадлежности гораздо глубже, чем просто рассказ о том, что и Александр, и его соратники были вооружены в точности, как средневековые рыцари - в доспехах, с расписными гербовыми щитами, - да и отношения Александра с его боевым конем Буцефалом напоминают о той роли, которую играет в жизни рыцаря конь. Настоящий же смысл этой аналогии скорее заключается в таких описаниях, как купание Александра и его молодых товарищей (перед вступлением в ряды рыцарей), которое они совершают, дабы очистить себя, или же пассаж, где перечисляются рыцарские качества Александра - его щедрость, храбрость в бою, то, как он защищает сирот и вдов, и т.д.²² Нам сообщается, что самая большая радость Эвменида, царя Аркадии - это оружие и турниры, а также он славится любовью к светловолосым девушкам²³, так что древний царь вполне может служить образцом такого вот *tiro* («новичка», неофита) в рядах рыцарей конца XII века, вроде Арнольда Ардрского, о котором писал хронист Аамберт. Здесь можно обнаружить даже ту взаимозависимость ученых клириков (*clergie*) и рыцарства (*chevalerie*), которую в свое время восхвалял Кретьен де Труа и которую так часто превозносили в более позднюю эпоху - в «Романе об Александре» она выступает в несколько завуалированном виде: в рассказе о том, с каким вниманием Александр относился к советам своего наставника, философа Аристотеля.²⁴ Немаловажно и то, что нам, таким образом, следует восприни-

мать этику рыцарства как зародившуюся значительно раньше, еще в дохристианском античном мире. И в этом проявляется один весьма важный контакт рыцарства: с интеллектуальной традицией, не зависящей от церковного проповедничества.

Батальные сцены в «Романе об Александре» обладают всей яркостью и неистовостью батальных сцен, свойственных традиции эпических песен и, собственно, созданы по их литературному образу и подобию, вот только в романе они сопровождаются чудесами, которые лишь немного «страньше» (как говорила Алиса, попав в Страну Чудес - И.Т.) тех, что свойственны обычной истории о путешествиях; эти эпизоды романа повествуют о краях более далеких, чем Сирия и Месопотамия, и мы попадаем на берега рек, текущих с холмов настоящего рая земного, а потом в пустыню, где Александр разговаривает с деревьями Солнца и Луны, не способными лгать. Уже упомянутые «Роман о Трое» и «Роман о Фивах», а также «Эней»¹³ не содержат материала, вполне сопоставимого с этим, однако и в них рассказывает о некоем мире, куда более обширном и богатом, чем мир средневекового Запада, главным образом по той простой причине, что миры эти, которые так хорошо знали Дарес, Стаций и Вергилий, были отмечены блеском византийского богатства и великолепия. И авторы названных романов просто переносили этот блеск, о котором узнавали из литературных источников, в свои собственные произведения. И, таким образом, помогали своей аудитории развивать естественный вкус к богатству и показной роскоши (и, конечно же, к книгам и образованию), и все это происходило в эпоху, когда все убыстрялся пульс торговли Европы с Востоком, что значительно стимулировали крестовые походы, когда предметы роскоши стали куда более доступны уже и в странах Запада и когда открывались совершенно новые горизонты в науке, образовании и архитектуре. Пробудившаяся любовь и восхищение яркими цветами и пышными одеждами, строительство грандиозных замков и декоративность в целом всего придворного мира привнесли в литературу нечто такое, чего, безусловно, не хватало эпическим поэмам, и оказали воздействие на вкусы, которые оказались весьма

постоянными как в аристократической литературе, так и в аристократической, куртуазной жизни.

Мир произведений, связанных с «римской» темой, был также куда менее «мужским», чем мир тех, что были связаны с «темой Франции», и опять же потому, что мир античных авторов, из чьих произведений и черпались сюжеты для «римских» романов, не был населен одними мужчинами. Именно поэтому и любовная этика трубадуров сумела пробиться в повествовательные жанры литературы (ибо для XII века было столь же естественно описывать - с современных позиций и с использованием современной лексики - любовь Ахилла к Поликсене или Атиса к Йемене, как и облачать античных героев в стальные кольчуги и отправлять их на войну верхом на конях). Гак мы узнаем, что Эней черпает силы перед своим поединком с 1 урном именно в мыслях о своей возлюбленной Аавинии, а Клеопатра признается, что Цезарь завоевал ее сердце именно благодаря своей всемирно известной доблести.²⁵ Подобные отношения совершенно не были свойственны античности, зато для средневековья они были в высшей степени характерны и стали типичными для романов XII-XIII веков, причем не только для тех, где речь шла об античном прошлом.

Но если светские авторы XII века изображали античное прошлое, так сказать, с современных позиций, то это отнюдь не значило, что они не представляли себе, как далеки они по времени от этого прошлого, уже в значительной степени ставшего историей. Читатели и слушатели «римских» романов считали их абсолютно историческими, да и основной задачей таких авторов, как Бенуа де Сент-Мор, было убедить читательскую аудиторию в достоверности своих источников - де Сент-Мор, например, специально подчеркивал тот «факт», что Дарес (Фригиец) был образованным рыцарем, действительно принимавшим участие в Троянской войне. Благодаря популярности таких романов вскоре стал развиваться и интерес общества к такому античному прошлому, которое было бы, так сказать, безусловно узнаваемым и в то же время соответствовало бы реальной истории. Свидетельство тому - возрастающая популярность в XIII веке произведений, несколько от-

личавшихся от описанных выше романов; чаще всего это были пересказы на местных языках в стихах или прозе разных античных историй и их копирование. «Fait des Romains» («Деяния римлян») представляли собой перевод произведений Аукана и комментариев Цезаря^{14*}, в которых речь шла в основном о карьере самого Юлия Цезаря, и были, возможно, соединены в одно произведение где-то между 1211 и 1215 годами, ставшее затем весьма популярным.²⁶ Цитировали этих двух популярных античных авторов, например, и Филип Муске в своей хронике, и Брюнетто Аатини в своей «Книге сокровищ» («Livres du tresor»), а также многие другие. «История римских императоров» Календра, в значительной степени почерпнутая из основного труда Орозия («История против язычников» - И.Т.), была написана несколькими годами позже, и примерно в то же время появляется «Histoire ancienne jusques a Cesar» («Древняя история до эпохи Цезаря»), в значительной степени заимствованная из Дареса. Стал весьма популярен «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора - в несколько подправленном, прозаическом, виде, а Жан де Фликскур создал в 1262 г. нероманизированный перевод Дареса. Таким образом, установившаяся мода на переводы продолжала существовать, и список работ, связанных с античным прошлым и доступных пониманию (и финансовым возможностям) большей части светского общества, все расширялся.²⁷ Французские короли из династии Валуа слыли в XIV веке щедрыми покровителями таких переводчиков, и при дворе Валуа были сделаны переводы работ Ливия, Валерия Максима и Цицерона («Amicitia» и «de Senectute»), а также «Этики» и «Политики» Аристотеля. В XV веке, когда влияние гуманизма стало распространяться за пределы Италии, волна переводов, естественно, поднялась еще выше. Ученые, переводившие подобные произведения на местные языки в эпоху Карла Смелого Бургундского, были, разумеется, куда лучше воспитанными, образованными и критично настроенными, чем переводчики XIII века, однако же ничего нового в горячем желании узнать как можно больше об античном прошлом не было и в этот более поздний период средневековья. На самом деле такое желание возникло в средневеко-

вой Франции скорее под влиянием примеров из собственного прошлого, чем под влиянием современного этому обществу итальянского гуманизма.

В «Песни о саксах» прямо говорится, что «римские» примеры служат хорошим уроком, а для средневековых переводчиков основной целью было учить общество на примерах. О практической пользе знания античного прошлого говорилось немало и достаточно часто: «Узнавая о том, как римляне - куда более других народов - такими своими добродетелями, как верность и благоразумие, а также благодаря своим рыцарским подвигам... сумели достигнуть столь многого и благодаря своей мудрости и неустанному труду завоевали весь мир, мы понимаем, что каждый правитель может найти для себя пример в их замечательных свершениях» - так, например, говорится во вступлении к переводам из Ливия, выполненным в XIV веке.²⁸ Так что, и далее имея в виду подобные комментарии, мы должны именно с таких позиций оценивать популярность переведенного на местные языки трактата Вегеция о тактике, люди читали его, зная, что именно римляне завоевали мир, и хотели понять, как им удалось это сделать. Что примечательно, трактат Вегеция в переводе назывался «Книга о рыцарстве» (*Livre de chevalerie*).²⁹ Также книгами о рыцарстве считались произведения Оноре Боне и Кристины Пизанской^{15*}, где в переводе были представлены комментарии таких знаменитых средневековых юристов, как Бартоло и Иоанн (Джованни) из Леньяно^{16*}, по разделам римского права, имевшим отношение к войне и обязанностям воина.³⁰ Эти работы оказали весьма существенное влияние, напомнив рыцарству, что по примеру античности воин должен рассматривать свое ремесло в свете четко определенных обязательств, а ведение войны осуществлять согласно тем общим принципам, на которых покоится вся система взаимоотношений между государствами. Античная мифология, благодаря в значительной степени сходному процессу, в итоге также стала рассматриваться как источник бесчисленных примеров для рыцарства. «Письмо Отеи Гектору» Кристины Пизанской - это нечто вроде энциклопедии античной мифологии - в дидактической ее ин-

терпретации - для рыцарства. Так, например, вывод из мифа о спасении Андромеды Персеем таков: «Все рыцари должны оказывать помощь женщинам, если те в их помощи нуждаются»; а крылатый конь Пегас означает, «что его (рыцаря) доброе имя должно быть известно во всех странах». Церера, «дававшая богатый урожай, ничего ни у кого при этом не отнимая», выполняла в этой системе, по всей вероятности, функцию largesse (рыцарской щедрости): «точно так же и доброму рыцарю следует быть щедрым по отношению ко всем и всем оказывать помощь и утешение по мере сил своих», и т.п.³¹

С помощью примеров из истории античности и из таких работ, как трактаты Вегеция, рыцарям преподавались уроки, каких ни эпос, ни романы, ни - в данном случае - мифология столь эффективно им преподать не могли. Здесь как бы обретали новый смысл военная дисциплина, постоянные тренировки и учения, а также обязанность воина-новичка (*tiro*) всегда поддерживать соответствующую физическую форму, а на поле брани - беспрекословно подчиняться приказам своего командира. Так что перед нами открывается как бы еще одно измерение рыцарской системы ценностей, некий новый побег, привитый на древо рыцарской этики. В качестве иллюстрации к результатам такой «прививки» неплохим примером может послужить, скажем, исполненное восхищения перечисление достоинств своего героя, знаменитого французского маршала Жана де Бусико, автором его жизнеописания (созданного в начале XV века, когда обилие переводов уже оставило в литературном процессе свой неизгладимый след)¹¹¹. Как рыцарь, вдохновленный любовью к своей даме, Бусико, по доброй старейшей традиции, сравнивается с Тристаном и Аанселотом. Затем нам представляется совсем иная сторона его натуры - страстная увлеченность всевозможными физическими упражнениями, и в этом ощущается сильное влияние трактатов Вегеция. Бусико регулярно тренирует свое тело (особое внимание уделяя дыхательным упражнениям), желая всегда быть в хорошей форме. В жизнеописании также приводится весьма примечательный список подвигов маршала, совершенных во время штурмов различных военных объектов: он, например, был

способен перекувырнуться через голову в полном боевом облачении, мог в доспехах и с оружием самостоятельно вскочить на коня, мог взобраться по обратной стороне наклонно стоящей приставной лестницы (опять же в полном боевом облачении), перебирая перекладины руками и не касаясь их ногами. Став военачальником, говорит автор биографии, Бусико являлся сторонником строжайшей военной дисциплины, в точности следуя римскому образцу; следуя примеру знаменитых древнеримских полководцев Сципионов, он без конкретной необходимости не допускал в лагерь и его окрестности ни одной женщины, сурово осуждал пьянство и был готов, если понадобится, наказать даже собственных детей за нарушение установленного порядка. Зная кое-что о Демосфене (довольно смутно, я полагаю), он понимал необходимость для командира владеть ораторским искусством и уметь с помощью слова поднять свое войско в атаку и продолжить сражение, а также - знать различные языки и наречия, чтобы иметь возможность объясняться с народами завоеванных стран.³² И такой Бусико вряд ли покажется современному читателю очень уж привлекательной личностью. Тем не менее этот его портрет действительно весьма живо свидетельствует о тех новых взглядах на обязанности рыцарства, которые явились следствием бесконечных примеров из римских военных трактатов с их особым вниманием к военной дисциплине, к постоянным физическим тренировкам, к полной профессиональной самоотдаче и тому высочайшему мастерству, которых следует ожидать от любого военачальника. Подобные акценты могут показаться чужеродными в индивидуалистической концепции странствующего рыцаря; и тем не менее они стали составляющей, и весьма важной, того образа, которому на самом высшем этапе своего развития должен был соответствовать представитель истинного рыцарства.

Из всех литературных тенденций, оказавших воздействие на рыцарство, наиболее мощной и долговечной была та, которая использовала примеры античности для создания идеальных образцов рыцарства, то есть описывала Гектора или Александра, Сципиона или Цезаря как культовые фигуры рыцарского пантеона. Средневековая читательская

аудитория в целом ждала от авторов подобных произведений не столько творческой оригинальности, сколько мастерства изложения, искусной, точнее декоративной, обработки той или иной традиционной темы. Как только циклы историй о каролингской эпохе и Артуре обрели устойчивую форму, оказалось, что у них есть и определенный предел в плане предоставления новых примеров для подражания или выработки новых концепций. А вот с «римской» тематикой этого не происходило - по той простой причине, что она разрабатывала куда более богатую литературную и историческую жилу, немыслимые богатства которой были пока что использованы весьма ограниченно, и появлялись все новые переводы и пересказы работ античных авторов и античной мифологии. История ее развития, более того, была связана с основными юридическими, этическими и философскими взглядами древних авторов, высказанными в произведениях неповествовательных жанров, и это богатство тоже было лишь слегка затронуто представителями образованной части средневекового общества, которое в переводах на местные языки постепенно передавало теперь эти знания светскому аристократическому обществу. Античная этика, античная юриспруденция и античная философия, которые никоим образом не являлись такими уж несовместимыми с христианским мышлением и оказывали на него мощнейшее воздействие, принадлежали все же к дохристианской традиции. И таким образом рыцарству вновь весьма убедительно напоминали, что корни его основных институтов отнюдь не связаны с институтами церковными, а исходная независимость его (рыцарства) общественных функций - в широких рамках божественного Провидения, разумеется, - совершенно не имеет отношения к функциям священнослужителей.

* * *

Мало кто в средние века сомневался в реально-исторической основе сказаний о короле Артуре, центральном персонаже третьей темы

в «Песни о саксах» - «британской». Те, кто писал об Артуре и его рыцарях Круглого Стола, точно так же стремились доказать, что их истории опираются на реальные и пользующиеся безупречной репутацией источники, как это делал Бенуа де Сент-Мор, когда писал о Троянской войне. Гальфред Монмутский утверждал, например, что, работая над своей «Историей королей Британии», имел перед собой одну «очень древнюю» книгу на языке бриттов.³³ Наболее распространенная версия цикла историй о Святом Граале была, предположительно, собрана из разрозненных сказаний и оформлена как единое целое Уолтером (Вальтером) Мапом на основе рассказов, записанных придворными писцами короля Артура со слов «засвидетельствованных самим сэром Богортом».³⁴ В 1191 г. отыскалось и более материальное свидетельство того, что Артур - это действительно реальная историческая фигура: была «открыта» могила его и королевы Гиньевры в Гластонбери, а их останки извлечены из земли и перезахоронены (похоже, вся эта затея была вопиющей фальсификацией, организованной монахами Гластонбери из желания побудить прихожан делать более щедрые пожертвования, но все сошло им с рук, и «находку» сочли подлинной).³⁵ С течением времени, после того как цикл историй об Артуре в определенном смысле оформился, мы видим, что его детализация, можно сказать, в полном смысле слова подчинена исторической правде. Образованные клирики XV века, проявив должное усердие, извлекли из ставших к этому времени многочисленными романов об Артуре полный список рыцарей Круглого Стола и гербовые эмблемы каждого из них, а также каждого из них «снабдили» биографией.³⁶ Этими романами они воспользовались и для установления тех правил проведения турнира, согласно которым, с их точки зрения, проводились турниры в эпоху короля Утера Пендрагона, отца Артура, а также для выяснения тех клятв, которые новоиспеченные рыцари Круглого Стола обязаны были давать во время обряда посвящения. Некоторые из деталей этого обряда, правда, представляются почти комическими - например, упоминание в скобках о том, что в эпоху Артура в королевстве Аогр (т.е. Британии) «водилось немало великанов», или обещание,

которое обязан был дать каждый из рыцарей, что если некая дама или девица во время войны случайно попадется ему в руки, он не станет ее бесчестить (букв. «дефлорировать»), «если только это не доставит удовольствия ей самой и она не выразит сама своего на то согласия»⁴⁷ Подобные, хотя и довольно абсурдные подробности свидетельствуют о том, что к сказаниям об Артуре историки относились со всей серьезностью; ведь именно серьезное и торжественное отношение к самым порой абсурдным подробностям и является - и даже чересчур часто! - свидетельством доктринерской эрудиции.

Мы не должны, разумеется, исходя из подобного исторического интереса к королю Артуру и его Кругому Столу, делать вывод о том, что люди готовы были поверить и в правдивость всего хитросплетения фантастических сюжетов, в основном и являвшихся составляющими этого цикла. Автор «Песни о саксах», рекомендовавший читать истории о Карле Великом, потому что они истинны, и о римлянах, потому что они познавательны, отзывался о «британской» теме в литературе как о «тешащей тщеславие и весьма забавной», явно давая понять, что с ней связано немало вымысла.^{3®} Филипп де Мезьер^{18'}, давая в конце XIV века советы молодому Карлу VI в области чтения, выражался даже более ясно. Он говорил: читай о великих подвигах христианских императоров и особенно о «твоем великом предшественнике, благословенном Карле Великом», но будь осторожен и не придавай особого значения историям об Артуре, «как бы велика ни была его мирская слава», ибо истории эти полны пустых сказок.³⁹ Никто, похоже, и не собирался опровергать подобные утверждения де Мезьера, и совершенно ясно, что в этом аспекте - то есть в уважении средневекового читателя к историчности и достоверности - наблюдается отчетливое противопоставление «римской» и «британской» тем. В первом случае все усиливавшийся интерес к античному прошлому был, так сказать, прогрессивен и вел к лучшему пониманию прошлого, а во втором случае этого просто быть не могло, поскольку не существовало вообще никаких критериев сопоставления фактов, изложенных в историях на «британскую» тему, с реальными событиями, лежавшими в основе

этих историй. Но если в так называемом бретонском (артуровском) цикле и было меньше историзма - а на самом деле его там и не было повсе - то это значило всего лишь, что авторам, которые обращались к этой тематике, было приятнее (или удобнее) хотя бы какое-то время пользоваться полной свободой и развивать избранную ими тему так, как им заблагорассудится, без особых ограничений, налагаемых историческими источниками. Эти писатели обнаружили, что способны изменять и искусно перерабатывать старинные предания, привнося в них новые сюжеты и стараясь неизведанными еще способами доставить удовольствие и одновременно заинтересовать и просветить своего читателя.

Разумеется, лишь немногие решались создавать совершенно новые сюжеты, да от них этого и не ждали. Как мы уже отмечали, писателям этой эпохи приятно было считать, что у них в распоряжении отличные исторические источники, ну а какие-то источники действительно почти всегда находились, хотя, возможно, и не настолько хорошие, как утверждали они. Исторические исследования Гальфреда Монмутского, которые, в общем, давали возможность узнать об основных событиях жизни короля Артура, никак нельзя отнести к университетским штудиям, хотя Гальфред и пользовался многими вполне достойными источниками, такими, как труды Беды Достопочтенного, Гильда и Ненния^{19*}; а вот для своей книги об Артуре, если указанные авторитеты его подводили, он полными пригоршнями черпал «историческую» информацию в старинных легендах Уэльса; некоторые из них он, возможно, знал и по письменным текстам. Кельтская мифология вообще была богатейшим источником для произведений художественной литературы; предания кельтов переделывались согласно моде и вставлялись в структуру того или иного романа об артуровой эпохе. Бретонские версии этих легенд служили, вероятно, основным источником для французских авторов. Они безусловно легли в основу двух знаменитых лэ, написанных Марией Французской²⁰¹, в которых рассказывалось о любви Тристана и Изольды и о волшебнице, возлюбленной одного из рыцарей Круглого Стола. Р.Вас замечает (его коммента-

рии - это одно из немногих добавлений к истории, написанной Гальфредом Монмутским), что и бретонцы рассказывали о короле Артуре и его рыцарях немало легенд.⁴⁰ Влияние полузабытых бретонских conteurs (сказителей) почти наверняка сказалось также на достаточно ранней популярности легенд об Артуре и в тех странах, где сражались норманны. Замечательные статуи короля Артура и его рыцарей (в том числе Гавейна и Кея) на архивольте собора в Мадене⁴¹, спешащих на помощь королеве Гиньеvre, почти наверняка несколько старше, чем книга Гальфреда Монмутского. Устные версии легенды об Артуре - а возможно и письменные, которые, к сожалению, не сохранились, - были в начале XII века уже весьма широко известны, и авторам романов на эту тему было откуда черпать сюжеты вне зависимости от того, насколько далеко или близко от земель кельтов они жили.

Вопрос о том, какие именно кельтские мифы лежат в основе каждой из историй о короле Артуре, чрезвычайно сложен: немало чернил было истрачено на выяснение, например, того, связана ли история о короле Рыболове с уэльской историей о Брануине, или о том, насколько история волшебного Грааля связана с ирландской легендой о чаше, которую некая девушка подала королю Конну во дворце всадника-призрака Луга.⁴² Для наших целей решение подобных вопросов, хотя сами по себе они, безусловно, весьма интересны, не имеет особого значения. А вот способ, с помощью которого авторы романов в XII и XIII веках переделывали эти древние предания на новый лад, для нас очень важен. Стоит только взглянуть на эти произведения с данной точки зрения, и становится ясно, что нужно быть очень осторожным и ни в коем случае не переоценивать значение кельтской составляющей в этих историях (хотя эта составляющая чрезвычайно важна для определения их в географическом и временном отношении - т.е. это Британия VI века). Гораздо более существенно для нас в данном случае то, что мы уже узнали о «перекраивании» средневековыми авторами на современный лад «римской» тематики, поскольку и у работников «британской» темы мы снова видим античных героев в доспехах XII века и явно позаимствованными из кельтской мифологии,

хотя окружающий их мир насквозь пропитан магией и волшебством. Но особое очарование этому вымышленному миру придают те яркие детали, которые авторы XII века считали характерными для богатого и пышного Востока и античных государств. В книге Гальфреда Монмутского слышится эхо творений Вергилия, и уж этот-то автор действительно постарался связать «британскую» тему с «римской», представив Брута, первого короля Британии, где впоследствии стал править король Артур, как внучатного племянника Энея! Столица артурова королевства, Карлеон, для Гальфреда - Город Легионеров, и он особо подчеркивает, что во время самых больших праздников бритты даже во времена Артура все еще следуют обычаям Трои.⁴³ Кретьен де Труа для своего романа «Клижес»^{21*} избрал византийский сюжет: главный его герой - сын императора Греции (точнее, он сын императора Константинопольского - И.Т.). Восток, где более чем двумя третями земель правит Барух Багдадский, выбран Вольфрамом фон Эшенбахом также как прекрасная сцена для экстравагантных приключений, любовных и военных, Гамурета, отца Парцифалья, в первой части знаменитого романа; и читатель узнает, что Гамурет завоевал на Востоке столь немислимые богатства, что мог «растачать дары и награды так щедро, будто золото росло на деревьях».⁴⁴ Все это великолепие вплетено в истории, постоянной и повторяющейся темой которых является «славная битва», и манера описания такой битвы (как и в произведениях с «римской» тематикой) многим обязана эпическим *chansons* каролингского цикла. Античные блеск и роскошь, а также вполне современное для средневекового общества рыцарское упоение битвой образуют в произведениях об Артуре некий внешний слой, под которым таится основа, состоящая из кельтских мифов и реальной истории Темных веков, которые под воздействием этого внешнего слоя превращаются в нечто совершенно отличное от того, чем они являлись исходно - т.е. в повествование, неизбежно приковывающее к себе внимание рыцарской аудитории, ибо в нем уловлена, видимо, самая суть мировоззрения рыцарства, поскольку ему предлагается увидеть себя и окружающий его мир, но не совсем такими, каковы они на самом деле,

а такими, какими рыцарство хотело бы все это видеть - то есть отважных и богатых воинов в мире, исполненном великолепия и волшебства, - что, безусловно, с точки зрения рыцарской аудитории, лишь придает сюжету дополнительную увлекательность.

Произведения бретонского цикла как бы окончательно оформляют идеальный портрет странствующего рыцаря, отводя турниру как испытанию доблести законное место в образцовом произведении рыцарской литературы. Отсутствие каких бы то ни было запретов, возникающих при необходимости держаться как можно ближе к историческим источникам, давало тем, кто писал о короле Артуре, возможность расширять выбранную тему за счет других, еще более важных тем. Мы уже видели, как авторы «римских» романов сумели настолько переработать любовные эпизоды, имевшиеся в используемых ими источниках, что те приобрели искомую куртуазную окраску. В древних кельтских легендах, как и в античных мифах, женщинам, например, отводилась роль куда более значительная, чем в историях о Карле Великом или (насколько мы можем судить по уцелевшим фрагментам) в германском героическом эпосе. Писатели артурова цикла использовали и эту возможность и подняли свое повествовательное искусство, насыщенное эротизмом лирики трубадуров, на небывало высокий уровень. Тон здесь задавал Кретьен де Труа, хорошо знавший как провансальскую литературу, так и произведения Овидия⁴⁵ (единственного из античных авторов, кого средневековые писатели беспрекословно считали наивысшим для себя авторитетом, и, по сути дела, единственного, кто действительно оказал огромное влияние на средневековое восприятие любви). Кретьен в полной мере обладал индивидуальной манерой творчества и был действительно великим мастером своего дела; следует отметить также, что мало кто из его последователей обладал столь же острым интересом к внутреннему миру человека и такой способностью проникновения в этот мир, как он - особенно в том, что касалось любви и других душевных переживаний его героев и героинь. Однако же авторы этой эпохи вполне способны были понять и действительно прекрасно понимали: есть нечто такое, что обладает

даже большими возможностями воздействия на современный им и очень активный мир рыцарства, ибо любовь - это сила, всегда побуждавшая и заставлявшая мужчину искать способы испытать себя, доказать собственную состоятельность, а также то, что он своей возлюбленной достоин. Именно обожание возлюбленной, беззаветное преклонение перед нею и то вдохновение, которое рыцари черпали в подобном обожании и преклонении, служили у трубадуров отправными точками в описании идеала куртуазной любви, но отнюдь не сама по себе страсть и плотская любовь. В таком контексте, следует отметить, не существовало особых различий между адюльтером, «преступной» любовью, связывавшей Тристана и Изольду или Ланселота и Гиньевиру (описывая трагические перипетии такой любви, и сам Кретьен, похоже, особого счастья не испытывал), и любовью добропорядочной, стремившейся исключительно к одной цели: сделать обожаемую возлюбленную своей невестой. Оба варианта любовных отношений в равной степени способны были стать источником вдохновения и свершения немислимых ратных подвигов. А потому рассказ об обоих в одинаковой степени позволял вплетать в ткань произведения две идущие параллельно темы - военных приключений и преданности любимой; и эти две, по сути дела, родственные темы действительно фактически доминируют в подавляющем большинстве литературных произведений на «британскую» тему.

Вследствие этого романы бретонского цикла, посвященные королю Артуру, стали основным средством выражения и распространения теории, как бы сопрягающей эротический накал плотской любви с рыцарскими приключениями, в которых именно любовь побуждает рыцарственного героя совершать подвиги. В этих романах можно было встретить бесчисленное множество примеров в поддержку того утверждения Жоффруа де Шарни, что воину хорошо быть влюбленным страстно (*rag amours*), ибо только такая любовь научит его стремиться к еще большим победам и почестям во славу его дамы сердца.⁴⁶ Мы уже видели, сколь мощное влияние оказывала в реальной жизни подобная комбинация представлений на участников турниров,

когда эти «маленькие войны» превращались порой в самый настоящий спектакль, связывавший реальную действительность с некими литературными образцами. Гораздо сложнее оценить ее воздействие в более широком контексте и в более суровых условиях реальной войны и политики, то есть в том мире, где об играх и спектаклях следует позабыть и где браки слишком часто заключаются отнюдь не по любви (как в романах), а согласно вполне определенным династическим соображениям. И все же источники неоднократно дают нам понять, что по меньшей мере неумно было бы полностью списывать эти куртуазные любовные идеалы как тривиальные и ничего не значившие, не пользовавшиеся никаким влиянием и являвшиеся простым литературным вымыслом. Благодаря хронистам и биографам некоторых выдающихся рыцарей мы имеем возможность взглянуть на изображенные в таких жизнеописаниях коллизии как на вполне реальные и связанные с проявлением самых естественных и весьма бурных эмоций со стороны вполне конкретных людей; и авторы этих произведений твердо убеждены в том, что именно чувства их героев, и прежде всего любовь, служили основанием для их поступков и жизненных коллизий. В таких произведениях, как и в куртуазных романах, именно чувства побуждают главного героя, рыцаря, совершать подвиги. «Если правда, - говорит автор жизнеописания знаменитого испанского героя дона Перо Ниньо, описывая любовные отношения Перо и той французской дамы, в чьем замке его принимают, - что влюбленный - это человек, ставший куда более достойным благодаря своей любви к даме сердца, то каков же должен быть тот, кто удостоен чести считаться возлюбленным Жанетт де Белленг, мадам де Серифонтэн!»⁴⁷ Автор биографии маршала Бусико говорит примерно то же: «Мы видим, что любовь побуждает людей на высокие подвиги, как то описано в историях о Ланселоте и Тристане, а порой происходит и в наши дни во Франции, когда благородные люди во имя любви совершают различные доблестные деяния - как, например, всем известные сэр От де Грансон и добрый коннетабль Луи де Сансерр^{22*}, а также многие другие.»⁴⁸ История НЗ«Chronique des quatre premiers Valois» («Хро-

ники четырех первых Валуа») о том, как вдовствующая графиня Джован Кентская, попросту говоря, соблазнила Черного Принца^{23*}, имеет безусловно ироническую окрашенность, особенно когда автор описывает, как героиня, вздыхая, объясняет, что доверила свою любовь рыцарю, доблесть которого не знает равных, и все-таки этому рыцарю хочется, чтобы она непременно сама и вслух назвала имя самого безупречного рыцаря, каковым, конечно же, является он, ее возлюбленный.^{41^} Эта история, возможно впрочем, принадлежит к числу апокрифических; с другой стороны, нет, например, смысла сомневаться в истинности рассказанной Фруассаром истории об английских рыцарях на турнире в Валансьене, которые закрывали себе один глаз повязкой, дав обет не снимать ее до тех пор, пока не совершат какой-нибудь ратный подвиг, достойный их возлюбленных; или же истории Томаса Грея о сэре Вильгельме Мармионе, любовница которого подарила ему золотой шлем с просьбой прославить этот шлем в самых ответственных и опасных сражениях, так что герой, исполняя ее волю, чуть не расстался с жизнью, едва успев выехать за стены Норхамского замка (Норэм-кас-ла).⁵⁰ Подобные мимолетные зарисовки из реальной жизни безусловно очень далеки от психологических тонкостей внутреннего мира и изысканных бесед рыцарей и дам из произведений Кретьена де Труа. В таких сюжетах основной упор делается на роль мужчины, рыцаря, на его чисто внешние достижения. Что, впрочем, ничуть не умаляет реального значения любви и связанных с ней условностей в жизни рыцарства, что мы порой можем мельком увидеть в эпизодах, подобных только что приведенным. Большинство мужчин действительно подчиняют весь свой стиль жизни и все свои достижения одной лишь цели - чтобы на них обратила внимание женщина. Куртуазная, любовная тема в рыцарской литературе связала систему ценностей воина с любовью немислимой силы, способной оказать огромное воздействие на жизнь, поступки и взаимоотношения с обществом того, кто попадал в ее сети.

Ярко контрастируя с «римскими» романами (а мы уже знаем, что и эта тема играла определенную роль в прививании этики куртуазной

любви к древу рыцарской идеологии), романы бретонского цикла изображают мир короля Артура, как мир подчеркнуто христианского рыцарства. Гальфред Монмутский, по сути дела создатель цикла о короле Артуре, рассказывает истории, столь же глубоко пронизанные традицией вооруженной борьбы христианства с язычеством, как и многие эпические поэмы эпохи Каролингов. Здесь есть как отголоски Heidenkrieg (войны с язычниками), так и элементы идеологии крестоносцев - в том, например, эпизоде, где Кретьен описывает великое сражение с саксами близ Бата, говоря, что «даже само их имя оскорбительно для Всевышнего». «О вы, осененные Святым крестом христианской веры, помните же о верности отечеству своему и соотечественникам своим, - взывает архиепископ Дубриций. - Тот, кто погибнет смертью храбрых ради ближних, принесет жизнь свою в жертву Господу и твердым шагом последует за самим Иисусом Христом... а это значит, что тот из вас, кто сложит голову на этой войне, обретет отпущение всех грехов и спасет душу свою».⁵¹ Замок Грааля Мюнсалвеше в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха охраняют тамплиеры⁵²; в анонимном романе «Перлесваус» главный герой в кульминационный момент атакует, собрав основные силы своей армии, замок, где хранится Грааль, чтобы спасти его от Повелителя замка Мортала, заставившего население страны отречься от веры Христовой.⁵³ История рыцарей Круглого Стола, по сути дела, представляет собой историю самого большого из когда-либо известных миру отрядов рыцарей-христиан; и именно это более, чем что бы то ни было другое, отличает «британскую» тему от «римской».

Это еще один способ, который при отсутствии каких бы то ни было исторических канонов позволял авторам романов об Артуре разрабатывать новую тематику, в данном случае историческую и религиозную. История о Святом Граале не только позволяла рыцарскому роману превратиться в некий источник мистицизма, связанного с христианскими таинствами, но и, как мы уже видели раньше, становилась как бы посредником, связывавшим рыцарские романы о короле Артуре и его рыцарях со священной историей христианства, изложенной в

Евангелии. Рассказ о том, как «добрый рыцарь» Иосиф Аримафейский получил от Пилата чашу, из которой Христос пил во время тайной вечери, а потом, снимая Иисуса с креста, собрал в эту чашу последние капли Его крови, и о том, как вознесшийся Спаситель посетил Иосифа в тюрьме и передал ему эту чашу на хранение, как бы непосредственно связывает романы о рыцарях Круглого Стола и поисках Грааля с кульминацией истории о Святой чаше, Страстях Господних и о Вознесении. Единство столов - стола, за которым состоялась Тайная вечеря, стола Священного Грааля, который Иосиф накрыл в пустыне, и Круглого Стола - также символизирует эту связь. Галахад, один из рыцарей Круглого Стола, родословная которого восходит то ли к Давиду, то ли к Иосифу Аримафейскому, то ли к обоим сразу, также связывает эти романы - что весьма типично и важно - через свою рыцарскую генеалогию с тем прошлым, которое описано в Ветхом Завете, подготовившим и предвосхитившим пришествие Христа, а также с событиями, описанными в Новом Завете. Вся же история в целом как бы включает в себя общие представления о независимом происхождении рыцарства и его существовании в качестве христианского сословия.

То, как именно истории об Артуре связывали обычаи и традиции средневекового рыцарского общества с обычаями и традициями библейского и античного воинства, прекрасно видно на примере одного из весьма необычных манускриптов артурова цикла, созданного в самом конце XIII века.⁵⁴ Это текст из коллекции раннехристианских манускриптов Мартина Бодмера основан на стандартной версии прозаического цикла, связанного с артуровскими легендами, именуемого обычно «Вульгатой» (или «Ланселотом-Граалем»), точнее, с теми ее частями, которые называются «*Queste del Graal*» («Поиски Святого Грааля») и «*Merlin*» («Мерлин»). В текст этих произведений переписчик умело вплел отрывки из других работ - это отрывки из версий «Романа о Трое» и «*Fait des Romains*» («Подвигов римлян»), которые он вставил туда, видимо, для того, чтобы дать читателям возможность сравнивать подвиги рыцарей Круглого Стола и античных воинов. Намек на

связь их исторических ролей был обеспечен историей (уже ставшей неотъемлемой частью цикла о Граале) о том, как император Веспасиан, вдохновленный Св. Вероникой, явился в Иерусалим, чтобы отмстить за смерть Христа, и освободил Иосифа Аримафейского из темницы. Таким образом античное рыцарство как бы помогало христианскому рыцарству обрести почву под ногами. Другим важным источником интерполяций в тексте Бодмера послужила Библия. Многое писец взял, как и следовало ожидать, из Нового Завета, поскольку именно с помощью Нового Завета история Иосифа Аримафейского и вся эта линия связывается с сюжетами цикла Круглого Стола. Но в этом тексте есть также и весьма существенные интерполяции, позаимствованные из Ветхого Завета, причем из тех его книг, которые, с нашей точки зрения, особенно важны: из книги Судей, книги Царств и трех книг Маккавеевых. Во всех этих книгах говорится о том, как воинство Израиля завоевывало и защищало Святую Землю. То, что эта история как бы естественным образом включалась в систему рыцарских понятий, нам напоминает здесь подробное изложение бесчисленных эпизодов из Библии. Постепенно становится ясно, что нам никогда не понять до конца всего смысла исторической мифологии рыцарства, если мы ограничимся тремя основными «темами», перечисленными в «Песни о саксах», ибо там была и четвертая и, пожалуй, даже более важная. Помимо примеров истинного рыцарства, которые предлагаются нам в историях о Карле Великом, о греческих и римских героях и о рыцарях короля Артура, нам необходимо взять в качестве примера также великих воителей - царя Давида и Иуду Маккавея, ибо их подвиги в той же степени стали частью рыцарской мифологии, как и все остальное.

*К -К -К

Вожди и правители, описанные в Ветхом Завете, в течение долгого времени считались образцом для воинов-христиан - в действительно-

сти еще до того, как окончательно оформилось само понятие «рыцарство». Во время древнего обряда освящения боевых знамен и мечей воинов в пример приводились Авраам и Гидеон, Давид и Иуда Маккавей.⁵⁵ Так что совершенно не удивительно, например, прочесть, что Карл Великий в так называемом псевдо-Турпине, оплакивая Роланда, называет его равным по доблести Иуде Маккавею и приносит в дар церкви двенадцать тысяч унций золота и столько же серебра за упокоение душ тех, что погибли в Ронсевальском ущелье, «и в память о Маккавеях».⁵⁶ Дама Озера (наставница Ланселота) имела в виду аналогичный пример, когда Ланселот спросил ее, существовал ли когда-либо рыцарь, обладавший всеми главными рыцарскими достоинствами и добродетелями, которые она ему перечисляла. «Да, - сказала она, - и еще до страданий Христовых. В те времена, когда народ Израиля верно служил Господу и сражался с филистимлянами и другими неверными, дабы поддержать и повсеместно распространить Его законы, таких рыцарей было немало, и среди них Иоанн Гиркан^{24*} и славный рыцарь Иуда Маккавей ..., а также другие его братья, и царь Давид, и многие другие, которых я пока перечислять не стану.»⁵⁷ И она не стала их перечислять, а непосредственно перешла к Иосифу Аримафейскому и его сюжетной линии. Нет никаких заметных разрывов и в череде Божьих воинов при переходе от эпохи Ветхого Завета к эпохе Нового Завета - во всяком случае, с точки зрения Дамы Озера.

В эпоху широкого распространения христианства, когда и был написан роман о Ланселоте, библейские истории были, разумеется, хорошо всем известны - по крайней мере в общих чертах - не только среди рыцарей, но и в других слоях общества. И тем не менее интересно узнать, что в то же время, когда, как мы видели, знания рыцарства в области античной истории чрезвычайно расширились благодаря значительному увеличению количества переводов с латинского языка на местные, параллельно был также предпринят и перевод Библии на местные языки. XII век стал свидетелем появления полного перевода Библии на французский в трех связанных между собой версиях (са-

мая ранняя из них и была использована писцом для вставок в бодмеровский манускрипт о короле Артуре). Гиарт де Мулен перевел также основанную на Библии «*Historia scholastica*» Питера Коместора.⁵⁸ Не совсем ясно, правда, какого именно читателя эти переводы исходно имели в виду: возможно, мирян, которые вступали в нищенствующие ордена - в орден доминиканцев, а также, возможно, и францисканцев - и давали соответствующие обеты.⁵⁹ В XIV веке нам уже легче узнать о тех, кто владел копиями Библии на местных языках, и в эту пору среди ее обладателей было уже немало и людей не слишком знатных - то есть простых рыцарей, в том числе и тех капитанов, которые известны нам благодаря их подвигам в англо-французских войнах; таков, например, рыцарь, сэр Мэтью Гурнэ.⁶⁰ Раньше те, кто проявлял интерес к этим переводам - или по крайней мере некоторые из них - принадлежали скорее к рыцарским кругам, а не к самым религиозным группам населения городов, среди которого связь с нищенствующими орденами была значительно более сильной. Великолепная Библия из мастерской в Акре⁶¹ была, похоже, издана по указу короля и крестоносца Аюдовика Святого. Существовали и более ранние переводы отдельных книг Библии, получившие распространение еще в конце XII - начале XIII веков, и среди них, что очень важно, книга Судей, книга Царств и Маккавеевы книги. Один из переводов книги Судей, выполненный в XII веке, был, как нам известно, подготовлен специально для рыцарей-тамплиеров, и во вступлении к нему особо подчеркивается, что благодаря этой книге можно узнать о «рыцарстве» времен Судей Израилевых и увидеть, «какая это честь - служить Господу, и как Он награждает верных Ему».⁶² Ясно, что переложение классической версии Священного Писания на местные языки было сочтено весьма полезным - наряду со всем прочим - для наставления рыцарей с самого начала их подготовки. Действительно, истории Ветхого Завета обладали в данном случае исключительной и особой уместностью, особенно в контексте крестовых походов. И совершенно не случайно Дама Озера, говоря о врагах Израиля, называет их *mescreants* (неверующие, неверные) - это то же самое слово, которым авторы постоянно

пользовались для описания неверных сарацин в текстах на местных языках. Истории о завоевании Святой Земли Иисусом Навином и о ее защите Давидом и Иудой Маккавеем были явными предвестниками - с точки зрения рыцарей XII-XIII веков - крестовых походов средневековья и способствовали определению участия в этом движении как наивысшей степени рыцарского подвига.

Иисус Навин, Давид и Иуда Маккавей - также весьма важное трио героев. Гриада, представленная в «Песни о саксах» - тема Франции, тема Британии и тема Великого Рима - весьма точна; но еще более точны три группы, в каждой из которых по три великих деятеля, то есть «комплект» из девяти знаменитейших героев, которых Жан де Лонгйон^{25*} изображает в своей поэме «Voeux siu Raon» («Обете павлина», ок.1312 г.)⁶³ (представлявшем собой новую интерполяцию в созданную им же в начале XIV века версию «Романа об Александре»). В Ветхом Завете есть три истинных героя, защитника рыцарства, говорит он: Иисус Навин, Давид и Иуда Маккавей; три героя, защитника языческих законов - Гектор, Александр и Цезарь; и три героя-христианина, три защитника Нового Завета - Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский. Так, в рыцарской литературе впервые появляются Девять Героев или Девять Бесстрашных (*Neuf Preux*), рядом с которыми в свое время выстроятся и Девять Героинь (однако симметрия здесь не совсем полная; в большей части версий этого списка все героини заимствованы из античной литературы и не представляют, в отличие от героев-мужчин, три основных Закона)/¹⁴ Эта концепция была очень сильна. Ее симметрия, одновременно поразительная и символичная, своим появлением обязана непосредственно иконографии, отразившейся в живописи, скульптуре и иллюстрациях к старинным манускриптам. Существует два великолепных изображения Девяти Героев и Девяти Героинь в иллюстрированном манускрипте «*Chevalier errant*» («Странствующий рыцарь»), принадлежавшем Томазо, маркизу Салуццо. Маркиз приказал, чтобы эти персонажи были изображены Жаном д'Ивейном и на стенах его замка в Салуццо. Мы видим изображения этих героев также и на стенах одного из

залов замка Рункельштайн, в витражах ратуши Люнебурга, в знаменитых гобеленах, заказанных Жаном де Берри; мы снова и снова встречаем этих Героев и Героинь в рассказах о недолговечном великолепии рыцарских праздников и шествий. Сочинялись стихи, их прославлявшие, и исторические трактаты, описывавшие их великие подвиги. Славные деяния Девяти Бесстрашных мгновенно обеспечили им право занимать первый круг того, что мы называли «рыцарским пантеоном».

Ничего случайного в триадах, выбранных Жаном де Аонгийоном, не было, да и концепция его отнюдь не была так уж нова. И в более ранних текстах часто приводится тот же список Героев как пример рыцарства, достойный всяческого подражания, и Филип Муске в своей верифицированной хронике середины XIII века уже предвосхитил возможность представить три основных Закона тремя героями - только его выбор пал на Гектора, Иуду Маккавея и Ожье Датчанина, героя каролингских легенд.⁶⁵ Жан де Аонгийон просто несколько упорядочил ряды Героев и установил в них большую симметрию. Но уже и это само по себе было достаточно впечатляющим. Его триады прекрасно символизируют три основные «главы» в истории рыцарства и тем самым проясняют его место и роль в широких рамках предопределенной истории всемирного христианства, как она трактовалась во времена Жана де Аонгийона. Три древнееврейских героя напоминают о том, что Ветхий Завет - это история народа, избранного Богом и служившего духовным сосудом для Его целей во имя всего человечества, а также, благодаря своему служению единому истинному Богу, проложившего путь для пришествия Спасителя. Однако же эта задача была возложена не только на евреев; язычники тоже участвовали в подготовке к принятию Нового Закона. Христос пришел как Князь Мира и в такой момент, когда римляне установили всемирное господство и повсюду установили свои порядки (разве не говорится в Евангелии, что император Август издал эдикт о том, что весь мир должен быть занесен в списки). То был мир, установленный римлянами и основанный на достижениях языческого рыцарства - троянского, греческого и римского, - и только в этом мире стали возможными стран-

ствования христианских апостолов, христианизация язычников и создание христианской церкви. Это та самая составляющая рыцарской истории, о которой напоминают нам Гектор, Александр и Цезарь, и рассказ о последнем отнюдь не является в этой истории заключительным. Именно Веспасиан и его римские рыцари отомстили за смерть Христа, а после обращения в христианство императора Константина I Великого Римская империя и христианский мир стали понятиями почти тождественными. Таким образом, христианское рыцарство - это плод соединения двух старинных традиций - языческого рыцарства, которому Господь приказал (*ordained*) править миром и поддерживать в нем покой и порядок, и рыцарства библейского, которому Он приказал охранять святыне и защищать Веру избранного Им народа. Три христианских Героя представляют войско Его новых избранных - народа и христианского государства, - миссия которых является производной от более ранних традиций, а именно: поддержание установленного Им мира, распространение Его Закона и охрана принадлежащих Ему Святым мест. Эти три Героя занимают место трех основных культовых фигур христианского рыцарства, то есть того сословия, земные функции которого более остро и точно, чем любая из более ранних традиций, отражают вечную и всемирную борьбу Бога и Его ангелов с силами тьмы, мятежа и святотатства.

Сопоставление трех библейских и трех античных Героев с главными персонажами произведений на «французскую» и «британскую» темы придает роли рыцарства во всемирной истории и его корням определенную перспективу и глубину - в том смысле, как это соответствует своему времени. Но третья фигура последней триады, стоящая рядом с Карлом Великим и Артуром, безусловно заслуживает отдельного разговора; это Готфрид Бульонский, завоеватель Иерусалима^{26*}. В одной из предыдущих глав уже кое-что говорилось о том, как была создана легенда о нем и как в этой легенде сплелись воедино исторические факты 1-го Крестового похода и выдающихся побед Готфрида с волшебной сказкой о куртуазной любви, в которой чудесные события интерпретировались как указания на божественную миссию пред-

ков Готфрида.⁶⁶ Эта история, совершенно очевидно, была аналогична другой чудесной истории - о божественной миссии рода Хранителей Грааля, к которому принадлежали и Иосиф Аримафейский, и Король-Рыболов, и Персеваль, и Галахад. В рамках универсальной миссии рыцарства, которая во всех отношениях могла ассимилироваться с идеей крестового похода, Готфрид, по всей видимости, имел полное право находиться рядом с двумя другими христианскими героями (из числа Девяти Бесстрашных). Его место среди них было важно и по еще одной причине. В системе понятий начала XIV века, когда писал Жан де Аонгийон, Готфрид был, можно сказать, совсем еще новичком в тесном кружке *Neuf Preux*. И более остальных символизировал то, что история всемирной божественной миссии рыцарства еще только пишется, а миссия рыцарства совершенно необходима и очень современна и нет причин считать все «места» в этой девятке, т.е. в первом круге рыцарской чести, уже занятыми.

Култ Девяти Бесстрашных, таким образом, служил прямым посланием всему рыцарскому миру. И в этом отношении существенно, что в составивших эпический цикл Готфрида, то есть «Рыцаря с Аебедем», манускриптах отнюдь не ставится точка на завоевании Иерусалима. В некоторых из них даже предпринята попытка довести историю крестовых походов до середины XIII века. Собственно, там, где речь идет только о походе на Иерусалим, история и должна была бы остановиться: тема крушения государства крестоносцев вряд ли могла породить новых Бесстрашных. А вот другие произведения вполне были на это способны. Во Франции, например, великий полководец Дю Геклен (Дюгеклен)^{27*} был провозглашен Десятым Героем.⁶⁷ Шотландцы требовали признать Десятым Героем Роберта Брюса^{28†} 68 ДВТОР «*Chemin de vaillance*» («Путь доблести») (Жан де Курси?) ввел в компанию Девяти Бесстрашных не только целую толпу античных героев (Геркулеса, Ахилла, Ясона, Сципиона), но также и небольшую группу своих современников, включая опять же Дю Геклена и вместе с ним Ауи де Сансерра и Хьюго (Гуга) Калверли Английского.⁶⁹ Что касается Жанны д'Арк, то ее поклонники заявля-

ли, что она имеет полное право стоять на одной ступени с девятью античными героинями.⁷⁰ Девять Героев выразительно и даже нарочито символизировали то, что история рыцарства еще не завершена и только создается, а также напоминали людям о прекрасных примерах прошлых лет.

Каждая триада героев и каждый герой из девяти могли научить чему-то особенному, имели некое особое приложение. Гектор, например, считался выдающимся воином Троянского периода, от которого многие франкские воины упорно выводили свою родословную, а Александр Македонский служил примером особой щедрости. Карл Великий был великим защитником христианства; история его жизни свидетельствовала о роли франков как нового избранного Христова воинства, и эта роль была блестяще сыграна благодаря подвигам Готфрида Бульонского. Общая цель культа Девяти Бесстрашных сводилась к тому, чтобы дать самые яркие примеры последовательности и правдивости исторической мифологии рыцарства и в то же время подчеркнуть важность того, что Кретьен де Труа вынужден был сказать о рыцарстве и образовании, а также - что достижение превосходной степени и в том, и в другом должно идти параллельно. Фигуры Девяти Героев, исполненные в камне, вытканые на гобеленах или изображенные на витражах, действительно могли мгновенно довести эту мысль до сознания, однако для полного понимания ее глубинной сути требовалось знакомство с широким кругом взаимосвязанных литературных произведений - религиозных, куртуазных и исторических: клирики (то есть люди образованные, имеющие ученую степень) оказались востребованными не меньше, чем рыцари. Великих рыцарей прошлого можно было сделать вполне узнаваемыми, поместив их в знакомую ситуацию или «отыскав» их гербовые эмблемы и боевые знамена, однако чтобы как следует почувствовать вкус и значение подобной символики, требовалось знание не только историй об этих героических личностях, но и о той системе ценностей со всеми их оттенками, которая в этих историях отражалась. И тут снова потребовались образованные клирики. Благодаря созданию собственной независимой исторической

мифологии рыцарство обрело и собственные права как культура - и не только литературная, но и научная. И чтобы поддержать эти свои права, рыцарству понадобились не только мечи воинов, но и перья клириков, и знания экспертов в различных областях науки о рыцарстве. Рыцарь, даже вполне образованный, не мог и надеяться превзойти всю премудрость, касающуюся корней и функций своего сословия: ему нужны были профессиональные интерпретаторы. Так был подготовлен путь для расцвета той общественной группы, которую составляли настоящие специалисты в области рыцарства, жрецы его светского культа. И в следующей главе мы рассмотрим, хотя бы частично, вопрос о том, как появились герольды, исполнившие эту роль. А также увидим примеры того, как богатство знаний и уровень эрудиции, являвшиеся основными инструментами деятельности герольдов, помогли им сделать рыцарство - в его внешних проявлениях, в его обрядах и церемониях, становившихся все более пышными, - существенно более привлекательным и изысканным по форме; причем, следует отметить, в изысканности этой отразилась вся сложность и многослойность литературного наследия, обретенного рыцарством задолго до того, как герольды вступили в свои права.

Примечания переводчика

****** «Песнь о саксах» (или «Саксы») - поэма из так называемой «Королевской жести», где рассказывается о родителях Карла Великого - Пипине Коротком и Берте Большеногой - о его детстве и юности и о его походах. Поэма «Саксы» датируется концом XII в. и написана аррасским трувером Жаном Бодслем (ок.1165-1210); она повествует о войне Карла Великого с вождем саксов Витикингом (Гвитеклином), причем саксы изображаются здесь как последователи ислама.

Имеется в виду поэма «Рауль де Камбре», датируемая последней четвертью XII в. В ней, в частности, рассказывается о том, как молодой Рауль де Камбре безжалостно борется за право владеть своим фьефом (графством Вермандуа, обещанным ему Людовиком) и воюет с четырьмя

наследниками графа Вермандуа, затем гибнет, и его племянник Готье начинает войну уже с теми, кто мстит за погубленных Раулем людей.

Поэма «Гарен Лотарингец» датируется XIII в. и приписывается некоему Жану де Флажи; в ней рассказывается о восшествии на престол Пипина и о его попытках примирить враждующих лотарипгцев и бордосцев, а также о том, как Пипин, по сути дела, отнимает невесту у Гарена, к которому благоволит, и сам женится на ней.

^{4*} Эйке фон Репкгов (ум.ок.1233 г.) - немецкий рыцарь, автор «Саксонского зеркала» (свод обычного права).

Один из главных героев «Песни о Роланде», епископ Турции, погибает вместе с Роландом и Оливье в Ронсевальском ущелье; однако Турпин был также вполне реальным историческим лицом, архиепископом Реймса.

^{6*} Амбруаз д'Эвре, вт.пол.XIV в., англо-норманский поэт и хронист, сопровождал Ричарда I в Третьем крестовом походе в качестве менестреля. Создатель «Estoire de la guerre sainte» («Истории Священной войны»), поэмы в 12 тыс.строк, представляющей собой ценный исторический источник.

^{7*} Поэма из «Королевской жести», датируется вт.пол.XIV в. и в комическом духе повествует о путешествии Карла Великого и его 12-ти пэров в Константинополь и Иерусалим.

^{8*} Уолтер Ман, 1140-1209, англо-норманский церковный писатель, сатирик, автор сб.эссе, анекдотов и поучений «De nugis curialium». Гираут де Барри (Джеральд Уэльский), 1146-1223, архидиакон Брекнока, историк, ярый противник англо-норманской власти над церковью Уэльса.

^{9*} Пересказы Гомера, на которых Бенуа де Сент-Мор основывал свой роман, были выполнены Даресом Фригийским и Диктисом Критским; Дарес Фригиец, жрец из храма Гефеста в Трое, упомянутый в «Илиаде», считался автором догомеровской истории Троянской войны; Диктис Критский - якобы участник осады Трои и автор описания этой осады.

^{10П} Один из основных памятников начального этапа развития французского куртуазного романа, датирован сер.XII в., восходит к хорошо известной в средние века латинской поэме Публия Папиния Стация (ок.40 г.н.э.), прославившегося своим эпосом «Фиваида», рассказывавшем о походе Семых против Фив.

^{11*} Видимо, имеется в виду обширная прозаическая компиляция нач.XIII в. «Древняя история вплоть до Цезаря», включившая в себя, в частности, переработки «Романа о Фивах» и «Романа о Трое».

Maḥound (то есть Moḥammad), что звучит, как «Мехунд», а это слово у древних шотландцев обозначало «сатану».

^{13*} «Эней» или «Роман об Энее» - произведение, которым открывается «время Кретьена» и из которого сам Кретьен много заимствовал, - пред-

ставляет собой подробный и точный пересказ «Энеиды» Вергилия; анонимный автор «Энея», какой-то нормандский клирик, был, по всей видимости, связан с окружением Генриха II Плантагенета и Альеноры Аквитанской.

[№] Скорее всего имеется в виду историческая поэма Аннея Лукана (39-65 гг.н.э.) «Фарсалия», или «О гражданской войне», в которой описана война между Цезарем и Помпеем, и комментарии Цезаря к «Запискам о галльской войне» и «Запискам о гражданской войне».

'О по ре Боне, ок.1340-1410, французский писатель, доктор канонического права, автор трактата по военному праву «Древо сражений» (*Arbre des batailles*), посвященного Карлу VI; бенедиктинец, приор Селонне (Прованс). Кристина Пизанская, ок.1363-1429, французская поэтесса родом из Италии, автор биографии Карла V Французского, защитница прав женщин и женской чести, воспевавшая старые идеалы рыцарской верности в любви.

^[71] Джованни (Иоанн) ди Леньяно (ум. в 1383 г.), итальянский политический писатель, оказавший значительное влияние на Оноре Боне.

^{17*} Имеется в виду «Книга деяний маршала Бусико», романизированная биография Жана II ле Менгра, маршала Бусико (1364-1421), маршала Франции, военного и государственного деятеля, мецената.

Филипп де Мезьер, 1327-1405, французский публицист, поэт, политик и общественный деятель, последний проповедник крестовых походов, создатель ордена Страстей Господних.

¹⁹⁴ Св.Гильд (Гильдас, Жильда), ум. в 570 г., англо-саксонский историк, описавший завоевание Британии англами и саксами в VI в.; в его работах также содержится наиболее раннее упоминание о короле Артуре. Ненний (ум.ок.800 г.), уэльский собиратель и хранитель древностей; между 796 и 830 гг. составил или переписал «*Historia Britonum*», собрание легенд и топографических сведений о населении и завоевателях Британии; это также одно из самых ранних упоминаний о короле Артуре.

⁻⁽¹⁾ Поэтесса XIII в.; имеются в виду ее знаменитое «Лэ о жимолости», самое древнее из известных нам произведений о Тристане и Изольде, и лэ «Элидук». Многие лэ этой писательницы послужили основой для средневековых рыцарских романов.

^{21A} Роман «Клижес» написан ок.1176 г. и занимает особое место в творчестве Кретьена де Труа, считаясь началом «реалистического направления» в куртуазной литературе.

От де Грансон, прославленный французский рыцарь и поэт, погибший на поединке чести от руки своего обвинителя в 1397 г.; Луи де Сансерр, сер.XIV в.-1402 г., маршал, а позднее Коннетабль Франции.

^{23*} Эдуард, принц Уэльский по прозвищу Черный Принц, 1330-1376, герцог Аквитанский, старший сын Эдуарда III, короля Англии.

Иоанн Гиркан - «храбрый муж», брат Иуды Маккавея.

* Жан де Лонгийон, французский трувер конца XIII - начала XIV вв.; в книге И.Хейзинги «Осень средневековья» (с.76) он, правда, именуется ?Каком.

^{26*} Гот(т)рид Бульонский, 1060-1100, герцог Нижней Лотарингии, один из руководителей Первого крестового похода, избранный королем Иерусалимского королевства с 1099 г.

^{27*} Бертран Дю Геклен (Дюгеклен), 1314-1388, французский полководец, Коннетабль Франции, провозглашенный поэтом Эташем Дешаном десятым Героем в числе Бесстрашных, что было одобрено Людовиком Орлеанским, который велел выставить портрет Дю Геклепа в большом зале замка Куси.

^{28*} Роберт I Брюс, 1274-1329, шотландский король, в 1314 г. разбивший английскую армию при Баттоклелло, а в 1328 г. добившийся от Англии признания независимости Шотландии.

Глава VII

ГЕРАЛЬДИКА И ГЕРОЛЬДЫ

Возникновение геральдики и ранняя история герольдов - изначально отдельные предметы исследования. Геральдика, которую можно определить как систематизированное использование наследуемых гербовых эмблем на щите рыцаря или дворянина, начала следовать установленным правилам к концу XII века. И хотя в текстах XII века уже можно найти немногочисленные и разрозненные упоминания о герольдах, на этом этапе пока еще совсем не ясно, что геральдика - в указанном выше смысле - уже стала их основным занятием. До конца XIII века положение герольдов в обществе и их функции сколько-нибудь точно определить нелегко, и, по сути дела, до XIV века мы не имеем о них четкого и ясного представления. А уже с этого времени геральдика действительно становится их основным занятием. Именно по этой причине рассмотрение вопросов о происхождении и предназначении геральдики является необходимой преамбулой для исследования того вклада, который герольды сделали в историю рыцарства.

В войсках издавна использовались различные знаки и эмблемы, необходимые для того, чтобы распознавать своих и чужих на поле боя. Геральдика, видимо, и появилась в средние века, отвечая этой, вполне конкретной потребности. Когда в результате развития оружия и доспехов средневековый конный воин оказался с головы до ног защищенным кольчужным панцирем и цельнокованым или кольчужным

шлемом, полностью закрывавшим его лицо, со всей остротой встала проблема распознавания отдельного воина в melee (гуще схватки). А с позиций рыцарства эта проблема была особенно остра в отношении вполне конкретных случаев, а именно: во время турнира, когда чрезвычайно важно знать, кого именно тебе удалось выбить из седла и, вероятно, удастся объявить своим пленником; кроме того, особое значение на турнирах придавалось тому, насколько успешно тот или иной рыцарь выступает на ристалище, и судьям, а также зрителям было совершенно необходимо иметь возможность отличать участников состязаний друг от друга. Так возникли специальные изображения на щитах, которые в прошлом служили просто для украшения, а теперь уже стали выступать как знаки отличия. Кретьен де Труа (в «Рыцаре Телеги») замечательно изображает рыцарей, которые, сами не участвуя в большом турнире, проходившем между Ноазом и Помлеглуа, указывают королеве и ее фрейлинам, на кого из участников следует обратить внимание:

«Видите вон того рыцаря, с золотой каймой на червленом щите? Это Говерно де Робердик. А другого заметили? У которого на щите дракон рядом с орлом? Это сын короля Арагона; он прибыл в эту страну в поисках славы и почестей. А там, рядом с ним, еще один - видите, как он великолепно атакует и какие прекрасные удары наносит копьём? Он носит щит, на одной части которого леопард на зеленом поле, а второе поле - лазурное. Это Игнор, любимец дам и весельчак, прославившийся своими любовными подвигами. А вон тот, у которого щит с двумя фазанами, касающимися друг друга клювами, Когийян де Мотирек».¹

Как красноречиво свидетельствует этот отрывок, требования, возникавшие при проведении турниров, в значительной мере привели к использованию конкретных личных эмблем в качестве знаков для распознавания рыцарей.

Геральдические знаки, которые сперва изображались на щите, вскоре стали появляться и на одежде рыцарей, и на пополах их коней, а также на их печатях, на их гробницах и памятниках. И постепенно их стали

воспринимать как нечто большее, чем просто чей-то отличительный знак. В истинной геральдике изображения на щитах являются не просто знаками, а наследственными эмблемами конкретных родов и семейств; кроме того, существуют определенные и четко прописанные правила о том, каким образом эти эмблемы должны быть расположены и изображены на щите. А потому щиты нормандских рыцарей на гобеленах Байо, украшенные изображениями геометрических фигур и животных, строго говоря, еще нельзя назвать геральдическими, ибо нет причин считать, что они действительно представляют собой геральдические знаки.² Данные, относящиеся к началу XII века, дают возможность предположить, что щиты в этот период украшались различными изображениями еще до того, как попадали к будущим владельцам. Описанный хронистом Жаном из Мармутье обряд посвящения в рыцари Жоффруа Красивого свидетельствует о том, что к 1128 году использование подобных знаков уже становилось несколько более систематизированным, что представляло собой важный шаг в развитии геральдики. Как следует из этого описания, на шее Жоффруа висел щит с изображением золотых львят на лазурном поле.³ На глазурованной плите, положенной на могилу Жоффруа в 1152 году, мы видим тех же самых львят - шестерых, на лазурном поле. Сын Жоффруа, Гийом, имел на своем щите всего одного льва, а его незаконнорожденный внук Гийом (Уильям) Солсберийский носил те же знаки, что и сам Жоффруа - шесть львят на лазурном поле. Таким образом, лев, видимо, становился уже отличительным знаком Анжуйского дома, чем-то вроде гербовой эмблемы, используемой в истинно геральдическом смысле.

Появление примерно в тот же период (в середине XII века) гербовых геральдических знаков на печатях еще более явственно свидетельствует о развитии тенденции наследственного использования тех или иных конкретных изображений. Шахматный (клетчатый) герб графов Мелан появляется на печати графа Валерана де Мелан, которая датируется примерно 1136 годом; тот же герб имеется на двух печатях его дяди по матери, Ральфа де Вермандуа (ок. 1135 и

1146 гг.); такие же шахматные гербы носили и потомки обоих родов, Вермандуа и Мелан. Снопы пшеницы изображены на печати графа Ангерана де Кандавена (между 1141 и 1150 гг.); на щите и конской попоне конной статуи Ансельма де Кандавена и на его печати (1162 г.); а также на печати Юга (Гуга) де Кандавена (1223 г.) - мять пшеничных снопов, расположенных в форме креста. Вельфский лев⁴ появляется на печати герцога Саксонии и Баварии Генриха Льва в 1144 г., а также на печати его родственника Вельфа Тосканского в 1152 г.⁴ Но на этой стадии - то есть в XII веке - мы наблюдаем еще только самое начало данной тенденции; многие семейства и тогда, и позднее, в XIII веке, что можно легко доказать, использовали обычно более одной гербовой эмблемы или же меняли ее в зависимости от собственного желания (иногда это было признаком унаследования нового феода или установления нового родства в результате брака, но чаще, видимо, за этим не стояло ничего, кроме обычного каприза). И тем не менее, тенденция уже просматривалась, и начиная примерно с 1140 года мы постепенно входим в мир истинно геральдического использования гербовых эмблем в самом строгом смысле этого слова.

Самые ранние примеры использования геральдических фигур знакомят нас лишь с ограниченным числом знатных семей - с теми знатными семьями, богатство и значительные земельные владения которых существенно отличали их от остального рыцарства. И действительно, самые ранние упоминания о гербах заставляют предполагать, что имела прямая связь между правом на герб и наследственным владением феодами и замками и что даже на поле брани лишь те, кто владел поместьями и вел за собой собственный отряд, носили индивидуальные фамильные гербы.⁵ Первые геральдические книги - «гербовые свитки» (французские и английские гербовники XIII века и немецкая *Clirearius teutonicorum*) - регистрируют гербы только самых крупных представителей знати и рыцарства, но отнюдь не любого дворянина, стоящего на более низкой ступени социальной иерархии.⁶ Однако уже в XIII веке наблюдаются заметные перемены. Теперь печати с гербами начинают значительно шире использовать и оруже-

носцы, а также те дворяне, которые хотя и происходят из рыцарских семей, но лично в рыцари не посвящены. В Германии в конце этого столетия появился знаменитый Кодекс Манассии (*Grosse Heidelberger Liederhandschrift*, или «*Codex Manesse*») с великолепными иллюстрациями, на которых изображены поэты и миннезингеры в расшитых гербами «коттах» (т.е. узком длинном платье) и с пышными боевыми «крестами» (т.е. шлемовыми эмблемами) на шлемах, а также много других людей в одеждах с геральдическими знаками, которые, видимо, принадлежат к более низкому слою рыцарства или к служилому сословию.⁷ В Цюрихском гербовнике (ок.1335 г.) также описывается множество гербов на одежде служилых людей⁸, и ясно, что ко времени создания этой геральдической книги оруженосцы в Англии и Франции уже стали восприниматься как лица, имеющие право на герб. В «Кодексе Манассии», кроме того, не только запечатлены гербы поэтов, но и сами поэты изображены за любимыми занятиями - вооружающимися перед турниром, принимающими награду за победу в состязаниях - или же в обществе дам, чью красоту они воспевали. Иллюстрации Кодекса - это не просто перечень гербов отдельных лиц, но и свидетельство устремлений, а также культуры в целом тогдашнего аристократического общества.

В приведенной выше хронологии развития данной тенденции можно увидеть отражение того процесса, отмеченного ранее, который начиная с конца XII века сводил вместе людей, стоявших на разных полюсах аристократического общества - высшую знать и простое рыцарство - и ковал между ними прочную связь, основанную на идеалах покровительства, с одной стороны, и преданной службы - с другой. Гербы иногда представляют собой как бы символические свидетельства того, насколько прочными были подобные связи. Так, в Германии мы постоянно сталкиваемся с тем, что фамильные гербы министерялов являются производными от гербов тех представителей знати, на службе у которых изначально находились первые носители таких «министеряльных» гербов. Например, гербом епископов Страсбурга был «шеvron серебряный на червленом поле»; и гербы семейств фон Блюмен-

тпу, фон Раймболделин и фон Рюмельнхайм (все они служили при дворе епископа) имели те же знаки, но с дополнительными фигурами (чтобы отличать их гербы от герба епископа) - соответственно, лазурный турнирный воротник («титло»), цветок лилии и золотой турнирный воротник.⁹ Точно таким же образом в Англии мы видим целые группы кентских семейств, все члены которых служили аристократическому роду Кириелл из графства Кент, причем все гербы этих семейств являются различными вариантами производных от герба Кириеллов; почти такая же картина наблюдается среди некоторых васалов знаменитого английского рода Клэр.¹⁰ Следует отметить, что тот период времени - чуть позже 1200 года - когда мы начинаем обнаруживать свидетельства того, что мелкие рыцарские семейства устанавливают свое право на герб, совпадает с началом использования представителями этих семейств в применении к себе обращения «мессир»; они также начинают подражать - в меру индивидуальных возможностей, разумеется, и желая как можно лучше украсить свои поместья - настоящей замковой архитектуре.¹¹ И это, разумеется, практически тот же период времени, когда принимает определенные формы литературная культура рыцарства, формировавшаяся при дворах крупных аристократов; блеск этих дворов привлекал и сводил вместе высородженых и мелких представителей благородного сословия, объединяя их в общество светского воинства.

Иными словами, геральдика, изначально служившая целям исключительно крупной феодальной знати, со временем превратилась в символ гордости своим происхождением, положением в обществе и принадлежностью к высокому культурному уровню для всего благородного сословия в самом широком смысле этого слова. И действительно, по мере того как в позднее средневековье ряды этого сословия пополнялись за счет других людей, не рыцарей - оруженосцев, просто людей благородного происхождения («джентльменов»), воинов, немецких представителей *Rittermassigkeit* (мелкого рыцарства) и даже членов городского патрициата - право иметь собственный герб в итоге исполнилось такого значения, что стало едва ли не важнее самого посвяще-

ния в рыцари в качестве ключевого момента для допуска в узкий волшебный круг избранных. Там, где читали и слушали романы о рыцарственных личных качествах героев и об истинно куртуазной любви, там, где собирались толпы, чтобы полюбоваться поединками или турнирами, там, где потомки с гордостью перечисляли славные подвиги и союзы своих предков, просто не могло не произойти того, что геральдика в итоге превратилась в науку, и весьма для этого общества важную. Подобное развитие событий постоянно побуждало тех, кто этой наукой занимался, привносить в систему геральдических цветов и фигур новую и самую разнообразную символику и, как бы читая историю рыцарства задом наперед, переносить свою науку в рыцарское прошлое, делая его при этом таким, каким они его себе представляли. Тем самым они постепенно превращали геральдику в обширную область светских знаний, каковой она в конечном итоге и стала в период своего расцвета, то есть в позднее средневековье.

А статья таковой геральдика смогла потому, что ее основное искусство - искусство «блазонирования», то есть составления и описания геральдических гербов, - очень рано обрело вполне определенную систему. И если одним отличительным свойством настоящей геральдики как дисциплины в истинном смысле этого слова было право наследования герба, то другим таким ее свойством было установление строгих правил расположения и описания геральдических знаков на гербовом щите (правила эти и до сих пор действительны для геральдической науки). Таким образом, вся «тинктура герба» (цвета, металлы и меха), используемая в геральдике, была ограничена следующим: пятью цветами (финифтями) - Аазурь (синий), Гюльз (червлёный, алый), Верт (зелёный), Траур (чёрный) и Пурпур (пурпурный) [соответственно - *azur*, *gules*, *vert*, *sable*, *purpur*]; двумя металлами - Ор (золото) и Аржент (серебро) [соответственно *or* и *argent*]; и двумя мехами - горностаевым и беличьим [соответственно *ermine* и *vair*]. Использование в геральдике французской терминологии - одно из доказательств значительного влияния на нее французской моды на раннем этапе развития рыцарства. Вскоре возникли и другие правила, например, запрещаю-

щие накладывать как один цвет на другой, так и один металл на другой. Простейшие элементы герба (т.н. «составляющие герба» или гербовые фигуры) - это геометрические фигуры, изображаемые на нем - такие, как Глава (*chief*, т.е. верхняя часть щита), Фесс (*fess*, переключина щита, т.е. горизонтальная полоса на нем), Шеврон (*chevron*, т.е. угол), Пояс (он же Полоса или Перевязь, *bend*, диагональная полоса от левой верхней части герба) и Граница или Столб (*bar*, т.е. вертикальная полоса на щите), - стали четко определять и ограничивать в количестве. То же самое произошло в отношении изображений птиц и животных, которые принимались как собственно геральдические, а также других фигур, обычно используемых в геральдике, таких, как *garb* (сноп пшеницы или ржи), *manche* (рукав женского платья как символ, обладавший столь разнообразными значениями в мире куртуазной любви) и т.д. Со временем были введены точные правила не только использования геральдических фигур, но и способ описания гербов («блазонирование»): так, цвет поля щита указывается первым, затем описывается основная фигура, затем дополнительные фигуры и под конец - признаки различий, такие, как указание на старшинство в роду (например, изображение узкой полосы с тремя ответвлениями вниз - «титло» - является в гербе указанием на старшего наследника в семье). Таким образом, герб, например, Жоффруа Красивого можно блазонировать следующим образом: «шесть золотых львят на лазурном поле». Подобные правила устанавливаются достаточно рано. И уже в самых ранних гербовниках герольды неукоснительно им следуют - например, в английском *Glover's Roll* (предположительно 1255 г.) и французском *Bigot Roll* (предположительно 1254 г.).¹² Эти правила подробно разъясняются в самом раннем из дошедших до нас трактате по геральдике - анонимном *De Heraudie*, который мог быть написан достаточно рано, в конце XIII века.¹³ В этом трактате терминология геральдики при описании гербов представляется уже вполне развитой, однако признаки устойчивой геральдической терминологии можно заметить гораздо раньше. Уже около 1160 года Бенуа де Сент-Мор в своем «Романе о Трое» при описании щитов героев

Троянской войны придерживается вполне конкретных терминов, обозначающих геральдические финифти (цвета) и фигуры, и термины эти впоследствии обретут окончательную устойчивость; так, например, герб Троила - это лазурные львята на золотом поле, а в гербе его незаконнорожденного брата Сесилианора (Цецилианора) имеется лазурный пояс на золотом поле. Что же касается греков, то здесь, как мы видим, герб Пирра весьма похож на герб его отца Ахилла.¹⁴ Представляется, таким образом, что правила расположения геральдических фигур и описания гербов начали развиваться и оформляться почти сразу после того, как гербы стали воспринимать как наследственные. Именно эти два явления, собственно, и сделали в итоге геральдику научной дисциплиной, способной дать вполне адекватное толкование и описание изучаемых ею предметов, как, например, то, которое мы видели в трактате *De Heraudie*.

Следовало ожидать, что право на обладание гербом должно было бы стать одним из тех принципиальных вопросов, которые очень рано подверглись строгому регулированию, но это оказалось не так. В целом, право на герб на протяжении всего средневековья рассматривалось, видимо, аналогично тем законам феодального права, которые регулировали наследование феодалов, однако четкие правила геральдики были сформулированы довольно поздно. В английском трактате по геральдике «*Boke of St.Albans*» (1486 г.) указывается четыре основания, согласно которым можно иметь право на герб: наследование герба; владение конкретным феодалом или обладание конкретной должностью; получение герба от знатного сеньора или правителя; или же, наконец, присвоение герба, отнятого у врага силой на поле брани.¹⁵ По последней категории в средневековье имеется очень мало примеров, и практически все они связаны с более поздней эпохой - самый ранний из известных мне относится к XV веку: это декларация Черного Принца по поводу того, что он имеет право носить герб Франции, поскольку захватил в плен французского короля Иоанна Доброго в битве при Пуатье.¹⁶ Случай, который как будто является самым ранним примером пожалования герба титулованным властителем, тоже

относится к более позднему периоду, чем можно было бы ожидать: это пожалование герба императором Людовиком IV Баварским в 1338 году. Случаи получения гербов от королей и принцев становятся, впрочем, вполне обычным явлением еще до окончания XIV века. Однако уже в XV веке становится ясно, что многие берут себе гербы по собственному желанию, без разрешения властей, и по этому поводу совсем не всегда возникают конфликты. «В нынешние времена, - писал английский легист Николас Аптон, - мы воочию убеждаемся, как многие бедные люди благодаря верной службе во время войн во Франции были возведены во дворянство... и как многие из них самовластно взяли себе гербы, желая носить их, а потом передать своим потомкам».

Аптон в своих рассуждениях следовал доктрине великого итальянского юриста Бартоло да Сассоферрато, которую не видел причин оспаривать. В своем знаменитом трактате «*De insigniis et armis*» («Трактат о знаках и гербах», ок.1350 г.) Бартоло писал, что человек волен взять себе герб, чтобы отличать от других себя и свою семью, точно так же, как берут фамилию (при условии, что право человека, которому герб пожалован кем-либо из правителей, всегда должно быть предпочтительнее прав того, кто взял себе герб по собственному желанию, даже если последний и пользуется гербом значительно дольше).¹⁹ Очень раннее появление в геральдике «говорящих» гербов - то есть основанных на игре слов, в которой фигура на щите «говорит» о фамильном имени владельца, - лишний раз подтверждает точность наблюдения Бартоло, ставившего на одну доску право на герб и право на фамилию. Именно таким образом на печати Ришара де Люси в XII веке (между 1135 и 1154 гг.) появляется шука (*luce*), а на щите сэра Джона ле Ботилера в XIII веке появляется чаша виночерпия (*butler*).²⁰ Ранняя германская геральдика полна таких «говорящих» гербов. Например, в Цюрихском гербовнике (ок.1335 г.) мы обнаруживаем, что в гербе семейства Хельмсховен изображен золотой шлем (*helm*) на червленом поле, у рода Аффенштайн серебряный щит с изображением червленной обезьяны (*affe*), разбивающей камень (*stein*),

а у Ота ден Ранда - репа (rande) на черном поле - редкий, даже, пожалуй, уникальный случай использования столь прозаического овоща в качестве геральдической фигуры.²¹ Фигуры такого рода явно были намеренно выбраны семействами, носившими эти гербы, поскольку очень подходили к их фамилиям, которые воспринимались как символы единства рода.

В основе «говорящих» гербов - игра слов, связанная с фамилией; но фигура на щите могла иметь и более скрытое, символическое значение, и это, в частности, свидетельство того, как ученость и знания пробивают себе путь в геральдику, подобно тому как они уже отыскивали путь во многие другие сферы рыцарских традиций и воззрений. Чтобы герб подошел владельцу, требуются и знания, и смекалка. Так, например, Аптон раскрывает тайный смысл герба с изображением трех куропаток, который граф Солсбери пожаловал «некому джентльмену» (автор не указывает имя) после того, как тот был возведен во дворянство за храбрость на поле боя. Солсбери или его советник (почти наверняка это был сам Аптон) отыскивали в одном из «Бестиариев» историю о том, что куропатки славятся своими необычными и нетрадиционными сексуальными вкусами и привычками: например, самец нередко залезает на самца; следовательно, «наличие куропаток в гербе означает, что его первый носитель - либо большой лжец, либо содомит».²² Цвета на геральдическом щите, так же как и фигуры, могли иметь символическое или аллегорическое значение. В XV веке ученые герольды умели объяснять символическую связь геральдических цветов и рыцарских добродетелей: золотой означал благородство; червлёный - храбрость; лазурь - верность; пурпур - щедрость.²³ Эта система вместе с аналогичной системой связи цветов с драгоценными камнями, планетами и днями недели появилась позднее. Но находились и такие, кто уже в начале XIII века придерживался практически такой же системы, как это явствует из описания гербов, которое приводит Гуон де Мери в своей аллегорической поэме «Турнир антихриста» (ок.1220 г.), где мы встречаем, например, Ивейна со щитом «разделенным на два поля - любовь и смелость - на котором

изображен львенок, означающий храбрость, и раскрытые ладони, означающие щедрость».²⁴ Стремление сделать из герба нечто большее, нежели просто отличительный знак, выразить в нем свою гордость верной службой, боевыми успехами и фамильными связями, воплотить в символике герба особые достоинства его владельца - все это было заметно с самого начала.

Герб мог также быть составлен с тем, чтобы указывать на конкретное историческое событие. Например, нарушение правил блазонирования при составлении герба королей Иерусалимских, в котором металл был наложен на металл (золотой крест-«потент», он же антониевский четырехчастный, и четыре золотых же малых креста на серебряном поле), как полагали в более поздние времена, было допущено преднамеренно: эти знаки были дарованы Готфриду Бульонскому его соратниками, когда он был избран первым королем Иерусалима; считалось также, что если кто-нибудь впоследствии станет выяснять причины неправильного блазонирования, то им напомнят о великом триумфе христианского рыцарства при завоевании Святого Города в 1099 году²⁵ (в 1099 году, конечно же, еще не существовало четких правил блazonа, и вся эта история является более поздним вымыслом). Изображение цепей в гербах нескольких наваррских семейств - Сунигас, Муньос и Аррикавалес - точно так же должно было напоминать о роли их предков в крупном победоносном сражении короля Санчо Сильного с мусульманами при Лас Навас де Голоса (1212 г.), когда наваррские рыцари первыми прорвались сквозь цепи, которыми был огорожен неприятельский лагерь.²⁶ Представители семейства де Куси, в течение долгих лет с гордостью вспоминавшие о той роли, которую сыграл их предок Тома де Марль в Первом крестовом походе, утверждают, что их герб с изображением беличьего меха на червленом поле запечатлел именно тот подбитый мехом красный плащ, который этот «*Bege de Marie*» разрезал на части и роздал своим товарищам в качестве опознавательных знаков, когда их внезапно атаковали турки и они оказались без своих расшитых гербами плащей.²⁷ В книге Жака дАмрикура «*Le Miroir des nobles de Hesbaye*» («Зерцало дво-

рянства Эсбе») собрано огромное количество подобных историй, по большей части, вероятно, менее апокрифических (точнее, о менее знатных семействах, чье прошлое невозможно было с такой легкостью и до такой степени прославить, чтобы оно превратилось в легенду) - например, о том, как Вари де Рошфор взял себе новый герб после своего посвящения в рыцари возле Гроба Господня, или о том, как семейство Heys de Flemaïie и его потомки получили свой двупольный герб, когда граф де Лос даровал некоему Макэру за его добрую службу свой собственный герб, чтоб тот носил его вместе с тем, который достался ему по наследству.²⁸ Эти примеры свидетельствуют о том, что размещение гербовых знаков на гробнице, на бронзовой статуе или в гербовнике может помочь тем, кто достаточно сведущ в геральдике, не только определить личность носителя герба и его происхождение, но и восстановить всю связанную с этим гербом историю рыцарских подвигов представителей данного рода.

Чтобы до конца оценить героическую направленность и огромное значение геральдики для средневекового рыцарства в момент наивысшего расцвета этой дисциплины, нам следует особо отметить два момента. Геральдика, как явственно следует из нашего краткого рассказа о ней, очень быстро стала не просто систематизированным руководством для определения личности бойцов на поле брани. Скоро отношение к ней приобрело и совсем иные нюансы - гордость за свою генеалогию и уважение к ратным подвигам предков. Оpozнание на поле битвы и само по себе содержало некий подтекст, выходящий за рамки чисто практических нужд, поскольку благодаря ему мужество того или иного рыцаря могло быть оценено должным образом. Именно поэтому Жак д'Амикур оплакивал ушедшие в прошлое старые добрые времена, когда рыцари носили расшитые гербами «котты» и мчались на своих конях навстречу врагу, прикрываясь щитами, ибо тогда «никто не осмеливался быть трусом, поскольку любой мог отличить доброго рыцаря от плохого по его гербу».²⁹ «В день битвы, - писал Диего де Валера, - каждый благородный рыцарь и каждый оруженосец должны были облачиться в свои котты с гербами... для

того, чтобы люди благородные стали известны всем простым воинам, и это должно было постоянно напоминать им, что их долг - не допустить ни малейшего бесчестия или позорного поступка, который мог бы опорочить их самих и их славных предков.»³⁰ Герб, честь, генеалогия благородного семейства - все это были глубоко взаимосвязанные вещи. «Сэр, - говорила графиня Норфолк сэру Хьюгу Гастингсу, когда во время одного из затиший в ходе англо-французских войн в царствование Ричарда II тот собрался покинуть Англию и отправиться на Восток, - от всего сердца благодарю вас за ту славу, коей вы покрыли в прошлом герб Гастингсов, и ныне, когда вы вознамерились отправиться за море, в чужие земли, я молюсь, чтоб вы и впредь были достойны той чести, каковую принесли указанному гербу. Говоря высокими словами, язык геральдики был языком чести не только в генеалогическом смысле, но и в этическом.

Даже в контексте обычного использования гербов на печатях, которыми подтверждалась действительность того или иного юридического документа, практическое применение геральдики нельзя отделять от соображений чести и этики. Печать, поставленная на документ, была не только показателем его аутентичности, но и символом чести и веры. «В те дни, когда процветало истинное рыцарство, - говорит автор трактата «Enseignement de vraye noblesse» (следуя установившейся в позднее средневековье традиции всегда оглядываться назад в поисках былых образцов истинного благородства),

- те рыцари, которые благодаря своим победам, достоинствам и славе завоевали и подтвердили свое право обладать гербом и эмблемами, а также их потомки, желая дать какое-либо важное обещание или поклясться в верности, клялись своей верой в Бога, а в подтверждение того оставляли на воске после своей подписи отпечаток своего герба: именно это мы теперь имеем в виду, когда говорим «скрепить собственной печатью». И это означало, что свои веру, имя, герб и печать они должны отныне добровольно хранить и всячески оберегать, опасаясь нарушить данную клятву, ибо это будет подобно утрате ими души, тела, а также имущества, поскольку в результате нарушения ими данной клятвы будет

поставлена под сомнение их вера в Бога, а также герб их будет опозорен, и им может быть предъявлено обвинение в лжесвидетельстве.³²

Идеи, лежащие в основе этой декларации, практически те же, что и в основе рыцарского кодекса чести, где говорится, что если уж рыцарь (или оруженосец) надел на себя котту с гербами в урочный час грозного сражения, «в тот знаменательный и исполненный опасности день герб у него отнять нельзя, не нанеся при этом огромного урона его чести; изъять герб можно лишь в трех случаях: поражения в бою, пленения или гибели.»³³ Что же касается турниров (с которыми особенно тесно связано происхождение геральдики), то здесь практическая цель - боевая подготовка - и стремление к достижению рыцарских почестей и самоопределению с течением времени стали практически нераздельны; точно так же и в геральдике - практическая цель распознавания и идентификации рыцаря, а также воплощенная в символах рыцарская идеология боевой чести и доблести стали неразрывно друг с другом связаны.

Это подводит нас ко второму моменту. Значение геральдики в эпоху средневековья современными историками часто недооценивается, и основная причина этого заключается в том, что мы живем в век так называемой литературной культуры, которая в гораздо меньшей степени зависит от зрительного образа, нежели то было в средние века. Простой рыцарь или его дама в XIV или XV веке вполне могли читать «романы о битвах» и исторические произведения и, вероятно, очень часто слушали, как их читают или декламируют. Однако если судить, например, по оставленным рыцарями завещаниям, то весьма не похоже, чтобы у такого рыцаря имелась приличная библиотека. В тех условиях знаковый язык геральдики обладал значительным потенциалом при выполнении одновременно социальной, культурной и исторической функций. «Я помню времена,- говорит Антуан де ла Саль, - когда рыцарь, прощаясь с дамой, мог услышать от нее: «Поручите меня покровительству того лорда (или рыцаря, или оруженосца), в чьем гербе золото или, быть может, серебро с такими-то и такими-то фигурами... или же покровительству моей сестры, или кузины, или

подруги, чей герб такой-то и такой-то.» И еще в «старые добрые времена», вспоминает он, залы и покои в замках благородных рыцарей «были расписаны или увешаны гобеленами с изображениями битв и завоеваний героев прошлого и гербов благороднейших людей королевства, служивших всем напоминанием о том, как подобает себя вести.»³⁴ И упоминание здесь «*Bon temps passe*» («старых добрых времен») - это отнюдь не пустая попытка выдать желаемое за действительное. Мы вскоре услышим об этом немало; например о том, как в XIV веке «некая дама» просила Герольда Гельдерна (Гельре) разыскать для нее гербы тех рыцарей прошлого, которые «были поистине безупречны», дабы иметь возможность украсить этими гербами свои покои; или о том, как в XV веке один художник, расписывавший стены замка Рункельштайн, озаботился изобразить на них Парцифалья с теми гербами, которые ему «пожаловал» сам Вольфрам фон Эшенбах, а Тристана - с гербами, которые описал Готфрид Страсбургский³⁵, чтобы эти сцены и связанные с ними истории можно было мгновенно узнать и вспомнить. Все это свидетельствует о превращении геральдики в науку, способную не только регистрировать генеалогическую информацию, но и оказывать помощь при визуальном распознавании различных сцен и героев рыцарского прошлого, а также при передаче определенной культурной, этической и идеологической информации.

Именно это должно послужить для нас фоном при рассмотрении следующей истории, рассказанной сэром Робертом Лэйтоном в 1386 году, когда он стал свидетелем крупного спора по поводу права на герб - «на лазурном поле золотая перевязь»- между сэром Ричардом Ле Скропом и сэром Робертом Гросвенором. Еще в юности, свидетельствует Аэйтон, отец, принимавший участие во множестве войн и турниров, заставил его записать в определенном порядке все гербы принцев, герцогов, графов, баронов и рыцарей, которые он (т.е. Лэйтон-старший) только смог припомнить, и выучить все это наизусть.³⁶ И для того времени это были отнюдь не бесполезные или эзотерические знания. Геральдика стала уже одним из ключевых моментов светского рыцарского образования, как практического, так и идеологического, и

основанного как на чтении письменных текстов, так и на визуальном восприятии.

* -к -к

Когда хронист Жан Фруассар в 1394 году пожелал узнать, какой герб носил рыцарь Генрих Кристед (которого он находил куртуазным и любезным и от которого многое узнал о походе Ричарда II в Ирландию), он обратился к герольду Маршу. «На серебряном поле шеврон червлёный с тремя безантами (раунделами) червлёными, два над шевроном и один под ним», последовал быстрый ответ.³⁷ К этому времени - то есть к концу XIV века - герольды уже заняли вполне твердое положение в обществе, а в мире рыцарства и вовсе считались фигурами значительными, признанными экспертами в оружии и доспехах, в гербоведении и во всех светских церемониях - в организации поединков и турниров, в оценке доблести и мастерства рыцаря, в оформлении коронаций, обрядов посвящения в рыцари и похорон. Герольды также выполняли важные функции в военное время. Именно они обязаны были вести запись всех лиц, посвященных в рыцари накануне битвы, разыскивать павших на поле брани и отмечать имена и гербы тех, кто проявил особую доблесть и мужество в бою.³⁸ В практическом же смысле наиболее важным для них самих было то, что они обрели всеми признанную неприкосновенность, полный иммунитет от любых враждебных действий, и поэтому именно они служили на войне курьерами и парламентарями между враждующими сторонами. Если требовалось доставить личный вызов на бой или вручить городу ультиматум о сдаче, если одна из враждующих сторон искала перемирия или же требовалось получить охранные грамоты для представителей обеих сторон с тем, чтобы они встретились и обсудили, скажем, условия перемирия (или мира, или капитуляции), с таким поручением бывал отправлен герольд. К XV веку самые выдающиеся герольды - «Короли гербов» - которые возглавляли людей своей профессии, стали играть весьма заметную роль в дипломатических связях между правительствами различных стран.

Столь высокое положение в обществе герольды заняли далеко не сразу. Об их функциях в более ранний период известно мало. Самое первое из известных мне и, к сожалению, единичное упоминание о герольде eo nomine встречается у Р.Васа, который описывает герольда, выступающего во время войны в роли посланника - а именно эта роль впоследствии станет для герольдов традиционной. Согласно одной из современных теорий, герольды исходно исполняли функции довольно скромных чиновников, причисленных к войску для мелких служебных поручений, так что описание герольдов, обходящих лагерь и поднимающих рыцарей в день битвы при Лас Навас де Толоса (1212 г.) вполне с этим согласуется. Списки, в которые герольды конца XIII века заносили имена рыцарей и баннеретов, состоявших в том или ином конкретном войске (например, французский Фландрский свиток 1297 г. и английский Фалькиркский свиток 1298 г.), предполагают их конкретную роль в проведении смотров войск, и, как указывает Деннис, умение герольдов определять командиров вражеского войска по гербам на их плащах и знаменах могло оказаться весьма полезным для любой армии того времени.⁴¹ Однако когда Симон де Монфор в 1265 году увидел королевское войско, подступающее к Ившэму, то знамена неприятеля определил вовсе не герольд, а брандербей Симона, «большой знаток гербов».⁴¹ Что же касается смотров войск, то тут роль герольдов тем более ясна не до конца, хотя в гербовых свитках ясно указывается, что именно герольды вели запись тех, кто состоял в войске. Насколько мне известно, не было ни единого случая, который мог бы доказать на основе этих записей, что рыцарей либо призывали на службу в войско, либо им платили за эту службу. Скорее, роль герольдов, как мне представляется, была сведена в основном к установлению старшинства среди титулованных особ на военном смотре и к прославлению по этому случаю их боевой доблести - то есть это роль скорее церемониальная, нежели практическая.

Это как будто подтверждает полную правоту сэра Энтони Вагнера о том, что вне зависимости от того, каковы в действительности были корни общественной функции герольдов, резкое повышение ее значи-

мости было связано, в частности, с той ролью, которую они играли в организации и проведении турниров.⁴² Именно в этом контексте они и появляются, как на то указывает подавляющее большинство первых сообщений о них. Так, в «Ланселоте» Кретьена де Труа мы читаем о герольде, который накануне большого турнира обнаруживает главного героя в бедном жилище и специально изменившим свой облик. Этот герольд, перед тем заложивший в таверне свои башмаки и плащ, поражен, обнаружив у дверей совершенно незнакомого дома рыцарский щит; войдя внутрь, он узнает Ланселота и бросается вон с криком: «Вот, наконец, явился тот, кто всем покажет пример!»⁴³ О том же свидетельствует и «История Гийома де Марешаля»: там говорится, как клеветники начали распространять сплетни, что репутация Гийома в значительной степени раздута назойливым и крикливым герольдом Анри де Норрейсом, который на всех турнирах сопровождал Гильома, выкрикивая «Господи, помоги нашему маршалу!»⁴⁴ В полуисторическом романе «Фульк Фитцварин» рассказывается, как герольды и придворные шуты выступают арбитрами на турнире (и сообщается, что герб Фулька «серебряное и червлёное поля, соединенные зубцами» - по слухам, «изобретен» теми же шутами).⁴⁵ В стихотворном романе Жака Бретеля о турнире, якобы имевшем место в конце XIII века в Шованси, как мы уже видели, говорится о многочисленных герольдах, которые определяют участников состязаний по их гербам, выкрикивают их имена, стоит тем выехать на поле, и следуют за ними в течение всего турнира, провозглашая имена проявивших наивысшую доблесть. Другие свидетельства также, похоже, подтверждают, что исходно основной ролью герольдов было именно обслуживание турниров. Если некоторые ранние гербовые свитки представляют собой списки рыцарей, вступивших в то или иное войско, то не меньшее, а может и большее, количество таких свитков - это регистры гербов участников того или иного турнира. Существует также значительная связь между «марками гербов», то есть территориями, на которые в более поздние времена распространялась власть «Королей гербов» (обычно это был главный герольд какого-либо владетельного сеньора), ведавших всеми

вопросами геральдики, и марками, определявшими в раннее средневековье вассальную зависимость рыцарей - участников турнира. Это особенно ярко проявилось в случае с Королем гербов Рейера (территории в имперских Нидерландах) и Рейнланда, рыцари которых на раннем этапе обычно составляли во время турнира одну команду, од-
46

нако единого полноправного владельца все эти земли не имели. Поэтому можно почти с уверенностью сказать, что усиление веса герольдов в обществе заключается именно в той роли, которую они играли на турнирах, хотя их функция курьеров во время войны также, возможно, имела немалое значение, а их опыт в «прочтении» гербов представлялся чрезвычайно полезным в любых военных ситуациях.

1 урниры собирали вместе великое множество людей - не только участников, но и сопровождавших их лиц, среди которых были как мужчины, так и женщины; а также здесь можно было увидеть конюхов и оружейников, менестрелей и жонглеров. И, разумеется, герольдов. Недаром автор «Романа о Хеме» жалуется, что недавние запреты на проведение турниров создали серьезную проблему для всех этих «прихлебателей»: отсутствие работы.⁴⁷ Самых ранних герольдов трудно выделить - не только по положению, но даже и по их особым функциям - из этого сборища бездельников, живших и кормившихся за счет столь опасного и столь любимого знатью вида спорта. В текстах XII и начала XIII веков отнюдь не прослеживается связь герольдов со службой какому-либо одному сеньору; скорее всего, они просто перемещаются с турнира на турнир в каком-то определенном районе в поисках милостей (*largesse*) и, видимо, некоторого незначительного покровительства. Если судить по герольду из романа Кретьена де Труа - того самого, что заложил одежду в кабаке, - то их жизнь, видимо, была весьма мало обеспеченной, далеко не безопасной и, вероятно, не слишком отличалась от жизни самых обычных менестрелей. Их и в самом деле часто путают с менестрелями. Бодуэн де Конде (ок.1280 г.), например, жалуется, что ныне развелось столько роскошно одетых герольдов, что стало трудно найти настоящего менестреля.⁴⁸ Более того, в официальных текстах герольды, когда мы встречаем

первые упоминания о них, стоят в одном ряду с менестрелями: так, например, писцы при дворе короля Эдуарда I в платежных ведомостях сводят тех и других под общей рубрикой «Menestralli», и даже в 1338 г. мы обнаруживаем ведомость на выплату жалованья мастеру Конроду, Королю герольдов Германии, а также десяти «другим менестрелям» за выступления перед королем Эдуардом III на Рождество.⁴⁹

Эти записи в документах, тем не менее, ясно свидетельствуют, что к концу XIII века положение герольдов становится более устойчивым и обеспеченным. Им теперь более или менее регулярно платят за службу, они носят котты с гербами своих сеньоров, и на них уже начали возлагать официальные обязанности (например, об этом говорится в «Statutum armorum» Эдуарда I и в ордонансе о дуэлях Филиппа IV Французского).⁵⁰ Это примерно тот же период времени, когда, по всей видимости, уже достаточно определился и словарь геральдических терминов, о чем свидетельствуют ранние гербовники и трактат «De Heraldie» (автор которого особо подчеркивает, что все нужные сведения получил от герольдов).⁵¹ Именно в это время определяется в профессии герольда и *cursus honoꝝum* (иерархия) - от *pursuivant* (пурсиванта, ученика) до настоящего герольда и, в конечном итоге, до Короля гербов.

С этого времени общественная роль герольдов возрастает все быстрее, а соответственно, все более очевидными становятся и внешние признаки их важного положения. Анжуйский Король гербов - *le Roi Calabre*, как называли его французские коллеги по профессии, - в 1408 году делится своими воспоминаниями о возведении (коронации) «Шарло» в должность Короля гербов Франции королем Карлом V (ок.1380 г.), по случаю чего было устроено замечательное празднество. И автор мемуаров добавляет, что, по слухам, король Англии устроил еще более пышную церемонию «коронации» для своего главного герольда.⁵² Он также описывает обряд посвящения в «кандидаты» и в герольды («крещение герольда»), которые по этому случаю должны надеть «котты» с гербами своих сеньоров и принести торжественную

клятву, что будут неукоснительно исполнять свою должность, и которые затем будут «покрещены» с пожалованием им нового геральдического титула (например, «пурсивант Бон-Репо» или «геральд Угрефон»); «кандидата» крестили водой, а герольда - вином из позолоченной чаши.⁵³ Текст французской клятвы герольда, как она записана у *le bon Calabre*, уже к этому времени установился, причем в той самой форме, которая практически без изменений сохранилась и до XVII века (и эта клятва была очень похожа на ту, которую приносили в позднее средневековье и английские герольды).⁵⁴ Во времена Калабра герольды уже имели четко определенные и весьма важные привилегии: право на жалованье и на «щедрость» сеньоров по случаю различных церемоний, право на сломанное оружие и доспехи по окончании турнира; а во время войны гербовые котты служили герольдам охранными грамотами при выполнении ими функций курьеров. Автор мемуаров с гордостью пишет о мифическом основании «ордена» (или сословия) герольдов в античные времена и напоминает своим французским «братьям» о том, каким уважением этот «орден» пользовался в ту эпоху. Должность герольда, по его словам, - это должность безусловно очень почетная и имеющая четко определенную «нишу» в окружении того или иного правителя или владетельного сеньора. Таким образом, мы видим, как далеко ушел этот автор от, например, Бодуэна де Конде, который в конце XIII века вспоминал, как в старину герольды бродили по горам и долам в рваных коттах, стремясь попасть туда, где мог состояться турнир, и как они страдали от жары и от холода, радуясь всякой случайной милости.

Письмо Калабра к его французским коллегам, а еще больше многочисленные в XV веке трактаты по геральдике (среди которых особенно почетное место должен занять знаменитый «*Blason des couleurs*» Герольда Сицилийского) дают достаточно хорошее представление о широком спектре функций и интересов герольдов позднего средневековья. Ристалище остается основной сферой их интересов, и здесь их функции уже гораздо более профессионализированы: они ведут тщательный счет нанесенным и полученным ударам; они внимательно

изучают гербы и шлемовые эмблемы всех, кто желает принять участие в турнире; они сверяются со своими архивными записями, чтобы убедиться, что все претенденты достаточно родовиты и имеют право участвовать в подобных состязаниях. Если оставить в стороне функции герольдов как курьеров во время войны, то, по всей видимости, наиболее значительные перемены наблюдаются в двух сферах. Ясно, что с самого начала от герольдов требовалось умение распознавать гербы, но теперь Королю гербов той или иной марки полагается еще и объезжать свою территорию и регистрировать геральдические знаки всех тамошних представителей знати, их имена, гербы, шлемовые эмблемы и девизы, а также указывать, какие семейства имеют самое древнее происхождение и каковы их гербовые связи, образованные брачными союзами. Огромные французские гербовники Герольда Наваррского, составленные в XIV веке, а также гербовники Герольда Беррийского, составленные в XV веке, являются в сущности *etats de noblesse* (словными списками дворян), хотя, по-моему, не до конца ясно, использовались ли они когда-либо именно в таком качестве.⁵⁶ Требование совершать объезды и регистрировать семейные связи указывает, что в позднее средневековье методика ведения герольдами генеалогических исследований стала гораздо более профессиональной. Другое направление, в котором, как мы можем убедиться, стремительно развивалась деятельность герольдов - это регистрация рыцарских подвигов, актов доблести и мужества. «У вас, - говорит герольдам Dame Prudence (дама Благоразумие) в «*Debat des herauts de France et d'Angleterre*» (ок.1430 г.), - прекрасная должность, ибо по вашим отчетам люди судят о мирской славе... [как о подвигах], совершенных в армии, во время штурмов, осад и прочих сражений, а также во время рыцарских поединков и турниров.»⁵⁷ Ту же обязанность герольдов регистрировать подвиги подчеркивает и Калабр, Герольд Сицилийский, а также многие другие авторы произведений по геральдике. Фруассар, например, ясно дает понять в прологе к своим хроникам, что именно благодаря обязанности герольдов записывать и прославлять подвиги рыцарей и их мужество ему удалось так широко использовать в своей

работе отчеты Королей гербов и различных герольдов.⁵⁸ Старинная функция герольдов - выкликать имена храбрейших на турнирах - развилась, таким образом, в нечто куда более профессиональное и обладающее значительно большей сферой приложения как во время войны, так и во время «мирных» турниров.

Есть, впрочем, и некоторые другие сферы, где и в позднее средневековье в значительной степени ощущается прежняя функция герольдов, относящаяся к более раннему периоду. Хотя в XIV и XV веках герольдов «назначали» и брали к себе на постоянную службу конкретные владетельные особы, все же клятвы, которые герольды обязаны были приносить, занимая такую должность при дворе знатного феодала, были отмечены отпечатком тех дней, когда герольды не принадлежали никому и переезжали с места на место, пользуясь лишь неофициальным покровительством то одного, то другого сеньора. Их «сословие» имело самые широкие и общие обязательства по отношению ко всем лицам благородного происхождения, «ко всем благородным сословиям христианского мира», как говорится в клятве английских пурсивантов. А особенно, как подчеркивается в этой клятве, герольды обязаны были служить всем благородным дамам, а также объявлять во всеуслышание имена притеснителей вдов и юных девиц.⁵⁹ Особым долгом герольдов, - дополняет список этих обязанностей Калабр, - являлась доставка любовных посланий представителей благородного сословия и сохранение подобных секретов в тайне.⁶⁰ Влияние куртуазной этики, корни которой уходят в XII столетие и благодаря которой, как мы уже убедились, вся боевая идеология рыцарства буквально пропитана эротикой, здесь совершенно очевидно. Мы также постоянно узнаем, что герольды позднего средневековья, как и их предшественники, по-прежнему часто переезжали с места на место. Понятно, что знания о благородных традициях чужих земель, приобретенные в этих путешествиях, как и сведения о подвигах, совершенных рыцарями в дальних странах, ценились весьма высоко. «Добро пожаловать, Carlisle (Карлайл), - говорил король Эдуард III своему герольду, когда тот в 1338 году возвратился из странствий, во время

которых посетил Пруссию, Испанию, Берберию и храм Гроба Господня. - А теперь мы с огромным нетерпением хотим послушать новости из тех дальних заморских краев, где ты побывал.»⁶¹ Список земель, которые посетил Карлайл, содержит весьма важный намек. Это те самые места, где как раз в эти годы XIV столетия христианское рыцарство все еще оказывало упорное сопротивление «неверным» и где, стало быть, можно было надеяться стать свидетелем замечательных подвигов.

Роль герольдов как регистраторов актов мужества и доблести связана с их ранней историей и в ином контексте. Герольды достаточно рано стали осознавать, что выступают на состязаниях в боевом искусстве в качестве судей; это отражено, например, в том совете, который дает рыцарям поэт XIII века Рауль (Ральф) де Уденк^{2*}. Недостаточно, говорит он, просто объявить: «Я - рыцарь»; каждый должен знать, каковы обязанности рыцаря. И учить этому, по мнению поэта, должны герольды, менестрели и жонглеры, поскольку именно они являются хранителями тайного пробирного камня (marestank) чести.⁶² Связь, которую Рауль (Ральф) де Уденк - подобно многим своим современникам - обозначает между герольдами и менестрелями, имеет огромное значение в контексте регистрации подвигов. Английская «Песнь о Карлавероке» (Song of Caerlaverock), сочиненная герольдом-менестрелем, является прекрасной иллюстрацией подобной связи. Эта небольшая поэма начинается со стихотворного описания гербов предводителей похода против шотландцев, состоявшегося в 1300 году, а затем в ней описываются осада и штурм замка Карлаверок и называются имена и гербы тех, кто особо отличился проявленным мужеством. Намеренное стремление автора представить это событие в соответствии с куртуазной и рыцарской традициями совершенно очевидно: оно заметно прежде всего по тому, как он описывает тайную романтическую любовь и брак Ральфа де Монтемера и Жанны д'Акр («ради которой он столь долго претерпевал несчастья»); а также по его ссылкам на артуровское прошлое (никогда Артур не получал от Мерлина такого подарка, какой Энтони Бек со своим отрядом пре-

поднес королю Эдуарду); и по тому, как он преподносит подвиги в Крестовом походе великого Маршала, предка Роджера Клиффорда.⁶³ Поэтический рассказ Герольда Шандо (Chandos) об экспедиции Черного Принца в Испанию в конце XIV века и о его великих подвигах там - произведение примерно такого же рода, написанное английским герольдом-менестрелем.⁶⁴ Связь герольдов с менестрелями на раннем этапе сказалась в том, что герольды были не только грамотны, но и сведущи в литературе. Их роль в более позднее время как регистраторов подвигов и актов доблести также требовала определенного умения преподнести все это в стиле модных литературных течений, что обусловило и их дальнейшие успехи на этом поприще.

Однако литературные опыты двух упомянутых английских герольдов-менестрелей бледнеют в сопоставлении с произведениями великих немецких герольдов конца XIV века - Клауса фон Хайнена, знаменитого Герольда Гельдерна, и австрийца Петера Зухенвирта. Первый представляется нам настоящим мастером куртуазного литературного языка. «Благородная дама заявила мне: «Гельдерн, у меня есть к тебе дело. Я намерена устроить новые покои и украсить их гербовыми щитами. Отыщи мне рыцарей, которые были бы достойны того, чтобы именно их гербы украшали мое жилище, то есть таких, которые поистине *sans reproche* (безупречны).»⁶⁵ Далее рассказывается, как герольд, отправившись на поиски таких славных рыцарских имен, однажды услышал в лесу, как некая благородная особа оплакивает истинного рыцаря и защитника Дамы Чести, Адама фон Моппертингена: и ныне черви пожирают плоть того, кто с честью служил в Пруссии и, как истинный Роланд, сражался на стороне короля Англии против шотландцев. Потом он узнает также о подвигах славного графа Генриха Вирнебургского, великого мастера поединка, и о герцоге де Жюльер, который семь раз поднимал оружие против язычников Пруссии и завоевал Гельдерланд (в Нидерландах).⁶⁶ Это собрание *Lobdichte* (похвал), связанное с украшением покоев благородной дамы - отнюдь не все литературное наследие Гельдерна; остались, например, его элегии на смерть тех достойнейших, что пали в битве при Ставерене в

1346 году («семерых рыцарей, лучших из лучших, являвших собой поистине достойный пример для подражания»), а также серия кратких поэтических биографий таких современных автору героев, как благородные Рутгер Рэтс и Дитрих фон Эльнер.⁶¹ Произведения Зухенвирта, с литературной точки зрения, еще более тщательно отделаны и производят прекрасное впечатление; таковы, например его элегии на смерть героев тех времен (каждая из них завершается поэтическим описанием герба павшего в бою героя), а также прекрасное стихотворное описание крестового похода герцога Альберта Австрийского в Пруссию в 1377 году. А, например, в диалогах Зухенвирт проявляет себя мастером дидактического искусства персонифицированной аллегории.⁶² Так что это герольд, который - на свой лад разумеется - является и вполне профессиональным литератором.

Герольда Гельдерна не столь часто вспоминают как поэта; гораздо чаще - в связи с его «Wappenboek», знаменитым «Armorial de Gelre» («Гербовником Гельдерна»), который почти несомненно является лучшей из всех средневековых книг по геральдике. В «Гербовнике» есть великолепные изображения гербов и гербовых эмблем рыцарей со всей Европы; это истинное произведение искусства. А также - результат огромной исследовательской работы, поскольку автор явно поддерживал тесные связи с коллегами-герольдами почти из всех европейских королевств, желая создать поистине авторитетный и богатый иллюстрированный научный труд о рыцарстве своей эпохи.⁶³ По сути дела, мир его поэзии, пронизанный литературной условностью, и мир его профессиональной деятельности, продемонстрированный им в этом великолепном гербовнике, очень близки. Литература и мифология рыцарства, благодаря которым, как мы установили в предыдущей главе, рыцарской истории и системе ценностей и была придана соответствующая определенность, своим расцветом в значительной мере были обязаны профессиональным успехам герольдов. Легендарные подвиги античных героев предлагали и некий образец для современности, и истинный герольд, разумеется, прекрасно понимал, что его основная задача - знать все гербы прошлого (в том числе мифиче-

ского), равно как и настоящего. Уже в XIII веке английский «Гербовник I ерольдов» блазопирует гербы не только современных рыцарей, но и гербы пресвитера Иоанна^{3"}, Роланда, сэра Гавейна и сэра Бевиса Саутгемптонекого.⁷¹ Влияние литературных произведений еще более явственно прослеживается в гербовых свитках и гербовниках XV века. В них мы обнаруживаем изображения гербов Девяти Героев (Девяти Бесстрашных), а также паладинов Карла Великого и сподвижников Александра Македонского; особую группу представляют гербы всех ста пятидесяти рыцарей Круглого Стола короля Артура с приложением краткой биографии каждого (позаимствованной в рыцарских романах), где описана внешность героя и перечислены его основные подвиги на поле брани и его любовные похождения.⁷¹ Сохранилась рукопись «Романа о Ланселоте» XV века, в которой художник-иллюстратор изобразил гербы каждого из рыцарей в полном соответствии с текстом; этот манускрипт был изготовлен по заказу выдающегося покровителя рыцарства и литературы Жака д'Арманьяка, герцога Немурского, закончившего свою жизнь на плахе в 1478 г.⁷² Это замечательное свидетельство того сложного литературного подтекста, который приобрела геральдика как наука к концу средневековья.

В эпоху, когда из дидактических соображений турниры устраивались в одеждах времен короля Артура, а крупные придворные праздники и церемонии были полны отголосков легендарного прошлого (например, бургундский Праздник Фазана, состоявшийся в Лилле в 1454 году, в деталях которого явственно слышалось эхо романа об Александре Македонском)^{4*}, владение истинным геральдическим мастерством и эрудицией находило куда больший спрос, чем простое знание генеалогии и гербов. В идеале подобное мастерство требовало не только эрудированности в плане литературной и исторической традиций рыцарства, но и понимания законов передачи дворянских титулов и наследства, а также знания мистических свойств, приписываемых растениям, животным, птицам и геральдическим цветам (финифтям). Все это было необходимо герольду, если он действительно хотел адек-

ватно воплотить в визуальных образах, которые, собственно, и являются языком геральдики, весь объем истории человечества и ту систему ценностей, с которой герольды ощущали себя непосредственно связанными.

) В этом смысле нам весьма повезло, ибо в нашем распоряжении имеется каталог библиотеки английского герольда Томаса Бено, носившего титул Короля гербов Кларенсо и умершего в 1534 году.⁷⁴ Бено завещал все свои книги коллеге, Герольду Карлайлу, а после его смерти - последующим носителям титула Кларенсо. Этот перечень, как и следовало ожидать, включает в себя книги о боевых походах, а также свитки с описаниями родословных (в которые включены и описания некоторых церемоний - коронаций, похорон и т.д.). Но одновременно мы обнаруживаем в каталоге и «Хроники» Фруассара, и печатную «Историю Франции», и «Le livre du tresor» Брунетто Латини («Книгу сокровищ», нечто вроде энциклопедии истинного джентльменами переводтрактата Жилия Римского «De regimine Principum», а также «Книгу о Девяти Героях», «Историю Трои», «Роман о Галахаде», «Livre de Chevalerie» Жоффруа де Шарни, трактат Вегеция о тактике боя «De re militari», два экземпляра книги «Древо битв» Оноре Боне (интересная и популярная работа о законах войны, включающая в себя перевод значительных отрывков из трактата Бортолода Сассоферрато «De insigniis et armis»), французский перевод Ветхого Завета, два «Бестиария» и многое другое. Каталог включает весьма значительное количество различных названий книг. Что касается знаменитых «трех тем», названных в «Песни о саксах», то особенно выделяются произведения «римской» и «британской» тематики, а также - связанные с темой «Девяти Бесстрашных». Прежде всего эти книги, а также перевод Библии дают ключ к пониманию того, что я в предшествующей главе назвал исторической мифологией рыцарства. Жоффруа де Шарни и Боне предлагают руководства по правилам рыцарского поведения. Бестиарии и многочисленные трактаты по геральдике дают возможность проверить аллегорическое значение животных и птиц, изображенных на гербах, а также цветов (финифтей) и

металлов. Фруассар и некоторые другие хронисты представляют относительно недавнюю историю рыцарства, а книга под названием «Faulette d'amours» напоминает нам, что и мир куртуазной любви здесь тоже не забыт. В каталоге Бено представлен практически весь спектр рыцарской культуры, и это поистине красноречивое свидетельство широты и разнообразия знаний, которыми необходимо было обладать к концу средневековья действительно профессиональному герольду.

А в конце XIII века, задолго до эпохи Герольда Гельдерна и Зухенвирта, не говоря уж о Бено, рыцарство могло похвастаться огромной собственной литературой (по большей части повествовательных жанров, но не только), разъяснявшей, каковы историческая и религиозная основы рыцарства и какова его роль в христианском обществе. Рыцарский образ жизни, как нечто отдельное и самостоятельное, также к этому времени был подвергнут систематизированному описанию в таких работах, как, например, «Книга о рыцарском сословии» («Libre del Ordre de cavayleria») Рамона Луллия. Примерно в это же время или чуть позднее, как мы видели, рыцарство также приобрело - в лице профессиональных герольдов - своего рода жречество для поддержания своего светского культа, причем жречество весьма образованное и начитанное. Начав с малого, герольды утвердили себя в качестве признанных экспертов, которым ведомы все тонкости и ритуалы некой культуры - визуальной и литературной одновременно. Особый опыт герольдов в снижении письменных терминов и их иконографического выражения позволял им оказывать весьма значительное влияние на светское общество и его нравы и обычаи в тот период, когда богатство светской культуры уже вышло - для мирян - за рамки той доступности, которую предлагала всего лишь страница письменного текста.

С момента расцвета геральдического искусства и роста общественного влияния герольдов мы можем и далее последовательно наблюдать, как рыцарская культура становилась все более и более изысканной и пышной, более символичной, более церемонной и все более склонной подыскивать для себя соответствующие исторические образцы

разцы для подражания. Как церковь с ее грамотным священством с давних пор постоянно изыскивала новые средства для выражения новых духовных устремлений в дополнение к уже установившимся литургиям и обрядам и наглядной религиозной символике, так и рыцарство теперь могло делать то же самое - благодаря искусству герольдов и их знаниям. И как в истории религии подобные дополнения и нововведения в области церковных обрядов и литургий отнюдь не означали духовной «усталости», напротив, это было, скорее, сохранение ею своей энергии и силы, проявление способности бесконечно разнообразить религиозное восприятие, так и в рыцарской культуре все более сложные и символические способы выражения мысли и все более изощренные обряды отнюдь не означали, что эта культура слабеет, что она истощилась; нет, то были, скорее, признаки ее активного развития, роста ее изобретательности и глубокого осознания ею всего богатства и огромного потенциала своей независимой традиции.

Примечания переводчика

Вельфы - знаменитая в средневековье германская фамилия, герцоги Баварии и Каринтии, маркизы Вероны. От нес образовано название пропанской партии в Италии - гвельфы.

^{2л} Рауль (Ральф) де Уденк, ок.1170-ок.1230, поэт, представитель так называемой школы Кретьена де Труа, автор многочисленных и разнородных произведений, в частности аллегорической поэмы «Роман о Крыльях» и двух наиболее популярных «артуровских» романов, созданных в первой четверти XIII в., «Отмщение за Рагиделя» и «Мерожис де Портлегез».

^{3*} Пресвитер Иоанн - легендарный правитель христианского государства на Востоке.

^{4*} Точнее, поэмы «Обет павлина» (1312) Жана де Лонгийона.

Глава VIII

ПОНЯТИЕ ЗНАТНОСТИ

«Г^ербы есть украшение знати»¹ - такова точка зрения авторов

X геральдических трактатов. Использованное здесь слово - «знать», а не «рыцарство» - очень важное слово. Герб служил семейной эмблемой, право на которую мужчины получали по наследству, а не в связи с тем, что их посвятили в рыцари. Важность гербов для рыцарского общества и все возрастающее значение герольдов как экспертов в области семейных гербов и эмблем - вот симптомы того, насколько усилилось внимание к рыцарским родословным в период позднего средневековья начиная примерно с XIII века. Я должен подчеркнуть, что это, скорее, перенос акцентов, а не совершенно новое явление: мы ведь отмечали и ранее достаточно многочисленные свидетельства того, сколь большое значение придавалось происхождению уже в период раннего средневековья, на начальном этапе существования рыцарства. Впрочем, подобный сдвиг представляется весьма важным, ибо он отражает новую степень внимания к концепции знатного происхождения.

Знатность превратилась в предмет, который, как справедливо полагали писатели позднего средневековья, писавшие о рыцарстве, а также герольды, необходимо было обсудить как следует. А для того, чтобы лучше понять их явную озабоченность этим предметом, нужно кое-что рассказать о тех явлениях, которые способствовали привлечению писателей и герольдов к вопросу знатности. Как я уже говорил, родословная с давних времен воспринималась в рыцарских кругах как нечто

весьма важное. 1 ак, например, еще в XI веке аббат Бургейля пожалел одного молодого человека и посвятил его в рыцари, «потому что тот был сыном рыцаря и из старинного знатного рода».² Одним из важных аспектов переноса акцентов в более позднюю эпоху была та тенденция, согласно которой придавалось несколько меньшее значение самому обряду посвящения в рыцари, но зато большее - получению права на вступление в ряды рыцарей, каковое стало рассматриваться как принципиально зависящее от знатного происхождения. Гем, кто не мог назвать среди своих предков ни одного рыцаря, не позволялось считаться достойными этого звания; такова была основная идея ордонанса Фридриха II, изданного в первой половине XIII века.³ И при этом лишь сам король имел право делать исключения из установленного им закона. Эта доктрина сходна с идеями, высказанными в 80-е годы XIII века Бомануаром, ибо и он делает то же самое исключение только для короля. Рассказанная им история прекрасно данное положение иллюстрирует: речь в ней идет о трех рыцарях, которым, чтобы обеспечить необходимый для проведения суда кворум (*legal quorum*), был нужен четвертый, и они, взяв неотесанного крестьянина, посвятили его в рыцари словами:» Будь же рыцарем.» Такое неофициальное «collee» не могло, разумеется, сделать этого крестьянина настоящим рыцарем согласно закону, и все трое были наказаны за попытку фальсификации.⁴ Обостряющийся интерес к генеалогии также явственно просматривается в той версии устава тамплиеров, которая относится к XIII веку. Их устав XII века, который разделял братство ордена на две основные группы - рыцари, носившие белые плащи, и служители (*sergeants*), носившие плащи коричневые, домотканые, - требовал лишь того, чтобы братья, принятые в орден как рыцари (то есть попавшие в более привилегированную группу), уже прошли к этому времени обряд посвящения. Тогда как устав XIII века, напротив, настаивал на том, что никто не может вступить в орден как рыцарь, если не докажет, «что является законным сыном рыцаря и дамы благородного происхождения, а также что и отец его также происходит из рыцарей».⁵

Подобное ужесточение правил, согласно которым осуществлялся прием в рыцарское сословие, распространяя эту привилегию исключительно на тех, кто мог указать на рыцарей в числе нескольких поколений своих предков, происходило одновременно с другими явлениями XIII века. И с течением времени стало ясно, что все чаще молодые люди из хороших семей, особенно из небогатой аристократии, чуть ли не повсеместно отказываются соблюдать обычаи предков и непременно проходить официальный обряд посвящения в рыцари.⁶ Дороговизна этой церемонии, становившейся все более пышной и изысканной, а также тяжелое финансовое бремя полной экипировки рыцаря оружием и доспехам - вот основные причины, которыми, как справедливо полагает большинство историков, объясняется все возраставшее нежелание молодых людей проходить положенный обряд посвящения. Историки помещают это их нежелание в общий контекст экономических трудностей, перед лицом которых оказалась землевладельческая аристократия в позднее средневековье и которые, по мнению некоторых исследователей, практически достигли кризисного уровня. Нам еще придется вскоре вернуться к отдельным вопросам этой теории, а пока что просто отметим тот факт, что во второй половине средних веков - и неважно, по каким конкретно причинам, - мало кто из представителей знати проявлял страстное желание непременно пройти обряд посвящения в рыцари. В этот период на сцену выходят отпрыски мелких аристократических родов, имевшие рыцарское происхождение и пользовавшиеся теми же перстнями-печатками с родовыми гербами, что и их рыцарственные предки, но сами к рыцарскому сословию не принадлежавшие.⁷ И оказывается, что рыцарство начало терять свою функцию связующего звена между высшей знатью и менее знатными (а также менее богатыми) аристократическими семьями и теперь воспринимается обеими сторонами как понятие благородного происхождения и общего права на наследуемые эмблемы рода, то есть на гербы.

Одновременно с этими переменами как бы новое достоинство придается тем титулам, которыми приходилось довольствоваться пред-

ставителям менее знатных семейств и которые до сих пор ассоциировались с тем или иным служением рыцарству или с пребыванием в роли «ученика» рыцаря - то есть оруженосца или *damoiseau* (в Англии и во Франции) и *Edelknecht* (в Германии). Можно обнаружить также возникновение новых собирательных понятий, таких, как *esquerie*, которое представляет собой нечто уменьшительно-уничжительное от *chivalry* (рыцарство). «Ты видишь, здесь цвет британских оруженосцев (*escuierie*)», - сказал Жан де Бомануар Брамбургу перед «Битвой тридцати» в 1350 г.⁸ В Испании слово *hidalguia* становится общим термином для обозначения лиц благородной крови, которым дано право быть посвященными в рыцари. В Германии слово *Rittermassig* превращается в термин для обозначения знати низшего ранга, так в «*Heerschild*» это «люди, которые имеют благородное имя и репутацию, но рыцарями не являются».⁹ Кроме того, имеет место сдвиг и в употреблении самого звания «рыцарь» или *chevalier*; теперь это звание связывается с одной из двух основных характеристик того, кто считается рыцарем: либо это человек из знатного рода, сохранившего старинный обычай официального посвящения в рыцари и достаточно богатого, чтобы его отпрыски могли этот обряд пройти, либо это тот, кто продемонстрировал особые достоинства на поле брани, а может и оказал неоценимые услуги своему сеньору (например, дал ценный совет).

Третий и связанный с первыми двумя сдвиг в применении этого термина еще более важен для наших целей. С некоторых пор неизбежно возникает определенная двусмысленность в понятии «рыцарство». Этим словом продолжают пользоваться - и достаточно часто - в узком собирательном смысле, обозначая тех, кто официально прошел обряд посвящения в рыцари. Однако это же слово начинают постепенно употреблять и для описания обязанностей - как чисто сословных, так и связанных с определенным образом жизни, - тех, кто получил это звание по наследству и является рыцарем или же еще только надеется впоследствии им стать, но пока что может таковым и не являться. Таким образом, мы видим, что оруженосцы уже допускают-

ся к такому рыцарскому виду состязаний, как турниры; а также, что уставы светских рыцарских орденов - например ордена Полумесяца (Croissant) Рене Анжуйского¹¹ - разрешают становиться членами братства как рыцарям, так и оруженосцам, настаивая лишь на том, чтобы все кандидаты способны были указать четыре поколения своих знатных предков. А читая «Lettres de chevalerie» Жоффруа де Шарни, мы видим, что он описывает образ жизни, систему ценностей и христианские обязанности не только рыцарей, но и всего воинского сословия в целом, то есть всех тех, кто может надеяться занять достойное место в «благородной профессии» воина.¹⁰ Слова *chevalerie* (рыцарство) и *noblesse* (знать, благородство) начинают приобретать дополнительное значение: в некоторых контекстах они означают вещи различные, а в некоторых практически совпадают по значению. Как говорится в глоссарии к «Grand Coutumier» («Большая кутюма») Нормандии, «при разделении сословий благородное сословие называется сословием рыцарским».¹¹

В конце XIII века - то есть как раз тогда, когда сдвиг от истинной принадлежности к рыцарству в сторону наследуемого права на получение звания рыцаря становится совершенно очевидным, - мы впервые начинаем встречать новую разновидность документов, королевские или княжеские письма (или патенты), которые аноблируют тех, кто по рождению не является человеком знатного происхождения.¹² Сперва достаточно редкие, эти гранты (или патенты, или грамоты) становятся постепенно все более и более распространенными. Они не только аноблируют вполне конкретного человека, но и всех его потомков. Как правило, в этих грамотах особым образом оговаривается - как одна из привилегий благородного сословия - право стать рыцарем. И нередко такая грамота включает также пункт о пожаловании герба и вполне конкретную его детализацию; точно так же, как и письма о пожаловании герба зачастую оказываются, в сущности, грамотами аноблирования. Если герб был пожалован посредством королевского письма, то в нем обычно оговаривается и право обладателя этого нового герба носить его в бою, на турнире и во время иных военных

действий.¹³ Грамоты аиоблирования в средние века выдавались еще в не столь большом количестве, чтобы испугать старинную аристократию и заставить ее искать, как это произошло впоследствии, способов более резко противопоставить себя и anoblis («неблагородных»), этих «новичков» (хотя и в те времена, как мы вскоре увидим, знать проявляла достаточно враждебности по отношению к parvenus). Таким образом, на этой стадии и в большей части случаев грамота аиоблирования действительно служила вполне законным пропуском в привлекательный и тесный круг тех, кто причислял себя к рыцарству. И в этом смысле с помощью документов как бы была предпринята попытка узурпировать одну весьма важную функцию, ранее осуществлявшуюся исключительно посредством обряда посвящения в рыцари.

Наблюдается и еще одно существенное смещение акцентов. Между аиоблированием и возведением в рыцари огромная разница. Пьер делла Винья, канцлер Фридриха II, писал, что «если знатность можно передать по наследству, то рыцарское достоинство - никогда», и его слова весьма изящно указывают на самую суть различий, существующих между этими двумя понятиями. Обряд посвящения в рыцари, сопровождаемый изысканной и сложной церемонией, в которой буквально каждое движение исполнено глубокого символизма, вводил неофита в братство или сословие, определяемые той основной функцией, которую немецкие историки называют Berufstand, профессиональной обязанностью. Представители знати не могли похвастаться никаким обрядом посвящения в свой класс, кроме, разве что, родовых мук женщин, в результате которых беспомощное дитя сразу оказывалось членом того сословия, к которому принадлежало по крови. Как сказал Ж. Дюби, «с этого момента аристократия воспринимала себя как благородное сословие, как некую касту, закрытую для всех, кто не способен был предъявить достаточно хорошую родословную».¹⁵ И здесь генеалогия совершила огромный рывок, заставив гордиться принадлежностью к определенному семейству, а не той профессией, которой обряд посвящения в рыцари некогда уделял столько внимания.

Укрепление наследственных классовых барьеров, что здесь, конечно же, подразумевалось, ни в коем случае не было явлением, связанным исключительно с обществом светским. Выдвижение общим собранием членов ордена или монахами той или иной обители определенных требований по отношению к желающим вступить в члены братства - например, доказать свое право на ношение герба или указать в своем роду четыре или более поколения знатных предков - было общей чертой позднего средневековья: в Германии перед Реформацией из-за подобных ограничений число прихожан во многих корпоративных церквях уменьшилось до опасно низкого уровня.¹⁶ Классовая ревность явно имела самое непосредственное отношение к превращению знати в закрытый класс. Многие знатные семьи начиная с XIII века остро почувствовали холодный ветер экономического соперничества со стороны зажиточных крестьян и процветающих горожан. Их реакцией на это стали поиски способов защиты своего достоинства и своих привилегий путем возведения разнообразных барьеров на пути проникновения всяких *parvenus* в их замкнутое благородное сословие. Именно это и положено в основу тогдашних законов обычного права, которые определяли как само понятие знатного человека, так и некоторые его привилегии¹⁷ - например, право собирать налог на ведение частной войны, право подвергаться суду только равных, право носить соответствующий герб и платье. Рыцарские и куртуазные романы начала XIII века и даже более ранние уже содержат подобные мотивы и даже практически предвосхищают то исключительное положение знати, о котором говорится в юридических книгах. Так, персидский царь Дарий в «Романе об Александре» подвергается всяческим поношениям за то, что поддерживал «всяких коммонеров», то есть нетитулованных особ, и оставлял без внимания людей действительно знатных¹⁸; а сатана в «Турнире антихриста» изображен как сеньор, который роздал свои богатства служителям, вилланам и ростовщикам и своими собственными руками превратил всех этих людей в рыцарей. Рамон Аулийя, а также Робер Блуаский в своем «Enseignement des Princes» («Наставлении принцам») подчеркивает, что принцы долж-

ны искать себе советников среди рыцарства и знати.¹⁹ Французские короли из рода Капетингов XII-XIII веков были - и это исторический факт - подвергнуты сильнейшей критике за свою готовность продвигать людей незнатных, и находились вполне правдоподобные аргументы в пользу того, что это послужило одной из причин возникновения литературного культа рыцарства во Франции эпохи Капетингов не вокруг самого королевского двора, а скорее вокруг дворов крупных сеньоров, которые довольно часто имели весьма натянутые отношения с королевской властью, особенно Фландрия и Шампань, а в период раннего средневековья более всего - Анжу.

С течением времени новые привилегии, такие, как самая общая привилегия знати - освобождение от сеньориальных налогов - делали это сословие еще более ревнивым в отношении собственных прав. Но даже так аристократии все равно не удавалось блюсти чистоту своих рядов в том, что касалось происхождения. Зачастую и сами представители знати были заинтересованы в нарушении тех правил, ужесточению которых в иные времена столь горячо аплодировали. Брак с богатыми *roturier* или *roturiere* (простолюдином или простолюдинкой) мог порой стать истинным спасением для фамильного состояния, чрезвычайно истощенного необдуманными проявлениями рыцарской *largesse* (щедрости) или же весьма дорогостоящей любовью к приключениям. И у нового владельца земельной собственности, вступал ли он в благородное сословие благодаря браку или же откупив и собственность, и титул у представителя знатного рода, переживавшего тяжкие времена, тяга к роскошному образу жизни была особенно сильна, а еще сильнее была она у его потомков. У них были деньги - во всяком случае пока - чтобы поддерживать такой образ жизни, и они полагали, что им просто необходимо достойно выполнить все те требования, которые предъявлял им обретенный титул, и непременно служить в армии во время войны. Законы обычного права, гласившие, что титул должен передаваться по отцовской линии и что «пятно» простого (*common*) происхождения не смывается вплоть до третьего поколения, были с легкостью позабыты. От горожан, которые приобретали поместья ра-

чорившейся знати, не всегда даже требовалось непременно покидать привычную городскую среду. В вольных городах Империи, а также в таких крупных городах других государств, как Лилль или Гулуза, в позднее средневековье появляется так называемая городская знать, для которой характерно как владение поместьем, так и городской собственностью, и которая, в силу семейных традиций, принадлежит как к «дворянству шпаги», так и к «дворянству мантии».²¹ В Италии, разумеется, дворянство давно уже практически повсеместно проживало в городах. Городской дух Ломбардии и Лосканы не делал дворянство этих областей менее гордым и менее вздорным, чем сельская знать других стран, однако же этот городской дух поистине превращал там границы благородного сословия в практически прозрачные - особенно для тех, кто, даже если ему в своем *contado* и не хватало истинно аристократических корней, преуспевал в городской жизни и коммерции. Несмотря на всю свою, записанную в юридических книгах сословную исключительность, аристократия позднего средневековья на самом деле постоянно пополнялась новой кровью. Хотя традиционное внимание к родословным еще усилилось и превратилось в некую узаконенную доктрину, все же барьеры, установленные законом, оказались отнюдь не такими уж непреодолимыми. Брак, хорошая служба, богатство и дарованная сензором грамота аноблирования - все это способно было привести в благородное сословие людей, не имевших на то никакого права по рождению, и это случалось достаточно часто. Путь этот оказался ничуть не менее открытым для обладателей различных талантов, чем в былые годы. Однако же, более жесткие и четкие законы действительно способствовали тому - при учете очевидного факта, что законы эти чрезвычайно часто и нарушались, - что особое, куда более пристальное, чем прежде, внимание уделялось проблеме определения истинного духа и сути знати.

Здесь даже законы обычного права применить было бы довольно затруднительно. Обычное применение этих законов было связано с подтверждением дворянских привилегий, освобождавших от уплаты налогов, или с тем, что дворянство исполняло свой долг перед обще-

ством, служа в армии - то есть традиционный акцент делался на сословную функцию и происхождение. Точно так же проявляли себя и многие правила, касавшиеся *derogance* (нарушений законов, традиций) «благородного» образа жизни, в результате чего можно было вообще утратить свой высокий статус.²² Действительно, знатная дама могла лишиться своего положения в обществе, выйдя замуж за коммонера, и в данном случае акцент делался прежде всего на происхождении; но что гораздо важнее - дворянин мог лишиться своей сословной принадлежности, обнищав или занявшись «неблагородной» профессией, например торговлей. Нельзя игнорировать и тот факт, что выражение «благородный человек» имело не только общественное, но и этическое значение. Как что же тогда составляло истинную суть (дух?) дворянства? Этот вопрос был чрезвычайно важен не только, например, для герольдов как регистраторов отличительных знаков дворянских родов, но и для всего рыцарского общества в целом. Немало чернил было истрачено на рассуждения по этому поводу, и писатели, приверженные этой тематике, черпали сведения из всех источников тогдашнего знания. Поскольку в те времена понятия «рыцарство» и «знать» столь часто воспринимались как практически тождественные, нам следует с особым вниманием отнестись к мнениям этих авторов по данному вопросу и посмотреть, насколько эти мнения действительно адекватны.

Начать мы можем с того, что расположим как бы параллельно (в два столбца) противоположные взгляды относительно знати, высказанные двумя крупнейшими авторитетами эпохи позднего средневековья. Во-первых это Бартоло да Сассоферато, великий итальянский ученый-юрист XIV века, который был также автором многократно издававшегося трактата «*De insigniis et armis*», первого действительно научного труда по геральдике. Его точка зрения относительно дворянства, высказанная им в комментариях к двенадцатому тому «Кодекса Юстиниана», также получила широкую известность.²³ Его высказывания цитируют, например, кастильский странствующий рыцарь Диего де Валера и английский клирик, известнейший авторитет в области

геральдики Николас Аптон; они встречаются в «*Songe du vergier*» и у немецкого автора Феликса Хеммерляйна в его трактате «*De rusticitate et nobilitate*», а также у многих других.²⁴ Так что точка зрения Бартоло безусловно достойна всяческого внимания. Но если Бартоло был университетским ученым, интеллектуалом, то Оливье де Аа Марш, которого мы выберем в качестве второго авторитета, напротив, был просто относительно образованным рыцарем. Он верно служил герцогу Бургундскому в его войнах, был членом ордена Золотого Руна, исполнял обязанности дворецкого (*maitre d'hotel*) при дворе Карла Смелого и слыл большим знатоком геральдической премудрости. Хотя ему безусловно была известна точка зрения Бартоло, его собственные воззрения, как нам представляется, являются свидетельством совсем другого рода.

В своих комментариях Бартоло выделяет три разновидности знатных людей. Первая - «теологическая»; это избранники Господа, которым его милостью суждено вечное блаженство в противоположность тем, кому предначертано вечное проклятье. Простые люди, говорит Бартоло, не в состоянии отличить, кто в этом смысле действительно представляет знать, а кто - нет. Так что, с юридической точки зрения, эта категория наименее важна. Вторая категория - люди знатные по рождению; ее Бартоло определяет, ссылаясь на Аристотеля, пояснявшего в своей «Политике», что некоторые люди специально выделены среди прочих как люди свободные, и это связано с их особыми достоинствами и добродетелями (особенно с их способностью управлять другими людьми), которыми они и отличаются ото всех остальных, таланты которых позволяют этим последним выполнять лишь вспомогательную, служебную общественную функцию. (Слово «свободный», следует отметить, весьма часто употреблялось в средние века вместо слова «знатный», отсюда и столь ценимая рыцарская *franchise* «вольность», а также «освобождение от налогов»). Таких «свободных людей», чьи добродетели и достоинства, стало быть, и давали им возможность и право управлять другими людьми, Бартоло и определяет как знатных по рождению. Третью разновидность

он называет служилой знатью. Здесь он обращается к чисто формальным и юридическим нормам, согласно которым знатными людьми считаются все те, кто таковыми назван согласно закону и указам правителя страны, воплощающего высшую законодательную власть. С практических позиций юриста, для Бартоло это самая важная разновидность знати.

Однако все эти три разновидности, поясняет далее Бартоло, определенным образом связаны между собой. Земное царствование того ли иного правителя - это лишь отражение вселенского господства Всевышнего, и служилая знать представляет собой тех, кто были избраны данным правителем за их человеческие добродетели и достоинства, точно так же, как знать «теологическая» представляет тех, кто был избран милостью Божией. Не существует формального и определенного в полном смысле слова закона, признает Бартоло, который мог бы помешать правителю поддержать или аноблировать тех, кто этого достоин, однако же долг правителя превратить свои владения в истинное подобие Царствия Небесного и продвигать прежде всего тех, кто благороден по рождению. Таким образом, в схеме Бартоло имеется явная связь между всеми тремя типами знати, но и различия между ними тоже очень существенны. Имея в виду прежде всего людей, знатных по рождению, он аплодировал аргументам Данте в его философской работе «II Convivio» в пользу того, что суть знатности не в богатстве предков и изящных манерах, как утверждал император Фридрих, а в награде за личные достоинства и добродетели. Впрочем, говорит Бартоло далее, это может быть и не совсем так в отношении знати служилой, ибо здесь аргументация Данте не работает: здесь все зависит от того, признает или нет правитель состоятельную просьбу конкретного лица об аноблировании, что, на самом деле, вполне может свестись к тому, что богатое наследство, оставленное предками просителя и одобренное его отличными манерами, будет сочтено вполне достаточным основанием для удовлетворения подобной просьбы. Таким образом, Бартоло дает некое определение знатного человека, для которого личные достоинства играют весьма существенную роль, но который цели-

ком и полностью зависит от признания правителя и от принятой практики (что обычно и прежде всего означает наследственное право на вхождение в благородное сословие).²⁵

Оливье де Аа Марш начинает свои рассуждения о знатности именно с этой позиции - то есть с признания правителем достоинств того или иного конкретного человека - ибо его трактат предназначался специально для того, чтобы объяснить его молодому господину Филиппу Красивому, герцогу Бургундскому, кого именно ему следует воспринимать как истинно знатного человека в случае необходимости судебного поединка с ним. Его изложение собственного мнения по этому поводу гораздо короче, чем у Бартоло, и представляется настолько «классическим», что стоит, видимо, привести его полностью:

«Итак, господин мой, тебе необходимо - как в данном случае, так и во всех прочих, - прежде всего точно понять, кого именно следует считать *gentils hommes* (людьми благородными), кого - представителями высшей знати, а кого - людьми неблагородного происхождения... Благородный человек происхождением своим связан со старинным родом, и все его предки - люди благородные, и в последующих браках такие люди, а также их потомство, считаются благородными людьми. Что же касается знатности, которая является основой высокого положения в обществе, то она достигается в первую очередь теми, кто славно послужил своему господину и повелителю, за что и были аноблированы и он сам, и его потомки. И будущие наследники таких людей смогут - при сохранении своего статуса и соблюдении правил жизни людей достойных и благородных - также называть себя знатными. В-третьих, если кто-либо из слуг этого правителя или же из иных людей вел достойную жизнь и правитель за это пожаловал ему и его потомкам высокое положение в обществе... В-четвертых, если тот или иной человек - профессиональный воин и сражается во время войн в армии данного правителя, проявляя при этом храбрость и мужество, то это также дает основания для аноблирования. И в-пятых, если правитель хочет как-то возвысить того или иного человека, он может это сделать, вручив ему патент, согласно которо-

му тот будет причислен к благородному сословию в связи с совершенными им добрыми делами, или же в связи с исключительно добродетельной жизнью, или же в связи с его богатством. И хоть верно, что быть причисленным к благородному сословию с помощью такого патента - это самый последний из законных способов обретения статуса знатного человека, все же вполне очевидно (всем известно), что и древняя аристократия изначально в основе своей поднялась за счет скопившихся в руках отдельных родов богатств. И куда счастливее и ценнее других тот, кто начинает свой путь вверх с добродетельных деяний, а не тот, кто расстаётся со своим высоким положением во грехе.»²⁶

Это краткое изложение Оливье де Ла Маршем своих воззрений относительно знатности выглядит на первый взгляд весьма отличным от точки зрения Бартоло, а также менее последовательным, но на самом деле в их позициях много общего. У Бартоло основной акцент ставится на авторитете правителя, которого он описывает как источник всяческих почестей. Здесь его точка зрения вполне совпадает с теми позициями французских представителей обычного права, где особо подчеркивается исключительное право короля возводить в звание рыцаря неблагородных (поп- noble) по рождению, то есть тех, кто к благородному сословию никак не относится (следует отметить, что оба, и Бартоло и де Ла Марш, рассматривают рыцарство как звание, естественным образом причисляющее человека к благородному сословию). Оливье де Ла Марш, однако, признает также право правителя аноблировать того или иного кандидата и особо отмечает авторитетность патентов, выдаваемых «новой» знати; и оба автора подчеркивают, что часто пожалованный статус является наградой за хорошую службу правителю. Оливье де Ла Марш, впрочем, куда сильнее выделяет требование родовитости, чем это делает Бартоло, и таким образом как бы уточняется иерархия знати: тот, кто был аноблирован, может, разумеется, называть себя «noble» («благородным»), но все же gentility (благородство как составляющая рыцарского этоса), по словам Ла Марша, это нечто большее, и об этом можно заявлять, лишь имея соответствующее происхождение. Хотя и Бартоло признает и истинно благород-

ное происхождение. Если обычное право, действенность которого признана самим королем, считает знатными людьми тех, кто родился в благородном семействе (а именно так и считали в большей части стран в его эпоху), тогда, по мнению Бартоло, такие люди являются служилой знатью; и далее он весьма осторожно замечает, что в данном случае примесь «неблагородной крови» исчезает только через четыре поколения. Оба автора едины в мнении о том, что в терминах гражданского права и наследственная знать должна была так или иначе иметь в своих истоках некую общественную традицию (а иначе, замечает Бартоло, все потомки Адама и Евы должны быть либо благородными, либо неблагородными, что превратило бы всю данную аргументацию в абсурд).²⁷ Оба автора согласны, что определенный уровень благосостояния и определенный стиль жизни необходимы для того, чтобы быть причисленным к высшему сословию (щедрость, говорит Бартоло, это добродетель, весьма уместная для знатного человека, но щедрость невозможна без богатства). Оба, опять же, согласны по поводу набора определенных личных достоинств, необходимых представителю благородного сословия, хотя Бартоло соотносит подобные качества прежде всего с высоким общественным положением. Впрочем, на первое место эти авторы ставят различные достоинства: Бартоло делает акцент на способности знатного человека управлять другими людьми, а де Аа Марш - на его доблести и верной службе.

Несмотря на весьма различающиеся точки зрения, исходные предпосылки и различия в акцентах, все же в высказываниях этих авторитетных и очень разных авторов много общего. Оба в принципе сводят общественную функцию благородного сословия к служению светской власти. Оба предлагают хотя и весьма отличающиеся друг от друга, но все же сходные перечни качеств, необходимых для аноблирования или же передачи этого высокого статуса по наследству. Это, во-первых, признание правителем определенных достоинств данного человека, затем профессионализм, высокий уровень благосостояния и определенный стиль жизни, а также обладание необходимыми добродетелями и родословной. Подобные характеристики выдвигаются не только данны-

ми авторами, но и многими другими, которые в период позднего средневековья посвящали свои труды толкованию понятия «знатный человек». В своих попытках обосновать релевантность каждого из этих признаков они черпали из всех тех источников, которые я ранее назвал «рыцарской эрудицией», то есть использовали юридические, этические и более всего исторические знания, соответствовавшие данной эпохе. И то, что эти авторы добавляют к уже известным нам высказываниям по этому поводу Бартоло, де Ла Марша и других, представляется в высшей степени познавательным.

•К -К •К

По поводу аноблирования властью правителя и выдачи патентов в данной главе уже сказано достаточно. И в первую очередь теперь следует, видимо, рассмотреть то, что средневековые ученые мужи имели сказать относительно рыцарской профессии и профессионализма. Прежде всего нужно отметить, что в их произведениях вновь и вновь подчеркивается тезис, установленный нами ранее: то, каким образом понятия «рыцарство» и «знатность» в позднее средневековье стали практически взаимозаменяемыми. Исторические объяснения, которые упомянутые авторы предлагают относительно истоков рыцарства, оказываются в точности такими же, как в работах значительно более раннего периода, даже формулировки их изменены самым минимальным образом. С давних пор, с момента изгнания из Рая, ссоры и смуты заставляли людей выбирать себе правителей, говорит Бомануар, «и, чтобы защитить себя от врагов и от злокозненных судей, они выискивали в своей среде самых красивых, самых сильных и самых мудрых, предоставляя им право *seigneurie* (власти) над остальными с тем, чтобы эти люди помогали верховному правителю поддерживать мир... И от этих людей произошли те, кого мы теперь называем «благородными».²⁸ Это практически то же самое, что говорили об истоках рыцарства Рамон Луллий и Иоанн Солсберийский. Диего да Валера дает сход-

ное толкование происхождения *gentility*, благородного сословия: согласно его мнению, оно возникло в результате необходимых мер по преодолению смут и раздоров, возникших в связи с крушением Вавилонской башни.²⁹ Вершить справедливый суд и защищать свой народ на поле брани - таковы исходно его основные функции. В свете подобной (и общей) точки зрения, совершенно неудивительно обнаружить, например, как герой по имени Воображение в анонимной поэме «*Enseignement de la vraye noblesse*» («Наставления в истинной знатности»), заявляет, что отправление правосудия - это неотъемлемая черта и обязанность благородного сословия, и определяет правосудие в уже знакомых нам рыцарских терминах: «оно означает защиту и охрану Святой церкви, вдов и сирот, больных и слабых, а также простолюдинов.»³⁰ Сходным образом, *noblesse* и *chevalerie* связываются друг с другом в связи с выполнением одних и тех же обязанностей, свойственных второму из трех, уже знакомых нам христианских сословий - воинскому (то есть тем людям, основным занятием которых является поддержание справедливости посредством меча). Развивая эту тему с помощью живой аллегории, автор «*La vraye noblesse*» уподобляет правителя «доброму вознице», который погоняет двух лошадей, которые тащат груз всеобщего благосостояния: правая лошадь - это духовен-

31

ство, а левая - знать.

Подобные теории вполне соответствуют общепринятому в позднее средневековье отношению к данным вопросам. Знать и профессия воина действительно были тесно связаны. Когда французские короли XIV века желали собрать армию, то призывали на службу всех, кто считался «*поible*» или владел рыцарским фьефом. Когда же позднее, уже во времена Карла V и Карла VII, стали создаваться постоянные армии (точнее, постоянные военные подразделения в виде отрядов, рот и т.д.), то подавляющее большинство тех, кто был занесен в именные списки этих подразделений, составляли люди знатные, и совершенно очевидно, что именно их и воспринимали как первоочередных и естественных рекрутов в эти войска.³² В Германии Конрад Мегенбургский настоятельно советовал юным отпрыскам знатных родов, особен-

но бедным, стараться составить себе состояние благодаря службе в армии во время войн с Италией, и исследование Шафера по крупнейшим немецким кампаниям тех времен показывает, сколь много в этих войсках было сыновей небогатых семейств, которые последовали совету Конрада.³³ Военная профессия, более того, воспринималась как приносящая именно знатному человеку в том самом смысле, который предлагал де Ла Марш. «Мы, бедные солдаты, - писал Жан де Бюэй^{2*}, - принадлежим к благородному сословию и большая часть из нас люди родовитые и знатные, а те, кто не имеет столь благородных корней, теперь также стали знатными благодаря тяжкому учению и воинской профессии, которая уже сама по себе является профессией благородной.»³⁴ Николас Аптон рассказывает: «ныне мы видим, и сколь много бедных людей совершенно открыто превращаются в людей знатных благодаря своей службе во время войн с Францией - одни благодаря своей отваге, другие благодаря собственной энергии, или проявленному мужеству, или иным достоинствам, которые, как я уже говорил, возвышают людей и открывают им доступ в благородное сословие.» Подобные референции объясняют, как с течением времени одним из способов доказать свою принадлежность к благородному сословию во Франции стала демонстрация свидетельств того, что данный человек был рекрутирован в королевскую армию как воин. «Третий способ (доказать свою принадлежность к благородному сословию), - говорится в одном французском трактате XVI века, - это показать, что предки данного лица, его отец или дед, служили в армии, ибо знатность связана с военной службой.»³⁶

То, что в позднее средневековье основной упор делался уже не на прохождение обряда посвящения в рыцари, а на кровную принадлежность к знатному роду, отнюдь не подрывает основ той концепции, согласно которой главной функцией светской аристократии была военная служба. В самом широком смысле этого слова рыцари, «nobles» - вне зависимости от того, прошли они обряд посвящения в рыцари или нет, - представляли собой *chevalerie*, воинское сословие, по-прежнему определяемое в соответствии со своей функцией.

*к * -к

Определенный стиль жизни, опиравшийся на соответствующий уровень благосостояния впоследствии стал восприниматься - аналогично военной службе - как возможность доказать свою принадлежность к благородному сословию. Образ жизни и благосостояние всегда взаимосвязаны, ибо последнее является неременной основой для первого. Что же касается должного уровня благосостояния как конкретной характеристики знати, то с первого взгляда, честно говоря, здесь заметна некая двусмысленность. Ведь многие авторы особо подчеркивают необходимость оказывать особое почтение именно бедным рыцарям и особо ценить их, памятуя, что богатство без высоких личных качеств ничего не стоит. И подобные настроения весьма ярко отражены как в рыцарских романах, так и в куртуазных наставлениях. Король Артур в прозаическом «Аанселоте»^{3*} особо выделяется как образцовый правитель, который ценил и награждал бедных рыцарей за доблесть. А Александр Македонский в «Романе об Александре» даже отдает приказ, чтобы бедных рыцарей, которые прошли обряд посвящения одновременно с ним, облачали в рыцарские одежды раньше, чем богатых.³⁷ Жоффруа де Шарни тоже расточает похвалы тем, кого называет своими «бедными товарищами по оружию»³⁸. И в поэме «La vraie noblesse» ее анонимный автор закликает королей и капитанов непременно «обращать внимание на слова и советы бедных товарищей по оружию, ибо среди них много таких, кому недостает богатства, но у которых зато с избытком здравого смысла и мужества, чтобы быть готовыми для великих свершений».³⁹ Вместе с подобным отношением к бедности имеет место и восхищение сдержанностью и строгостью манер, в которой ощущается привычка к суровой дисциплине и самоограничению, которые с таким упоением воспевали авторы рыцарских романов о воинах античности. Автор «La vraie noblesse» рассказывает о том, как поражен был посланник сарацин, увидев истинного рыцаря и короля Иерусалима Готфрида Бульонского сидящим в доспехах и с оружием возле своей палатки на простой соло-

менной циновке, и о том, как великий Бетран Дю Геклен, считая Готфрида идеалом рыцарственности, говорил: «ему безразличны были пышные церемонии и нарядные одежды; ему достаточно было доброго коня, прочных доспехов и острого меча.»⁴⁰ Машо⁴ восхваляет ту же сдержанность в короле Иоанне Богемском: «К деньгам он не стремился; прославить свое доброе имя - вот что было единственным устремлением его души. А для себя ему было вполне достаточно коня и серого фризского (голландского - И.Т.) шерстяного плаща, а в смысле еды он, если не было доброго куска мяса, вполне довольствовался ржаным хлебом, селедкой или каким-нибудь супом, одобренным маслом.»⁴¹

Впрочем, подобное подчеркивание чуть ли не нищеты и умеренности во всем обманчиво. Настоящему рыцарю действительно следовало быть готовым к любым трудностям и ударам судьбы, справедливость которой не подвергалась ни малейшему сомнению. Однако прекрасные описания в романах артурова цикла гостеприимства по отношению к странствующим рыцарям в тех замках, куда они попадают - примером тому может служить прием Берсилаком в Зеленом Замке сэра Гавейна (в романе «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»), - совершенно явно свидетельствуют о том, что бездомность отнюдь не являлась непременным атрибутом того образа жизни, который был привычен для подобного героя, представителя определенного общественного слоя. Главное достоинство того покровительства бедным рыцарям, которое оказывали им такие великие люди, как король Артур и Александр Македонский, заключалось в том, что благодаря этому покровительству бедные становились богаче⁴² и как бы ближе одетым в великолепное платье и меха знатым владельцам замков. И действительно, нам не раз дают понять, что одно из достоинств военной профессии то, что она является путем к достижению богатства. Молодые воины и рыцари должны упорным трудом и собственной отвагой завоевывать себе славу и почести, пишет Филипп Новарский, «а также - мирские богатства, дабы им самим и их детям можно было жить достойно и проявлять щедрость по отношению к своим друзьям и слугам».⁴³

Мы уже знаем, что Конрад Мегенбургский призывал тех, кто бедны и родовиты, идти воевать в Ломбардию или куда-нибудь еще и там с помощью армейского жалования и военных трофеев составить себе капитал и поддержать унаследованное поместье. Гилберт де Ланнуа говорит своему сыну, что есть три достойных способа обрести богатство: служение королевскому двору, удачный брак или участие в войнах.⁴⁴ Суть вполне ясна: для истинного благородства необходим определенный уровень благосостояния, и поиски средств на это - не ради самого богатства, но ради поддержания достойного образа жизни, - есть устремления весьма разумные и вполне оправданные. Как сухо заметил один юрист, занимавшийся гражданским правом: «знать без богатства - все равно, что Вера без благочестия».⁴⁵

И он был совершенно прав. Достойный образ жизни выдвигал вполне определенные и весьма дорогостоящие требования. «Рыцари и оруженосцы должны иметь хороших коней; они, а также их слуги обязаны быть хорошо экипированы, то есть иметь соответствующие доспехи, мечи, луки и стрелы и быть изящно и строго одеты; а также им следует разумно и достойно тратить средства на содержание своего дома и прислуги.»⁴⁶ Даже представителю небогатой знати следовало, по мнению общества, жить в приличном доме, по возможности обнесенном зубчатой стеной с амбразурами и башенками, дабы это придавало его жилищу вид замка⁴⁷; он должен был также держать для охоты соколов и гончих псов и знать в этом толк, чтобы уметь со знанием дела поддержать соответствующий разговор. Шутка Поджо (Poggio)^{5*}, что быть истинно благородным человеком значит жить в деревне и без конца (и без смысла!) убивать время, проводя его на свежем воздухе за разведением соколов и охотой, не лишена определенной справедливости.⁴⁸ Дорогостоящий досуг и довольно-таки бездумное веселье в часы лени - это отдельная литературная тема, сюжеты из которой весьма оживляют порой многочисленные описания жизни знатных семей. Когда «кастелян из Куси» (имеется в виду «Роман о кастеляне из Куси» Жакмеса - И.Т.) был приглашен в замок Файель на обед, то там «подавалось сколько угодно прекрасных вин, а

разговор шел только об оружии и о любви, ну и еще о гончих псах, ловчих птицах и турнирах.»⁴⁹ Очаровательная Вьенна в романе д'Амрикура «Paris de Dauphine» была воспитана так, чтобы читать романы и «волшебные» истории, уметь танцевать, петь и играть на всех музыкальных инструментах, а также проявлять ко всем доброту и милосердие.⁵⁰ Оружие, занятия спортом, а также щедрое гостеприимство - все это стоило немало, как и ухаживание за благородными дамами и девицами. Рассказы о жизни знати часто весьма соблазнительны, однако же нет сомнений в том, что подобный образ жизни был чрезвычайно дорогостоящим.

Да, истинно благородный человек просто обязан был проявлять гостеприимство, и весьма щедрое. И высокая похвала содержится в словах Жака д'Амрикура о том благородном обычае, установленном в Льеже Иоанном Красивым, герцогом Бургундским, что за его столом всегда и всем хватало места, а если оруженосцы герцога встречали какого-то достойного человека, будь он священником, рыцарем или юным оруженосцем, то непременно просили его отобедать с ними вместе, даже не спрашивая разрешения у своего господина, ибо знали, что любому такому гостю там будут рады.⁵¹ От благородного человека также ожидали проявления щедрости в раздаче милостыни, в принесении даров церкви, в постоянном заказывании служб во спасение своей души. Жан де Грани^{6*} озадачил своих душеприказчиков требованием непременно отслужить не менее пятидесяти тысяч месс за упокой его души в течение первого года со дня его смерти, и даже довольно бедный *seigneur* мог, согласно ожиданиям, заказать четыре или пять тысяч месс за себя и своих предков. Огромное место в трактатах по геральдике занимают описания церемонии похорон представителей знати - с выставлением мемориальных досок с изображением гербов, с горящими свечами, на воске которых выдавлены все ветви генеалогического древа покойного, и с соблюдением необходимых правил, согласно которым выставляется оружие, доспехи и изображение покойного на его гробнице.⁵² И если вести истинно благородный образ жизни было достаточно дорого, то и умереть «как следует» также стоило немало.

Между прочим, бережливость как достойный способ обогащения в списке Ааннуа отсутствует, что весьма примечательно.⁵³ Он словно напоминает нам, что для знати позднего средневековья, в тесный мирок которого мы попали, совершенно чужда идея бережливости, не говоря уж о накопительстве. Богатство существует исключительно для перераспределения, а не для того, чтобы его пускать в рост; и *largesse* всегда была отличительным свойством любого знатного человека; и хотя действительно следовало как-то соизмерять допустимую щедрость с возможностями собственного кармана, ибо расточительность или мотовство воспринимались как грех, однако скардность была грехом еще более тяжким.⁵⁴ В пределах своих средств каждый дворянин был просто обязан проявлять щедрость. Ничего удивительного, что для многих небогатых представителей знати было весьма нелегко держать марку. Как пронизательно замечает профессор Дюби, чрезмерные траты почти наверняка погубили куда больше знатных людей, чем это когда-либо смогли сделать неблагоприятные экономические условия.⁵⁵

Стоит, пожалуй, еще несколько слов сказать об идеальном образе жизни представителей высшей знати и попытаться поточнее определить некоторые его характерные особенности и материальные запросы. Последние легко преувеличить, если судить по блестящим литературным описаниям яркого и дорогостоящего великолепия дворов высокопоставленной знати. Но если знатный человек более скромного достатка и не был в состоянии подражать подобному блеску, то совершенно ясно, что он все равно стремился к такому образу жизни и всячески его восхвалял, причем делал это вполне сознательно. Давайте посмотрим, как Жак д'Амикур изображает знать Нидерландов и свойственный ей образ жизни в своей книге «*Le Miroir des nobles de Hesbaye*» («Зерцало знати Эсбе»), Примеры из этого произведения не позволяют читателю витать в облаках. Аибье де Варфюрье оставил военную службу после смерти жены и стал священником, однако прежнему образу жизни не изменил и продолжал жить в своем поместье-крепости, где у него была знаменитая мельница, которая в итоге и

сделала его богатым; благодаря этому он получил возможность должным образом воспитать свою дочь, и она научилась вышивать, играть в шахматы, а также читать Часослов и романы - все эти умения помогли ей заполучить богатого и во всех отношениях достойного мужа.⁵⁶ Гийом, сеньор д'Амрикур очень любил турниры и весьма скоро растратил на эту забаву все свое состояние, постоянно выплачивая выкупы и приобретая новых боевых коней; от полного разорения его спасли гениальное умение его жены экономно вести хозяйство и огромные отары овец, которых она развела (втайне от Гийома).⁵⁷ В этой книге описано общество землевладельцев, состоятельных помещиков, которые ссорятся по поводу прав на землю и немало размышляют о выгодных браках для своих детей. И все же это явно общество рыцарское. Члены каждой из здешних знатных семей когда-либо да участвовали в одной или нескольких местных войнах, а многие из них рискнули в поисках приключений отправиться и гораздо дальше, за границу. Так, Отт де Варфюзье и «добрый бастард» Веземаль служили Карлу II Анжуйскому в войне с Арагоном и были признаны в свое время *les trois plus preux de Nesbaue* (тремя самыми «Бесстрашными» в Эсбе).⁵⁸ Раду де Коломб стал коннетаблем роты в Ломбардии.⁵⁹ Вильгельм де Варус и Годфор де Блеан совершили паломничество в Иерусалим и были посвящены в рыцари у Гроба Господня.⁶⁰ Приведен также весьма печальный список тех молодых и подающих надежды воинов, которые погибли, сражаясь с сарацинами в Турции и других заморских странах, а также в Испании.⁶¹ Турниры, крестовые походы и дальние странствия занимали очень важное место в жизни дворян Эсбе, более важное даже, чем содержание мельницы или стада овец, хотя средства для одного, разумеется, изыскивались в другом.

Д'Амрикур, разумеется, плеснул толику романтизма в изображенную им картину (добавив также немало снобизма, следует заметить). Все женщины у него прелестны; мужья их обожают за красоту и щедрость; даже старухи не забывают тех юношей, что некогда тронули их сердце.⁶² Идеал совершенства для него - некто Ренар де Фалькомон, который посватался к сестре его товарища по оружию Генриха,

сеньора Ботерсема, и женился на ней; от этой пары родилось множество прелестных детишек, которые, в свою очередь, прославились «благодаря наивысшим проявлениям доблести, красоты, благородства (gentility) и мужества, какие можно найти только в тех землях, что лежат между Маасом и Рейном.»⁶³ В этой книге можно найти следы очаровательных генеалогических мифов; такова, например, история об Амейле де Лекси, одном из дальних предков Жака д'Амикура, которого последний упоминает в столь любимой им родословной. Этот человек, направляясь на поле брани, однажды жарким днем повстречался на берегу источника с женщиной, самой прелестной из тех, каких когда-либо видел. Красавица поведала ему, что она чужестранка, дама благородного происхождения, и совершает паломничество в Святые места. После продолжительной беседы с нею герой уговорил незнакомку отправиться к нему домой, угостил ее обедом, а затем и в постель заташил. Утром она поблагодарила его за гостеприимство и спросила, знает ли он, кто она такая. «Нет», - сказал он. «Я дьявол», - сообщила гостя. «Дьявол?- воскликнул Амейль де Лекси. - Но тогда, клянусь муками Спасителя, можешь, когда вернешься, поведать всем у себя в аду, что нынче ночью ты оказалась самым «затраханым» дьяволом во всем подлунном мире!» Но даже и эта забавная история имеет оттенок аристократизма, ибо в ней главные роли исполняют прелестней «аристократка» и отважный сеньор, который привез эту даму к себе в поместье и проявил при этом самое широкое гостеприимство, даже не подозревая о столь драматических последствиях этого приключения.

64

* * *

Разумеется, Амикур писал свою книгу не столько ради подобных сцен из жизни знати, сколько ради выстраивания родословных своего родного Эсбе. Генеалогия и добродетели - учитывать следует прежде всего именно эти две основные характеристики человека поистине

знатного (из того длинного списка, который, как мы уже убедились, приводят и Бартоло, и Оливье де Ла Марш, и их последователи); и учитывать следует обе эти характеристики одновременно, ибо их «борьба» за первостепенность послужила основой для долгих и упорных споров. В центре этой проблемы тема, весьма элегантно поставленная еще в начале XIII века, причем поставленная ни много ни мало таким авторитетом, как Ланселот в прозаическом варианте романа «Ланселот-Грааль»: «Говорят, все народы на земле произошли от одного-единственного мужчины и одной-единственной женщины, так что я совершенно не понимаю, как это в одном человеке может быть больше знатности (gentility), чем в другом... если только он не стал знатен благодаря собственной доблести, завоевав себе славу точно так же, как другие завоевывают земли и почести.»⁶⁵ И все же, согласно общепринятому мнению, в ту эпоху, когда был написан роман о Ланселоте, знатность - или благородство - связывались прежде всего именно с происхождением, да и сам роман исполнен должного уважения к родословным героев. Два требования - родовитость и наличие определенных добродетелей - словно соревнуются друг с другом даже на тех страницах, что посвящены его (Ланселота) собственной истории, и отчасти целью этого является показ того (через рассказ о героических деяниях Ланселота), что он достоин своих благородных предков.

Защитники тех требований, которые предъявлялись к происхождению и генеалогии того или иного человека, основывали свои аргументы в основном на авторитете традиций, а не разума. Оглядываясь на библейскую историю о Ное и его сыновьях, они утверждали, что свободные люди (freemen) якобы происходят от Сима, рыцари - от Иафета, а вилланы (bondmen) - от Хама, опозорившего свое семя тем, что насмеялся над пьяным отцом. В этих доводах была, разумеется, некая неувязка, как пронизательно заметил один клирик, герой «Songe du Vergier»: ведь все три сына происходили от одного отца. Но это отнюдь не отпугнуло юристов обычного права, которые стали и самыми прилежными толкователями требований, предъявляемых к родос-

ловным знатных семейств, особое внимание уделяя таким, например, тонкостям, следует ли считать человеком благородным сына коммонера и знатной дамы (ответ обычно был «нет»), и сколько поколений требуется для «очистки крови» от «неблагородных примесей». На самом деле нельзя даже сказать, что юристы по этому поводу спорили. Бартоло, подчеркивая, что именно верховная власть является источником всех почестей и именно благодаря признанию со стороны правителя вступают в силу законы обычного права о правах наследования, подходит гораздо ближе к предоставлению разумных аргументов в защиту наследственного принципа - но в целом же это касается не претензий на «дворянство по крови», а авторитета верховного правителя. Но даже и Бартоло, как мы уже видели, помимо этого выдвигает немало требований, связанных с личными достоинствами и добродетелями, параллельно тем, которые основаны исключительно на местных правилах наследования. И, не говоря уж об авторах-легистах, имеется целая туча свидетельств того, что акцент делается совсем на ином - на личных достоинствах и добродетелях как истинной основе знатности, а не на родовитости и «благородной» генеалогии.

Вдохновенная защита Данте личных достоинств и добродетелей как истинной основы знатности, противостоящая требованиям о наличии «родового наследства», некоторыми учеными воспринимается как пролог к будущему гуманистическому подходу к этой проблеме в эпоху Возрождения.⁶⁶ Данте действительно изобрел весьма оригинальный и привлекательный способ определения знатности, который ему удалось дистиллировать из мудрости прошлого, а затем придал ему как бы дополнительное измерение благодаря сделанному акценту на свободном выборе достоинств и добродетелей как основных качеств истинно благородного человека. Впрочем, базовые положения теории Данте, по всей видимости, отражают общепринятую точку зрения его эпохи и не являются столь уж новыми. «Закон гласит, что в самом начале благородное сословие произошло исключительно из людей с прекрасной репутацией, обладавших соответствующими добродетелями, а также хорошими манерами», - заявляет Андрей Капеллан, который писал еще

в 80-е годы XII века. Человек, аноблированный «благодаря самому себе», должен иметь предпочтение перед всеми остальными, прибавляет он, то есть перед теми, кто «получает свою знатность, как наследство, от тех, благодаря кому он явился в этот мир»/⁶⁷ «Считается ли знатым тот, кто предъявляет права на титулы и почести только потому, что унаследовал дворянство от других, хотя сам не обладает ни их заслугами, ни их доблестью? - спрашивает Жан де Мен, старший современник Данте,- Я говорю: Нет».⁶⁸ Фруассар в прологе к своей хронике явно желает напомнить читателям, сколько во время недавних войн «поднялись до уровня рыцарей и оруженосцев и сделали карьеру скорее благодаря своей доблести, чем благодаря своему происхождению» Господь непременно отметит тех, кто достойно трудился, даже если они происходят из низкого сословия - таково мнение Жоффруа де Шарни.⁷⁰ Более амбициозные авторы XV века в своих трудах по геральдике избирают ту же линию и, пользуясь всеми своими знаниями в области истории, стараются доказать верность своей позиции. Из библейских примеров ясно, что принадлежность к благородному сословию определяется не только происхождением: у Сима, Хама и Иафета был один и тот же отец, однако один из трех братьев считался благородным, а остальные нет (здесь и содержится неувязка в аргументации, которая отслеживает генеалогию знатных родов вплоть до сыновей Ноя), а библейский Давид из пастуха вырос до великого царя.⁷¹ Обращаясь к языческой античности, авторы геральдических трудов специально отмечали, что в Риме храмы Добродетели и Чести стояли рядом и имели только одну дверь, общую, то есть человек мог войти во второй храм только через первый.⁷² В истории классического периода ими также был собран богатый урожай примеров того, как представители благородного сословия достигли определенных высот, поднявшись буквально из самых низов общества: Тарквиний, Ганнибал, Агафокл, Марий, Катон.⁷³ Античные мудрецы - Сенека, Цицерон, Аукал - также единодушно, по мнению геральдических писателей, поддерживали эту доктрину (как, впрочем, и церковные власти). Более того, на их стороне был и столь великий авторитет, как Аристотель. «Я последовал совету

многих благородных и мудрых людей, - писал герольдмейстер Жиль, один из пяти высших чиновников геральдической палаты Максимилиана Австрийского, - относительно герольдмейстеров, герольдов, а также многих знаменитых докторов права... которые, придя к общему мнению, сделали вывод относительно начал и основ благородного сословия в целом, полагаясь на авторитет Аристотеля, который сообщает нам, что к благородному сословию относится тот, кто заслужил эту честь благодаря своим добродетелям и достоинствам.»⁷⁴

Успокоившись на том, что именно добродетель является в этом вопросе определяющим фактором, значительная часть авторов рыцарской литературы не смогла устоять перед возможностью продемонстрировать собственные знания, развивая свою аргументацию в продолжительных дискуссиях по поводу четырех основополагающих достоинств и их отношения к благородному статусу. И, что естественно для той наполненной войнами и сражениями эпохи, особенно подчеркивалось ими одно достоинство: сила духа (*fortitude*), «ибо принято считать,⁷⁵ что в основе истинно благородного характера лежит мужество».¹ Великодушие, а следовательно и щедрость (*largesse*), рассматривались как качества, сопряженные с силой духа. Затем - по степени важности в этой формальной классификации добродетелей - следовала справедливость, ибо именно она определяла основную рыцарскую обязанность человека благородного - защищать бедных и угнетенных.⁷⁶ Другие писатели, отказавшись от подобной классификации, просто перечисляли достоинства, которые традиционно ассоциировались с рыцарством. «Те, кто знают, что их называют «благородными и желают, чтобы их действительно таковыми считали, должны быть воплощением двенадцати главных добродетелей» - именно так заявлено в одной небольшой поэме, которую часто цитировали герольды и которая, похоже, была сокращенной версией знаменитого произведения Алена Шартье⁷¹ «Настольная книга для знати» (*Breviaire des nobles*). И что же представляли собой эти двенадцать добродетелей? Оказывается, это уже давно знакомый нам список: вера, верность, честь, щедрость, доблесть, куртуазность - и так далее.⁷⁷

В упомянутой поэме, однако, совершенно ясно говорится о некоей связи, существующей между принадлежностью к высшему сословию и происхождением. «Вы, отпрыски знатных семейств, наследники благородной (gentle) крови, именно вы и должны обладать разумом и необходимыми добродетелями» - таковы первые слова этого произведения. Добродетели и достоинства, возможно, и являются «основой и началом» благородного сословия, но это вовсе не означает, что происхождение никакого значения не имеет. Оно, может быть, не так важно, как добродетельность, и по этому поводу как бы существует общее согласие, но одно уже это выдвигает на передний план еще более сложную проблему: а какова в действительности связь добродетельности с происхождением? Ведь в те времена, когда столь многое передавалось по наследству и когда происхождению уделялось столько внимания, и сомнений не могло быть, что такая связь, и весьма тесная, непременно должна существовать.

Призывали на помощь еврипику - хотя и очень осторожно и далеко не так часто, как того можно было бы ожидать. Но выводам еврипики мешал библейский пример «плохих» сыновей Адама и Ноя, делая вполне очевидным и свободно допустимым то, что у добродетельных родителей не всегда рождаются столь же добродетельные дети. Тем не менее, можно было спорить, доказывая, что наоборот бывает все же гораздо чаще.⁷⁸ Похоже, и Аристотель склонялся к подобному мнению, и в отношении животных это было справедливо, поскольку жеребята от быстроногих родителей гораздо чаще, чем прочие, также бывали быстроноги.⁷⁹ Разумеется, тут же напрашивались некоторые бесхитростные аналогии относительно браков между людьми, давших соответствующее потомство, что, конечно же, использовалось для дальнейшего развития подобной аргументации. «Это же достоверный факт (*chose veritable*), - писал Диего да Валера, - что если у отца, славящегося своим благородством и добродетелями, рождается сын, то обычно бывает, что и сын этот также становится впоследствии человеком благородным и добродетельным. Однако довольно часто бывает и так, что многие отцы к моменту рождения (или даже зачатия)

снего ребенка успевают изменить добродетельному и благородному образу жизни, и в таком случае сыновья их следуют тому дурному примеру, который показывает им отец.»⁸⁰ Старый капитан Кратора в «Jouvencel», биографии Жана де Бюэя, судя по всему, разделял эти изобретения, но (несомненно будучи женоненавистником до мозга костей) считал, что в браке именно женскую половину следует винить за появление на свет неблагородного потомства. «Я никогда не поверю, что люди знатные, обесчестившие свой герб, произошли от достойных отцов, имена которых они носят; так что остается предположить, что у матерей этих детей были греховные помыслы, когда они их рожали. А может, они даже и прижили их во грехе.»⁸¹ Смешная щепетильность Диего в вопросах рождения внебрачных детей, похоже, происходит из той же теории моральной евгеники. Истинные бастарды, говорит он, это те, кто был рожден женатым человеком от незамужней женщины, и они могут принадлежать к благородному сословию, если их матери также к нему принадлежат; однако же дети, рожденные знатными людьми от проституток, евреек или сарацинок таковыми считаться никак не могут, ибо «рожденные в столь тяжком грехе ни при каких обстоятельствах не должны принадлежать к тому же благородному сословию, что и их отцы.»⁸² Это же не истинные бастарды, фыркает он с усмешкой, а просто незаконнорожденные дети.

Попытки установить прямую связь между добродетельностью и произведением на свет потомства, подобные только что описанным, не принесли, похоже, сколько-нибудь глубокой убежденности в правоте этой теории. Гораздо популярнее была иная линия, куда более разумная и широко распространенная, которая устанавливала и значительно более свободную связь скорее с окружением, чем с наследственностью, и имела гораздо больше последователей и существенно больший вес в обществе. Именно об этом говорит в своих комментариях Данте: «А потому, пусть ни один отпрыск рода Уберти из Флоренции или же рода Висконти из Милана не посмеет сказать «Я благороден по рождению», ибо божественное семя падает не на весь народ, племя или семью в целом, но лишь на некоторых отдельных представителей это-

го народа... и не семья делает человека благородным, а отдельные ее члены облагораживают весь человеческий род.»⁸³ Данте отнюдь не был первым, кто выразил эту идею. Жан де Мен, писавший значительно раньше, излагает практически те же мысли, но чуть иначе: «7 от, кто стремится к истине, должен признать, что в принадлежности к благородному сословию как таковому ничего хорошего нет, если только сам этот человек не стремится превзойти в доблести своих знатных и благородных предков. А к этому и должен стремиться каждый, кто хочет называться истинно благородным.»⁸⁴ Мнение о том, что именно генеалогия должна служить нянькой и наставницей знати, а также и всего сословия, возникало постоянно и не раз высказывалось различными авторами. Целью составления д'Амрикуром генеалогий и описание им героических деяний знати Эсбе было, по его собственным словам, «обретение радости и покоя потомками этих знатных людей, когда они узнают о своем происхождении и с удвоенным рвением станут стремиться к еще более великим свершениям.»⁸⁵ «Я не знаю, как высокие подвиги и прекрасные манеры тех, кто уже умер, могут способствовать возвеличиванию их наследников и последователей, - говорит Воображение в поэме «*La vraye noblesse*», - если только эти новые поколения не станут брать пример со своих великих предков.»⁸⁶ Все подобные рассуждения отлично подытоживает Диего да Валера (ибо даже он под конец оказывается не таким твердолобым приверженцем евгеники): «Я полагаю - и считаю самым большим достоинством людей знатных - что это благородное сословие заставляет всех, кто принадлежит к нему по рождению, стараться походить на своих благородных предков.»⁸⁷

Таким образом, мнение средневекового общества о родовитости и благородстве на первый план выдвигает не только рождение в знатной семье как определяющий (кастовый) момент, но и в не меньшей степени фамильные традиции чести, а также то привилегированное положение в обществе, которое основано на заслугах прошлого и является примером для будущих поколений. Обзаводитесь наследниками, говорит Филипп Новарский, «ибо благодаря наследникам, носящим

фамилию своего отца, память о нем и о его предках сохранится в этом мире надолго.»⁸⁸ То, что семье - происхождению - уделяется так много внимания, совершенно естественно. Семья была основной социальной единицей, известной этой эпохе, когда обычное право было буквально пропитано идеями генеалогического наследия; да и Библия с ее пространными генеалогиями свидетельствовала о важности происхождения в истории религии. Попытка отделить конкретного человека от его семейных (родовых) корней показалась бы совершенно неестественной. Даже Данте, горячий защитник личных добродетелей и достоинств, понимал, что поступки индивида налагают отпечаток на всю его семью: «отдельные члены семьи облагораживают весь род человеческий,» - заявляет он. Поступки и привычки отдельных членов данной семейной структуры рассматривались как формирующие для всех остальных: «ты приходишь из знатного рода, а **потому** должен искать трудностей, дабы вырасти человеком добродетельным», - говорит мать Людовика де Гавра в романе «Seigneurs de Gavre».⁸⁹ Действительно, именно в этом заключается основное различие, которое пуритане устанавливали между людьми знатными и «просто» принадлежащими к благородному сословию. Благодаря личным достижениям человек мог быть аноблирован, однако же истинное благородство требовало большего - формирования определенной традиции, определенного образа жизни, определенного поведения - и все это должно было выдержать проверку временем, прежде чем перейти к следующему поколению.

В позднее средневековье традиционное уважение к старинным аристократическим корням рыцарства имело уже не столь большой вес, зато было очищено ото всяческих примесей и кодифицировано, а также до некоторой степени узаконено юридически. И в этом процессе основополагающая связь знатности и добродетельности никогда не упускалась из виду. Мать Луи де Гавра, как мы уже видели, постоянно напоминала сыну, что он происходит из знатного рода, однако же основная ее мораль такова: что ему следует стремиться к добродетельной жизни, «ибо благородство поведения всегда выше благородства

происхождения».⁹⁰ Этот совет, однако, исходит от героини романа, а не из реальной истории, и по этой причине данный вопрос так и остается открытым. Неужели же факты - в девяноста девяти случаях из ста - не были проще, чем вся эта теория, и принадлежность к высшему сословию со всеми ее знаками и эмблемами не была всего лишь чем-то передаваемым по наследству? Насколько в действительности широко - если это вообще имело место - была на практике распространена теория главенствующей роли добродетелей? Нам потребуются целая глава, чтобы попытаться ответить на этот вопрос хотя бы частично.

Примечания переводчика

Рене Анжуйский, 1409-1480, номинальный король Иерусалима, король Неаполя с 1435 г. и Сицилии с 1415 г., герцог Анжуйский и Лотарингский, граф Прованский. А также - французский поэт, автор трактата о турнирах, мистических диалогов и аллегорических романов; покровитель ремесел и искусств.

Жан де Бюэй, ок.1405-1477, французский военачальник, капитан, сражался под знаменем Жанны д'Арк, позднее был замешан в «Прагерии». Впав в немилость у короля, побудил троих своих слуг составить повествование о его жизни под названием «Le Jouvencel» («Юнец»).

^{3*} Имеется в виду романый цикл «Ланселот-Грааль», одна из частей которого называется «Книга о Ланселоте Озерном» и в свою очередь содержит несколько частей. Впоследствии, в XIV-XV вв. эта книга часто называлась «Романом о Ланселоте».

^{4Л} Гийом де Машо, ок.1300-1370, французский поэт, сочинявший также музыку к своим балладам и ронделям «античной» и любовной тематики; автор знаменитого куртуазного романа «Le livre du Voir-Dit» о своей любви к знатной особе из Шампани Перонелле д'Армантьер.

^{5*} Джованни Франческо Поджо (Поджио), 1380-1459, итальянский писатель, гуманист, автор трактата «De nobilitate» («О благородстве»), где высказывается мысль о том, что истинное благородство - это высокие духовные качества, а истинная аристократичность, согласно рыцарским идеалам, основывается только на добродетели.

^{6*} Жан де Грайи, капитал де Буш, 1321-1376, гасконский вассал Эдуарда III Английского и Черного Принца. Отказался служить Карлу V и умер в тюрьме. Прославлен Фруассаром как идеал рыцарства.

^{7*} Ален Шартье, 1389-1449, знаменитый французский придворный поэт, которого сравнивали даже с Петраркой.

Глава IX

ГЕРБЫ, ЗНАТНОСТЬ И ЧЕСТЬ

Идеи о том, что истинная знатность является результатом скорее личных достоинств, чем происхождения, родились и оформились среди людей образованных, которые постоянно растолковывали эти идеи в своих ученых трактатах. Затем трактаты эти переводили на местные языки образованные рыцари, а также клирики, которые были слугами этих рыцарей, да к тому же интересовались рыцарством и его мифологией. И далее эти люди воспроизводили идеи, почерпнутые ими в переводных трудах, в своих собственных произведениях, посвященных рыцарству и знатному сословию, и мы, таким образом, обнаруживаем, например, что и Диего да Валера, и Николас Аптон, и Жан де Бюэй повторяют, в сущности, одно и то же мнение относительно знати - то самое, которое они почерпнули в трудах Бартоло.¹ Точно так же мы обнаруживаем, что клирики Жана де Бюэя, составлявшие его биографию, в своих дидактических отступлениях буквально переписывают большие куски текста, касающиеся законов ведения войны, из «*Livre des fais d'armes et de chevalerie*» Кристины Пизанской - в которых, между прочим, содержатся те самые мысли, которые она в свою очередь некогда почерпнула в «Древе сражений» Боне и у Вегеция.² Герольды также выписывали в свои рабочие дневники сходные пассажи из подобных научных работ и зачастую из тех же самых, что представляется весьма важным. Появление в теоретических трактатах о рыцарстве слов и идей, заимствованных у того или иного ученого, ни в коей мере не является адекват-

ным свидетельством того, что эти слова или идеи воспринимаются автором такого трактата серьезно, даже если он известен как человек светский и следующий в реальной жизни рыцарскому призванию воина. У герольдов, впрочем, всегда существовало стремление, так сказать, соотнести теорию с практикой, ибо именно по уровню знаний и оценивалась их профессиональная квалификация. Более того, их воспринимали отчасти как архивариусов рыцарских подвигов. Их наука о гербах и эмблемах, как мы уже убедились, предлагала некий способ визуально-символического воплощения тех или иных достоинств и добродетелей. А стало быть, их деятельность должна дать нам вполне определенное представление о том, насколько в действительности сильна была та теория, что именно личные достоинства и добродетели лежат в основе причисления человека к благородному сословию, и имела ли эта теория какое-то практическое воплощение.

Прежде чем начать исследование в этом направлении, необходимо кое о чем предупредить читателя. Не следует ожидать от герольдов слишком многого. Добродетельность - это характеристика внутреннего мира человека, его ума или души, и вряд ли такие чисто внешние проявления «рыцарственности», как геральдические эмблемы и девизы, сообщат что-либо существенное о реальных добродетелях и достоинствах обладателя этих эмблем, его жизни и деяниях. Геральдическая эмблема (герб) не может, например, рассказать нам о мотивах, побудивших того или иного человека стремиться к славе и почестям; она способна сообщить лишь о том уважении, которого достойные поступки этого воина могли вызвать в обществе. Однако геральдические знаки можно использовать для распознавания некоторых внешних проявлений внутренних качеств того или иного человека и уже благодаря этому отдать должное тому, кто этого заслуживает, а также всему его роду.

Только в Англии сохранилось значительное количество грамот о пожаловании гербов, составленных герольдами в позднее средневековье. Например, составленная в 1450 г. герольдмейстером ордена Подвязки Джоном Смертом грамота о пожаловании герба Эдмонду Мил-

лю явственно свидетельствует, что данный Король гербов отлично знал о том, что в качестве «украшения знати» герб должен служить символом добродетелей и достоинств его обладателя и благодаря этому служить примером как потомкам данного человека, так и всем остальным. Вот приблизительно каково содержание упомянутой грамоты:

Джон Смерт, герольдмейстер ордена Подвязки английского королевства, приветствует и нижайше рекомендует себя всем присутствующим и тем, кто еще только должен прибыть, всем, кто может видеть или слышать то, что написано в данной грамоте. Справедливость желает, а разум требует, чтобы люди добродетельные, благородные и мужественные имели бы вознаграждение в виде почестей за свои заслуги, причем не только лично для себя, ибо они смертны, а земная жизнь так быстротечна, но и с тем, чтобы после их смерти потомки их воспринимались всегда и всюду с должным уважением и почестями благодаря особым знакам и эмблемам, свидетельствующим об их чести и благородстве, то есть с помощью их гербового щита, их шлема и шлемовой эмблемы («креста»). Чтобы следуя их примеру, другие тоже из всех сил стремились провести свою жизнь в военных подвигах и других добродетельных деяниях, дабы прославить свой древний род и завоевать почести для себя и своих потомков. Итак, я, вышеназванный герольдмейстер ордена Подвязки, пользуясь не только общественным мнением, но и советами, а также свидетельствами людей в высшей степени благородных и достойных всяческого доверия, заявляю, что Эдмонд Милль, долгое время следовавший военной карьере, проявил себя в этом, как и в других своих делах, столь достойно и мужественно, что безусловно заслуживает, чтобы и его самого, и его потомков всюду принимали с должными почестями и уважением, и чтобы они вошли в число тех, кто составляет цвет нашей старинной аристократии и знати. В связи с чем, а также в память о его благородной жизни и деяниях я придумал девиз, а также составил и приказал исполнить и пожаловать упомянутому Эдмонду Миллю и его наследникам следующие гербовой щит, шлем и «крест», а именно: щит

шестипольный черный и серебряный, обремененный тремя вздыбленными медведями тех же цветов, скованными золотой цепью, причем цепь обвивает их; на шлемовой эмблеме изображен черный медведь, опутанный золотой цепью на золотой и червленой гирлянде с наметом тех же цветов, подбитом горностаем, как показано на рисунке на полях. И пусть он и его потомки владеют этими эмблемами и всегда носят их на одежде. Свидетельствуя все вышеизложенное, я, герольдмейстер ордена Подвязки, собственноручно подписываю данную грамоту и скрепляю подпись своей печатью. 12 августа года Божиею милостию 1450-го.³

Подобная грамота о пожаловании герба, выданная Эдмонду Миллю, отнюдь не единственная в своем роде; в Англии сохранилось довольно много подобных грамот. Не знаю точно, какие именно боевые подвиги совершил этот Милль, поскольку все формулировки официально-стандартны; так что вряд ли стоит делать вывод о том, что английские герольды всегда так уж тщательно проверяли список ратных подвигов тех, кому был пожалован герб. По крайней мере один из тех, кто сменил Смерта на посту герольдмейстера ордена Подвязки, был, видимо, достаточно в этом плане неразборчив и, по собственному признанию, руководствовался скорее уровнем благосостояния того или иного человека как мерилом его достоинств; будучи обвиненным в том, что давал гербы «вилланам и низким людям», он отвечал, что зато не допустил в благородное сословие ни одного, кто не пользовался бы доброй славой, не «обладал бы землями и имуществом с неограниченным сроком владения и не имел бы годового дохода менее десяти фунтов стерлингов или же движимого имущества менее, чем на три сотни фунтов стерлингов».⁴ Однако чаще всего в основе подобных поощрительных действий властей лежала все же именно верная и долговременная военная служба. Так, например, было, по всей видимости, с Джоном Идемом, который называл себя помещиком из Хартфордшира и заявлял на Рыцарском суде в 1410 г., что хотя и не был благородным человеком по рождению, но получил герб в присутствии графа Пембрука во время злосчастной экспедиции в Аа Рошель в

1372 г. (он не мог даже вспомнить, как выглядит этот герб, потому что, по его собственным словам, не видел его целых двадцать девять лет).⁵ Аптон также вспоминает два интересных случая, когда его сеньор, граф Солсберийский, аноблировал тех, кто проявил доблесть во французских войнах. Одному из них (мы уже упоминали о нем ранее в главе о геральдике) из-за его гомосексуальных наклонностей и был, видимо, пожалован гербовый щит с содомически красной куропаткой. Второй был оруженосцем из графского дворца (Солсбери), отличившимся во время сражения под Верней и получившим там ранение в гениталии. Ему был пожалован щит с изображением трех черных воловьих голов на серебряном поле, ибо, поясняет Аптон, «вол - животное кастрированное, а потому изображение вола или его головы означает, что первый обладатель этого герба был кастрирован или же ранен в интимные места».⁶ Похоже, у этого человека, первого обладателя подобного герба, успел уже родиться по крайней мере один сын до того злосчастного сражения при Верней, потому что три черных воловьих головы на серебряном поле - герб, и поныне принадлежащий семейству Уолронд из Девоншира.

Уже из самой фразеологии Аптона и Смерта ясно, что английские грамоты о пожаловании гербов, по сути дела, являлись грамотами об аноблировании, то есть теми письменными документами (патентами), которые уже успели стать привычными на континенте, особенно во Франции. В таких грамотах часто слышны отголоски мнений весьма авторитетных людей, например Бартоло, относительно природы высшего сословия, как мы это видим, например, в грамоте, составленной Смертом. Герольды, составляя такие грамоты, часто почти не обращали внимания на конкретный повод для пожалования герба и лишь в весьма невнятных выражениях упоминали о «весьма похвальных добродетелях и заслугах» награждаемого; и те, кто получал такие грамоты, действительно представляли собой весьма разношерстную компанию, в которую могли входить и городские чиновники, и клирики, и врачи, и даже искусные ремесленники. Однако значительное количество грамот все же свидетельствует о доблестной службе во время войны,

особенно тех, кто был аноблирован, или же их предков (это особенно часто встречается в грамотах о подтверждении социального статуса, которые, строго говоря, грамотами аноблирования не являются, а представляют собой лишь документ, свидетельствующий о законной принадлежности к данному сословию).⁷ И, как в Англии, так и на континенте, встречаются также грамоты, выданные по вполне доказанному и конкретному поводу, особенно в случае участия в войнах - то есть благодаря особым ратным подвигам, - или же благодаря особым успехам в военных искусствах. Гак, Диего да Валера вспоминает, как император Сигизмунд аноблировал «одного человека по имени Орса-ламин» за доблесть на турнире, хотя было известно, что человек этот был сыном мясника; или как Карл VII Французский аноблировал Жана Бюро, своего начальника артиллерии «за особую отвагу и искусство» во время войны и возвел его в рыцари.⁸ Бюро был, конечно, выдающимся человеком, но Карл аноблировал и людей куда менее значительных за совершенные ими ратные подвиги, например, Жана Доно из Тьераша, который взял в плен лорда Толбота (Тальбота) в сражении при Патэ.⁹ Карл аноблировал даже двух солдат, Жана Беке из Пон де л'Арк и Этьена Гийе из Бри, которые первыми ворвались в башню Фриш во время штурма Понтуаза, когда в 1444 г. он был взят. Гербы, пожалованные этим двоим, отчетливо свидетельствовали о совершенных ими подвигах: Беке получил три лазурных башни на золотом поле, а Гийе - три золотых башни на лазурном поле.¹⁰ Но самый замечательный из пожалованных Карлом гербов - это, разумеется, тот, что был пожалован не мужчине, а женщине. Семья Жанны д'Арк была аноблирована в связи с проявленной этой героической женщиной отвагой и мужеством, и Карл пожаловал ее родственникам герб, которым Жанна, как считалось, украсила свой щит, а ее последователь Флер де Лис - свой рыцарский плащ, и этот герб представлял собой следующее: «на лазурном поле две золотые лилии, посередине серебряный меч, и конец его острия окрашен алым, а само острие как бы пронзает золотую корону, что означает, что острием своего меча она (Жанна) сохранила корону Франции»."

Это, разумеется, исключительные случаи аноблирования за особую доблесть и верную военную службу, и участвуют здесь по большей части личности известные, именно поэтому данные случаи и запомнились.

Если геральдические трактаты представляют собой достаточно обоснованные свидетельства, то описанные в них подобные случаи аноблирования за доблесть были также достаточно широко распространены. Само происхождение гербов связывалось авторами этих трактатов с идеей, лежавшей в основе их произведений. «Во время великой осады благородной Трои, - говорится в одном английском трактате, - ... великие правители с обеих сторон по чьему-то благоразумному совету сошлись вместе и решили, что каждый, кто совершит великий ратный подвиг, должен носить знак или символ своей высокой доблести... а если у этого человека есть дети, то и они должны носить тот же знак, что и их отец, но с некоторыми различиями»¹². В этом трактате речь идет о древней мифологической эпохе, а вот Диего да Валера и Оливье де Ла Марш с почтением рассказывают о том, как уже в их времена за проявленную в бою доблесть жаловали титул, и, судя по их словам, происходило это не так уж и редко.¹³ Если, говорит автор «La vraye noblesse», правитель видел, что человек низкого сословия ведет себя благородно, он мог его аноблировать, «даже если тот не богат или не имеет знатного происхождения»; того «бедного товарища по оружию», который выделяется среди прочих своей отвагой и доблестью, говорится далее, следовало прилюдно наградить.¹⁴ Другой авторитетный автор добавляет несколько интересных подробностей в плане участия в подобных событиях герольдов. Так, коммонер, отправляясь на войну, имел право изобразить на своем щите такие символы, как полоса или шеврон по своему усмотрению, но не должен был использовать ни одного металла. Однако впоследствии, «если он отличился в бою или же совершил замечательный ратный подвиг, герольды должны пожаловать ему металл в герб и объявить: «Наш капитан и мы, принимая во внимание твое особое мужество, благородство и верность делу нашего королевства, предлагаем удостоить тебя чести по праву

украшать свой щит и котту гербом, где на лазурном поле вздыбленный золотой лев».¹⁵

Разумеется, и эту котту, и этот щит человек, удостоенный подобных почестей, непременно передавал впоследствии своим детям. Как о том говоорилось в приведенной выше грамоте ордена Подвязки о пожаловании герба Эдмонду Миллю, его потомки должны были разделить славу, обретенную их предком, ибо его ратные подвиги доказывали не только его доблесть, но и истинное благородство, а стало быть, и принадлежность его и его потомков к высшему сословию.

До сих пор мы рассматривали только случаи аноблирования за доблесть лиц незнатного происхождения. Герольды и их покровители не чувствовали затруднений в том, чтобы отметить особым образом некие конкретные услуги или же проявленную на войне доблесть того, кто и без того уже к благородному сословию принадлежал. Жак д'Амрикур рассказывает, как Макер де Флемаль служил графу Аоосскому столь хорошо, что последний пожаловал его своим собственным гербом, который должен был сочетаться с фамильным гербом де Флемалья, то есть на одном из полей щита Макаера гербовые знаки Аооса соседствовали с его собственным гербом. Сеньор Шатовиллэна сходным образом вознаградил Жана де Лэдье, «разделив» с ним свой герб.¹⁶ Отмечено довольно много подобных пожалований и «принятый» гербов. Так, например, англичанин сэръ Генри Гилдфорд, который, участвуя в войнах с неверными в конце XV века в Испании, «заслужил честь украсить свой герб в верхней правой его части гербом Гренады по приказу Фердинанда, короля Испании, за достойную службу на благо испанского королевства, возрождавшегося после владычества мавров». Его современник, английский искатель приключений Уинстон Браун, также получил дополнение к своему гербу от короля Фердинанда за аналогичные военные услуги; ему был пожалован черный орел с распростертыми крыльями, обращенный вправо, с золотой короной на голове и золотым оружием.¹⁷ Эти два случая «расширения» английских гербов очень напоминают историю о том, как в 1347 г. Иоанн Кантакузин, византийский император, разрешил Гийому Пожуаз

и Джону Брундн, дворянам родом из Меца, заменить ласточек у них на гербах на орлов в знак признательности за добрую службу во время войн с сарацинами.¹⁸ Здесь мы видим, как те же способы вознаграждения за военную службу, пройдя сквозь века, отразились и в современности, когда, например, за достойное несение воинской службы воины награждались медалями за ту или иную кампанию, иногда с пряжкой, свидетельствующей о том, что он участвовал в том или ином бою и был награжден за проявленную доблесть соответствующим орденом. Хотя, конечно, здесь есть та существенная разница, что сочетание таких геральдических знаков в гербе являлось свидетельством боевых подвигов не только отдельного лица, но и всей семьи, и служило, таким образом, напоминанием о подвигах, совершенных славными предками данного рода и о том, что и от потомков ждут проявления такой же или даже более высокой доблести. Вот что в действительности было одной из основных целей подобных наград и пожалований.

Обряд посвящения в рыцари служил еще одним способом оказания почестей герою, совершившему выдающиеся ратные подвиги. Как ясно следует из трактатов, существовала общепризнанная практика посвящать в рыцари прямо на поле брани тех, кто проявил особую отвагу в бою (хотя такие случаи были гораздо более редки, чем те, о которых мы упоминали ранее - когда в рыцари посвящали накануне битвы или решающего штурма, желая таким образом, скорее, вдохновить воинов на подвиги, чем наградить за них).¹⁹ О том, что практика, описанная в трактатах, была отнюдь не мертвой буквой закона, ярко свидетельствует грамота кастильского герольдмейстера, составляющая отличную пару с грамотой о пожаловании герба Эдмонду Миллю, составленной герольдмейстером ордена Подвязки, которую мы цитировали ранее.

Я, герольдмейстер Кастилии, двора Его Высочества, могущественного и великого короля Кастилии, удостоверяю и довожу до сведения всех королей и принцев, рыцарей и оруженосцев, а также моих братьев по геральдическим палатам и всех остальных, что Жан де Ребревьетт, шевалье и слуга моего высокочтимого господина герцога Бургундского, а

также двора мессира Антуана бастарда (Бургундского), его сына, явился в нашу страну Испанию к господину моему королю Кастилии прекрасно вооруженным, с отрядом конных воинов и с намерением сражаться с врагами нашей веры... и был в королевстве Гранада в составе войска короля во взятии Химепы (гор. в Андалусии - И.Т.). И когда этот город был взят штурмом, вышеупомянутый Жан оказался па его стенах среди первых, одним из первых проник в город и там схватился врукопашную с одним из сарацин и одолел его; и после этого наш король послал за упомянутым Жаном, и упомянутый Жан предстал перед ним с мечом в руках и весь в крови. И когда наш король увидел Жана, проявившего себя в бою столь отважно, то выхватил из ножен свой меч и посвятил его в рыцари, вопреки протестам упомянутого Жана. И я удостоверяю и клянусь своей верой и честью, а также гербом, который ношу, что никогда - ни до того, ни впоследствии - не видел во всей Испании ни одного знатного господина, которого бы посвящали в рыцари с такими почестями, как упомянутого Жана де Ребревьетта. И все вышесказанное я заверяю своей собственноручной подписью и своей гербовой печатью сего 10 июля 1456 года в городе Севилье.²⁰

Жана де Ребревьетта, правда, куда чаще вспоминают в связи с его шуточным обетом, данным во время знаменитого пира Фазана, устроенного Филиппом Добрым, герцогом Бургундии в Лилле в 1454 г., а не в связи с его подвигами в Испании. На пиру он поклялся, что если не завоюет расположения своей дамы сердца до того, как вместе с Филиппом направится в поход на Восток, воевать с турками (чего он так и не сделал), то непременно по возвращении женится на первой же девице, у которой найдется двадцать тысяч золотых.²¹ В свете процитированной нами кастильской грамоты о пожаловании герба, то, что в этом «обете фазана» кажется похожим на цинизм, является, скорее, свидетельством воодушевления (*high spirits*), в основе своей имеющего истинно рыцарские намерения. Рыцарское звание было не единственной почестью, которую Жан де Ребревьетт завоевал в войнах с неверными. Четыре года спустя благодарный король Маттьаш

(Маттиаш, Матвей) Венгерский^{1*} принял его в орден Венгерского Дракона в знак признательности за верную службу во время войн с турками и просил его повсюду носить знаки этого ордена в память о великой любви и благодарности, которые король Маттяш испытывал к этому рыцарю.²² Рыцарство и принятие в благородный рыцарский орден были, разумеется, почестями строго индивидуальными; по наследству они не передавались. И в этом смысле они еще на шаг приближают нас к современной системе наград, знаков отличия, вручаемых за особые заслуги, за воинскую доблесть в бою.

Возведение в рыцари было не просто неким знаком отличия, ибо рыцарство занимало весьма специфическую ступень в аристократической иерархии позднего средневековья; рыцарь помещался в ней на ступень ниже барона, но выше оруженосца знатного происхождения. В этом смысле рыцарство, пожалованное за особую доблесть, было в чем-то похоже на присвоение следующего чина по службе или на получение солдатом офицерского чина прямо на поле боя. Этот аспект возведения в звание рыцаря - благодаря чему человек сразу получал статус офицера - прекрасно иллюстрирует рассказ Жуанвиля о том, как он высадил своих людей близ Дамьетты во время крестового похода Людовика Святого в 1249 г. «Когда я вернулся на свой корабль (после военного совета), то направил небольшой шлюп под командованием одного из моих оруженосцев, которого звали Гуг де Вокулер и которого я только что посвятил в рыцари.»²³ В данном случае обряд посвящения явно был знаком нового назначения Гуга, неким дополнением к его назначению командиром шлюпа. Та же идея еще более очевидна в рассказах о продвижении по службе от рыцаря-бакалавра до рыцаря-баннерета - титулы, имевшие строго официальное военное применение, особенно в том смысле, что подразумеваемый рыцарь-баннерет (рыцарь со знаменем) мог собрать отряд в пятьдесят копий и возглавить его. Фруассар приводит весьма красноречивую историю продвижения по службе сэра Джона (Жана) Шандо (John Chandos), получившего титул баннерета накануне битвы при Нахере:

Сэр Джон подъехал впереди отряда со своим боевым знаменем в руке и весь закованный в латы. Он представил свое знамя принцу (сыну короля Педро IV), и своему повелителю со словами: «Господин мой, вот мое знамя; я представляю его тебе с тем, чтобы иметь возможность и в дальнейшем нести его всюду, где более всего будет угодно тебе, ибо теперь, благодарение Господу, у меня достаточно земель, чтобы его показывать всем, поддерживая честь того высокого ранга, который оно обозначает.» Принц в присутствии дона Педро взял это знамя в руки (на нем был герб в виде заостренных алых кольев на серебряном поле) и, отрезав ему нижний узкий конец и сделав его квадратным, развернул его и вручил Джону со словами: «Сэр Джон, я возвращаю тебе твое знамя. И пусть Господь даст тебе силы и честь беречь его.»²⁴

Квадратное знамя рыцаря-баннерета с его гербом служило видимым знаком его ранга при любых военных действиях, на турнире и во время парадов, а также обозначало место сбора его отряда на поле боя. Процедура же отрезания или отрубания узкого «хвоста» знамени служила для того, чтобы показать, что рыцарь-бакалавр, имевший право носить только длинный узкий флажок (т.н. значок) треугольной формы, как бы сразу повышался в звании и становился настоящим «рыцарем со знаменем» (или баннеретом).

•к "к •к

Повышение в звании - либо возведение в ранг баннерета, либо же просто аноблирование, - делалось с учетом способности данного человека поддерживать собственное достоинство, что в значительной степени зависело от его благосостояния. Следовало также принимать во внимание природу и уровень его заслуг, и расчеты эти могли быть весьма тонкими. Жан де Бюэй, например, представляет как весьма соответствующий общественному мнению тот случай, когда человек, не принадлежащий к знатному сословию и особо отличившийся во время,

например, штурм города, может быть аноблирован за проявленную отвагу, но при этом его не следует возводить в рыцари (как это вполне могло бы быть с человеком благородного происхождения).²⁵ Однако на поле брани подобные расчеты могут, по мнению Жана де Бюэя, вестись совсем иначе; дело в том, что штурм города - не такое уж особое событие, и во время него мужество воина проверяется совсем не так, как, скажем, в битве лицом к лицу с противником. И тут де Бюэй знакомит нас с новым аспектом наград в виде повышения по службе и пожалования титула за отвагу и добродетель - с определенной шкалой подвигов, согласно которой эксперт обязан точно оценить уровень деяния и соответствующие ему почести. Таким образом, как мы видим, специалист по геральдике должен уметь не только определить степень ратного подвига, но и уметь его оценить, ибо на практике, как и в куртуазных романах и трактатах, имела место весьма хитроумная градация оценок конкретных боевых заслуг.

Замечательный отрывок из позднесредневекового геральдического трактата, посвященного рыцарским надгробиям, помогает нам отчасти представить себе, каковы были тонкости подобных оценок.²⁶ «Вот как, - говорится в трактате, - человек может узнать о жизни того или иного представителя знати и о том, как он воспользовался своей жизнью и был ли до конца стоек. Для этого достаточно взглянуть на его надгробие и посмотреть, что на нем изображено.» Если этот человек просто служил в армии, будучи призванным во время войны, то изображать покойного следует вооруженным, но без котты с гербами и без шлема. Если он в свое время участвовал в рыцарских поединках и турнирах, удостоившись там особых почестей, его можно изобразить в полном боевом облачении, но с поднятым забралом и со сложенными руками, а также чтобы были видны его меч и шпоры. Если он пал в бою, сражаясь на стороне победителей, он может быть изображен в полных доспехах, с опущенным забралом, с воздетым обнаженным мечом в правой руке и со щитом в левой. Если он умер от ран, полученных в бою, меч его должен быть спрятан в ножны, а забрало снято. Если он умер в плену, с честью попав в плен во время битвы,

его следует изобразить в боевых доспехах, но без шпор и с пустыми ножнами. И во всех случаях, добавляет сей авторитетный автор, если этот человек участвовал в смертельном бою вместе со своим сеньором, его следует изображать в своей гербовой котте. Автор этого трактата явно был пуристом: я не думаю, что правила, которые он бегло набросал, следует воспринимать как те, которым следовали неукоснительно. Тем не менее его замечания интересны, потому что свидетельствуют о прекрасном знании автором сложной и детально разработанной системы рыцарских ценностей и его уверенности, что система эта действует подобно закону.

До некоторой степени сходный ряд различий очерчен и в уставе ордена Дракона, созданного графом Фуа. Здесь, правда, ничего не говорится о погребении, зато много говорится о том, как именно здравствующему члену братства следует пользоваться эмблемой ордена - драконом, у которого оставлены пустыми «sieges», или «глазницы». Если рыцарь прошел школу боя на копьях, что особо оговаривалось в уставе, он мог поместить в первую «глазницу» дракона бриллиант. Если он участвовал в рыцарском единоборстве на ристалище, то мог поместить в следующую «глазницу» рубин; второй рубин - рядом - помещался после участия в турнире в составе команды. После участия в морском сражении можно было поместить в следующую «глазницу» изумруд, а второй изумруд - рядом с первым - помещался после участия в значительном сражении на суше. Бирюза означала, что этот человек участвовал в штурме города или замка. Если он участвовал в войне с сарацинами, то мог поместить в следующую «глазницу» сапфир, и наконец, если он совершил паломничество в Иерусалим к Гробу Господню, то мог поместить рядом с первым сапфиром и второй.

Оба эти текста дают представление о системе весьма четких различий, которые устанавливались между видами ратных подвигов и соответствующих им почестей. На расстоянии стольких веков уже невозможно с детальной точностью восстановить все тонкости той системы, согласно которой знатоками рыцарской премудрости предлагались

почести, соответствовавшие табели о боевых подвигах и прочих военных заслугах. Мы, конечно же, немало узнали бы об этом, если бы сохранился хоть какой-нибудь вариант рукописи с ответами членов ордена Звезды, учрежденного королем Иоанном Добрым Французским, на вопросы, которые задавал им Жоффруа де Шарни, ибо эти пять вопросов составляют самую суть исследования последнего. Считается, говорит де Шарни, что есть три основных вида боевых схваток: *rencontre* (случайная стычка), *besogne* (быстротечный бой) и *bataille* (подготовленное сражение) и соответствующая им система почестей (по восходящей); как же понять разницу между ними? Что почетнее для капитана, командира отряда - прервать осаду и вступить в бой с превосходящими силами противника, идущими на помощь осажденным, на выбранном заранее поле или же продолжать осаду, рассчитывая на битву после ее завершения? В каких обстоятельствах воин может быть взят в плен без ущерба для своей чести?²⁸ Увы, мы, к сожалению, не знаем, какие ответы давали рыцари ордена Звезды; мы не знаем даже, дали ли они вообще хоть один ответ. Источники позволяют нам лишь краем глаза увидеть очертания некоей разветвленной системы. Итак, высокие почести могут быть достигнуты во время турнира, но еще более высокие - в бою; отвага, проявленная в лобовом сражении на поле брани ценится гораздо выше, чем отвага, проявленная во время штурма города или крепости. Особых почестей удостоиваются за особые ратные подвиги - например, те, кто первыми ступили на территорию неприятеля, высадившись с корабля, или те, кто первым оказался на стене вражеской твердыни во время ее штурма, или те, кто вел подкоп под вражеские крепостные стены. За участие в крестовом походе и в сражениях с неверными полагались особые почести. Но более мелкие детали остаются по-прежнему неясными. Когда герцог Бурбонский пожелал узнать, может ли он с честью прекратить осаду Туниса на условиях, предлагаемых сарацинами, Солдиш де ла Тро (капитан и один из героев Фруассара) посоветовал: да, это сделать можно, ибо сделано уже так много, что «на мой взгляд...» - как сказал этот Солдиш, - хотя я всего лишь бедный рыцарь, пребывание

чдесь равноценно участию в трех великих сражениях». ²⁹ Очевидно, что к этой осаде было особое отношение - ведь ее вели против врагов христианской веры, однако мне не ведомо, во сколько раз увеличил бы ценность этой акции Солдиш, если бы осада увенчалась успехом; возможно, не знал этого и он сам. Но вот что представляется мне очевидным: кто-то, по всей видимости, был способен высказать по этому поводу вполне авторитетное мнение.

Если мы и не можем выявить с достаточной точностью различные степени в системе присуждения почестей за боевые заслуги, то у нас все же есть свидетельства того, что существовали такие люди, которые с полной уверенностью и совершенно точно были способны определить, каких именно почестей были достойны герои их времени в связи с совершаемыми ими подвигами. Барбур в своем романе «Брюс» мог с уверенностью заявить, что мессир Жиль д'Аржентин был удостоен в свое время звания третьего (!) из великих Героев христианского мира. ³⁰ Даже враги его были согласны с тем, подтверждает Гельдерн, герольд Генриха ван Нефта (Nueft), что он был самым выдающимся из молодых воинов своего времени, участвовавших в войне с фризами. ³¹ В те дни, рассказывает Жак д'Амикур, Воффлар де Момаль, Гильом де Мальклер, сеньор д'Амикур, и добрый сеньор д'Анефф были признаны в Эсбе les trois plus preux (тремя Героями, тремя самыми «Бесстрашными»). ³² Для Дю Геклена французские панегиристы отыскивали среди перечня почестей особую нишу и называли его «Десятым Бесстрашным» (то есть десятым в том ряду Девяти Бесстрашных, «ргеих», о которых мы говорили ранее); шотландцы также предъявляли права на место бесстрашного - для Роберта Брюса. ³³ По меньшей мере один автор заявлял, что и доблесть Жанны д'Арк завоевала ей место рядом с царицей амазонок Пентесилеей, а также - Семирамидой, Ипполитой и остальными из девяти великих Героинь (Preuses) древности; возможно также, что и графиня де Монфор, защищавшая Бретань, когда ее супруг оказался в плену, заслуживала включения в этот список. ³⁴

Мы также встречаем перечисления абсолютно ясных причин, согласно которым награждаются (тем или иным способом) те, кто выиграл «приз» за проявленную в том или ином конкретном случае доблесть. «Сэр Эсташ, - говорит Эдуард III своему пленнику Эсташ де Рибемонту после схватки близ Кале в 1350 г., - тебе, как лучшему воину этого дня как среди своих, так и среди чужих, я дарю эти жемчужные четки и прошу тебя всегда иметь их при себе во имя любви ко мне.»³⁵ Черный Принц и его советники не имели ни малейших сомнений, когда претендентом на высшую награду среди англичан во время сражения при Пуатье стал сэр Джеймс Одли. «Сэр Джеймс, - молвил принц, - я, как и все остальные, считаю, что в этом сражении ты проявил себя, как наихрабрый рыцарь нашего войска.»³⁶ В 1453 г. в битве при Лоэрне бургундцы признали выигравшим главный «приз сражения» Жака де Лалена^{2*}.³⁷ Очевидно, что капитаны, наиболее опытные из рыцарей, а также герольды умели вполне точно судить в таких случаях и это свое умение отлично демонстрировали и во время турниров, и в мрачные периоды настоящей войны. Видимо, почти не остается сомнений, что в данной области именно приобретенный во время турниров опыт помогал им применять на практике свои знания и выводить точную оценку.

к к к

Возможно, однако, что самым замечательным примером подобного институализированного присуждения призов за отвагу в бою был так называемый *Eretisch* - Стол Чести - у рыцарей Тевтонского ордена. Поскольку войны тевтонских рыцарей с язычниками Литвы и Жемайтии приравнивались к священным войнам крестоносцев и поскольку крестовые походы - как мы уже убедились - явно сохраняли за собой первенство в рыцарской системе ценностей, то следует отметить, что это было совершенно особое явление рыцарской жизни. Чтобы по-

нить значение Столов Чести, нужно обратиться за разъяснениями к прошлому этих институтов.

Орден тевтонских рыцарей - германский духовно-рыцарский орден, основанный по образцу ордена тамплиеров, - имел две основные сферы деятельности: в Святой Земле и на восточной границе христианского мира в Европе. Завоевание его рыцарями Пруссии было более или менее завершено к концу XIII века, и после падения Акра и окончательной утраты христианским миром господства в Святой Земле Восточная Европа стала основным местом приложения активной деятельности этого ордена; штаб-квартирами тевтонских рыцарей стали аамки Кенигсберга и Мариенбурга. Из этих и других твердынь они осуществляли свои вылазки против литовцев в течение всего XIV века, и целью их было отвоевание у язычников восточных территорий. Войны эти достигли своего апогея во время пребывания на посту Великого Магистра ордена Винриха фон Книпроде, который возглавлял братство с 1351 по 1382 год.³⁸ В своих действиях тевтонские рыцари в значительной степени полагались на помощь добровольцев из числа приезжих (visiting) рыцарей из разных стран Европы; в итоге Пруссия и Литва в XIV веке стали главным западным центром активности рыцарей-крестоносцев в Европе. Сюда большей части рыцарей было добраться куда проще, чем в далекие страны Востока; крестоносцы могли позволить себе это путешествие оплатить, получив, например, кредит у купцов в ганзейских городах под гарантийные письма, которые давали им купцы в их собственных странах.³⁹ Среди тех, кто прибывали в Пруссию как крестоносцы, были имена многих известнейших людей той эпохи: Генри Гросмонт, герцог Ланкастер, Генри Болингброк (будущий король Англии Генрих IV), друг и покровитель Фруассара Гастон-Феб де Фуа и герцог Альбрехт III Австрийский (о крестовом походе которого Зухенвирт оставил столь живой и поэтический рассказ).⁴⁰ Почти все это были рыцари без страха и упрека, - такие, как «parfit gentil knight» («безупречный благородный рыцарь») из пролога к «Кентерберийским рассказам» Чосера - и славу их герольд Гельдерн воспел в своей «Lobrlichte».⁴¹ Воевать в восточно-европей-

ских землях оказалось совсем иным делом, чем то, к чему привыкли, скажем, Генри Гросмонт или Гастон-Феб под солнечными небесами Лангедока с его виноградниками и богатыми городами, а также - в перспективе - с богатыми военными трофеями и возможностью получения выкупа. Восточные же «дикие страны», где происходила большая часть военных операций, оказались исключительно негостеприимными: в этой местности проехать верхом можно было только при условии засухи или жестоких морозов, а потому зима и стала обычным временем года для проведения военных кампаний. Деревни и крепости язычников не обещали богатой добычи в виде звонкой монеты, там можно было разжиться разве что съестным. Рыцари ордена действительно преследовали некие вполне материальные цели, поскольку завоеванные в результате этих войн земли перешли бы в их собственность. А вот воинов-паломников (или странствующих рыцарей), которые устремлялись им на помощь, перспектива подобного Reise (слово, имеющее как значение «путешествие», так и «служба в наемных войсках» - И.Т.) сулила совсем иное: смертельные опасности, различные тяготы, долги, связанные, например, с потерей боевого коня и экипировки - и, разумеется, славу.

Чтобы привлечь для участия в этих акциях воинов-паломников, рыцари ордена старались изо всех сил как-то «позолотить» особенно неприятные «пилюли» из числа тех, которые преподносило подобное Reise. Они устраивали для своих гостей из Европы пиры и охоту в бескрайних густых лесах, где можно было взять такого редкого зверя, как, скажем, медведь или лось. Но апогеем их усилий в этом направлении были, конечно же, Столы Чести. Они устраивались - иногда до Reise, иногда после него - для относительно небольшого числа рыцарей-паломников, которые удостоились наивысших почестей. Вот как описывал эту церемонию во время Констанцкого Собора 1411 г. один из свидетелей-поляков (настроенный по отношению к рыцарям, разумеется, враждебно):

Был и ныне существует обычай - при всем моей уважении к так называемым Столам Чести, хотя созданы они тщеславием упомянутых

братьев (ордена), - согласно которому упомянутые братья готовят торжественный пир для определенного числа таких своих гостей, скажем, человек десяти-двенадцати, вряд ли больше, специально отобранных из числа прочих рыцарей герольдами, присутствующими там, и за каждым из приглашенных закрепляется особое место за вышеуказанным столом; и все это люди, по свидетельствам герольдов, уже не раз пересекавшие земные пространства и побывавшие в самых различных странах мира в поисках рыцарских подвигов, где их и встречали герольды этих стран; и поскольку каждый из этих рыцарей и прочих гостей, казалось, своими достоинствами способен был превзойти всех остальных, места за столом и были так строго расписаны и закреплены за тем или иным лицом. И размещенные за столом подобным образом воспринимали это как большую честь для себя; так же воспринимали это и все остальные.⁴²

Рядом с этими, довольно общими сведениями можно поместить и более оригинальный рассказ, предлагаемый нам хронистом из Оронвилля Жаном де Шательмораном, который в 1375 г. сам участвовал в таком Reise:

- И Великий Магистр, увидев, что Reise с честью завершен, устроил в праздник Сретения пир для достойнейших рыцарей, которые были с ним вместе в походе; и в честь этого события после мессы, которую отслужили в его замке в Мариенбурге, он велел накрыть Стол Чести, и, согласно его воле, за этот стол уселись двенадцать рыцарей из различных королевств; и из французского королевства за столом этим сидели сэр Ютен де Вермей и сэр Тристан де Манелье, которых все называли *Boп chevalier*; и от каждой из других стран тоже было по двое, а всего там собралось двенадцать человек, согласно приказу Великого Магистра; и их обслуживали как самую высшую знать, как то и полагалось в такой день. И, благодарение Господу, этим двенадцати было рассказано, каков этот обычай Стола Чести и как он был установлен. И затем один из этих рыцарей, защитников веры, дал каждому из них наплечный знак, на котором было золотом написано: *»Ноппеиг vainc tout!«* (Честь превыше

всего!). И уже на следующий день эти рыцари расстались с Великим Магистром, и каждый из них вернулся к себе на родину.⁴³

Вот где настоящая раздача призов! Здесь есть все приметы великого пира, даже почетные места на столь благородном пиру расписаны за конкретными гостями, да и вообще вся сцена напоминает (что, несомненно, так и было задумано) знаменитый Круглый Стол из легенд о короле Артуре. Здесь и герольды, и товарищи по оружию, взвешивающие все «за» и «против» в оказании тех или иных почестей и распределяющие затем символы славы. А за стенами замка далеко расстилается чужой мир, дикая страна язычников - с ее темными лесными чащами и свирепыми холодами, неистовыми людьми и священными рощами - которую оказалось так трудно завоевать. И е, кого Великий Магистр повел в этот поход, на собственном опыте убедились, каким тяжким испытаниям подвергается здесь их рыцарская добродетель. Так что уверенность в том, что за Столом Чести сидят именно те, кто во всех отношениях заслужили такую честь, не требовала лишних подтверждений. Тевтонские рыцари прекрасно сознавали, что рыцарская доблесть - это не притворство и не обман, что жажда приключений и гордость собственной славой, заработанной тяжким трудом - это весьма реальные и весьма могущественные побудительные мотивы, и что, превознося рыцарские добродетели и узаконив некий торжественный обряд вознаграждения за проявленные рыцарями особые заслуги, они будут тем самым служить своим собственным целям. Устраиваемые ими Столы Чести воспринимались как свидетельство не только особой проницательности представителей тевтонского братства, но и были подобны разработке некоей мощной рудной жилы, впоследствии давшей металл для рыцарской короны славы, в которой и заключалась самая суть военных достоинств и добродетелей рыцарства.

•К -К -К

Пока что в данной главе мы касались лишь тех историй, которые были посвящены великим подвигам рыцарства и их признанию обще-

етвом. Однако никак нельзя не уделить некоторое внимание и темной стороне этой проблемы. Если аноблирование во дворянство и знаки отличий или гербовые эмблемы можно было заслужить благодаря проявленной в бою чести и отваге, а также - заполучить все это просто в связи с собственным происхождением и богатым наследством, то все это легко могло быть и утрачено в связи с бесчестным или позорным поведением, или в связи с неравным (в социальном отношении) браком, или из-за полного разорения. И геральдические науки тоже можно было использовать не только для регистрации подвигов, достойных всяческого восхищения, и для их возвеличивания, но и для того, чтобы обесчестить провинившегося с помощью определенного ритуала.

Бесчестие, как и почести, безусловно имело свои градации. Орден Сокола (*Liercelet*), рыцарский орден графства Пуату, устав которого требовал дополнительных знаков отличия для тех, кто особо отличился (включая особые значки, присуждаемые за участие в *Reise* вместе с рыцарями Тевтонского ордена), также постановил, что некоторые знаки отличия могут быть убраны из герба у того, кто был виновен в *faute en armes* (упущениях по службе)⁴⁴. Кроме того, мы узнаем о «технических» оплошностях, за которые герольды вполне могли исключить данного рыцаря из числа участников турнира: например, при подозрении в нарушении данной клятвы или за то или иное оскорбление, нанесенное женщине.⁴⁵ Здесь нам приходится снова вспомнить о том, что знаменитое выражение *chevalier sans reproche* (безупречный рыцарь) (характеристика неофита, на которой настаивали во многих рыцарских орденах при вступлении в братство) совсем не обязательно означает некий безупречный тип личности; скорее, в это понятие включаются определенные навыки и поступки конкретного человека, а также его биография, свободная от «технических» ошибок. Впрочем, подобные ошибки были, разумеется, вполне исправимы; и Жоффруа де Шарни, в частности, задавая свои вопросы рыцарям ордена Звезды, очень хотел узнать у них, каков официальный способ их исправления.

Нарушение данного слова, конечно же, считалось проступком серьезным, и отношение к нему явственно демонстрируют те формы наказания, при которых геральдические ритуалы чествования могут быть повернуты как бы своей обратной стороной. Именно это, достаточно тяжкое обвинение - в нарушении данного кому-то слова - в XIV-XV веках часто предъявлялось в рыцарских кругах в связи с тем, что тот или иной рыцарь или даже просто знатный человек нарушил свое обещание выплатить выкуп (то, что довольно часто пленника отпускали домой, взяв с него слово вернуться с нужной суммой, делал этот проступок еще относительно легким). В случае нарушения данного обещания пленивший мог предпринять попытку преследования обманщика по суду или еще лучше - его поручителей, предъявляя иск на ту сумму, которую беглец пообещал выплатить; или же потерпевший мог вызвать нарушившего слово на судебный поединок, как «предавшего доверие тех, кто за него поручился».⁴⁶ Но существовал и другой способ, к которому действительно прибегали многие и который был известен во французских источниках как *deshonnoire ment* (лишение чести). Заключался он в следующем: по требованию обманутого пленителя герб его несостоятельного пленника выставлялся в общественных местах вверх ногами, или иногда там выставлялся портрет обманщика в полном боевом облачении, повешенного вверх ногами или еще в какой-нибудь унижительной позе. Именно в таком виде французские капитаны Арно Гилен и Тибо де Терм выставили на всеобщее обозрение у ворот Берри портрет сеньора де Шатовиллена, своего несостоятельного должника. А их армейский товарищ, знаменитый капитан Аа Гир^{3*}, подвесил к хвосту своего коня и вверх ногами герб Робера де Коммерси, поручителя своего, так и не заплатившего выкуп пленника Монсара д'Эна.⁴⁷ Это было очень серьезное оскорбление. И содержащийся в подобных действиях упрек был бы универсален для любого рыцарского отряда и непременно заставил бы действовать блюстителей рыцарских *mores* (нравов) - так, например, мы узнаем, что члены ордена Золотого Руна особо разбирали на общем собрании братства случай с невыплатой долга Шатовилленом

и его родней, а также его поручителем, сеньором де Сен-Жорж, который также был его родственником, и решали, насколько бесчестие неплательщика распространяется и на его поручителя.⁴⁸ Дю Геклен, например, считал подобное оскорбление чуть ли не смертельным, и по совокупности преступлений повесил капитана де Монконтур в полном боевом облачении на своей крепостной стене, перевернув его гербовый щит вверх ногами, ибо де Монконтур оклеветал его, заявив, что Дю Геклен нарушил свою клятву, когда попал в плен к англичанам.⁴⁴ Знаменитый «Десятый Ргеух» никак не мог допустить столь оскорбительных упреков в свой адрес.

1 русость и предательство считались преступлениями еще более тяжкими, как этого и следовало ожидать в обществе, где этика в основе своей была военной. За особое проявление трусости полагалась смерть; менее серьезные ее проявления могли повлечь за собой утрату общественного положения и герба. Сэр Джон Фастольф, например, был временно исключен из ордена Подвязки лишь за высказанное кем-то вслух предположение о том, что он проявил трусость в битве при Патэ.⁵⁰ Сеньор де Монтегю был исключен из ордена Золотого Руна из-за бегства с поля боя после поражения армии при Антоне.⁵¹ С предателями, естественно, обходились еще более сурово, ибо предательство своего сюзерена с первых дней существования рыцарства считалось самым тяжким преступлением для любого воина. За предательство рыцаря могли подвергнуть любым унижениям и разжалованиям, включая лишение его всех знаков отличия и всех почестей, и процедура эта была поистине ужасна. Когда сэр Ральф Грей, капитан Бамборо и сторонник ланкастерской партии (в Войне роз) был захвачен в плен при сопротивлении Эдуарду IV Йорку, его судил военный суд, приговоривший его к смерти как предателя. Вот какой приговор вынес ему Констэбль Англии Джон Типтофт:

По всем этим причинам, сэр Ральф Грей, ты подвергаешься законному наказанию. По приказу нашего короля, твои шпоры будут срублены с сапог рукой палача, который находится здесь наготове, как и обещал

еще в то время, когда снимал твои шпоры (т.е. когда Грея посвящали в рыцари), и тогда он сказал: «Если ты не будешь верен своему господину и повелителю, то я без пощады срублю твои шпоры этим самым кинжалом прямо с каблуков.» Вот, посмотри: здесь этот палач, готовый сделать свое дело, в своем фартуке и со своим кинжалом.

А также, сэр Ральф Грей, по приказу короля, сюда, как видишь, явились герольдмейстер и герольды, готовые сорвать с тебя твою гербовую котту, дабы таким образом лишить тебя чести, титула и герба, а также членства в рыцарском сословии; вот тебе также другая котта, на которой герб твой изображен вверх ногами, и в ней-то ты и должен, согласно закону, идти на плаху.⁵²

За это, безусловно, худшее из преступлений закон предусматривал в дополнение к основному приговору и еще не менее ужасные, но справедливые унижения. Ральфу Грею, на самом-то деле, еще до некоторой степени повезло: король Эдуард смиростивился и не лишил его титула (хоть и не избавил от смертной казни), приняв во внимание то, что его дед некогда оказал дому Иорков неоценимые услуги, за измену которому Ральф попал на плаху. Зато многим другим повезло значительно меньше. С Эндрю Харкли, например, в 1323 г. приговоренного за шпионаж в пользу враждебных Англии шотландцев, сорвали рыцарский плащ, срубили с сапог шпоры, а меч сломали у него над головой. «Эндрю, - сказал ему судья после всего этого, - теперь ты не рыцарь, а лжец и мошенник (knaves), и за твое предательство, по воле нашего короля, ты будешь повешен, а потом труп твой будет проташен по улицам.»⁵³ Когда Филип фон Хагенбах, бывший губернатором Эльзаса при Карле Смелом, был в 1474 г. приговорен в Бриссаке за свои преступления и превышение власти, то затем присутствовавший там герольд должен был зачитать ему вслух официальный указ о его исключении из ордена Щита Св.Георгия, согласно которому он лишался всех своих привилегий и почестей; а для того, чтобы показать всем, что отныне он, по сути дела, превратился в полное ничтожество (лишившись всякого уважения и почестей), человек, стоявший с ним ря-

дом, дал ему в знак презрения оглушительную пощечину.⁵⁴ Мы уже видели, как рыцарские представления о чести предвосхитили ритуал награждения медалями и знаками отличия в позднее средневековье; теперь мы видим, как рыцарские представления о бесчестии предвосхищают то, если можно так выразиться, торжественное унижение, которым в подобных случаях сопровождалось последующее вынесение окончательного приговора военного суда, когда судьи старались не упустить ни одного из элементов того ужасного ритуального унижения, которое так живо сумел описать Киплинг в стихотворении «Завтра утром Дэнни Дивера повесят».

*К -К -К

Что же в действительности, спросим мы в заключение, такого уж особенно важного мы узнаем из описаний всех этих бесконечных церемоний, всех этих награждений и лишений чести? По-моему, самый важный вывод из всего этого таков: эти ритуалы свидетельствуют о том, что споры о природе знатного сословия и тот окончательный вердикт, согласно которому приоритет отдавался личным достоинствам, а не родословной при определении самой сути знатности, - все это не просто вирутозные литературные упражнения. Скорее наоборот: и эти споры, и этот приговор напрямую связаны с той сложной системой, которая призвана обеспечивать общественное признание личных достоинств и добродетелей на практике, и вполне этой системе соответствуют. Целью этой системы был одновременно и показ той исключительной роли, которую теоретики приписывали публичному оказанию почестей, награждению привилегиями и знаками отличия. Церемонии и обряды, благодаря которым эта система находила свое выражение, имели нечто общее с теми ритуалами, которые антропологи давно уже подметили у примитивных народов, которые с их помощью поддерживают социальную иерархию в своем обществе; однако же именно в этом отношении вышеупомянутая система от них и отличается. Являясь полной противоположностью примитивной племенной практике,

эта рыцарская система была связана с разумно-последовательной общественной идеологией, которая в полной мере и достаточно ясно была отражена и в литературе. Эта система использовала те же методы для обозначения особенностей, связанных с происхождением, с одной стороны, что и для обозначения отличий, связанных с личной военной доблестью, с другой, потому что связь между двумя типами оснований для таких отличий (что такие писатели, как Жан де Мен, Бартоло и анонимный автор поэмы «*La vraie noblesse*», последовательно разъясняли) вполне осознавалась. И используемые этой системой тонкие характеристики отличий, а также ритуалы, исполненные сложной символики, были связаны с основами общественной философии и поддерживались ею, или же, точнее, - если кому-то термин «философия» представляется слишком громким - ясной общественной идеологией.

Эта идеология, правда, имела свои ограничения. Ее концепция светской добродетели, основой которой служили мужество, верность, стойкость и твердость религиозных убеждений, в точности совпадала с военной. Но разве можно было ожидать чего-то иного от общества, которое интерпретировало функции светского правящего класса в терминах военных - терминологии, отнюдь не такой уж неуместной в те времена, когда способность править и возможность применять силу для того, чтобы удержать в своих руках законную власть, были на практике одним и тем же? И, по крайней мере, пышные ритуалы придавали понятию знатности как воплощению добродетели некий позитивный динамизм, которого никак не могла бы породить негативная сила социальной исключительности, которую столь часто подчеркивают историки, занимающиеся знатью и рыцарством.

Представление о том, что знатность должна быть непременно связана с добродетелями, несколько смягчило строгие рамки классовой исключительности и обеспечило этому сословию несколько большую открытость и социальную подвижность.

Рыцарские ритуалы чести также помогали установить связь рыцарства с религией, которую средневековое христианское общество признавало источником всяческой милости и добродетели. Когда мы

слышим рассказ о том, как Джон Райтер, оруженосец, специально задержался в Пруссии, чтобы увидеть, как будут устанавливать в соборе Кенигсберга витраж с гербом его господина Джеффри Ае Скропа, погибшего в сражении с язычниками; когда мы читаем о том, как приор Мартона (в Ланкашире) хранил в своей сокровищнице гербовую котту, которую сэр Александр Невилл надевал перед сражением при Халидон Хилл^{4* 55}; когда мы не можем отвести глаз от надгробий в местах упокоения рыцарей ордена Подвязки в Часовне Св.Георгия в Виндзоре или рыцарей ордена Лебедя в Бранденбурге, в соборе Ансбаха, на которых красуются свидетельства ратных подвигов этих рыцарей, - то все это напоминает нам о роли великих и малых христианских церквей Европы как истинных памятников рыцарства, где в конце концов и хранятся все знаки отличия павших героев, их гербы и различные свидетельства их земной славы. Там, в камне и стекле, в мемориальных досках с изображениями гербов, рыцари дают свой последний урок: человек, рожденный для святой профессии воина, может спасти свою душу, с честью и до конца исполнив свой профессиональный долг. И действительно, это его долг не только перед предками и потомками, но и перед Господом, так что рыцарю следует стремиться всегда поступать только так. Именно таков тот урок, который молчаливо преподносят рыцарские памятники и надгробия, и это оправдывает ту чрезвычайно тщательную заботу о том, чтобы все знаки отличия покойного были отражены в его надгробии и напоминали о том, как этот герой вел себя на войне, ибо, как выразил это Жан де Бюэй, «мы, бедные солдаты, спасем наши души на войне точно так же, как могли бы спасти их, предаваясь созерцательной жизни и питаясь лишь сухими корнями».⁵⁶ Добродетель воина была не та, что у священника, но тем не менее это была добродетель, и память об этом сходстве заставляла рыцарство и дворянство постоянно помнить о тех ценностях, которые мужчины всегда и воспринимали как вечные.

Примечания переводчика

^{1л} Матьяш Хуньяди (Матвей Корвин), 1443-1490, король Венгерского королевства с 1458 г.; вел борьбу с Османской империей.

Жак де Лален по прозвищу Славный Рыцарь, 1421-1453, родом из Франции, в юности был миньоном герцога Иоанна I Клевского, но затем был изгнан из дворца, вел жизнь странствующего рыцаря и был убит в бою,

^{3л} Этьеп де Виньоль по прозвищу Ла Гир (Ла Ир) (Гнев), умер ок. 1443 г., французский военачальник, участник Столетней войны, за свои героические деяния многими включался в список «Бесстрашных».

Сражение при Халидоп Хилл состоялось в 1333 г., и во время него Эдуард III Английский одержал победу над шотландцами.

Глава X

СВЕТСКИЕ РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА

Институт Столов Чести, созданный рыцарями Тевтонского Ордена, служил сразу нескольким целям. Он одновременно поощрял стремление к боевым отличиям и придавал этой процедуре ритуальное выражение; он всячески воспевал образ доблестного, жаждавшего приключений странствующего рыцаря и до некоторой степени его эксплуатировал; и, к тому же, этот институт отвечал потребности рыцарского общества иметь некое официальное признание его высоких задач и целей. Практически то же самое можно сказать и о многочисленных светских рыцарских орденах и братствах, созданных в течение XIV-XV веков. Их огромное количество свидетельствует о значимости этого явления, а постоянное увеличение их числа - одно из наиболее примечательных событий в рыцарском обществе позднего средневековья.

Об этих союзах имеются весьма отрывочные сведения: одни были весьма знамениты, и после них осталось немало различных документов; другие существовали совсем недолго и известны, чаще всего, только по своим уставам; а некоторые живы лишь благодаря устным воспоминаниям, передаваемым из поколения в поколение. Наиболее крупными и оставившими самый яркий след были ордена, основанные великими правителями; они особенно отличались своими пышными церемониями и богатым облачением. Старейшим из них был, по всей видимости, орден Ленты, основанный Альфонсо XI Кастильским при-

мерно в 1330 г. Создание Эдуардом III в 1348 г. ордена Подвязки было следующим важным событием такого рода, а вскоре король Иоанн Французский учредил орден Звезды (1351 г.), Людовик Неапольский - орден Узла (1352), император Карл IV - орден Золотой Застежки (1355), король Кипра - орден Меча (1359), а граф Савойский - орден Воротника. Среди наиболее заметных орденов, созданных в следующем столетии, можно назвать орден Дракона (1413?), созданный императором Сигизмундом; орден Золотого Руна (1431), созданный Филиппом Добрым, герцогом Бургундским; орден Лебедя (1444), созданный герцогом Альбертом-Ахиллом Бранденбургским; орден Полумесяца, созданный Рене Анжуйским; и орден Св.Михаила (1469), созданный Людовиком XI Французским.¹ Остальные ордена гораздо менее знамениты, и мы совсем мало знаем о братствах рыцарей менее знатных, которые безусловно были весьма многочисленны, но, к сожалению, история их очень слабо документирована. Названия этих орденов свидетельствуют об их отношениях с орденами более престижными и богатыми; таково, например, братство Черного Лебедя из Савойи (1352), или орден Сокола (основанный виконтом де Туар в 1380 г.), или орден Золотого Яблока (основанный сеньором де Листенуа в 1390 г.), или братство Св.Георгия во Франш-Конте (основанное Филибером де Молан около 1430 г.). Самое первое братство из известных мне с отменной самоиронией назвало себя орденом Дураков (Order of Fools) и было основано в 1331 г.² Рыцарские братства наиболее часто возникали и процветали в Германии; так, в 1362 г., как мы видим, здесь было основано братство Ласточки (Martinvogel), в 80-е годы XIV века - братства Льва и Св. Вильгельма, в 1391 г. - братство Серпа, а в 1406 г. мы впервые слышим о братстве Щита Св.Георгия, которое впоследствии стало знаменитым. В связи с конкретными местными условиями эти германские братства стали играть важную роль в общественной и политической жизни и пользовались влиянием, вполне сопоставимым с влиянием богатых орденов, учрежденных правителями или высшей знатью, хотя влияние их и имело несколько иную природу.

Естественно видеть некую связь между рыцарскими орденами позднего средневековья и орденами крестоносцев более раннего периода, таких, как Тамплиеры, Госпитальеры и некоторые испанские ордена (которые процветали и в позднее средневековье, активно вмешиваясь в светскую политику испанских королевств). Но хотя некое общее сходство безусловно есть (например, отголоски устава ордена Тамплиеров отчетливо слышатся в уставе ордена Золотого Руна)⁵, связь между этими двумя типами рыцарских союзов при ближайшем рассмотрении представляется все же весьма незначительной. Ордена крестоносцев прославились благодаря своему вкладу в Священную войну, а также - благодаря своим аскетическим обетам бедности, покорности и чистоты, которые давали их члены (устав испанского ордена Сантьяго был единственным, позволявшим членам братства вступать в брак); известно и то, что эти ордена подлежали юрисдикции церковных властей. И совсем наоборот, для светских орденов и братств Священная война никогда не являлась единственной и главной целью; а вступившие в них рыцари были обычными светскими людьми, которые и после вступления в орден продолжали вести привычную и вполне светскую жизнь; и, если не считать чисто религиозных убеждений их членов, эти ордена полностью подчинялись именно светской, а не церковной власти. Вполне возможно, что именно пример испанских орденов крестоносцев (и особенно ордена Сантьяго) вдохновил короля Альфонсо учредить орден Ленты, что, в свою очередь, подтолкнуло Эдуарда III к созданию ордена Подвязки.⁴ Но не похоже, чтобы это влияние было таким уж принципиальным: у Эдуарда, как мы в свое время увидим, был на уме совсем иной образец. Если так уж хочется поискать истоки, то скорее турнирные общества - вроде союза Круглого Стола, созданного Ульрихом фон Лихтенштейном, - находились гораздо ближе к прототипу рыцарских братств позднего средневековья, чем ордена крестоносцев, однако свидетельства о них довольно скудны. Конечно, если это правда, то история турнирного общества, основанного в 90-е годы XIII века графом Голландским и имевшего собственную эмблему - раковину на красновато-коричневом воротни-

ке, - весьма схожа с историями его более ранних предшественников, знаменитых светских орденов XIV века⁵, среди которых кастильский орден Ленты, имевший, как мы увидим впоследствии, совершенно специфические характеристики, свойственные типичному турнирному обществу и отраженные в его уставе. А не так давно было высказано предположение, что расположение скамей для членов ордена Подвязки в Часовне Св.Георгия - со стороны королевских кресел и со стороны принца - придумано специально, ибо отражало принадлежность присутствовавших на мессе рыцарей к двум отлично составленным турнирным командам.⁶

По своему строению рыцарские ордена и братства позднего средневековья, видимо, более всего близки не орденам крестоносцев, а светским братствам, ставшим весьма многочисленными с началом XIII века. Цели, во имя которых создавались эти союзы, были, разумеется, очень различными, но практически все содержали элемент благочестия или религиозного милосердия. Соблюдение церковных обрядов (особенно в этих братствах заботились о похоронах и заупокойных службах), образование, забота о больных и престарелых - таковы были самые обычные цели и занятия членов таких союзов. Но следует учесть, что к тому же типу институтов принадлежали и профессиональные гильдии, основной *raison d'être* (смысл жизни) которых заключался в регулировании объема производства и торговли. Уже на очень раннем этапе мы узнаем о братствах, занимавшихся пропагандой крестовых походов и их материальным обеспечением, которое осуществляли посредством создания различных фондов и набора воинов; деятельность некоторых итальянских братств партии гвельфов также имела определенный военный оттенок.⁷ Первое упоминание о братствах рыцарей в истинном смысле этого слова мы встречаем, видимо, в каноне Авиньонского Собора 1326 г., на котором резко обличались беспорядки, творимые дворянами, которые объединяются в некие союзы и клянутся «именем братства, а также сходятся раз в год в некоем условленном месте, где и проводят свои тайные собрания и моления, и вместе клянутся поддерживать друг друга во всем и помогать друг другу

как деньгами, так и советом или просто добрым отношением, против любых чужаков, кроме их собственных сеньоров; и все они одеваются к одинаковому платью, украшая его особыми нашивками или эмблемами, и выбирают предводителя, которому единодушно клянутся в повиновении.»⁸ Таково это великолепное и краткое описание нового типа рыцарских братств, который вскоре стал очень распространенным.

Одной из отличительных особенностей светских братств было прежде всего наличие основного закона, Устава, с помощью которого регулировался допуск в общество, проведение общих собраний братства, назначение на руководящие посты и определение властных полномочий и обязанностей его членов. Братства обычно выбирали себе в покровители кого-то из святых, и в таком случае в Уставе непременно было отмечено, что день этого святого является праздником для всех членов данного союза и должен быть торжественно отмечен. Некоторые братства даже брали на содержание или устраивали собственные часовни или капеллы в местных церквях, и обычно делались весьма щедрые пожертвования по случаю заупокойных служб по усопшим членам братства. На собраниях такого союза рассматривались вопросы поведения всего данного сообщества или отдельных его членов; здесь наказывали нарушителей Устава и вершили справедливый суд, если между членами союза вспыхивали ссоры. Светские рыцарские ордена в целом придерживались именно такой формы организации. Все они имели свои Уставы, тщательно регулировавшие допуск в орден новичков, определявшие обязанности членов ордена по отношению к представителям власти и друг к другу и назначавшие наказания тем, кто нарушил законы данного братства. Эти ордена также обычно связывали свое создание с конкретными религиозными святыми и их культами и праздниками; например, орден Подвязки ассоциировал себя с культом Св.Георгия, орден Полумесяца - со Св. Маврикием, орден Узла - с культом Святого Духа, братство Ласточки - с культом Св. Иоанна Крестителя. У многих были свои собственные часовни - например, часовня Св.Георгия у ордена Подвязки в Виндзоре, часовня Св. Девы Марии у ордена Звезды в королевском поместье Сент-Уэн

близ Парижа или часовня ордена Лебеда в соборе Ансбаха. По большей части в Уставах этих орденов была отмечена необходимость регулярно проводить общие собрания братства, а также - необходимость непременно заказывать заупокойные мессы в случае смерти кого-то из братьев. В общем, по своей структуре и уставам светские братства были практически такими же, что и духовно-рыцарские ордена.

Наличие Устава и регулярное проведение общих собраний братства были важными отличительными чертами рыцарского ордена. Оливье де Ла Марш в хорошо известном отрывке из своего произведения весьма четко излагает свое мнение по этому вопросу, отмечая, какая неразбериха может возникнуть, если к указанным двум моментам относиться пренебрежительно. Если правитель жалует какую-либо эмблему большой группе дворян сразу, не ограничивая их количество и не составляя для них никакого устава, говорил де Ла Марш молодому Филиппу Красивому, то такой союз не следует называть орденом, ибо это одно лишь название и ничего не значащая эмблема. Например, у королей Англии есть их орден Подвязки... но помимо этого ордена у них есть также некая эмблема, которую они вручают рыцарям, а также дамам, знатым девицам и оруженосцам, и эмблема эта представляет собой розу - иногда красную, а иногда белую, - и ее вручили уже многим людям без ограничения их числа... так что ее и следует называть просто эмблемой... Карл, герцог Орлеанский, также имел подобный отличительный знак - *le samail* (пышный «петушинный» воротник), к которому был прикреплен дикобраз, и эту эмблему носили многие достойные люди, рыцари и оруженосцы, но никаких ограничений их числа не существовало, и никаких общих собраний они не проводили, так что я утверждаю, что это была просто эмблема, а не настоящий орденский знак.⁹

Сообщество, которое имеет устав и проводит собрания, но не делает никаких ограничений для числа своих членов, разъясняет далее де Ла Марш, следует называть скорее братством, а не орденом. Проблемы, которые, видимо, сильно волновали его, представляются совершенно ясными. С одной стороны, он желал отделить от прочих сообществ

вполне конкретные и весьма престижные союзы, такие, как орден Iодвязки и особенно орден Золотого Руна, и закрепить за ними почетное звание ордена. С другой стороны - желал установить различия между эмблемами орденов и братств и тем, что считал просто «пачками, полагавшимися свите и являвшимися свидетельством тех особых уз верности своему господину, которые связывают «бесчисленное» множество последователей того или иного сеньора. Особые значки и воротники, как и красновато-коричневые цвета форменных костюмов, были очень популярны в позднее средневековье, а такие воротники, как *le samail* герцога Орлеанского, действительно порой весьма вольно называли «орденскими заиками».¹⁰ На практике некоторые правители даже поощряли столь вольное обращение со словом «орден». Короли Кипра, например, совершенно свободно награждали знаками своего ордена Меча иностранцев, которые, получив этот знак, как бы причислялись к почетным членам этого ордена, но, разумеется, не были связаны его Уставом и не посещали общие собрания братства. Короли Арагона поступали примерно так же со своим орденом Столы и Кувшина (*Stole and Jar*), награждая в знак своего расположения орденской эмблемой гостей страны и королевского двора, никак число награжденных не ограничивая.¹¹ Ясно, что подобная практика не давала возможности проводить те четкие различия, установление которых так волновали Оливье де Аа Марша, и больше напоминала задачу уже упомянутых красно-коричневых воротников (которыми, кстати, также награждали иностранцев в знак почта и дружеского расположения). И действительно, по сути своей эти два вида эмблем весьма различны. Воротники ордена Святого Духа, которые Джон Гонт^{1*} вручал своим сторонникам, как и *самил* («петушиный воротник») приближенных герцога Орлеанского, были знаками отношений патрона и клиентов - то есть отношений, действительно носивших некий оттенок рыцарства, - и в целом, безусловно, были символами союза и верности вассала своему сюзерену.¹² Эмблемы же, которые изображены, например, в именной табличке Ульриха Кетцеля на большом иллюстрированном генеалогическом древе семейства Кетцель, имеют совершенно

иное значение. Здесь мы видим и эмблему кипрского ордена Меча, **и** арагонского ордена Столы и Кувшина, и венгерского ордена Дракона, и колокол, служивший эмблемой братства Св. Антония в Геннегау, **и** Иерусалимские кресты, и колесо Св. Кaterины.¹³ Это уже свидетельства не отношений патрона и клиентов, а карьеры воина, странствующего рыцаря и паломника, на протяжении которой Ульрих служил во многих странах, посетив в Святые Места, и монастырь на горе Синай. Это весьма достойный перечень рыцарских деяний. Ясно, что легко было запутаться, выявляя различия между орденом или братством **и** *devise* (т.е. просто сообществом); однако ясно и то, что различия эти были весьма существенны.

Даже если отказаться от рассмотрения тех «союзов», которые Оливье де Аа Марш назвал *devises*, а также прочих имеющих чересчур свободные границы рыцарских объединений, все равно остается немало существенных различий между рыцарскими орденами и рыцарскими союзами позднего средневековья - в плане уставов, функций и основных профессиональных занятий. Возможно, наилучший способ их классификации был недавно предложен д-ром Ж. Д'Арси Боултоном.¹⁴ Он различает три крупных типа рыцарских союзов: «придворные (куриальные)» (*curial*) ордена, «демократические (вотальные)» (*votal*) ордена и «братства». Под «куриальными» орденами он подразумевает такие, члены которых, имея Устав и регулярно проводя собрания братства, еще и связаны друг с другом покровительством какого-либо правителя или титулованной особы, а также их наследников. Под «вотальными» подразумеваются ордена, основной целью которых являлось исполнение того или иного обета, который обычно давался во имя свершения ратного подвига. Эти ордена по самой своей природе были временными и имели нечто общее с турнирными союзами (или сообществами), поскольку даваемые их членами обеты чаще всего касались деяний, которые предстояло совершить в тех или иных временных и пространственных рамках - например, во время поединка. И те и другие - и временные «вотальные» ордена, и постоянные турнирные общества - имели уставы, которые налагали на

их членов определенные обязательства и обеспечивали регулярное проведение собраний. Как простые братства Д'Арси Боултон определяет те рыцарские союзы, которые имели уставы, проводили собрания и имели общие для всех эмблемы, но избирали свое руководство сами (а значит, не пользовались покровительством сюзерена *ex officio*, как ордена «куриальные»). С такой классификационной схемой связаны некоторые трудности (она, например, отправляет в категорию простого братства орден Полумесяца, который как раз во всех отношениях более всего похож на «куриальный» орден, за исключением того, что его глава - «сенатор» - на свой пост избирался)¹⁵; тем не менее это, видимо, самая лучшая из классификаций, предложенных до сих пор. Более того, у нее есть одно огромное достоинство: она непосредственно связывает нас с теми исходными целями, которые преследовались при учреждении тех или иных типов орденов их создателями, что и составляет следующую тему нашего исследования. А классификация эта послужит для нас весьма полезным руководством в данном процессе.

Как явствует из уставов и истории отдельных «куриальных» орденов, политика, пропаганда и дипломатия были тесно связаны с их *raison d'être* (смыслом жизни). Очевидно, например, что одной из главных целей Эдуарда III при учреждении ордена Подвязки было возвеличивание, придание дополнительного блеска идее той бесконечной войны, которую он уже давно вел с королем Франции - ему нужно было, чтобы тяготы войны воспринимались как прекрасные приключения, к которым и должны стремиться благородные и отважные рыцари, желающие непременно одержать победу над противником, несправедливо отнявшим у их сюзерена его законное наследство. Более поздние рассказы хронистов о том, как Генрих V торжественно принимал в этот орден императора Сигизмунда, как раз когда добивался союза с Сигизмундом в той же войне против Франции, - прекрасное свидетельство тех методов, с помощью которых в дипломатии использовалась связь сюзерена с крупным «куриальным» орденом.¹⁶ Восторженные рассказы английских посланников на Соборе в Констанце,

состоявшемся вскоре после упомянутого события, о том, что император постоянно носит эмблему этого ордена, также подтверждают то, какое значение придавалось подобному поведению как символу дипломатического расположения.¹⁷ Весьма похожие дипломатические соображения лежат и в основе той оговорки в Уставе бургундского ордена Золотого Руна, которая запрещала членам этого ордена одновременно вступать в какой бы то ни было другой орден, находящийся под покровительством другого сюзерена; в данном случае это имело особую цель - предупредить любую попытку связать герцога Филиппа с англичанами еще более тесными и более рыцарственными узами, чем он сам бы того хотел, с помощью предложения вступить в орден Подвязки.¹⁸ Учреждение Филиппом этого знаменитого бургундского ордена имело, разумеется, и другие, куда более широкие политические цели. И одна из самых главных - собрать в единый кулак небольшую группу высшей знати из различных провинций, которыми он правил и которые были присоединены к его домену благодаря целой серии умело осуществленных династических браков и различных видов наследования, но не имели объединяющей традиции подчинения и верности общему сюзерену.¹⁹ По сходным причинам, как мы видим, и многие представители неаполитанской знати в 1458-1459 гг. были приняты в орден Полумесяца, когда Рене Анжуйский готовился к очередной попытке осуществить свои притязания на Неаполитанское королевство.²⁰ Точно так же и Пьер де Лузиньян, король Кипра, прямо рассматривал свой орден Меча как средство для пропаганды своих планов по проведению крестовых походов и привлечению для участия в них воинов-паломников из иностранных государств.²¹ Ясно, что в качестве весьма престижных институтов «куриальные» ордена имели огромный потенциал в том смысле, что представляли собой вполне зримое и вызывавшее восторг воплощение идеалов верности и нерушимого союзничества, которые были ключевыми в словаре политического и государственного строительства в позднее средневековье.

Как и следовало ожидать, особо подчеркнутый долг всех членов ордена быть верными главе братства или своему сюзерену-покровите-

лк) - основная черта уставов практически всех «куриальных» орденов. Например, в основе Устава ордена Золотого Руна лежит то, что член данного братства после своего туда вступления должен объявить о выходе из любого другого ордена или союза (если он там состоял), долг перед которым также может потребовать от него верного служения кому-то другому. Хенрик ван Борселен, например, был вынужден в связи с определенными положениями Устава ордена отказаться от пенсии и службы, которые были ему пожалованы Людовиком XI.²² Вполне понятным требованием было, разумеется, то, что члены большей части орденов обязаны вернуть орденские эмблемы, как только естественные или иные обязательства помешают им сохранять верность тому сюзерену, который им эти эмблемы пожаловал. До нас дошло весьма любопытное и выразительное послание, написанное в 1450 г. Франсуа де Сюреньном, в котором автор объясняет, почему ему приходится вернуть свой знак ордена Подвязки королю Англии.²³ Об общем тоне уставов королевских орденов по вопросу о верности правителю весьма красноречиво говорится во вступлении к Уставу кастильского ордена Ленты. Учреждение этого ордена преследовало две основные цели, и во вступлении к Уставу говорится об этом прямо: восславить рыцарство и сохранить верность сюзерену. Ибо верность, говорится там далее, «это одна из величайших добродетелей, свойственных человеку и тем более рыцарю, ибо рыцарь обязан всегда и во всем быть преданным, во-первых, своему господину, а во-вторых, той, чей образ он хранит в своем сердце.»²⁴ Это обращение к этике куртуазной любви представляется в данном случае весьма выразительным приемом, призванным как можно ярче оттенить красоту такой рыцарской добродетели, как верность королю, хранить которую должны были все члены ордена. Но основная мысль вступления к данному Уставу заключалась в поддержке тех пунктов, где говорилось, что члены ордена должны всегда быть готовы служить королю на войне и всегда оставаться его верными вассалами или же вассалами одного из его сыновей. Другие пункты, аналогичные уставам многих других орденов, обязывали членов ордена носить орденские знаки по крайней

мере в течение одного дня в неделю, тем самым заставляя себя всегда помнить о данных своему братству торжественных обетах.

* * *

В Уставе кастильского ордена Ленты была и еще одна оговорка: человек, только что принятый в братство, должен был - во время ближайшего по времени турнира - два раза сразиться с каждым двумя братьями по ордену.²⁵ Это, а также особое внимание, которое уделяет этот Устав этике куртуазной любви, являются свидетельствами заботы о том истинно рыцарском образе жизни, который не имеет ничего общего с такими серьезными делами, как война и политика - т.е. к рыцарским видам спорта и игры. Это, собственно, и было главным предметом забот тех орденов, которые Д'Арси Боултон назвал «вотальными». Особенно выдающимися в этом смысле были два ордена - Белой дамы на зеленом поле (*Dame Blanche a l'Escu Vert*) (или *Ordre de l'escu verd a la dame blanche* - И.Т.) маршала Бусико и орден Оков (*Fer de Prisonnier*) Жака де Бурбона.²⁶ Защита чести дамы - основной предмет забот и обетов первого из названных орденов, члены которого связывали себя на пять лет клятвой служения благородным дамам, особенно беззащитным и не имеющим наследства. Вторая задача членов этого братства - освободить от данных ими обетов рыцарей и других знатных людей, которые поклялись совершить выдающиеся ратные подвиги, но не сумели отыскать себе достойных оппонентов во время турниров и рыцарских поединков. Орден Жака де Бурбона особенно много внимания уделял проблеме ратных подвигов во время рыцарских поединков. Шестнадцать весьма знатных рыцарей, обладавших собственными гербами и состоявших в этом ордене, дали клятву, что каждое воскресенье в течение двух лет станут носить орденский знак в виде оков узника, сделанных из золота, пока не найдут еще шестнадцать человек, которые примут их вызов и согласятся сражаться на следующих условиях: пешими и не на жизнь, а на смерть (*a l'outrance*), в доспехах по выбору и с тем, чтобы в случае поражения побежденный считался пленником победителя. Но и это

еще далеко не все. Эти шестнадцать рыцарей поклялись также щедро пожертвовать часовне Пресвятой Богородицы, где перед иконой Божьей Матери постоянно в течение двух лет должна была гореть свеча в подсвечнике, сделанном в виде оков узника, а также каждый день в девять часов в этой часовне должны были служить «высокую» и «низкую» обедню. Если они исполнят свой обет, то должны продолжать постоянно оплачивать эти мессы и в дальнейшем, и каждый должен заказать свой собственный гербовой щит и повесить его в этой часовне в качестве напоминания об этом обете. Если же кто-то из шестнадцати умрет, не дожив до конца назначенного срока, то оставшиеся должны отслужить заупокойную службу в той же часовне, и каждый должен оплатить еще семнадцать месс за упокой души усопшего; а затем на его место должен быть по общему согласию избран другой достойный рыцарь. Вдобавок к этому, де Бурбон и его товарищи давали клятву, что весь срок действия обета они будут держаться вместе, хранить братскую дружбу и помогать друг другу во всех делах. И хотя орден этот просуществовал очень недолго, в обязанности его членов входило нечто куда более серьезное, чем довольно-таки экстравагантные обеты, связанные с рыцарскими поединками. Содержание часовни, оплата погребальных услуг и ритуалов, выставление напоказ гербовых щитов членов ордена и клятва в братской любви и поддержке друг друга - все это свойственно и уставам орденов, куда более знаменитых, чем орден Оков - например, ордена Подвязки, ордена Звезды, ордена Золотого Руна и некоторых других «куриальных» орденов.

Орден, учрежденный Бурбоном, можно с тем же успехом назвать и турнирным обществом. То, насколько важными и влиятельными могли быть такие ордена, станет ясно, если рассмотреть примеры тех турнирных союзов (*Turniergesellschaften*), которые стали весьма популярны в Германии в XIV-XV веках. многие из них были даже знамениты, например, братство Единорога в Тюрингии или братство Сокола и Рыбы в Швабии.²⁷ В Германии не было таких недолговечных союзов, как орден Бурбона, там, напротив, возникали братства-долгожи-

тели, и обязанности их членов были строго определены в подробных уставах. Каждое братство имело свое официально избранное руководство, «короля» и его «министров» (советников), которые председательствовали в суде во время больших турниров; в конце турнира следовало избрать нового «короля», который должен был править до следующих состязаний. В такие братства принимались исключительно рыцари, люди знатные, с безупречной репутацией; рыцари-разбойники, отлученные от церкви, упорствующие безбожники, а также те, кто опорочил репутацию дамы, туда ни в коем случае не допускались; не допускались туда и те, кто унизил себя, сочетавшись браком с представительницей более низкого сословия. Член братства, обвиненный в бесчестном поступке или неверности своему сеньору, мог быть вызван на суд, который вели «король» и его советники, и, если оправдаться ему не удавалось, его из братства исключали. Любой из членов этого союза, услышав нечто, порочащее честь одного из его братьев (формальный момент, который мог послужить прелюдией к затяжному спору или даже к феодальной междоусобице, *Fehde*), должен был всеми силами постараться помочь своему брату ответить на обвинение. Уставом предусматривались также заупокойные службы в случае смерти кого-либо из членов братства.²⁸ Турнирные союзы имели собственные эмблемы, обычно свисавшие с воротника или висевшие на шее - примерно как эмблема, скажем, ордена Золотого Руна. Грюненберг в своем великолепном труде по геральдике приводит изображения «гербов» двенадцати самых известных братств, созданных в 80-е годы XV века.²⁹ То были аристократические союзы - со своей постоянной структурой, системой управления и тщательно разработанными уставами - пользовавшиеся огромным влиянием во всех сферах жизни несмотря на то, что в основе их создания и официальной деятельности была именно игра.

* * *

Уставы *Rittergesellschaften* (рыцарских сообществ) Германии, которые, согласно Д'Арси Боултону, можно отнести к третьей катего-

рии рыцарских союзов - простым братствам - имеют некоторое сходство с уставами турнирных братств, и многие представители германской знати были, разумеется, членами обоих типов союзов. Много внимания в их уставах уделялось тем же вопросам, что и в уставах турнирных братств - например, обязанностям членов союза в том случае, если честь одного из них оказывалась затронутой. Этот вопрос подлежал рассмотрению руководством ордена, которое привлекало обвиняемого к ответу и либо убеждало его в необходимости исправить свой проступок, либо - в случае уверенности в его невинности - предписывало всем членам братства оказать ему поддержку в суде или в междоусобной войне.³⁰ Споры между членами такого сообщества могли, разумеется, быть разрешены и с помощью руководства. Таким образом, это также были по сути своей союзы рыцарей, дававших друг другу клятву в дружбе и взаимной верности в борьбе «против любых правителей и чужаков, исключая наших собственных сюзеренов, от которых мы держим свои земли», как говорится в уставе братства Ласточки³¹, члены которого обязаны были помогать друг другу в войнах и междоусобицах, а также иногда в случае ранения на турнире или необходимости платить выкуп, причем помочь они могли как деньгами, так и физически, личным участием.³² Этот устав также предусматривал регулярное проведение общих собраний в дни определенных религиозных праздников, и на этих собраниях избирался глава данного союза (Hauptmann), его маршал и советники. Собрание братства Ласточки должно было проводиться, например, в г.Штокхайме (сев. Бавария) в праздник Св. Иоанна Крестителя (Иванов день, 24 июня); собрание братства Серпа - в г.Миндене (Вестфалия) дважды в год, в воскресенье, предшествующее Вербному, и в воскресенье, предшествующее Михайлову дню (29 сентября).³³ Эти германские братства были, однако, институтами временными. Подобно «вотальным» орденам, они создавались на определенное количество лет, и в конце этого периода состав данного братства мог быть обновлен (и чаще всего так и происходило). Долгая жизнь самого крупного из них, братства Щита Св.Георгия, состояла из целой серии обновлений старого состава и

связей, что в течение XV века придало ему статус организации практически постоянной, имеющей собственную канцелярию и пользу-

34

ющуюся мощным политическим влиянием.

Особые местные условия объясняют и особую активность и влияние рыцарских братств в Германии. В южной Германии (а именно здесь такие союзы поистине процветали), падение дома Гогенштауфенов, повлекшее за собой и распад всей Империи, послужило причиной некоторого вакуума в политической власти. Имперские города, вроде тех, что сформировали Швабскую лигу XIV века, сражались за установление собственной независимости, тогда как влиятельные королевские династии стремились подчинить себе и эти города, и небогатую знать. В результате возникла смута, и рыцарские братства предложили этой знати помощь в поддержании собственной территориальной независимости, сохранении своих привилегий и собственного достоинства перед лицом как враждебно настроенных городов, так и алчных правителей; а благодаря существующей внутри братств системе судов, это оказалось также и средством, препятствующим могущественным властителям использовать в своих интересах ссоры и споры представителей знати между собой. Таким образом братства обеспечили благородному сословию определенный уровень корпоративной безопасности. И в то же время - благодаря ограниченному допуску в свои ряды избранных, благодаря своим орденским знакам, торжественным собраниям и особому вниманию орденских уставов к рыцарской чести и феодальному праву, - эти братства способствовали укреплению уверенности благородного сословия в своем положении в обществе, несмотря на всю его неустойчивость.

Разумеется, братства дававших клятву рыцарей ни в коем случае не были исключительно германским феноменом, хотя только в Германии, как мы видим, эти братства играли столь важную роль и, имея вполне реальный политический вес, создавали союзы с правителями и крупными свободными городами или же официально объявляли им войну. Но подобных союзов было немало и в других странах. Хотя тем лигам крупных феодалов, которые угрожали покою Франции в

конце правления Филиппа Красивого и в течение всего периода правления его сыновей, действительно не хватало официальной и четкой структуры германских братств с их собраниями и строгой иерархией избранных представителей власти (не говоря уж об орденских знаках). Впрочем, вряд ли французские рыцарские братства могли считаться настоящими двойниками германских союзов.³⁵ Даже в плане политического веса они не выдерживают с ними никакого сравнения и, без сомнения, потому, что во Франции подчинение небогатой знати королю и высшей знати претерпело значительно большие изменения, чем в Германии (где борьба за инвеституру помимо всего прочего достаточно рано обеспечила министерялов, служивших отдельным крупным феодалам, бесценным опытом участия в независимых коллективных акциях).³⁶ Как в плане своей структуры, так и в плане той ментальности, которая инспирировала их создание, французские рыцарские братства времен Столетней войны - из-за которой во многих районах Франции были на продолжительное время созданы условия политической смуты, сравнимой с подобными явлениями в Германии, - имели значительно большее сходство как с германскими братствами, так и с крупными «куриальными» орденами. Те же основные положения характерны, например, для уставов пуатевинского ордена Сокола или оверньского ордена Золотого Яблока, что и для германских союзов Ласточки или Серпа: взаимная дружба, борьба со всеми чужаками, верность только собственным сюзеренам и родичам, судебное решение всех споров между членами сообщества, помощь в выплате выкупа, обеспечение регулярного проведения собраний братства, а также выборности его руководства.³⁷ Похоже, причины создания рыцарских братств во Франции и Германии были в значительной степени сходными.

В то же время сходство рыцарских братств Франции (и франкоязычных областей, граничивших с собственно Францией - то есть, с Савойей, Франш-Конте и отдельными районами Нидерландов) с «куриальными» орденами было гораздо большим, чем с германскими братствами³⁸, и состоявшие в них рыцари гораздо сильнее были озабочены

тем, чтобы придать своим союзам отчасти ту же экстравагантность и пышность, какой обладали эти более могущественные ордена. Братство Св.Георгия в Ружмоне (Франш-Конте) было основано в 30-е годы XV века Филибертом де Морланом, оруженосцем, не имевшим особенно знатных предков и не прошедшим обряда посвящения в рыцари. Тем не менее его братство содержало отдельную капеллу в соборе Ружмона, а также изыскивало средства на отправление в этой капелле религиозных служб; а в день Св.Георгия (23 апреля) члены братства устраивали большой праздник, открывавшийся пышной процессией, и украшали себя эмблемами своего рыцарского союза. Устав этого братства предусматривал также заупокойные службы по усопшим братьям и установление в часовне мемориальных досок с изображением их гербов.³⁹ Устав ордена Золотого Яблока из Оверни содержал примерно те же пункты. Как, впрочем, и Устав ордена Сокола, который также требовал ношения особых орденских знаков для того, чтобы обозначить те ратные подвиги, которые совершили члены братства - например, золочения когтей сокола, изображенного на орденской эмблеме, у тех, кто участвовал в *Reise* вместе с рыцарями Тевтонского ордена, или принимал участие в осаде города или твер-
до

дыни на стороне короля, или сражался с противником один на один. Подобные правила имели самое непосредственное отношение к уставам крупных «куриальных» орденов - таких, как орден Подвязки (с его часовней Св.Георгия и щедрыми пожертвованиями на заупокойные мессы) или орден Полумесяца (с его изощренными оговорками относительно выборов «сенатора» и его советников, с его пышными праздничными шествиями в часовню Св.Маврикия кафедрального собора Анжера), или орден Орла, учрежденный Габсбургами (с его чрезвычайно строгими правилами приема в братство и вручения орденского знака). В этом отношении уставы братств франкоязычных стран предлагают весьма полезный иллюстративный материал относительно связей, соединявших самые разнообразные рыцарские союзы - «куриальные» и «вотальные» ордена, а также «простые братства», - и их частично совпадавших обязанностей, имевших отношение к широ-

члГипему кругу деятельности религиозного, спортивного и социально-политического характера.

* л *

Цели создания подобных рыцарских союзов, как мы видели, были но большей части весьма реалистичны: набор воинов и укрепление политической верности сюзерену; дипломатические поиски союзников и выгодных международных сделок; укрепление собственного правового и общественного статуса и привилегий; развитие таких видов рыцарской деятельности, как турниры, что отражало исключительность рпцарства и знати. Ни одна из этих целей не имеет чисто идеалистического характера, что, без сомнения, явилось причиной желания при- дать им романтический аромат и благородный блеск посредством но- шения различных орденских знаков и проведения пышных церемоний, которые как бы связывали деятельность этих орденов со славным прошлым и теми прекрасными идеалистическими целями, высокая эти- ческая ценность которых не может подвергаться сомнению. То, что важных политических и социальных целей легче достигнуть, если при- дать средствам достижения больший блеск, основатели рыцарских орденов, мыслившие весьма трезво и ясно, поняли, видимо, практически сразу, и вряд ли было так уж важно, являлось это понимание действи- тельно сознательным или же чисто интуитивным. Они, разумеется, прежде всего позаботились о том, чтобы использовать все источники литературной мифологии рыцарства, дабы украсить, окутать флером горделивой романтики создание тех или иных рыцарских союзов.

Светские братства, в сущности, представляли собой готовую струк- турную модель для рыцарских орденов; а литература предлагала псев- доисторические образцы рыцарства, пользовавшиеся огромной попу- лярностью. Один из ключевых эпизодов романа «Мерлин» из проза- ического артурова цикла «Вульгата»(или «Ланселот-Грааль») повествует о том, как Мерлин является к королю Утеру Пендрагону и

говорит о своей готовности создать для него некий «круглый стол», который вместе со столом, за которым Христос сидел во время «тайной вечери», и Столом Грааля составит полную символическую «триаду столов». За этим столом, говорит Мерлин, хватит места для пятидесяти одного рыцаря.⁴¹ Пятьдесят человек Мерлин называет сам - это самые благородные, родовитые и отважные из рыцарей, собравшихся при дворе Артура, которые впредь станут жить как братья. Пятьдесят первое же место за столом останется, разумеется, свободным, ибо оно предназначено для некоего, пока что неизвестного рыцаря «без страха и упрека», истинного Рыцаря Грааля, который в свое время явится ко двору Артура, сына Утера Пендрагона. Такова была история, предлагавшая некий архетип рыцарского ордена и имевшая невероятный резонанс в обществе. Альтернативный (хотя и родственный) архетип был предложен в истории о создании ордена рыцарей Вольного Чертога в романе XIV века «Персефорест». В этом романе, посвященном приключениям Персефореста, сопровождавшего Александра Македонского во время его мифической экспедиции в Британию, есть описание Вольного Чертога, чудесной круглой башни, построенной самим Господом Богом; в этой башне Персефорест и его товарищи обнаруживают огромный круглый стол из слоновой кости, за которым одновременно могут усесться триста избранных рыцарей.⁴² Место каждого рыцаря за этим столом отмечено его гербовым щитом, который укреплен сзади на стене, и Господь сам называет герою романа первых шестьдесят три рыцаря.

Хроники отчетливо свидетельствуют о том, что Эдуард III явно имел на уме образец артурова Круглого Стола, когда впервые подумал о создании некоего рыцарского ордена (хотя в хрониках на сей счет много путаницы, и в результате оказываются как бы «сплавленными» воедино момент создания ордена Подвязки и проведение Большого турнира Круглого Стола в Виндзоре, что имело место за несколько лет до того). «Король,- говорит хронист Жан ле Бель,

- в благородстве сердца своего решил, что заново отстроит замок Виндзор, который некогда построил Артур и где впервые был установ-

лен Круглый Стол, в честь своих доблестных рыцарей, бывших тогда при нем и так хорошо ему служивших, что король наш чрезвычайно высоко оценил их службу и счел их настолько благородными, что, но его словам, подобных им не сыскать было ни в одном другом королевстве; и ему показалось, что какие бы почести он ни оказал им, они не могут быть чрезмерными - так сильно он их (этих рыцарей) полюбил. И наш король объявил по всему королевству, что будет устроен великий праздник и большой прием по случаю учреждения этого Круглого Стола, и пригласил отовсюду благородных дам и девиц, рыцарей и оруженосцев прибыть на этот великий праздник в Виндзор.»⁴³

Впоследствии орден Подвязки стали считать чуть ли не «прямым потомком» артурова Круглого Стола. «Я читал и слышал, - писал в 1408 г. Генриху IV Жан Вершен из Геннегау,

- что в те времена, когда благородный и могущественный Артур правил землями, которыми ныне правишь ты, там был создан орден, и в него вступили многие рыцари, называвшие себя рыцарями Круглого Стола, и рыцари эти превосходили всех в благочестии и истинной рыцарственности... а теперь я узнал, что кто-то из самых знатных людей твоего королевства в память о том ордене учредил новый и назвал его орденом Подвязки.»⁴⁴

Король Франции Иоанн Добрый, который в 1350 г. создал орден Звезды как бы в пику Эдуарду III, учредившему орден Подвязки, похоже, тоже имел в виду рыцарей Вольного Чертога. Устав ордена Звезды следует этому литературному образцу неукоснительно - в том числе и изображая гербовой щит и шлемовую эмблему над креслом каждого из членов ордена в зале «Благородного Дома» в Сент-Уане.⁴⁵ Орден Узла, Устав которого во многих отношениях оказался списан с Устава ордена Звезды, был замыслен как союз трехсот воинов - ровно столько было и рыцарей Вольного Чертога.⁴⁶ Во всех трех случаях - при создании орденов Подвязки, Узла и Звезды - литературная модель, похоже, была использована сознательно вполне успешно.

Влияние этих двух архетипов - Круглого Стола и Вольного Чертога - было исключительно сильным, но существовало также множество других литературных образцов, которые различные рыцарские

ордена стремились использовать при составлении своих уставов. Возрастающий интерес к античной истории и использование соответствующих литературных аллюзий несомненно послужили причиной того, что Людовик Неаполитанский включил в Устав ордена Узла требование увенчивать особо отличившихся членов братства лавровым венком - в точности как героев римской античности; и он же напомнил членам ордена о легендарной связи штаб-квартиры этого ордена в Кастельнуово (замке *Oeuf enchante du merveilleux peril*, как он называл его) с пещерой, где Вергилий, согласно легенде, работал над своими дивными произведениями.⁴⁷ «Роман о Трое»^{2"} и изложенная в нем история о суде Париса явно послужили основой для выбора членами ордена Золотого Яблока своей эмблемы и девиза: *La plus belle me devoit avoir* («Меня должна получить красивейшая») ⁴⁸ История Ясона и аргонавтов, по всей очевидности, обусловила выбор своей эмблемы членами ордена Золотого Руна - знаменитого и могущественного ордена, основанного Филиппом Добрым (этот герцог с самого наачла своего правления владел богато расшитым гобеленом, на котором изображались все приключения аргонавтов). Однако поведение самого Ясона не было столь уж безупречным - ведь он нарушил слово, данное им Медее! - и Жан Жермен, канцлер ордена, по-иному интерпретировал смысл орденского знака, утверждая, что это совсем не то золотое руно, не колхидское, а стриженная шерсть Гедеона^{3*}, в которую, согласно Книге Судей, упала с небес роса в знак того, что Гедеон победит мидийцев.⁴⁹

Литературные влияния на устав орденов не были ограничены выбором эмблемы и внешнего оформления. Они давали значительно более серьезную и возвышенную основу законам этих братств; так, например, в Уставе ордена Звезды было указано, что на ежегодном празднике следует накрыть отдельно Стол Чести для трех правителей (принцев), трех баннеретов и трех рыцарей, которым, по общему мнению, в этом году удалось совершить самые выдающиеся ратные подвиги.⁵⁰ Культ Девяти Героев (Девяти Бесстрашных) явно послужил вдохновляющим моментом для подобного чествования воинской доб-

лести. Аналогично, хотя, возможно, это представляется еще более поразительным, в уставах нескольких орденов - Звезды, Узла, Золотого (уча и Полумесяца - предусмотрено ведение специальной «книги приключений», куда записывались наиболее выдающиеся ратные подвиги членов ордена.⁵¹ Ни одной подобной книги, к сожалению, не сохранилось, но мы знаем, что Король герольдов при дворе Рене Анжуйского начал собирать материал, намереваясь создать подобную «книгу приключений» для ордена Полумесяца⁵²; а Никколо Аккьяиволи совершенно определенно начал писать книгу о приключениях членов ордена Узла, ибо Бокаччо высмеивал его за это: «он писал по-французски о подвигах рыцарей Святого Духа (другое название ордена Узла) и в том же стиле, в каком некоторые авторы прошлых лет писали о Круглом Столе. Насколько смешные и совершенно лживые материи были там использованы, он прекрасно понимает и сам.»⁵³ Неизвестно, так ли уж сильно преувеличивал Никколо славу - свою собственную и своих братьев по ордену, - но вот об отношении Бокаччо к артуровой модели рыцарских орденов догадаться нетрудно. Создание подобных «книг приключений» - дабы лишний раз отдать должное тому или иному ордену - было явно инспирировано тем эпизодом из романа «Мерлин», где рассказывается, что каждый из рыцарей Круглого Стола, покидая артуров двор, должен был поклясться, что «непременно по возвращении расскажет все, что с ним случилось... будь то ему во славу или во вред. И таким вот образом можно было судить о доблести каждого.»⁵⁴ Рассказы возвращавшихся домой рыцарей Круглого Стола о самих себе записывались писцами короля Артура (или, как позднее считали некоторые, его герольдами), что в целом предположительно и составило основу тех историй, из которых Уолтер Ман по приказу Генриха II Английского сплел целый цикл о рыцарях Круглого Стола.⁵⁵

Литературные влияния были особенно сильны при создании «вогальных» орденов. Великий обет рыцарей Круглого Стола, данный ими на Пятидесятницу - непременно найти священный Грааль, - предлагал прямо-таки идеальный образец подобного союза. Впрочем, ли-

тературная концепция куртуазной любви оказывала на рыцарские круги еще более очевидное влияние. Безусловно именно она вдохновила Бусико на создание ордена Белой Дамы на Зеленом Поле.⁵⁶ Сам Бусико всю свою жизнь загнал в рамки преувеличенной куртуазности и уважения по отношению к дамам, как о том чересчур старательно, даже назойливо, напоминает нам его биограф. Прибыв в Геную, маршал Бусико как-то раз учтиво поклонился на улице двум дамам, а когда его оруженосец заметил, что это обычные проститутки, Бусико в ответ заявил: «Да лучше я поклонюсь десяти публичным девкам, чем не отвечу на приветствие хотя бы одной достойной женщины.»⁵⁷ Члены ордена Оков Узника считались, как и члены ордена Бусико, приверженцами подобных воззрений - готовы были защищать честь любой благородной дамы или девицы и прийти ей на помощь, если она сама их об этом попросит.⁵⁸ Граф де Фуа допускал в свой орден Дракона не только рыцарей, но и благородных дам и девиц, а в конце года, если кем-то из этих женщин были совершены какие-либо подвиги из упомянутых в Уставе, то и им тоже (а не только рыцарям) разрешалось украшать свои орденские эмблемы с изображением дракона изумрудами, сапфирами и бирюзой в память об этих подвигах и подвигах братьев по ордену⁵⁹ (здесь стоит отметить, что довольно многие ордена допускали в свои ряды женщин наравне с мужчинами; например, орден Св.Антония в Геннегау; на раннем этапе были женщины и среди членов ордена Подвязки, и им даже вручалось орденское облачение).⁶⁰ Естественно, этос куртуазной любви оставил наиболее отчетливый след среди «вотальных» орденов, ибо основная их деятельность была связана с рыцарскими поединками и турнирами - то есть с такой областью, где усилия по расцвечиванию подобных военно-спортивных состязаний красками, позаимствованными в романах, имели уже достаточно долгую историю.

Романтический акцент на силе любви и стремлении к почестям, желании выглядеть героем в глазах женской половины человечества, а также - на способности прекрасной дамы вдохновить героя на подвиги был, однако, воспринят некоторыми из основателей могущественных

«куриальных» орденов вполне серьезно. Мы уже видели следы подобного воздействия, весьма заметные в предисловии к Уставу ордена Ленты, где верность возлюбленной ставится вровень с верностью васала сюзерену, и оба вида верности воспринимаются как два столпа, как два основных источника верности и преданности вообще. Людовик де Бурбон имел в виду то же самое, когда включил в Устав своего Ордена Золотого Щита требование не позволять никому ни об одной женщине говорить дурно, «ибо по воле Господа большая часть всех мирских почестей происходит именно от них (женщин)».⁶¹ Истории с оттенком куртуазной любви также циркулировали среди прочих обстоятельств, связанных с учреждением некоторых «куриальных» орденов, например, ордена Подвязки и ордена Локон. История о том, как Эдуард III во время бала в Кале подобрал подвязку графини Солсберийской и повязал ее под собственное колено со словами: «Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает» (*Honi soit qui mal y pense*), - история, безусловно, апокрифическая, однако подобные слухи начали циркулировать практически с самого начала существования ордена.⁶² Эмблема баварского ордена Локон, как это и было задумано, представляла собой локон (на иллюстрациях он, правда, больше похож на полноценную длинную косу), который якобы срезал на память герцог, основатель этого ордена, с головы своей возлюбленной, и

» 63

эта история действительно представляется вполне достоверной.

Влияние литературы, прямое и косвенное, на концепцию рыцарских орденов было безусловно очень сильно. Весьма много места в уставах орденов и братств (и особенно тех, что имели отношение к орденам престижным) занимают пункты, касающиеся организации празднеств, собраний и процессий, а также ношения знаков отличия и орденских знаков; здесь также весьма заметно воздействие тогдашних эрудитов - и прежде всего герольдов с их любовью к символике и повышенным вниманием к скрупулезному соблюдению ритуалов и всех тонкостей церемоний и соблюдения старшинства. Рукописные сборники орденских уставов и эмблем, а также записи о подвигах, запечатленных в гербах членов орденов, - это наиболее красиво деко-

рированные произведения геральдического искусства. В них влияние геральдики соединяется с литературным влиянием и наделяет общее стремление позднего средневековья к украшательству конкретными чертами, свойственными тому или иному рыцарскому ордену как организации. Внимание к декоративным деталям не должно, впрочем, восприниматься как направленное само на себя; в нем заключается нечто существенно большее. Это один из способов проявить особое уважение к тем целям и задачам рыцарства, которых члены рыцарских орденов поклялись добиваться.

Если более внимательно приглядеться к тому, что же это были за цели и задачи - по мере того как их проясняют для нас уставы и история различных орденов, - то более всего поражает верность рыцарей установленной системе рыцарских идеалов. Еще в первых главах данной книги мы определили три составляющих элемента, как бы вплетенных в ткань этих идеалов - религиозный, общественный и военный. Те же самые три составляющие положены в основу структуры рыцарских орденов, и как раз в этом-то и заключена причина того, что в позднее средневековье рыцарские идеалы остались теми же, что и в самом начале, несмотря на все гримасы времени.

Сюзерены и прочие могущественные покровители крупных «куриальных» орденов, желая достигнуть поставленной цели, прекрасно понимали всю необходимость того, чтобы учрежденные ими союзы воспринимались как некие элитные сообщества внутри современного им рыцарства, и ясно видели, что для этого требуется особый акцент на христианское предназначение орденов. Именно это лежало в основе тех религиозных церемоний, которые предшествовали общим собраниям братств, а также в основе той финансовой поддержки, которую ордена оказывали церкви, и их весьма щедрых пожертвований на заупокойные мессы. Во многих уставах также уделялось особое внимание религиозному значению Священной войны. Некоторые рыцарские союзы можно было, пожалуй, назвать даже светскими орденами крестоносцев; король Кипра Пьер де Аузиньян, например, и созданный им орден Меча стремились реализовать потенциал таких рыцар-

ских объединений и узаконить энтузиазм крестоносцев - способом, весьма схожим с учреждением рыцарями Тевтонского ордена Столов Чести. Сильный привкус идеологии крестоносцев имела и история создания испанских светских орденов, особенно арагонского ордена Столы и Кувшина.⁶⁴ Возможно, были и какие-то исключения, но крестовые походы безусловно играли первостепенную роль и в умах создателей практически всех других орденов. Карл ди Дураццо^{4*} в уставе своего ордена Корабля явно предвосхищал новое завоевание Иерусалима, а потому и велел записать там, что каждого члена ордена, который будет участвовать в отвоевании этого города у неверных, нужно будет наградить и разрешить добавить к своему орденскому знаку изображение золотого румпеля.⁶⁵ Он также позаботился о том, чтобы и те члены ордена, которые также будут сражаться с сарацинами, но при иных обстоятельствах, получили разрешение украсить свои орденские эмблемы - хотя и несколько иначе - в зависимости от тех сражений, в которых они принимали участие. Уставы ордена Дракона и Сокола также разрешали тем, кто сражался с язычниками, делать дополнения к своим орденским эмблемам.⁶⁶ И вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что столь решительный перенос акцентов в рыцарской мифологии ордена Золотого Руна, сказавшийся в отступлении от классической истории о мифологическом искателе приключений Ясоне и связавший тему овечьей шерсти с библейским Гедеоном, был вызван планами Филиппа Доброго насчет очередного крестового похода, в котором бургундское рыцарство - и особенно его собственный орден - играло бы ключевую роль.⁶⁷

Еще более поразительным, чем обращение к идеологии крестовых походов, представляется подчеркнуто значительная роль, отведенная в уставах многих орденов, повседневному соблюдению религиозных законов и обрядов. Членам ордена Полумесяца, например, предписывалось непременно хотя бы раз в день ходить к мессе, а если это невозможно, то платить за богослужение и воздерживаться от вина в течение одного дня. Им также полагалось каждый день молиться Пресвятой Деве Марии. Члены ордена Корабля также каждый день должны

были ходить к мессе и каждый день произносить десять покаянных молитв; а по пятницам обязаны были поститься и одеваться в черное в память о Страстях Господних.⁶⁸ Устав неаполитанского ордена Горностая напоминал братьям об их обязанности поститься и ходить к исповеди, а также непременно присутствовать на торжественной обедне 29 сентября, в праздник Св.Михаила, покровителя ордена.⁶⁹ Эти и подобные им положения различных уставов как бы подчеркивали традиционный долг рыцарства чтить Господа и неукоснительно соблюдать религиозные законы и ритуалы; на этом же настаивали и первые настоящие книги рыцарей - например, произведения Рамона Луллия.

Практически все ордена, как мы видели, выделяли средства на заупокойные службы в случае кончины членов братства (в этом отношении особенно щедрым был орден Подвязки).⁷⁰ Во многих случаях прием в орден новичков также связывался с тем или иным конкретным религиозным праздником. Например, в неаполитанском ордене Горностая этот обряд осуществлялся во время торжественной обедни в день Св.Михаила (29 сентября); прямо во время богослужения орденский знак - особый воротник - брали с алтаря и надевали на шею неوفиту.⁷¹ пышная литургия имела место во время приема новичков в орден Св.Антония в Геннегау - с длинным перечнем молитв и антифонами. Священнослужитель торжественно благословлял воротник неوفита и окроплял его святой водой, а затем передавал руководителю ордена, который и завершал церемонию приема. Но сначала каждый кандидат должен был дать клятву соблюдать христианский долг рыцаря - защищать церковь, поддерживать справедливость, заботиться о вдовах и сиротах, помогать бедным.⁷² Все это старые и знакомые обязанности, которые и в раннее средневековье особо выделялись в торжественных литургиях по случаю посвящения в рыцари. Таким образом, общее требование соблюдать правила рыцарского образа жизни и при условии, что любое нарушение основных правил и обязанностей сделает членство нарушителя в ордене недопустимым, было характерным для уставов многих орденов.⁷³ В позднее средне-

нековые, когда представители знати все меньше стремились пройти официальный обряд посвящения в рыцари, такие торжественные обеты, связывавшие клятвой всех членов ордена, считавшегося в обществе неким элитарным рыцарским союзом, служили способом сохранить у знати представление о высоком предназначении рыцарства и его долге перед своим сословием. Эти клятвы и обеты отчасти выполняли ту же дидактическую функцию, что и обряд посвящения в рыцари - в те времена, когда еще практически каждый рыцарь должен был его пройти.

Основатели наиболее крупных орденов весьма старались представлять рыцарские союзы как некие элитарные общества, исключительные не только в плане добродетельности и религиозных устремлений их членов, но и в социальном отношении. Благородное происхождение было необходимым условием для вступления практически в любой «куриальный» орден. А многие ордена требовали, чтобы кандидаты были не просто из знатного, но и имеющего свой герб рода, и были бы способны доказать, что имеют не менее четырех поколений родовитых предков. Большая часть орденов также настаивала на том, чтобы вступающие уже прошли обряд посвящения в рыцари или, по крайней мере, были бы готовы его пройти вскоре после своего вступления в орден; хотя, например, в орден Полумесяца принимали и оруженосцев, отличая их от рыцарей всего лишь определенными правилами, касавшимися уровня расходов.⁷⁴ Неаполитанский орден Г орноста - но он, похоже, был единственным таким - допускал прием тех, кто был возведен в рыцарство благодаря своим заслугам и не имел знатного происхождения; однако такие кандидаты, разумеется, уже должны были пройти обряд посвящения в рыцари.⁷⁵ Да, это были по сути своей союзы аристократические, как о том свидетельствуют и шлемовые эмблемы, и гербовые щиты с соответствующими геральдическими знаками, призванными напоминать о героических деяниях владельца герба; эти гербы изображались и над скамьями членов ордена в церквах - например в часовне ордена Подвязки в Виндзоре.

Несмотря на все эти ограничения, касавшиеся приема в орден только тех, кто знатен по рождению, внутренняя структура орденов

была, как ни странно, практически не связана с какой бы то ни было иерархией. Члены ордена считались равными друг другу вне зависимости от титулов и фамильных состояний, и в уставах орденов это положение подчеркивается особо. Члены ордена Полумесяца во время праздничного шествия к кафедральному собору Анжера должны были следовать шеренгой по двое и в таком порядке, который соответствовал их старшинству внутри ордена, «вне зависимости от их знатности и того положения в обществе, которое занимали их предки и прочая родня, а также - вне зависимости от их покровителей, их собственного богатства и места службы и от того, кто из них рыцарь, а кто оруженосец.». ⁶ Эдуард III особо заботился о том, чтобы в члены ордена Подвязки принимали не только людей высокородных и могущественных: если в ордене открывалась вакансия (5*), то назывались имена трех герцогов или графов, трех баронов и трех рыцарей, из которых (как из Девяти Бесстрашных - И.Т.) члены ордена по размышлению должны были выбрать одного достойнейшего.⁷⁷ Братство, основанное на верности и равенстве - именно такие отношения предлагались каждым из орденов в качестве образца для своих членов. И мы, таким образом, вновь сталкиваемся с уже знакомой нам, особенно по литературным источникам, темой: с теми узами братства и равноправия, которые в рыцарских орденах соединяли представителей высшей знати и мелкого дворянства и ставили их как бы на одну ступень в рамках того же благородного сословия. И в этом также заметно следование образцу Круглого Стола, за которым все рыцари короля Артура, богатые и бедные, чувствовали себя абсолютно равными друг другу.⁷⁸

До сих пор, рассматривая идеологию рыцарских орденов, мы опирались в основном на информацию, предоставленную нам уставами крупных «куриальных» орденов. В уставах более мелких братств явственно проступают не самые светлые стороны классовой солидарности дворянства. Германские рыцарские братства не были столь элитарными, как «куриальные» ордена. Однако они безусловно служили целям объединения знати, весьма заинтересованной в том, чтобы со-

«ранить свои привилегии и «аристократический» стиль жизни. Взаимопомощь членов братства во время войн и междоусобиц, коллективная защита ими своих привилегий и независимости перед лицом всяческих посягательств со стороны гражданской и королевской власти - йот что лежит в основе уставов таких союзов, свидетельствующих о том, что понятие «благородное сословие» здесь понимается, так сказать, на бытовом общественном уровне. Из этих уставов также ясно, почему деятельность этих союзов зачастую воспринималась как угроза законной власти.⁷⁹ Вот здесь-то и таится основное различие между ними и «куриальными» орденами. Они тоже требовали от своих членов оказания помощи друг другу в случае войн и междоусобиц; они тоже разрешали в судебном порядке возникавшие между членами ордена споры (что, кстати, было одним из способов освободиться от юрисдикции городов и верховных правителей); они тоже обеспечивали коллективную поддержку тем, кому перестала улыбаться судьба (а в ордене Полумесяца, например, забота проявлялась также о семье и о детях каждого из членов братства).⁸⁰ Просто подобные правила в уставах «куриальных» орденов кажутся не столь удивительными, потому что там слишком много и всяких других правил. Однако в том и в другом случае - как в «куриальных» орденах, так и в простых братствах, - эти правила имеют в основе своей одно и то же: служат напоминанием о той жизненно важной роли, какую играет сословная гордость в общественной этике рыцарства. Если эта гордость и послужила, как полагали многие, источником огромного количества пороков, свойственных рыцарству, то она же была и той жизненной силой, что породила истинно рыцарские добродетели. А потому не случайно те же самые представители знати (весьма посредственного ранга), мечтавшие позаимствовать для своих французских братств Сокола или Золотого Яблока хоть какие-то «перья» из великолепного позолоченного «плюмажа» высших орденов, оказывались в числе крестоносцев, представлявших их родную страну.⁸¹ Желание несколько приукрасить те союзы, которые изначально строились на основе взаимовыручки и во имя защиты и поддержки друг друга, а также готовность

исполнить наиболее опасные христианские обязанности рыцарства - это просто два различных проявления одной и той же рыцарской гордости своей службой и своим местом в обществе.

Приключения странствующих рыцарей из орденов Сокола и Золотого Яблока приводят нас к третьей традиционной теме (в исследованиях, касающихся рыцарства) - теме военной этики, которой члены рыцарских орденов, являвшихся по сути своей содружествами воинов, безусловно стремились следовать. И орденские знаки отличия были изобретены для того, чтобы носить их в бою и на турнире. Верность сюзерену, которую уставы орденов неустанно подчеркивали, была верностью не корпоративной, порожденной национализмом, а внутренней, личной верностью воина, вассала или последователя, своему господину, а также - личной верностью каждого своим товарищам по оружию. Те беды и превратности судьбы, от которых члены братства старались обезопасить друг друга - это возможность феодальных междоусобиц, возможность попасть в плен и быть обязанным платить выкуп. Самыми тяжкими преступлениями в братствах считались предательство и трусость, и в этом отношении рыцари были чрезвычайно щепетильны. Имя сеньора де Монжан было опущено при первом голосовании, когда он был в числе кандидатов в члены ордена Полумесяца, потому что имелось подозрение, что однажды он поднял оружие против своего законного сюзерена Карла III Французского - хотя данный факт так и не нашел достаточного подтверждения, а также, вроде бы, Монжан и вовсе сражался в отряде дофина.⁸² И именно потому, что сеньор де Монтегю бежал с поля боя во время битвы при Антоне, общее собрание ордена Золотого Руна, памятуя об отваге этого человека, неоднократно им ранее доказанной, вынуждено было с горечью признать, что более он оставаться в их братстве не может, несмотря даже на то, что битва к тому времени, как он позорно покинул поля боя, была безнадежно проиграна.⁸³ Если бы Лун Робсар не был членом ордена Подвязки, объяснял Гильберт де Ланнуа своему сыну, он мог бы покинуть поле боя во время того сражения, где сложил голову; но он, будучи членом этого славного ордена, понимал, что непременно дол-

жен сражаться дальше и, если понадобится, погибнуть.⁸⁴ Существенный элемент театральности безусловно чувствовался в обрядах и церемониях светских рыцарских орденов, однако те, кто участвовал в этих церемониях и обрядах, по большей части тяжким трудом завоевывали право вступить в то или иное братство. В центре всей системы законов и правил в уставах различных орденов - связанных, например, со Столами Чести, с правом на дополнительные знаки в гербе, с ведением «книг приключений» - было одно: прославление воинской доблести.

Что в итоге приводит нас к весьма важному выводу: обвинение в декадансе ко времени позднего средневековья, которое так часто предъявляют светским рыцарским орденам в связи с их чрезмерным увлечением показным блеском и пышными церемониями (что очень заметно и в их уставах), представляется не соответствующим действительности. Что, впрочем, отнюдь не значит, что рыцарские ордена во всех отношениях были выше какой бы то ни было критики; например, те религиозные обязательства, которые члены орденов обязаны были выполнять согласно уставам, достаточно часто выполнялись ими весьма формально и поверхностно, да и рыцарские снобизм и высокомерие были вещами малоприятными и даже во многих случаях оскорбительными. Однако высочайшее мужество рыцарей и их святая преданность сюзерену были вполне искренними, и подобные общечеловеческие и вневременные ценности было бы просто глупо недооценивать. Этот вопрос вообще требует дополнительного обсуждения, ибо слишком часто подобная критика обрушивалась на ордена позднего средневековья с обвинениями в помпезности и любви к показному декору, на которые ордена тратили столько сил и которые, якобы, являлись признаками утраты ими былой энергии и расходования ее отнюдь не на достижение высоких идеалов и целей. Обвинялись ордена и в чрезмерной любви к символике, что в итоге, якобы, привело к утрате этой символикой всякой связи с реальностью. Великий Хейзинга подкрепил эту точку зрения своим авторитетом, противопоставив любовь светских орденов позднего средневековья к пышному декору аскетизму

ранних тамплиеров.⁸⁵ Сравнение это, однако, представляется не совсем законным. Даже в плане внутренней организации, как мы уже видели, сходство между светскими орденами более позднего периода и первыми орденами крестоносцев было весьма незначительно, а в смысле духовности разница была гораздо больше. Мирские почести и обязанность хранить верность светскому правителю были точно оспины на лице такого ордена, как орден тамплиеров; однако именно это составляло сущность светских рыцарских орденов. Законы монастырских уставов послужили основой устава для ордена Тамплиеров; а светские ордена, не отказываясь от религиозного духа тех же правил, в создании своих уставов все же ориентировались на совершенно иную модель прошлого - рыцарей Круглого Стола. Истории о короле Артуре и его рыцарях учили прежде всего стремиться к славе - славе мирской и вполне зримой - которая должна была быть связана прежде всего с высоким личным мужеством и верной службой. А разнообразные церемонии, обряды и эмблемы светских орденов предназначались исключительно для пропаганды этого принципа и внедрения его в души братьев по ордену.

Бартоло да Сассоферрато, рассуждая о взаимоотношениях «теологической» знати, с одной стороны, и знати по рождению, а также служилой - с другой, полагал, что почести, присвоенные правителем тому или иному конкретному лицу, следует воспринимать как отражение почестей, которые были бы оказаны этому лицу во время его небесного поединка.⁸⁶ Весьма удобная аналогия в подобном контексте. Понятие рыцарства было высшим этическим понятием светского правящего класса, особо выделявшим воинскую доблесть, а не внутреннюю религиозность, и система рыцарских почестей несомненно нуждалась в особом внешнем оформлении, дабы более выразительно продемонстрировать свои функции и свою систему ценностей. Изобретая свои собственные обряды, рыцарское облачение и церемонии, светские ордена были далеки от окутывания высоких рыцарских идеалов пустой пеленой великолепия; то был просто один из способов выражения абсолютно искренней уверенности в том, что высокая репутация -

bonne renommée - это и есть суть, основа и цель всех подвигов и с вершений светского рыцарства, профессиональными занятиями которого - в широких рамках христианского мира - были война и политика, а не посты и молитвы. Рыцари, как и все прочие люди, безусловно, имели определенные христианские обязанности, и этим обязанностям уставы рыцарских орденов уделяли немало внимания, что мы уже видели; но, создавая особые, исключительно рыцарские союзы, представители этого сословия в первую очередь заботились о делах мирских, связанных с реальной жизнью, для которой им требовались и вполне реальные, зримые знаки отличия.

Примечания переводчика

^{1*} Джон Гонт, 1340-1399, герцог Ланкастерский, 3-й сын короля Эдуарда III Английского.

Скорее всего, имеется в виду не произведение Бенуа де Сент-Мора, а огромный прозаический «Роман о Трое» (его называют еще «Историей разрушения великой Трои»), который, видимо, был использован при составлении латинской компиляции Гвидо да Колумны и оказал влияние на иноязычные версии данного сюжета.

^{3*} Это так называемое знамение шерсти и росы, когда Бог по просьбе правителя Израиля Гедона в первый раз делает так, что роса выпадает только на расстеленную на гумне шерсть, а вокруг все остается сухим, а во второй - только стриженная шерсть остается сухой, а на всей земле вокруг выпадает роса. Кн. Судей, 6, 36-40.

^{4*} Карл ди Дураццо, Карл III, король Неаполя и Венгрии, их венгерской ветви анжуйской династии, правил в 1385-1386 гг.

Число награжденных орденом Подвязки, одним из высших орденов, не должно было превышать 24-х человек, включая иностранцев.

Глава XI

ПЫШНЫЕ ПРОЦЕССИИ, ТУРНИРЫ И ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ОБЕТЫ

Пышные церемонии, яркие одежды и вычурные эмблемы светских орденов были, разумеется, не единственной причиной для критики рыцарей позднего средневековья, которых без конца обвиняли в чрезмерном внимании к чисто внешним проявлениям своей «рыцарственности», полагая, что это чуть ли не утрата ими истинной системы ценностей. Те же тенденции - совершенствование внешней стороны церемоний и ритуалов, а также любовь к ярким цветам, - проявлялись и в других областях жизни рыцарей, но особенно сильно - в особой направленности турнирного искусства, в популярности различных и весьма экстравагантных обетов (что часто бывало связано с традиционным торжественным перечислением личных подвигов, совершенных во время рыцарских поединков). Имелось достаточно документов, которыми можно было воспользоваться в качестве оснований для подобной критики светских орденов XIV-XV веков и обвинений в том, что чрезмерное внимание к внешним формам есть признак утраты рыцарских идеалов. Основная цель данной главы - рассмотреть эти обвинения с особым вниманием и особенно в той части, которая касается рыцарских поединков и рыцарских обетов.

Недавно один французский историк высказал в этом отношении своеобразное утверждение о выработке «un esprit de systeme qui formalise et tend a creer des rites» («подобия некоей системы духовных ценностей, которая формализует ритуалы и стремится их создавать»)¹. Мы,

разумеется, не раз столкнемся с примерами этого процесса; в частности - в связи с турнирами - мы увидим весьма яркие внешние проявления кастового сознания, а также более общие, имеющие целью оформить такие спортивные состязания, как турниры, а также связанные с ними церемонии по литературным образцам, в чем, похоже, проявится любовь рыцарства к пустому бряцанию оружием и красивым жестам исключительно ради самих этих жестов. Однако же, как мы увидим далее, остается открытым вопрос о том, насколько в действительности подобный формализм и любовь к пышным ритуалам и церемониям могут быть интерпретированы как симптом утраты связи с истинно рыцарской системой ценностей и веры в эти добродетели. Ибо совершенно не обязательно рассматривать все это как признаки падения нравов; с тем же успехом можно это воспринимать и как естественный побочный результат расцвета геральдической науки и повышения уровня образованности в рыцарской среде. Если это последнее предположение окажется ближе к правде, то формализующие и имитационные тенденции нужно будет интерпретировать не как признаки разрыва с рыцарскими идеалами, а скорее как признаки растущего осознания богатств светской рыцарской традиции и культуры.

Линия развития событий, связывающая турниры и поединки XIII века с турнирами и поединками XV столетия, совершенно ясна и пряма. Это особенно заметно в описании, например, знаменитых костюмированных турниров (*pas d'armes*) позднего средневековья, особенно если сравнить этот вид турнирного искусства с более ранним, который мы уже рассматривали в первых главах данной книги. При этом сразу становится очевидным, насколько обоснованны - с первого же взгляда - утверждения, что тенденции позднего средневековья, превращающие военно-спортивные состязания в пышное театрализованное представление, стали неуправляемы и какие «побеги» дала эта ветвь.

Возьмем в качестве примера из позднего средневековья одно исключительно удачное описание костюмированного поединка, *pas d'armes*^{1*} под названием «Фонтан слез» («*Fontaine des Pleurs*»), по-

ставленного в Шалон-сюр-Сон в 1450 г. Однако ни один рассказ об этом великолепном спектакле не был бы полным, если предварительно не сказать хотя бы несколько слов о его центральной фигуре, генегауском рыцаре Жаке де Лалене, который служил beau ideal (прекрасным идеалом) всего бургундского рыцарства своей эпохи. Он был из знатного рода (один из его предков служил Людовику Святому в его крестовом походе) и мог назвать восемь колен своих благородных предков. Сперва он служил при дворе герцога Клевского, затем при дворе герцога Бургундского Филиппа Доброго и рано прославился на рыцарских поединках; его друг Оливье де Ла Марш вспоминал, как де Лален откровенно признавался, что честолюбиво мечтает одержать победу в тридцати рыцарских поединках к своему тридцатому дню рождения.² Де Лален был на военной службе при завоевании Бургундией Люксембурга, а затем отправился путешествовать; он сражался с доном Диего де Гусманом на турнире, где присутствовал король Кастилии, и с сэром Джеймсом Дугласом в присутствии короля Шотландского. На рыцарском поединке, где присутствовал король Франции, он украсил себя «знаками внимания», полученными сразу от двух герцогинь - Орлеана и Калабрии - нацепив на шлем головной плат одной и перчатку другой, ибо привлек внимание обеих дам своей отвагой и учтивостью.³ Ко времени «Поединка у Фонтана Слез» он давно уже «перевыполнил» свой обет победить в тридцати поединках и только что вступил в орден Золотого Руна, а затем, всего несколько лет спустя, принял участие в Гентской войне 1453 г., отличился в битве при Лоэрено и, по слухам, завоевал «главный приз за победу в неожиданной стычке с врагом».⁴ Но буквально через несколько дней эта многообещающая карьера была неожиданно прервана: во время осады Пуке пушечное ядро попало в тот орудийный окоп, который инспектировал де Лален, и снесло ему полголовы.

За пять лет до своей смерти, в ноябре 1448 г., де Лален подписал «устав» (т.е. условия) костюмированного турнира «Поединок у Фонтана Слез», присланный ему вместе с вызовом. На реке Соне, на острове Сен-Лоран близ Шалона должны были специально построить

павильон с изображением над ним Пресвятой Богородицы, а перед павильоном должна была восседать благородная девица в мокром от слез платье и с распущенными волосами, ласкающая единорога, с шеи которого свисало три щита, также омытых слезами (и дама, и единорог были, разумеется, не настоящими). Здесь же в первый день каждого месяца должен был стоять на часах герольд. Щиты на шее единорога были трех цветов - белого, фиолетового и черного; те, кто хотел вызвать де Лалена на бой и драться с ним на топорах, должны были коснуться белого щита; если они хотели драться на мечах - то фиолетового; а если им предстояло двадцать пять боев на копьях, то черного. Стоило рыцарю коснуться одного из щитов, как герольд заносил его имя в список и старался выяснить, является ли данный претендент человеком знатным по крайней мере в четырех поколениях и назначить время проведения поединка - не ранее, чем через семь дней. Для особо отличившегося в поединке на боевых топорах назначалась награда в виде позолоченного топора; позолоченный меч и позолоченное копьё предназначались для победивших в двух других видах поединков. Тот же, кто потерпел поражение в поединке на топорах и был повержен наземь, обязывался носить золотой браслет в виде оков в течение года или же до тех пор, пока не найдется дама с таким ключом, которым можно будет эти «оковы» отпереть (аналогичные штрафы назначались и для проигравших в двух других видах поединков).⁵

Впервые описанный выше павильон был открыт 1 ноября 1449 г., а *pas d'armes* перестали там проводить после 1 октября 1450 г. В последние годы перед смертью де Лален успел сразиться более чем с 22 соперниками, включая итальянского рыцаря Жана де Бонифаса, который после своего поражения отбыл восвояси с золотыми «оковами» искать свою даму сердца в надежде, что у нее найдется ключ, чтобы отпереть замок в его «оковах».⁶ Обычно *pas d'armes* завершались большим пиром, на котором де Лален развлекал участников; там же вручались награды победителям. А «перед десертом» гостям показывали прекрасный макет замка Шалон с мостом Сен-Лоран, остро-

вком и павильоном, чтобы они могли вспомнить детали состоявшегося представления и развлечься.

Если на некоторое время отвести взгляд от этих изысканных сцен и вернуться назад, то мы увидим в рассказах о турнирах XIII века в Хеме и Шованси⁷, которые тоже для своего времени казались весьма пышными, очень много общего с описаниями костюмированных турниров позднего средневековья, но есть и контрасты, и они-то поражают более всего. Они продолжают оставаться поразительными, даже если сбросить со счетов тот факт, что менестрели, описывавшие турниры в Хеме и Шованси, делали это в стихах, и главной их целью было развлечение аудитории, тогда как описания костюмированных турниров XV века сделаны в прозе и имеют целью дать самый подробный и по возможности объективный отчет о том или ином конкретном событии. Бретель узнает о турнире в Шованси за несколько недель до этого события; де Лален подписывает «устав» своего *pas d'armes* за год до того, как впервые открывается павильон на острове Сен-Лоран. Турнир в Шованси продолжается неделю; изысканный и сложный спектакль в Шалоне показывают целый год. В Шованси угроза быть смертельно раненым вполне реальна; в Шалоне никто не был даже сколько-нибудь серьезно оцарапан, и уж никому, похоже, настоящая опасность даже не угрожала. Сам по себе ритуал, однако, стал значительно более сложным и стилизованным. Ни в Шованси, ни даже в Хеме, несмотря на изысканные «артуровы» костюмы и антураж, мы не слышим ни слова о чем-либо подобном той торжественной процедуре принятия вызова, как в Шалоне - он был связан, как уже упоминалось, с прикосновением к одному из трех щитов, обозначающих вид предстоящего состязания. Не слышим мы ни слова и о сколько-нибудь дотошной процедуре установления и подтверждения родовой принадлежности участников турнира специалистами по геральдике (турнирные уставы 1448 г. очень точно указывали, как именно следует проверять гербы участников, которые явились на турнир в качестве *chevalier mesconnu*, «неизвестных рыцарей», чтобы при этом никак не навредить им и не раскрыть присутствующим их настоящие имена).⁸

Вся концепция *pas d'armes* является, похоже, крайней степенью развития моды на индивидуальные рыцарские поединки, которая, как мы могли убедиться, начала расцветать в конце XIII века. Возможно, впрочем, что у этого и еще более древние корни: безусловно есть некие намеки на это уже в истории Анны Комнины (сестры византийского императора Алексея - И.Т.) о французском рыцаре, который прибыл в Константинополь в 1096 г. и рассказывал ее отцу следующее: «На перекрестках той страны, откуда я родом, стоит старое распятие, к которому приходит каждый рыцарь, желающий сразиться с кем-то один на один; он должен быть уже полностью готов и экипирован и должен молиться у этого распятия Богу, ожидая того, кто осмелится с ним сразиться. На таких перекрестках и я частенько подолгу ждал, мечтая о сопернике.»⁹ Как свидетельствует сам термин *pas d'armes* (что можно перевести, как «военный балет» или, точнее, «театрализованный турнир» - И. I.), это действо являло собой спектакль, восставливавший на сцене классическую военную ситуацию (которая в ранних эпических поэмах успела стать постоянным литературным топом), когда горстка воинов (или даже один человек) изо всех сил стараются удержать некую завоеванную стратегически важную позицию - «проход» («*pas*»). Кое-что в этом действе было также позаимствовано из источника совсем другого рода: здесь отчетливо ощущаются отголоски судебного поединка, во время которого человек перед судьями и с оружием в руках защищает свои права и свою честь или же права и честь своей дамы. Обе эти ситуации - удержание «прохода» и поединок во имя защиты чести - охотно использовались в литературных и театральных разработках. Не совсем ясно, что за история лежала в основе театрализованного турнира «У Фонтана Слез» и кто была та благородная девица, рыдавшая на пороге павильона, а также что послужило причиной ее слез и какую роль во всем этом играл единорог (хотя идеал чистоты тут явно задействован)^{3*}. Ясно одно: доблестному герою необходимо понять девицу, утешить ее и защитить. Итак, как мы уже отчасти убедились, в основу устава этого *pas d'armes* был положен некий мини-роман, то есть нечто значитель-

но более глубокое и связанное с настоящим искусством театральной драмы, чем просто парад рыцарей в костюмах эпохи Артура или иных романтических одеждах.

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что *pas d'armes*, поставленные Лаленом, были явлением отнюдь не единичным. Они даже не были самым изощренным или самым экстравагантным из больших театрализованных турниров XV-XVI веков; просто об этом действе сохранилась особенно хорошая и полная запись. Однако есть и множество других примеров: *pas d'armes* под названием «*Arbre de Charlmagne*» («Древо Карла Великого»)(1443), «*Rocher Perilleux*» («Опасный утес»)(1445), «*La Ve^ege*» («Пастушка»)(1449), «*La Belle Maurienne*» («Прекрасная мавританка») (1454), «*Perron Fee*»(1463), «*Arbre d'Or*» («Золотое дерево») (1468) - и мы еще перечислили далеко не все.¹⁰ Названия и «уставы» *pas d'armes* свидетельствуют о богатстве и разнообразии тех литературных источников, которые вдохновили создателей этих представлений. Для *pas d'armes* «Пастушка», устроенного в 1449 г. в Гарасконе, Рене Анжуйский выбрал пасторальное оформление. Галерея для зрителей напоминала тростниковую хижину, а в одном из углов ристалища сидела «пастушка» (фаворитка Рене, Жанна де Лаваль), и двое «рыцарей-пастушков» бросали из-за нее перчатку - один с черным щитом меланхолии тем, кто был удачлив в любви, а второй с белым щитом *liesse* (счастья) тем влюбленным, кто потерпел неудачу. Антуан, Бургундский бастард, во время *pas d'armes* подназванием «*Femme Sauvage*» («Дикарка»), поставленного в 1470 г., велел изобразить нечто вроде примитивной жизни дикарей и в духе той аллегии, которая стала известной благодаря популярному «Роману о Розе»: его «героя Веселых Приключений» исцелила от ран *Femme Sauvage* (дикарка), когда он, покинув страну Детства (*Enfance*), отправился в страну Юности (*Jeunesse*) и там вышел на ристалище, окруженный целым отрядом подчиненных ей «дикароков».¹¹ Впрочем, особенно любили устроители *pas d'armes* и турниров, как и следовало ожидать, представления на тему артурова Круглого Стола и каролингского прошлого. Участники, которых герцог Людовик Орле-

анский собрал в Сандрикуре в 1493 г., с воодушевлением предавались игре в рыцарей короля Артура и выезжали верхом в лес, расположенный близ замка («Заброшенный лес») в сопровождении юных девиц в поисках «случайной» встречи с соперником. По мнению Герольда Орлеанского, столь великолепного зрелища не видели со времен самого Артура.¹² Сохранились, впрочем, и некоторые фрагментарные записи рассказов о еще более экстравагантном состязании, датированном несколькими годами раньше. Устав этого «Quest» («Приключения», как оно называется) требовал, чтобы каждому из участников герольды подобрали соответствующий герб одного из рыцарей короля Артура, каждый был одет в доспехи нарочито древнего образца и каждого непременно сопровождали карлик и девица, пока он «искал» встречи с противником.¹³ Желая создать романтическую атмосферу, с расходами явно не считались, а также по этому случаю было проделано немало исторических исследований, чтобы на сцене все было «как в жизни». Все эти экстравагантные постановки свидетельствуют о том особом внимании - почти одержимости - к ритуальным действиям и декору и о некоем совершенно новом уровне расточительности. Все это в итоге и привело, как мы уже видели, к тому, что историки стали ставить под сомнение рыцарскую систему ценностей да и саму суть рыцарства позднего средневековья.

В этом контексте следует еще несколько слов сказать о развитии ритуальной составляющей в *pas d'armes*, на которую, возможно, особое воздействие оказал такой фактор, как судебный поединок с его тщательнейшим образом регламентированной процедурой, призванной подтвердить справедливость Божьего суда. Хотя судебный поединок воспринимался как крайнее средство, допустимое только в том случае, когда все прочие возможности судебного расследования бывали исчерпаны, все же в XIV-XV веках он еще был допустим как средство достижения истины, и во время него обе стороны были представлены людьми благородного происхождения. Сложные приготовления с устройством специального ристалища (а также галереи для зрителей и судей) в подобных случаях свидетельствуют о сходстве судебного

поединка с обычными рыцарскими поединками, ну а трактаты о дуэлях всегда были популярны в рыцарских кругах.¹⁴ Литература, впрочем, оставила не менее заметный и значительно легче выявляемый след в искусстве *pas d'armes*. Особенно поразительны примеры ее ритуального воздействия, связанные с параграфами уставов целой серии *pas d'armes*, где говорится о так называемом «*pergon*» (см. выше «*Pergon Fee*»); видимо, это некое искусственное возвышение или столб, который часто помещали возле «древа рыцарства» («*tree of chivalry*»)." Этот «*pergon*» был самым тесным образом связан с ритуалом вызова на поединок: часто щиты, которых вызывающий должен был коснуться, вывешивались именно на нем. Иногда эта процедура бывала и более сложной, но сам «*pergon*» всегда оставался ее центральным элементом. В *pas d'armes* под названием «*Pergon Fee*», например, сперва вызывающий на поединок должен был протрубить в рог, который висел на этом *pergon* (столбе?), и только потом от него стало требоваться и прикосновение к вывешенным щитам. Этот ритуал имел прямое литературное происхождение. Кретьен де Груа в своем романе «Ивейн» описывает волшебный источник в лесу Броселианде, осененный самым прекрасным деревом в мире, к которому были направлены сперва Калогренант, а затем и сам Ивейн.¹⁶ Возле этого источника находился некий обширный сосуд, прикованный цепью, куда собиралась вода из источника, и «*pergon*». Когда рыцари плеснули водой, собравшейся в сосуде, на этот «*pergon*», началась страшная буря, затем огромная стая певчих птиц расселась на ветвях дерева, и появился весьма мрачного вида рыцарь, разгневанный тем, что эта буря натворила в его саду, и этот рыцарь вызвал незадачливых *chevaliers errants* на поединок. (Калогренанта ему удалось сразить, зато Ивейн сразил его самого.) Начиная с Кретьена, эта история о магическом вызове на поединок с помощью *pergon* в самых различных вариациях встречается в целой серии романов, а с течением времени она самым естественным образом стала и моделью определенного ритуала *pas d'armes*. История этого явления нам, правда, известна не полностью; например, не совсем ясно, как сюда вписывается процедура касания

щитов и откуда она взялась. Гем не менее этот пример ритуального действия, основанного на литературной модели, говорит нам вполне достаточно. Особенно примечательно то, что, похоже, никто толком и не понимал, какое конкретно значение имеет этот ритуал, связанный с реггоп, имелись лишь самые общие представления о том, что это некий «потусторонний» отголосок легенды об Ивейне. То есть это действительно было просто действие ради самого действия, пустой, действительно ничего не значащий ритуал, свидетельствующий о том, что главная забота уделялась театральным эффектам, а не воспроизведению чего-то важного, связанного с рыцарской системой ценностей.

Аналогичным явлением, но совсем иного рода, представляется и существенное усиление в период позднего средневековья декоративных и театральных элементов рыцарского поединка и турнира. Постепенно эти состязания становятся все более и более отличными от основной - военной - деятельности рыцарства, с которой они исходно были непосредственно связаны. Технические усовершенствования и различные меры безопасности, уменьшая риск для участников турниров, уменьшали и сходство самих турниров с настоящим боевым сражением. Особенно важными инновациями были поединок с копьем «в упор», а также установление барьера между отдельными участками ристалища, что делало невозможным случайное столкновение конных участников турнира; при поединке в пешем строю барьер, через который участники наносили друг другу удары, также явился аналогичным нововведением. Особое оружие, которое так и называли *arms a plaisance*, то есть «для забав» (затупленное или же - при использовании копий - со специальными, надетыми на острие «коронками»), во время турниров использовалось все чаще, хотя определенные требования чести все еще вели порой к бою «*a l'outrance*» (т.е. до победного конца, что означало, правда, не «до смерти», а всего лишь «с использованием боевого оружия»). Параллельно развивалась и традиция использования в бою и на турнирах различных гербовых щитов (например, гербовой щит Черного Принца, предназначенный «для войны», был украшен гербом Англии с цветком в виде трезубца, а на его «мирном»

гербовом щите красовались три серебряных страусовых пера на черном поле). Действительно, к XV веку боевые щиты, выйдя из употребления как часть обязательной экипировки кавалериста, использовались почти исключительно во время турниров. А уже с середины XIV века мы постоянно встречаем - особенно в завещаниях, конторских книгах и описях имущества - упоминания о специальных турнирных доспехах и оружии. Именно для турниров и поединков ковались такие доспехи, как шлем «лягушачий рот» (когда на голове был такой шлем, участник турнира мог видеть, только наклонившись в седле вперед с копьём, зажатым под мышкой, и готовясь к удару; а когда он выпрямлялся, нанеся этот удар, глаза его были полностью защищены)." Такой уровень защищенности был возможен и полезен только на ристалище; на поле брани, во время военных действий, подобный шлем попросту не имел смысла, ибо лишал всадника возможности нормально видеть, тогда как в конном сражении мобильность и способность хорошо ориентироваться всегда были предпочтительнее любых самых прочных лат. Подобные технологические новшества являются свидетельствами того, как в позднее средневековье рыцарские поединки постепенно превращались из военного мастерства в декоративное искусство (теперь уже недостаточно было, скажем, просто выбить противника из седла; это требовалось сделать строго определенным образом). Отсюда оставался совсем маленький шаг до желания овладеть этим новым искусством в полной мере. Таким образом, возникла связь между расширением театральной составляющей в *pas d'armes* и все более усиливавшимися отличиями мастерства ведения поединков и турниров от настоящего воинского мастерства. Театр и декор, расширяя свое влияние, как бы заполняли пустоту, образовавшуюся в результате значительного уменьшения сходства рыцарских видов спорта и настоящего боя. Последствия этого были весьма важны. Когда стоимость турниров - выражавшаяся в стоимости экипировки, пиров, наград и символов позора - поднялась до невообразимых высот, ристалища, по сути дела, оказались закрыты для бедных молодых рыцарей, в отличие от эпохи Гийома ле Марешаля. Кастовая исключительность турнирных союзов

стала еще более жесткой (свидетельство тому - усилившееся внимание к вопросу родovitости участников). И в то же самое время, как мы уже убедились, организаторов чрезвычайно заботило, чтобы турниры как ритуальные действия были по возможности более зрелищными и реалистичными. Это стало поистине навязчивой идеей.

Если бы этим утверждением и можно было завершить картину, то обвинение рыцарства позднего средневековья в полной утрате своих истинных ценностей и практического предназначения уже не нуждалось бы в дальнейшей поддержке - по крайней мере в отношении спортивных рыцарских состязаний. Однако картина эта еще далеко не завершена. Есть и другие ее аспекты, которые мы теперь и должны рассмотреть более внимательно.

Во-первых, будет весьма уместно вспомнить о том, что так легко забыть: расти и воспитываться вдали от ристалищ и прочих мест подготовки воинов для отпрысков знатных семейств стало делом обычным. В течение всего XIV века и в начале XV века турниры *melee* (групповые) предоставляли рыцарям весьма полезную возможность потренироваться не только в управлении конем и использовании оружия, но и в бою (в составе отряда) - поскольку члены одной турнирной команды чаще всего и во время войны сражались вместе. Например, те, кто сопровождал сеньоров Гистеля и Ла Грютхейзе во время турниров, которые были ими организованы на рыночной площади в Брюгге в марте 1393 г., были, по мнению Вейля, их родственниками, вассалами и просто товарищами по оружию; и каждый из них подразделял свое сопровождение на пять *lignes* (групп или отрядов), сражавшихся во время групповых турниров (*melee*) под знаменем своего командира, рыцаря-баннерета.¹⁸ Ральф Феррер, выступая свидетелем перед английским Рыцарским Судом в 1386 г., все еще мог с полным основанием описывать турниры как место, «где учатся владеть оружием».¹⁹ Кювелье, писавший всего несколькими годами раньше, мог, например, изобразить Черного Принца как рыцаря, неотразимого в роли противника Бертрана дю Геклена, главного героя Кювелье, создавая портрет первого в окружении закаленных в турнирах рыцарей.²⁰ Его

поэма, а также хроники Фруассара и других авторов полны рассказом об особом виде поединков - особой формы как вызова, так и самого боя, - которые специально проводились в перерывах между военными кампаниями и в течение временных перемирий. Рассказы Кювелье о подвигах молодого Дю Геклена на поединке, происходившем во время осады Ренна, как раз и принадлежат к подобным историям, как и рассказы о «постановочных» турнирах между французскими и английскими рыцарями и оруженосцами, которые столь любовно и подробно описывает Фруассар в своем рассказе об участии во французской экспедиции Бекингема в 1380 г.²¹ Такие события значительно реже имели место в XV веке, но так или иначе мода на них и не думала умирать даже во времена Баярда.²² Во время таких поединков оружие и доспехи были настоящими, боевыми, а также имела место совершенно иная система наград и наказаний, отличная от театрализованных *pas d'armes* и весьма сходная с системой военных наград и штрафов. И если из-за пышного декора *pas d'armes* практически утратили сходство с реальным боем, то упомянутая выше разновидность рыцарских поединков, как и групповые турниры, этого сходства пока что почти не утратила.

Баярд прославился как «рыцарь без страха и упрека» (*chevalier sans peur et sans reproche*) в тяжелых сражениях во время Итальянских войн начала XVI века. Однако же впервые он выступил с оружием в руках (и сразу привлек к себе внимание) восемнадцатилетним юнцом, приняв вызов во время *pas d'armes*, организованных бургундским ветераном Клодом де Водрэ в 1491 году, и не отступил, достойно сражаясь с куда более опытным противником.²³ Выступая одновременно в этих двух, столь непохожих ролях - прирожденного воина и чемпиона турниров и поединков, - Баярд был далеко не одинок. Что уже само по себе является весьма важной причиной того, почему нам следует быть очень осторожными, определяя границу между миром театрализованных *pas d'armes* и настоящей воинской службой. Документы говорят сами за себя. Жан де Бусико был, например, известен как главный организатор турниров в Сен-Энглвере близ Кале в

1390 г., удостоенный наград за доблесть, проявленную во время этого мероприятия, несомненно одного из самых расточительных в свою эпоху. И в Италии он также прославился как участник поединков - по свидетельству Антуана де ла Саль^{4*}; а среди его соперников на ристалище был знаменитый *condottiero* Галеаццо ди Мантуа (Галеас из Мантуи), которого, как мы знаем, воспевали как образец рыцарственности в «*Chevalier Errant*».²⁴ Но Бусико (как и Галеаццо) также участвовал в большом количестве настоящих сражений и даже был на стороне побежденных во время двух ужасных битв - при Никополе и Азенкуре. «*Warwick Pageant*» (Уорвикский *pas d'armes*), устроенный в честь подвигов графа Уорвика Ричарда Бошана (1381-1439), воспроизводит множество прекрасных иллюстраций к подвигам своего главного героя, совершенным во время турниров и поединков, а также - на полях сражений, ибо у графа была долгая военная карьера. Он участвовал в сражении при Шрусбери (1403), сражался во всех военных кампаниях Генриха V в Нормандии и в качестве лейтенанта сына Генриха командовал английскими армиями (в Нормандии) с 1436 по 1439 гг.²⁵ Наряду с придворной знатью в числе участников роскошного *pas d'armes*, поставленного по приказу Рене Анжуйского в 1446 г., «*Emprise du Dragon*» («Путы дракона») можно найти имя мужественного гасконского *routier* (наемника) Потона де Ксантрай, самого что ни на есть профессионального воина, и его товарища по оружию капитана Пьера де Брезе.²⁶ Высказывания другого их товарища по оружию, Жана де Бюэя, часто цитировались в свое время как пример критики рыцарских турниров и интерпретировались как знак того, что рыцарские поединки уже не в чести среди настоящих воинов.²⁷ Однако же его точка зрения, скорее всего, была исключением, а не правилом.

В этом отношении рыцарская литература XV века несколько ближе к жизни, чем это порой признается. Описание Мэлори *pas d'armes* под названием «Остров Радости» (это действие якобы придумано Ланселотом) - это вполне реалистичное описание подобного театрализованного *pas d'armes* XV века, и, похоже, Мэлори использо-

вал правила, установленные для проведения дуэлей и поединков 10-масом Глостером в конце XIV века как руководство при изображении поединка между Ланселотом и Мадором.²⁸ Его Ланселот, тем не менее, - это воин, поистине не знающий себе равных в бою и самый знаменитый в этом отношении из рыцарей короля Артура. Произведение Антуана де ла Саль «Маленький Жан из СаНТре» (**Le petit Jean de Saintre**) написано совсем в ином ключе, но свидетельствует примерно о том же. Вымышленные де Ла Салем письменные вызовы на поединок и устав Сантре, установленный для проведения поединков, в точности скопированы с настоящих письменных вызовов на поединок и турнирных уставов данной эпохи и составлены герольдами, которые свое дело знают. Описания пиров, танцев и торжественных церемоний во время выхода участников турнира на ристалище у де Ла Салья весьма пространны и изобилуют деталями. А вот Жана из Сантре он изображает не только как образцового участника поединков и образцового дамского угодника, но и как руководителя крупной военной экспедиции в Пруссию, побеждавшего в настоящих сражениях точно так же, как и в «театральном» бою. Сам автор, по всей вероятности, воспринимает эту историю как вполне правдивую, ибо и сам он был рыцарем, много странствовал и хорошо разбирался в геральдике и турнирной премудрости; де Ла Саль был незаконнорожденным сыном одного из самых известных (точнее, известных своей дурной репутацией) **routier** (наемников), капитана «свободного отряда наемников» и знаменитого соперника Хоквуда, Бернардино де Ла Саль. С течением времени различия, существовавшие в позднее средневековье между рыцарскими **pas d'arme** и турнирами и профессиональным служением в армии и участием в войнах, оказались несколько преувеличенными. На самом деле в XV веке - как в жизни, так и в литературе, - различия эти, похоже, были не так уж и велики; это были безусловно разные, но тесно связанные между собой занятия, которым посвящала себя военная аристократия.

Если это хотя бы отчасти кого-то удивляет, то лишь потому, что мы - дивясь полету воображения (и подвигам инженерной мысли)

создателей знаменитых *pas d'armes* - легко забываем, что подобные представления случались относительно редко. И с легкостью не замечаем мимолетные, но довольно частые упоминания хронистов и биографов о менее экстравагантных рыцарских поединках, хотя эти упоминания и свидетельствуют о том, что эти поединки были самым обычным явлением в рыцарской и придворной жизни - за исключением периодов активных военных действий. Точно так же мы легко преувеличиваем кастовую исключительность участников турниров. Бургундские владения были местом проведения наиболее крупных и известных *pas d'armes*, но они же стали и родиной турниров горожан. Почти все крупные города Нидерландов имели свои турнирные союзы - например, Брюгге, Турнэ, Валансьен и более других Лилль с его заменитыми пирами *Espinette*, на которых победителю вручалась награда в виде золотого ястреба-перепелятника (эмблемы, тесно связанной с артуровской тематикой).³⁰ Эти пиры *Espinette* знать отнюдь не презирала и не считала событиями заурядными. Великие люди своего времени, такие, как Жан де Ваврен, Луи де Грютхейзе и даже сам герцог Филипп Добрый, не гнушались участием в этих турнирах и поединках, вполне готовые сразиться с теми представителями буржуазии, которые оказались в числе победителей. Один весьма известный и не раз скопированный геральдический свиток содержал сведения относительно гербов тех «королей» *Espinette*, в том числе и еще не титулованных, что были им впоследствии пожалованы за проявленную во время этих поединков доблесть.³¹ Такие праздники были делом весьма дорогостоящим, и герцог Филипп по просьбе *eschevins* (эшевеннов, заместителей бургомистров в Бельгии и Голландии) издал указ о сборе специального налога для возмещения расходов тем, кто стал «королем» *Espinette*, и для поддержки самого этого мероприятия. Хотя под конец - уже в XVI веке - налог этот стал тяжким бременем для населения, совершенно ясно, что сначала он был введен по его же собственной просьбе.³² А это, таким образом, свидетельствует, что в XV веке турниры могли быть чрезвычайно популярны как по материальным, так и по социальным причинам. Толпа их участников с

сопровождавшими их дамами, слугами и прихлебателями несла в города вкус к этому развлечению, и вскоре между городами даже возникло некое соперничество из-за того, где именно будет проводиться тот или иной турнир.

История крупных турниров, проводившихся в позднее средневековье в Германии, поможет нам несколько уравновесить впечатление чрезмерной экстравагантности, возникающее вследствие бесчисленных рассказов о пышных турнирах и поединках, имевших место во Франции, Бургундии и Испании.³³ В Германии организацией турниров занимались в основном турнирные союзы, к тому же в этой стране было явно недостаточно богатых феодалов, способных покрыть расходы, которых требовали романтические фантазии *pas d'armes*. Здесь также по-прежнему настоящие групповые и смешанные турнирные состязания были куда популярнее всех прочих видов турниров, чем во Франции. Но, хотя фантазия здешних устроителей турниров и была более сдержанной - по крайней мере до эпохи императора Максимилиана, - все же и в Германии турниры представляли собой весьма торжественное событие, а сложный и изысканный ритуал выхода участников на поле с демонстрацией великолепных шлемов перед началом турнира и завершающий состязания пир проходили под внимательнейшим наблюдением руководства турнирных обществ. Участвовавшая в турнирах знать гордилась своим положением в обществе и своими привилегиями и относилась к ним очень ревниво, и в ее рядах также не было недостатка в проявлении сословной исключительности, но то была сословная исключительность знати, значительно менее богатой в целом, чем устроители и участники наиболее известных французских *pas d'armes*. Мемуары Зигмунда фон Гебсеттля, в которых он описывает некоторые из последних крупных турниров, состоявшихся в четырех германских землях - Баварии, Швабии, Франконии и Рейнланда, - свидетельствуют именно об этом. «В 1484 г. проводился турнир в Штутгарте, в Швабии, и через некоторое время... возникли возражения по поводу того, имею ли я право на участие в турнире, и я вынужден был доказывать свою знатность сразу по четырем линиям

моих предков - Гебсеттлей, Теттельбахов, Ганов и Секендорфов... Фон Винсхайм одолжил мне белого коня... В тот же год проходил турнир в Ингольштадте, в Баварии, и я тоже участвовал в этом турнире, и мой боевой шлем был украшен фамильной шлемовой эмблемой, а Лерман Габсбургский одолжил мне турнирного коня.»³⁴ Подобная сцена, когда прибывший на турнир участник озирается вокруг, надеясь позаимствовать у кого-то пристойного коня, действительно весьма сильно отличается от того, что происходило в Шалон-сюр-Сон и рассматривалось нами в начале этой главы. Мемуары Зигмунда аналогичны мемуарам его современника, Вилволта фон Шаумберга, постоянного участника турниров, который также весьма отличился в действующей армии как капитан, однако же большого богатства так и не нажил, оставив лишь весьма скромное состояние, несмотря на все свои успехи.³⁵ Как воин и один из безусловных героев турнирного общества Единорога, а также как истинно куртуазный любовник, он имел много общего с Жаком де Лаленом и маршалом Бусико с той, впрочем, немалой разницей, что у него никогда не хватало средств, чтобы устроить настоящий большой *pas d'armes*, как это делал, например, Жак де Лален, и он так и не нашел покровителя, готового оплатить ему эту затею. Замечание Рюкснера в его «*Turnierbuch*» относительно правил, которые ограничивали пышность нарядов дам, присутствовавших на турнире (по вполне понятной причине: желая избавить более бедных от неловкости), иллюстрирует то же положение дел, но с несколько иной стороны.³⁶ Упомянутые Рюкснером правила были установлены турнирными союзами, уставы которых свидетельствуют о том, что члены этих обществ были воинами, создававшими всю необходимость взаимопомощи не только во время турниров, но и в более серьезных делах - например, во время настоящих войн и междоусобиц. В Германии, как и во Франции, история турниров вскрывает множество свидетельств классовой исключительности и чрезмерного увлечения роскошью и декором, однако нельзя просто заявить о вкусах тогдашнего общества, что они стали чрезмерно изысканными или что они привели к потере связи с реальной жизнью.

Тема, постоянно возникающая практически во всех сохранившихся средневековых текстах, где говорится об установленных правилах проведения турниров, связана с теми «упреками» участникам турниров, которые лишают их права участвовать в этих состязаниях. Наиболее часто встречаемый и применявшийся на практике «упрек» - это недостаточно благородное происхождение. Такое обвинение, например, и пришлось опровергать Зигмунду фон Гебсеттлю в 1484 г., когда он доказывал свою знатность сразу по четырем ветвям генеалогического древа. Демонстрация перед самим состязанием шлемовых эмблем (*helm-show*) или же «*making of windows*» (т.е. вывешивание знамен и флажков и выставление гербовых щитов и шлемовых эмблем будущих участников в окнах дома учредителя турнира) были весьма важной частью всего турнира³⁷, а также служили своеобразным ответом на вопросы экспертов в области генеалогии и герольдов, обязанностью которых была проверка прав данного конкретного лица на участие в турнирах. Даже во время «турнира», устроенного в перерыве между настоящими сражениями, вполне мог возникнуть вопрос о проверке фамильных гербов участников.³⁸ Этой проблеме явно уделялось повышенное внимание. Антуан де Ла Саль приводит занятный рассказ о весьма затруднительном положении, в которое попали молодые участники турнира в Лотарингии, имевшего место в 1445 г., которые забыли, что именно изображено на их гербах, и опасались, что в результате им не разрешат участвовать в состязаниях. Сочувствуя им, де Ла Саль постарался уладить дело; а ведь действительно, замечает он сухо, запомнить сложный рисунок гербового щита порой бывает трудновато³⁹/⁷

Недостаточной родовитость или же брак, заключенный с представительницей более низкого сословия, были самыми распространенными «упреками» в адрес будущих участников турнира, но были и другие, и они-то в некотором отношении даже более важны. И де Ла Саль, и славный король Рене Анжуйский приводят целые списки подобных «упреков» в своих трактатах о турнирах; то же самое делает и Рюкснер, и все эти перечни весьма и весьма схожи.⁴⁰ На турниры

не допускаются лица, сколь бы они ни были родовиты, если им можно предъявить какой-либо из следующих «упреков»: (i) если они осквернили церковь, (ii) если они отлучены от церкви, (iii) если они опорочили женщину или же оскорбили честь знатной дамы, (iv) если они виновны в преднамеренном убийстве, (v) если они нарушили данную ими клятву или же поручительство, которое дали за них другие люди, (vi) если они дезертиры, виновные в трусливом бегстве с поля боя, (vii) если они потерпели поражение в поединке чести, (viii) если они поджигатели или (ix) капитаны «вольных отрядов наемников», (x) или морские пираты. Рюкснер к этому списку добавляет еще еретиков и заменяет Raubritter (предводителей «вольных отрядов») рыцарями-разбойниками. Это очень важные и интересные списки; они предлагают нам по-новому взглянуть на турниры позднего средневековья. Они, возможно, никак не сближают «потешные» сражения с настоящими, зато дают нам куда более ясную картину истинных этических норм поведения.

Трудно сказать, насколько серьезно следует относиться к этим спискам и насколько тщательную проверку в соответствии с их указаниями проводили во время турниров герольды и судьи. Однако «упреки» эти безусловно не были пустым звуком. Обвинение в нанесенном чести женщины ущербе, например, могло быть воспринято исключительно серьезно, а «helm-show» (демонстрация шлемовых эмблем), как нам сообщается, имела целью представление дамам возможности тайно «назвать имя» того рыцаря, который вел себя неподобающим образом; остальные участники тогда непременно «нападут» на него во время поединка.⁴¹ У де Ла Саля есть одна неприглядная история о трех бургундских рыцарях, разыгравших настоящий фарс перед герцогом Филиппом, во время которого они «не называя имен, в общих выражениях поносили женский пол»; и на следующем турнире в Брюсселе им весьма сильно досталось от других участников, так что они еще «много дней и ночей» проклинали свое бесчестное поведение.⁴² Более интересным представляется «упрек» в причастности к «вольным отрядам», разбойничьи нападения которых делали совершенно

безлюдными огромные участки дорог во Франции и Италии и причиняли множество страданий тамошним жителям, или же «упрек» в том, что тот или иной рыцарь попросту является разбойником. Здесь эти правила касаются того, что мы теперь считаем одной из основных социальных проблем эпохи. Разумеется, столь поверхностный подход к ней никак ее не решал, да и не мог решить; и все же, как нам кажется, это было нечто большее, чем пустой жест. Иоханнес Рот называет турниры «пробным камнем» истинного рыцарства, потому что рыцари-разбойники попросту никогда не осмелились бы смешаться с его участниками, ибо считали их выше себя.⁴³ И, по всей вероятности, не случайно герой произведений Рота и его покровитель, граф Бальтазар Тюрингский, остался в памяти потомков не только как основатель турнирного братства Единорога, но и как один из тех, кто вел долгую и упорную борьбу с преступлениями рыцарей-разбойников.⁴⁴

Рене Анжуйский, стремясь вывести недостойных из числа членов своего знаменитого рыцарского ордена Полумесяца, использовал список «упреков», весьма схожий с тем, что приводится в его же трактате о турнирах.⁴⁵ Как и рыцарские ордена, турниры и *pas d'armes* при всем своем блеске и пышности сопроводительных церемоний (а отчасти и благодаря этому) могли быть использованы для того, чтобы напомнить рыцарскому обществу о серьезной общественной и этической ответственности, которую возлагал на рыцарей их кодекс чести. Блеск и пышность церемоний имели, разумеется, и куда менее возвышенные цели: они служили эффективной пропагандой богатства и могущества того или иного устроителя *pas d'armes* или же учредителя того или иного ордена, напоминая, сколь привлекательна служба у данного сюзерена. Обе цели, впрочем, дают нам, историкам, один и тот же урок: в период позднего средневековья гораздо больше внимания уделялось рыцарским церемониям и обрядам, а не стремлению подражать иллюзорной славе воображаемых героев прошлого и их образу жизни.

* -к *

В позднее средневековье мы немало слышим о торжественных обетах, которые рыцари дают в связи с предстоящим турниром, обязуясь совершить во время него тот или иной ратный подвиг (*pas d'armes* может, разумеется, рассматриваться как несколько более изысканный пример такой практики). Уставы некоторых «вотальных» рыцарских орденов, которые мы рассматривали в предыдущей главе, свидетельствуют о коллективной институционализации практики обетов; так, например, обеты, которые давали члены ордена Оков, учрежденного де Бурбоном, были общими для всех и обязывали всех этих рыцарей совершить определенные ратные подвиги на ристалищах и в установленные сроки.⁴⁶ Аналогичные обеты также часто давались и отдельными лицами, и действительно в знак данного обета чаще всего использовался такой приметный символ, как «оковы узника». В «Жеане из Сантре» (Антуана де Аа Саля) польский барон Аойзенлех носит на руках и ногах золотые оковы по случаю данного обета, от которого его и освобождает Жан, принявший вызов барона.⁴⁷ Сицилийский рыцарь-герой Жан де Бонифас (Джованни ди Бонифаччо) носил золотые цепи узника в качестве *emprise* (пут), свидетельствующих о данном обете, пока в 1446 г. он не явился в Антверпен, где его освободил от этих «оков» Жак де Аален.⁴⁸ Аорд Скейлс был «закон» примерно в такие же *emprise* дамами английского двора, когда в 1465 г. эти дамы выбрали его своим защитником и прицепили ему на бедро золотую цепь со свисавшими с нее *fleur-de-souvenance* (незабудками).⁴⁹ Принесение обетов и добровольное ношение таких *emprise*, как вышеперечисленные, стали в позднее средневековье практически официальным - что удивительно - ритуалом рыцарского общества.

Самые славные и пышно обставленные индивидуальные обеты чаще всего были связаны с турнирами, а также достаточно часто имели эротический оттенок. Решимость рыцаря оказать честь своей даме и продемонстрировать перед ней свои высшие достоинства - вот ос-

новной побуждающий мотив принесения такого обета; в данном случае надетые рыцарем *emprise* символизируют узы любви. Но если приглядеться, то обнаруживается большое количество аналогичных обетов, принесенных и ради свершения настоящих подвигов на поле брани. Томас Грей в своей «*Scalacronica*» рассказывает прелестную историю о сэре Вильяме Мармионе и его золотом шлеме, подаренном ему возлюбленной, которая обязала его носить этот шлем во время войны, пока он не совершит некий выдающийся ратный подвиг. Когда Александр Моубри со своими шотландцами появился перед стенами Норэм-касла, отец Грея, и комендант этой крепости, повернулся к Мармиону с такими словами: «Сэр, ты пришел сюда как странствующий рыцарь, желая прославить этот шлем, а рыцарю подобает совершать ратные подвиги верхом на коне... Так садись же в седло, но будь осторожен, ибо там твои враги; вонзи шпоры в бока коню и врезайся в самую гущу их войска.» Мармион повиновался, вступил в сражение и очень скоро простился с жизнью - прежде, чем старший Грей успел прийти ему на помощь.⁵⁰ В чем-то похожа и история Барбура о сэре Джоне Уэбертоне, который поклялся в течение целого года охранять замок Аанарк - испытание, достаточно опасное и вполне достойное его дамы сердца (он погиб до окончания этого срока, защищая замок от Джеймса Дугласа).⁵¹ Еще более близка по своему ритуальному формализму к турнирным обетам история польского рыцаря, написанная Филиппом де Мезьером (этот рыцарь поклялся, что не будет есть сидя, пока не примет участия в сражении с неверными)⁵², а также история Фруассара о знатных английских юношах, которых он встретил в Валансьене; все эти юноши закрыли один свой глаз повязкой в честь обета, согласно которому им разрешалось смотреть на мир только одним глазом, пока каждый не свершит какой-нибудь ратный подвиг в войнах с Францией.⁵³ Эти примеры прекрасно иллюстрируют прямую связь турнирных и военных ритуалов и еще раз напоминают нам о самом непосредственном - с позиций рыцарской ментальности - родстве, и весьма тесном, войн и турниров, которое сохранялось и подерживалось рыцарями, несмотря на растущие различия в подго-

товленности, которая подвергалась испытанию во время войн и во время турниров.

История Фруассара о молодых англичанах, которые закрывали один глаз повязкой в честь данного ими обета, исключительно интересна. В ней хорошо слышны отголоски известной поэмы «Vows of the Heron» («Le Voeu du heron», «Обет цапли») ⁵⁴, в которой рассказывается, как перед самым началом Столетней войны на пиру королю Эдуарду III и его рыцарям была подана цапля, и все они поклялись этой птицей совершить во Франции великие ратные подвиги. Когда очередь дошла до графа Солсберийского, он призвал свою супругу, прекрасную Джоан Кентскую, велел ей закрыть ему один глаз ладонью и заявил: «Клянусь Отцом нашим всемогущим, что глаз мой останется закрытым и в бурю, и в шторм, и не откроется он ни ради того, чтобы увидеть злосчастье или удачу, или же рассмотреть помеху на моем пути, пока я не окажусь во Франции и не разозажгу там пожар войны.» ⁵⁴ Более чем за тридцать лет до описываемых событий, в 1306 г., весьма похожая церемония имела место на пиру, устроенном Эдуардом I в честь посвящения в рыцари его старшего сына. Там были поданы два лебедя, и король, а также его рыцари поклялись на этих лебедях вести войну с шотландцами и непременно заставить Роберта Брюса подчиниться им, а после этой победы они намеревались совершить крестовый поход. ⁵⁵ Клятва на птице - это еще один официальный рыцарский ритуал, имевший, похоже, лотарингские корни. Жан де Лонгийон сделал этот ритуал поистине знаменитым благодаря своей мифологической версии «Романа об Александре», которую сложил из разрозненных кусков для своего покровителя, епископа Тибо Барского; в этом своем произведении он немало поведал о тех обетах, которые героические воины Александра давали над павлином, поданным на пиру во время осады Эфеса. ⁵⁶ Его книга (а также, возможно, история об «обете Цапли») послужила вдохновляющим примером для множества рыцарских обетов - например, тех, что были даны на пиру Фазана в Аилле в 1453 г., где герольдмейстер Toison d'Or (Туасон д'Ор, Король герольдов ордена Золотого Руна), внеся живого фазана С

золотистым воротником вокруг шеи, воскресил перед герцогом Филиппом Бургундским и его гостями «старинный обычай представления павлина или другой благородной птицы на великом пиру перед знаменитыми правителями, князьями и знатью с тем, чтобы они могли дать обет, связывающий их друг с другом.»

Праздник Фазана особо знаменит тем невообразимо экстравагантным театральным действием, которое его сопровождало. Планы Филиппа Бургундского по поводу крестового похода, задуманного, чтобы спасти Константинополь от турок, составляли контекст данного события. Пиру предшествовал рыцарский поединок, во время которого Адольф Клевский, наряженный Рыцарем-Лебедем (точнее, как Рыцарь-с-Лебедем - И.Т.), сражался со всеми желающими по очереди. Огромное внимание было уделено различным сложным приспособлениям, призванным развлекать гостей, в том числе статуе маленького мальчика на скале, который писал розовой водой. В самый разгар пира великан, одетый на манер сарацина из Гранады, вошел в зал, ведя за собой слона, верхом на котором ехала плачущая девица - то была Святая церковь, оплакивавшая свою поруганную неверными честь. После слезной мольбы девы помочь ей, вошел Король герольдов Туасон д'Ор, неся пресловутого фазана и в сопровождении двух незаконных дочерей Филиппа Доброго, а также двух рыцарей из ордена Золотого Руна; ну а затем были принесены обеты.⁵ Обеты тоже отличались экстравагантностью: рыцари, например, клялись не надевать лат, не спать в постели, не есть сидя и т.п. (большая часть подобных обетов распространялась, правда, на один день в неделю), пока не совершат тот или иной обещанный ратный подвиг в сражении против турок. Каждая клятва тщательно заносилась в геральдический свиток герольдмейстером ордена Золотого Руна, благодаря чему хронист Матье д'Эскуши⁶ оказался в состоянии воспроизвести их для нас во всем их пышном великолепии.

Нелегко классифицировать идеи, лежавшие в основе тех обетов, какие, например, давали бургундские рыцари в Лилле в 1454 г.; их обеты были явно родственны по своему типу прочим личным обетам, о

которых мы уже упоминали и которые порой имели самое непосредственное отношение к ратным подвигам во время войны, а порой - лишь к достижениям на рыцарских ристалищах. Налагая определенные ограничения, истинные или символические, которые поклявшемуся необходимо было соблюдать, эти обеты, с одной стороны, напоминали религиозные обеты соблюдать аскезу - поститься, произносить особые молитвы, совершать паломничества в святые места и т.п. В уставах некоторых «более демократических» («вотальных») рыцарских орденов соблюдение определенных религиозных законов и ритуалов действительно образует некую - немалую, хотя и не центральную, - часть требований, предъявляемых к братьям, давшим общий обет.⁵⁹ Аналогия, часто почерпнутая в литературных источниках, между испытаниями, которые необходимо пройти истинному рыцарю, и испытаниями, которые выпадают в течение всей жизни человеческой, свидетельствует о том, что такой параллелизм был вполне релевантен тогдашней действительности, в чем представители средневекового общества вполне отдавали себе отчет. Однако четко сформулированные христианские обеты были, безусловно, не единственной аналогией тех обетов, которые мы сейчас рассматриваем. Существовали и иные образцы - например, великие герои северных саг (а также эпических героических поэм и романов), которых вдохновляло на подвиг отнюдь не стремление обрести милость Божью, а желание получше выпить и закусить в пиршественном зале. То, что нередко требование аскезы, налагаемое тем или иным рыцарским обетом, было чисто формальным, символическим, таким ритуальным поступком вроде ношения «дара» дамы сердца на шлеме или щите или «оков» - на руках и ногах, тоже, разумеется, было признаком релевантности этим альтернативным аналогиям. Тон, в котором об этом повествуется, также зачастую гораздо больше схож с желанием героев саг слушаться предсказаний и предвещающих события примет (которые играют столь важную роль в любовных и военных приключениях), например, обратить внимание на начинающуюся бурю, а не заниматься самоусовершенствованием и демонстрацией собственных добродетелей. Любопытный обряд при-

несения обета над птицей, истоки которого можно найти в мифологии и литературе, - это, похоже, еще одно свидетельство того же порядка. Здесь мы, действительно, обнаруживаем в прочих обетах прекрасный аналог ритуальному назначению уже упоминавшегося *reggon*, который столь часто использовали в *pas d'armes*, ибо ни в том ни в другом случае мы так и не можем в точности узнать, каков смысл клятвы на птице, и значение этого ритуала не становится для нас более ясным, чем значение ритуального вывешивания щитов на *reggon* и прикосновения к ним. В обоих случаях ритуал явно имеет литературные корни и чисто театральное (сценическое) предназначение, что, похоже, и является ключом к пониманию его смысла и символики; вряд ли в основе этого лежит что-либо более существенное.

И тем не менее, несмотря на всю экстравагантность некоторых рыцарских обетов, невозможно полностью исключить серьезность намерений тех, кто эти обеты приносил. Чистая правда, что Филипп Добрый так никогда и не отправился в крестовый поход, а стало быть, и обеты, принесенные на Празднике Фазана, остались невыполненными, и все же то были не пустые жесты, а часть тщательно продуманной попытки придать максимальный *esclat* (акцент) самому серьезному рыцарскому «приключению», результатом которой явилась целая череда собраний - хотя и не столь драматичных - различных представителей бургундской знати, на которых прозвучало еще больше заявлений о готовности участвовать в военной экспедиции против турок. Чтобы собрать средства на этот поход, были даже повышены налоги и разработаны самые детальные планы сборов - составления личных списков, подготовки транспорта и прочего войскового обеспечения. Перемены в европейской политической ситуации явились причиной тому, что идеи эти были забыты, но это произошло только в 1456 г. - то есть целых два года прошло после того знаменитого пира.⁶¹ Что же касается серьезности намерений, стоявших за обетами, которые Эдуард I и его рыцари приносили над лебедями в 1306 г., то в ней не было, разумеется, ни малейших сомнений; и даже если - что вполне возможно - история об «обете цапли» является фикцией, то эта фикция все же

имеет непосредственное отношение к самой серьезной действительности. Граф Солсберийский конечно же разжег «пожар войны» во Франции. Более того, истории, рассказанные Томасом Греем о сэре Уильяме Мармионе или Филиппом де Мезьером о польском рыцаре, который отказывался есть сидя, явно основаны не на шатких фантазиях о прошлой жизни. Принесение подобных обетов было, возможно, само по себе жестом достаточно экстравагантным, но те, кто их приносил, принадлежали ко вполне определенному типу людей, прекрасно понимавших, что им придется столкнуться с реальными трудностями. Жан де Ребревьетт тоже давал шуточный «обет Фазана» в Лилле, однако впоследствии он действительно сражался за веру и в Испании, и в Венгрии и рисковал собственной головой, чтобы добиться воинских почестей в этих сражениях.¹²

Ностальгия о *temps perdu* (о былом), об ушедшем идеальном «веке рыцарства», действительно является весомой составляющей каждого рассказа о рыцарских обрядах и церемониях позднего средневековья. Это просто невозможно отрицать - особенно в свете вполне сознательных усилий по проведению костюмированных турниров и *ras d'armes* на основе рыцарских романов или пиров с принесением обетов, которые мы только что рассматривали. Но следует помнить, что использование слова «ностальгия» по отношению к средним векам не имеет того негативного оттенка, каким оно характеризуется в наши дни. Люди той эпохи не совершали свойственной нам ошибки и не путали бег времени с прогрессом; гораздо чаще они были расположены считать, что все в мире постепенно стареет и умирает по мере того, как стареет сам мир. И ностальгия их вследствие этого имела скорее положительный заряд, побуждавший людей к сохранению или возрождению былых ценностей. Когда Карл V Французский на большом пиру, устроенном в Париже в 1378 Г. в честь его гостя, императора Карла IV, искусно поставил на сцене историю захвата Готфридом Бульонским Иерусалима, то сделал это не просто развлечения ради: спектакль имел целью напомнить присутствующим о примере истинного рыцарства Готфрида и особенно о его преданности делу кресто-

вых походов/¹³ Близким по духу было и намерение Филиппа Бургундского, когда он на пиру в Лилле попытался возродить старинный ритуал, желая пробудить в душах рыцарей энтузиазм по поводу тех же крестовых походов. Примерно то же инстинктивное желание вдохновило и Пьера де Бофремона поставить *pas d'armes* «в честь Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы, а также монсеньора Святого Георгия», придав этому спектаклю прокаролингскую направленность и назвав его «Arbre de Charlemagne» («Древо Карла Великого»).⁶⁴ Театральные действия - на пиру и на турнире - ставились не только ради их зрелищности; как и сами пиры и турниры не были просто экстравагантными попытками бегства от весьма мрачной реальной действительности в мир иллюзий. В них безусловно было немало игры, пышных церемоний и показного бряцания оружием, но основной их целью, о которой никогда не забывали устроители, была демонстрация важности и ценности «благородной профессии воина и его боевой выучки» тем, кто родился, чтобы следовать этому благородному примеру. Ностальгический призыв к прошлому отнюдь не был признаком несерьезного отношения к настоящему, скорее наоборот: он свидетельствовал об осознанности тех серьезных целей, что стояли перед тогдашним рыцарством.

•к к к

В позднее средневековое рыцарство все выставляло напоказ, порой достаточно экстравагантным и даже грубоватым образом - иногда доходящим до вульгарности, - стремясь всячески приукрасить свою деятельность и подражая героям прошлого, что, собственно, и обеспечило ему дурную славу. С точки зрения эстетики, такое отношение, возможно, и является заслуженным, однако подобные поведенческие тенденции - это отнюдь не признак упадка рыцарства. В эту эпоху ритуалы и обряды все еще играли жизненно важную роль и поистине являлись способом выражения наиболее важных общественных обя-

занностей представителей различных слоев общества. Особенно ярко это проявлялось, например, во время принесения оммажа или церемонии коронации. В подобных обстоятельствах совершенно естественным выглядело то, что люди, открывая для себя в полуисторических рыцарских романах богатство светской традиции рыцарства, стремились выразить свое новое понимание этого через знакомые и излюбленные формы рыцарской военной деятельности и поединков. Если светская знать, предпринимая попытки в данном направлении, и бывала порой чересчур расточительна, то это отчасти потому, что ее представители в области литературной эрудиции были, в общем-то, новичками, и некоторые из «открытий» в этой области просто кружили им голову. А также они искренне стремились к тому, чтобы к их классовому идеалу - идеалу высшего сословия - столь большое значение придававшего мирской славе и почестям, относились с должным уважением, и чтобы этот идеал непременно имел свое особое выражение во внешней символике.

Здесь нужно принять во внимание и тот экономический фактор, который помогает лучше понять тенденцию подобной расточительности среди рыцарства позднего средневековья. Среди знати, то есть в том секторе общества, к которому эти пышные действия и взывали, различия в доходах становились все более ощутимыми. Одну из крайних позиций занимала высшая знать, благодаря покровительству которой и можно было оплачивать подобные экстравагантные церемонии и представления. *Pas d'armes* и рыцарские пиры становились все богаче. Начала формироваться некая группа высшей знати, как это отметил Филипп де Мезьер, выделив среди ее представителей принцев крови, богатых сеньоров и баронов - как некое сословие внутри сословия - и отграничив этих людей от тех, кого он называл «обыкновенной» знатью, то есть от рыцарей, оруженосцев и прочих небогатых представителей этой социальной группы.⁶⁵ Герцоги Бургундский и Анжуйский, английские герцоги Ланкастерский и Йоркский, а также титулованные гранды Кастилии, располагавшие огромными средствами и земельной собственностью с правом вершить на своей земле суд

и собирать налоги, занимали в средневековом обществе такое положение, по сравнению с которым благосостояние высшей феодальной знати, графов и баронов более раннего периода, казалось совсем ничтожным. Однако, по контрасту с этим более ранним периодом, а также с другими временами, в данный период было очень немного естественных возможностей вновь использовать это богатство, вложить его, например, в технические усовершенствования, или в заселение новых земель, или в новые коммерческие предприятия, или в завоевание колоний. С другой стороны, существовала мощная традиция, согласно которой проявления «щедрости» и показной демонстрации своего богатства считались для знати совершенно правильными и естественными. Так что на чистую показуху тратилось куда больше средств, чем когда-либо прежде, и результаты подобных «капиталовложений» представлялись совершенно бессмысленными и излишне экстравагантными.

А вот для тех, кого де Мезьер относил к разряду «обыкновенной» знати, экономические обстоятельства в этот период складывались куда менее благоприятно. Доходы от фамильных поместий во многих случаях были совершенно ничтожны в результате опустошения земель войнами, повышения стоимости труда и тех, более выгодных для них самих требований, которые выдвигали арендаторы в связи с общим демографическим упадком. Сказывались, разумеется, и экстравагантные попытки самой знати поддерживать традиционно «благородный» стиль жизни. Пышность, с которой в подобных условиях прославлялись идеалы благородного сословия, представлялась этим людям весьма привлекательной, ибо они полагали, что таким образом оказывается поддержка сословной чести и достоинства, которые они так старались оберегать, используя чуть ли не *apartheid*, некую сословную изоляцию, связанную с постоянным беспокойством относительно своей родovitости. Для них в этом заключалось выражение той *largesse* (щедрости), которой менее крупная знать всегда восхищалась в своих правителях. Это само по себе было причиной того, почему пышность могла показаться стоящим вложением их покровителям из числа высшей

знати. Она помогала сохранить у них на службе тот тип людей, на чью падежную поддержку они опирались в политике и управлении, но более всего - в войне, в точности как и их предшественники в былые времена.

«Обыкновенная» знать позднего средневековья действительно быстрее, чем когда-либо, превращалась в знать служилую. Служба при дворе или во время войны предоставляла материальные условия куда более высокого уровня, чем значительно уменьшившиеся доходы от поместий, и открывала путь к пенсиям, государственным чинам, военному жалованью и трофеям, а также давала возможность приобщиться к блеску и великолепию придворной жизни и войти в круг высшей знати. А награды, получаемые на такой службе, удовлетворяли потребность «обычной» знати, с одной стороны, в ощущении уверенности в собственных доходах, а с другой - в поддержке властями их высокой самооценки. Особенно это было справедливо в отношении военной службы, ибо воинская профессия была традиционной наследственной профессией представителей знати; именно на поле брани можно было надеяться продемонстрировать не только свои фамильные гербы и знаки отличия, но и свое личное мужество, а также завоевать в случае удачи право на военные трофеи. Таким образом, существовала определенная внутренняя связь между красивой внешней формой и жестокостями рыцарского образа жизни - которые одновременно обостряли стремление знатного сословия в целом к внешней демонстрации своего богатства и воспитывали в нем вкус к военной профессии и возможности обеспечивать свое благополучие за счет военных трофеев. Напряженные моменты, порождаемые усилиями в этих двух направлениях, и станут основной темой нашей следующей главы.

Примечания переводчика

¹⁴ Pas d'armes - особый вид поединка, во время которого как бы изображается сражение за право проехать по определенной дороге или к опреде-

ленному месту (pas — «проход, ущелье»), в качестве которого обычно выступает перекресток, мост, источник или еще какая-нибудь точка на местности, часто имеющая мифологическую историю.

^{2*} Жан де Бонифас (Джованни ди Бонифаччо), странствующий рыцарь XV в. родом из Сицилии, носивший на левой ноге оковы, какие надевали рабам, подвешенные на золотой цепи.

^{3*} Символика единорога играет существенную роль в средневековых христианских сочинениях, восходящих к греческому тексту «Физиолога» (II-III вв.н.э.). Единорог рассматривается как символ чистоты и девственности, и, согласно «Физиологу», его может приручить только чистая дева.

^{4*} Антуан де Ла Саль, ок.1390 - после 1461, французский писатель, самый знаменитый роман - «Маленький Жан из Сантре», для которого характерен некий особый, предвозрожденческий дух.

«Обет Цапلي» - поэма Жана де Бомона (Иоанна Геннегауского), ум.ок.1356 г., французского поэта, дяди графа Голландии Вильгельма IV и королевы Англии Филиппы Геннегауской.

^{5*} Матье д'Эскуши, хронист и бытописатель XV в. родом из Пикардии, почитатель рыцарских идеалов, бывший прево гор. Перонна (1440-1450 гг.), а затем королевский прокурор Сен-Кантена; был аноблирован.

Глава XII

РЫЦАРСТВО И ВОЙНА

И^о. Хейзинга рассматривал рыцарство позднего средневековья с его идеализацией странствующего рыцаря-аристократа - примерно такого, как Жак де Дален, - как культурный феномен, все более и более отдалявшийся от того, что он называл «жестокостью» данного периода.¹ Я же выступаю в защиту той точки зрения, что рыцарство - феномен культурный и общественный одновременно, который сохранил свою энергию, поскольку продолжал оставаться релевантным социальной и политической обстановке своего времени. Позднее средневековье было не менее воинственным, чем X и XI века, в весьма насыщенной войнами действительности которых и зародилось рыцарство, и культура этого периода в значительной степени развивалась под знаком бесконечных местных войн. Боевые условия той эпохи, как отмечает Филипп Контамин, оставили своей неизгладимый след в виде многочисленных замков, крепостей и могучих городских стен, переживших воздействие времени куда лучше, чем многие другие творения средневековой архитектуры, если не считать церквей; сохранилась также огромная коллекция различных доспехов и оружия, а также - множество иллюстраций в манускриптах позднего средневековья, где батальные сцены - это самые модные у художников той эпохи моменты светской жизни; такие иллюстрации особенно часто встречаются в трактатах по военным искусствам и в переводах классических военных авторитетов, например Вегеция.² В подобном контексте, по мнению Контамина, уже сама война должна рассматри-

ваться как культурный феномен, так что нет и не может быть ничего удивительного в том, что воин в этот период неизменно выступает как фигура исключительно важная для светского общества, а само это общество старается по возможности справедливо относиться к концепции воинской чести, воплощенной высшим сословием во множестве весьма сложных ритуалов.

Остаются, впрочем, довольно существенные вопросы, требующие более пристального внимания, если мы намерены поддержать предположение, что точка зрения Хейзинги нуждается в некотором уточнении. Как, например, соотносился культ странствующего рыцаря - того особого типа воина, который идеализировался столькими произведениями литературы и служил центральной фигурой столь многих рыцарских ритуалов, - с общественными и политическими нуждами того времени? А из этого вопроса следует еще один: был ли риск, которому подвергался странствующий рыцарь, действительно столь велик, чтобы вызывать у всех такое бурное восхищение? И как насчет прочих обстоятельств той, и вправду весьма жестокой, действительности - в частности, для мирного населения? Как все-таки согласовывался культ сражающегося рыцаря с восприятием средневековых обывателей, в сражениях не участвовавших, тех ужасов войны, которые выпадали на их долю и заставляли их страдать порой куда сильнее самих благородных воинов? Причем особенно - от преступных действий солдат собственной страны, от их грабежей и насилия? До какой степени подобные эксцессы подрывали веру людей в благородство рыцарских этических правил? Все это очень важные вопросы, ибо, если культ рыцарства действительно был далек от реальной жизни и если эта жизнь и впрямь ставила под сомнение рыцарскую систему ценностей, тогда точка зрения Хейзинги представляется действительно справедливой по отношению к сложившейся в позднее средневековье ситуации.

* * л

В первую очередь, видимо, следует остановиться на вопросе об уровне реальной опасности на войне, поскольку он наименее сложен по

своей сути. При основных аргументах выдвигались время от времени теми, кто считал, что в позднее средневековье риск для участвовавших в сражениях рыцарей был относительно невелик, во всяком случае значительно меньше, чем в принципе можно было бы ожидать. Во-первых, доспехи, в которые был облачен рыцарь, достаточно хорошо защищали от любого вида боевого оружия, и, таким образом, заявления рыцарей о том, что они в сражениях рискуют быть убитыми или ранеными, в большинстве случаев можно считать преувеличенными. Во-вторых, генеральные сражения были довольно редки, да и военачальники таких сражений всячески избегали. В-третьих, все-таки сойдясь в сражении, рыцари всячески старались не убивать друг друга - а это уже, пожалуй, звучит как обвинение, от которого рукой подать до еще более общего утверждения, что в целом мирное население во время войн подвергалось куда большей опасности, чем непосредственные участники сражений.

Разумеется, невозможно было сделать рыцаря полностью неуязвимым, но те доспехи, в которых он отправлялся на войну, действительно обеспечивали ему весьма значительную степень физической безопасности - а также, без сомнения, психологическое ощущение защищенности. Ясно, что человек в полных доспехах мог, заняв выгодную позицию, довольно долго обороняться от наседавшей на него значительной группы воинов, защищенных не столь хорошо. Именно доспехи франкских воинов в период первых крестовых походов вызывали наибольшее удивление у византийцев и мусульман (которые так никогда и не взяли на вооружение доспехи, полностью закрывавшие тело). Турки называли западных рыцарей «железными людьми». «И были они с головы до ног закованы в некий панцирь, сделанный из множества железных колец, и эти кольца, переплетаясь, обеспечивали им столь

3

прочную защиту, что удары от них просто отскакивали,» - так писал один мусульманский автор о франкских рыцарях, долго и яростно сражавшихся вплоть до своего окончательного поражения при Тивериадском озере в 1187 г. Позднее мастерство оружейников чрезвычайно возросло, и новые достижения в области оборонительных воо-

ружений обеспечивали очень неплохую защиту от ставшего весьма опасным оружия нападения - в частности, от увеличившейся дальности полета стрел и их пробивной силы, если они были выпущены из большого лука или арбалета, а также от удара длинной пики пехотинца, который легко мог стать смертельным для лошади. В конце XIV века в широкий обиход входит цельнокованный, так называемый дощатый доспех, обеспечивающий воину большую подвижность и большее удобство в смысле распределения веса по всему телу, ибо вес таких доспехов, как металлическая кольчуга, тяжким грузом ложился в основном на плечи; новые доспехи обеспечивали рыцарям огромные преимущества, а закругленные металлические пластины вполне способны были противостоять как выпущенным из лука или арбалета стрелам, так и ударам пикой. Снабженный забралом *basinet* (шлем типа «базинет») сменил теперь тот большой тяжелый шлем, который раньше рыцари надевали поверх кольчужной куафы; *basinet* был значительно легче и удобнее. А усовершенствованные доспехи для лошадей, появившиеся в начале XV века, обеспечивали эффективную защиту не только самого боевого коня, но и всадника.⁴ Но доспехи не могли, разумеется, обеспечить абсолютной защиты и по-прежнему были весьма громоздкими и сковывали движения. Человек, поднявший забрало или снявший часть «*gorget*» (шейного доспеха, защищавшего горло), чтобы иметь возможность поворачивать голову, подвергался при этом значительному риску.⁵ Таким образом, полностью облаченный в доспехи рыцарь мог чувствовать себя достаточно защищенным.

Но это, однако, не решало всех его проблем. Под конец затяжного боя с неоднократным переходом инициативы от одной противоборствующей стороны к другой, рыцарь, измученный тяжестью своих доспехов, оказывался уже не очень подвижен и в случае поражения легко мог стать добычей победителей. Это одна из причин, по которым потери в войске, потерпевшем поражение, зачастую бывали очень тяжелыми. И это сущая правда, что пленение в честном бою не вызывало особых упреков со стороны рыцарского общества (а вот бегство с поля боя, следует отметить, вызывало!), однако же плен был не слиш-

ком привлекательным вариантом. Огромный выкуп, который, вполне вероятно, должен был бы выплатить пленный рыцарь, мог полностью разорить его семью, заставить его самого залезть в непосильные долги, продать или заложить свое имущество.⁶ Кроме того, далеко не все брали за пленников выкуп. Швейцарцы обычно не щадили никого; так же вели себя и воины фландрских городов. После битвы при Никополе султан Баязид казнил большую часть пленных, оставив в живых только тех, кто мог позволить себе уплатить поистине царский выкуп. А в разгар битвы при Азенкуре Генрих V, полагая, что свежие силы французов на подходе, приказал убить всех французских пленных, кроме самых важных." И среди его современников эта акция, что примечательно, практически не вызвала критики: во всяком случае, критики было на удивление мало, если учесть, что во время англо-французских войн того времени жизнь пленным все же обычно оставляли.

В свете сказанного не вызывает удивления, что в определенные периоды позднего средневековья командиры с явной неохотой позволяли своим войскам вступать в крупно-масштабные полевые сражения. И это вторая причина считать, что точка зрения о минимальном риске на войне для облаченного в доспехи рыцаря позднего средневековья несомненно имеет под собой достаточно оснований, даже если первая причина кажется преувеличенной. Осады и непрерывные стычки с противником доминируют в истории множества военных кампаний конца XIV - начала XV веков. При военных действиях такого рода тоже могли, разумеется, возникать довольно опасные ситуации, особенно при штурме хорошо укрепленного города или замка, хотя и во время этих акций опасность не была для рыцаря или просто воина столь же острой, как во время полевого сражения. Многие города, однако, так никогда и не брали штурмом; их подвергали длительной осаде, и они сдавались (если такое вообще происходило) на определенных условиях (наиболее распространенным условием был, например, вывод к определенному дню гарнизона, если к нему не придет подкрепление).⁸ В плане экономии людских ресурсов такой способ

ведения осады был оптимален с точки зрения обеих сторон и безусловно уменьшал риск потерь. Но это лишь один аспект. Осада города могла сильно затянуться, и в армии начиналось моральное разложение, а также - что гораздо важнее - болезни, причем особенно страдали именно осаждавшие. Генрих V в битве при Азенкуре был вынужден сражаться в исключительно невыгодных условиях, ибо армия его сильно пострадала от эпидемии дизентерии, ведя осаду Арфлера и встав лагерем в нездоровой болотистой местности вокруг этого города.⁹ Потери в его войске из-за болезней (и дезертирства) во время длительной осады Мо, тянувшейся всю жестокую зиму 1421-1422 гг., оказались, возможно, даже еще более серьезными, к тому же именно там начало сдавать и здоровье самого Генриха.¹⁰ Болезни были действительно одной из самых серьезных опасностей для любой средневековой армии, находящейся далеко от дома - как во время осады, так и во время полевых сражений, и уж болезни-то не щадили никого. Жуанвиль напоминает нам об этом, выразительно описывая ужасные страдания Аюдовика Святого во время отступления его армии от Мансуры: «В ту ночь он несколько раз терял сознание, а поскольку мучившая его дизентерия постоянно заставляла его брести в отхожее место, пришлось даже отрезать ему нижнюю часть подштанников».¹¹ Так что не требовалось даже и участия в сражении, чтобы подвергнуть жизнь странствующего рыцаря страшному риску.

Когда же войска действительно сходились на поле брани, риск быть убитым очень повышался. В этом, правда, многие сомневались из-за высказанных Маккиавелли обвинений в адрес *condottieri*, кондотьеров, предводителей наемных военных отрядов в Италии XV века, по поводу того, что они, будучи наемниками, не желали по-настоящему рисковать ни собственной жизнью, ни жизнями своих людей, и спустя рукава участвовали лишь в самых «легких» сражениях, где потери могли быть минимальны, преследуя сразу две цели - экономя людские ресурсы и сохраняя свое влияние. Подобная точка зрения получила широкое распространение, в том числе и в письменных источниках, и в нее с большой (даже слишком!) готовностью верили. Картина, нари-

сованная Маккиавелли, на самом деле не так уж правдива даже для Италии XV века. После битвы при Анггьяри (Тоскана) в 1440 г., где, согласно его утверждениям, якобы погиб только один человек, на самом деле существовал довольно длинный список убитых, в котором было порядка 900 человек. Потери того же уровня наблюдались и в других сражениях, которые Маккиавелли называет «удивительно бескровными».¹² Тем не менее, он прав относительно того, что войны в Италии до французского вторжения 1494 г. действительно характеризовались относительно малыми потерями по сравнению с войнами в других частях Европы. В сражении при Азенкуре погибло, по всей вероятности, порядка 5-6 тыс. человек только с французской стороны.¹³ Там, как и в сражении при Пуатье (1356 г.), было уничтожено примерно 40% французской кавалерии - то есть представителей высшего сословия, главным образом рыцарей и оруженосцев. С этими потерями можно сравнить потери французов в битве при Куртре в 1302 г. и шотландцев в сражении у Халидон-Хилл в 1333 г. В этих сражениях количество смертных случаев в побежденной армии было особенно велико, так же как и во время других известных сражений - например, при Касселе (1328), Креси (1346), Наджере (1367), Танненберге (Грюнвальдское сражение) (1410) и Флоддене (1513), а также при Уизби (1361), где могилы воинов сохранили то, что ныне считается наилучшими образцами боевых доспехов середины XIV столетия.¹⁴ В контексте столь мрачной статистики потерь, подобных только что перечисленным, красноречие Жана де Бомона, противопоставляющего - в «Обете цапли» - рыцарство в мирное время и рыцарство в реальной обстановке военного похода - представляется особенно уместным:

Когда мы в таверне пьем крепкое вино и мимо проходят дамы и с улыбкой смотрят на нас своими сияющими глазами, и мы любуемся их лилейными шейками и тонкими талиями в тугих корсетах, сама природа заставляет наши сердца сильнее биться от страсти. Тогда мы готовы одержать победу даже над Иямонтом и Аголантом, мы можем победить

даже Оливье и Роланда. Но когда мы участвуем в военной кампании, и трясемся верхом на боевых конях, и наши шеи втиснуты в шейный доспех, а копыя уже опущены к бою, и страшный холод пробирает нас до костей, заставляя сбиваться в кучу, и наши члены все в ссадинах и синяках сзади и спереди, и враг уже близко, тогда мы, конечно же, более всего желаем нырнуть в какой-нибудь большой и темный подвал, где никто и никогда не смог бы нас отыскать.^{15 1*}

Личные и даже интимные подробности, содержащиеся в хрониках и рыцарских биографиях, подтверждают, что те, кто прославился как цвет рыцарства, заслужили эту славу тяжким трудом и перед лицом настоящих и весьма порой неприглядных опасностей. Жак де Дален, бургундский герой, прославившийся устройством пышно оформленных *pas d'armes* в Шалоне, несколько раз переплывал реку возле Аокра перед носом у врагов, чтобы помочь своим людям переправиться на другой берег, в безопасное место; он охранял и направлял свое войско, «как хороший пастырь - стадо овец»; и во время этого сражения под ним было убито пять лошадей.¹⁶ А всего несколько месяцев спустя он встретил свою смерть во время осады Пуке (осады, надо сказать, не всегда ^и были так уж бескровны). Германскому странствующему рыцарю Иоргу фон Эхингену, которого еще долго помнили за то, сколь отважно он расправился с одним знаменитым сарацином во время осады мусульманами Сеуты в 1456 г., повезло больше, и он прожил довольно долгую жизнь. Однако и он был серьезно ранен в 1457 г., сражаясь с маврами у стен Гранады, и ногу его так никогда и не сумели как следует вылечить: «Я был очень неудачно ранен стрелой в голень, и хотя рана сперва зажила, но вновь открылась, когда я вернулся в Швабию, так что старость свою я встретил с дырой в колене и вечной дизентерией.»¹⁷ Прimitивная хирургия того времени вряд ли была для воинов менее тяжким испытанием, чем вражеская атака. Дон Перо Ниньо Победоносный, герой Кастилии, был ранен в ногу в 1403 г. в сражении на берегах Туниса. Его отнесли обратно на корабль, однако же он отказался покинуть свое войско, и ко времени их возвращения в Испанию рана

опасно загноилась. Дон Перо метался в лихорадке, жизнь его была в опасности, и врачи решили ампутировать ему ногу, он же хотел непременно ногу спасти и настаивал на том, чтобы они попытались излечить рану с помощью прижиганий: «Они добела нагрели железный прут толщиной с тяжелую стрелу, но хирург не решался подносить его к ране из опасения, что это вызовет слишком сильную боль. Но Перо Ниньо, привыкший к подобным вещам, сам взял этот раскаленный прут и приложил его к ране.»¹⁸ К превеликому счастью все обошлось, рана зажила, но ясно, что подобное лечение вполне могло закончиться и не столь благополучно.

Жак де Лален, Иорг фон Эхинген и Перо Ниньо - все это были странствующие рыцари, да к тому же большие любители таких дорогостоящих и представительных состязаний, как рыцарские поединки и турниры. Все трое также были богато «оснащены» гербами и эмблемами различных орденов: Жак де Лален был членом ордена Золотого Руна, Иорг - ордена La Squama (Чешуи), его принимал туда король Энрике Кастильский; а Перо Ниньо получил свой рыцарский плащ из рук герцога Людовика Орлеанского.¹⁹ Если сосредоточиться исключительно на доблестных подвигах этой троицы во время турниров, можно рассматривать упомянутые орденские знаки просто как свидетельства тогдашней рыцарской моды, однако же факты реальных биографий этих героев не позволяют нам делать подобные выводы. Кроме того, эти трое - отнюдь не исключение: их карьеры весьма схожи с жизненным путем многих представителей благородного сословия, и мы с подобными примерами уже познакомились; подобный образ жизни был характерен для того типа рыцарей, которым свойственно было одновременно и страстно увлекаться турнирами, и странствовать по свету, и отличаться особой отвагой в сражениях с врагом. В основе выпавших на их долю испытаний, как я уже говорил, лежит простая мораль: почести, которыми одарили их современники, - самая что ни на есть заслуженная награда за тот риск, которому такие, как они, подвергали не только собственную жизнь, но и, в случае необходимости, все свое благополучие, благополучие своей семьи и многое другое.

Теперь перейдем ко второму вопросу касательно странствующих рыцарей: насколько в позднее средневековье культ странствующего рыцаря соответствовал общественным и политическим нуждам своего времени? Это гораздо более сложная проблема. Однако, два момента в идеальном портрете такого рыцаря откроют нам, как мы убедимся впоследствии, некоторые подходы к ее решению. Один из них - постоянное подчеркивание верной службы рыцаря своему господину, второй - его неповторимая исключительность, проявляющаяся в индивидуальных - и индивидуалистических - достижениях. Между этими двумя моментами явно существует некоторое напряжение, что очень важно: способ, с помощью которого можно это напряжение устранить, и послужит ключом к решению нашей проблемы.

Ничего удивительного, что так много говорится о верной службе. Когда средневековый воин являлся под знамена своего господина и военачальника, то полностью предавал себя в его распоряжение, а это значило немало. Во-первых, рыцарь должен был полностью экипировать себя, и одна только стоимость его экипировки полностью оправдывала то, сколь высоко общество оценивало его желание служить данному сеньору. Отчасти причиной того, что ему как бы вменялось в обязанность экипироваться за свой счет, была, разумеется, традиция. Наделенный землей вассал в раннее средневековье должен был, как от него и ожидалось обществом, обеспечить себя собственными и более дешевыми конями, доспехами и оружием; например, указы английских королей XII-XIII веков содержали перечень требований к снаряжению, которое, в соответствии со своим конкретным доходом, обязаны были иметь и поддерживать в боевой готовности королевские подданные, которых могли призвать на военную службу.²⁰ А потому, когда в XIII веке правители стали гораздо чаще предлагать плату в качестве дополнительного стимула для несения воинской службы, никому и в голову не приходило, что размер этой платы должен хотя бы как-то соответствовать расходам на экипировку и хотя бы отчасти их

возмещать; считалось, что к моменту несения службы воин уже должен был и без того иметь все, что нужно. На самом же деле в позднее средневековье мнение на сей счет было совершенно противоположным, как о том свидетельствует *ordinamenti* (ордонанс), регулирующий в Италии *condotte*, или соглашение между капитанами наемных отрядов, с одной стороны, а с другой - городами и *signore*, которые этих наемников нанимали; в этих документах очень подробно и точно указывалось, какое именно снаряжение должно быть у воинов, которых данный город или данный правитель собираются взять на жалованье.²¹ Компенсация, выплачиваемая за павших во время военной кампании боевых коней, обычно оговаривалась особо. Вряд ли возможно было нечто большее на том этапе, когда система налогообложения была еще в пеленках, когда общий налог повсеместно рассматривался как невыносимое бремя, навязанное тираном-правителем (если только налог этот не оправдывала некая чрезвычайная ситуация). Правители просто не способны были взвалить на свои плечи дополнительные расходы на войну, не опираясь на готовность своих подданных оказать им в этом отношении определенную помощь, совершенно необходимую для поддержания авторитета правящей власти. Совершенно естественно поэтому, что в подобных обстоятельствах правители по-прежнему прежде всего обращали свой взор на воинское сословие, на представителей знати, обеспечивавших им несение оплаченной военной службы, и рассчитывали, что на этих отдельных представителей благородного сословия удастся переложить и стоимость их экипировки. Плата в подобных условиях скорее походила на возмещение (довольно внушительное, впрочем) тех средств, которые были потрачены на экипировку, чем на выплату жалованья в современном понимании этого слова. Общественное мнение, согласно высокой оценке которого представители знати и рыцари считались всегда готовыми нести военную службу, можно было считать еще одной формой «возмещения» вложенных в экипировку средств.

Более высокая цена, которую воин в позднее средневековье «назначал» за свою службу, самостоятельно экипируя себя, более всего

была связана с тем фактом, что стоимость военного снаряжения постоянно повышалась. Новое, лучшего качества оружие и современные доспехи требовали также большего мастерства в изготовлении; их создавали самые умелые кузнецы и оружейники; часто доспехи еще и специально испытывали на прочность с помощью выпущенных в упор тяжелых арбалетных стрел.²² Так что они, естественно, стоили очень дорого. Как, впрочем, и боевые лошади, которым полагалось быть достаточно сильными, чтобы нести не только всадника в тяжелых доспехах, но и свои собственные, конские доспехи; для таких целей отбирались кони особой породы и прошедшие специальную выучку. Конный воин, кроме того, не мог удовольствоваться только одной лошадью; ему, во-первых, нужны были сменные лошади для себя, а также - некоторое количество более дешевых лошадей для оруженосцев и прочего сопровождения.²³ В 1297 г. Жарар де Моор, сеньор Вессегем, владел семью боевыми конями общей стоимостью 1200 турецких ливров, то есть, стоимость его личных боевых коней была равна годовому доходу весьма обеспеченного английского рыцаря.²⁴ Малколм Вейл подсчитал, что в XV веке французский воин вкладывал в покупку только одного боевого коня сумму, примерно равную своему полугодовому или годовому жалованью, а на свое вооружение тратил сумму, равную как минимум его трехмесячному жалованью.²⁵ И подобные траты в подавляющем большинстве случаев делались частными лицами. И в данной ситуации следует учитывать не только стоимость экипировки воина, но и не менее важную проблему - проблему его подготовки. Сделанные Рамоном Луллием обзор и оценка потенциальных возможностей тогдашних военных учебных заведений были, как мы уже убедились, несколько преждевременными: о таких заведениях до XVI века практически и не слыхали. Ответственность за военную подготовку, как и за экипировку, до конца средних веков полностью лежала на частных лицах и воспринималась как одна из общественных обязанностей знати. И правда, говорит автор «*La vgaie noblesse*», «это выглядит весьма прискорбно и противоречит их сословной принадлежности, если рыцари и оруженосцы не способны обеспе-

чить себя хорошими боевыми конями и достойной экипировкой... так что те, кто уже состарились и не могут носить оружие, должны, в соответствии со своими возможностями, помогать и поддерживать молодых людей, содержать и воспитывать их в своем доме, стараясь научить всему, что надлежит знать истинным представителям благородного сословия и рыцарства».²⁶ Эти слова соответствующим образом высвечивают социальные задачи, прозвучавшие в некоторых замечаниях того же автора несколько раньше и весьма похожие на сословную спесь: «Было бы куда полезнее и почетнее (для королевства), если бы там нашлось три-четыре сотни достойных рыцарей... достаточно богатых, чтобы поддерживать честь своего сословия, чем тысяча или полторы тысячи иных, ибо эти четыреста рыцарей, смелых, предприимчивых и хорошо воспитанных, способны кормить, учить и вести за собой любое количество достойных оруженосцев и просто товарищей по оружию».²⁷ Таким образом, чтобы иметь возможность призывать на службу этих «достойных оруженосцев и просто товарищей по оружию», которые и станут основной опорой сеньора в случае нужды, правитель страны и поддерживал тот «благородный» стиль жизни, о котором мы говорили в одной из предшествующих глав и который вдохновлял юношей из знатных семей на занятия такими видами спортивных состязаний, которые заставляли их садиться в седло - охотой, в том числе и с ловчими птицами, и подготовкой к будущим турнирным боям в виде, например, упражнений у столба с чучелом для отработки удара копьем. Существовали также и вполне реальные социальные и политические причины, лежавшие в основе той моды, которая вдохновляла этих юношей также тратить деньги - в свое время, разумеется, - на собственную экипировку, покупку коней и вооружения для турниров (а также на пышные празднества и процессии, которыми сопровождались подобные события), ибо не было лучшего способа научить молодых рыцарей - за их собственный счет или за счет их родственников - управлять боевым конем, владеть оружием и сражаться в полных боевых доспехах, что сопровождалось, правда, риском получить ранение или сломать конечность, но также - поздравле-

ниями приятелей и танцами с хорошенькими девушками. Собственно, весь круг обязанностей «благородного» образа жизни и деятельности был связан с некими «взносами» в копилку таких ценностей, как военная служба. Это стоило усилий и правителя, и всего общества, старавшихся воспитывать и поощрять в представителях знати высокую самооценку, для которой именно стиль жизни служил внешним, видимым символом.

Однако же процесс обучения - в широком смысле этого слова - на этом отнюдь не кончался. В армии воин, имевший опыт боя в конном строю и познавший все трудности военной службы, ценился в два раза выше тех, у кого за плечами были всего лишь парадные выходы, турниры, да военно-аристократическое воспитание. Все средневековые армии вплоть до середины XV века были войском временным, набранным на ограниченный срок, и чем сильнее в войске была закваска из действительно опытных бойцов, тем лучше - как для командира, так и для боевых товарищей этих ветеранов. Желание побудить честолюбивых молодых людей из хороших семей искать военного опыта в заморских странах и дальних странствиях, а также - привлечь к этому внимание общества, было в данных обстоятельствах совершенно понятной и весьма разумной реакцией со стороны светской власти, не говоря уж о том, что подобное поведение рыцарства вполне соответствовало традициям. Именно в этот период становится весьма заметно, как две, с первого взгляда противоречивые, темы в культе странствующего рыцаря - идеал служения своему господину и идеал личного стремления идти навстречу испытаниям в предприимчивости, храбрости и выносливости - приходят к общему знаменателю и гармонизируются. Потребности военной службы требовали личного стремления к странствиям и поискам приключений, что, в свою очередь, получало законное признание от тех представителей власти и высшей знати, которым требовалась такая служба и которые предлагали для нее определенные возможности. Эти социальные факторы и силы поддерживали средневековый культ родовитого воина и оправдывали его поиски приключений на войне как в глазах са-

мого Господа Бога, так и в глазах сеньора, а также возлюбленной, ибо такова уж была его военная профессия. Именно поэтому рыцарь, одновременно посвятивший себя всем трем формам служения, был непревзойденным образцом для богатой рыцарской литературы. Это также являлось причиной того, почему богатые покровители готовы были снаряжать рыцарей в далекие экспедиции - в Пруссию, например, или куда-то еще. Это опять же повышало как значимость рыцарской службы, так и без того высокую общественную репутацию рыцарства.

*к "к -к

Однако нельзя не отметить одну весьма реальную опасность, проистекающую из такого положения вещей. Одно дело вдохновлять рыцарей на индивидуальные поиски приключений, но совсем другое - и потенциально чрезвычайно трудное - как-то их контролировать. Конрад фон Мегенберг заставлял знатных молодых людей в Германии, если они были бедны, искать счастья и чинов на военной службе в Италии, чтобы иметь возможность поддерживать соответствующий благородному сословию образ жизни.^{2®} Герольд Гельдерн высказывался о войнах в Ломбардии как о «школе войны»²⁹ (те же слова, следует отметить, часто использовались применительно к турнирам). Ну что ж, тем лучше: вот вам и школа! Поиски приключений в Италии в качестве странствующих рыцарей непременно должны были бы сделать этих молодых дворян куда более опытными воинами, так что по возвращении домой их за эти скитания следовало исключительно восхвалять. Однако же с точки зрения итальянцев, все выглядело совсем иначе: для них эти иностранные авантюристы были хуже чумы. Саккетти рассказывает весьма поучительную историю о том, как великий английский кондотьер сэра Джон Хоквуд^{2*} однажды встретился у ворот Монтекио с двумя монахами, которые пожелали ему мира. «Да отведет Господь ваши молитвы, - таков был его ответ на это благословение. - Неужели вы не знаете, что именно война дает мне средства к

существованию, тогда как мир грозит мне полным разорением?» «Что ж, - подолжает далее рассказчик, - дела у него шли очень хорошо, ибо в те времена войны почти не прекращались.»³⁰ Хоквуд и его люди были сущим наказанием для тех земель, в которых они воевали; и это такие, как он, заставили его современника, юриста Бартоломео ди Саличето презрительно воскликнуть: «Что сказать об этих бандитах, поистине наводнивших наши города? У меня нет сомнений в том, что я назвал их правильно, ибо они настоящие разбойники... и как разбойники должны быть наказаны за все те преступления, которые совершили.»³¹ Школа войны и рыцарских приключений могла, по всей видимости, легко - и даже слишком легко! - превратиться в школу разбоя.

Таким образом мы подходим к следующему вопросу, над которым нам теперь придется поразмыслить. Как в умах современников культ странствующего рыцаря уживался с пониманием того, какие ужасы и преступления могут быть связаны с действиями таких рыцарей по отношению к мирным жителям? Опустошенные земли, беспорядки в обществе - вот что следовало всего лишь за прохождением средневековой армии по той или иной территории, и этому имеется немало свидетельств в письменных источниках. Причем описания эти вряд ли страдают преувеличениями, даже если авторы воспринимают ущерб, нанесенный войной, как фактор чрезвычайной социальной и экономической важности, и сравнивают его как минимум с эпидемией чумы. Описание французским хронистом Тома Базеном тех земель, где происходили основные сражения во время англо-французских войн XV века, возможно и носит слегка преувеличенный характер, однако в качестве яркого свидетельства последствий войны безусловно заслуживает того, чтобы его процитировать:

- Я собственными глазами видел огромные равнины Шампани, Боса, Бри, Гатине, окрестностей Шартра и Дре, провинции Мен, Перш и Вексен, французские и нормандские земли, Бовэ, Ко, что в Нормандии, и земли от Сены до Амьена и Аббвиля, земли вокруг Санлиса, Суассона и Валуа вплоть до Лаона, и даже Геннегау совершенно пустынными, забро-

шенными, заросшими чертополохом и сорным кустарником, а там, где еще способны были расти деревья, быстро зарастающими лесом.³²

?Кан де Бюэй, изображая себя молодым рыцарем, который скачет верхом по этим самым опустошенным войной землям в самый разгар сражений, тоже упоминает о «заброшенных и опустелых» полях в сельской местности, где хижины крестьян подобны «скорее логовищам диких зверей, чем жилищам человека», и самое лучшее жилье, сколько-нибудь достойное человека знатного, какое только можно найти, оказывается укрепленным поместьем обедневшего феодала.³³ Столь печальные социальные и экономические последствия войн, покрывших шрамами всю страну, и подвигнули Филиппа де Мезьера на изображение в виде аллегорического сада Нимрода, «ужасного и опасного сада войны». Он изобразил этот «сад» как некую бесплодную пустыню, в центре которой расположены развалины старинного дворца, лишенного крыши, а сама она населена алчущими крови пиявками и гигантской саранчой.³⁴ Последствия прохождения по территории той или иной страны войск под командованием такого героя, как Хоквуд, или тех «вольных отрядов» наемников, в которых Хоквуд и постигал воинское искусство, или же *Ecorcheurs* (букв. «живодеров», т.е. «бургиньонов») XV века, действительно напоминали налеты саранчи. Такие армии до нитки обчищали окрестные территории, и любые человеческие законы оказывались перед ними бессильны.³⁵

Существовало немало причин, по которым взять под контроль подобные ситуации было очень трудно; я назову две основных. Первая связана с уже знакомой нам проблемой затрат на ведение войны. Если учесть, сколь дорого это стоило, а также то, что чаще всего у правителей не было иного выбора, как переложить часть расходов - на экипировку и обучение - на плечи самих рыцарей, то вполне естественно возникла традиция, согласно которой военные трофеи, или по крайней мере львиная их доля, доставались победителям (действовавшим либо по отдельности, либо целыми отрядами). Этот обычай практически не подвергался сомнению и воспринимался как справедливая компенсация за риск, которому эти воины подвергались, и как возме-

щение тех расходов, которые они понесли, готовясь к войне. Само собой разумелось, чтобы именно они и получили преимущественные права при дележе добычи.³⁶ От восприятия военных трофеев как компенсации за риск до стремления к откровенному мародерству был, как оказалось, совсем крошечный шаг, к тому же, представлявшийся вполне естественным - особенно для почти нищего и не слишком знатного воина, который мечтал как-то поддерживать тот образ жизни, которого требовала его принадлежность к благородному сословию. Филипп де Мезьер очень уверенно попал «не в бровь, а в глаз», когда указал на в высшей степени двойственное положение таких людей, а именно - «вторых, третьих и так далее сыновей в семействе, которые практически не имели (или имели крайне малые) доли в наследстве и которых именно нужда толкала на участие в несправедливых и захватнических войнах; только так они обретали возможность поддерживать тот образ жизни, который соответствовал их сословному положению, ибо не знали иной профессии, кроме военной; и во время войн они совершали столь много злодеяний, что было бы просто страшно рассказывать о бесконечных грабежах и прочих преступлениях, которые держали в страхе несчастное население этих стран».³⁷ Тем, кто не имел поместья, о котором необходимо заботиться, эта традиция тоже казалась достаточно привлекательной; для них война тоже предоставляла возможность службы, а военные трофеи и награбленное добро могли открыть путь к быстрому обогащению и, может быть, даже к повышению своего социального статуса. Каталанские *almogarves* (наемники), которые под предводительством Роджера Флора (Роже де Флора)^{3*} завоевали Фракию в первые годы XIV века, были по большей части совсем не знатными людьми; однако довольно многие из них добыли себе и титулы, и поместья благодаря своим боевым качествам и в итоге стали править на землях тех, кого обездолили.³⁸

Вторая причина, по которой мародерство и грабежи было так трудно взять под контроль, имела (как и первая) самое непосредственное отношение к огромной стоимости войн, а также - соблазну наживы. Правители находили даже весьма привлекательным использование

наемников, не имеющих корней, ибо в таком случае их (правителей) обязанности перед таким войском кончались сразу после расплаты, то есть как только кончалась и сама военная кампания. Ну а наемников подобные условия привлекали тем, что в перспективе их ожидало не только вознаграждение за службу но и военные трофеи, а также иные преимущества, хотя, возможно, и менее ощутимые материально - те почести, что были связаны с их принадлежностью к уважаемой профессии воина, а также, например, возможность «красиво» проиграть в карты или пропить кое-что из неожиданно приваливших богатств. В эпоху, когда даже не подвергалось сомнению право различных правителей и представителей высшей знати - герцогов, графов, баронов - а также крупных городов использовать войны для решения территориальных и династических споров, не было недостатка и в потенциальных нанимателях для таких воинов (или же для молодых странствующих рыцарей, желавших приобрести соответствующий профессиональный опыт). Многочисленные независимые правители только и мечтали взять друг друга за горло, и это действительно было одной из отличительных черт данного периода. В таких спорах стороны вряд ли были способны воздержаться от использования наемников. Так что постоянное пополнение рядов вооруженных воинов породило, так сказать, и неестественно большой спрос на них, а потому численность их все увеличивалась, а постоянные поиски ими мест профессионального приложения своих сил все сильнее отрывали их от родных корней и усиливали их материальную зависимость от военных трофеев и грабежей. Каталанский отряд Роджера Флора был создан во время Сицилийских войн, после так называемой Сицилийской вечерни, когда правители Арагона вели спор с анжуйскими правителями Неаполя из-за острова Сицилия. Армия наемников после окончания этой кампании продвинулась дальше на восток в поисках новых кредитоспособных нанимателей; в итоге, когда больше никто не пожелал им платить столько, сколько они требовали, они захватили Фракию. Знаменитый «Белый отряд» Хоквуда начал свое существование как обычный отряд наемников, которые после того, как англо-французские вой-

ны в 1360 г. временно закончились перемирием в Бретиньи, покинули Францию и (после грабежей, учиненных вместе с другими представителями воинства, в папских владениях в Комтат-Венессен) принялись искать нового приложения своих сил в Италии. Войны между правителями разных стран собирали вместе целые армии наемников, и во время войны их деятельность была окутана показным блеском рыцарского великолепия. Одно из свидетельств тому - красочно описанные Фруассаром приключения таких лишенных корней вольных наемников, как Перро ле Беарнуа, Мериго Марше и Раммоне де Л'Эпе. Во время войны рыцари, подобные этим, смешивались со стоявшими выше них по социальному статусу вассалами своего нанимателя и его родственниками, а довольно многие даже умудрялись навсегда сохранить за собой постоянное место у него на службе. По большей части правители рассчитывали расплатиться с наемниками только после окончания войны, но главная беда заключалась в том, что расплатиться с наемным войском и распустить его - это совсем не одно и то же. Тем более что экипировка была собственностью воинов. Так что правителям приходилось оставить все как есть, и армии наемников практически выходили из-под контроля нанимавшего их ранее правителя, подвергая грабежам целые провинции; в этом к рыцарям стремилась присоединиться и солдатня, чей образ жизни был полнейшей антитезой тому, за что, собственно, ратовало настоящее рыцарство - добродетельной жизни и защите слабых, сирот, вдов и бедняков.

Однако на данной стадии недостаточно было бы просто назвать подобное поведение антитезой истинному рыцарству. Сложностей в эту проблему добавляла уже сама по себе идеалистическая рыцарская этика с ее подчеркнутым честолубием, которое следовало проявлять в личных благородных подвигах и поисках приключений, поскольку уже сама военная профессия изначально считалась благородной. Состав «вольных отрядов» был безусловно очень разнороден в социальном плане, однако совершенно не случайно их предводители по большей части происходили из мелкой знати. И если положиться на результаты сделанного Шаффером анализа социальных корней германских

отрядов в Италии в XIV веке, то и там среди наемных воинов действовало очень и очень немало представителей мелкой знати.³⁹ Да и в любом случае было бы заблуждением предполагать, что привычка профессиональных наемников к грабёжам могла служить препятствием для приема их на службу. 1 акие экспедиции, как великий chevauchee (поход) Черного Принца по всему Лангедоку в 1355 г., в числе основных целей имели и опустошение территории противника огнем и мечом и, разумеется, добычу военных трофеев (то есть мародерство и грабежи).⁴⁰ В теории действительно обычно проводилась некая разделительная черта между рыцарями и прочей знатью, ибо рыцари верой и правдой служили своим сеньорам и сражались на войне за них и во имя славы, и теми наемниками, которые участвовали в сражениях на чьей угодно стороне, а точнее, на стороне тех, кто им платит, и для которых одним из наиболее привлекательных моментов их службы были военные трофеи. Ничего нового в подобном разграничении не дало и позднее средневековье; граница между этими двумя типами воинов была четко установлена еще в XII веке, когда многие страны Европы впервые пробовали использовать достаточно крупные отряды профессиональных наемников, лишенных корней - например, внушавших всем ужас «брабансонов» (жителей Брабанта), которых Генрих II Английский использовал во время своих кампаний.⁴¹ Однако же на практике различия между странствующими рыцарями и воинами-наемниками установить было порой очень трудно.

Основной причиной было то, что военные трофеи были ничуть не менее привлекательной целью для «истинных» рыцарей, чем для наемников. Когда английский археолог Аиланд писал об усадьбе сэра Уильяма Беркли в Биверстоуне - что она, дескать, построена благодаря выкупам, полученным от пленных, захваченных его прадедом в битве при Пуатье, - или о замке Эмптхилл, который был построен за счет военных трофеев, завоеванных лордом Фэнхоупом во Франции, он, в сущности, рассказывал о том, как обогащались представители знатных семейств за счет военных трофеев и выкупов, а отнюдь не по причине социального возвышения.⁴² Соглашение, заключенное в 1421 г. между

двумя английскими оруженосцами Джоном Уинтером и Николасом Молино - оставаться братьями по оружию во время войн с Францией, а военные трофеи объединить, доставить домой и вложить в покупку земли и усадеб, - прекрасный пример того, как два человека точно рассчитали, какую социальную и экономическую выгоду получают в результате верной и достойной службы своему сюзерену. Такая служба безусловно отличалась от службы наемником в обычном смысле этого слова и действительно охотно поощрялась всеми без исключения правителями.⁴³ Однако правители вряд ли могли бы поощрять одних своих воинов и не поощрять других только по той причине, что последними руководили более «низкие», корыстные мотивы. Подобные моральные критерии в реальной жизни учитывать было просто нельзя. А потому и столь сложно было провести сколько-нибудь отчетливую границу между людьми «благородными» и наемниками.

Впрочем, в случае крайних проявлений граница эта, разумеется, была видна достаточно хорошо. За какие бы прегрешения Черный Принц ни был ответственен во время своих кампаний, немыслимо было бы называть его наемником. И, каковы бы ни были его корни (а корни эти были весьма благородны, и он был из весьма знатного семейства), однако «наемник» - чуть ли не лествичное название для таких, как Мериго Марше, который заявил Парижскому суду, приговорившему его к смерти за грабежи и военные преступления, что он схоронил свои сокровища под берегом реки Ванв в таком месте, которого никто кроме него самого и его жены найти не сможет. Это скорее напоминает жизнь настоящих пиратов более позднего периода.⁴⁴ Ну а в общем, упомянутые различия казались практически размытыми. Сравним, например, Хоквуда и Дю Геклена. Хоквуда помнят как жестокого и удачливого наемника, каковым он, в сущности, и являлся. Имя Дю Геклена славится как имя великого французского воина и патриота, «десятого» в списке Девяти Героев (или «Бесстрашных»). Однако же среди современников Хоквуд пользовался значительно более высокой репутацией, чем обычный наемник. Когда в 1394 г. он умер, благодарные флорентийцы похоронили своего гене-

рала-капитана под изысканным мраморным надгробием в кафедральном соборе Флоренции.⁴⁵ Примерно сто лет спустя английский первпечатник Уильям Кэкстон называл его одним из тех рыцарей прошлого, чьи благородные подвиги современники с полным основанием и пользой для себя могли считать примером.⁴⁶ И напротив, в случае с Дю Гекленом весьма сложно отделить его, человека, ставшего великим Коннетаблем Франции, от того сброда из числа наемников, которыми так часто являлись его товарищи по оружию. Именно во время своей военной экспедиции в Испанию в 1365-1366 гг. Дю Геклен окончательно подтвердил свою славную репутацию в качестве командующего армией, в которой состояло немало весьма кровожадных наемников из числа любителей легкой наживы, вольные отряды которых множились тогда во Франции, то есть людей примерно того же пошиба, что головорезы Хоквуда, которых тот привел в Италию несколькими годами раньше. Кювелье, биограф Дю Геклена, хотя и постарался изобразить его как идеал странствующего рыцаря, преданного Господу и своей стране, был слишком проницательным наблюдателем, чтобы полностью скрыть истинные черты того мира, в рамках которого существовал его герой, и в итоге набрел на множество весьма противоречивых историй об этом великом человеке и его боевых товарищах. Прекрасным примером одной из них является следующая: Дю Геклен уселся обедать с группой *routier*, которых он надеялся убедить присоединиться к нему во время похода в Испанию под знаменами Генриха Трастамарского (графа Энрике де Трастамара), бастарда и претендента на кастильский трон. «Какое отличное вино, - заметил Бертран (дю Геклен). - И какова же была его цена?» «Вряд ли я смогу вам ответить на этот вопрос, - сказал главный из его гостей. - Дело в том, что торговца вином уже не было в живых, когда мы у него это вино

47

взяли».

Вот вам и «Десятый Герой», да еще и в такой поистине сомнительной компании. Вряд ли менее выразительна сцена, описанная другим автором, современником первого, который видел, как английский рыцарь сэра Джон Харлестон и несколько *routier* сидели большой

компанией и пили вино из серебряных чаш, которые украли в церквях.⁴⁸ Итак, нам явно советуют держать ухо востро в том, что касается звучных репутаций и сочинения современных мифов, а также напоминают, что если немножко соскрести яркие краски с портрета странствующего рыцаря, то под этим слоем - и даже, пожалуй, чересчур часто - обнаружится совсем иной лик. И это самое серьезное основание для того, чтобы задать вопрос: так не стал ли культ рыцарства в позднее средневековье сплошным притворством, золоченой мишурой, скрывавшей безобразие войн и политических раздоров и позволявшей знати прятать под показным блеском те преступные деяния, которые составляли основу благополучия не только наемников, но - и тоже, к сожалению, достаточно часто - более благородных представителей высшего сословия? Беда заключалась в том, что не существовало способов обеспечить для одного типа этих людей законную службу и при этом не оказать поддержки (а то и продвижения по службе) второму типу, тем самым невольно поощряя его преступные выходки. Поскольку правителям нужна была армия, они предпочитали, чтобы общество само заботилось об этом, а потому чаще всего оставляли до окончательного и недоступного взору смертных Божьего суда решение вопроса об отделении козлий от агнцев.

Таким образом, проблему соотношения культа странствующего рыцаря с пониманием современниками всех тех бед, которые деятельность воюющих людей, в том числе и странствующих рыцарей, приносила обществу, всячески старались обойти. Считалось, что было всего несколько рыцарей, которых, судя по их деяниям и карьерам, можно было считать почти идеальными и вполне соответствующими литературным образцам, а также было и некоторое количество таких, кого обычно в литературных произведениях именовали «черными рыцарями» и кому в итоге обычно доставалось по заслугам, однако в реальной действительности практически невозможно оказалось отличить одних от других. Ничего особенно удивительного в этом нет: такова вечная судьба многоликих человеческих идеалов, которые создают столько же проблем, сколько и разрешают; и говорить, что рыцарство совершало

те или иные некрасивые проступки - вовсе не значит его обвинять; подобная двойственность - постоянная черта любой общечеловеческой ситуации. Всем нам, в конце концов, приходится испытывать на себе воздействие того напряжения и тех противоречий, которые порождены современными идеологиями. И тем не менее, поскольку названная конкретная проблема была отмечена и самими авторами позднего средневековья, ее необходимо рассмотреть более внимательно. То есть прежде всего обратить внимание на реакцию тех, кто понимал всю сложность подобного противоречия, кто отчетливо видел, что рыцари и знать столь же часто оказывались ответственны за различные преступления, как и обычные наемники, и кто открыто осуждал ту ситуацию, при которой «человек, который не знает, как устроить пожар, ограбить церковь, лишит всех прав и посадить в тюрьму священнослужителя, для участия в войне совершенно не годится».

1 ак подрывали ли подобные явления веру в рыцарскую этику у тех, кто действительно становился свидетелем подобных преступлений, вызывавших ужас у населения, и если при этом их вера оставалась непоколебимой, то как это могло произойти?

*К К -К

Критики говорили прямо, не выбирая выражений. Они не просто нападали на рыцарство и знать за участие в чудовищных грабежах во время военных действий; они яростно порицали рыцарей за полное несоблюдение той аскетичной дисциплины и тех законов, которые, как считали эти критики, были свойственны лучшим традициям рыцарства былых времен. Они также обвиняли рыцарство в отступлении от истинно благородного образа жизни, в излишней экстравагантности, в невежественности, в суетности и тщеславии, в любви к роскоши и в постоянных судорожных поисках средств для покрытия чрезмерных и зачастую бессмысленных расходов.⁵⁰ Нападки критики были весьма страстными и нередко воспринимались как ниспровержение рыцарского идеала, как симптом того пути, на котором проявления необуздан-

ности в среде рыцарства вели к постепенной потере доверия к рыцарской системе ценностей.

При более внимательном рассмотрении, впрочем, это воспринимается несколько иначе. Во-первых, ничего нового к концу средних веков в подобных обвинениях не было: они были столь же стары, как и само рыцарство. Еще в XII веке, как мы знаем, Ордрик Виталий, Вильгельм Тирский и Петр Блуаский жаловались, что рыцари утратили былой пыл и мужество в угоду пустой моде.⁵¹ Св. Бернар играет на той же струне, противопоставляя светское рыцарство с его золотыми шпорами, прихотливо украшенными щитами и экстравагантными нарядами - рассчитанными скорее на то, чтобы произвести впечатление на дам, чем на то, чтобы вселить страх в сердца врагов, - мужественному и аскетичному идеализму тамплиеров.⁵² И не только великие клирики в те давние времена подобным образом критиковали рыцарство. Например, Гирар де Борнель, провансальский трубадур и человек совершенно иного склада и устремлений, так же весьма живо комментирует в начале XIII века любовь рыцарей к грабёжам, недостойную самого звания «рыцарь»: «Я нередко на турнирах встречал баронов в великолепных доспехах и сам слышал, как они - порой в течение нескольких дней - вспоминали о тех, кто нанес самый замечательный удар. Ныне же наибольших почестей удостоивается тот, кто ворует скотину, овец и бьжов, или же грабит церкви и путников на большой дороге. Позор тому, кто сперва угоняет овец, грабит храмы и путешественников, а потом красуется перед своей дамой сердца!»⁵³ Действительно, тема, лежавшая в основе многих ранних рыцарских романов - это борьба истинного рыцарства против рыцарства ненастоящего, фальшивого, то есть тех «черных рыцарей», которые представляют собой «позолоченную» литературную версию баронов-разбойников из вполне реальной жизни и которых благородные герои стремятся непременно сокрушить и уничтожить. Критики позднего средневековья отнюдь не поднимали новой темы, но заостряли старую, ибо рыцарство и само всегда сознавало, что необходимо вести борьбу с теми, кто искажает его

истинное лицо. И такая борьба - действительно неотъемлемая часть рыцарских идеалов.

Решение проблемы рыцарских буйств и преступлений в позднее средневековье, как и сам «диагноз» этого явления, новизной не отличалось, хотя незадолго до конца средних веков в этом решении появилось кое-что новое. Новшество заключалось не в отказе от рыцарской системы ценностей, а в ином восприятии такой традиционно рыцарской добродетели, как верное и преданное служение своему господину, о котором так много уже было сказано в этой главе и которое исходно лежало в основе рыцарской этики. 1 аким образом, тогдашние критики, по всей видимости, противопоставляли - и вполне знакомым нам образом - отступничество от рыцарской системы ценностей и склонность к грабегам и роскоши, дисциплинированности и богопочтению героев былых дней. Эташ Дешан призывает воскресить рыцарские поединки как способ воспитания мужества и обучения военному искусству и настаивает на том, что всякий достойный мужчина должен следовать примеру античных героев. Жан Жерсон призывает брать пример с Людовика Святого и римлян. Ален Шартье также предлагает оглянуться на прошлое и обвиняет современное ему рыцарство в выражениях, которые даже слишком нам знакомы: «... в нашем королевстве жалование платят за участие не в сражениях, а в грабежах».⁵⁴ Особенно эта новая тональность заметна в связи со все более пристальным вниманием к определению истинной верности как верности своему законному сюзеру, власть которого есть общее благо всех его подчиненных. Подобное определение верности церковь и ее воинство, участники крестовых походов, особо подчеркивали и включали в список основных добродетелей рыцарства; еще важнее то, что такое определение все более заметно исключало не только «маленькие» войны правителей небольших государств, но и - постепенно - все войны вообще, за исключением самых крупных и «справедливых». Это отчетливо отражено в трудах таких великих юристов, как Бартоло и Джон из Леньяно (Джованни ди Леньяно), которые утверждали, что ни один человек не имеет права брать в руки оружие за исключением

тех случаев, когда он участвует в войне справедливой, а из категории «справедливых войн» они исключали любые межоусобицы, а также войны, развязанные против тех сеньоров, власть которых меньше власти законного правителя страны.⁵⁵ Это утверждение опять же можно встретить в работах такого знаменитого клирика-полемиста, как Альваро Пелайо, который в начале XIV века яростно обрушивается на рыцарство за то, что оно готово пойти войной даже на правителя своей страны; за то, что рыцари зачастую готовы покинуть поле боя, бросив своего господина на произвол судьбы и предав данную ему клятву смело идти навстречу смерти во имя общего блага; за то, что рыцари сражаются не во имя Господа и общего блага, а во имя наживы и собственных корыстных интересов, не имея на то разрешения своего верховного правителя.⁵⁶ Начинает также доминировать мнение о том, что воин, если он хочет получить определенные привилегии победителя (в том числе и право на часть военных трофеев и выкупов), должен непременно состоять в официальных армейских списках тех, кому выплачивается жалованье, или же по крайней мере в официальном именном списке.⁵⁷ Очень важным представляется вывод каноника XIV века Боне, сделанный им в книге «Древо битв», которая была очень популярна среди рыцарей и считалась весьма авторитетной в том, что касалось законов войны. Вывод этот таков: «он (солдат, воин) совершает все свои поступки как представитель своего короля со

или того господина, у которого состоит на жаловании», то есть как слуга правителя. Эта мысль аналогична мнению Бартоло и многих других, которое мы рассматривали ранее, о том, что именно правитель страны является для рыцарства «источником» всех почестей, и именно от его признания зависит аноблирование, и именно служение ему, а также «всеобщему благу» есть самый лучший путь для воина к славе, почестям и знатности. Допустимая же сфера деятельности странствующих рыцарей, желающих заслужить законные почести и признание общества, становится постепенно все более узкой.

Та же тема в весьма сходном контексте, но при еще большем внимании к классическим примерам, отражена в различных наставле-

ниях и «зерцалах» для юных принцев и прочих отпрысков знатных семейств; здесь особо подчеркивается такой общественный долг рыцарства, как верная служба своему королю, в отличие от того, как это преподносится в легендах о короле Артуре, где достаточно силен индивидуалистский дух. Например, весьма часто переписывался и включался в различные геральдические сборники XV века текст вымышленных дебатов между «тремя рыцарственными правителями» - Ганнибалом, Александром и Сципионом Африканским - которые обратились к Миносу, судье подземного мира, с просьбой рассудить, кто более других достоин «мирских почестей за совершенные им рыцарские подвиги». После долгих дебатов Минос присудил это право Сципиону, который, после перечисления всех своих достижений, совершенных еще в молодости, и всех своих высших должностей - военачальника и консула - закончил свою речь следующими словами: «Перечисление моих деяний ни в коей мере не связано с желанием затмить славу остальных; я взял на себя труд сделать это, исключительно

59

желая еще раз поддержать и укрепить почетное звание римлянина»/ В этой работе есть не совсем искренняя насмешка по поводу тщеславного стремления к мирским почестям, которое, в сущности, и руководило действиями Ганнибала и Александра, а затем послужило и основной причиной их гибели; подобное тщеславие критики часто называли одним из главных пороков рыцарства. Общая мораль ясна, и ее основной акцент делается на ценности служения королю и обществу, а целью этого служения предстает не личная слава, а слава и счастье всего народа.

Впрочем, нам в очередной раз следует проявить осторожность и не интерпретировать эти слова как некое обязательное требование, противоречащее традиционному индивидуализму рыцарства. Даже в этом вымышленном споре трех «рыцарственных» правителей содержится подобный намек, по крайней мере во французской версии, основанной на латинском оригинале Буонсиньори из Сиены; в предисловии переводчик признается, что несколько развил эту тему, потому что «так приятно хвалить благородные деяния и подвиги рыцарей»⁶⁰ - весьма

индивидуалистический способ введения в текст столь антииндивидуалистического примера. Две эти темы - рыцарского индивидуализма и рыцарского служения обществу - появляются в сочетании друг с другом и в других контекстах, и некоторые из них очень важны. Рыцарские поединки часто критиковали за то, что по сути своей они являлись всего лишь тщеславным стремлением к почестям и мирской славе. Однако их можно было воспринимать и совсем иначе, даже если смотреть с высокой колокольни тех, кто горячо защищал требования всеобщего благоденствия. Кристина Пизанская в 1412 г. советовала, чтобы для обеспечения необходимой выучки, готовясь к возобновлению войн с Англией, французская знать непременно участвовала в рыцарских турнирах и поединках, которые, согласно ее мнению, следовало проводить в каждой диоцезе Франции два-три раза в год, а расходы на них покрывать за счет особого королевского налога.⁶¹ Примерно такой же совет дал Уильям Кэкстон королю Англии Ричарду III: - ...чтобы дважды или трижды, или хотя бы один раз в год он велел бы глашатаям возвещать начало мирных рыцарских поединков, для участия в которых каждый рыцарь обязан был бы иметь коня и сбрую, а также обладать воинскими умениями и навыками. Гакже следовало устраивать турниры, где участники сражались бы один на один или двое на двое, и лучший получал бы в награду бриллиант или иной драгоценный камень, какой ему захочет подарить правитель. Это помогло бы дворянству вернуть старые добрые рыцарские традиции, былую славу и почести, а также повысило бы их готовность всегда служить своему господину, когда он призовет их или у него возникнет в них нужда.⁶²

Здесь бриллиант - награда за личную доблесть - элегантно вставлен в схему, общая цель которой - служение обществу. Сходные интонации имеет и классическое замечание Оливье де Ла Марша относительно знати:

Это требуется в первую очередь от тех, кто занимает высокие должности при правителе... а также, если слуга этого правителя или кто-либо

другой вел достойную жизнь и этот правитель возвел бы его в звание рыцаря, сделав таким образом знатным человеком не только его самого, но и его потомство... Ну и, разумеется, если ты следуешь военной профессии и всем сердцем предан своему господину, ибо верность возвышает человека.⁶³

И здесь тоже, что совершенно очевидно, верная служба и выдающиеся личные достоинства сочетаются в высшей степени гармонично, являясь частью некой общей схемы. Уставы некоторых светских рыцарских орденов еще более явственно подчеркивают это. С одной стороны, эти ордена заботятся об увеличении числа своих членов, носящих те же орденские знаки и прославившихся своими ратными подвигами, и о занесении их имен (?) в «книги рыцарских приключений», где описаны все великие деяния членов ордена в качестве странствующих рыцарей; с другой стороны, члены таких орденов связывают себя друг с другом торжественной клятвой, обещая хранить верность главе ордена и его потомкам.⁶⁴ Здесь мы видим как раз ту самую экстравагантность, в связи с которой рыцарство обвиняли в отрыве от реальной действительности, а также в индивидуализме, неуправляемости и буйстве, направляемых в данном случае на то, чтобы действовать исключительно на пользу своему сюзерену. Если упор на несение верной службы сюзерену и начинает в позднее средневековье приобретать несколько иной оттенок в рыцарской литературе и культуре в целом, то это самым непосредственным образом связано с решением насущных социальных проблем, порождаемых местными войнами, и происходит, как мы теперь понимаем, вовсе не за счет подавления традиционного рыцарского индивидуализма, но, скорее, имеет тенденцию сохранить с ним гармоничную связь.

Ничего удивительного в этом нет. Существование странствующих рыцарей имело, как это уже ясно нам, вполне определенный смысл и было даже полезно для правителей до тех пор, пока в таких рыцарях имелась нужда и пока можно было перекладывать на их плечи (как и на плечи всей знати) часть расходов на воинскую службу в виде

стоимости их экипировки и обучения. А если правители действительно желали, чтобы им верно служили, то это требовало - при тогдашних социальных и политических условиях - особого, уважительного отношения к странствующим рыцарям-одиночкам (такого же, как к славным героям прошлого); что, в свою очередь, означало поощрительное отношение к тем представителям благородного сословия, которые обладали особыми достоинствами и добродетелями, соответствующими идеалам аристократического воинства, а именно: щедростью, мужеством, куртуазностью и искусством верховой езды. Вечное соревнование между дворами высшей знати, являвшимися в те времена средоточием политической жизни, еще более способствовало развитию некой экстравагантной моды, соответствовавшей вкусам богатых сеньоров, которым рыцарство стремилось служить и верность которой оно стремилось всячески подчеркнуть. Именно поэтому правители и представители высшей знати были готовы - а порой даже весьма этого желали! - платить (хотя бы отчасти) по счетам за эту экстравагантность.

Вера в старинную рыцарскую систему ценностей вовсе не была утрачена; даже те современники, которые открыто порицали преступления отдельных рыцарей во время войны, совершенно не настаивали на отказе от рыцарского образа жизни, хотя и зывали к примерам рыцарского прошлого, предлагая некую реформуляцию этого сословия. Герольды и их покровители также старательно возвеличивали героическое прошлое рыцарства. Возрождение истинного рыцарства, всецело посвятившего себя своей традиционной задаче - защите слабых и борьбе за всеобщее благо, - все еще представлялось наиболее действенным способом борьбы с теми, кто, исповедуя фальшивую систему рыцарских ценностей, превращался из отпрысков обедневших знатных родов в «вольных» разбойников или грабителей и старался локтями растолкать всех на своем пути, желая попасть в мир истинной аристократии. И если призыв этот зачастую не был услышан, то не потому, что люди не способны были противостоять трудностям жизни, а по причине куда более простой. Единственное, что удалось критикам сделать с помощью своих призывов брать пример с героев прошлого, и

псе, что смогли сделать те, кто возвеличивал героев былых лет с помощью дидактического культа - это побудить рыцарство к активным действиям, тогда как на самом деле нужен был контроль над ним. В том, что я назвал борьбой рыцарства с искажениями его имиджа, то есть нарушение равновесия между очевидной пользой, приносимой рыцарством, и его злоупотреблениями, не могло быть изменено, пока этот контроль не будет осуществляться одновременно с побуждением рыцарства к действиям. Но это начало происходить только во второй половине XV века, а к этому времени и внутренняя, и внешняя сторона рыцарского образа жизни, да и сама сущность рыцарства начали довольно быстро утрачивать свое значение. Парадоксально, но факт, что даже возмущение рыцарства, когда его оскорбляли, служило отчасти источником его жизненной силы. То, что И.Хейзинга назвал грубой действительностью жизни, давало смысл тем действиям рыцарства, которые были направлены на поддержку его собственных идеалов, которые они же и искажали.

Примечания переводчика

* Коль вина крепки нам в тавернах наливают,
И дамы подле нас сидят, на нас взирают,
Улыбчивой красой очей своих сияют,
Роскошеством оджед и персями блистают, -
Задор и смелость враз сердца воспламеняют,
... Иомонт и Агула! ИД нам в руки попадают,
Другие Оливье, Роланда побеждают.
Но ежли мы в бою, и конники мелькают,
Держа в руках щиты, и копыа опускают,
Жестокий хлад и дождь нас до костей пронзают,
И члены все дрожат, и вот уж настигают
Враги со всех сторон и нас одолевают, -
Тогда мы молим: пусть нас своды обступают,
Не кажут никому и ото всех скрывают.
(Цит. по: И.Хейзинга, «Осень средневековья», «Наука», 1988,
пер. Д.В.Сильвестрова)

Джон Хоквуд, по-итальянски Джовапни Акуто («Острый»), 1320-1394, 30 лет командовал в Италии войском наемников, во Франции служил Эдуарду III (в Столетней войне), был возведен в рыцари; после мира Бретиньи командовал отрядом наемников, «Белым отрядом»; в 1372-1378 гг. служил пане; с 1378 г. - генерал-капитан Флоренции.

³" Роджер Флор (Роже де Флора), 1280-1305, военачальник, капитан наемников на службе у византийского императора Андроника II, изгнанный из ордена тамплиеров; затем возглавлял отряд каталанских наемников, далее поступил на службу к королю Сицилии, воевал с турками. Убит по причине собственных невероятных амбиций.

Глава XIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В самом начале книги я достаточно ясно дал понять, что основное внимание будет уделено периоду приблизительно 1100-1500 годов. Но правде сказать, и в начале XVI века еще не слишком заметно было ослабление жизнеспособности рыцарской культуры. Напротив, рыцарство в Англии, на раннем этапе правления Тюдоров, переживало даже нечто вроде «бабьего лета», как писал Фергюсон, да и во Франции в этот период мода на рыцарство тоже пока что процветала.¹ Франциск I пожелал быть посвященным в рыцари самим Баярдом, знаменитым «рыцарем без страха и упрека», а впоследствии и сам Франциск, и его современник английский король Генрих VIII прославились как великие мастера и большие любители рыцарских поединков. Что же касается Германской Империи, то Максимилиан, наследник австрийского престола, женившийся на наследнице престола бургундского, в своей автобиографии вполне сознательно называет себя странствующим рыцарем²; он был еще даже более страстным поклонником и участником турниров, чем Франциск или Генрих. Внук Максимилиана, Филипп II Испанский был героем *pas d'armes*, столь же изысканных и изобретательных, как и любой из подобных бургундских «праздников» XV века.³ Большое место среди ранних печатных изданий занимают рыцарские романы и такие «учебники рыцарства», как трактаты Рамона Ауллия, и в литературе XVI века сохраняется мода на несколько обновленный рыцарский роман типа романов об Амадисе Галльском^{1*}, что свидетельствует о сохранении

достаточной силы и энергии рыцарства и рыцарской культуры и в эпоху Ренессанса, а также моды, установившейся в средние века. Тем не менее, имеются вполне основательные причины считать, что век рыцарства закончился примерно к 1500 году.

Во-первых, к этому времени рыцарству уже не доставало новых сфер деятельности. Словно некая золотиносная жила наконец до такой степени истощилась, что чеканщикам оставалось только переплавлять старые монеты и из них уже чеканить новые. Новые рыцарские ордена (вроде ордена Святого Духа, учрежденного французским королем Генрихом III), конечно же, создавались, но имели старую основу. Участники турнира, который проводился в 1550 г. в Блуа, стремились придерживаться литературной моды и явились на ристалище в костюмах героев произведений таких писателей, как Боярдо и Ариосто^{2*}, но ничего особенно нового в этих нарядах они не делали.⁴ Гораздо более важными, однако, представляются те изменения, которые в XVI веке происходили на более глубоком уровне, внося перемены в те социальные и политические структуры, внутри которых рыцарство процветало в прошлом. Таким образом, в конце средних веков мы наблюдаем не столько упадок рыцарства, сколько, скорее, изменение его внешнего облика - то есть то, к чему нас, собственно, и могло привести «отпущение грехов» рыцарству Сервантесом в его «Доне Кихоте» и его блистательная оценка как достоинств рыцарства, так и его безумств. Те силы, которые в средневековом прошлом дали рыцарству жизнь и стимул к развитию, все еще действовали, однако менялись чисто внешние условия, в которых эти силы находили свое отражение, и старое название - рыцарство - уже не казалось таким удачным. Итак, скорее перемены в рыцарстве, чем его упадок, станут темой этой, завершающей нашу книгу главы.

Рыцарство - термин, которым принято обозначать кодекс чести и культуру воинского сословия, считавшего войну своей основной наследственной профессией; и вот, в начале XVI века эта военная профессия начинает радикальнейшим образом меняться под воздействием весьма важных событий и явлений. С одной стороны, подвергается изменени-

ям система выплаты жалованья за военную службу в связи с существенными переменами в тактике и военной технике, с другой стороны - развиваются и активно функционируют государственные и особенно королевские фискальные органы. Эти явления следует рассматривать исключительно в совокупности, ибо только так они оказались способны обеспечить действительно важные последствия для общественной жизни. По отдельности же и то, и другое безусловно значили бы куда меньше.

Армии конца XV - начала XVI веков стали значительно мощнее по сравнению с серединой XV века, и прежде всего это относится к тем двум основным родам войск, о которых до сих пор было сказано крайне мало (что, я надеюсь, простительно в книге о рыцарстве) - к пехоте и артиллерии. Их удельный вес в армии стал также значительно больше, чем в предшествующий период. Основным элементом в увеличении размеров армий стало увеличение удельного веса пехоты (что само по себе стало следствием развития строевой подготовки и большей координированное™ действий пикинеров, вооруженных длинными пиками, которые могли отражать натиск кавалерии, а также лучников и мушкетеров). В конце правления Карла Смелого, герцога Бургундского, соотношение кавалерии и пехоты в основной тактической единице его армий, известной как «lance» («копье»), было таково: девять пеших воинов (три лучника, три пикинера и три мушкетера) на одного конного.⁵ Сотню лет назад это соотношение было примерно один к одному или даже меньше; самое большее - один к двум. Та армия, которую католические правители Испании направили в 1489 г. против Гранады, насчитывала 40 000 пехотинцев и 13 000 конных воинов (но лишь очень немногие всадники были экипированы должным образом и имели настоящих боевых коней; остальные были *genetaires* (букв. «владельцами мелких лошадей» - И.Т.), то есть испанской легкой кавалерией).⁶ Сходным образом во французских армиях пехота была в конце XV века усилена сперва *francs-archers* (свободными лучниками, т.е. освобожденными от налогов), которых набирали в местных общинах согласно ордонансу Карла VII от

1448 года, а затем - широким использованием отрядов наемников, состоявших из швейцарских и немецких *Lansknecchts*. Новые армии, составленные по такому образцу, были иными, чем старые войска, не только по форме, но и по сути, о чем свидетельствуют комментарии Жана де Бюэя, ветерана Столетней войны, в которых он рассуждает о великой французской армии, собранной для того, чтобы оказать сопротивление нашествию бургундцев в 1471 г.: «Война стала совсем иной. В те дни, когда у тебя под боевыми знаменами собиралось восемьдесят тысяч человек, это считалось очень большой армией; сегодня все по-другому... Что до меня, то я просто не привык видеть такое скопление войск сразу.»⁷

И дело было не только в том, что там присутствовало множество воинов, готовых сражаться в пешем строю. Рыцари прошлых лет также довольно часто сражались не верхом, а в пешем строю, а уж к XV веку выражение «сражаться по-рыцарски» вовсе не обязательно означало «сражаться верхом на коне». «Я видел двух знатных людей, имевших гербы, но сражавшихся в пешем строю, - говорит Оливье де Ла Марш, описывая стычку в Гавре в 1453 г. - Один из них оказался мессиром Жаком де Фукессолем... второй - мессиром Филибером де Жакюкуром, сеньором Вилларну; и эти двое атаковали, как истинные рыцари.»⁸ Различие составляла скорее уж природа новой пехоты и изменившейся роль знати в армии. И швейцарские пехотинцы, и ландскнехты были безусловно профессионалами с таким уровнем подготовки, какого старая пехота, в основном состоявшая (в большей части стран Европы) из рекрутированных горожан, никогда так и не сумела достигнуть. Гочно так же обстояли дела и с пехотой испанских армий, которыми в первый период Итальянских войн с таким мастерством командовал Гонсальво де Кордова. Швейцарские и немецкие наемники, а также местная пехота, которая была их эквивалентом в испанских армиях, а во французских в конце концов полностью их заменила, по большей части состояли не из представителей знати. Капитаны таких отрядов, которым приходилось решать весьма сложную проблему поддержания в них порядка и дисциплины, вполне возможно, все-

таки были людьми знатными, и командование пехотными подразделениями в итоге стало считаться занятием вполне приемлемым и даже почетным для благородного человека. Баярд, Блез де Монлюк и I аспар де Таванн - все они какое-то время служили в пехоте. И все же рядовые пехотинцы по большей части не имели никакого отношения к миру рыцарства; в него были вхожи только офицеры. Так что идеал странствующего рыцаря начал постепенно блекнуть и смешиваться с идеалом «офицера и джентльмена»; то, что служило кодексом чести шевалье, превратилось в кодекс чести всего офицерства. Участь у рыцарства, знать, разумеется, давно уже оказалась подготовленной к этой роли, ибо рыцарь, как и любой воин знатного происхождения, никогда не отправлялся на войну в одиночестве и всегда имел при себе небольшой отряд сопровождения для ухода за его боевыми конями и вооружением (и средневековые рыцари часто сражались в пешем строю, смешавшись с пехотинцами, дабы поднять боевой дух своего отряда - это изначально входило в число обязанностей каждого командира). Тем не менее, между рыцарем и офицером имелись куда большие различия, чем просто обладание титулом. Место службы офицера всегда было определено его командиром куда более четко, как в плане общественного управления, так и боевых действий; кроме того, перед офицером всегда стояла проблема жалованья и обеспечения; да и пост свой офицер занимал в результате назначения, а не по естественному праву. Человек мог по рождению принадлежать к знатному семейству и в этом отношении вполне соответствовать званию рыцаря, однако назначен на должность офицера он мог быть только вышестоящим командиром.

Единственным способом оплатить расходы на содержание более многочисленных армий в конце XV - начале XVI веков было повышение государственного налога, взимаемого правителем. Ничего нового, разумеется, не было ни в том, что за военную службу плагалось платить жалованье, ни в повышении налогов для покрытия расходов на войны - то и другое было свойственно еще XII веку или даже еще более раннему периоду. Зато масштаб военных операций в конце средних

веков оказался совершенно иным, и вот это-то и делало содержание любой достаточно боеспособной армии недоступным ни для одного кошелька, кроме государственного, то есть королевской казны. К тому же привело и развитие артиллерии. Пушки стали использоваться в сражениях еще в середине XIV века, но лишь в XV веке артиллерия стала играть порой действительно важную роль. Так, например, под конец Столетней войны использование пушек во время осады стало решающим фактором. Но самый сильный рывок в своем развитии артиллерия осуществила несколько позже, уже к концу XV века, с появлением полевой артиллерии и все более широким использованием мушкетов пехотинцами. Количество пушек, которые могли понадобиться городу для обороны или правителю (военачальнику) для ведения осады и укомплектования артиллерийского парка своей армии, теперь существенно увеличилось, нарушив все прежние пропорции, и точно так же увеличилась потребность в порохе, пушечных ядрах и картечи, а также - в тягловых животных, способных перевозить тяжеленные пушки на специальных телегах или - уже в самом конце века - на лафетах. Помимо этого, возникла, разумеется, и новая потребность - в людях, которые умеют обращаться с новым оружием. Среди военных наук и искусств появилась новая дисциплина, занимавшаяся главным образом системой размещения артиллерийских орудий, связанных между собой сетью траншей, и, конечно же, определением оптимальных условий и времени для ведения залпового огня по войскам на марше. Эта наука оказалась весьма дорогостоящей. Одно дело, согласно старинному обычаю, рассчитывать, что воин явится в армию полностью экипированным и вооруженным, со своим боевым конем и в доспехах, и совсем другое - новые условия ведения войны, когда конечно же нечего было ожидать, чтобы искусный артиллерист явился служить в армии с собственной пушкой. Подобные издержки были не по карману ни одному частному лицу.

Именно в то время было отмечено, что «не знающая различий смерть, которую несут картечь и пушечные ядра, уничтожила войну как высшую степень воспитания рыцарского характера».⁹ Это не совсем

так - во всяком случае в отношении позднего средневековья. До эпохи активного использования артиллерии английские лучники в битве при Пуатье, а затем при Азенкуре вполне успешно несли «не знающую различий смерть» французским воинам и стреляли с достаточно большого расстояния, после чего на поле боя оставались целые груды трупов¹⁰; так что в том, чтобы погибнуть от неведомо чьей руки, не было абсолютно ничего нового. Рыцарское общество не встретило никаких особых затруднений в том, чтобы найти с артиллерией, так сказать, общий язык. Пушки стали украшать изящной резьбой, гербами, девизами и различными надписями; им давали имена, как некогда мечам, называя их, например, в честь того или иного античного героя - так, две бомбарды Людовика XI звались Ясон и Медея - или же в честь кого-то из великих полководцев недавнего прошлого - например, некоторые из пушек того же Людовика были названы именами Ла Гира, Барбасана и Флави. Знать приняла пушку как символ для своих боевых знаков отличия и рыцарских эмблем; например, великий знаток рыцарства Луи де ла Грютхейзе выбрал для своей личной эмблемы бомбарду с девизом «Plus en vous?» («Еще для вас?»). Такие знаменитые капитаны весьма знатного происхождения, как Жан де Бюэй, стали в итоге считать своей обязанностью разбираться в артиллерии и ее использовании; Жан Бюро, выдающийся французский артиллерист и командир, сперва был аноблирован благодаря своему «мастерству и доблести», а затем и возведен в рыцарство за искусство в использовании пушек.¹¹ Пушки нашли себе местечко и в рыцарской литературе - так, в четвертой книге романа об Амадисе Галльском все время слышится гром артиллерийской канонады на полях сражений в Лизуарде и Перионе.¹² С течением времени, разумеется, подобные попытки соединить рыцарство и артиллерию оказались способны лишь на то, чтобы немного подсластить горькую пилюлю, и все же потребовался не один десяток лет, чтобы «эти дьявольские артиллерийские орудия» оказались полностью приняты рыцарским обществом. Однако потребовался гораздо меньший срок для того, чтобы пушки на практике помогли превратить войну в предприятие в высшей степени

крупномасштабное, особенно в плане затрат, и весьма специализированное с технической точки зрения. Воину, желавшему сделать карьеру в армии, теперь требовалось быть несколько более профессиональным, чем в возвышенную эпоху странствующих рыцарей. И в этом отношении пушки действительно начали «портить» войну как конечную ступень воспитания рыцарства, с другой стороны, помогая превратить войны в дело куда более государственное, в котором руководящая роль сюзерена, бравшего на службу в армию, становилась все более ответственной и решающей.

Во второй половине XV века общество увидело нечто в достаточной степени похожее на постоянные национальные армии. Здесь ведущую роль сыграли французы; в 40-е годы XV века Карл VII начал активно предъявлять старинное королевское право на монопольное командование войсками и создал из лиц благородного происхождения *compagnies d'ordonnance* (королевские роты), которые должны были впоследствии перерасти в постоянную французскую армию. Ордонанс Карла Смелого от 1473 г. об основах создания постоянной армии Бургундии был издан на основании примера, показанного Францией. Англичане также - даже немного раньше, хотя и всего лишь временно, - превратили свои оккупационные войска в Северной Франции в нечто весьма напоминавшее постоянную армию - с постоянными гарнизонами, со сложной системой военных смотров и проверок (после провала этого эксперимента, чему немало способствовало недостаточное финансирование, английский монарх стал содержать лишь очень небольшую постоянную армию). Государства Италии того же периода тоже вполне отдавали себе отчет в необходимости более или менее постоянной армии наемников (*condottiere*) и иметь в крепостях *contado* (пригородных), прикрывающих крупный город, постоянные гарнизоны как во время войны, так и во время мира.¹³ То есть подобная практика стала всеобщей, даже если и прививалась в разных странах с некоторыми различиями и не одновременно.

Немногие сперва осознавали всю необходимость этого процесса. Большая часть подданных Карла VII, видимо, ожидала, что король

распустит армию, как только война с Англией будет закончена, и с нетерпением готовилась к этому дню, ибо с роспуском армии должно было произойти и некоторое уменьшение налогов, которые взимались на ее содержание. Однако армия распущена не была, и талья - налог, взимавшийся на содержание армии, - стала постоянной. В Испании «их католические величества» тоже не были бы в состоянии содержать постоянную армию, ведя войны в Италии, если бы не осуществили полный пересмотр своих финансов, что под конец их правления дало увеличение королевских годовых доходов во много раз. В Германии и Италии, где правители были беднее, а территории, которыми они управляли, не столь обширны, многочисленные князья и знатные *signores* решили проблему нехватки средств на содержание достойной постоянной армии, сами став своего рода «брокерами» у наемников и предлагая свои услуги и услуги своих подданных более богатым представителям высшей знати, как это делали и швейцарские кантоны. Таким образом, следствием появления крупных и относительно постоянных армий явилось то, что деньги, этот вечный двигатель войн, стали необходимы для военных целей в еще большем количестве.

Именно здесь в полной мере проявляется важность функции государственных фискальных органов. Ставшие более эффективными, общими и постоянными, системы налогообложения открывали путь к решению тех проблем, связанных с контролем над вооруженными силами, которые буквально преследовали средневековые государства. Деньги представляли собой то средство, с помощью которого представители власти, способные собрать достаточное количество средств, могли начать устанавливать свои монопольные права на содержание вооруженных сил. С точки зрения отношения к рыцарству, подобная перемена имела очень большое значение. Было уже недостаточно иметь благородные корни и собственный герб, заслуженный в боях далекими предками, чтобы иметь право в свою очередь называть себя воином. Подобное заявление можно было сделать только в том случае, если принадлежишь к какому-либо конкретному военному подразделению, а иначе он и не воин, не солдат. Если когда-то первой реакцией госу-

дарственных властей в случае военной угрозы был призыв в армию представителей знати той страны или провинции, которой непосредственно и угрожала опасность, а также приказ - а точнее, попытка уговорить - представителей крупной знати объявить мобилизацию своих вассалов, то теперь основная забота власти заключалась в том, чтобы обеспечить боевую готовность военных гарнизонов и постоянных армейских подразделений (рот) - чтобы все «копья» имели полный боевой состав, чтобы имелась достаточно многочисленная пехота и чтобы, если это необходимо, были наняты отряды наемников. Среди внешних признаков происходивших перемен можно назвать то, что рыцарским эмблемам на гербовых щитах как знакам различия придавалось на поле брани существенно меньшее значение (что неизбежно вело к тому, что важность функции герольдов в армии также значительно уменьшалась), и теперь предъявлялись совершенно новые требования, касавшиеся военных мундиров, для того чтобы отличить одно боевое подразделение от другого. Командиры частей и подразделений армии и воины элитной тяжелой кавалерии могли быть, и чаще всего были, представителями знати, имевшими свои гербы, однако офицерами они теперь были вовсе не потому, что имели фамильный герб, а благодаря занимаемому посту. Таким образом, концепция рыцарского сословия как предназначенного в основном для восстановления справедливости и защиты слабых была сильно урезана и превращена в концепцию сословия офицерского, основным делом которого было сражаться с врагами короны. Несмотря на то, что армии стали куда более многочисленными, путь к военной славе и почестям стал значительно более узким и значительно лучше контролируемым.

*к *к

Таким образом, под влиянием более интенсивного и куда лучше организованного сбора налогов в сочетании с более многочисленной армией, содержание которой такой сбор налогов и сделал возможным,

и техническими успехами в области военных наук стал меняться взгляд не только на саму войну, но и на ту роль воина, которая была стержнем культа рыцарства. Последствия этого, впрочем, могли быть и куда менее очевидными и проявляться куда более постепенно, если бы не третий фактор, который, с нашей точки зрения, был не менее важен, чем первые два. Это явление позднего средневековья было названо «кризисом феодального способа производства» - процесс весьма длительный, который невозможно даже примерно привязать к 1500-у году. Этот процесс был порожден множеством различных причин, природа которых, масштабы и значение до сих пор составляют предмет споров для историков. А потому я попытаюсь всего лишь обрисовать контуры некоторых интересующих нас проблем, связанных с этим процессом.

Феодальные доходы, особенно у мелкой знати, стали сокращаться еще в конце раннего средневековья, то есть в некоторых местах еще до начала XII века. Доход от земельных владений того или иного феодала-собственника в основном зависел от ренты, собираемой с арендаторов, и от продуктивности местных крестьянских хозяйств, так что вопрос об уменьшении доходов возник естественным образом - когда у этого феодала не осталось возможностей для дальнейшего расширения своих владений, когда истощенность земель и прирост населения среди арендаторов в его домене дошли до предела. В то же самое время, как мы уже отмечали в предыдущих главах, на поддержание «истинно благородного» образа жизни требовалось все больше средств. Кроме того, огромный период времени, начиная примерно с 1100 года, был отмечен инфляцией, хотя и по современным меркам достаточно мягкой и постепенной, но все же имел огромное воздействие на жизнь средневекового общества. Налоги - как в деньгах, так и натурой - были установлены на обычном, традиционном уровне; те, что собирались в деньгах, не успевали за падающей стоимостью серебряной монеты, а те, что собирались натурой (в тех случаях, когда они не заменялись деньгами, что случалось достаточно часто), оказались не столь удобны, как прежде. Различные уловки, например, более интенсивное использование феодальных баналитетов (в частности, на мельницы) и

сеньориальных судебных прав, могли только временно смягчить напряжение, которое уже начинало возникать и отражалось в повсеместно распространившихся долговых обязательствах, закладах поместий и их продажах, а также - в постепенном сходе со сцены старинных знатных семейств. Скорость и интенсивность этих процессов не следует преувеличивать; во многих случаях вполне реальными причинами разорения безусловно являлись личная расточительность и обыкновенное невезение. Но в XIV-XV веках последствия тех широко распространенных явлений, которые я только что обрисовал, приобрели особую остроту из-за некоего особого стечения обстоятельств, и особенно из-за острого демографического кризиса, который последовал за голодом 1314-1317 гг. и целой чередой чумных эпидемий, начало которым положила Черная Смерть 1348 года; огромное значение имело и продолжавшееся истощение одних земель (особенно в феодальных поместьях) и одичание других в связи с бесконечными войнами, а также повышение стоимости рабочих рук (которые оказались в дефиците), сопровождаемое относительным падением стоимости сельскохозяйственной продукции. Цены же на то, что мы сейчас называем промышленной продукцией, и особенно на предметы роскоши, считавшиеся необходимыми для поддержания «истинно благородного» образа жизни, к сожалению, и не думали снижаться. И знати становилось все труднее поддерживать такой образ жизни на должном уровне, и прежде всего это касалось людей небогатых, которые не могли и надеяться как-то компенсировать падение доходов за счет еще большей эксплуатации своих земель или увеличения размера ренты, собираемой с крестьян и арендаторов, которые теперь старались заключать с хозяевами земли сделки на более жестких условиях и, чувствуя шаткость их положения и новые финансовые трудности, требовали отмены или модификации старых налогов или же - в отдельных странах и провинциях - требовали для себя более значительной доли при *metayage* (испольщине).

Все это не было четким и последовательным процессом - здесь были свои приливы и отливы, как и всегда в экономической жизни;

да и определить, насколько эти, так сказать, «кризисы» были действительно суровы, тоже непросто. Ясно одно: зная, желая поддерживать свой образ жизни и свое социальное лидерство, очень часто приходила к выводу, что ей так или иначе необходимо любым способом увеличить свои доходы, поскольку средств, получаемых от наследственных земельных владений, ей не хватало, и она начинала искать другие источники доходов. Основным таким источником, к которому знать могла прибегнуть и к которому она в своем феодальном мире патронажа и клиентажа всегда прибегала, была служба - или точнее, ее «побочные результаты» - военная или административная как королю, так и другим, более знатным и богатым сеньорам. Пенсии, служебные и военные жалованья, а также военные трофеи и возможность разнообразных форм покровительства, способного помочь заключить выгодный брак или же получить (например, младшим сыновьям семейств) выгодную пребенду, - вот самый очевидный, а может и единственный, способ, с помощью которого обедневшие знатные семьи могли помочь себе, учитывая негативное отношение к коммерции, столь широко тогда распространенное. Вследствие этого не возникало проблем с рекрутированием представителей знати, например, в *compagnies d'ordonnance* (королевские роты), созданные по указу Карла VII Французского: людей благородного происхождения, желавших получать королевское жалованье на такой службе, был поистине легион. Ла Марш рассказывает, что В 1445 Г., когда эти роты были созданы, стоимость хороших лошадей во Франции невыносимо возросла, потому что слишком много знатных людей желали продемонстрировать свою замечательную экипировку в надежде, что их возьмут на королевскую службу.¹⁴ Повсеместно притягательность службы при дворе короля, или в «национальной» армии, или в постоянной армии становилась все сильнее. Огромная сила, которая в конце средних веков нарождалась из старого рыцарского сословия и которую Николас Райт столь удачно назвал «национальными рыцарствами» (*national chivalries*)¹⁵, свидетельствовала, таким образом, не о культурных течениях или политической идео-

логии; скорее, в ее появлении возникла острая необходимость, во все времена служившая повитухой перемен.

Мнение это, похоже, выглядит весьма односторонним, хотя на самом деле это совсем не так. Знать - даже мелкая - оставалась все же в целом достаточно богатой по сравнению с большей частью простых людей, даже если доходы какого-то отдельного знатного рода и были существенно ограничены; это было единственное светское сословие, способное достаточно эффективно, благодаря своей корпоративности, сопротивляться определенным требованиям власти (включая, что весьма важно, ее фискальные требования); привычка к независимости впитывалась представителями таких семей с молоком матери на протяжении многих поколений. Более того, их мечи служили не только правителю страны, но и - в равной степени - другим представителям высшей знати, тем самым семействам, которые, изначально имея богатое наследство, постепенно все больше обогащались, сосредотачивая в своих руках обширные земельные владения и высшие придворные должности и одновременно имея - и довольно часто - весьма натянутые отношения со своими номинальными правителями. Рыцарские мечи помогали этим знатым и могущественным династиям стать еще более могущественными и знатыми; именно поэтому в истории позднего средневековья так часто основное внимание уделяется борьбе монарха с представителями высшей знати - то есть таким войнам, как война Алой и Белой Розы в Англии, бургиньонов и арманьяков во Франции и гражданские войны, предшествовавшие установлению в Испании правления «их католических величеств» Фердинанда и Изабеллы. Борьба монархов и представителей высшей знати в свою очередь как бы продлевала жизнь и деятельность вольных отрядов наемников, вступая в которые многие завоевывали себе репутацию истинных рыцарей; такие отряды сильно способствовали созданию общего впечатления о том, что в данный период беспорядки царили в той или иной стране практически постоянно. На самом деле беспорядки эти были вовсе не столь значительны; просто в эти годы светская власть как раз обретала тенденцию консолидироваться в руках того, кто боль-

ше платит. А таким человеком - в большинстве стран - неизбежно оказывался либо верховный правитель, либо кто-то из представителей самой высшей знати, и борьба таких людей между собой проявлялась прежде всего в соответствующем разделе ими земельных владений, а также в их доходах и привилегиях, которые должны были обеспечить им исполнение этой ключевой роли. Правитель практически всегда имел те преимущества, что был несколько богаче остальных и, согласно древним традициям, обладал большими правами в обществе, а потому и почти всегда мог быть уверен в поддержке по крайней мере какой-то части знати. Вследствие этого монархическая власть в большей части стран все же медленно, но верно укреплялась. (Примечательное исключение составляла Германия, где то, что я назвал процессом консолидации власти, скорее способствовало укреплению могущества местных князей, а не их номинального сюзерена, императора, а потому Германия в итоге выходила из периода средних веков с весьма остро стоявшей проблемой территориальной раздробленности, что составляло явный контраст с такими западными монархиями, как Франция, Испания и Англия.)

Королевская власть делала успехи - в тех случаях, когда ей это удавалось, - в основном за счет компромиссов, с большим трудом достигаемых за кулисами творившихся на общественной сцене беспорядков, и компромиссы эти оказались исключительно важны для будущего. Основными договаривающимися сторонами в них были, с одной стороны, центральная власть, поддерживаемая нарождавшейся бюрократией, а с другой - группа высшей аристократии (знать), доминирующее сословие: и сделка, заключенная между ними, стала основой эффективного государственного правления в большей части европейских монархий в начале Нового времени. И снова в центре этого компромисса оказались фискальные органы - ведь по сути своей это был сговор (в значительной степени молчаливый) о том, что существенная часть доходов, получаемых в результате сбора налогов, должна быть переадресована в карман знати - отчасти в виде платы за военную службу в новых и более многочисленных армиях, а также с

помощью иных способов (в виде пенсий или «денежных» синекур при дворе или в администрации как местной, так и центральной), - чтобы обеспечить ей соответствующее положение в обществе. Гак начался процесс, из-за которого с течением времени до немыслимых размеров увеличились не только королевские войска, но чрезвычайно пышными стал королевский двор и сам уклад придворной жизни; сильно разрослась также королевская и местная администрация. Да и показная пышность и щедрость королевского двора, естественно, требовала существенно больших расходов.

Зачатки этих процессов отчетливо видны уже в период позднего средневековья: именно они лежат в основе огромных расходов королевского двора и дворов высшей знати во Франции XIV-XV веков, а также экстравагантности бургундского двора, что нередко вызывало вполне законное недовольство налогоплательщиков обеих стран. Большая часть расточительных затрат, столь характерных для бургундских правителей, приходилась на рыцарские праздники и церемонии, и тут полезно вспомнить о том, что та разновидность «сделки», о которой я говорил, была не простым урегулированием финансовых вопросов, а чем-то существенно большим. Неслучайно в позднее средневековье жанр полемических трактатов приобретает вполне конкретную форму - спора рыцаря и клирика (*«Songe du vergier»* - самый знаменитый пример); рыцарь выступает как представитель не только своего собственного светского сословия, но и светской власти, королевской или императорской, и это является признаком закладывания более прочного фундамента для будущего партнерства, основанного не только на финансовых интересах светской знати. А еще одной существенной составляющей той цены, которую центральная власть вынуждена была платить за свое более или менее успешное самоутверждение, было молчаливое согласие на поддержку доминирующего положения знати в обществе и на обеспечение ее привилегий, а также - благосклонное отношение к устремлениям ее молодых представителей - в частности, разумеется, военных, - то есть к таким, какие мы пока еще можем назвать «рыцарскими».

Этот последний аспект молчаливого соглашения между королевской властью и знатью требует особого внимания. Первенство в обществе и почести были не менее важны для знати, чем благосостояние. Вместе с пенсиями и такими привилегиями, как освобождение от уплаты налогов (а эти привилегии знать при Старом режиме повсеместно, если не считать Англии, и весьма бережно сохраняла) и монополией или почти монополией на целый ряд служебных должностей, следует поставить и такие привилегии, как право знатного человека носить меч, чтобы защищать свою честь на дуэли, право на охоту и сохранение права на собственный герб только для знати - и в отношении всего этого, по крайней мере в данный период, королевская власть вынуждена была идти на уступки. Что же касается финансов, то цена, которую центральная власть вынуждена была платить, чтобы должным образом обеспечить молчаливое соглашение и сотрудничество с высшей светской аристократией, исчисляется в общем довольно легко, гораздо легче, чем прочие - социальные и психологические - составляющие данной сделки, что, впрочем, отнюдь не означает, что эти составляющие менее важны. Именно они связаны для монархии с восприятием и поощрением целого ряда взглядов на статус и функции благородного сословия, а также с превращением его системы ценностей - во всяком случае, в весьма значительной степени - в систему ценностей монархических. Иными словами, требовалось дать полную волю - в национальном контексте - тем идеалам рыцарства, которые авторы позднего средневековья столь часто соотносили с высшим сословием. Что же касается военной службы, то «офицер и джентльмен» конца средневековья испытывал примерно ту же гордость - и это чувство весьма поощрялось - по поводу своего служения королю, какую рыцарь более ранней эпохи испытывал, служа своему непосредственному господину или своему ордену. Ну а в обществе знать проповедовала - и ей было это позволено - ту же степень собственного превосходства и ответственности, что и ее рыцарственные предшественники. Все эти поощрения и дозволения со стороны верховной светской власти давались, более того, вполне искренне, а порой и нарочито подчеркнуто, так что в

значительной степени были способны «заразить» вкусом к системе ценностей и отношений, свойственных старинной аристократии, и те влиятельные группы внутри доминирующих общественных структур начала Нового времени, которые имели совсем иные корни. Наиболее важными среди них были юристы и государственные чиновники, имеющие за плечами гражданскую, а не военную службу, а также торгово-ростовщический патрициат крупных и мелких городов. Уже в XV веке имеются свидетельства того, что французские королевские чиновники, занимавшие высокие посты в финансовых кругах, получали титулы и даже становились рыцарями, приобретали земли с сеньориальными и судебными правами; да и советники, а также *gens de finances* (финансовые чиновники) из окружения герцогов Бургундских жили ничуть не хуже. В результате надежды и виды на будущее этих предшественников высшего *noblesse de robe* («служилого дворянства» или «дворянства мантии», т.е. дворянства, приобретенного гражданской службой) более позднего периода оказались насквозь пронизаны рыцарской ментальностью, доминировавшей при дворах высшей знати, где они служили. Сходным образом, как показывает профессор Д.М.Николас¹⁶, и во Фландрии в позднее средневековье представители высшей городской буржуазии нередко заключали браки с членами знатных семейств, а также получали титулы, воспринимая при этом ту систему ценностей, которая свойственна была сельским феодалам. То же самое происходило и в других местах; а в Италии, разумеется, этот процесс начал развиваться уже в XII веке или даже раньше. Таким образом, наследие рыцарства оказывало воздействие на куда более широкие социальные слои, чем старинное «дворянство шпаги».

Определенные характерные черты средневекового рыцарства утратили, разумеется, свое значение вместе с переменой условий в начале Нового времени. Герольды, как мы уже говорили, лишились своих основных функций, потому что уже не было необходимости различать воинов на поле брани по гербовым щитам. Популярность рыцарских поединков и турниров также к концу XVI века практически сошла на нет, поскольку взятые на вооружение новые техники ведения боя при-

вели к отказу от использования кавалерией копий и полных боевых доспехов, а потому и не требовалось уже какой-то особой подготовки для управления боевым конем, вполне достаточно было, скажем, владеть искусством конной охоты. По сходным причинам и старые рыцарские истории о короле Артуре и Карле Великом в значительной степени утратили своё поистине волшебное обаяние; их содержание стало уже невозможно приспособить к современной реальности так, чтобы оказывать на нее какое-то влияние. (В XV веке Мэлори все еще мог писать истории о рыцарских турнирах и дуэлях, придавая им вполне реалистическую современную окраску; но уже полтора века спустя подобная переработка старинных сюжетов стала невозможна, ибо в современной действительности не существовало более таких образцов, с которых эти сюжеты можно было бы «списывать».) Это почти наверняка стало не менее важной причиной отмирания данной тематики как серьезного литературного направления, а также угасания в очередной раз возникшей моды на классические сюжеты, которая в конце рыцарского периода была связана с возросшим интересом к античности. Но то были в основном такие аспекты рыцарской жизни и культуры, которые не могли быть соотнесены с современной действительностью и потребностью, которые в итоге и сошли на нет. Светские рыцарские ордена - например, Подвязки, Золотого руна и Св.Михаила - продолжали процветать, ибо все еще выполняли свое исходное предназначение: придавали пышность и блеск личного служения рыцарства тому или иному конкретному сюзерену. Система наград и продвижения по службе, «вскормленная» рыцарством и герольдами, также выжила и пока сохранялась, потому что рыцарские награды и почести имели вполне конкретную значимую цель: например, в Англии и поныне особо выдающихся генералов возводят в рыцарство, а особо доблестным воинам жалуют ордена и прочие награды. Рыцарская концепция благородного сословия ничуть не утратила своей силы, и представления об основных добродетелях рыцарства - верности, щедрости, мужестве - также не слишком изменились. Там, где старое восприятие - в случае необходимости несколько модифициро-

ванное - могло быть соотнесено с изменившимися общественными условиями, там слава рыцарства не померкла и оно не пришло в упадок и с приходом эпохи Возрождения. Хотя, возможно, оно теперь могло щеголять в новых одеждах; скажем, согласно Кастильоне^{3*}, придворный должен был знать куда больше о классических сюжетах и гораздо меньше о таких романтических ритуалах, как принесение обета на павлине, чем знал маленький Жан из Сантре. Но это означало лишь, что некоторые перемены произошли лишь в гардеробе рыцарственного придворного, а душа его осталась практически неизменившейся. Именно поэтому, как я уже говорил в начале главы, заключение к данному исследованию должно нести ощущение перемен, а не декаданса.

•К -К -К

Наиболее важной частью наследия, переданного рыцарством более поздней эпохе, была концепция рыцарской чести и ее составляющие, особенно и особо связанные с благородным сословием. Способы разрешения споров чести, согласно утверждениям современных социологов, «обеспечивает, с точки зрения психологии, определенную связь идеалов, господствующих в обществе, с их воспроизведением в действиях отдельных личностей - то есть честь побуждает людей действовать должным образом (даже если существуют различные мнения (в различных обществах) относительно того, как им следует поступить).»" Самое сильное влияние рыцарство оказало именно в плане апробации истинно высоких норм поведения и определения качества следования этим нормам, когда они воспроизводятся в индивидуальных поступках и стиле жизни, и в установлении, во многих отношениях, способа такой апробации. Идеология рыцарства играла главную роль в формировании понятия «истинного дворянина», в свою очередь, ставшего ключевой фигурой доминирующего социального и политического сословия при Старом режиме, а также образа жизни «истинного дво-

рянина». Рыцарство как бы опутывало паутиной ментальных ассоциаций его социальные достижения, его «куртуазность» (особенно по отношению к женщинам), его успехи в верховой езде, охоте и фехтовании, а также его социальные добродетели и достоинства, которых от него и ждали - его мужество, великодушие, верность данному слову и внутреннюю независимость (то есть то, что авторы старинных рыцарских романов называли *franchise* - вольность, вольнолюбие). Рыцарство придавало особый, «военнизированный» оттенок всей системе ценностей благородного сословия именно из-за того, что высоко ценило воинскую доблесть и воинскую службу: «единственно правильная и исполненная смысла жизнь для знатного француза - это жизнь воина,» - писал Монтень.¹⁸ И скорее всего именно влияние рыцарства сделало военные знаки отличия, шлемовые эмблемы и гербы, которые столь многие желали непременно изобразить и на своих доспехах, и на своих надгробиях, пробирными клеймами знати более позднего периода. Так, концепция, выкованная рыцарством из благородной борьбы за славу и почести, а также - за сердце возлюбленной, оказалась не только весьма сильна, но и весьма живуча; западная культура и до сих пор не до конца еще освободилась от ее влияния. Помимо всего прочего, рыцарство учило представителей следующих поколений знати ставить честь во главу угла всей системы интеллектуальных и общественных ценностей - как нечто более драгоценное, чем даже сама жизнь; именно поэтому аристократы так долго защищали и так упорно лелеяли свое право всегда носить при себе меч или шпагу и защищать личное достоинство на дуэли.

Мощная струя индивидуализма в рыцарской культуре, нашедшая столь эмоциональное выражение в идеале странствующего рыцаря, также оставила неизгладимый след в воззрениях европейской знати более позднего периода. Ее влияние проявлялось в той независимости духа, которая составляла гордость знати при Старом режиме (даже если это влияние порой и преувеличивалось) и мешала ему окончательно и полностью признать свою зависимость от центральной власти, сказываясь в том, что каждое поколение знати при Старом режиме

воспитывало в своих недрах некую относительно небольшую группу мятежников и радикалов, то есть своих собственных якобинцев и фрондеров. Гаким образом, этот культ личных свершений и демонстрации выносливости в дальних походах - короче говоря, все тот же культ странствующего рыцаря, - демонстрирует весьма явственно и драматично, что его нельзя не учитывать наряду с технологическим превосходством при любом анализе того, что мы называем европейской колониальной экспансией. Ни одна другая цивилизация не создала столь изощренного и сложного культа вокруг любой личной одиссеи средневекового искателя приключений, как это произошло в Западной Европе, и уже сам этот факт в значительной степени обязан наследию культа странствующего рыцаря, сложившегося в эпоху рыцарства и столь специфическим образом соединившего идею дальних странствий и понятие рыцарской чести. На раннем этапе истории европейской колониальной экспансии, в дни Писарро и Кортеса, когда Аопе де Агирре^{4*} мог хвастаться тем, как явился со своим копьем в Перу в поисках *mas valer*^{1^} - то есть той личной славы, которую авторы рыцарских романов окрестили «*bonne renommée*», - основные черты странствующего рыцаря, естественно, были куда лучше различимы, чем в речах и деяниях более поздних путешественников и исследователей, строителей колониальных империй, которые завоевали свою известность (а также богатство, и зачастую немалое), пронеся флаг своего государства как символ его политики за такие дальние пределы, куда его никто из политиков даже и не рассчитывал донести. И опять же, самое большое различие тут заключается скорее во внешних проявлениях, а не в духовной основе. Между прочим, в этом смысле стоит отметить, что тем способом, с помощью которого культ индивидуалиста и искателя приключений оказался внедренным в литературу и который зародился в эпоху рыцарства, было именно превращение одиссеи этого искателя приключений также и в некую любовную историю.

Честная жизнь должна была соответствовать своим нормам до самого конца; последнее пробирное клеймо - это рыцарское надгробие. Желаящему найти свидетельства славы и почестей, завоеванных

в бою или на гражданской службе представителями знатного семейства при Старом режиме, следует искать их (эти свидетельства) в церкви и на кладбище. В те времена, не меньше чем в саму эпоху рыцарства, полагалось, чтобы именно церковь воздавала подобные почести во время похоронного обряда и тем самым как бы санкционировала общественное одобрение заслугам того или иного представителя знати на светской службе. В этом отчасти кроется ответ на весьма часто звучащее обвинение, что рыцарство в конце средних веков якобы постепенно теряло связь с религией. И снова я сам стал бы скорее говорить о неких переменах и приспособлении рыцарства к ним, чем о его упадке. Это верно, что кодекс чести представителей высшего сословия первых десятилетий Нового времени не выделял отдельно религиозные и отдельно светские обязанности знати столь же четко, как рыцарский кодекс - обязанности рыцаря. В куртуазных наставлениях данного периода также нет такого акцента на личном соблюдении религиозных обрядов, как, скажем, в трактате Рамона Луллия «*Libre del Ordre de cavayleria*» или в «*Livre de chevalerie*» Жоффруа де Шарни. Но это в очень большой степени является следствием того, что в более поздние эпохи церковные и светские власти стали менее независимыми друг от друга, чем в средние века. Церковь, как и светская знать, куда более решительно поместили под эгиду светской власти, и то допущение, которое было всегда свойственно большей части средневековых рыцарей - что служить королю и Господу - это почти одно и то же, - обрело вследствие этого более прочную основу. Кроме того, средневековый представитель благородного сословия действительно был менее зависим от властей, как светских, так и церковных, чем его потомок в начале Нового времени, и это заставляло хранителей его духовного благополучия проявлять больше внимания к его личной ответственности в плане официального соблюдения церковных обрядов, то есть того, что было непосредственно связано со сферой деятельности церкви.

Весьма похожий отзыв можно дать и о деятельности крестоносцев, которая с концом средневековья также пришла в упадок, что, в свою

очередь, было интерпретировано как признак усиливавшегося отказа рыцарей от религиозных приоритетов. Крестовые походы исчезли с политического небосклона не из-за угасания религиозного пыла: в чем бы ни обвиняли дворянство начала Нового времени, уж в этом-то оно виновно не было. И, если на то пошло, этого пыла у него скорее было с избытком, о чем свидетельствует история религиозных войн периода Реформации. Просто идея тех всеобщих крестовых походов, которая под конец позднего средневековья столь сильно тревожила воображение таких людей, как венецианский историк Марино Санудо, Филипп де Мезьер и даже анонимный автор *«Enseignement de la vraie noblesse»*, уже перестала соответствовать нуждам практической политики. А потому и правители, и рыцари, и прочая знать постепенно утратили к ней интерес, хотя идея эта по-прежнему окрашивала мечты, надежды и опасения многих на протяжении всего XVI века. И от факт, что более не осталось, так сказать, периферийных территорий для осуществления крестовых походов, способных поддержать истинный пыл участников, как это было во времена завоеваний Тевтонского ордена и испанской Реконкисты, также способствовал угасанию этой идеи, ибо литовцы были обращены в христианство еще в конце XIV века, а гранадские мавры завоеваны в конце XV. В этом вопросе важны были еще два фактора. Во-первых, значительная часть той энергии, которая некогда была использована на осуществление крестовых походов, теперь оказалась потрачена на поиски приключений в языческих странах, куда более далеких от европейских границ, чем Сирия и Египет - в обеих Америках, а также в Индии и Африке. И, по крайней мере в первый период завоевания Америки, воздействие старого идеала крестоносцев на эту новую разновидность рыцарских приключений совершенно очевидно. Во-вторых, в XVI веке христиане чаще, чем когда-либо, были заняты сражениями с братьями-христианами, и хотя расколовшаяся церковь и демонстрировала свою готовность благословлять подобную деятельность, как некогда церковь нерасколовшаяся благословляла крестоносцев и проповедовала крестовые походы, все равно следовало ожидать, что Европа теперь окажется разобщенной как в религиозном

отношении, так и в политическом. В конце концов, давняя традиция церкви благословлять войны, направленные против отлученных от церкви императоров, оказала самое что ни на есть основополагающее, формативное воздействие на то, как церковь благословляла войны с неверными. А еще более важным оказалось то, что церковь, перестав проповедовать крестовые походы, не перестала проповедовать ту идею, что человек истинно благородный должен непременно быть и христианином. Утверждение о том, что именно христианскую совесть человек чести обязан хранить более всего и предпочитать прочим своим обязанностям, и что даже если христианство будет считаться официально незаконным, все равно эту обязанность следует считать почетной и руководствоваться ею во всех случаях жизни, оказалось в высшей степени живучим: возможно, к счастью, оно не совсем отмерло и в наши дни.

В период расцвета рыцарства крестовые походы воспринимались как официальное приложение рыцарской деятельности; на этой оптимистической ноте мы, пожалуй, и закончим наконец свои рассуждения. Петр из Дусберга в своей прусской хронике приводит весьма живописную историю о некой отшельнице, чей скит находился неподалеку от пути крестоносцев, шедших на войну с язычниками в 1261 году. У отшельницы было видение: находясь в своей хижине, она услышала в воздухе крики демонов и стала спрашивать у них, чего им надо; демоны ответили, что завтра ожидается великая битва, и отшельница стала умолять их сообщить ей об исходе этой битвы, когда они будут возвращаться с поля брани. Демоны согласились, и сообщенные ими новости свидетельствовали о том, что все христиане пали в сражении и души погибших стали добычей этих демонов; спаслись лишь трое, ибо все остальные (кроме этих троих) шли навстречу смерти не ради святой цели, но в надежде прославить свои имена.

20

Этот пример является отличным мостиком к истории средневекового рыцарства. С первых лет его существования и до конца рыцари, идущие вперед, не страшась смерти, в надежде прославить свои имена и обрести удачу в бою - это основная тема литературы, истории и

идеологии рыцарства. Как о том свидетельствуют Петр из Дусберга и его отшельница, религиозная система ценностей никогда не была той основой, на которой держалась этика рыцарства, что, по мнению выше-названных лиц, могло опасным образом смешать преследование целей высокодуховных с погоней за мирскими почестями. Даже в тех случаях, когда это касалось крестовых походов, отнюдь не то новое одобрение церкви, связанное с отпущением всех грехов, которое церковные реформаторы XI-XII веков распространили на все сословие воинов, подвигало на великие деяния девятерых из каждых десяти рыцарей, а блеск военной славы и признание общества. Рыцарственность - это по сути своей был светский кодекс чести высшего сословия, ориентированного на войну, и самые глубокие его корни простирались к истокам социального кодекса чести наиболее воинственной части общества раннего средневековья. Своими сильными христианскими мотивами он был обязан тому, что эти социальные группы действовали внутри создававшегося христианского общества, где христианский культ был основой социальной и религиозной жизни. Рыцарственность процветала в период с середины XII до середины XVI века как эдос доминирующего светского сословия христианской Европы, и ее характерные внешние формы соответствовали общественным, политическим и культурным условиям тех времен. Рыцарский культ военных добродетелей черпал силы в массовых беспорядках, которые царили в данную эпоху; культ индивидуализма был порожден хрупкостью и ненадежностью государственной власти, из-за чего знать как бы отбросила назад, заставив пользоваться почти исключительно собственными источниками существования. Он сумел развиваться в интернациональную культуру главным образом потому, что в этот период границы были куда менее очевидны и куда менее важны, чем стали впоследствии. Расцвет дворов светских правителей как центров культуры и естественных мест общения духовенства со знатью, обеспечивал условия, в которых этот кодекс превращался, разрастаясь, из кодекса воинов в сложную светскую этику, обладавшую собственной мифологией, собственной наукой и собственными ритуалами, которые давали матери-

альное выражение его идеологии. Как таковой, этот кодекс чести не только оказывал весьма мощное воздействие на весь средневековый мир, но и оставил, как мы уже убедились, достаточно глубокий отпечаток в последующих эпохах.

Рыцари Петра Дусбергского, направляясь в Пруссию, совершали один из ритуалов, установленных рыцарской идеологией; собственно, с этим и была связана жалоба отшельницы. Они искали мирской славы через проявление воинской доблести, а отнюдь не спасения души. Но если эти рыцари - как и другие - и имели целью нечто меньшее, чем верное христианское служение Господу (формы выражения которого не ограничены ни рамками пространства и времени, ни профессиональной или сословной принадлежностью), они, тем не менее, были все же нацелены на то, что безусловно достойно всяческого уважения. И тут, по-моему, следовало бы кое-что сказать в защиту той общечеловеческой системы ценностей, которую рыцарство завещало доминирующему социальному сословию следующей эпохи; мне кажется, если бы о них нечего было сказать, их довольно легко вообще забыли бы. Однако о них помнили в течение очень долгого периода, в который огромное множество людей - существенно большая часть, чем просто «истеблишмент», - рассматривало как нечто самоочевидное, например, то, с каким глубочайшим уважением рыцарство относилось к славным деяниям предков, всячески призывая последующие поколения следовать их примеру; или столь выразительное слияние воедино - в рыцарском идеале чести - принципов личной честности и порядочности с званием благородного рыцаря и тем общественным уважением, которое этому званию оказывалось; или мнение рыцарства о том, что полученная от рождения принадлежность к благородному сословию налагает наследственную и почетную обязанность всегда быть готовым обнажить свой меч в защиту слабого и угнетенного. Подобные идеи, которые рыцарство всячески лелеяло, легли в основу того общественного строя, который назывался Старый режим (в самом широком значении этого термина), и продолжали оказывать огромное влияние на «истеблишмент» европейского общества вплоть до конца XIX века. Именно

поэтому рыцарство представляет собой предмет, достойный всяческого внимания историков. Но лишь в нашем XX-м веке была поставлена большая часть связанных с ним вопросов; я, например, не уверен, насколько мы способны решить эти вопросы; возможно, впрочем, эти мои слова - всего лишь свидетельство того, что и я тоже пал жертвой греха, постоянно преследующего биографов: влюбился в описываемый предмет.

Примечания переводчика

¹* В Испании в течение 1500-1546 гг. вышло 12 частей романа «Амадис Галльский», написанного в конце XIII в. и завоевавшего популярность в XIV в., а вне Испании даже позднее. В этом произведении сюжет развивается в сфере галантной любви и авантюрно-эротической фантастики.

Маттео Мария Боярдо, граф ди Спандиано, 1441-1394, и Лодовико Ариосто, 1474-1533 - итальянские поэты, авторы поэм (соответственно) «Влюбленный Орlando» (Роланда) и «Неистовый Орlando», ренессансных вариаций на тему «Песни о Роланде», где сказочно-рыцарский элемент воспринимается авторами с нескрываемой иронией.

³* Балдассаре Кастильоне, 1478-1529, дипломат и придворный, знаток и тонкий судья придворной жизни и аристократических манер, автор трактата «Придворный».

⁴* Лопе де Агирре, испанский конкистадор, в испанской Америке стал символом жестокости и предательства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AHS	Archives Heraldiques Suisses
Annales	Annates, Economic, Societe, Civilisation
BEC	Bibliolheque de l'Ecole des Charles
BL	British Library
BN	Bibliolheque Nationale, Paris
BR	Bibliotheque Royale, Brussels
CCM	Cahiers de Civilisation Medievale
EHR	English Historical Review
EETS	Early English Text Society
JEH	Journal of Ecclesistical Histoiy
MA	Le Moyen Age
Mansi	G.D.Mansi, Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, Venice, 1759ff
MGH	Monumenla Germaniae Historiae
PBA	Proceedings of the British Academy
PL	J.P.Migne, Patrologia Latina, pans, 1844ff
RIS	L.A.Muratori.Rerum Italicarum Scri ptores, Milan, 1723ff
RS	Rolls Series
TRHS	Transactions of the Royal Historical Society

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

1. E.Burke, *Reflections on the Revolution in France* // *Works of the Right Honourable Edmund Burke*, London, 1846 edn, t. III, p. 98.

2. **См.** J.Flori, *La notion de chevalerie dans les chansons de geste du XIIme siecle* // *MA*, t. 81, 1975, p. 211ff, 407ff.

3. Цит. no: C.E.Pickford, *L'Evolution du Roman Arthurien en prose vers la fin du Moyen Age*, Paris, 1966, p. 265; сравните с предисловием к прозаическому «Тристану», цит. *ibid.*, p. 266-268.

4. **См.** G.Mathew, *The Court of Richard II*, London, 1968, p. 118ff.

5. Эти примеры взяты из «Рыцаря телеги» Кретьена де Труа (мост меча), из «Перлесвауса» (хрустальный мост и хижина отшельника), а также из Мэлори (Книга IX, гл.12: «зверь ревуший»),

6. J.Huizinga, *The Waning of the Middle Ages*, London, 1927, chs. 4-7.

7. **См.** G.Duby, *Les Trois Ordres, ou l'imaginaire du feodalisme*, Paris, 1978.

8. W.J.Sedgefield (ed.), *King Alfred's Old English Version of Boethius*, Oxford, 1899, p. 40.

9. **См.** G.Duby, *The origins of knighthood* // *idem, The Chivalrous Society*, trans. C.Postan, London, 1979, p. 165-166.

10. E. de Fougeres, *Le Livre des manieres*, ed. F.Talbert, Angers, 1877, p. 24, 25, 26 ff.

11. Boniso of Sutri, *Liber de vita Christiana*, ed. E.Perels, Berlin, 1930, p. 56. Цит. no: I.S.Robinson, *Gregory VII and the soldiers of Christ* // *Hisloiy*, t. 58, 1973, p. 190.

12. *PL*, t. CLXXXII, p. 926.

13. Chretien de Troyes, *Cliges*, lines 30-44.

14. John of Salisbury, *Policraticus*, ed. C.C.Webb, Oxford, 1909, t. II, p. 16.

15. Ibid., t. II, p. 9. См. также J.A.Wisman. L »Epiloma rei militarise de vegece el sa fortune au Moyen Age // MA, t. 85, 1979, p. 13-31.

16. О Гомасине см. D.Rocher, Thomasin von Zerklare: Dei walsche Gast, 1215-16, Paris, 1977, 2 vols: весьма глубокое исследование.

17. Текст см. в: E.Barbazan, Fabliaux et contes des poetes francais des lime, 12me, 13me, 14me, et 15me siecles, Paris, 1808,1.1, p. 59-82.

18. P.Meyer, Notice et extraits du MS 8336 de la Bibliolheque de Sir Thomas Philipps // Romania, t. XIII, 1884, p. 530; idem, Les manuscrits francais de **Cambridge** // Romania, t. XV, 1886, p. 346, t. XXXVI, 1907, p. 529.

19. Ordene de chevalier, lines 106-27 (омовение); 128-38 (постель); 139-63 (плащ); 164-72 (чулки); 181-94 (пояс); 195-209 (шпоры); 211-25 (меч); 250-61 («collee»); 263-303 (четыре заповеди).

20. О Лулли см.: E.A.Peers, Ramon Lull, London, 1929.

21. R.Lull, Libre de Conle mplacio, ch. 104 // Obres de Ramon Lull, Mallorca, 1906ff, l. IV, p. 11.

22. A Life of Ramon Lull, ed. and Irans. E.A.Peers, London, 1927, p. 2.

23. R.Lull, Libre de Гordre de cavayleria, ed. J.Ramon de Luanco, Barcelona, 1901. Кэстон перевел эту работу (по французской версии) и назвал ее «The Book of the Ordre of Chivalry»; этот вариант и был издан: T.P.Byles (EETS, London 1926). Я пользовался именно этим EETS изданием английского перевода Аулли. По поводу даты выхода в свет оригинала см. Peers, Ramon Lull, 12-1. Существует современное издание французского перевода книги, «Le Libre de l'Ordre de Chevalerie», ed.V.Minervini (Bari, 1972).

24. Lull, Ordre of Chivalry, p. 15.

25. Ibid., p. 22-23.

26. Ibid., p. 24ff.

27. Ibid., p. 37.

28. Ibid., p. 51.

29. Ibid., p. 113.

30. Ibid., p. 47ff.

31. Весьма вольный перевод сэра Гилберта на шотландский опубликован в «Gilbert of the Haye's Prose», MS, vol.2, ed. J.H.Stevenson, Edinburgh, 1914; Хуан Мануэль частично перевел этот труд на кастильский; Верар опубликовал два издания французского перевода в 1504 и 1505 гг.; а Портунарий Лионский - еще одно в 1510. Существуют также многочисленные **pyKOHHCbne**(MS) копии различных французских версий XV в.

32. См. E.Kennedy, Social and political ideas in the French prose Lancelot // Medium Aevum, t. 26, 1957, p. 103.

33. Подробности карьеры де Шарни см.: J.Rossbach. Les tie in an des pour la joute, le tournoi et la guerre de Geoffroi de Charny (тезисы в BR, Brussels), i p. 8ff; P.Savio // Salesianum, t. I, 1955, p. 120-141.

34. Прозаическая «Livre de chevalerie» опубликована в: Oeuvres de Froissart, ed. K. de Lettenhove, I. I, pt. III, Brussels, 1873, p. 463-533. Стихотворная «Livre» опубликована частично в: A.Piaget, Le Livre Messire Geoffroi de Charny // Romania, t. XXVI, 1897, p. 399-410. «Livre des questions» не опубликована, по есть ее перевод в: J.Rossbach. Les demandes...

35. «Qui plus fail, miex vault» («Livre de chevalerie») // Froissart, Oeuvres, I.1, pt. III, p. 464, 465, 468, 469, 470, 471, 472.

36. Ibid., p. 466.

37. Ibid., p. 467-68.

38. Ibid., p. 472.

39. Ibid., p. 471, 475-76.

40. Ibid., p. 483-85.

41. Ibid., p. 508-10.

42. Ibid., p. 511-13.

43. J. de Bueil, Le Jouvenel, ed. C.Favre and L.Leceslre, pans, 1887-89, t. II, p. 21.

44. О Шарни см.: «Oeuvres de Froissart», t. I, pt. III, p. 514-15.

45. См. ниже главу VIII.

46. О Поте см.: J.Petersen, Das Ritterlum in der Darstellung des Johannes Roth, Strasbourg, 1909. Об отношении Пота к рыцарским гербам см.: G.Seyler, Geschichte der Heraldik, Nuremberg, 1885-89, t. I, p. 18.

47. «Наставления» де Ланнуа опубликованы в «Oeuvres de G. de Lannoy», ed. C.Potvin, Louvain, 1878, p. 335ff; анонимная поэма «Enseignement» опубликована не была, но сохранилась в большом количестве рукописей. Я использовал BR 11407.

48. Оригинал трактата - D. de Valera, Espejo de Verdadera Nobleza, ed. M.Penna // Prosistas Castellanos del Siglo XV, Madrid, 1959. Но более широко эта работа была известна во французском переводе Гуго де Сальва, неполная версия которого была опубликована в 1497.; я же использовал полный текст рукописной французской версии: L Louis de Bruges' MS, BN, MS Fr. 1280. Издание этого труда, перепечатанное с другого манускрипта (BR, MS 10979), появилось, когда моя рукопись давно уже была в издательстве в A.J.Vanderjagl, Qui sa vertu anoblist, Groningen, 1981, p. 237-83; я указал параллельные места в скобках.

49. G. de Lannoy, Oeuvres, p. 450.

50. Ibid., p. 453.

Глава II

1. О Томазо III, маркизе ди Салуццо см.: N.Jorga, Thomas III, Marquis de saluces: etude historique et litteraire, St.Denis, 1893. «Chevalier Errant» не публиковался, все ссылки даются по рукописи BN MS Fr. 12359. Приведенный отрывок, однако же, был опубликован: C.Legrand, d'Aussy, Notes et exlraits des MSS de la Bibliotheque Nalionale, t. V, Paris, Ann. VII.

2. Notes et Exlraits, cit. sup., t. V, p. 576.

3. Ibid., p. 578.

4. Lambert of Ardres, Historia Comilum Ghisnensium // MGH, SS, t. XXIV, p. 557-642. Карьера Арнольда всесторонне изучена Ж.Дюби: G.Duby, Youth in aristocratic society, «The Chivalrous Society», p. 112-22.

5. Lambert of Ardres, cit. sup., p. 603.

6. Chretien de Iroyes, Perceval, prologue, lines 7ff.

7. Lambert of Ardres, cit. sup., p. 603.

8. Ibid., p. 604.

9. Ibid., p. 604.

10. Ibid., p. 607.

11. L'Histoire de Guillaume le Marechal, ed. P.Meyer, 2 vols., Paris, 1891. См. также: S.Painter, William Marshal, Baltimore, 1933.

12. L'Histoire de Guillaume le Marechal, lines 5940-6170, 6260-84.

13. Ibid., lines 7275-95.

14. Ibid., lines 2875-3164.

15. Chretien de Troyes, Chevalier de la Charrette, lines Iff (Karrenritler, ed. W.Foerster, Halle, 1899, 1); Andreas Capellanus, The Art of Courtly Love, trs. J.J.Parry, New York, 1941, p. 168-76.

16. L'Histoire de Guillaume le Marechal, lines 3437-520.

17. MGH, SS, t. XX, p. 317. См. также: J.Fleckenstein, Friedrich Barbarossa und das Rittertum // A.Borst (ed.), Ritterlum in Miltelalter, Darmstadt, 1976, p. 392-418.

18. Прочитировано в: E.Preslage (ed.), Chivalry, London, 1928, p. 85.

19. Orderic Vitalis, Historiae ecclesiasicae, book VI, ch. 2, ed. A. Le Prevost, Paris, 1838-55, III, p. 4.

20. По поводу шпор см.: Lynn White Jr., Medieval Technology and Social Change, Oxford, 1962, p. 14-28. Липп Уайт также рассуждает по поводу копыя, взятого «в упор» и атаки тяжелой конницы (28 ff), однако его хронология представляется неубедительной. Относительно атак тяжелой конницы с копыями «в упор» см.: D.J.A.Ross, L'originalite de «Tuorldus» - le manic merit de la 1 pce // CCM, t. 6, 1967, p. 127ff; R.C.Smail, Crusading Warfare, Cambridge, 1967, p. 113ff.

21. См. Smail, cit. sup., p. 115, n. 1.
22. Ross, cit. sup., p. 133-134.
23. G.Malaterra, *Historia sicula*, lib. I, ch. XXXIX (R.I.S. V 558).
24. Anna Comnena, *The Alexiad*, trans. E.A.S.Dawes, London, 1928, p. 122-123.
25. J.F.Verbruggen, *The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages*, trs. S.Willard and S.C.M.Southern, Oxford, 1977, p. 22-28. Здесь имеются хорошие комментарии, позволяющие понять суть этой проблемы.
26. Цит. по: P.Guilhiermoz, *Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen Age*, Paris, 1902, p. 425, 432.
27. P. Van Luyn, *Les milites dans la France du XIe siecle* // MA, t. 77, 1971, p. 5ff, 193ff, см. особенно p. 19ff.
28. G.Duby, *The Chivalrous Society*, p. 127ff, 169. См. также тексты, приведенные в: L.Huberti, *Studien zur Rechtsgeschichte der Gottesfrieden und Landesfrieden*, Ansbach, 1892, p. 40, 125, 157, 187, 206, 214, 304, 320.
29. G.Duby, cit.sup., p. 77ff, 84ff, 106ff, 159ff, 178ff.
30. J.Bumke, *The Concept of Knighthood in the Middle Ages*, trs. W.T.H. and E.Jackson, New York, 1982. В этой работе есть немало интересных сведений, связанных с данным контекстом; особенно см. 77 ff.
31. Huberti, cit.sup., p. 37, 157, 182.
32. Adalbero de laon, *Poeme au Roi Robert*, verses 275-305, ed. C.Carozzi, Paris, 1979, p. 20-22.
33. G.Duby, cit.sup., p. 42, 106-107.
34. По поводу генеалогии знатных сеньоров см.: K.F.Werner, *Untersuchungen zur Fruhzeit des Franzosischen Furstentums (9-10 Jahrhundert)* // *Die Welt als Geschichte*, t. XVIII, p. 256-89; t. XIX, p. 146-93; t. XX, p. 87-119.
35. Suger, *Vie de Louis VI le Gros*, ed. H.Waquet, Paris, 1964, p. 30-32, 172-178, 250-254.
36. *La Mort de Garin*, ed. E. du Meril, Paris, 1846, p. 74; *Le Couronnement de Louis*, lines 2254-2266, ed. C.Langlois, Paris, 1888, p. 157-158.
37. *Li Romans d'Alixandre*, ed. H.Michelant, Stuttgart, 1846, p. 17. Этот совет в романе основан, разумеется, на другом совете, который дал Аристотель в своем письме к Александру Македонскому, что было описано в широко распространенной псевдоаристотелевой «*Secreta secretorum*».
38. H.O.Sommer, *The Vulgate Version of the Arthurian Romances*, Carnegie Institute, Washington, 1909ff, t. III, p. 30.
39. *Li Romans d'Alixandre*, ed. Michelant, p. 250, 255; см. также G.Cjhen, *Histoire de la chevalerie en France*, Paris, 1949, p. 58; E.Kohler, *L'Aventure chevaleresque*, Paris, 1974, p. 16-18.

40. William of Malmesbury, *De gestis regum anglorum*, ed. W.Stubbs // *RS*, 1887-89, t. II, p. 510.
41. R.Bezzola, *Les origines el la formation de la litterature courtoise en Occident*, Paris, 1944-63, 1.1, pt. 2, p. 245.
42. Andreas Capellanus, I, VI (цитирую по: C.S.Lewis, *The Allegory of Love*, p. 34).
43. Процитировано в: Bumke, *The Concept of Knighthood in the Middle Ages*, p. 93.
44. E.Kohler, *Observations historiques el sociologiques sur la poesie des troubadours* // *CCM*, t. VII, 1964, p. 32.
45. S.Painter, *French Chivalry*, Baltimore, 1940, p. 32.
46. Andreas Capellanus, *The Art of Courtly Love*, trs. Папу, p. 81.
47. Bezzola, *cit.sup.*, t. I, pt. 2, p. 242.
48. Chretien de Troyes, *Erec el Enide*, lines 6734ff.
49. *Chroniques des Comles dAnjou*, ed. L.Halphen and R.Poupardin, Paris, 1913, p. 194-196, 218.
50. *PL*, t. CLXXVIII, p. 114-15.
51. Относительно семейных хроник см. прежде всего G.Duby, *French genealogical literature* // *The Chivalrous Society*, p. 149ff.
52. *MGH*, SS, t. III, p. 422, 425.
53. О Ламбере де Ватрело см.: F.Vercauteren, *Une parente dans la France du nord au XIme et XIIme siecles* // *MA*, t. 69, 1963, p. 223-45; G.Duby, *The Chivalrous Society*, ch. 8, p. 138-48. Об описанных Ламбером де Ватрело генеалогиях знатных семейств см.: *MGH*, SS, t. XVI, p. 511-12.
54. Lambert of Ardres // *MGH*, SS, t. XXIV, p. 566-568; *Historia pontificum et comitum engolismensim*, ed. J.Boussard, Paris, 1957, p. 11-12; *Chroniques dAnjou*, ed. P.Marchegay and A.Salmon, Paris, 1856, t. I, p. 35, 354-55.
55. *MGH*, SS, t. XVI, p. 512.
56. Ritler, *Ministerialite et chevalerie*, p. 22ff, 32, 51-52; J.B.Freed, *The origins of the European nobility: the proble m of the ministerials* // *Viator*, t. 7, 1976, p. 211-41; а также см.: J.Bumke, *The Concept of Knighthood in ihe Middle Ages*, trs. W.T.H. and E.Jackson, New York, 1982, ch. III.
57. *MGH*, SS, t. XVI, p. 82; см. также: Ritter, *cit.sup.*, p. 87. У К.Дж. Лейзера есть несколько весьма интересных замечаний по поводу тех возможностей, что открывались перед министриалами в связи с борьбой за инвеституру, в его работе «*The German aristocracy in the early middle ages*» // *Past and Present*, t. 41, 1968, p. 25-53, особенно p. 47ff.

58. О Вернере фон Боланденс см.: Ritter, cit.sup., p. 92-93; K.Bosl, *Noble Unfreedom: the rise of the ministeriales in Germany* // T.Reuter (ed.), *The Medieval Nobility*, Oxford, 1978, p. 291-311.

59. J.Fleckenstein, *Die Entstehung des niederen Adels und das Rittertum* // J.Fleckenstein (ed.), *Herrschaft und Stand*, Gottingen, 1977, p. 22-23; J.Johrendt, *Miles und milicia im XII Jahrhundert im Deutschland* // A.Borst (ed.), *Das Rittertum im Mittelalter*, Darmstadt, 1976, p. 419-36.

60. Bosl // Reuter (ed.), *The Medieval Nobility*, p. 302; Ritter, cit.sup., p. 87; но по поводу более раннего случая защиты министралами своего статуса в 1104 г. см.: Leyser, cit.sup.// *Past and Present*, t. 41, 1968, p. 25, n. 2.

61. MGH, SS, t. XXIII, p. 432 (цитируется у Bosl, cit.sup., p. 300).

62. Fleckenstein, *Herrschaft und Stand*, p. 30, 32-34.

63. MGH, SS, t. 18 (Waitz), p. 103.

64. Wolfram von Eschenbach, *Willehalm*, ed. K.Lachmann, Berlin, 1926, p. 229.

65. Последующими своими рассуждениями я глубоко обязан профессору Дж. Ларнеру, чья превосходная лекция об итальянском рыцарстве времен Данте, прочитанная им в 1980 г. на конференции в честь профессора Дениса Хейя в Эдинбурге, послужила источником многих моих идей, изложенных в данной книге. Профессор Ларнер был настолько любезен, что предоставил мне возможность ознакомиться с рукописью его работы, и значительную часть своих примечаний я сделал благодаря ему.

66. P.J.Jones (цитирую по: B.Pullan, *A History of early Renaissance Italy*, London, 1973, p. 86).

67. J.Plesner, *L'Emigration de la campagne a la ville libre de Florence au XHle siecle*, Copenhagen, 1934 (цитирую по: J.Catto, *Florence, Tuscany and the World of Dante* // *The World of Dante*, ed. C.Grayson, Oxford, 1980, p. 4).

68. G.Villani, *Cronica*, t. VII, p. 120 (цитирую по: D.Waley, *The army of the Florentine Republic from the twelfth to the fourteenth century* // N.Rubinstein (ed.), *Florentine Studies*, London, 1969, p. 93).

69. MGH, SS, t. XX, p. 397.

70. Процитировано в: D.Waley, *The Italian City Republics*, London, 1969, p. 44.

71. G.Villani, *Cronica*, t. VII, p. 89.

72. RIS, t. XV, pt. 3, p. 51; t. IX, pt. 9, p. 68-69.

73. В качестве свидетельства того, что «Ordene de chevalerie» была хорошо известна в Италии, профессор Ларнер любезно предоставил мне следующие издания: *Libro di Novelle e di bel parlar gentile* // Novelline, ed. L. di Francia, Turin, 1930, p. 187-92 и *Fortunatus Siculus ossia l'Awenturoso Ciciliano*, ed. G.F.Nott, Florence, 1832, t. III, p. 310-18 (где имена действующих

лиц - Саладина и Гуга Тиберийского - измислены на султана Вавилона и Уливо да Фонтана). См. также: Fulgore di Sari Gimignano, *Sonnetti pel cavaliere* // F. di San Gimignano, *Sonnetti*, ed. F. Neri, Turin, 1925, p. 65-69.

74. RIS, i. VIII, pi. 2, p. 30.

75. Salimbene, *Cronica*, ed. G. Scalia, Bari, 1966, t. I, p. 85.

76. Purgatorio, XXVI, lines 140-147.

77. J. Callo, *cit. sup.*

78. *Ibid.*, p. 10.

79. F. di San Gimignano, *Sonnetti*, ed. Neri, p. 25.

80. См. G. Rajna, *Le origini delle famiglie Padovane e gli eroi dei romanzi cavallereschi* // *Romania*, I. IV, 1875, p. 161-83, особенно p. 169-75.

81. L. Paterson, *Knights and knighthood in the twelfth-century Occitan epic* // *Forum for Modern Language Studies*, t. 17, 1981, p. 115-30. Я цитирую ее перевод «Песни о Гирарте», строки 4958-5009, который она представила на семинаре в Оксфорде.

Глава III

1. По данному вопросу есть две замечательные работы: J. A. Brundage, *Medieval Canon Law and the Crusader*, Madison, Wisconsin, 1969; M. Villey, *La croisade: essai sur la formation d'une theorie juridique*, Paris, 1942.

2. Пожалуй, самой важной работой по этой проблеме является C. Erdmann, *Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens*, Stuttgart, 1935. Существует английский перевод: M. W. Baldwin and Goffart, *The Origin of the Idea of Crusade*, Princeton, 1977. А также см.: F. H. Russell, *The Just War in the Middle Ages*, Cambridge, 1975, работы Brundage и Villey, *cit. sup.*, n. 1, и R. Regout, *La doctrine de la guerre juste de St. Augustin a nos jours*, Paris, 1935.

3. См. F. H. Russell, *cit. sup.*, ch. I, p. 16ff, а также работы процитированных в указанном труде авторов.

4. *Ibid.*, p. 31ff.

5. Mansi, t. XX, p. 816.

6. PL, l. CXV, p. 656-57; см. также J. A. Brundage, *cit. sup.*, p. 22ff относительно зарождения идеи об отпущении всех грехов крестоносцам.

7. Erdmann, *cit. sup.*, p. 333.

8. *Ibid.*, p. 330.

9. *Ibid.*, p. 17-19.

10. *Ibid.*, p. 255-60.

11. RIS, t. V, p. 569.

12. О движении миролюбивых сил см.: Erdmann, cit.sup., ch. 2; Huberti, Studien, cit. ante (ch. 2, n. 26); Duby, The Chivalrous Society, ch. 8; H.E.J.Cowdrey, The eleventh-century peace and truce of God // Past and Present, t. 46, 1970, p. 42-67. О...-ъ Н.Hoffmann, Gottesfrieden und Treuga Dei // Schriften der MGH, i. XX, 1964.

13. Huberti, Studien, p. 123, 218.

14. Mansi, t. XX, p. 816.

15. M.Villey, La Croisade: essai sur la formation d'une theorie juridique, Paris, 1942, p. 59ff; Erdmann, cit.sup., ch. 2.

16. I.S.Robinson, Gregory VII and the soldiers of Christ // History, t. 58, 1973, p. 163-92.

17. Ibid., p. 187.

18. Bonizo, Liber de vita christiana, ed. E.Perels, Berlin, 1930, p. 56.

19. Erdmann, cit.sup., p. 189-190.

20. Fulcher of Charlies, Hisloria Hierosolyinitana, ed. H.Hagenineyer, Heidelberg, 1913, p. 136.

21. PL, t. CLVI, p. 685.

22. PL, t. CLI, p. 597; Ritter, Ministerialite et chevalerie, p. 137-38.

23. PL, t. CLXXXII, p. 921-27.

24. Относительно Устава ордена Тамплиеров, который известен в нескольких вариантах перевода, основанных на латинской версии Устава 1128 г., см.: Н. de Curzon, La regie du Temple, Paris, 1886.

25. La Chanson de Roland, lines 2384ff, ed. G.J.Braull, London, 1978, t. II, p. 146.

26. La Chanson de Guillaume, lines 818-22, ed. J.Wathelet-Willem, Paris, 1975, t. II, p. 813.

27. Ibid., lines 2035-40, t. II, p. 933.

28. A.Wass, Geschichte des Kreuzzuges, Freiberg, 1956, t. I, p. 33ff, 41ff.

29. G.Duby, The Chivalrous Society, p. 166-67; см. также J.Fechter, Cluny, Adel und Volk. Studien uber das Verhallnis des Klosters zu den Standen, Slutgart, 1966.

30. PL, t. CXLII, p. 682.

31. Относительно датировки «Беовульфа» было немало споров. Традиционно большинство поддерживает версию о VIII веке. Но поэма с тем же успехом могла быть написана и в X в. Наиболее полно данная тема освещена в следующей работе: C.Case (ed.), The dating of Beowulf, Toronto, 1981.

32. По поводу эпических песен на латинском языке см.: K.J.Leyser, The German aristocracy in the early middle ages // Past and Present, t. 41, 1968, p. 30, 42ff.

33. J.R.R.Tolkien, Beowulf: the monsters and the critics // PBA, t. 22, 1936, p. 245-94.
34. E.V.Gordon, Anglo-Saxon Poetry, Everyman, 1967, p. 99.
35. См., к примеру: J.Flori, Chevalerie et lilurgie // MA, t. 84, 1978, p. 435-39.
36. Gordon, cit.sup., p. 65.
37. La Chanson de Roland, lines 2344ff, I. II, p. 144; H.R.E.Davidson, The Sword in Anglo-Saxon England, Oxford, 1962, p. 212-13.
38. P.Wormald, Bede, Beowulf and the conversion of the Anglo-Saxon aristocracy // British Archaeological Reports, t. 46, 1978, p. 32-90; об Алкунии см. ibid., p. 45ff.
39. См. K.Hauck, The literature of house and kindred // T.Reuter (ed.), The Medieval Nobility, Oxford, 1978, p. 66ff. По поводу феодальных междоусобиц Людольфingгов см.: K.J.Leyser, Rule and Conflict in an early medieval society: Ottonian Saxony, London, 1979, ch. 1.
40. Bede, Hisloria Ecclesiastica, ed. C.Plummer, Oxford, 1896, t. I, p. 148.
41. J.Bedier, Les Legendes epiques, Paris, 1929, t. IV, p. 403ff.
42. Gordon, cit.sup., p. 20.
43. La Chanson de Roland, lines 2362-63, t. II, p. 144.
44. Huizinga, The Waning of the Middle Ages, p. 59.
45. Charny // Oeuvres de Froissart, t. I, pt. III, p. 510.
46. Tacitus, Germania, ch. 13-14.
47. G. de Villehardouin, la Conquete de Constantinople, ed. E.Faral, Paris, 1939, t. I, p. 20.
48. Ibid., I. II, p. 169.
49. Ibid., t. II, p. 73.
50. Ibid., I.1, p. 67.
51. J.Bedier, Les Chansons de Croisade, Paris, 1909, p. 172.
52. Ibid., p. 32-35, 92.
53. B. de Conrle, Le Dit dou Baceller // A.Jubinal (ed.), Recueil des contes, fabliaux et autres pieces inedites, Paris, 1839, t. I, p. 327ff.
54. О «Chanson d Antioche» см. S.Duparc-Quioc, La composition de la «Chanson d'Antioche» // Romania, t. 83, 1962, p. Iff, 210ff. См. также G.Paris, La «Chanson d'Antioche» provencale et la «Gran Conquista de Ultramar» // Romania, t. 17, 1888, p. 513-41; t. 19, 1890, p. 562ff; а также E.Roy, Les poemes francais relatifs a la premiere croisade: le poe me de 1356 et ses sources // Romania, t. 55, 1929, p. 411-68. О цикле поэм, посвященных крестовым походам вообще см. S.Duparc-Quioc, Le cycle de la Croisade, paris, 1955 и C.Cahen.le premier cycle de la croisade // MA,t. 63,1957,p. 311-28.

55. La Conquete de Jerusalem, ed. C.Hippeau, Paris, 1868, lines 3552ff, 3693ff, 4769ff.
56. В данном случае я пользовался версией «Элиоксы» в связи с ее большей драматичностью; см. H.Todd (ed.), La naissance du chevalier, Baltimore, 1889 и G.Paris, cit.sup. // Romania, t. 19, 1890, p. 314-40.
57. Chanson d'Antioche, ed. G.Paris, p. 12.
58. Wolfram von Eschenbach, Parzival, IX sections 443-44.
59. The High Book of the Graal (Perlesvaus), trs. N.Bryant, Cambridge, 1978, p. 19, 20.
60. Относительно вступления к работе де Борона см.: P. le Genti, The work of Robert de Boron and the «Didot Percival» // R.S.Loomis (ed.), Arthurian Literature in the Middle Ages, Oxford, 1959, ch. 19.
61. Ibid., chs. 19, 20; см. также вступление к: N.Biyant, The High Book of the Graal, cit.sup.
62. Cm. A.Pauphilet, Etudes sur la «Queste del Sanl Graal», Paris, 1921, p. 53-83; E.Gilson, La mystique de la Grace dans la «Queste del St.Graal // Romania, t. 51, 1925, p. 321-47.
63. J.Frappier, Le Graal et la chevalerie // Romania, I. 75, 1954, p. 165-210.
64. A. de Pegulhan (цитируется в: S.Painter, French Chivalry, Baltimore, 1940, p. 87).

Глава IV

1. L.Gautier, Le chevalerie, Paris, 1884, p. 250, 286ff.
2. Chroniques des Comtes d'Anjou, ed. Halphen and Poupardin, p. 179-80.
3. M.Andrieu, Le Pontifical Roman // Studi e Testi, Rome, 1938-40, t. II, p. 579-81.
4. Ibid., t. III, p. 447-50.
5. C.Erdmann, cit.sup., p. 330.
6. Orderic Vitalis, Historiae ecclesiasticae, ed. Le Prevost, t. II, p. 389.
7. Ibid., t. II, p. 40.
8. Процитировано в: P.Guilhiermoz, Essai sur l'originc de la noblesse en France au Moyen Age, Paris, 1902, p. 404.
9. Beowulf, lines 2864ff, ed. Fr.Klaeber, 1908; Gordon, cit.sup., p. 57.
10. Tacitus, Germania, cap. 13.
11. По этому поводу см. далее: J.Flori, Les origines de l'adoubement chevaleresque: etude des remises d'armes et du vocabulaire qui les exprime // Traditio, t. 35, 1979. Статья Флори появилась, когда данная глава была практически полностью написана; его точка зрения на соответствующие

события эпохи представляются более точной и лучше документированной, чем моя, а также расставленные им акценты несколько отличаются от моих; впрочем, выводы наши практически совпадают.

12. См. J.Flori, *Semantique el societe medievale:le verbe «arlouber» el son evolution au XIIme siecle* // *Annales*, t. 31, 1976, p. 915ff. Поскольку в данном случае Флори интересуют французские тексты на местных наречиях, то он имеет дело не с самым ранним упоминанием о посвящении в рыцари в *Anglo-Saxon Chronicle* (MS E) sub anno 1085: «и он... посвятил своего сына Генриха в рыцари».

13. W.Erben, *Schwertleite und Ritterschlag* // *Zeitschrift fur historische Waffenkunde*, t. 8, 1918-20, p. 109 (цитаты из: MGH, SS, t. X, p. 150, 152); Guilhiermoz, cit.sup., p. 396, n. 9.

14. MGH, SS, t. XXI, p. 514.

15. Guilhiermoz, cit.sup., p. 331-45.

16. *Le Charroi de Nimes*, lines 637-56, ed. D.McMillan, Paris, 1972, p. 89.

17. См. N.P.Brooks, *Arms, status and warfare in late Saxon England* // D.Hill (ed.), *Ethelred the Unready: papers from the Millenary Conference*, Oxford, 1978, p. 81ff.

18. Orderic Vilalis, *Historiae ecclesiasticae*, erl. Le Prevost, t. IV, p. 410, 422.

19. См. выше главу 2, сноску 46.

20. *Assises of Arriano*, cl. 19; MGH, Const: t. I, p. 197, no. 140; p. 451, no. 318 (или Leg: t. II, p. 103, 185). О...ъ E.Otto, *Von der Abschliessung des Ritterstands* // *Historische Zeitschrift*, t. 162, 1940, p. 19-39; J.Fleckenstein, *Zum Problem der Abschliessung des Ritterstands* // *Historische Forschungen fur W.Schlesinger*, ed. H.Beumann, Cologne, 1974, p. 252-71, где содержатся наиболее важные критические замечания по работе Отто.

21. J.Boussard, *L'origine des families seigneuriales dans la region de la Loire moyenne* // CCM, t. V, 1962, p. 306, n. 28.

22. *Renaud de Montauban*, verse 256 (приводится у: Guilhiermoz, cit.sup., p. 238, n. 7).

23. MGH, SS, t. VI, p. 498.

24. *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, ed. M.Bouquet, Paris, 1738..., i. XV, p. 608.

25. *Ritter, Ministerialite et chevalerie*, p. 11.

26. См. выше сноску 8.

27. MGH, SS, t. IX, p. 452.

28. RIS, t. V, p. 643.

29. P.Bonenfant and G.Despy, *La noblesse en Brabant au XH^{me}-XIIIme siecles* // MA, t. 64, 1958, p. 39.

30. Chretien de Troyes, Perceval le Galois, ed. C.Potvin, Mons, 1866-71, line 2824.

31. BR, MS 11407, f. 29; cp. Oeuvres de G. de Lannoy, ed. Potvin, p. 403.

32. John of Salusbury, Policraticus, ed. Webb, t. II, p. 16, 25; PL, t. CCXII, p. 743-44.

33. Например: BN, MS Fr. 1280, f. 44v (Diego de Valera, Traite de noblesse); а относительно клятв, которые якобы давали рыцари Круглого Стола, см.: E.Sandoz, Tourneys in the Arthurian tradition // Speculum, t. 19, 1944, p. 401-402.

34. Erdmann, cit.sup., p. 330.

35. Ibid., p. 74, n. 62; см. также J.Flori, Chevalerie et liturgie, p. 247-78, 409-42.

36. MGH, SS, I.1, p. 432; t. II, p. 609, 643-44; см. также Erben, Schwertleite und Ritterschlag, p. 108.

37. Flori // Traditio, t. 35, 1979, cit. sup.

38. Lull, Ordre of Chevaleiy, p. 28.

39. Cm. J.L.Nelson, Inauguration rituals // Early Medieval Kingship, ed. P.H.Sawyer and I.N.Wood, Leeds, 1977, p. 50ff.

40. MGH, SS, t. LX, p. 63-67.

41. Erdmann, cit.sup., p. 76.

42. Ibid., ch. 7.

43. Andricu, cit.sup., I.1, p. 579-81.

44. E.H.Massmann, Schwertleite und Ritterschlag, Hamburg, 1932, p. 164ff; см. также Guilhiermoz, cit.sup., p. 45.

45. P. de Vaux-Cernay, Hystoria Albigenensis, ed. P.Guebin and E.Lyon, Paris, 1930, t. II, p. 123-24.

46. La Chanson de Roland, lines 1116-21, 2315-37, t. II, p. 70, 142.

47. Цит. no: Ritter, cit.sup., p. 145.

48. Ibid., p. 144ff.

49. W.G.Sedgefield (ed.), King Alfred's Old English Version of Boetius, p. 40; MGH, SS, t. XV, p. 513; см. также J.M.Wallace-Hadrill, cit.sup.

50. см. выше, сноску 29.

51. Lull, Ordre of Chyvalry, p. 27-28.

52. Erben, cit.sup., p. 150.

53. G. de Lannoy, Voyages et ambassades 1390-1450, Mons, 1840, p. 15.

54. Histoire du gentil Seigneur de Bayart, ed. M.J.Roman, Paris, 1878, p. 385-86.

55. E.Prestage, Chivalry of Portugal // E.Prestage (ed.), Chivalry, London, 1928, p. 143.

56. Процитировано в: Massmann, cit.sup., p. 31.

57. Erben, cit.sup., p. 155-56.

58. e.g. BL, Cotton MS Nero C IX; Buccleuch MS, а также MS примечания в BL копии собственного издания У.Кэкстоном «Ordre of Chivalry», BL, 1 A 55071.

59. Cm. K.Elm, Kanoniker und Ritter vora Heiligen Grab // J.Fleckenstein and M.Hellmann (eds.), Die geistlichen Rilterorden Europas, Sigmaringen, 1980, p. 141ff; F.Pietzner, Schwertliete und Ritterschlag, Heidelberg, 1934, p. 83ff; Erben, cit.sup., p. 138, 151.

60. A.Schultz, Deulsches Leben in XIV und XV Jahrhundert, Leipzig, 1892, p. 527 (и иллюстрации на с.559-561).

61. Chanson d'Antioche, ed. P.Paris, t. I, p. 225; 6a. Li Bastars de Buillon, ed. A.Scheler, Brussels, 1877, lines 3729ff и дискуссию в: K.Treis, Die Formalitaten des Ritterschags, Berlin, 1877, p. 20, 25.

62. Cm. P.Contamine, Points de vue sur la chevalerie en France a la fin du Moyen Age // Francia, t. 4, 1976, p. 272ff.

63. MGH, SS, t. IX, p. 644; см. также для сравнения Erben, cit.sup., p. 135-136.

64. Annates monastic!, ed. H.R.Luard // RS. 1865-69, t. II, p. 357; t. IV, p. 451.

65. Orderic Vilalis, Historiae ecclesiaslicaе, ed. Le Prevost, t. II, p. 254-55.

66. Fulcher of Charlies, Historia hierosolymitana, ed. Hagenmeyer, p. 408-409; Orderic Vilalis, Historiae ecclesiaslicaе, t. IV, p. 245.

67. Li Romans de Durmart le Galois, ed. E.Stengel, Stuttgart, 1873, lines 12125ff.

68. Oeuvres de Froissart, t. XI, p. 166.

69. Sommer, The Vulgate Cycle of Arthurian Romances, t. III, p. 113ff.

Глава V

1. Sir T.Malory, Le MOrle d'Arthur, XVII, 1.

2. Recueil des historiens des Gaules el de la France, t. XII, p. 462.

3. Например: MGH, SS, t. XXIV, p. 299; PL, t. CLVII, p. 1272; PL, t. CLXXXV, p. 287.

4. G.F.Warner and H.J.Ellis, Facsimiles of Royal and other Charters in the British Museum, London, 1903,1.1, no. 12.

5. Galbert of Bruges, Hisloire du meurtre de Charles le Bon, ed. H.Pirenne, Paris, 1891, p. 9; MGH, SS, t. XX, p. 360.

6. Mansi, t. XXI, p. 439.

7. Du Cange, Glossarium, ed. G.A.L.Henschel, Paris, 1887, t. X, p. 20 (Dissertationes sur l'histoire de St.Louys, VI).

8. Nicetas Choniates, Historia: de Manuele Comnenno, Lib. III, 3 // Corpus scriptorum historiae Byzantinae.ed. B.G.Niebuhr, p. 141-43.

9. MGH, SS, t. XXIII, p. 155.

10. MGH, SS, t. XXI, p. 522; Rymer, Foedera, London, Record Commission, 1816, I.1, pt. I, p. 65.

11. Chretien de troyes, Erec et Enide, lines 2160-70.

12. MGH, SS, t. XXI, p. 518.

13. Ibid., p. 519.

14. M.Paris, Chronica majora, ed. H.R.Luard // RS, 1880, t. V, p. 17-18, 83, 265.

15. Flores historiarum, ed. H.R.Luard // RS, 1890, t. III, p. 30-31; W.Rishanger, Chronica et Annates, ed. H.T.Riley // RS, 1865, p. 79-80.

16. Rymer, Foedera (1816 edn), t. I, pt. I, p. 65.

17. Statutes of the Realm, t. I, p. 230-231.

18. Насколько мне известно, не существует оригинального текста ордо-нансов, изданных относительно турниров Людовиком VII и Филиппом Августом, на которые ссылается А.Favyn, Le theatre d'honneur et de chevalerie, Paris, 1620, t. II, p. 1802-803.

19. M.Delbouille (ed.), Jacques Bretel: Le tournoi de Chauvency, Paris, 1932.

20. R.Coggeshall, Chronicon Anglicanum, ed. J.Stevenson // RS, 1875, p. 179.

21. MGH, SS, t. XXIII, p. 595; R.Harvey, Moriz von Craun and the chivalric world, Oxford, 1961, p. 150-51; Du Cange, Glossarium, t. X, p. 170.

22. Recueil des historiens des Gaules et de la France, t. XX, p. 512.

23. MGH, SS, t. XXIV, p. 521 (в разных хрониках указывается очень различное количество смертельных исходов таких поединков; ясно, впрочем, что их было немало).

24. M.Paris, Chronica majora, t. IV, p. 135-136.

25. R.Hoveden, Chronica, ed. W.Stubbs // RS, 1869, t. II, p. 166-167.

26. William of Newburgh, Historia rerum anglicarum // Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II and Richard I, ed. R.Howlett // RS, 1885, t. II, p. 422-23.

27. J. de Meun, L'Art de chevalerie, ed. U.Robert, Paris, 1897, p. 14.

28. Henri de Laon, Le Dit des herauts, lines 50ff // A.Langfors, «Le Dit des herauts» par henri de laon // Romania, t. 43, 1914, p. 216ff.

29. C.Oulmont, Les Debats du clerc et du chevalier, paris, 1911, p. 113.

30. L'Histoire de Guillaume le Marechal, lines 3381ff.

31. Ibid., lines 5941-6171, 6260-84.
32. *Le Roman du Castelain de Couci*, ed. M.Delbouille, Paris, 1936, lines 6832-99.
33. MGH, SS, t. XXI, p. 534.
34. *The legend of Fulk Fitzwarin*, ed. J.Stevenson // *RCoggeshall, Chronicon Anglicanum* // RS, p. 325-26.
35. G.A.Seyer, *Geschichte des Heraldik*, Nuremberg, 1885, p. 48-49; *Parlies inedites de l'oeuvre de Sicile Heraut*, ed. P.Roland, Mons, 1867, p. 98.
36. О празднике Espinette см.: L. de Rosny, *L'Epeivier d'Or*, Valenciennes, 1839. Профессор Juliet Vale, *Edward III and Chivalry*, Boydell, 1983, включила во вторую главу исключительно яркое исследование гражданских festes и самого средневекового общества Голландии и Северной Франции, где дастся представление о самых интересных современных дискуссиях относительно турнира и пира Espinette, а также других подобных рыцарских состязаний на указанной территории.
37. A.Schulz, *Das Hofische Leben zur Zeit der Minnesinger*, Leipzig, 1889, t. II, p. 117ff.
38. Например: BR, MS 14395, fs. 39ff; а также J.Vale, cit.sup., ch. 1 and Appendix 6 - по поводу весьма интересной дискуссии относительно турнира Espinette. Я был удостоен чести прочесть гранки этой книги еще до того, как она вышла в свет.
39. Geoffrey of Monmouth, *Historia regum Britaniae* // E.Faral (ed.), *La legende Arthurienne*, Paris, 1929, t. III, p. 246.
40. Wase, *Li Roman de Brut*, ed. Le Roux de Lincy, Rouen, 1836-38, lines 10803ff; см. также R.W.Hanning, *The social significance of the 12th-century chivalric romance* // *Medievalia et Humanistica*, new series, t. 3, 1972, p. 3-29.
41. *L'Histoire de Guillaume le Marechal*, lines 3426ff.
42. Chretien de Troyes, *Chevalier de la Charette*, lines 5379ff.
43. Об Ульрихе см. R.Harvey, *Moriz von Craun and the Chivalric World*, Oxford, 1961. Я постоянно полагался на ее точку зрения по этому вопросу.
44. Harvey, cit.sup., p. 101.
45. Описание карьеры Ульриха см. вступление к поэтической версии (переводу) J.W.Thomas, *Ulrich von Lichtenstein's Service of ladies*, Chapel Hill, 1969.
46. P. de Novare, *Me moires*, ed. C.Kohler, Paris, 1913, p. 7, 134; см. также R.S.Loomis, *Chivalric and dramatic imitations of Aithunan romance* // *Medieval Studies in memory of A.K.Porter*, Cambridge, Mass., 1939, t. I, p. 79.
47. A.Henry (ed.), *Sarrasin: Le Roman du Ham*, Paris, 1939.
48. Ibid., lines 3200ff.

49. См. R.S.Loomis, Edward I, Arthurian Enthusiast // *Speculum*, t. 28, 1953, p. 114-27.

50. 0 круглых столах см. R.H.Cline, The influence of romances on tournaments of the middle ages // *Speculum*, t. 20, 1945, p. 204-11.

51. W.Dugdale, *Monasticon Anglicanum*, London, 1830, t. VI, pt. 1, p. 350; см. также J.Smyth, *Lives of the Berkleys*, ed. J.Maclean, Gloucester, 1883, t. I, p. 147.

52. *Annales Monastici*, cit.sup., t. II, p. 402; t. IV, p. 489.

53. *Le Roman du Ham*, ed. Henry, lines 2653ff.

54. *Le Tournoi de Chauvency*, lines 4305-443.

55. *Ibid.*, lines 936ff; 2707-17.

56. C.J.Hefeled and H.Leclercq, *Histoire des conciles*, Paris, 1912-13, i. V, pt. 1, p. 688, 729, 825; pt. 2, p. 1394, 1660.

57. *Corpus juris canonici*.ed. A.Friedberg, Leipzig, 1881, t. II, p. 1215.

58. Caesarius of Heisterbach, *Dialogue miraculorum*, ed. J.Strange, Cologne, 1851, t. II, p. 327-28.

59. *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, t. XXI, p. 629.

60. M.Paris, *Chronica majora*, I. III, p. 143-45.

61. J. de Vitry, *Exempted*. T.F.Crane, London, 1890, CXLI.

62. *Oeuvres de Jacques de hemricourt*, ed. C. de Borman and A.Bayot, Brussels, 1910, t. I (*Le Miroir des Nobles de Hesbaye*), p. 171ff.

63. Harvey, cit.sup., p. 148; он приводит соответствующий отрывок.

64. Henri de Laon, *Le Dit des herauts*.

65. См. выше, с.47-48.

66. *Annales monastici*, t. III, p. 51.

67. N.Denholm-Young, The tournament in the thirteenth century // *Studies in Medieval Histoiy presented to F.M.Powicke*, ed. R.W.Hunl, W.A.Pantin and R.W.Southern, Oxford, 1947, p. 56.

68. *Vita Edwardi Secundi*, ed. N.Denholm-Young, London, 1957, p. 23; см. также J.Maddicott, *Thomas of Lancaster*, Oxford, 1970, p. 99-102.

69. N.Denholm-Young, The tournament in the thirteenth century, cit.sup., p. 267-68.

70. Du Cange, *Glossarium*, t. X, p. 23.

71. Hefeled and Leclercq, cit.sup., t. V, pt. 2, p. 1394, 1660; Du Cange, *Glossarium*, t. X, p. 22.

72. G.Villehardouin, *La Conquete de Constantinople*, t. I, p. 3-7.

73. Cline, cit.sup., p. 205.

74. MGH, SS, t. XXV, p. 543.

75. *Roman du Ham*, lines 183ff.

76. B. de Conde, *Le Dit dou Baceller*, cit.sup., p. 340-341.

77. Le Roman du Castelain de Couci, lines 7308ff, 7444ff.
78. Caesarius of Heisterbach, Dialogue miraculorum, t. II, p. 49ff.
79. Huon de Mery, Le Tournoiement de L'Antichrist, Reims, 1851, p. 17, 38, 41f, 49f, 59ff.
80. Roman du Ham, lines 322ff.
81. Le Tournoi de Chauvency, lines 426ff.
82. N.H.Nicolas, The Controversy between Sir Richard Scrope and Sir Robert Grosvenor in the Court of Chivalry, London, 1832, t. I, p. 155.
83. Percceforest I, f. 23r.
84. Le Tournoi de Chauvency, lines 2617-24.
85. B. de Conde, Le Dit clou Baceller, p. 341; G. de Charny // Oeuvres de Froissart, t. I, pt. III, p. 464-72.

Глава VI

1. La Chanson des Saisnes, ed. F.Michel, Paris, 1832, t. I, p. 1-2.
2. Bedier, Les Legendes epiques, I. IV, p. 452ff.
3. La Chanson de Roland, laisses 271-89.
4. Li Romans d'Alixandre, p. 99ff.
5. О пробуждении интереса к сведениям, содержащимся в этой поэме, см.: G.Doutreponl, La Litterature francaise a la cour des Dues de Bourgogne, Paris, 1909, esp. ch. 1; Idem, Les mises en prose des epopees et des romans chevaleresques // Me moires de ГAcademic Royale de Belgique, Lettres, t. 40, Brussels, 1939.
6. R.N.Walpole (ed.), The Old French «Johannes» translation of the Pseudo Turpin Chronicle, California, 1976, p. 174.
7. Bedier, Les Legendes epiques, t. IV, p. 403ff.
8. R.Lejeune and J.Stiennon, La legende de Roland dans Гart du moyen age, Brussels, 1966, t. I, P- 61ff; t. II, plates 35-40 (Verona); t. I, p. 192ff, plates VII-XVIII (Chartres).
9. В данном контексте весьма интересен анализ Уолпола, посвященный тем светским сеньорам, которые оплачивали переводы псевдо-Турпина. См. R.N.Walpole, Philip Mouskes and the Pseurlo-Turpin Chronicle // University of California Publications in Modern Philology, 1947, p. 364ff.
10. Ambroise, L'Estoire de la Guerre Sainte, ed. G.Paris, Paris, 1897, lines 4665-66; см. также M.Keen, Chivalry, heralds and history // The Writing of Histoiy in the Middle Ages: essays presented to R.W.Southern, ed. R.H.C.Davis and J.M.Wallace-Hadrill, Oxford, 1981, p. 393-414.

11. В качестве вступления к описанию роли Сен-Дени как центра исторических исследований см.: G.M.Spiegel, *The Chronicle Tradition of St.Denis: a Survey*, Brookline, Mass., 1978; см. также R.N.Walpole, *The «Pelerinage de Charlemagne»: poem, legend and problem* // *Romance Philology*, t. VIII, 1954, p. 173-86; A. de Mandach, *La naissance et developpement de la chanson de geste en Europe*, t. I, Paris, 1961, p. 83ff; t. II, Geneva, 1963, introduction.

12. Humbert de Romans, *Tractatus sollemniss de praedicatione sanctae crucis*, chs. 16,36,37 // T.Kaeffele, *Scriptores ordinis praedicatorum medii aevi*, t. II, Rome, 1975, p. 288ff.

13. The Old French «Johannes» translation of the Pseudo Turpin Chronicle, ed. Walpole, p. 146-47.

14. CM. E.Kohler, *Les aventures chevaleresques: ideal et realite dans le roman courtois*, Paris, 1974, ch. 2.

15. CM. J.Frappier, *Remarques sur la peinture de la vie des heros antiques dans la litterature francaise du XIIme et XIIIme siecles* // A.Fourrier (ed.), *L'Humanisme medieval dans les litteratures romanes du XIIme au XIVme siecle*, Paris, 1964, p. 13-64. Я многим обязан этому яркому исследованию.

16. B. de Ste Maure, *Roman de Thebes*, lines 97-100.

17. Villehardouin, *la Conquele de Constantinople*, t. I, p. 130.

18. Относительно дискуссии по этому поводу см.: Frappier, cit.sup., 19ff.

19. Frappier, cit.sup., p. 34 (цитирует *Roman de Thebes*, lines 4789-90, p. 44).

20. *Li Romans dAlixandre*, p. 114, 115, 416.

21. Ibid., p. 138.

22. Ibid., p. 489.

23. Ibid., p. 186.

24. Ibid., p. 8,17, 251.

25. Frappier, cit.sup., p. 46; а относительно дальнейших научных споров по этому поводу см.: Hanning, *The social significance of the 12th century chivalric romances* // *Medievalia et Humanistica*, new series, t. 3, 1972, p. 3-29.

26. О «Fait des Romans» см. L.F.Flutre, «Li Fait des Romans» dans les *litteratures francaises et italiennes du XIIIme au XVIme siecle*, Paris, 1932.

27. См. также далее: J.Monfrin, *Humanisme et traductions au moyen age* // Fourrier, cit.sup., p. 217ff. Во второй работе, опубликованной в том же томе, с. 246-262, Монфрен обращается к теме тех сеньоров, которые покровительствовали переводчикам, а также - читателям их переводов.

28. Цит. по Monfrin, cit.sup., p. 228-29.

29. Относительно переводов Вереция и их популярности см. J.A.Wisman, «L'Epitoma Rei Militaris» de vegece el sa fortune au Moyen Age, cit.sup., p. 13-31.

30. О Боне, Кристине Пизанской и их переводах работ этих юристов см. предисловие G.W.Coopland К.Н. Bonel, *The Tree of Battles*, Liverpool, 1949; см. также М. Keen, *The Laws of War*, cit. sup., ch. 2.

31. Перевод С.Скроупа (сделанный им для сэра Джона Фастолфа) Кристины Пизанской C. de Pisan, *The Epistle of Othea*, ed. C.F.Buhler, EETS, Oxford, 1970, p. 13, 36.

32. *Le Livre des faiz du bon Messire Jehan Le Maingre*, dil Boucicaut, ed. M. Petitot // *Idem*, *Collection des memoires relatifs a l'histoire de France*, t. VI, Paris, 1825, p. 390-91, 393.

33. Geoffrey of Monmouth // Faral (ed.), *La Legende Arthurienn*, t. III, p. 71.

34. Sommer, *The Vulgate Version Of the Arthurian Romances*, t. VI, p. 198-99; см. также R. Howard Bloch, *Medieval French Literature and Law*, California, 1977, p. 203-206.

35. Cm. A. Gransden, *The growth of the Glastonbury traditions and legends* // JEH, t. 27, 1976, p. 337-358 (особенно p. 352ff).

36. Cm. E. Sandoz, *Tourneys in the Arthurian tradition* // *Speculum*, t. 19, 1944, p. 389-420. Сандос публикует не весь текст; однако его можно обнаружить в нескольких других манускриптах, включая тот, что хранится в муниципальной б-ке Лилля: Bibl. Municipale de Lille, MS 329, а также BN, MS Fr. 12.597, которые я и использовал.

37. Bibl. Municipale de Lille, MS 329, f. 74 (Этот текст немного отличается от того, который опубликован Сандосом).

38. *La Chanson des Saisnes*, t. I, p. 1-2.

39. P. de Mezieres, *Le Songe du viel pelerin*, ed. G.W.Coopland, Cambridge, 1969, t. II, p. 222.

40. Cm. R.S. Loomis, *The oral diffusion of the Arthurian legend* // R.S. Loomis (ed.), *The Arthurian Legend in the Middle Ages*, p. 52-63, а также список литературы, приведенный в данном издании.

41. См. изображение 2 в: Loomis (ed.), *Arthurian Literature in the Middle Ages*.

42. По этому поводу см.: Loomis (ed.), *The Arthurian Legend*, ch. 21.

43. Geoffrey of Monmouth // Faral (ed.), *La Legende Arthurienn*, t. III, p. 245; см. также Frappier // Fourier, *L'Humanisme medieval...*, p. 25ff.

44. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, # 53.

45. Два перевода произведений Овидия, «*Les Commandemens Ovide*» и «*L'Art d'amours*», были, очевидно, в числе самых ранних работ Кретьена (см. «Клижес» стих 1); см. также F.E. Guyer, *The influence of Ovid on Chretien de Troyes* // *Romanic Review*, t. 11, 1921, p. 97-134, 216-47.

46. G. de Charny // *Oeuvres de Froissart*, t. I, pt. III, p. 483-86.

47. G.Diaz de Gamez, *The Unconquered Knight: a chronicle of the deeds of Don Pero Nino*, trans. J.Evans, London, 1928, p. 149.
48. *Le Livre des faicts du Marechal de Boucicaud*, p. 393.
49. *Chronique des quatre premiers Valois*, ed. S.Luce, Paris, 1872, p. 123-125.
50. Sir T.Gray, *Scalacronica*, ed. J.Stevenson, Edinburgh, 1836, p. 145ff.
51. Geoffrey of Monmouth // Faral (ed.), *La Legende Arthurienne*, I. III, p. 232-233.
52. Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, # 444, 445.
53. *The High Book of the Graal*, trs. Bryant, p. 168-173.
54. F.Viellard, *Un texte interpolate du cycle du «Grael»* (Bibliotheque Bodmer MS 147) // *Revue d'histoire des textes*, t. 4, 1974, p. 289-337.
55. См. выше, главу III.
56. The Old French «Johannes» translation of the Pseudo Turpin Chronicle, p. 174.
57. Sommer, *The Vulgate Vision of the Arthurian Romances*, I. III, p. 116-17.
58. О переводах Библии на французский язык см. S.Berger, *La Bible francaise au Moyen Age*, paris, 1884; C.A.Robson, *Vernacular Scriptures in France* // *The Cambridge History of the Bible*, ed. G.W.H.Lampe, Cambridge, 1969, t. II, p. 436-52, 528-32. Я также нашел чрезвычайно информативное предисловие Снеддона к его работе: C.R.Sneddon, *Critical Edition of the Four Gospels in the 13th-century Old French translation of the Bible*. Oxford D.Phil.thesis, Bodleian MS D.Phil, p. 2737-38.
59. Sneddon, cit.sup., 1.1, p. 46.
60. Гурнэ был владельцем Библии, которая ныне находится в BL, MS Royal 19 D iv-v; см.: Sneddon, cit.sup., p. 44.
61. Robson, cit.sup., t. II, p. 443; см. также H.Buchta, *Miniature painting in the Latin Kingdom of Jerusalem*, Oxford, 1957, p. 57-58.
62. Le Marquis d'Albon 9ed.), *Le Livre des juges*, Lyons, 1913. Этот перевод был выполнен для Ричарда Гастингса и тамплиеров Ото де Сент-Омера и датируется примерно 1151 и 1171 гг.
63. Текст см. в: R.L.Graeme Ritchie (ed.), *The Buik of Alexander*, Cambridge, 1925, t. III, lines 3910ff.
64. О «Девяти Героях» см.: K.J.Holgen, *Die «Nine Worthies»* // *Anglia*, t. 77, 1959, p. 279-309; об иконографии сюжета см. R.L.Wyss, *Die Neun Helden* // *Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*, t. 17, 1957, p. 73-106. Интересный анализ темы «Девяти Героинь» см. в: M.Wamer, *Joan of Arc*, London, 1981, p. 205ff.

65. См. цитату, приведенную в: I.Gollanz (ed.), *The parlement of the Thre Ages*, Roxburghe Club, 1897, p. 120.
66. См. выше главу III.
67. Cuvelier, *Chronique de Bertrand du guesclin*, t. I, line 9875.
68. «Ane Ballet of the Nine Nobles» // *The Parlement of the Thre Ages*, p. 134.
69. BL, MS Royal 14 E II, f. 9v. По поводу «Chemin» и его автора, Жана де Курси, см. A.Piaget // *Romania*, t. 27, 1898, p. 582-607 (к сожалению, он основное внимание уделяет языку поэмы).
70. C. de Pisan, *Ditie de Jehannc d'Arc*, ed. A.J.Kennedy and K.Varty, Oxford, 1977, lines 217-24, 285-87.

Глава VII

1. Chretien de Troyes, *Chevalier de la Charette*, lines 5793-812.
2. По поводу геральдических знаков см. A.R.Wagner, *Heralds and Heraldry in the Middle Ages*, Oxford, 1956, p. 12.
3. *Chroniques des Cmtes d'Anjou*, p. 179-80.
4. Wagner, *cit.sup.*, p. 14-15; D.L.Galbreath, *manuel de blason*, lausanne, 1942, p. 34-39; L.Bouly de Lesdain, *Etudes heraldiques sur le XIIme siecle* // *Annuaire du conseil heraldique de France*, t. XX, 1907, p. 208ff.
5. Galbreath, *cit.sup.*, p. 38. Входившие в такой отряд могли носить герб или эмблему своего предводителя; например см.: E.von Berchen, D.L.Galbreath and O.Hupp, *Die Wappenbucher des Deutsches Mittelalters*, 1939, Fig. 1 (из Peter of Eboli, *Carmen de motibus siculis*).
6. Относительно первых французских и английских гербовых свитков см.: A.R.Wagner, *A Catalogue of English Medieval Rolls of Arms*, Oxford, 1950; P.Adam Even, *catalogue des armoriaux francais imprimes*, 1946; «*Clipearius Teutonicorum*» описан у von Berche, Galbreath, Hupp, *cit.sup.*, no. 71, p. 91-92.
7. Von Berchen, Galbreath, Hupp, *cit.sup.*, no. 3, p. 4-6.
8. *Ibid.*, no. 9, p. 10-11.
9. F.Hauptmann, *das Wappenrecht*, Bonn, 1896, p. 242.
10. *Medieval England: a new edition of Barnard's Companion to English History*, ed. H.W.C.Davis, Oxford, 1924, p. 221; M.Maclagan, *The heraldry of the House of Clare* // *Papers of the XIII international congress of genealogical and heraldic sciences*, 1982, p. 3-11.
11. Cm. C.Coulson, *Structural symbolism in medieval castle architecture* // *Journal of the British Archaeological Association*, t. CXXXII, 1979, p. 74-77.

12. Wagner, A Catalogue, cit.sup., p. 3; P.Adam Even, Un armorial francais du XIIIme siecle - le role Bigot, 1254 // AHS, t. 63, 1949, p. 15-22, 68-75, 115-21.

13. R.J.Dean, An early treatise on heraldry in Anglo-Norman // Romance Studies in memory of Edward Billings Ham, California, 1967, p. 21-29; а также R.Dennys, The Heraldic Imagination, London, 1975, p. 60-61. G.J.Brault, Early Blazon, Oxford, 1972, датирует развитие того, что он называет «классическим блазонированием» гербов, серединой XIII в..

14. Benoit de Ste Maure, Le Roman de Troie, ed. L.Constans, paris, 1904-12, lines 7715, 7756-57, 23889; см. также P.Adam Even, Les usages heraldiques au milieu du XIIme siecle // Archivum Heraldicum, t. LXXVII, 1963, p. 18-29.

15. Book of St.Albans, ed. Wynkyn de Worde, d., VII-VIII.

16. BL, MS Harl. 2259, f. 21. Диего да Валера всего лишь соглашается с тем, что гербы можно таким образом «захватить» на поле боя, когда пленник захвачен во время бегства или же утратил свое главенствующее положение в войске вместе с собственной свободой (BN, MS Fr. 1280, f. 54).

17. Wagner, Heralds and Heraldry, p. 65, 122.

18. N.Upton, De studio militari, p. 257-58.

19. Bartolus, De insigniis et armis tractatus, ed. // E.Jones, Medieval Heraldry, Cardiff, 1943, p. 228-29, 234-35.

20. Galbreath, manuel de blason, p. 34; см. также G.Duby, The Chivalrous Society, p. 138-40.

21. E.E.Dorling, Canting arms in the Zurich Roll // The Ancestor, t. XII, 1905, p. 18-41.

22. Upton, cit.sup., p. 200; Dennys, cit.sup., p. 50.

23. См. например BN, MS Fr. 5242, f. 23; 6a. BN, MS Fr. 1953, fs. 46, 54; см. также Sicily Herald, Le Blason des couleurs, ed. H.Cocheris, Paris, 1860, p. 54-67.

24. H. de Meiy, Le Toumoie ment del'Antechrist, Reims, 1851, p. 59; см. также Brault, Early Blazon, p. 49; O....ъ M.Prinet, Le language heraldique dans le «Tournoie ment Antechrist // BEC, t. 83, 1922, p. 43-53.

25. BN, MS Fr. 5936, fs. 18-18v.

26. C.F.Menestrier, Le Veritable Art du blason, Lyons, 1672, p. 250.

27. BN, MS Fr. 16988, fs. 167-168v (на самом деле «отчет» об этом несчастном случае появился во многих геральдических рукописях MSS).

28. He mricourt, Oeuvres, t. I, p. 131, 258.

29. Ibid., t. III, p. 39.

30. BN, MS Fr. 1280, f. 54v (Vanderjagt, p. 270).

31. Coll. of Arms MS, Processus in curia marescalli, t. I, p. 462-63.
32. BR, MS 11407, fs. 32v-33; G. de Lannoy, Oeuvres, p. 410.
33. BN, MS Fr. 1997, p.11; Prost, Traites du duel judiciaire, Paris, 1872, p. 202.
34. BN, MS Fr. 1997, p. 6; Prost, cit.sup., p. 197.
35. R.S. and L.R.Loomis, Arthurian Legends in medieval Art, Oxford, 1938, p. 48-50, Figs. 61, 62.
36. Nicholas, The Scrope and Grosvenor Controversy, t. I, p. 111.
37. Froissart, Oeuvres, t. XV, p. 181.
38. Parties inedites de l'oeuvre de Sidle heraut d'Alphonse v Roi d'Aragon, ed. P.Roland, Mons, 1967, p. 42-46.
39. C.Bullock-Davies, Meneslrellorum Multitudo, Cardiff, 1978, p. 42; он цитирует роман : Wace, Le Eoman de Rou, lines 11949-50; Wagner, Heraldry and Heraldry, p. 46-47, цитирует: Chretien de troyes, Le Chevalier de la Charette, lines 5553-65; P.Adam Even, Les fonctions mililaires des herauts d'armes // AHS, t. LXXI, 1957, p. 2-33, рассматривает ссылки на произведения герольдов Лас Навас де Толоса. Dennys, Heraldic Imagination, p. 33, предполагает, что сходное описание того, как гресо будит воинов в 1098 г., в Анонимі Gesta Francorum, ed. R.Hill, London, 1962, это первое аутентичное упоминание о роли герольда; что вполне вероятно.
40. Dennys, cit.sup., p. 36.
41. The Chronicle of Walter of Guisborough, ed. H.Rothwell, Camden Soc., vol., LXXXIX, 1957, p. 200.
42. Wagner, cit.sup., p. 25ff.
43. Chretien de Troyes, Chevalier de la Charette, lines 5555-84.
44. L'Histoire de Guillaume le Marechal, lines 5222ff.
45. Wagner, cit.sup., p. 134-135.
46. P.Adam Even, cit.sup., p. 22-24.
47. Roman du Ham, lines 100ff.
48. Wagner, cit.sup., p. 30-31, 133-134.
49. Bullock-Davies, cit.sup., p. 38-44; Wagner, cit.sup., p. 26-27; N.Denholm-Young, History and Heraldry, p. 54-60.
50. Statutes of the Realm, t. I, p. 231; Ordonnances des Roys de France, 1.1, Paris, 1723, p. 435-41.
51. Dennys, cit.sup., p. 61.
52. Bodley, Rawlinson MS C 399, fs. 78-78v.
53. Ibid., fs. 77-77v.
54. Ibid., f. 77v; Wagner, cit.sup., p. 56.
55. Wagner, cit.sup., p. 133.
56. Ibid., p. 53-54; P.Adam Even, cit.sup., p. 26-33.

57. Le Debat des herauts d'armes de France et d'Angleterre, ed. L.Pannier and P.Meyer, Paris, 1877, p. 1.

58. Froissart, Oeuvres, t. II, p. 11.

59. The Black Book of the Admiralty, ed. T.Twiss // RS, 1871, t. I, p. 297, 298.

60. Bodley, Rawlinson MS C 399, f. 76v.

61. Froissart, Oeuvres, t. II, p. 394-95.

62. R. de Houdenc, Les Ailes de prouesse (приводится в: G.Cohen, Histoire de la chevalerie en France, Paris, 1949, p. 146ff).

63. The Roll of Caerlaverock, ed. T.Wright, London, 1864, p. 11-12, 21, 22-23; см. также N.Denholm-Young, The «Song of Carlaverock» and the Parliamentary Roll of Arms // PBA, t. 47, 1961, p. 251-62.

64. Chandos Herald, Life of the Black Prince, ed. M.K.Pope and E.C.Lodge, Oxford, 1910; см. также Mathew, The Court of Richard II, p. 118-24.

65. Wapenboek ou Armorial de 1334 a 1372... par Gelre Heraut d'Armes, ed. V.Bouton, Paris, 1881, t. I, p. 67ff.

66. Ibid., p. 90, 97.

67. Ibid., p. 7ff (Staveren; p. 41 (Rutger Raets); p. 49 (Dietrich of Elnaer).

68. P.Suchenwirt, Werke, ed. A.Primisser, Vienna, 1827; см. примеры упомянутых качеств, IV, VII, VIII, XXIV.

69. См. вступление Адама Ивена к его изданию «Гербовника» Гельдерна: P.Adam Even, L'armorial universel du Heraut Gelre, Claes Haenen, Roi des Armes des Ruysers // AHS, t. 75, 1961. Адам Ивен показывает, что Хенен работал над своим гербовником примерно 25 лет (с 1370 по 1395), и отделы, посвященные гербам различных государств, содержат указания на то, когда он получил сведения относительно этих гербов (французские гербы, например, датируются примерно 1359-1375 гг.; английские - 1382-1385; бретонские - более поздним временем, ок.1384 г., и т.д.). Он, видимо, сперва состоял на службе у Жана де Шатийона, затем - у епископа Утрехта (который, возможно, и сделал его Герольдом Гельдерном), затем, наконец - у Альберта и Вильгельма VI Баварских. Умер он ок.1415 г.

70. Denholm-Young, cit.sup., p. 52.

71. E.G. Besancon, Bibl. Municipale, Coll. Chifflet MS 186 (копия более позднего, XIV-XV вв., гербового свитка), p. 114-15 (гербы Карла Великого и его паладинов); 115 (король Артур и избранные из его рыцарей); 116 (Александр и греческие паладины). Среди рукописей, в которых блазонированы гербы всех рыцарей Круглого Стола с подробностями их биографий, выделяются следующие: Lille Bibl. Municipale MS 329, а также BN, MS Fr.12597; другие рукописи перечислены Сандосом, см.: Sandoz: Speculum 19 (1944). R.L.Wyss приводит список свитков и гербовников, в которых блазо-

нируются гербы Девяти Бесстрашных, в *Zeitschrift fur Schweizerische Archaologie und Kunstgeschichte*, t. XVII, 1957, p. 97-102.

72. BN, MS Fr. 112; см. также C. Pickford, *L'Evolution du Roman Aithurien en prose vers la fin du Moyen Age*, d'après le MS 112 du fonds française de la Bibliothèque Nationale, Paris, 1966.

73. См. ниже с. 213.

74. Wagner, cit. sup., Appendix F, p. 150ff.

Глава VIII

1. BN, MS Fr. 1280, f. 54v (в издании Vanderjagl, p. 270, это высказывание переведено несколько иначе.

2. J. Boussard, *L'origine des familles seigneuriales dans la region de la Loire moyenne*, cit. sup., p. 306, n. 28.

3. Seyer, *Geschichte der Heraldik*, p. 9.

4. P. de Beaumanoir, *Les Coutumes de Beauvaisis*, ed. le comte Beugnot, Paris, 1842, t. II, p. 54-55; см. также Ibid., p. 223, 232-33.

5. *La Regie du Temple*, p. 22, 25-26, 66-67, 343.

6. G. Duby, *The Chivalrous Society*, p. 183; см. также R. Fossier, *La noblesse picarde au temps de Philippe le Bel* // P. Contamine (ed.), *La noblesse au Moyen Age*, p. 105-27, особенно p. 118ff.

7. P. Adam Even, *Les sceaux d'ecuyers au XHme siecle* // AHS, t. LXV, 1951, p. 19-29.

8. J. A. Buchon (ed.), *Collection des chroniques francaises du XHme au XIVme siecle*, Paris, 1826, t. 23, p. 312.

9. Seyler, *Geschichte der Heraldik*, p. 8 (цит устав графа Кибурга от 1256 г.).

10. N. Denholm-Young, *The Country Gentry in the Fourteenth Century*, Oxford, 1969, p. 141, n. 2 (самые ранние упоминания об участии в турнирах оруженосцев); Vulson de la Colombiere, *Le Vray Theatre d'honneur et de chevalerie*, p. 104, 119 (о допущении в орден Полумесяца оруженосцев); Charny, *Livre de chevalerie* // Froissart, *Oeuvres*, t. I, pt. III, passim (о том, что воины - это чаще всего именно рыцари).

11. BN, MS Fr. 2765, f. 45 (приводится в: Guilhiermoz, *L'Origine de la noblesse en France*, p. 374, n. 18).

12. О патентах см. R. H. Lucas, *Ennoblement in late medieval France* // *Medieval Studies*, !. 39, 1977, p. 239-60, особенно p. 247ff; A. de Barthelémy, *Etude sur les lettres d'annoblissement* // *Revue Historique Nobilitaire*, t. 7,

1869, p. 193-208, 241-52; P.Contamine, *The French Nobility and the war* // K.Fowler, *The Hundred Years War*, London, 1971, p. 131-62, особенно p. 143ff.

13. Wagner, *Heralds and Heraldry*, p. 65, 122-123.

14. Seyer, *cit.sup.*, p. 189.

15. Duby, *cit.sup.*, p. 183.

16. A.Murray, *Reason and Society in the Middle Ages*, Oxford, 1978, p. 320-321; см. также A.Schulte, *Der Adel und die deutsche Kirche im Mittelalter*, Darmstadt, 1922.

17. Прекрасный материал об понятии знатности в кутюмах, см.: Ritter, *Ministerialite et chevalerie*, ch. V.

18. Li Roman dAlixandre, p. 251, 254.

19. Kohler, *Les Aventures chevaleresques*, p. 16-17.

20. Ibid., p. 19, 22-27.

21. P.Wolff совершил прекрасный вклад в науку своим исследованием «La noblesse loulousaine: essai sur son histoire medievale» // P.Contamine (ed.), *La noblesse au Moyen Age*, p. 153-74. О Фландрии см.: D.M.Nicholas, *Town and Countryside*, *cit.sup.*, p. 250-66.

22. По поводу *derogance* см.: E.Dravasa, *Vivre noble ment: recherches sur la derogance de noblesse du XI^{ve} au XVIe siecle* // *Revue juridique et economique du Sud Ouest*, serie juridique, t. XVI, 1965, p. 23-119; t. XVII, 1966, p. 187-237.

23. Bartolus, *Comment in Cod.*, 12, 1.1. (в издании Basle, 1562: p. 941ff).

24. BN, MS Fr. 1280, fs. 38vff (Vanderjagt, p. 257, см. также p. 241-43); *Le Songe du vergier*.t. I,ch. 150; N.Upton,*cit.sup.*,p. 64ff; F.Hemmerlein,*De rusticitate et nobilitate*, Strasbourg, ? 1490, f. 28-29.

25. См. комментарии Бартоло (Basle, 1562, p. 943): «ex predictis sequitur quod dignitas seu nobilitas cadit quandocumque in ignorantem,quod patet,quia ut dictum est,nobilitas consistit in acceptatione ejus,qui dignitatem confert - ut apparet expresse in puero nato ex nobili, quia statim est nobilis, licet nihil intelligat».

26. B.Prost (ed.), *Traites du duel judiciaire etc.*, p. 45-46.

27. Bartolus, *cit.sup.*, Basle, 1562, p. 941.

28. Beaumanoir, *Coutumes de Beauvaisis*, t. II, p. 234; см. также E.Kennedy, *Social and political ideas in the French prose «Lancelot»* // *Medium Aevum*, t. 26,1957, p. 90-106, особенно p. 102-103.

29. BN, MS Fr. 1280, f. 23-24 (Vanderjagt, p. 247).

30. BR, MS 11407, f. 10v.

31. Ibid., f. 39ff.

32. P.Contamine, *Guerre, etat et societe: etudes sur les armees des rois de France, 1337-1494*, Paris, 1972, p. 174ff, 471ff.

33. S.Kruger, *Das Rittertum in den Schriften des Konrad von Megenberg* // (J.Fleckenstein 9ed.), *Herrschaft und Stand*, cit.sup., p. 312; K.H.Schafer, *Deutsche Ritter und Edelknechte in Italien*, 4 vols., Paderborn, 1911-40, особенно т. I, p. HOff.

34. J. de Bueil, *Le Jouvencel*, t. II, p. 80.

33. N.Upton, *De studio militari*, p. 257-58.

36. Besancon, Bibl. Municipale, Coll. Chifflet MS 81, f. 93v-94; cp. A. de la Rocque, *Traite de la noblesse*, Rouen, 1735, p. 192.

37. Sommer, *The Vulgate Version of the Arthurian Romances*, t. III, p. 30; *Li Romans d'Alixandre*, p. 14, 16.

38. Charny, *Livre de la chevalerie*, t. I, pt. III, p. 475.

39. BR, MS 11407, f. 76.

40. Ibid., f. 73.

41. G. de Machaut, *Le Confort d'Ami*, lines 2950ff // *Oeuvres de G. de Machaut*, ed. E.Hoepffner, Paris, 1921, t. III, p. 104-105.

42. См. отрывки, цитированные выше, прим.37, которые в этом отношении весьма характерны.

43. P. de Novara, *Les Quatre Ages de l'homme*, ed. M.Freville, Paris, 1888, p. 39 (# 66).

44. G. de Lannoy, *Les Enseignements paternels* // *Oeuvres de G. de Lannoy*, p. 470-471.

45. Zilletus, *Tractatus juris universi*, Vienna, 1584, XVI, 19 (Boni de Curtili Brixienensis, *De nobilitate*).

46. BR, MS 11407, f. 81v.

47. Cm. C.Coulson, *Structural symbolism in medieval castle architecture*, cit.sup., p. 74-77.

48. Poggio, *Opera*, Basle, 1538, t. II, p. 67.

49. *Le Roman du Castelain de Couci*, lines 460ff.

50. BR, MS 9632, f. 2v.

51. J. de He mricourt, *Oeuvres*, t. I, p. 226-228.

52. R.Boutruche, *La Crise d'une societe: seigneurs et paysans en Bordelais pendant la Guene de Cent ans*, Paris, 1947, p. 273ff; M.Vale, *War and Chivalry*, p. 88-94.

53. G. de Lannoy, *Oeuvres*, p. 465ff.

54. BR, MS 11407, fs. 67v-68; cp. BL, Egerton MS 3149 (итальянский трактат о рыцарстве), f. 32v.

55. G.Duby, *The Chivalrous Society*, p. 184.

56. J. de He mricourt, *Oeuvres*, t. I, p. 6-9.

57. Ibid., l.1, p. 170-72.

58. Ibid., l.1, p. 13-14.

59. Ibid., 1.1, p. 225.
60. Ibid., 1.1, p. 46, 51.
61. Ibid., 1.1, p. 76, 131, 204, 206, 228.
62. Ibid., 1.1, p. 430.
63. Ibid., 1.1, p. 159.
64. Ibid., 1.1, p. 198.
65. Sommer, cit.sup., t. III, p. 89; E.Kennedy, cit.sup., p. 102-104.
66. Dante, Convivio, Traltalo IV, p. XIX-XXI.
67. Andreas Capellanus, The Art of Courtly Love, p. 38.
68. Jean de Meun, Le Roman de la Rose, lines 18755-58.
69. Oeuvres de Froissart, t. II, p. 8.
70. Charny, Livie de chevalerie, t. I, pt. III, p. 494, 495.
71. BR, MS 11407, f. 12v; BN, MS Fr. 1280, fs. 3-4v.
72. BN, MS Fr.1280, f. 26 (Vanderjagt, p. 243).
73. Ibid., f. 24v; cp. BR, MS 11407, f. 114: «je reputé ceulx estre digne de...incomparable me moire et loenge lesquelz de petit estal sont parvenu a puissance et a haulte seigneuries».
74. BN, MS Fr. 1280, f. 1v.
75. La Fleur des batailles (приводится в: C.C.Willard, The concept of true nobility at the Burgundian court, cit.sup., p. 43, n. 28.
76. BR, MS 11407, fs. 10v, 11v.
77. Я цитировал по BR, MS 21552, fs. 19-21vo. Эта поэма явно тесно связана с произведением A.Chartier, Breviaire de nobles (см. J.C.Laidlaw (ed.), The Poetical Works of Alain Chartier, Cambridge, 1974, p. 395-409); сокращенная версия, видимо, пользовалась особой популярностью у авторов заурядных книг по геральдике.
78. См. BR, MS 11407, f. 14v: «se ainsi estoit que vertus puissent succeder de pere aux enfans comme font tene mans et richesses les saiges auroient tousjours saiges enfans ... mais on voit journelement le contraire ... (mais) on voit tres souvent el le plus que ceulx qui sont yssus de noble lignie sont plus enclins a vertu que autres».
79. BN, MS Fr. 1280, f. 37 (Диего ссылается на Аристотеля); Upton, De studio militari, p. 66 (евгеника животных).
80. BN, MS Fr. 1289, f. 39 (Vanderjagt, p. 258).
81. J. de Bueil, Le Jouvencel, t. II, p. 82.
82. BN, MS Fr. 1280, fs. 40-41 (Vanderjagt, p. 259-260).
83. Dante, Convivio, Trattato, IV, xx.
84. J. de Meun, Le Roman dela Rose, lines 18792-99.
85. J. de He mricourt, Oeuvres,t. I,p. 2.
86. BR, MS 11407, f. 14v.

87. BN, MS Fr. 1280, f. 39v (Vanderjagt, p. 258).
88. P. de Novara, *Les Qualres Ages de l'Homme*, p. 45-46 (# 79).
89. BR, MS 10238, f. 8; и сравните с тем советом, который Гийом де Лален дает своему сыну в хронике Ж.Шателлена: G.Chastellain, *Chronique de Jacques de Lalaing*, ed. J.A.Buchon (Paris, 1836), p. 607.
90. Ibid.

Глава IX

1. BN, MS Fr. 1280, fs. 16v ff, 38v ff (Diego); N.Upton, *De studio militari*, ed. Bysshe, 64ff; J. de Bueil, *Le Jouvencel*, t. II, p. 68ff.
2. G.W.Coopland, *Le Jouvencel (revisited)* // *Symposium*, t. V, 1951, p. 137-86.
3. Wagner, *Heralds and Heraldry in the Middle Ages*, p. 77, 125-126.
4. Ibid., p. 79.
5. Coll. of Arms MS, *Processus in curia marescalli*, t. I. 280.
6. N.Upton, *De studio militari*, p. 154, 200; см. также Dennys, *The Heraldic Imagination*, p. 50, 77.
7. CM. R.H.Lucas, *Ennoblement in late medieval France* // *Medieval Studies*, t. 39, 1977, p. 239-60.
8. BN, MS Fr. 1280, f. 53 Vanderjagt, 269: в рукописи, из которой он взял этот текст для публикации, опущено упоминание Жана Бюро.
9. A. de la Rocque, *Traite de Noblesse*, p. 166-167.
10. Ibid., p. 65.
11. BR, MS 21552, fs. 23-23v (Menestrier, *Le Veritable Art du blason*, p. 246) см. также Warner, *Joan of Arc*, p. 165, 186-87.
12. BL, MS Harl. 2259, f. 11.
13. BN, MS Fr. 1280, f. 53-v (Vanderjagt, p. 269); *La Marche* // Prost (ed.), *Traites du duel judiciaire*, p. 45.
14. BR, MS 11407, fs. 55, 76.
15. BL, MS Harl. 2259, f. 70-v.
16. Hermericourt, *Oeuvres*, t. I, p. 41, 258.
17. Dennys, *The heraldic Imagination*, p. 30, 31.
18. J.Schneider, *Sire Nicole Louve: citain de Metz* // Contamine (ed.), *La noblesse au Moyen Age*, p. 183, n. 2.
19. См. выше главу 4.
20. Besancon, *Bibl. Municipale*, Collection Chifflet MS 83, f. 58. Описание другим герольдом посвящения в рыцари на поле брани содержится в BN, MS Fr. 5242, f. 91.

21. Chronique de Mathieu d'Escouchy, ed. G.Du Fresne de Beaucourt, t. II, Paris, 1863, p. 220.
22. Besancon, Bibl. Municipale, Coll. Chifflet MS 90, f. 9.
23. J. de Joinville, Histoire de St. Louis, cil.sup., p. 55.
24. Oeuvres de Froissart, t. VII, p. 195-196; сравните с рассказом де Ла Марша о карьере Луи де ла Виевиля в 1452 г., который удивительно похож на рассказ Фруассара: Me moires, ed. J.A.C.Buchon, Paris, 1836, p. 468.
25. J. de Bueil, Le Jouvenel, t. II, p. 113.
26. BR, MS 21552, fs. 27-28.
27. P.S.Lewis, Une Devise de chevalerie inconnue, creee par un comte de Foix: le Dragon // Annales du Midi, t. 76, 1964, p. 77-84.
28. BR, MS 11125, fs. 54v, 59-60, 77v; см. также J.Rosbach, Les Demandes pour la joute, le lournoi et la guerre de geoffroi de Charny, cil.sup.
29. D'Ononville, Chronique du Bon Due Loys de Bourbon, ed. A.M.Chazaud, Paris, 1876, p.*248.
30. J.Barbour, The Bruce, ed. W.W.Skeal // EETS, London, 1870, t. II, p. 318.
31. Wapenboek, ed. Bouton, t. I, p. 34.
32. Hemricourt, Oeuvres, t. I, p. 13-14.
33. Cuveier, Chronique de Berland du Guesclin, ed. Charriere, line 9875; «Ane ballet of the Nine Nobles // The Parle ment of the Thre Ages, ed. Gollansz, p. 134.
34. См. выше главу 6.
35. Oeuvres de Froissart, t. XVII, p. 269-70. О...ъ Li Romans d'Alixandre, p. 89.
36. Oeuvres de Froissart, t. V, p. 457.
37. O. de La Marche, Me moires, ed. Buchon, p. 463.
38. E.Christiansen, The Northern Crusades, London, 1980, представляет собой превосходное исследование войн в этом регионе; особенно см.: F.R.H.Du Boulay, Henty of Derby's Expeditions to Prussia, 1390-91 and 1392 // F.R.H.Du Boulay and C.M.Barron (eds.), The reign of Richard II, London, 1971, p. 153-72; W.Paravicini, Die Preussenreisen des Europäischen Adels // Historische Zeitschrift, t. 232, 1981, p. 25-38; E.Mashke, Burgund und des preusseische Ordenstaat. Ein Beitragen zur Einheit der ritterlichen Kultur Europas im spateren Mittelalter // Syntagma Friburgense, Constance, 1956, p. 147-72.
39. C.Higounet, De La Rochelle a Torun: aventure de barons en Prusse et relations economiques // MA, t. 69, 1963, p. 529-40.
40. Suchenwirl, Werke, ed. Primisser, t. IV.
41. Я рассматривал вопрос об описанном Чосером рыцаре и его роли в крестовых походах в работе, опубликованной в English Court Culture in the

late Middle Ages, ed. V.J.ScaUergood and J.W.Sherborne, London, 1983, p. 45-61.

42. A.S.Cooke, Beginning the Board in Prussia // Journal of English and German Philology, t. XIV, 1915, p. 376, n. 3.

43. D'Orronville, Chronique du Bon Due Loys de Bourbon, p. 65-66.

44. M.Vale, A fourteenth-century order of chivalry: the «Tiercelet», cit.sup., p. 340-41.

45. BN, MS Fr. 1997, f. 19.

46. M.Keen, The Laws of War in the late Middle Ages, ch. III. Прекрасное описание дуэли за право на пленного см. описание дуэли между Жаком Бретоном и Луи де Сера, BN, Collection Doat 203, fos 267 ff.

47. Ibid., p. 173; Arch.Nat. X la 74, f. 91; X la 84, f. 225.

48. Registres de la Toison d'Or, t. I, f. 15v, 25v (Я очень благодарен г-ну С.Армстронгу за то, что он позволил мне воспользоваться его микрофильмом по MS, который хранится в Hofbibliothek г.Вены).

49. D'Orronville, Chronique du Bon Due Loys de Bourbon, p. 89.

50. E. de Monstrelet, Chronique, ed. L.Douet d'Arcq, Paris, 1857-62, t. IV, p. 331-32.

51. Registres de la Toison d'Or, t. I, f. 2v.

52. J.Warkworth, A Chronicle of the first thirteen Years of the Reign of King Edward IV, ed. J.O.Halliweel, Camden Soc., 1839, p. 39.

53. The Burt, ed. F.W.D.Brie, EETS, London, 1906, t. I, p. 227-28.

54. J.F.Kirk, History of Charles the Bold, London, 1863, t. II, p. 439.

55. Nicolas, The Scrope and Grosvenor Controversy, t. I, p. 139, 146.

56. J. de Bueil, Le Jouvencel, t. II, p. 21.

Глава X

1. Самая главная из недавних работ, посвященных рыцарским орденам, еще, к сожалению, не опубликована: это работа D'A.J.Bouiton, The origin and development of the curial orders of Chivalry, Oxford, D.Phil.Thesis, 1975. M.Vale, War and Chivalry, где в главе 2 внимательнейшим образом рассматривается роль этих орденов в событиях XV в. Две более ранние работы также весьма важны: Vulson de la Colombiere, Le Vray Theatre d'honneur et de chevalerie; F. von Biedefeld, Geschichte und Verfassung alter geistlichen unci weltlichen, erloschenen und bluhenden Riltcrorden, Weimar, 1841, 2 vols. По поводу орденов, учрежденных отдельными лицами, о чем упоминается выше, см. также следующие работы: (i) об ордене Подвязки E.Ashmole, The Institutions, Laws and Cere monies of the Most Noble Order of the Garter,

London, 1672; N.H.Nicolas, A Histoiy of the Orders of Knighthood of the British Empire, London, 1842; (ii) по поводу ордена Звезды L.Pannier, La Noble Maison St.Ouen.la Villa Clipiacum el Г Ordre de l'Etoile, Paris, 1878; (iii) по поводу ордена Узла E.Leonard, Histoire de Jeanne 1 Reine de Naple, Paris, 1937, ch. 1, pi. II, p. 12-25; (iv) по поводу ордена Воротника E.L.Сох, The Gieen Court of Savoy, Princeton, 1967; (v) по поводу ордена Золотого Руна Н. de Reiffenberg, Histoire de l'Ordre de la Toison d'Or, Brussels, 1830; L.Hommel, L'Histoire du Noble Ordre de la Toison d'Or, Brussels, 1947; (vi) по поводу ордена Лебеда R.G.Stillfried, Der Schwanenorden, Halle, 1845; (viii) по поводу ордена Св.Михаила P.Contamine, Sor l'ordre de St. Michel au temps de Louis XI et Charles VIII // Bulletin de la Societe Nationale des Antiquaires de France, 1976, p. 212-36.

2. По поводу ордена Дураков см.: von Biedenfeld, cit.sup., t. I, p. 109.

3. Vale, War and Chivalry, p. 38, 41.

4. R.Barber, The Knight and Chivalry, 2 ed., 1974, p. 342-44.

5. J.Reygersbergh, Dye Cronijke van Zeelandt, Antwerp, 1551, XXIX. Шифле сообщает, что нашел дополнительную информацию по этим вопросам в старинной «Торноубоек» графств Голландских (Besancon, Coll. Chifflet MS 83, fs. 151ff).

6. См. ниже, 185 (Ленты); а также J.Vale, Edward III and Chivalry, Boydell, 1983, p. 86ff.

7. G.Monli, la Confraternite Medievali, Venice, 1927, t. I, p. 7-9; см. также N.J.Houseley, Politics and Heretics in Italy: Anti-Heretical Crusades, Orders and Confraternities, 1200-1500 // JEH, t. 33, 1982, p. 193-208.

8. Mansi, Concilia, t. XXV, p. 763-64.

9. Memoires d'Olivier de la Marche.ed. H.Beaune and J.D'Arbaumont, t. IV, Paris, 1888, p. 161-62.

10. D'A.J.Boulton, cit.sup., p. 19; 0...ъ Lettres du Due d'Orleans, qui conferent l'ordre du Camail // Revue Hislorique Nobiliaire, 1886, p. 13.

11. Schultz, Deutsches Leben in XIV und XV Jahrhundert, p. 544; см. также ibid., figs. 551, 552, 558, 561.

12. A.Harlshorne, Notes on collars of SS // Archaeological Journal, t. XXXIX, 1882, p. 376-83. Списки тех, кому герцог Орлеанский вручал le camail - в BN,MS Clairembault 1241,- совершенно проясняют вопрос о том, что исходно это был воротник красно-коричневого цвета; см. также C.d'Orlac, Les chevaliers du Pore Epic ou du Camail // revue Historique Nobiliaire, t. 3, 1867, p. 337-50.

13. T.Aign, Die Ketzeln: ein Nuremberger Handelsherren und Jerusalemipilgergeschlecht, Neustadt, 1961, 82 ff.

14. D.A.Boulton, D.Phil. Thesis, cit.sup., введение, с.2-5.

15. См. Устав этого ордена в: M.Vuison de la Colombiere, *Le Vray Theatre de l'honneur et de chevalerie* (Paris, 1648), I, p.113. Положение ордена Золотой Застежки, учрежденного императором Карлом IV, и ордена Полумесяца примерно одно и то же: у обоих орденов есть уставы, в обоих регулярно проводятся собрания братства, в оба ограничен прием новых членов - по 26 человек; но в ордене Застежки выборный глава, Hauptmann; см. von Biedenfeld, *Geschichte und Verfassung alier... Ritterorden*, I, p. 226.

16. *Gesta Henrici Quinti*, ed. B.Williams, London, 1850, p.78; *St.Albans Chronicle*, ed.V.H.Galbriath, Oxford, 1937, p.100.

17. Rymer, *Foedera*, IX, p.435.

18. *Chronique de Jean Le Fevre, Seigneur de St.Re my*, ed. F.Mrand, Paris, 1881, II, p.212.

19. G.A.J.Armstrong, «Had the Burgundian government a policy for the nobility?» // J.S.Bromley and E.H.Kossmann (eds.), *Britain and the Netherlands*, Groningen, 1964, II, 9-32, и особенно 25 ff.

20. M.Vale, *War and Chivalry*, London, 1981, p.62; A.Lecoy de la Marche, *Le Roi Rene*, Paris, 1875, I, p.161.

21. G.Machaut, *La Prise d'Alexandrie*, ed. M.L.de Las-Matrie, Geneva, 1877, lines 349 ff.

22. Vale, *War and Chivalry*, p.49-51.

23. L.Stevenson, *Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France* (RS 1861-4), I, pp.295-298. Besancon, Bib.Munici pale, Coll. Chifflet MS 87, fo 80; здесь приводится копия письма четырех итальянских сеньоров, которые вернули «воротники Св. Михаила» Людовику XII в 1512 г.

24. BN, MS Esp.33. Устав ордена Ленты напечатан по раннему рукописному образцу из: G.Daumet, «L'ordre Castillan de l'Echarpe (Banda)», *Bulletin Hispanique*, XXV (1923), p.21-32; D'A.J.Boulton предполагает его превосходный анализ с переовдом введения, D.Phil.Thesis, p.49-57.

25. По поводу этого ограничения см. вторую версию этого устава: L.T.Villanueva, «Memotia sobre la orden de caballeria de la Banda de Caslilla» // *Boletin de la Real Academia de la Historia* LXXII (1918),p.561.

26. По поводу устава ордена Оков см.: L.Douet d Arcq, *Choix de pieces inedites relatives au regne de Chatles VI*, Pans, 1863, I, pp.370-374; по поводу устава ордена Белой Дамы на Зеленем Поле см.: *Livre des Faits du Marechal de Boucicaut*.ed.M.Petitot// *Collection complete des me moires telatifs a l'histoire de France*, vol.6, p.507-512.

27. Schultz, *Deutsches Leben in XIV und XV Jahrhundert*, 487 ff. 549 ff.

28. Здесь я имею в виду уставы орденов Ястреба и Рыбы, см.: J.C.Lunig, *Teutschen Reichs Archiv*,Leipzig, 1710,Pars Special.I,Cont.I,2,p.66-70.

29. Schultz, *cit.sup.*, p.549.

30. H.Obenaus, *Recht und Verfassung der Geselschafteri mit St.Jorgen Schild in Schwaben*, Gottingen, 1961, 79 ff.; а также см. Landau, *cit.inf.*

31. G.Landau, *Die Ritter Gesellschaften in Hessen*, Cassel, 1840: supple ment to Band I of *Zeitschrift des Vercins fur hessische Geschichte und Landeskunde*, 1840, p.98.

32. Ibid., 99, 192.

33. Ibid., 98, 191.

34. Obenaus, *cit.sup.*, n.25.

35. По поводу этих союзов см.: A.Artonne, *Le Mouvement de 1414 wt les chartes provinciales de 1315*, Paris, 1912.

36. См. выше, глава II.

37. По поводу ордена Tiercelet см.: M.Vale, *A fourteenth-century order of chivalry: the «Tiercelet»*, EHR, 82 (1967), p.332-341; об ордене золотого Яблока см.: A.Bossuat, «Un ordre de chevalerie Auvergnat: l'ordre de la Pomme d'Or»// *Bulletin Historique et Scientifique de l'Auvergne*, 64 (1944), 83 ff. устав ордена опубликован в: A.Jacotin, *Preuves de la Maison de Polignac*, Paris, 1898-1906, II, 172 (no.283). См. также: M.Keen, «brotherhood in annes», *History*, 47 (1962), 1-17.

38. Различия, о которых здесь говорить, конечно, весьма поверхностны. Если уставы германских братств сравнивать не с теми хорошо известными французскими орденами, а, например, с орденом Золотой Застежки (см. von Biedefeld, *Geschichte und Verfassung aller ... Ritterorden*, I, 226), то их сходство с «куриальными» орденами представляется просто поразительным.

39. L.Gollut, *Me moires historique de la republique sequanoise et des princes de la Franche Comie*, ed. C.Daubernoy, Arbois, 1846, cols 1439-42.

40. Vale, *cit.sup.*, EHR, 82, 1967, p.340-341.

41. Merlin, ed. G.Paris and J.Ulrich, Paris, 1886, I, p.94-98.

42. Y.Renouard, «L'ordre de la Jarretiere et l'ordre de l'Etoile», MA, 55 (1949), p. 281-300, и особенно p.282, п.3; p.294, n.23.

43. *Chronique de Jean le Bel*, ed.J.Viard and E.Deprez, Paris, 1905, II, p. 26-27. T.Gray, *Scalacronica*, ed.J.Srevenson, Edinburgh, 1836; здесь, похоже, полностью сплавлены воедино истории турниров Круглого Стола и учреждения ордена Подвязки.

44. BL, Add.MS 21370, fo 1.

45. Об уставах см. von Biedefeld, *Geschichte und Verfassung aller ... Ritterorden*, I, p.103.

46. Предисловие к уставу см.: BN, MS Fr.

47. Le Febvre, *cit.sup.*, 28-29.

48. Bossuat, *cit.sup.*, n.32.

49. R.Vaughan, Philip the Good, London, 1970, p. 152, 162, 334; а также V.Tourneur «Origine el symbolique de la Toison d'Or»// Bulletin de l'Academie Royale de Belgique, Lettres, serie 5, XLII, 1956, p.300-323. Жан Жермен, канцлер ордена Золотого Руна и большой поклонник крестовых походов, немало усилий приложил к тому, чтобы этот союз связывали с именем Гедена: по поводу его деятельности см.: Y.Lacaze, «Un representat de la politique anli-mussulmane du XV-me, Jean Germain»// positions des Theses:Ecole de Charles, 1958, p.67-75.

50. Von Biedefeld, Geschichte und Verfassung aller... Ritterorden, I, p.103.

51. Chronique de Jean le Bel, ed.Viard, II, 205 (орден Звезды); BN, MS Fr 4274, а также Le Febvre cil.ante (орден Узла); Chronique de Jean le Fevre, Seigneur de Sl.Remy,ed.Morand,II,249,250 (орден Золотого Руна); Vulson de la Colombiere, Le Vray Theatre de l'honneur el de chevalier, I, p.III, 116, 117 (орден Полумесяца).

52. BM,MS Claire mbault 1241,920.

53. F.Corazini, La Leltere edite e inedite di Messer Giovanni Boccacio, Florence, 1877, 161 (Цит. по: D'A.J.Boulton, которому я приношу свою благодарность).

54. Merlin, ed.Paris and Ulrich, II, 98.

55. R.Howard Bloch, Medieval French Literature and Law, Berkley, California, 1977, 202 ff.; сравнить с Lydgate, Fall of Princes, VIII, line 2780 ff., где пурсивапты описаны как хронисты при дворе короля Артура.

56. Libre des faicls du Marechal de Boucicaul, ed.Petitot, Collection des me moires, vol.6,504 ff.

57. Цит. по: Huizinga, The Waning of the Moddle Ages, 1927 edn., p.63.

58. Douet d'Arcq, Choix de pieces inedites relatives au regne de Charles VI, I, p.373.

59. P.S.Lewis, «Une devise de chevalerie incoonue, cree par un Comtede Foix?: le Dragon», Annales du Midi, 76, 1964, p.77-84.

60. BR, MS Gochals 707, fo 33 vo (правила ношения орденского знака для рыцарей, оруженосцев и дам ордена Св.Антония). а также fo 39 ff (иена и, в некоторых случаях, гербы рыцарей, оруженосцев и дам ордена); а об ордене Подвязки см. G.F.Beltz, Memorials of the most noble Order of the Garter, London, 1841, CCXXI-IV, 10.

61. D'Orronville, Chronique du Bon Due Loys de Bourbon, ed. Chazaud, p.12-13.

62. M.Galway, «Joan of Kent and the Order of the Garter», University of Burmingham Historucal Journal, I, 1947, p.13-50. Попытка мисс Галуэй показать, что данная история не просто из ранних, но и является вполне достоверной, не совсем удалась и представляется неубедительной.

63. Von Biedcnfeld, *Geschichte und Verfassung aller ... Ritterorden*, I, pp.229-231; M.Letts, *The Diaiy of Jorg von Ehingen*, London, 1929, p.13.

64. По поводу объединения крестоносцев с орденом Меча см. G.Machaut, *La Prise d'Alexandre*, ed.Mas-Latrie, lines 349-350; по поводу ордена Стола и Кувшина см. отчет о его создании и участии в крестовых походах в BR, MS 19132, fo 8-9

65. Эти уставы не опубликованы: единственный известный текст находится в Университете Пенсильвании: University of Pennsylvania MS Fr.83, краткое изложение которого дает Д'Арси Боултон (DA.J.Boulton, *Phil.Thesis*, 224-259), чем я и воспользовался.

66. См. выше, пп.37, 59.

67. Vulson de la Colombiere, *Le Vray Theatre d'honneur et de chevalerie*, I, p.108.

68. DA.J.Boulton, *Phil.Thesis*, p.235.

69. BL, Add.MS 28628, fo 2vo, 3-3vo. Мне неизвестны исследования, посвященные этому ордену (устав которого приведен в данной рукописи), который якобы был учрежден Фердинандом Неапольским в 1465 г. Краткое замечание о праздновании членами ордена 29 сентября 1479 г. см. Besancon, Bib. Municipale, Coll. Chifflet MS 80, fo 109.

70. J.Anstis, *Register of the Most Noble Order of the Garter*, London, 1724, 1.44 (cl.16).

71. BL, Add. MS 28628, fo 4vo-5.

72. Besancon,Bib.Municipale,Coll.Chifflet MS 90,fo 12 ff. Это исключительно интересная и подробная литургия, которая заслуживает дальнейшего изучения.

73. См. например Устав ордена Полумесяца, Vulson de la Colombiere, *Le Vray Theatre*, I, 107, 110. Устав братства Св.Аптопия требует (Besancon, Bib.Municipale, Coll.Chifflet MS 90, fo 15), чтобы желающий вступить в орден дал следующую клятву: «quod non sit captor puellarum, oppressor viduarum et pupillorum, incendiator ecclesiarum et sanctorum locum, interfector clericorum... nec praedo publicorum viarum aut honoris et nobilitatis prophanator».

74. *Chronique de Jean Le Fevre, Seigneur de St.Remy*, ed. Morand, 211 (орден Золотого Руна); Vulson de la Colombiere, *Le Vray Theatre*, I, 107 (Полумесяца); Besancon, Bib. Municipale, Coll.Chifflet MS 90, fo 14vo (Св.Антония).

75. BL, Add.MS 28628, fo 10vo: «decerminus huncordinem eis qui viri clari et nobiles fuerunt non in innobilibus et minus claris esse conferendum: sive nobilitate a majoribus accepta sive a se labore et industria potita».

76. Vulson de la Colombiere, *Le Vray Theatre*, I, 119.

77. J.Anstis, The Register of the Most Noble Prefer of the Garter, I, 44 (cl.17).

78. См. выше, гл. II, а также: М.Keen, «Brotherhood in annes», History, 47, 1962, 1-17 - по поводу братской верности.

79. См. тексты процитированные у: Von Biedenlclcl, Geschichte und Verfassung ..., I, p.130-132, относительно тех нарушений порядка, которые совершали члены братства Рога, Звезды, Сокола и Alte Minne.

80. Vulson de la Colombiere, Le Vray Theatre, I, 112.

81. Bossuat и Vale в своих статьях cit.sup., п.37, рассматривают карьеры братьев этих двух орденов, и карьеры эти являются ярким свидетельством рыцарственной репутации этих братьев и их соответствующих интересов, включая и опыт крестовых походов.

82. BN,MS Clairembault 1241, p.907.

83. Registres de la Toison d'Or, I, fo 2vo.

84. G. de Lannoy, Oeuvres, ed. Potvin, p.457-459.

85. Huisinga, The Waning of the Middle Ages, p.66, 80.

86. См. выше, гл.VIII.

Глава XI

1. A.Planche, «Du tournoi au theatre en Bourgogne: le Pas de la Fontaine des Pleurs a Chalon-sur-Saone, 1449-1450», MA, 81, 1975, p.117.

2. O.de La Marche, Me moires, ed. Buchon, p.433.

3. Le livre des fails de Jacques de Lalaing// in Oeuvres de G.Chastellain, ed. K. de Lettenhove, VIII, Brussels, 1886, p.48-55.

4. O. de La Marche, Me moires, ed. Buchon, p.463.

5. Полный текст «устава» pas d'armes см. Oeuvres de Chaslellain, ed. K.de Lettenhove, VIII, p.189-197.

6. Ibid., 214.

7. См. выше, гл-V.

8. Oeuvres de Chastellain, VIII, 190.

9. Anna Comnena, The Alexiad, X, 10.

10. По поводу «Arbre de Charlemagne» см.: O. de La Marche, Me moires, ed. Buchon, 378ff, а также: BN, MS Fr. 16988 - 213vo-217vo (по поводу устава); о «Rocher Peilleux» см.: G.Du Fresne de Beaucourt, Histoire de Charles VII, IV, Paris, 1888, p.183-184; о «La Bergere» см.: Oeuvres completes du Roi Rene, ed. le comte de Quatrebarbes, Angers, 1844, II, pp. 49-83; по поводу «La Belle Maurienne» - BN, MS Fr.16988, fos 197 ff; по поводу

«Perron Fee» см. «Le Pas du Perron Fee», ed. F.Brassart, Douai, 1874; по поводу «Arbre d'Or» - O.de La Marche, Me moires, ed.Beaune and D'Arbaumont, III, 123 ff, а также S.Bentley, Excerpta Historica, London, 1833, 238 ff.

11. Planche, art.cit.,MA, 81 (1975), 102. nn.27, 28.

12. Vulson de la Colombiere, Le Vray Theatre, I, p.147-158.

13. BN, MS Fr. 1997 p.81 ff: этот манускрипт поврежден, однако полный текст имеется в следующем издании: BN, MS Fr. 5241, - начиная с fo 105vo.

14. См.: Prost Traites du duel judiciaire... А также см. «The Black Book of Admiralty» (RS) I, 300 ff (ордонанс по поводу дуэли Томаса Вудстока, Констэбля Англии, и Филиппа IV, короля Франции, оба текста неоднократно переписывались и включались в геральдические MSS).

15. По этому вопросу имеется очень интересное исследование S.Anglo, «L'arbre de chevalerie et de perron dans les tournois»// Les Fetes de la Renaissance, ed. J.Jacquot and E.Konigson, III< Paris, 1975, p.283-298. Я весьма обязан этому информативному и глубокому исследованию.

16. Chretien de Troyes, Le Chevalier au Lion (Lowenritter in Foerster edn.), lines 410 ff, 800 ff.

17. C.Blair, European Amour, с.Ю66-с.1700, London, 1958, ch.7; по поводу шлема «лягушачий рот» см. с. 157-158.

18. Vale, War and Chivalry, 84.

19. Nicolas, The Scrype and Grosvenor Controversy, I, 155.

20. Cuvelier, Chronique de Bertrand du Guesclin, ed. Charriere, I, lines 11070 ff.

21. Ibid., lines 1970 ff; Oeuvres de Froissart, ed. K.de Lettenhove IX, p. 248, 275-277, 281, 323-330.

22. Histoire du gentil Seigneur de Bayart, ed. Roman, 110 ff.

23. Ibid., 24-38.

24. Oeuvres de Froissart, ed. K.de Lettenhove, ZIV, p.105-151 (о Сен-Энглевере); а о Бусико в Италии см.: A de la Sale, Histoire du petit Lehan de Saintre, chs.55-56, trs.i. Gray, London, 1931, p.210-214.

25. Pageant of the Birth, Life and Death of Richard Beauchamp Earl of Warwick, ed. Viscount Dillon and W.St,John Hope, London, 1914, eg.Plates XIV, XXII, X-XIX-XXXi (турниры); VI, VII, XXXVI-VIII, XL (батальные сцены).

26. Vulson de la Colombiere, Le Vray Theatre, I, p.89-90.

27. J.de Bueil, Le Jouvencel, ed. Favre and Lecestre, II, 99 ff; а также см. R.L.Kilgour, The Decline of Chivalry, Cambridge, Mass. 1937, p.330; а также Huisinga, The Waning of the Middle Ages, ch.4.

28. L.D.Benson, Malory's «Morthé Darthur», Cambridge, Mass 1976, p.182-184.

29. A.de La Sale, Histoire du petit jehan de Saintre, chapters 21, 29, 50, 54, 65 (рыцарские поединки); 58-62 (война в Пруссии; в переводе Грея с.115, 132, 186, 202 ff; а также - 216-241).

30. L.de Rosny, L'Epervier d'Or, Paris, 1839, особенно 27-45; а также F.H.Cripps-Day, The Histoiy of the Tournament in France and England, London, 1918, p.21-22. Новое и весьма подробное исследование гражданских турниров, включая Espinette, предполагается в работе J.Vale, Edward III and Chivahy, 1983, ch.2. Я в высшей степени благодарен автору за то, что она позволила мне прочесть гранки этой чрезвычайно интересной книги.

31. BR, MS 14935, 39 ff; а также см. J.Vale, cit.sup., по поводу внушительного списка MS, в котором содержится текст этого свитка.

32. De Rosny, L'Epervier d'Or, 46-56.

33. Отличный пример пышного испанского поединка содержится в рассказе о рыцарском турнире, проводившемся в Вальядолиде в 1434 г., где главный судья был одет как Бог Любви - R.Boase, I roubadour, London, 1978, p.145-147.

34. Seyler, Geschichte der Heraldik, 49.

35. Die Geschichte und Taten Wilwilts von Schaumburg, ed. A.von Keller, Stuttgart, 1859 - графический рассказ о его карьере, на основе которого написана работа Mrs.H.Cust, Gentle men Errant, London, 1909, p.123-240.

36. G.Ruxner, Turnierbuch, Frankfurt, 1566, CLXXXIII vo, CCXXVII.

37. BN, MS Fr.1997, 34-35; Prost, Traites du duel judiciaire, 206.

38. The ASlliterative Morte Arthur, line 1688.

39. BN, MS Fr.1997, 34-35; Prost, Traotes du duel judiciaire, 216-217.

40. BN, MS Fr.1997, 18-19; Vulson de la Colombiere, Le Vray Theatre, I, 64 ff; Ruxner, Tirnierbuch, XI-XV, CLXXXIV vo, CCII vo. Я использовал список Ла Саля, первый из этих.

41. BN, MS Fr. 1997, 16-17. Этот отрывок, а также последующие примечания в тексте, опубликованном Простом, отсутствуют. Он перепечатывал свой текст с рукописи самого де Ла Саля, так что это, должно быть, более поздние дополнения или же просто опущенные автором места при окончательной доработке текста.

42. Ibid.

43. J.Petersen, Der Rittertum in der Darstellung des Johannes Roth, Strasbourg, 1909, p.169 // Roth, Der Ritterspiegel, verse 963 ff.

44. Ibid., 39.

45. Vulson de la Colombiere, Le Vray Theatre, I, 110.

46. См. выше, гл.X.

47. A.de La Sale, Histoire du petit Jehan de Saintre, ch.48 (перевод Грея, 174).

48. Oeuvres de G.Chastellain, ed.K. de Lettenhove, VIII, 70 ff.
49. Bentley, Excerpta historica, 178.
50. T.Gray, Scalacronica, ed.J.Stevenson, Edinburgh, 1836, 145 ff.
51. J.Barbour, The Bruce, book VIII, lines 488 ff.
52. Arsenal MS 2251, ff 13. Имя рыцаря - Alberl Pachosl.
53. Oeuvres de Froissart, ed. K.de Lettenhove, II, 372.
54. T.Wright, Political Poems and Songs (RS,1859), I, p. 10-12; а также см. B.J.Whiting, «The Vows of the Heron», Speculum, 20, 1945, p.261-278. Я, правда, отнюдь не в восторге от высказанного в этой работе предположения, что данная поэма изначально была задумана как исключительно сатирическая.
55. N.Triveti Annales, ed.T.Hog, London, 1845, p.408-409; Flores histotiamm, ed. Luard (RS), III, pp.131-132. См. далее N.Denholm-Young, «The Song of Carlaverock and the Paliamentary Roll of Arms», PBA, 47, 1961, p.251-262; C.Bullock-Davies, Menestrel-lorum Multitudo, Cardiff, 1978.
56. The Buik of Alexander,ed. R.L.Graeme-Ritchie,Ediburgh,1921-1929, I, xxxvi-xxvii.
57. O. de La Marche, Me moires, ed.Buchon, p.288,290,494-504.
58. Chronique de Malhieu d'Escouchy, ed. G.Du Fresne de Beaucourt, Paris, 1863, II, p.165-222.
59. См. выше, гл.X.
60. Я тщетно пытался установить корни, литературные или исторические, практики принесения обетов на птицах. Обычно это связывается с историей вызова на поединок Рыцаря Ястреба-Перепелятника, которая появляется в нескольких романах о короле Артуре (особенно часто там ссылаются на заметки Грэма Ричи (1315) по поводу обетов на ястребе-перепелятнике). Но уточнить мне так ничего и не удалось.
61. R.Vaughan, Philip the Good, London, 1970, 360 ff. а также см. G.Doutrepont, «La croisade projetee par Philippe le Bon contre les l'urcs» // Notes et Eolraits de la Bibliotheque Nationale, 41, 1923, 1-28.
62. См. выше, гл.IX.
63. D.A.Bullough, «Games people played: drama and ritual as propaganda in medieval Europe», TRHS, 5th series, 24, 1974, p.97-122.
64. BN, MS Fr.16988 fo213vo and ff.
65. P.de Mezieres, Le Soinge du viel pelerin, ed. G.H.Coopland, Cambridge, 1969, I, p.507

Глава XII

1. Об отношении Хейзинги к рыцарству см. Vale, *War and Chivalry*, 1-12; это очень яркая работа. См. также M.Keen, «Huisinga, Kilgour and the decline of chivalry»// *Medievalia et Humanistica, New Series*, 8, 1977, p.1-20.

2. P.Contamine, *La Guerre au moyen age*, Paris, 1980, p.232-241. Эти выразительно написанные страницы, снабженные весьма внушительным количеством интересных сносок, необходимо читать очень внимательно; я, например, почерпнул оттуда очень много.

3. H.Delpech, *La Tactique au XIII-me Siecle*, Paris, 1886, I, p.374, n.1,3; Verbruggen, *The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages*, trs. Willard and Southern, pp.62-64.

4. M.Vale, *War and Chivalry*, London, 1981, p.105-114, а также работы, на которые она ссылается, в особенности - C.J.Ffoulks, *The Armourer and his craft from the XI-th to the XVI-th Century*, London, 1912.

5. Vale, *cit.sup.*, p.119. Корнелий, бастард Бургундский, был убит в сражении при Рупельмонде в 1452 г. в связи с тем, что снял часть своих доспехов - точнее, свой шейный доспех, - обнажив горло; и Карл Смелый был ранен при Монфлери в 1465 г. по той же причине.

6. A.Boussuat опубликовал два подробных и информативных исследования по поводу выплаты выкупа и того, как это сказывалось на финансах той или иной конкретной семьи. См. «La rancon de Guillaume de Chateauvillain» // *Annales de Bourgogne*, 1951; а также «La rancon de Jean, Seigneur de Rode mac»// *Annales de l'Est*, 1951, 145 ff.

7. J.H.Wylie and W.T.Waugh, *The Reign of Henry V*, Cambridge, 1914-1929, II, 171 ff. Практически такой же случай имел место в Альхубаротте в 1385 г., когда португальцы были вынуждены убить своих пленников по приказу короля Хайме, см. *Oeuvres de Froissart*, ed. K.de Lettenhove, XI, p.179-81. Хронисты описывали оба эти случая весьма спокойно.

8. Keen, *The Laws of War in the Late Middle Ages*, 127 ff.

9. Wylie and Waugh, *The Reign of Henry V*, II, p.66-73.

10. Wylie and Waugh, *The Reign of Henry V*, III, p.337-357; а также см. K.B.McFarlane, *Lancastrian Kings and Lollard Knights*, Oxford. 1972, p.127.

11. Joinville, *Histoire de St.Louis*, ed. Natalis de Wailly, p.108.

12. Contamine, *La Guerre au moyen age*, p.417.

13. О битве при Азенкуре см. Wylie and Waugh, *The Reign of Henry V*, II, pp.217-229, особенно - 225 ff.

14. CM. B.Thorpe, *Man, Armour from the Battle of Wisby 1361*, Stockholm, 1939, 2 vols.

15. *Political Songs*, ed. T.Wright (RS), I, 21.

16. O. de La Marche, *Me moires*, ed. Buchon, p.463.
17. *The Diary of Jorg von Ehingen*, ed. Letts, p.38.
18. G.Diaz de Gamez, *The Unconquered Knight: a Chronicle of the Deeds of Don Pero Nino*, trs. J.Evans, London, 1928, p.99-100.
19. G.de Chastellain, *Oeuvres*, ed. K.de Lettenhove, VIII, p.249; *The Diaiy of Jorg von Ehingen*, ed.Letts, p.67; G.Diaz de Gamez, *the Unconquered Knight*, p.141-142.
20. CM. M.Powicke, *Military Obligation in Medieval England*, Oxford, 1962, p. 34-36, 82-83, 85, 87.
21. Contamine, *La Guerre au moyen age*, p. 285-291; D.Waley, «The army in the Florentine republic from the 12-th to the 14-th century»// N.Rubenstein, *Florentine Studies*, London, 1968, 83 ff; а также относительно более позднего периода и соответствующих ему текстов см. A. da Mosto, *Ordinamenti militari delle soldatesche dello stato Romano dal 1430 al 1470*, Rome, 1903.
22. Vale, *War and Chivalry*, 113.
23. P.Contamine, *Guerre, etat et societe*, Paris, 1972, p.17-21; Vale, *War and Chivalry*, pp.122-128; V.Chomel, «Chevaux de bataille et roncins en Dauphine au XIV-me siecle // *Cahiers de l'histoire*, VII, 1962, p.5-23.
24. Verbruggen, *The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages*, trs.Willard and Southern, p.26-27.
25. Vale, *War and Chivalry*, p.126.
26. BR, MS 11407, fo82.
27. Ibid., fo 35.
28. S.Kruger, «Das Rittertum in den Schriften des Konrad von Megenberg» // J.Fleckenstein (ed.), *Herrschaft und Stand*, 312.
29. Gelre, *Wappenboek*, ed. Bouton I, 203 (он рассказывает, как Даниэль де ла Верде отправился в Ломбардию, чтобы «dair die scool van weypen leyt»).
30. F.Sacchetti, *Novelle*, Milan, 1804-1805, III, p.91-93.
31. Bartholomew de Saliceto, *Super VIII Cod.Tit 51,1.12*.
32. T.Basin, *Histoire de Charles VII*, ed.C.Samaran (rev.ed., Paris, 1964), I, p.86.
33. J.de Bueil, *Le Jouvencel*, ed. Favre and Lcestre, I, p.19.
34. P.de Mezieres, *Letter to King Richard II*, ed. and transl. G.W.Coopland, Liverpool, 1975, p.57-59.
35. По поводу последствий войны см. также: H.Denifle, *La Guerre de Cenr Ans et la Desolation des eglises, monasteres et hopilaux en France*, 2 vols., Paris, 1899; а также R.Boutruche, *La Crise d une societe: seigneurs et paysans du Bordelais pendant la Guerre de Cent Ans*, Paris, 1947.
36. Keen, *The Laws of War in the Late Middle Ages*, 146 ff.

37. Bodleian, MS Ashmole 865, fo 423.
38. Действия каталанцев великолепно описаны в Muntaner's Chronicle, Irs.Lady Goodenough, London, 1920-1921.
39. Schafer, Deutsche Ritter und Edelknechte in Italien, I, 110 ff.
40. CM. H.J.Hewitt, The Black Prince's Expedition of 1355-1357, Manchester, 1958, и особенно 10 If и глава VII.
41. Contamine, La Guerre au moyen age, p.396-404; а также J.Boussard, «Les mercenaries au XII-me siecle: Henri II Plantagenet et les origines de l'armee du metier», BEC 106, 1945-1946, p.189-224.
42. The Itinerary of John Leland, ed. L.Poulmin-Smith, London, 1907-1910, I, 102-3(Ampthill), IV, 133 (Beverstone); а также см. K.B.McFarlane, «The investment of Sir John Falstolf's profits of war», TRHS, 5-th series, 7 (1957), p.91-116.
43. K.B.McFarlane, «A business-partnership in war and administration, 1421-1445», EHR 78 (1963), pp.290-310.
44. H.Duples-Agier (ed.), Registre Criminel du Chatelet de Paris 1389-1392, Paris, 1861-1864, II, p.210.
45. О карьере Хоквуда см.: J.Temple-Leader and G.Matconi, Sir John Hawkwood, London, 1889.
46. Caxton, Book of the Ordre of Chivalry, p.123. Сравните с работой Томмазо ди Салуццо «Странствующий рыцарь», где о Хоквуде говорится следующее: Ytale ne fu cent ans devant plus vaillant capitain ne plus sage de lui» («не было в Италии за последние сто лет капитана более храброго и разумного, чем он») (BN, MS Fr.12559, fo.150vo). Здесь Хоквуд представлен как один из двух военачальников, которые занимают особые места во Дворце Удачи; второй - это Бертран Дю Геклен!
47. Cuvelier, Chtonique de Bertrand du Guesclin, I, p.261-262.
48. M.Freville, «Les grandes compagnies au XIV-ine siecle», BEC V (1843-1844), p.246.
49. H.Bonet, The Tree of Battles, Irs.Coopland, 189.
50. Наиболее полное исследование этой критики есть в следующей работе: R.L.Kilgour, The Decline of Chivalry, Cambridge, Mass., 1937; я нашел эту работу чрезвычайно полезной, хотя интерпретация некоторых фактов и вызывает у меня вопросы.
51. Keen, «Huisinga, Kilgour and the decline of chivalry» // Mediaevalia et Humanistica, New Series, 8 (1977), pp.5-6.
52. Bernard, Opera, ed.J.Leclercq and H.M.Rochais, III, Rome, 1963, p.216-217.
53. Girart de Bornelh, цит. no: Kilgour, The Decline of Chivalry, p.5-6.

54. Kilgour, cit.sup., chs.III-IV. Среди тех, на кого он ссылается, прежде всего см.: E.Deschamps, Oeuvres, ed.Le Marquis de Queux de St.-Hilaire and G.Raynaud, Paris, 1878-1903, II, p.214-226; III, p.141-142; Gersob, Opera, ed.E.Dupin, Antwerp, 1706, I, p.457-467; IV, p.607-611. Замечание А.Шартье, которое я приводил, рассматривается у Kilgour, p.206.

55. N.A.Wright, «The Tree of Battles of Honore Bouvet and the Laws of War»// C.T.Allmand (ed.), War, Literature, and Politics in the late Middle Ages, Liverpool, 1976, p.12-31; а также см. Keen, The Laws of War in the Late Middle Ages, p.69-81.

56. Alvarez Pelayo, De Planctu Ecclesiae, Lyons, 1517, art.31, цит. no: Contamine, La Guerre au moyen age, p.440-441.

57. См. например: Ordonnances des Roys de Frances, V, p.657-661; XIII, p.306-313.

58. Bonet, The Tree of Battles, ed.Coopland, p.135.

59. BR.MS 10497, fo 120vo.

60. Ibid., fo 111.

61. C.de Pisan, The «Livre de la Paix», ed. C.C.Willard, The Hague, 1958, p. 134; цит. no: Vale, War and Chivalry, p.63.

62. Saxton, Book of the Ordre of Chivalry, ed.Byles, p.124.

63. La Marche, cit.sup., ch.VIII, p.150.

64. См. выше гл.X.

Глава XIII

1. AB.Ferguson, The Indian Summer of English Chivalry, Dumham, N.Carolina, 1960; E.Bourciez, Les Moeurs polies et la litterature de cour sous Henri II, Paris, 1886.

2. CM. J.Strobl, Kaiser Maximilians I Anteil am Teuerdank, Innsbruck, 1907.

3. D.Devoto, Folklore et politique au chateau tenebreux // Les Fetes de la Renaissance, ed. J.Jacquot, t. II, Paris, 1960, p. 311-28.

4. Bourciez, cit.sup., p. 20.

5. Contamine, La guerre au Moyen Age, p. 254.

6. Ibid.

7. J. de Bueil, Le Jouvencel, t. I, p. CCLXXXI (приведено у: Vale, War and Chivalry, p. 148-49).

8. La Marche, Me moires, ed. Buchon, p. 484.

9. J.Hale, War and public opinion in the fifteenth and sixteenth centuries // Past and Present, t. 22, 1962, p. 23.

10. The Brut, ed. F.W.D.Brie, t. II, London, 1908, p. 378.

11. Об артиллерии и рыцарях см. Vale, War anrl Chivaliy, p. 143-146.
12. Bourciez, cit.sup., p. 81.
13. Conlamine, cit.sup., p. 305-306.
14. La Marche, Me moires, p. 407-408.
15. N.A.R.Wright, The «Tree of Battles» of Honore de Bouvet and the Laws of War, cit.sup., p. 31.
16. D.M.Nicholas, Town and Countryside: Social, Economic and Political Tensions in Fourteenth-Century Flanders, Bruges, 1971, p. 250-66.
17. J.Pitt-Rivers, Honour and social status // J.G.Peristiany (ed.), Honour and Shame, London, 1965, p. 38.
18. M. de Montaigne, Essais, t. II, p. 7.
19. Цит. no: J.C.Baroja, Honour and shame: a historical account of several conflicts // Peristiany, cit.sup.
20. Peter of Dusburg.Chronicon terrae Prussiae,ed. M.Toppen // Scriptores rerum Prussicarum, t. I, p. 101 (приводится и анализируется в: W.Paravicini, Die Preussenreisen des europaischen Adels // Historische Zeitschrift, t. 232, 1981, p. 28ff.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные источники

BESANCON, Bibliotheque Municipale,
Collection Chifflet, MSS 81, 83, 86, 90, 91.

BRUSSELS, Bibliotheque Royale,
MSS 9632, 10238, 10497, 11124-6, 11407, 14395, 21522,
MS Goethals 707.

EPINAL, Bibliotheque Municipale, MS 217.

LILLE, Bibliotheque Municipale, MS 329.

LONDON, British Library,
Cotton MSS, Nero C IX, D VI,
Egerton MS 3149,
Harleian MS 2259,
Royal MS 14 E II,
Additional MSS 21370, 28628

LONDON, College of Arms,
Processus in Curia Marescalli, I ? II

OXFORD, Bodleian Library,
Ashmole MS 865,
Rawlinson MS C 399

PARIS, Archives Nationals,
Xla, 74, 84

PARIS, Bibliotheque de l'Arsenal,
MS 2251

PARIS, Bibliotheque Nationale,
MSS Francais 112,1280,1953,1997, 2765, 4274, 5241-2, 5936, 12559, 12597,
169888,
MSS Francais, Nouvelles Acquisitions 1075
MS Espagnol 33,
MS Clairembault 1241,
Collection Doat 203

Изданные источники

- Adalbero de Laon, Poeme au Roi Robert, ed. C.Carozzi, Paris, 1979.
Alexander: Li Romans d'Alixander, ed. H. Michelant, Stuttgart, 1846.
Alexander: The Buik of Alexander, ed. R.L.Graeme Ritchie, Edinburgh, 1925-29.
Alfred: King Alfred's Old English Version of Boethius, ed. W.J.Sedgefield, Oxford, 1899.
Ambroise, L'Esloire de la Guerre Sainte, ed. G.Paris, Paris, 1897.
Andreas Capellanus, The Art of Courtly Love, trans. J.J.Parry, New-York, 1941.
Anna Comnena, The Alexiad, trans. E.A.S.Dawes, London, 1928.
Annales monastici, ed. H.R.Luard, RS, 1865-69.
Anonymi gesta francorum, ed. R.Hill, London, 1962.
Antis J., Register of the Most Noble Order of the Garter, London, 1724.
Antioch: La Chancon d'Antioche, ed. P.Paris, Paris, 1848.
Barbour J., The Bruce, ed. W.W.Skeat, London, 1870.
Bartolus of Sassoferrato, De insigniis et armis, ed. // E.Jones, Medieval Heraldry, Cardiff, 1943.
Bartolus of Sassoferrato, Comment, in cod., Basle, 1562.
Basin T., Histoire de Charles VII, ed. C.Samaran, Paris, 1964.
Bayart: Hislorie du Genlil Seigneur de Bayarl, ed. M.J.Roman, Paris, 1878.

- Beaumanoir P. de, *Les Coutumes de Beauvaisis*, ed. le Comice de Beugnot, Paris, 1842.
- Betley S., *Excerpta historica*, London, 1831.
- Black Book of the Admiralty, ed. T.Twiss, RS, 1871-76.
- Bonet H., *The Tree of Battles*, ed. and trans. G.W.Coopland, Liverpool, 1949.
- Bonizo of Sutri, *Liber de vita Christiana*, ed. E.Perels, Berlin, 1930.
- Boucicaul: *Le Livre des faitz du bon Messire Jehan le Maingre, dit Boucicaul*, ed. M.Pelilot // *Collection des Memoires relatifs a l'histoire de France*, Paris, 1825, t. VI, VII.
- Bretel J.: *Jaques Bretel: Le Tournoi de Cauvency*, ed. M.Delbouille, Paris, 1932.
- Brut the, ed. F.W.D.Brie, EETS, London, 1906.
- Bueil Jean de, *Le Jouvencel*, ed. C.Favre and L.Lecestre, Paris, 1887-89.
- Caesarius of Heisterbach, *Dialogue miraculorum*, ed. J.Strange, Cologne, 1851.
- Chandos Herald, *Life of the Black Prince*, ed. M.K.Pope and E.C.Lodge, Oxford, 1910.
- Charny Geoffroi de, *Livre de chevalerie // Oeuvres de Froissart*, ed. K. de Lettenhove, t. I, pt. III, Brussels, 1873.
- Charroi de Nimes, le, ed. D.McMillan, Paris, 1972.
- Chattier A.: *The Poetical Works of Alain Charlier*, ed. J.C.Laidlaw, Cambridge, 1974.
- Chretien de Troyes, *Erec und Enide*, ed. W.Foerster, Halle, 1896.
- Chretien de Troyes, *Der Karrenritter (Chevalier de la Charrelte)*, ed. W.Foerster, Halle, 1899.
- Chretien de Troyes, *Cliges*, ed. W.Foerster, Halle, 1884.
- Chretien de Troyes, *Perceval le Gallois*, ed. C.Potvin, Mons, 1866-71.
- Chretien de Troyes, *Der Lowenritter (Yvain)*, ed. W.Foerster, Halle, 1887.
- Christine de Pisan, *Le Ditie de Jeanne d'Arc*, ed. A.J.Kennedy and K.Varty, Oxford, 1977.
- Christine de Pisan, *The Epistle of Othea to Hector (S.Scrope's translation for sir J.Fastolf)*, ed. C.F.Buhler, Oxford, 1970.
- Chronicon W.Richanger, ed. H.T.Riley, RS, 1885.
- Chronique des qualre premiers Valois, ed. S.Luce, Paris, 1872.
- Chroniques d'Anjou, ed. P.Machegay and P.Salmon, Paris, 1856.
- Chroniques des Comtes d'Anjou, ed. L.Halphen and R.Poupardin, Paris, 1913.
- Coggeshall R., *Chronicon Anglicanum*, ed. J.Stevenson, RS, 1875.

- Conde B. de, *Lc Dit dou Baceller* // A.Jubinal (ed.). *Recueil des conies, fabliaux et autres pieces inedites*, Paris, 1839, v. I.
- Couci: *Lc Roman du Chastelain de Couci*, ed. M.Delbouille, Paris, 1936.
- Couronnement Louis le, ed. E.Langlois, Paris, 1888.
- Cuvelier, *Chronique de Bertrand du Guesclin*, ed. E.Charriere, Paris, 1839.
- Dante: *Le Opere di Danti Alighieri*, ed. E.Moore and P.Toynbee, Oxford, 1924.
- Debal des herauls d'armes de France et d'Angleterre, ed. L.Pannier and P.Meyer, Paris, 1872.
- Deschamps E., *Oeuvres*, ed. Lc Marquis de Queux de St.Hilaire and G.Raynaud, Paris, 1878-1903.
- Diaz da Gamez G., *The Unconquered Knight: a chronicle of the deeds of Don Pero Nino*, trans. J.Evans, London, 1928.
- Douet d'Arcq L., *Choix des pieces inedites relatives au regne de Charles VI*, Paris, 1863.
- D'Orronville, *Chronique du Bon Due Loys de Bourbon*, ed. A.M.Chazaud, Paris, 1876.
- Du Cange, *Glossarium*, ed. G.A.L.Henschel, t. X, Paris, 1887.
- Dugdale W., *Monaslicon Anglicanum*, London, 1830.
- Duples-Agier H. (ed.), *Registre criminel du Chatelet de Paris, 1389-92*, Paris, 1861-64.
- Durmart: *Li Romans de Durmart le Galois*, ed. E.Stengel, Stuttgart, 1873.
- Ehingen J. von: *The Diaiy of Jorg von Ehingen*, ed. M.Letts, London, 1929.
- Escouchy M. de, *Chronique de Mathieu d'Escouchy*, ed. G. Du Fresne de Beaucourt, Paris, 1863.
- Fitzwarin: *The Legend of Fulk Fitzwarin* // R.Coggeshall, *Chronicon Anglicanum*, ed. J. Stevenson, RS, 1875.
- Flores Historiarum, ed. H.R.Luard, RS, 1890.
- Fougeres Etienne de, *Livre des Manieres*, ed. F.Talbert, Angers, 1877.
- Fulcher of Charlies, *Hisloria Hierosolymitana*, ed. H.Hagenmeyer, Heidelberg, 1913.
- Fulgore di San Gimignano, *Sonnetti*, ed. F.Neri, Turin, 1925.
- Galberl of Bruges, *Histoire du meurtre de Charles lc Bon*, ed. H.Pirenne, Paris, 1891.
- Garin, *La Mori de*, ed. E. du Meril, Paris, 1846.
- Gelre Herald, *Wapenboek ou Armorial du 1334 a 1372...par Gelre Heraul d'Armes*, ed. V.Bouton, Paris, 1881.

- Geoffrey of Monmouth, *Historia regum Britaniae* // E.Faral (ed.), *La legende Arthurienne*, Paris, 1929.
- Gerson J., *Opera*, ed. E.Dupin, Antwerp, 1706.
- Gesta Henrici Quinli, ed. B.Williams, London, 1850.
- Ghislbart of Mons, *Chronicon Hanoniense* // MGH, SS XXI.
- Gilbert of the Haye's Prose MS, ed. J.H.Stevenson, Edinburgh, 1914.
- Gollancz I. (ed.), *Parlement of the Thre Ages*, RoxburghClub, London, 1897.
- Gray T., *Scalacronica*, ed. J.Stevenson, Edinburgh, 1836.
- Hefele C.J. and Leclercq H., *Histoire des conciles*, t. V, Paris, 1913.
- Hemmerlein F., *De rusticitate et nobilitate*, Strasbourg, ? 1490.
- Hemricourt: *Oeuvres de Jacques de Hemricourt*, ed. C. de Borman and A.Bayot, Brussels, 1910.
- Histoire de Guillaume le Marechal*, ed. P.Meyer, Paris, 1891.
- Historia Pontificum et Comitum Engolismensium*, ed. J.Boussard, Paris, 1957.
- Hoveden R., *Chronica*, ed. W.Stubbs, RS, 1869.
- Humbert de Romans, *Tractatus sollemnis de praedicatione sanctae crucis* // T.Kaeffele (ed.), *Scriptores Ordinis Praedicatorum Medii Aevi*, t. II, Rome, 1975.
- Huon de Mery, *le Tournoiement d'Antechrist*, Reims, 1851.
- Jacotin A., *Preuves de la Maison de Polignac*, Paris, 1898-1906.
- Jacques de Vitry, *Exc mpla*, ed. T.Crane, London, 1891.
- Jerusalem: *La Conquete de Jerusalem*, ed. C.Hippeau, Paris, 1868.
- John of Salisbury, *Policraticus*, ed. C.C.Webb, Oxford, 1909.
- Joinville J. de, *Histoire de St.Louis*, ed. M.Natalis de Wailiy, Paris, 1868.
- Juges: *Le Livre des Juges*, ed. d'Albon, le marquis de, Lyons, 1913.
- La Marche O. de, *Me moires*, ed. J.A.C.Buchon, Paris, 1836.
- La Sale A. de, *L'Histoire du petit Jehan de Saintre*, trans. I.Gray, London, 1931.
- Lalaing J., *Le Livre des fails de Jacques de Lalaing* // *Oeuvres de G.Chastellain*, ed. K. de Lettenhove, Brussels, 1866.
- Lambert of Ardres, *Historia Comitum Ghisnensium* // MGH, SS XXIV.
- Lambert of Watrelos, *Annales Cameracenses* // MGH, SS XVI.
- Lannoy Ghillebert de, *Oeuvres de G. de Lannoy*, ed. C.Potvin, Louvain, 1878.
- Le Bel J., *Chronique de Jean le Bel*, ed. J.Viard and E.Deprez, Paris, 1905.
- Le Febvre, abbe, *Me moire pour servir a l'histoire de France du XVIe siecle*, contenant les statuts de l'ordre du St.Esprit, Paris, 1764.

- Lc Fevre J., *Chronique de Jean Le Fevre, Seigneur de St. Remy*, ed. F. Morand, Paris, 1881.
- Leland J., *The Itinerary of John Leland*, ed. L. Toulmin-Smith, London, 1907-10.
- Lull R.: Peers E.A. (ed.), *A Life of Ramon Lull*, London, 1929.
- Lulls R., *The Book of the Ordre of Chyvalry*, ed. A.T.P. Byles, EETS, 1926.
- Lunig J.C., *Teulschen Reichs Archiv*, Leipzig, 1710.
- Machaut G., *Oeuvres de G. de Machaul*, ed. E. Hoepffner, Paris, 1921.
- Machaut G., *La prise d'Alexandrie*, ed. M.L. de Las-Malrie, Geneva, 1877.
- Malaterra G., *Historia Sicula*, RIS, t. V.
- Malory T., *The Works of Sir Thomas Malory*, ed. E. Vinaver, Oxford, 1947.
- Merlin, ed. G. Paris and J. Ulrich, Paris, 1866.
- Mery H. d., *cm. Huon de Mery*.
- Meun J. de, *Le Roman de la Rose*, ed. E. Langlois, Paris, 1914-24.
- Mezieres P. de, *Le Songe du vieil pelerin*, ed. G.W. Coopland, Cambridge, 1969.
- Mezieres P. de, *Letter to King Richard II*, ed. and trans. G.W. Coopland, Liverpool, 1975.
- Monstrelet E. de, *Chronique*, ed. L. Douet d'Arcq, Paris, 1857-62.
- Nicolas N.H., *The Controversy between Sir Richard Scrope and Sir Robert Grosvenor in the Court of Chivalry*, London, 1832.
- Novara P. de, *Me moires*, ed. C. Kohler, Paris, 1913.
- Novara P. de, *Les Quatre Ages de l'homme*, ed. M. Freville, Paris, 1888.
- Ordene de chevalerie* // E. Barbazan (ed.), *Fabliaux et contes des poetes francais des 12e, 13e, 14e et 15e siecles*, Paris, 1808, v. I.
- Orderic Vitalis, *Historiae ecclesiasticae*, ed. A. Le Prevost, Paris, 1838-55.
- Ordonnances des Roys de France de la Troisieme Race*, Paris, 1723-1849.
- Otto of Freising, *Gesta Frederici Imperatoris* // MGH, SS XX.
- Oulmont C., *Les Debats du Clerc et du Chevalier*, Paris, 1911.
- Paris Matthew, *Chronica Majora*, ed. H.R. Luard, RS, 1877.
- Perlesvaus: *The High Book of the Graal*, trans. N. Bryant, Cambridge, 1978.
- Pero Nino, *cm. Diaz da Gamez G.*
- Pizan C., *cm. Christine de Pizan*.
- Pontificals*: M. Andrieu, *Le Pontifical Romain* // *Studi e testi*, 86, Rome, 1938-40.
- Prost B. (ed.), *Traites du duel judiciaire, relations de pas d'armes et tournois*: par O. de la Marche, J. de Villiers, H. de la Jaille, A. de la Sale, Paris, 1878.
- Roland: *La Chanson de Roland*, ed. G.J. Brault, London, 1978.

- Rolls of Caerlaverock, ed. T.Wright, London, 1864.
- Ruxner G., Turnierbuch, Frankfurt, 1566.
- Rymer T., Foedera, London, 1704-26.
- Sacchetti F., Novelle, Milan, 1804-05.
- Saisnes: La Chancon des Saisnes, ed. F.Michel, Paris, 1832.
- Sarasin: Sarasin: Le Roman du Ham, ed. A.Henry, Paris, 1939.
- Schaumburg W. von, Die Geschichten und Taten Wilwolts von Schaumburg, ed. A. von Keller, Stuttgart, 1859.
- Sicily Herald, Le Blason des couleurs, ed. H.Cocheris, Paris, 1860.
- Sicily Herald, Parties inedites de l'oeuvre de Sicile heraut d'Alphonse V Roi d'Aragon, ed. P.Roland, Mons, 1867.
- Sommner H.O., The Vulgate Version of the Arthurian Romances, Carnegie Institute, Washington, 1909 ff.
- Songe du vergier, ed. Brunet, Paris, 1731 (reprint: Revue du Moyen Age Latin, t. XIII, 1957).
- Stevenson J. (ed.), Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France, RS, 1861-64.
- St.Albans Chronicle, ed. V.H.Galbraith, Oxford, 1937.
- St.Albans: Book of St.Albans, ed. Wynkyn de Worde.
- Suchenwirt P., Werke, ed. A.Primisser, Vienna, 1827.
- Suger, Vie de Louis VI le Gros, ed. H.Waquet, Paris, 1929.
- Temple: La Regie du temple, ed. H. de Curzon, Paris, 1886.
- Trivet N., Triveti Annales, ed. T.Hogg, London, 1845.
- Troyes, Chretien de, см. Chretien de Troyes.
- Turpin: The Old French «Johannes» translation of the Pseudo Turpin Chronicle, ed. R.N.Walpole, California, 1976.
- Ulrich von Lichtenstein: Ulrich von Lichtenstein's Service of ladies, trans. J.W.Thomas, Chapel Hill, 1969.
- Upton N., De studio militari, ed. E.Bysshe, London, 1654.
- Vieillard F., Un texte interpolate du cycle du Graal (Bibliothèque Bodmer MS 147) // Revue d'histoire des textes, t. 4, 1974.
- Villehardouin G. de, La Conquete de Constantinople, ed. E.Faral, Paris, 1939.
- Vita Edwardi Secundi, ed. N.Denholm-Young, London, 1957.
- Vitry J. de, см. Jacques de Vitry.
- Wace, Li Roman de Brut, ed. le Roux de Lincy, Rouen, 1838.

- Walter of Guisborough, *The Chronicle of Waller of Guisborough*, ed. H.Rothwell, Camden Soc., 1957.
- Warkworlh J., *A Chronicle of ihe first thirtee years of the reign of King Edward IV*, ed. J.O.Halliwell, Camden Soc., 1938.
- Warwick: *Pageant of the Birth, Life abd Death of Richard Beauchamp Earl of Warwick*, ed. Viscount Dillon and W.H.St.Jonh Hope, London, 1914.
- Widukind of Corvey, *Res gestae Saxonicae* // MGH, SS III.
- William of Malmesbury, *De gestis regum Anglorum*, ed. T.Stubbs, RS, 1887-89.
- William of Newburgh, *Historia rerum Anglicarum*, ed. R.Howlett, RS, 1885.
- William of Orange: *La Chancon de Guillaume*, ed. J.Wathelet-Wille m, Paris, 1975.
- Wolfram von Eschenbach, *Willeham*, ed. K.Lachmann, Berlin, 1926.
- Wolfram von Eschenbach, *Parzival*, ed. A.Leitzmann, Tubingen, 1961.
- Wright T. (ed.), *Political Poems and Songs*, RS, 1859.

Литература

- Adam Even P., см. Even P.Adam.
- Aign T., *Die Ketzehein Nuremberger Handelsherren und Jerusale mpilgergeschlecht*, Neustadt, 1961.
- Allmand C.T. (ed.), *War, Literature and Politics in the late Middle Ages*, Liverpool, 1976.
- Anglo S., *L'arbre de chevalerie, et le perron dans les tournois* // *Les Fetes de la Renaissance*, ed. J.Jacquot and E.Konigson, t. III, Paris, 1975.
- Armstrong C.A.J., *Had the Burgundian government a policy for the nobility?* // J.S.Bromley and E.H.Kossmann (eds.), *Britain and the Netherlands*, t. II, Groningen, 1964.
- Artonne A., *Le movemenl de 1314 et les chartres provinciates de 1315*, Paris, 1912.
- Ashmole E., *Institution, Laws and Ceremonies of the most noble Order of the Garter*, London, 1672.
- Barber R., *The Knight and Chivaliy*, London, 1970.
- Barnie J., *War in Medieval Society: Social Values and the Hundred Years War 1337-99*, London, 1974.

- Barthelemy A. de, Etude sur les lettres d'annoblissement // *Revue Historique Nobilitaire*, 7, 1869.
- Bedier J., *Les Legendes epiques*, Paris, 1908-13.
- Bedier J., *Les Chaneons de Croisade*, Paris, 1909.
- Beltz G.F., *Memorials of the Garter*, London, 1841.
- Benson L.D., *Malory's Morte d'Arthur*, Cambridge, Mass., 1976.
- Berger S., *La Bible francaise au Moyen Age*, Paris, 1884.
- Bezzola R., *Les origines et la formation de la litlerature courtoise en Occident*, Paris, 1944-63.
- Blair C., *European Armour, c.Ю66-c.1700*, London, 1958.
- Bloch M., *Feudal Society*, trans. L.A. Manyon, London, 1961.
- Bloch R. Howard, *Medieval French Literature and Law*, Berkley, California, 1977.
- Boase R., *The Troubadour Revival*, London, 1978.
- Bonenfant P. and Despy G., *La noblesse en Brabant (XIIe-XIHe siecles)* // *MA*, 64, 1958.
- Borst A. (ed.), *Das Rittertum im Mittelalter*, Darmstadt, 1976.
- Bosl K., *Noble unfreedom: the rise of the minesteriales in Germany* // T. Reuter (ed.), *The Medieval Nobility*, Oxford, 1978.
- Bossuat A., *Un ordre de chevalerie Auvergnal: l'ordre de la Pomme d'Or* // *Bulletin Historique et Scientifique de l'Auvergne*, 64, 1944.
- Bossuat A., *La rancon de Guillaume de Chateauvillain* // *Annates de Bourgogne*, 1951.
- Bossuat A., *La rancon de Jean Seigneur de Rode* // *Annales de l'Est*, 1951.
- Boulton D.A.J., *The Origin and Development of the Curial Orders of Chivahy* // *Oxford D. Phil. Thesis*, 1975.
- Bouly de Lesdain L., *Etudes heraldiques sur le XIIe siecle* // *Annuaire du Conseil Heraldique de France*, XX, 1907.
- Bourciez E., *Les Moeurs polies et la litterature de cour sous Henri II*, Paris, 1886.
- Boussard J., *Les mercenaires au XIIe siecle: Henri II et les origines de l'armee du metier* // *BEC*, 1945-46.
- Boussard J., *L'origine des familles seigneuriales dans la region de la Loire moyenne* // *CMM*, t. V, 1962.
- Boutruche R., *La crise d'une societe: seigneurs et paysans en Bordelais pendant la Guerre de Cent ans*, Paris, 1963.
- Brault G.J., *Early Blazon*, Oxford, 1972.

- Brooks N.P., Arms, status, and warfare in late Anglo-Saxon England // D.Hill (ed.), *Ethelred the Unready: Papers from the Millenary Conference*, Oxford, 1978.
- Brundage J.A., *Medieval Canon Law and the Crusader*, Madison, Wisconsin, 1969.
- Buchta H., *Miniature Painting in the Latin Kingdom of Jerusalem*, Oxford, 1957.
- Bullock Davies C., *Menestralorum multitudo*, Cardiff, 1976.
- Bullough D.A., *Games people played: drama and ritual in medieval Europe* // TRHS, 5th series, t. 24, 1974.
- Bumke J., *The Concept of Knighthood in the Middle Ages*, trans. W.T.H. and E.Jackson, New York, 1982.
- Cahen C., *Le premier cycle de la croisade* // MA, I. 63, 1957.
- Catto J., *Florence, Tuscany and the world of Dante* // C.Grayson (ed.), *The World of Dante*, Oxford, 1980.
- Chase C. (ed.), *The Dating of Beowulf*, Toronto, 1981.
- Chomel V., *Chevaux de bataille et roncins en Dauphine au XIVe siecle* // Cahiers de l'Hisloire, t. VII, 1962.
- Christiansen E., *The Northern Crusades*, London, 1980.
- Cline R., *The influence of romances on tournaments of the middle ages* // Speculum, t. 20, 1945.
- Cohen G., *Histoire de la chevalerie en France*, Paris, 1949.
- Contamine P., *Guerre, Etat et societe: Eludes sur les armees des rois de France, 1337-1494*, Paris, 1972.
- Contamine P., *The French nobility and the war* // K.Fowler (ed.), *The Hundred Years War*, London, 1971.
- Conlamine P., *Points de vue sur la chevalerie en France a la fin du Moyen Age* // Francia, t. 4, 1976.
- Contamine P.(ed.), *La Noblesse au Moyen Age*, Paris, 1976.
- Contamine P., *Sur l'Ordre de St. Michel au lemps de Louis XI et Charles VIII* // Bulletin de la Societe Nationale des Antiquaires de France, 1976.
- Contamine P., *La guerre au Moyen Age*, Paris, 1980.
- Cook A.S., *Beginning the board in Prussia* // Journal of English and German Philology, t. XIV, 1915.
- Coopland G.W., *Le Jouvencel (revisited)* // Symposium, t. V, 1951.

- Coulson C., Structural symbolism in medieval castle architecture // Journal of the British Archaeological Association, t. CXXXII, 1979.
- Cowdrey H.E.J., The eleventh-century peace and truce of God // Past and Present, t. 46, 1970.
- Cox E., The Green Count of Savoy, Princeton, 1967.
- Cripps-Day F.H., The Histoiy of the Tournament in England and France, London, 1918.
- Cusl H., Gentle men Errant, London, 1909.
- Daumet G., L'ordre Castillan de l'Echarpe (Banda) // Bulletin Hispanique, t. XXV, 1923.
- Davidson H.R.E., The Sword in Anglo-Saxon Histoiy, Oxford, 1962.
- Dean R.J., An early treatise on heraldry in Anglo Norman // Romance Studies in memory of Edward Billing Ham, California, 1967.
- Delpech H., La Tactique au XHie siecle, Paris, 1886.
- Denholm-Young N., Histoiy and Heraldry, Oxford, 1965.
- Denholm-Young N., The tournament in the thirteenth-century // Studies in Medieval Histoiy presented to F.M.Powicke, ed. R.W.Hunt, W.A.Patin and R.W.Southern, Oxford, 1948.
- Denifle H., La desolation des eglises, monasleres et hopitaux en France pendant la guerre de Cent ans, Paris, 1897-99.
- Dennys R., The Heraldic Imagination, London, 1975.
- Devoto D., Folklore et politique au chateau Tenebreux // Les fetes de la Renaissance, ed. J.Jacquot, t' II, 1960.
- Dorling E.E., Canting arms in the Zurich Roll // The Ancestor, t. XII, 1905.
- Doutrepoint G., La litterature francaise a la cour des dues de Bourgogne, Paris, 1909.
- Doutrepoint G., La croisade projetee par Philippe le Bon contre les Turcs // Notes et Exlraits de la Bibliotheque Nationale, I. 41, 1923.
- Doutrepoint G., Les mises en prose des epopees et des romans chevaleresques // Memoires de l'Academie Royale de Belgique, Leltres, t. 40, 1939.
- Du Boulay F.R.H., Henry of Derby's expeditions to Prussia // F.R.H.Du Boulay and M.Barron (eds.), The Reign of Richard II, London, 1971.
- Duby G., La societe aux Xle el Xlle siecles dans la region maconnaise, Paris, 1953.
- Duby G., Les trois ordres, ou l'imaginaire du feodalisme, Paris, 1979.
- Duby G., The Chivalrous Society, trans. C.Postan, London, 1979.

- Du Fresne de Beaucourt G., Histoire de Charles VII, Paris, 1881-91.
- Duparc-Quioc S., Le cycle de la Croisade, Paris, 1955.
- Duparc-Quioc S., La composition de la «Chancon d'Anthioche» // Romania, t. 83, 1962.
- Elm K., Kanoniker und Ritter von Heiligen Grab // J.Fleckenstein and M.Hellmann (eds.), Die Geistlicher Ritterorden Europas, Sigmaringen, 1980.
- Erben W., Schwertleite und Ritterschlag // Zeitschrift fur historische Waffenkunde, t. 8, 1918-20.
- Erdmann C., Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens, Stuttgart, 1935.
- Even P.Adam, Catalogue des armoriaux francais imprimes, 1946.
- Even P.Adam, Un armorial francais du XIIIe siecle: le role Bigot, 1254 // AHS, t. 63, 1949.
- Even P.Adam, Les sceaux d'ecuyers au XIIIe siecle // AHS, t. 65, 1951.
- Even P.Adam, Les fonctions militaires des herauts d'armes // AHS, t. 71, 1957.
- Even P.Adam, Les usages heraldiques au XIIIe siecle // Archivum Heraldicum, t. LXXVII, 1963.
- Even P.Adam, L'armorial universel du Herault Gelre, Claes Haenen, Roi des Armes des Ruyers // AHS, t. LXXV, 1961.
- Favyn A., Le theatre d'honneur et de chevalerie, Paris, 1620.
- Fechter J., Cluny, Adel und Volk. Studien uber das Verhaltnis des Klosters zu den Standen, Stuttgart, 1966.
- Ferguson A.B., The Indian Summer of English Chivalry, Durham, North Carolina, 1960.
- Fleckenstein J., Zum Problem der Abschliessung des Ritterstandes // Historische Forschungen fur W.Schlesinger, ed. H.Beumann, Cologne, 1974.
- Fleckenstein J., Friedrich Barbarossa und das Rittertum // A.Borst (ed.), Rittertum im Mittelalter, Darmstadt, 1976.
- Fleckenstein J., Herrschaft und Stand, Gottingen, 1977.
- Fleckenstein J., and Hellmann M. (eds.), Die Geistlicher Ritterorden Europas, Sigmaringen, 1980.
- Fleckenstein J., Die Einstellung des niederen Adels und das Rittertum // J.Fleckenstein (ed.), Herrschaft und Stand.
- Flori J., La notion de chevalerie dans les chansons de geste du XIIIe siecle // MA, t. 81. 1975.

- Flori J., *Semantique et societe medievale: la verbe adouber et son evolution au XIIe siecle* // *Annales*, t. 31, 1976.
- Flori J., *Chevalerie et liturgie* // *MA*, t. 84, 1978.
- Flori J., *Les origines de l'adoubement chevaleresque: etude des remises d'armes et du vocabulaire qui les exprime* // *Traditio*, t. 33, 1979.
- Fluttre L., *«Li Fait des Romains» dans les litteratures francaises et italiennes du XIIe au XVIe siecle*, Paris, 1932.
- Fossier R., *La noblesse picarde du temps de Philippe le Bel* // P. Contamine (ed.), *La noblesse au Moyen Age*.
- Fourrier A. (ed.), *L'Humanisme medieval dans les litteratures francaises et italiennes du XIe au XVIe siecle*, Paris, 1964.
- Frappier J., *Remarques sur la peinture de la vie des heros antiques dans la litterature francaise des XIIe au XIe siecle* // A. Fourrier (ed.), *L'Humanisme medieval*.
- Frappier J., *Le Graal et la chevalerie* // *Romania*, t. 73, 1954.
- Freed J.B., *The origins of the European nobility: the problem of the ministeriales* // *Viator*, t. 7, 1976.
- Freville M., *Les grandes compagnies au XIVe siecle* // *BEC*, t. V, 1843-44.
- Galbreath D.L., *Manuel de blason*, Lausanne, 1942.
- Galway M., *Joan of Kent and the Order of the Garter* // *University of Birmingham Historical Journal*, t. I, 1947.
- Gautier L., *Le Chevalerie*, Paris, 1884.
- Gilson E., *La mystique de la Grace dans la Queste de St. Graal* // *Romania*, t. 51, 1925.
- Gollut L., *Me moires historiques de la Republique Sequanoise et des princes de la Franche Comte*, ed. C. Dauvernoy, Arbois, 1846.
- Gransden A., *The growth of the Glastonbury traditions et legends* // *JEH*, t. 27, 1976.
- Guilhiermoz P., *Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen Age*, Paris, 1902.
- Guyer F.E., *The influence of Ovid on Chretien de Troyes* // *Romantic review*, t. 11, 1921.
- Hale J.R., *Fifteenth and sixteenth century public opinion and war* // *Past and Present*, t. 22, 1962.
- Hanning R.W., *The social significance of 12th century chivalric romance* // *Medievalia et Humanistica*, new series, t. 3, 1972.

- Hartshorne A., Notes on collars of SS // *Archaeological Journal*, t. XXXIX, 1882.
- Hai-vey R., *Moriz von Craun and the Chivalric World*, Oxford, 1961.
- Hauck K., *The literature of house and kindred* // T.Reuter (ed.), *The Medieval Nobility*.
- Hauptmann F., *Das Wappenrecht*, Bonn, 1896.
- Hewitt H.J., *The Black Prince's Expedition of 1355-57*, Manchester, 1958.
- Higounet C., *De la Rochelle a Torun: aventure de barons en Prusse et relations economiques* // MA, t. 69, 1963.
- Hoffmann H., *Gottesfrieden und Treuga Dei* // *Schriften der MGH*, t. XX, 1964.
- Holtgen K.J., *Die «Nine Worthies»* // *Anglia*, t. 77, 1959.
- Hommel L., *L'histoire du noble Ordre de la Toison d'Or*, Brussels, 1947.
- Houseley N.J., *Politics and Heretics in Italy: anti-Heretical Crusades, Orders and Confraternities, 1200-1500* // JEH, t. 33, 1982.
- Huberti L., *Studien zur Rechtsgeschichte der Gottesfrieden und Landesfrieden*, Ansbach, 1892.
- Huizinga J., *The Waning of the Middle Ages*, London, 1927.
- Johrendt J., *Miles und militia im 11 Jahrhundert in Deutschland* // A.Borst (ed.), *Das Rittertum im Miltelalter*.
- Jorga N., *Thomas III, Marquis de Saluces: etudes historique et litteraire*, St.Denis, 1893.
- Kennedy E., *Social and political ideas in the French prose «Lancelot»* // *Medium Aevum*, t. 26, 1957.
- Kilgour R.L., *The Decline of Chivalry*, Cambridge, Mass., 1937.
- Kirk J.F., *History of Charles the Bold*, London, 1863.
- Kohler E., *LAventure chevaleresque*, Paris, 1974.
- Kohler E., *Observations historiques et sociologiques sur la poesie des troubadours* // CCM, t. VII, 1964.
- Kruger S., *Rittertum bei Konrad von Megenburg* // J.Fleckenstein (ed.), *Herrschaft und Stand*.
- le Genti P., *The work of Robert de Boron and the «Didot Percival»* // R.S.Loomis (ed.), *Arthurian Literature in the Middle Ages*.
- La Curne de Ste.Palaye J.B., *Me moires sur l'ancienne chevalerie*, Paris, 1759.
- La Rocque A. de, *Traite de la Noblesse*, Rouen, 1735.
- Landau G., *Die Rittergesellschaften in Hessen*, Cassell, 1840.

- Langfors A., «Le dit des Herauts» par Henri de Laon // Romania, t. 43, 1914.
- Lecoy de la Marche A., Le Roi Rene, Paris, 1875.
- Lejeune R. and Stiennon J., La «Legende de Roland» dans l'art du Moyen Age, Paris, 1966.
- Leonard E., Histoire de Jeanne Ier, reine de Naples, Paris, 1937.
- Lewis P.S., Une ordre de chevalerie inconnue, creee par un comte de Foix: le «Dragon» // Annales du Midi, t. 76, 1964.
- Leyser K.J., Rule and Conflict in an early medieval society: Ottonian Saxony, London, 1979.
- Leyser K.J., The german aristocracy in the early middle ages // Past and Present, t. 41, 1968.
- Loomis R.S. (ed.), Arthurian Literature in the Middle Ages, Oxford, 1959.
- Loomis R.S., Chivalric and dramatic imitations of Arthurian romance // Medieval Studies in memory of R.K.Porter,Cambridge,Mass., 1939.
- Loomis R.S.and L.R., Arthurian Legends in Medieval Art, Oxford, 1938.
- Loomis R.S., Edward I, Arthurian enthusiast // Speculum, t. 28, 1953.
- Lucas R.H., Ennoble ment in late medieval France // Medieval Studies, t. 39, 1977.
- MacLagan M., The heraldry of the house of Clare // Papers of the XIII international congress of genealogical and heraldic sciences, 1982.
- MandachAde,La naissance et developpe ment de la chancon de geste en Europe, Paris, 1961.
- Mashke E., Burgund und der preussische Ordenslaet. Ein Beitrage zur Einheit der ritterlichen Kultur Europas im spateren Mittelalter // Syntagma Friburgense, Constance, 1956.
- Massmann E.H., Schwertleite und Ritterschlag, Hamburg, 1932.
- Mathew G., The Court of Richard II, London, 1968.
- McFarlane K.B., The investment of Sir John Fastolf's profits of war // TRHS, 5th series, t. 7, 1957.
- McFarlane K.B.,A business partnership in war and administration, 1421-45 // EHR, t. 78,1963.
- McFarlane K.B., Lancastrian Kings and Lollard Knights, Oxford, 1972.
- Menestrier C.F., Le veritable art du blason, Lyons, 1672.
- Meyer P., Notices et extraits du MS 8336 de la bibliotheque de Sir Thomas Phillips // Romania,t. XIII, 1884.

- Meyer P., Les manuscrits francais de Cambridge // Romania, I. XV, 1886, t. XXXVI, 1907.
- Monfrin J., Humanisme et traductions au Moyen Age // A.Fourrier (ed.), L'Humanisme medieval.
- Monfrin J., Les transducteurs el leur public en France au Moyen Age // A.Fourrier (ed.), L'Humanisme medieval.
- Monti G., Le Confraternile Medievali, Venice, 1927.
- Morris C., Equestris Ordo: chivaliy as a vocation in the twelfth centuiy // Studies in Church History, t. 15, 1978, ed. D.Baker, 87-96.
- Nelson J.L.,Inauguration rituals // Early Medieval Kingship,ed. P.H.Sawyer and I.N.Wood, Leeds, 1977.
- Nicholas D.M., Town and Countiyside in Fourteenlh-Centuiy Flanders, Bruges, 1971.
- Nicolas N.H., Hisloi of the Orders of Knighthood of the British Empire, London, 1841-42.
- Obenaus H., Rechtl und Verfassung der Gesellschaften mit St. Jorgen Schild in Schwaben, Gottingen, 1961.
- Otto E., Von der Abschliessung des Ritlerstands // Historische Zeitschrift, t. 162,1940.
- Painter S., William the Marshal, Baltimore, 1933.
- Painter S., French Chivaliy, Baltimore, 1940.
- Pannier L.,La Noble Maison de St. Ouen.la Villa Clipiacum et l'Ordre de l'Etoile, Paiis, 1878.
- Paravicini W., Die Preussenreisen des Europaischen Adels // Historische Zeitschrift, t. 232, 1981.
- Paris G., La «Chancon d'Antioche» et la «Gran Conquista d'Ultramar» // Romania, t. 17, 1888.
- Paterson L., Knights and the concept of knighthood in the twelfth century Occitan epic // Forum for Modern Language Studies, t. 17, 1981.
- Pauphilet E., Eludes sur la «Queste del Sant Graal, Paris, 1921.
- Peers E.A., Ramon Lull, London, 1929.
- Petersen J., Das Ritlerlum in der Darstellung des Johannes Roth, Strasbourg, 1909.
- Piaget A., Le «Livre» Messire Geoffroi de Charny // Romania, t. XXVI, 1897.
- Pickford C.E., L'Evolution du roman Arthuri en prose vers la fin du Moyen Age, Paris, 1966.

- Pietzner F., *Schwertleite un Ritterschlag*, Heidelberg, 1934.
- Pitt-Rivers J., *Honour and social status* // J.G. Peristiany (ed.), *Honour and Shame*, London, 1965.
- Planche A., *Du tournoi au theatre en Bourgogne: le Pas de la Fontaine des Pleurs a Chalon-sur Saone, 1449-50* // MA, t. 81, 1975.
- Powicke M., *Military Obligation in Medieval England*, Oxford, 1962.
- Prestage E., *Chivalry*, London, 1928.
- Prinet M., *Le langage heraldique dans le «Tournoiement Antechrist»* // BEC, t. 83, 1922.
- Rajna G., *Le origine delle famiglie Padovane, e gli eroi dei romanzi cavallereschi* // Romania, t. IV, 1975.
- Regout R., *La doctrine de la guerre juste de St. Augustin a nos jours*, Paris, 1935.
- Reiffenberg H. de, *Histoire de l'Ordre de la Toison d'Or*, Brussels, 1830.
- Renouard Y., *L'ordre de la Jarretiere et l'ordre de l'Etoile* // MA, t. 55, 1949.
- Reuter T. (ed.), *The Medieval Nobility*, Oxford, 1978.
- Ritchie R.L.Graeme, *The Buik of Alexander*, Edinburgh, 1925-29.
- Ritter J., *Ministerialite et Chevalerie*, Lausanne, 1955.
- Robinson I.S., *Gfregory VII and the soldiers of Christ* // History, t. 58, 1973.
- Robson C.A., *Vernacular Scriptures in France* // G.W.H.Lampe (ed.), *The Cambridge History of the Bible*, t. II, Cambridge, 1969.
- Rocher D., *Thomasin von Zerclaere: der walsche Gast*, Paris, 1977.
- Rosny L. de, *L'Epervier d'Or*, Paris, 1839.
- Ross D.J.A., *L'originalite de Tuoldus - le maniemment de la lance* // CCM, t. 6, 1963.
- Rosbach J., *Les demands pour la joust, le tournoi et la guerre de Geoffroi de Charny* (тезисы в BR, Brussels).
- Russell F.H., *The Just War in the Middle Ages*, Cambridge, 1975.
- Sandoz E., *Tourneys in the Arthurian tradition* // Speculum, t. 19, 1944.
- Schafer K.H., *Deutsche Ritter und Edelknechte in Italien*, Paderborn, 1911-40.
- Schneider J., *Sir Nicole de Louve: citain de Metz* // P.Contamine (ed.), *La noblesse au Moyen Age*.
- Schulte A., *Der Adel und die deutsche Kirsche im Mittelalter*, Darmstadt, 1909.
- Schultz A., *Das Hofische Leben zur Zeit der Minnesinger*, Leipzig, 1889.
- Schultz A., *Deutsches Leben in XIV und XV Jahrhundert*, Leipzig, 1892.
- Seyler G., *Geschichte der Heraldik*, Nuremberg, 1885-89.
- Smail R.C., *Crusading Warfare*, Cambridge, 1967.

- Sneddon C.R., A Critical Edition of the Four Gospels in the 13th century Old french translation of the Bible, Oxford, D.Phil. Thesis.
- Spiegel G.M., The Chronicle Tradition of St.Denis; a survey, Brooklane, Mass., 1978.
- Stillfried R.A., Der Schwanenorden, Halle, 1845.
- Temple-Leader J. and Marcotti G., Sir John Hawkwood, London, 1889.
- Thomas J.W., Ulrich von Lichtenstein's Service of ladies, Chapel Hill, 1969.
- Thordeman B., Armour from the Baltic of Wisby, 1361, Stockholm, 1939.
- Tolkien J.R.R., Beowulf: the monsters and the critics // PBA, t. 22, 1936.
- Tourneur V., Origine et symbolique de la Toison d'Or // Bulletin de l'Academie Royal de Belgique, Lettres, serie 5, t. XLII, 1956.
- Treis K., Die Formalitäten des Rittersschlags, Berlin, 1977.
- von Berchen E., Galbreath D.L., Hupp O., Die Wappenbücher des Deutschen Mittelalters, 1939.
- von Biedenfeld F., Geschichte und Verfassung aller geistlichen und weltlichen, erloschenen und bluhenden Ritterorden, Weimar, 1841.
- Vale J., Edward III and Chivalry, Boydell, 1983.
- Vale M., War and Chivalry, London, 1981.
- Vale M., A fourteenth century order of chivalry: the «Tiercelet» // EHR, t. 82, 1967.
- Van Luyn P., Les milites dans la France du XIe siecle // MA, t. 77, 1971.
- Vanderjagt A., Qui sa vertu anoblist, Groningen, 1981.
- Vaughan R., Philip the Good, London, 1970.
- Verbruggen J.F., The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages, trans. S.Willard and S.C.M. Southern, Oxford, 1977.
- Vercauteren F., Un parente dans la France du nord au XIe et XIIe siecles // MA, t. 69, 1963.
- Villanueva L.T., Memoria sobre de la orden de caballeria de la Banda de Castilla // Boletin de la Real Academia de la Historia, t. LXXII, 1918.
- Villey M., La Croisade: essai sur la formation d'une theorie juridique, Paris, 1942.
- Vulson de la Colombiere M., Le Vray Theatre d'honneur et de chevalerie, Paris, 1648.
- Waas A., Geschichte des Kreuzzuges, Freiburg, 1956.
- Wagner A.R., Catalogue of English Medieval Rolls of Arms, Oxford, 1950.
- Wagner A.R., Heralds and Heraldry in the Middle Ages, Oxford, 1956.

- Waley D., The army of the Florentine Republic // N.Rubinstein (ed.), Florentine Studies, London, 1968.
- Waley D., The Italian City Republics, London, 1969.
- Wallace-Hadrill J.M., War and peace in the earlier middle ages // TRHS, 5th series, t. 25, 1975.
- Walpole R.N., The «Pelerinage Charlemagne»: poem, legend, and problem // Romance Philology, I. VIII, 1954.
- Walpole R.N., Philip Mouskes and the Pseudo-Turpin Chronicle // University of California Publications in Modern Philology, 1947.
- Walpole R.N., The Old French «Johannes» Translation of the Pseudo Turpin Chronicle, California, 1976.
- Warner M., Joan of Arc, London, 1981.
- Werner K.F., Untersuchungen zur Fruhzeit des Franzosischen Furstentums // Die Welt als Geschichte, t. XVIII, XIX, XX.
- White Lynn Jr., Medieval Technology and Social Change, Oxford, 1962.
- Whiting B.J., The Vows of the heron // Speculum, t. 20, 1945.
- Willard C.C., The concept of true nobility at the Burgundian Court // Studies in the Renaissance, t. XIV, 1967-68.
- Wisman J.A., L'«Epitoma Rei Militaris» de Vegece et sa fortune au Moyen Age // MA, t. 85, 1979.
- Wolff P., La noblesse Toulousaine: essai sur son histoire medievale // P.Contamine (ed.), La noblesse au Moyen Age.
- Wormald C.P., Bede, Beowulf and the conversion of the Anglo-Saxon aristocracy // British Archaeological Reports, t. 46, 1978.
- Wright N.A.R., The «Tree of Battles» of Honore Bouvet and the laws of war // C.T.Allmand (ed.), War, Literature and Politics in the late Middle Ages.
- Wylie J. and Waugh W.T., The Reign of henry V, Cambridge, 1914-29.
- Wyss R.L., Die Neun Helden // Zeitschrift fur Schweizerische Archaologie und Kunstgeschichte, t. 17, 1957.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слова благодарности.....	5
<i>Глава I.</i> Введение: понятие рыцарства	7
<i>Глава II.</i> Светские корни рыцарства.	37
<i>Глава III.</i> Рыцарство, церковь и крестовые походы	83
<i>Глава IV.</i> Обряд посвящения в рыцари.....	119
<i>Глава V.</i> Расцвет турниров.....	151
<i>Глава VI.</i> Историческая мифология рыцарства	184
<i>Глава VII.</i> Геральдика и герольды.....	226
<i>Глава VIII.</i> Понятие знатности.....	257
<i>Глава IX.</i> Гербы, знатность и честь.....	292
<i>Глава X.</i> Светские рыцарские ордена	321

Глава XI. Пышные процессии, турниры

Глава XII. Рыцарство и война 389

Глава XIII. Заключение..... 423

Список сокращений. 451

Примечания..... 452

Библиография..... 498

Научное издание

Морис Кин

РЫЦАРСТВО

«Научный мир»

119890, Москва, Знаменка, 11/11

Тел./факс (007) (095) 291-2847.

E-mail: naumir@ben.irex.ru. Internet: http://195.178.196.201/N_M/n_m.htm

ЖР № 030671 от 09.12.95 г.

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.3619.6.99 от 29.06.1999 г.

Подписано в печать 24.11.2000. Формат 60x88 1/16

Печать офсетная. Гарнитура Академия. Бумага офсетная № 1

Печ. л. 32,5. Тираж 2000 экз. Заказ 7302

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86

